

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Slaw 3035, 1, 42

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

ПРОТОПОПЪ АВВАКУМЪ

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА
ВЪ XVII ВѢКѢ

А. К. БОРОЗДИНА

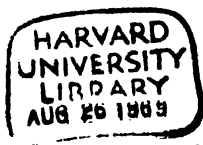
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1900

Slav 3035.1.42

✓

Keller

ографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 18

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая вновь свой очеркъ, посвященный пророку Аввакуму, я воспользовался нѣкоторыми указаніями, сдѣланными мнѣ какъ на диспутѣ 17 мая 1898 г., такъ и въ рецензіяхъ, напечатанныхъ въ различныхъ журналахъ. Особенно для меня важнѣе былъ отзывъ П. С. Смирнова («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1899 г., № 1), хотя далеко не во всемъ я могу согласиться съ моимъ почтеннымъ критикомъ. Такъ, его опроверженіе моего тезиса о безпоповствѣ Аввакума не представляется мнѣ убѣдительнымъ: если съ догматической точки зрѣнія (а ея-то и держится г. Смирновъ) Аввакумъ не можетъ считаться безпоповцемъ, то практически онъ несомнѣнно подготовилъ почву для безпоповщины, или, какъ я выразился въ опровергаемомъ тезисѣ, «разработалъ ея основы». Систематическое указаніе всякихъ отдѣльныхъ случаевъ, въ которыхъ можно обходиться безъ священника, есть, конечно, первая ступень къ безпоповщинѣ, хотя бы такое указаніе и дѣлалось на основаніи общецерковной практики. Догмъ предшествуетъ фактъ: безпоповщина развилась сперва на практикѣ, а затѣмъ уже получила догматическія основанія. Первой ступенью всетаки остаются упомянутыя указанія церковныхъ правилъ, дающихъ возможность обходиться безъ священника. Не соглашаясь кромѣ этого и съ нѣкоторыми другими возраженіями г. Смирнова (съ какими именно, я отмѣчаю въ соответственныхъ мѣстахъ книги), я принимаю отдѣльныя исправленія дать, имъ указанныя, устраняю изложеніе ученія о духовномъ антихристовомъ приходѣ (оно, какъ обстоятельно разъяснилъ

мой уважаемый оппонентъ, относится къ иному времени, чѣмъ я ранѣе полагалъ), исключая изъ «Приложеній» — «Словотвореніе инока Θεоктиста», изданное по лучшимъ спискамъ и съ комментаріями въ книгѣ г. Смирнова «Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ», и, наконецъ, я исправляю и тѣ корректурные недосмотры («теща» вмѣсто «жены», 15 вмѣсто 25, «Евфросинъ» вмѣсто «Сергія»), на которые обратилъ вниманіе мой критикъ. Какъ ни цѣнны были замѣчанія, сдѣланныя мнѣ въ рецензіи А. П. («Вѣстн. Европы» 1898 г. іюнь) и на диспутѣ моемъ проф. И. Н. Ждановымъ, я не могъ ими воспользоваться: первыми, такъ какъ они требовали перестройки всей моей работы, не мѣняя ея по существу, а вторыми, такъ какъ, затрагивая весьма любопытный вопросъ о западно-русскихъ источникахъ раскольниковскихъ мнѣній, они не имѣли непосредственнаго отношенія къ моей задачѣ: мнѣ приходилось бы указывать не только источники, которыми пользовался Аввакумъ, но и источники самыхъ источниковъ.

Во второмъ отдѣлѣ своей книги я вновь помѣщаю раскольническую «Повѣсть о житіи патріарха Никона», заключающую въ себѣ нѣкоторыя любопытныя подробности фактическаго характера и ярко рисующую отношеніе къ Никону раскольниковъ.

Наконецъ, считаю необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя добавленія къ перечню пособій, приведенному къ предисловію къ первому изданію этой книги;

1) Статья покойнаго Вл. П. Карпова «О сочиненіяхъ юрьевскаго протопопа Аввакума Петрова», напечатанная въ «Библиографѣ» 1884 г. № 1. Такъ какъ «Библиографъ» за этотъ годъ не поступалъ въ продажу, то мнѣ статья Карпова не была извѣстна, хотя она и появилась задолго до моей книги. Въ статьѣ заключаются нѣкоторыя соображенія о хронологіи Аввакумовскихъ сочиненій, но не со всѣми этими соображеніями можно согласиться, какъ я разъясняю далѣе въ своей книгѣ. За указаніе статьи Карпова приношу благодарность проф. А. И. Соболевскому.

2) Въ 1898 г. вышло сочиненіе П. С. Смирнова: «Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ».

Въ этомъ изслѣдованіи повторяется многое, что высказывалось г. Смирновымъ въ его статьяхъ въ «Христіанскомъ Читеніи» но есть нѣкоторыя существенныя дополненія. Книга эта вообще

представляется цѣннымъ пріобрѣтеніемъ науки какъ по множеству разсмотрѣнныхъ въ ней вопросовъ, такъ и по тѣмъ памятникамъ, которые въ ней разобраны и частью изданы. Однако важнымъ недостаткомъ книги слѣдуетъ признать ея полемическій характеръ.

3) Въ «Русск. Филолог. Вѣстникѣ» 1898 г. помѣщена статья г. В. Иванова «Объ употребленіи члена въ сочиненіяхъ протопопа Аввакума» разъясняющая отношеніе между живой рѣчью Аввакума и его стремленіемъ иногда выражаться книжнымъ языкомъ.

4) Въ книгѣ г. П. Мизинова «Исторія и поэзія». М. 1900 г. есть статья «Двѣ женскія доли», заключающая въ себѣ между прочимъ характеристику Аввакума и его жены; однако эта характеристика слишкомъ обща и страдаетъ нѣкоторыми недочетами въ фактическомъ отношеніи.

А. Бороздинъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ исторіи раскола за первое время его существованія самое видное мѣсто, центральное положеніе занимаетъ протопопъ Юрьевца Поволжскаго, Аввакумъ Петровичъ. Онъ выдается изъ среды всѣхъ расколочителей не только «огнепальною ревностью», которая привела его къ цѣлому ряду страданій и къ смерти на кострѣ, но и крайне оригинальнымъ складомъ своего ума, могучимъ даромъ проповѣдника, слово котораго вполне доступно пониманію его паствы. Эта послѣдняя сторона его дѣятельности представляетъ не малый интересъ не только для исторіи раскола, но и для исторіи вообще умственнаго движенія русскаго общества въ XVII вѣкѣ, въ ту переходную эпоху, когда подготовлялось преобразование Петра Великаго и когда происходило множество всякихъ столкновеній на культурной почвѣ. Поэтому изученіе литературной дѣятельности Аввакума не можетъ никоимъ образомъ быть ограничено рамками исключительно филологическаго изслѣдованія текста его сочиненій, указаніемъ формальныхъ, такъ сказать, источниковъ его взглядовъ и пріемовъ; оно должно быть поставлено въ связь съ тѣми культурными движеніями, которыя вызвали протестъ защитниковъ старины и обусловили выступленіе Аввакума въ качествѣ литературно-общественнаго бойца. Этимъ соображеніемъ и опредѣлились размѣры той задачи, которую я поставилъ въ своемъ изслѣдованіи: моей цѣлью было дать литературную біографію богатыря-протопопа, какъ называетъ Аввакума С. М. Соловьевъ. Въ такой біографіи мнѣ представлялось прежде всего необходимымъ указать связи, соеди-

няющія Аввакума съ общимъ движеніемъ по поводу исправленія богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, вслѣдствіе чего мнѣ нужно было остановиться на всякаго рода столкновеніяхъ, возникавшихъ въ русской жизни, благодаря усилению западныхъ новшествъ; затѣмъ при разсмотрѣніи литературныхъ произведеній Аввакума я старался, насколько это возможно, приурочить ихъ къ обстоятельствамъ его жизни, которыми многое въ нихъ объясняется, и отмѣтить тѣ ихъ стороны, которыя представляются наиболѣе оригинальными и которыми, вѣроятно, обусловливается сила Аввакума, какъ расколуучителя; при этомъ я обращалъ вниманіе и на источники, которыми онъ могъ пользоваться для своихъ писаній, потому что эти источники опредѣляютъ намъ характеръ и степень его образованія; однако вдаваться въ детальныя изслѣдованія въ этомъ направленіи я счелъ излишнимъ, такъ какъ убѣдился, что въ способѣ пользования источниками Аввакумъ обнаруживаетъ большую самостоятельность, постоянно приноравливая книгу къ пониманію своихъ послѣдователей. Замѣчанія относительно стиля Аввакума я не напелъ нужнымъ выдѣлять въ особую главу, чтобы не нарушать цѣльности своей работы.

Въ настоящемъ предисловіи укажу тѣ источники и пособія, которыми я пользовался въ своемъ изслѣдованіи.

Изъ источниковъ, конечно, на первомъ планѣ должно стоять образцовое изданіе проф. Московской духовной академіи, Н. И. Субботина «Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія»; въ девяти томахъ этого изданія сгруппировано множество цѣннѣйшихъ данныхъ для первоначальной исторіи раскола; сочиненіямъ Аввакума отведенъ цѣликомъ V томъ, кромѣ того ихъ напечатано много въ VIII томѣ, а письмо Аввакума къ Неронову послѣ его перваго ареста помѣщено въ I томѣ.

Кромѣ того сочиненія Аввакума издавались и раньше:

1) «Житіе» издано было проф. Н. С. Тихонравовымъ въ «Лѣтописяхъ рус. лит.» III, отд. 2, стр. 117 — 173, и отдѣльно, но не совсѣмъ исправно и по худшему списку, чѣмъ г. Субботинымъ ¹⁾.

2) «Записка о страданіи своемъ и своихъ союзниковъ»—въ «Лѣтоп. рус. лит.», т. V, отд. III, стр. 111—117.

¹⁾ «Житіе» издано по неизвѣстнымъ спискамъ, не особенно исправнымъ, въ журналѣ «Истина», 1880 г. № 69 и 71.

3) Челобитная первая царю Алексѣю Михайловичу—въ «Русскомъ Архивѣ» 1864 г.

4) Тамъ же изданы Мельниковымъ пять посланій Аввакума къ боярынь Морозовой, и лучшее ихъ изданіе было сдѣлано Тихонравовымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», т. LXI, стр. 36—44 (перепечатаны во II т. «Сочиненій» Тихонравова).

Послѣ г. Субботина я издалъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1888—1889 гг. нѣкоторыя сочиненія Аввакума, извлеченныя изъ рукописей Имп. Публичной Библиотеки ²⁾ (№ О. XVII, 37), Казанской духовной академіи, Черниговской духовной семинаріи и В. Г. Дружинина. Эти же матеріалы, съ исправленіемъ нѣкоторыхъ существенныхъ погрѣшностей, допущенныхъ мною въ прежнемъ изданіи и указанныхъ г. Левитскимъ («Христ. Чт.» № 11—12 за 1890 г.), я перепечатаваю въ «Приложеніяхъ» къ настоящему изслѣдованію; «Житіе» же Аввакума по Казанскому списку я помѣщаю теперь цѣликомъ, а не въ отрывкахъ, какъ это было въ «Христ. Чтеніи». Къ этимъ матеріаламъ я присоединяю еще нѣкоторыя сочиненія Аввакума, извлеченныя изъ сборника Имп. Публ. Библ. (Богдановскаго собранія, описаннаго И. А. Бычковымъ въ «Отчетѣ» за 1890 г.) № О. I. 339, Погодинской рукописи № 1579 (А. Ф. Бычковъ. Опис. рукоп. сборниковъ Имп. Публ. Библ.), рукописей Черниговской духовной семинаріи, № 134, 135 и 136 (подъ этими №№ рукописи эти описаны г. Лилеевымъ), рукописнаго сборника библиотеки В. Г. Дружинина, № 53 Q. № 30, Румянцевскаго Музея, № 592 (см. Опис. рукописей Пискарева). Здѣсь же я перепечатаваю челобитную Симеона, арх. Сибирскаго и Tobольскаго, изъ столбцовъ Сибирскаго Приказа въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Кромѣ того въ «Приложеніяхъ» я помѣщаю письма братьевъ Плещеевыхъ къ Ивану Неронову и «Словотвореніе» инока Феоктиста ³⁾. Издавая эти сочиненія, я считалъ нужнымъ сохранять орфографію только Аввакумовскихъ.

Изъ статей и изслѣдованій, посвященныхъ Аввакуму, упомяну слѣдующія:

²⁾ Описана въ «Отчетѣ» за 1884 г.

³⁾ Считаю нужнымъ исправить здѣсь ошибку относительно списковъ этого посланія, въ IV главѣ моего сочиненія: П. С. Смирновъ въ «Хр. Чтеніи», 1897 г., № 6, указалъ еще нѣсколько списковъ, которыми я не пользовался, такъ какъ для моей цѣли было достаточно имѣвшихся двухъ.

1) Въ «Москвитянинѣ» 1849 года помѣщена замѣтка прот. Сулоцкаго «Протопопъ Аввакумъ въ Сибири». Въ ней сообщается интересное свидѣніе, будто «въ Красноярскѣ лѣтъ десять тому назадъ (т. е. въ 1839 г.) жилъ раскольникъ, который выдавалъ себя за прямого потомка Аввакума».

2) Въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1858 г. въ кн. II помѣщена статья «Аввакумъ, его мнѣнія и секта Аввакумовщина». Статья очень слабая.

3) Въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» 1861 г. помѣщена статья П. И. Мельникова «Аввакумъ»; по извѣстію о казни Аввакума она является почти первоисточникомъ, такъ какъ въ извѣстныхъ источникахъ нѣтъ тѣхъ подробностей, которыя сообщены Мельниковымъ; перечень сочиненій Аввакума въ этой статьѣ неполонъ и неточенъ, на что указано Н. И. Субботинымъ въ предисловіи къ V тому «Матеріаловъ».

4) Въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1869 г., ч. 2, напечатана публичная лекція Н. И. Ивановскаго, — эта статья полнѣе предыдущихъ, составлена по рукописнымъ источникамъ, но и въ ней не мало промаховъ, а кромѣ того ея характеръ преимущественно полемическій.

5) Въ «Братскомъ Словѣ» 1875 г., кн. IV, есть большая статья подъ заглавіемъ: «Протопопъ Аввакумъ, какъ вѣроучитель и законодатель раскола». Авторъ этого сочиненія пользовался почти всѣми источниками, вошедшими впоследствии въ V т. «Матеріаловъ для исторіи раскола», очень добросовѣстно свелъ главные пункты раскольническаго ученія Аввакума; къ сожалѣнію, объективность изложенія нарушается полемическою цѣлью статьи.

6) Въ журналѣ «Странникъ» 1883 г., кн. 3, 4, 8, 9 и 10, печаталась обширная статья г. Жежеленко «Протопопъ Аввакумъ и его дѣятельность». Статья составлена на основаніи вышедшихъ до того времени 6 томовъ «Матеріаловъ» и является первой обстоятельной біографіей Аввакума; разборъ сочиненій Аввакума слабѣе, такъ какъ видны полемическія стремленія автора.

7) Въ I т. «Критико-біографическаго словаря» (стр. 24—38) С. А. Венгерова напечатана очень обстоятельная біографія Аввакума съ общей характеристикой его сочиненій: весьма полезны бібліографическія указанія.

8) Въ 1893 году вышла біографія Аввакума (въ «Біографической бібліотекѣ» г. Павленкова), написанная В. А. Мякотинымъ. Авторъ пользовался всѣми «Матеріалами» г. Субботина и нѣкоторыми изъ изданныхъ мною источниковъ. Въ общемъ трудъ очень цѣнный, какъ біографія,—обзору же сочиненій Аввакума отведено слишкомъ мало мѣста; есть нѣкоторыя ошибки, которыя мы отмѣчаемъ дальше.

9) Въ томъ же году въ «Русскомъ Вѣстникѣ» была напечатана статья проф. Яроша «Протопопъ Аввакумъ», представляющая собой характеристику Аввакума, на основаніи книги г. Мякотина. Повторяется и ошибка источника, что Аввакумъ былъ справщикомъ. Въ 1898 г. эта статья вошла въ изданную г. Ярошемъ книгу «Характеры былого времени».

10) Весьма большое значеніе для изученія дѣятельности Аввакума имѣютъ статьи П. С. Смирнова: «Происхожденіе самоистребленія въ русскомъ расколѣ» («Хр. Чт.» 1895 г. III — IV, и отдѣльно), «Взглядъ раскола на переживаемое время въ XVII вѣкѣ» («Хр. Чт.» 1897, кн. 1, 2, 3 и 6) и «Споры въ расколѣ по догматическимъ вопросамъ въ XVII вѣкѣ» (Ibid. кн. 7). Всѣ работы г. Смирнова являются, какъ и его «Исторія раскола», образцомъ точности изслѣдованій, хотя не со всѣми выводами ихъ можно согласиться.

11) Въ «Русскомъ біографическомъ словарѣ» помѣщена довольно слабая статья г. С. Т.

12 и 13) Компильтивнымъ характеромъ отличаются статьи въ «Калужскихъ Епарх. Вѣд.» 1882 («Протопопъ Аввакумъ въ Боровскомъ Пафнутіевомъ монастырѣ») и «Тобольскихъ Епарх. Вѣд.» 1885 (Сырцовъ. «Протопопъ Аввакумъ въ Сибири»).

Кромѣ этихъ специальныхъ статей и книгъ, Аввакумъ упоминается въ трудахъ общаго характера: «Ист. Россіи» С. М. Соловьева, въ т. XII «Ист. рус. церкви» митр. Макарія, въ изслѣдованіи г. Каптерева «Патріархъ Никонъ и его противники», въ книгѣ гр. Гейдена «Изъ исторіи возникновенія раскола при патріархѣ Никонѣ», въ книгахъ С. В. Максимова («Сибирь и капторга»), В. Андреева («Расколъ и его значеніе»), во II т. «Ист. рус. литературы» А. Н. Пыпина.

Въ дополненіе къ сказанному объ источникахъ даю описаніе рукописей Казанской духовной академіи, которыми я пользовался

(остальные, какъ я указалъ, описаны у А. Н. Попова, А. Θ. Бычкова, И. А. Бычкова, г. Лилеева и др.).

Каз. дух. академіи № 1679 (109), 4^о, поморскаго письма.

Л. 1. Предисловіе.

Л. 2. Поученіе прп. отца нашего Аввы Дорофея о любви.

Л. 3 об. Рисунокъ: въ центрѣ золотой кругъ, въ которомъ киноварью написано слово: «Богъ»; въ большомъ, концентрическомъ съ первымъ, зеленомъ кругѣ изображены пять человѣкъ: у каждаго въ правой рукѣ восьмиконечный крестъ, въ лѣвой книга; одѣты въ стихари разныхъ цвѣтовъ съ ораями; двое изъ нихъ молодые, трое старые съ длинными бородами; у головъ золотые вѣнчики съ надписью «святыи». Въ этого послѣдняго круга въ верхнемъ правомъ углу «Паисій патріархъ», въ лѣвомъ «Макарій патріархъ»; внизу въ серединѣ «Никонъ патріархъ», направо отъ него «Іоакимъ патріархъ», налѣво «Илларионъ Рязанскій». Одѣты въ стихари съ ораями, въ рукахъ посохи архіерейскіе.

Л. 4. Житіе протопopa Аввакума.

Л. 88. О сложеніи перстѣ.

Л. 93. Заключеніе житія Аввакума.

Л. 94. Житіе старца Епифанія.

Л. 107 об. Списание и собраніе о Божествѣ (безъ заглавія).

Л. 130. Изображеніе восьмиконечнаго креста съ тростию и копіемъ, внизу подпись: Копіе со крестомъ, гвоздѣ і иная: нъ нихъ же живоносное Христово распятя тѣло. Приидѣте поклонимся распятому насъ ради.

Л. 130 об. Продолженіе житія Епифанія до л. 160. Напечатано мною вмѣстѣ съ началомъ въ «Хр. Чт.» 1889 г. I, стр. 210—240.

Каз. дух. акад. № 1989, рукоп. Григорія, еп. Калужскаго, 4^о, современнаго письма, 107 л.

Л. 1. Списокъ съ письма страдальца священно-протопопа Аввакума. О исповѣданіи православныя вѣры вкратцѣ. Глава 1-я.

Начало: Неключимый рабъ Пресвятыя и животворящія и нераздѣльныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, единаго истиннаго Бога, юзникъ по вѣрѣ и церкви Христовѣ и поборникъ благочестивыхъ отеческихъ догматовъ, протопопъ Аввакумъ возлюбленнымъ святымъ братіямъ, Сіонскимъ чадамъ всѣмъ православнымъ христіаномъ Афетороссійскаго рода радоватися и умудрятися, вкупѣ же и здравствовать и т. д.

Л. 4. О измѣненіи благолѣпоты церковныя и о развращеніи книгъ. Глава 2. *Нач.* Господь попустивше за наше согрѣшеніе, злый пастырь, во овчей кожи былъ волкъ, Никонъ патреархъ въ лѣто отъ созданія мира 7161 (1653), сын еретикъ измѣни святыи чинъ и т. д. Насчитывается 20 измѣненій.

Л. 8 об. О обличеніи отступленія и казни и о лютомъ гоненіи и мученіи. Глава 3. *Перечень пострадавшихъ на л. 10—11 об.:* На пребывающихъ въ законѣхъ отеческихъ подвижше гоненіе веле и раззореніе, многія убо святыя мѣста и обители ученицы Никоновы раззориша и непокоряющихся ложному и неправому ученію многихъ злою смертію замориша, а иныхъ въ дальныя ссылки заточиша и въ темницахъ замориша, а иныхъ многое множество огню и мукамъ предаша, пресвященнаго епископа Павла, священнопротопопа Даниила и священнопротопопа Логгина нужной без вести смерти предаша. Священномученика Гавриила огнемъ сожгли, священномученика Михаила безвести казниша, Полевкта и съ нимъ 14 человекъ сожгли, старца Авраамія и Исаію Салтыкова сихъ на Колмогорахъ, Іоанна юрודиваго сожгли въ Боровскѣ, Евдокима и Петра безвести казнили, инока Варлаама, инока Пахомія, инока Филиппа, инока Елифанія, инока Іосафа сожгли въ Новѣградѣ; таможь бѣльцовъ 9, Сидора, Луку, Карпа, Логгина, Гавриила, Василия, Ананію, Александра, Дмитрія, Іоанна, Лаврентія и иныхъ многихъ огнемъ пожгли, тамъ же Григорія, Іосифа, Епимаха, Евфимія, Андрея главы отсѣкли, Родіонъ и Трифилій и Сампсонъ много мукъ страдаша, злѣ умроша. Въ Владимірѣ сожгли 6 человекъ, въ Казани 30 человекъ, а по Волгѣ и безчисленное многое множество прижгли и муками замучили и въ темницахъ голодомъ заморили, и прочимъ отъ нихъ горе, охъ и увы! сотворяется и до днесь».

Л. 12. Наказаніе о терпѣннѣи напастей и скорбей и утѣшеніи вѣчномъ. Глава 4. *Нач.* Глаголетъ святыи Іоаннъ Богословъ во откровеніи своемъ: адъ есть терпѣніе и т. д.

Л. 15 об. Поученіе о терпѣннѣи, яко подобаетъ съ радостію тѣшиться на вѣчный покой и проч. Глава 5. *Нач.* Молю убо възъ, юзникъ о Господѣ, всѣхъ православныхъ христіанъ страждущихъ за имя Божіе...

Л. 21. О измѣненіи благолѣпоты церковныя и о грабленіи престола и о снятіи святаго антиминосца и проч. Глава 6. *Нач.*

Нѣсть радоватися чадомъ, когда видятъ отца своего любимого страждуща и мать свою болѣзненну...

Л. 26 об. О истиннемъ и животворящемъ крестѣ и главѣ его свидѣтельство отъ святыхъ писаній, обличеніе противныхъ. Глава 7. *Нач.* Великій святой апостолъ Павелъ, сосудъ избранный Христовъ, къ Галатамъ пишетъ: мнѣ же да не будетъ хвалитися...

Л. 31. Обличеніе о новыхъ служебникахъ и новой паствѣ и просвирахъ и свидѣтельство прежнихъ святыхъ книгъ. Глава 8. *Нач.* Тайну цареву добро есть хранити...

Л. 34 об. О истинной жертвѣ и непорочнемъ агнцѣ свидѣтельство и преобразование отъ ветхаго закона. Глава 9. *Нач.* Ведати достоитъ всякому православному христіанину, яко ветхая жертва безсловесныхъ тѣнь есть...

Л. 39. О изслѣдованіи крестнаго знаменія и о треперстномъ сложеніи и проч. Глава 10. *Нач.* Господь нашъ Ісусъ Христосъ о послѣдней прелести часто воспоминаая и соблюдая и утверждая правовѣрныхъ учитъ глаголя...

Л. 43. О истинномъ крестномъ знаменіи и сложеніи персть свидѣтельство. Глава 11. *Нач.* Вѣрну убо сущу христіанину...

Л. 50 об. Обличеніе, еже Сына Божія оставили въ молитвѣ свидѣтельство святаго писанія. Глава 12. *Нач.* Глаголетъ святой Іоаннъ Богословъ въ посланіи своемъ первомъ: возлюбленіи, не всякому духу вѣруйте...

Л. 53. О трисвятей аллилуія свидѣтельство и проч. Глава 13. *Нач.* Никонъ со единомысленники мятется и ангельскую трисвятую пѣснь отверже...

Л. 55. Обличеніе на отступниковъ правыя вѣры, еже въ Символѣ Духа Святаго истиннаго истребили, и достовѣрное свидѣтельство святыхъ книгъ. Глава 14. *Нач.* Богу попустившу, а врагу дѣйствующу...

Л. 57 об. Обличеніе новыхъ Требниковъ о превращеніи церковныхъ догматовъ и проч. Глава 15. *Нач.* Но и о семъ должно есть возрыдати, яко той зломудренный окоянный Никонъ...

Л. 60. О измѣненіи и превращеніи во всѣхъ службахъ церковныхъ преданія святыхъ отецъ и свидѣтельство о правои нашей вѣрѣ. Глава 16. *Нач.* Не только злой зломудренный Никонъ со единомысленники своими преданіе апостольское и святыхъ отецъ нарушили...

Л. 64. О посохѣ со змѣиными главами, егоже святители въ рукахъ своихъ носятъ, обличеніе. Глава 17. *Нач.* Понеже зломудренный Никонъ завелъ въ нашей Руссиіи...

Л. 67 об. Обличеніе о измѣненіи иноческаго чина, одежды и клобука и свидѣтельство во Исторіи о бѣломъ клобучѣ. Глава 18. *Нач.* Той же зломудренный Никонъ...

Л. 68 об. Обличеніе о лжеучителяхъ и прелестникахъ и отступленіи вѣры и примѣненіи книгъ. Свидѣтельство отъ святыхъ писаній, яко не подобаетъ инако мудрствовать, ни учить, ни приложити. Глава 19. *Нач.* Господь нашъ Ісусъ Христосъ, истинный пастырь и учитель...

Л. 76. Обличеніе на отступники святыхъ православныхъ вѣры и на прелюбодѣи клятвы святыхъ отецъ, сообразно отъ святыхъ книгъ. Глава 20. *Нач.* Церкви отступити Бога есть отступити.

Л. 84. Посланіе Андрея Плещеева къ протопопу Аввакуму.

Л. 90. Отвѣтъ Аввакума Андрею Плещееву.

Л. 99. Бесѣда благочестіемъ сіяюща отца протопопа Аввакума о томъ, что истинный двуперстный крестъ Христовъ спасаетъ христіанъ и очиститъ отъ всѣхъ грѣховъ. *Нач.* Азъ протопопъ Аввакумъ, рабъ и посланникъ Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа, даю заповѣдь вамъ, христіанамъ, возлюбленная моя братія, о томъ, какъ подъ конецъ міра, когда явится антихристъ, распознавати люди Христовы отъ антихристовыхъ. Люди Христовы имутъ терпѣти гоненіе за то, что они будутъ воображать на себѣ крестное знаменіе двумя персты и т. д.

Л. 104. О видѣніи Елиазара Анзерскаго.

То же № 1743 (листовъ 96). Кромѣ того отдѣльная тетрадь въ 16 листовъ: Отвѣтъ краткій на подметное письмо о рожденіи сими времени антихриста (Іовъ Новгород. ? Слов. Евгенія, I, 302).

Списки новѣйшіе и заключаютъ въ себѣ сплошь передѣлку Аввакумовыхъ сочиненій, произведенную въ XVIII столѣтіи.

Ркп. Казанской дух. акад., поступившая въ 1836 г. изъ бібліотеки Аонасія, еп. Астраханскаго.

№ 2471 (84) въ листъ, современнаго письма гражданскаго, на 96 листахъ. Состоитъ изъ безпорядочнаго набора отрывковъ сочиненій Аввакума.

Заканчивая свою работу, приношу благодарность тѣмъ лицамъ, помощью которыхъ мнѣ приходилось пользоваться: пре-

освященному Антонію, ректору Казанской духовной академіи, епископу Чебоксарскому, И. А. Бычкову, В. Г. Дружинину, Н. И. Ивановскому, В. И. Ламанскому, Л. Н. Майкову и студенту П. Е. Щеголеву, составившему указатель. Особенно же я считаю себя обязаннымъ той нравственной поддержкѣ, которую я встрѣчалъ съ самаго начала моей надолго затянувшейся работы со стороны моихъ лучшихъ друзей, покойнаго моего учителя О. Э. Миллера и покойнаго моего отца. Памяти этихъ двухъ дорогихъ для меня людей я посвящаю настоящую книгу.

А. Бороздинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
ПРЕДИСЛОВІЕ	
ГЛАВА I. Дѣтство Аввакума. — Служба въ Лопатицахъ. — Связи съ кружкомъ Стефана Вонифатьева. — Вопросъ о единогласіи. — Назначеніе Аввакума въ Юрьевецъ и переселеніе въ Москву	1
ГЛАВА II. Составъ кружка Стефана Вонифатьева. — Стефанъ Вонифатьевъ, Іоаннъ Нероновъ, Аввакумъ и др. — Характеръ дѣятельности кружка. — Отношеніе къ малороссамъ и грекамъ. — Оед. Мих. Ртищевъ, Никонъ и ихъ отношеніе къ кружку Вонифатьева. — Новшества съ Запада. — Значеніе патріаршества Іосифа — Смерть Іосифа и вопросъ объ избраніи новаго патріарха. — Первые мѣры Никона и протестъ противъ нихъ. — Ссылка Неронова, Логгина, Даниіла и Аввакума	14
ГЛАВА III. Жизнь Аввакума въ Тобольскѣ и въ Дауріи. — Экспедиція Аванасія Пашкова	62
ГЛАВА IV. Проявленія противодѣйствія Никоновой реформы во время отсутствія Аввакума. — Волненія по случаю моровой язвы. — Агитація Неронова. — Плещеевы. — Спиридонъ Потемкинъ и его сочиненія. — Легенды о Никонѣ. — Ефремъ Потемкинъ. — Соловецкія смуты. — Уходъ Никона. — Никита Пустосвятъ. — Интриги бояръ. — Возвращеніе Аввакума. — Челобитная царю. — Пропаганда. — Вліяніе на женщинъ. — Посланіе Плещеева и отвѣтъ Аввакума. — Ссылка на Мезень. — Вторая и третья челобитныя Аввакума. — Соборъ 1666 — 1667 гг. — Оужденіе и ссылка Аввакума и его сообщниковъ	82
ГЛАВА V. Первое время Пустозерской жизни. — Отвѣты діакона Ѳедора и Аввакума на вопросы нѣкоего Іоанна. — Посланія Аввакума къ инокинямъ Меланіи, священнику Стефану и другимъ лицамъ. — Посланіе Аввакума къ царю Алексѣю Михайловичу. — Казни въ Пустозерскѣ и на Мезени. — Письмо Аввакума на Мезень къ женѣ и дѣтямъ	140

ГЛАВА VI. Столкновеніе Аввакума съ діакономъ Федоромъ по догматическимъ вопросамъ.—Сочиненія Аввакума истолковательнаго характера.—Посланія Аввакума къ боярынь Морозовой, Маремьянѣ Федоровнѣ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ 166

ГЛАВА VII. «Житіе» протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное.—Посланія къ Симеону, Борису, Исидору и др.—Смерть Аввакума и его соузниковъ 295

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

№ 1. Списокъ съ отписокъ дѣтей духовныхъ отца Іоанна, Савина, Григорія, Андрея, Герасима Пещеревыхъ, иже писаша ътъ жалости ко отцу Іоанну въ Каменскій монастырь, слово въ слово	3
№ 2. Отвѣтъ Аввакума Андрею Пещереву	6
№ 3. Аввакума отца разсужденіе	11
№ 4. Того жъ посланіе ко иному	13
№ 5. Посланіе къ какимъ-то черницамъ, безыменное	16
№ 6. Посланіе къ неизвѣстнымъ	17
№ 7. Посланіе къ неизвѣстной	18
№ 8. Посланіе къ неизвѣстному	—
№ 9. Посланіе къ нѣкоему Аванасію	19
№ 10. Посланіе къ нѣкоему Іонѣ	—
№ 11. Посланіе къ нѣкоему Сергію	28
№ 12. Отрывокъ посланія къ неизвѣстному	31
№ 13. Посланіе къ неизвѣстнымъ	32
№ 14. Посланіе къ вѣрнымъ объ антихристѣ	34
№ 15. О сложеніи персть	38
№ 16. Толкованіе псалма 83	40
№ 17. Тоя же Премудрости Соломони чтеніе (гл. V)	43
№ 18. Тоя же Премудрости Соломони чтеніе	47
№ 19. Отъ пророчества Ісаіи глава 35	49
№ 20. Того же пророка Ісаіи глава 55	53
№ 21. Того же пророка Ісаіи глава 12	58
№ 22. О сложеніи персть	61
№ 23. Посланіе многостраднаго о Христѣ и ревнителя древле-православныя вѣры Христовы Аввакума протопопа, яже писаше ко всѣмъ правовѣрнымъ христіаномъ, иже на лица всея земли	65
№ 24. Умствованіе расколническое отъ писемъ Аввакумовыхъ	70
№ 25. Житіе протопопа Аввакума	71
№ 26. Челобитная Симеона, архіепископа свбирскаго и тобольскаго царю Алексѣю Михайловичу о злоупотребленіяхъ даурскаго воеводы Аванасія Филипповича Пашкова. 1658 года	116
№ 27. Черновой отпускъ царской грамоты архіепископу Симеону 11 февраля 1658 года	118
№ 28. Статьи ложныхъ писемъ Аввакума	119

	СТРАН.
№ 29. Отрывокъ, пропущенный въ первомъ посланіи къ Симеону .	123
№ 30. Слово святаго отца Аввакума протопопа о никоніанскомъ ереси	124
№ 31. Нравоученіе	126
№ 32. Объ Аввакумѣ протопопѣ	139
№ 33. Повѣсть о житіи и рожденіи и воспитаніи и о кончинѣ Ни- кона, бывшаго патріарха Московскаго и вся Россіи, собранная отъ мно- гихъ достовѣрныхъ повѣствователей, бывшихъ во дни отецъ нашихъ . .	145

УКАЗАТЕЛЬ.

ГЛАВА I.

Дѣтство Аввакума. — Служба въ Лопатицахъ. — Связи съ кружкомъ Стефана Вонифатьева. — Вопросъ о единогласіи. — Назначеніе Аввакума въ Юрьевецъ и переселеніе въ Москву.

Аввакумъ родился въ 1620 или 1621 г.¹⁾ въ Нижегородской губерніи, Княгининскаго уѣзда, за рѣкою Кудмою, въ селѣ Григоровѣ, принадлежавшемъ извѣстному укротителю Разинскаго бунта, кн. Юрію Алексѣевичу Долгорукому, который въ послѣдствіи покровительствовалъ Аввакуму, какъ это видно изъ одного посла-

¹⁾ Годъ рожденія Аввакума опредѣляется различно: П. И. Мельниковъ полагалъ, что онъ родился между 1605 и 1610 гг. (см. Энцикл. словарь. Спб. 1861. Аввакумъ Петровичъ), а г. Жежеленко относитъ его рожденіе къ началу 20-хъ годовъ XVII столѣтія (Странникъ, 1888 г., мартъ), наконецъ, Г. Мясотинъ (стр. 29) опредѣляетъ, что Аввакумъ родился «около 1620 года». Последнее мнѣніе намъ кажется вѣрнѣе. Сынъ Аввакума, Иванъ, въ 1717 г. показывалъ на допросѣ у Стефана Яворскаго: «Отецъ де у него былъ Аввакумъ Петровъ, служилъ въ Юрьевцѣ Поволжскомъ въ соборной церкви протопопомъ, и въ прошломъ въ 159 году изъ Юрьевца съ денежною казною святѣйшаго патриарха поѣхалъ въ Москвѣ, а съ Москвы въ Юрьевецъ не бывалъ» (Есиповъ. Раскольниковы дѣла XVIII ст. т. I, стр. 119). По изслѣдованію покойнаго проф. П. О. Николаевскаго, въ приходной книгѣ патриаршаго приказа на 1652—1653 г. имѣется запись, что протопопъ входеіерусалимской церкви, Аввакумъ въ 1652 г. представилъ въ патриаршіи приказъ собранныя имъ деньги и «собралъ съ тѣхъ вѣнечныхъ знаменъ сверхъ указныхъ пошлинъ 9 руб. 22 алт. 3 деньги». Этимъ исправляется показаніе сына Аввакума, что его отецъ поѣхалъ въ Москву въ 159 (1651 г.), и подтверждается другое его же показаніе, что Аввакумъ повезъ патриаршую казну. Сопоставляя эти извѣстія со словами самого Аввакума, что онъ поставленъ въ протопопы Юрьевца 31 года (мат. V, стр. 10) и въ Юрьевцѣ былъ всего 8 недѣль (Ibid. стр. 16), мы должны признать что онъ родился въ 1620 или въ 1621 г. Такелъ образомъ мы принимаемъ исправленіе къ датѣ перваго изданія нашей книги, указанное намъ И. Н.

нія послѣдняго ²⁾). Свѣдѣнія, сообщаемыя самимъ Аввакумомъ о своемъ дѣтствѣ и о родителяхъ, крайне скудны и отличаются такими чертами, которыя свойственны вообще житійной литературѣ. Отецъ Аввакума, Петръ, священникъ въ Гридоровѣ, по словамъ Аввакума ³⁾, «прилежаше питія хмѣльнаго» и, вѣроятно, не особенно заботился о своихъ дѣтяхъ, такъ что воспитаніемъ ихъ въ страхѣ Божиѣмъ занялась жена его, Марья, женщина благочестивая, строгая исполнительница постовъ и обрядовъ, съумѣвшая передать дѣтямъ свою религіозность. Особенно въ этомъ отношеніи ей удалось воздѣйствовать на Аввакума, живого и впечатлительнаго мальчика, начавшаго подъ ея вліяніемъ предаваться размышленіямъ, не совсѣмъ свойственнымъ дѣтскому возрасту. Образцомъ такого настроенія можетъ служить слѣдующій характерный случай, о которомъ рассказываетъ Аввакумъ: увидѣвъ какъ-то у сосѣда «скотину умершу», Аввакумъ ночью всталъ и долго молился предъ образомъ, плача о своей душѣ и поминая смерть, «и съ тѣхъ мѣстъ обыкохъ по вся ноци молитися», прибавляетъ Аввакумъ. Очень трудно для насъ въ данномъ случаѣ рѣшить вопросъ, былъ ли этотъ эпизодъ въ дѣйствительности, причемъ, конечно, размышленіе о смерти должно было имѣть основаніе въ какихъ-нибудь предшествовавшихъ бесѣдахъ съ матерью и душеполезномъ чтеніи, или же тутъ въ автобіографіи мы находимъ литературное украшеніе, такъ какъ мотивъ пробужденія нравственнаго сознанія подъ вліяніемъ картинъ бѣдствія и смерти очень обыченъ въ поучительныхъ произведеніяхъ, начиная съ повѣствованія о царевичѣ Иоасафѣ, а къ ночной молитвѣ могла приучить Аввакума его мать, такъ какъ подобная молитва считалась особенно угодной и доходной Богу и выставлялась, какъ примѣръ, въ разныхъ поучительныхъ сочиненіяхъ и житіяхъ святыхъ ⁴⁾.

Ждановымъ и П. С. Смирновымъ (Ж. М. Н. Пр. 1899 г. январь, стр. 253—254). Совершенно ни на чемъ не основана дата. 1615 или 1616 г., показанная въ статьѣ г. С. Т. въ «Биографическомъ Словарѣ» Имп. Рус. Ист. Общества.

²⁾ Мат. V, стр. 9, 156—157; Москвитининъ, 1854 г. № 19. Статья Погодина: замѣчаніе о родинѣ патріарха Никона и его противниковъ.

³⁾ Мат. V, 9.

⁴⁾ См. напр. «Поученіе Владиміра Мономаха, или Правосл. Собесѣдникъ, 1858 г. августъ: «Слово Юанна Златоустаго, како востати въ ноци молитися», также А. Поповъ «Первое прибавленіе къ опис. рукоп. и скоропечат. книгъ библ. Хлудова, стр. 27—30; Ключевскій. Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 454. («Св. Николай Чудотворецъ, измлада въ ноци безъ сна пребывал, моляся Богу»).

Какъ бы то ни было, можно съ вѣроятностью предположить, что извѣстная аскетическая настроенность вкоренилась въ Аввакумѣ уже съ юныхъ лѣтъ, и въ этомъ сказалось вліяніе матери, которой онъ обязанъ былъ, должно быть, до нѣкоторой степени и своею книжностью.

Въ юности же, вѣроятно, Аввакумъ познакомился съ нѣкоторыми лицами, съ которыми ему впоследствии пришлось встрѣтиться. Въ одномъ изъ своихъ посланій Аввакумъ намекаетъ, что въ юности онъ былъ близокъ къ Иларіону, впоследствии въ качествѣ архіепископа Рязанскаго, ревностному стороннику Никоновыхъ исправленій; «Ты кто? пишеть Аввакумъ, обращаясь въ Иларіону, — Яковлевичъ, попенюк! — Недостойнъ вѣкъ твой весь Макарьевскаго монастыря единыя ноци. Помнишь-ли какъ на каморахъ-тѣхъ стаивано на молитвѣ?» Такимъ образомъ мы видимъ, что Аввакумъ посѣщалъ, а можетъ быть, и жилъ нѣкоторое время въ обители Макарія Желтоводскаго, пользовавшейся большимъ уваженіемъ среди населенія Нижегородскаго края. Съ Иларіономъ знакомство не прерывалось и послѣ, когда тотъ былъ попомъ въ Лысковѣ и игуменомъ въ томъ же Макарьево-Желтоводскомъ монастырѣ⁵⁾. У Макарія могло начаться знакомство Аввакума съ священникомъ села Кирикова, Ананіей (въ иночествѣ Антоніемъ) и съ его сыномъ, Иларіономъ, впоследствии митрополитомъ Суздальскимъ, женатымъ на Ксеніи, сестрѣ Павла, еп. Коломенскаго. Ананія имѣлъ вліяніе на Іоанна Неронова, который у него жилъ не малое время въ Лысковѣ «помощникомъ во святѣй церкви», и «извыче отъ него разумѣти, яже о Божественномъ писаніи недовѣдомая». Наконецъ, въ 15 верстахъ отъ родины Аввакума находилось село Вельдеманово, изъ котораго происходилъ патр. Никонъ⁶⁾. Весьма возможно, что при такомъ сосѣдствѣ, всѣ указанныя лица, которымъ впоследствии суждено было принять такое видное участіе въ церковныхъ

⁵⁾ Мат. V, стр. 95, 342—348. Также Москвитянинъ 1854, № 19, упом. ст. Погодина. Кромѣ этихъ немногихъ свѣдѣній, о своемъ дѣтствѣ Аввакумъ ничего не сообщаетъ; въ одномъ изъ посланій говорить только мимоходомъ: «поповичъ я голубятинъ былъ». Мат. V, 242. Ж. М. Н. Пр. 1899 г. январь, стр. 256, статья П. С. Смирнова.

⁶⁾ Упомянутая ст. Погодина. Также: Калтеревъ. Патриархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ испр. церк. обрядовъ, стр. 115. Георгіевскій: Флорищева пустынь. Ист.-арх. описаніе, стр. 8—25. Мат. т. VIII, стр. 84, т. I, стр. 256.

исправленіяхъ, уже въ это время были между собой знакомы, и этимъ, можетъ быть, и объясняется группировка ихъ впоследствіи въ Москвѣ.

Отецъ Аввакума рано умеръ, и онъ остался сиротой съ матерью и меньшими братьями, изъ которыхъ онъ упоминаетъ о Григоріи, Козьмѣ, Герасимѣ и Евѳиміи; семейству пришлось перенести много разныхъ бѣдствій, потому что ихъ изгнали какіе-то «соплеменники». Когда Аввакуму пришла пора жениться, мать прискала ему невѣсту, односельчанку Настасью Марковну, тоже бѣдную сироту, дочь сельскаго кузнеца, прежде очень богатаго человѣка, но прожившаго все свое состояніе и ничего не оставившаго послѣ своей смерти. Настасья была дѣвушка благочестивая, «безпрестанно обыкла ходити въ церковь», а потому и представлялась подходящею невѣстой для Аввакума, который «молился Пр. Богородицѣ, «да дасть ми жену помощницу ко спасенію», и сама мечтала выйти замужъ за Аввакума. Послѣ устройства этого брака, мать Аввакума скончалась, постригшись въ какомъ-то монастырѣ («въ подвизѣ велицѣ»).

Аввакумъ переселился въ село Лопатицы⁷⁾ или Лопатици и былъ рукоположенъ въ діаконы 21 года, а черезъ два года, въ 1643 или 1644 г., поставленъ въ попы. Аввакумъ относился къ своей обязанности очень добросовѣстно, у него было много духовныхъ дѣтей, нѣкоторые изъ нихъ много помогали ему, какъ напр. Лука и Лаврентій, о которыхъ онъ говоритъ, что они его и домъ его «наставили на путь спасенія⁸⁾. Аввакумъ занимался исцѣленіемъ бѣсноватыхъ и вообще лѣченіемъ разныхъ болѣзней, напр. лѣчилъ дѣтей отъ грыжной болѣзни по старинному рецепту елеемъ, и матери часто приносили къ нему своихъ дѣтей⁹⁾. Но ревность «по Бозѣ», строгія нравственныя требованія, не позволявшія ему равнодушно относиться къ общественной неправдѣ, и точное до мелочей соблюденіе церковныхъ правилъ и обрядовъ доставили ему не мало враговъ. Особенно вооружилъ онъ противъ себя какого-то «начальника», отнявшаго дочь у вдовы; за требованіе Аввакума возвратити дѣвушку ея матери, начальникъ «воздвигъ на него бурю, и у церкви пришелъ сонмомъ, до смер-

⁷⁾ Мат. т. V, стр. 95.

⁸⁾ Ibid. стр. 11.

⁹⁾ Ibid. стр. 11 и 95; о лѣченіи елеемъ см. Памят. стар. рус. литер. т. IV, стр. 216, «Слово объ исцѣленіи болѣзней муромъ».

ти его задавили». Потомъ, придя въ церковь, онъ билъ и волочилъ его за ноги по землѣ въ ризахъ. Черезъ нѣсколько времени у Аввакума произошло уже съ другимъ начальникомъ, какимъ-то Иваномъ Родіоновичемъ, новое столкновение, при чемъ поводомъ было точное исполненіе Аввакумомъ церковныхъ обрядовъ: «сердитоваль на меня за церковную службу,—ему хочется скоро, а я пою по уставу, не борзо,—такъ ему было досадно». Это столкновение было гораздо болѣе рѣзкаго характера: по словамъ Аввакума, начальникъ дважды неудачно стрѣлялъ въ него «изъ пистоли», а затѣмъ отнялъ у Аввакума дворъ, самого его «выбилъ всего ограбя, и на дорогу хлѣба не далъ». Въ это время родился сынъ Аввакума, Прокопій, котораго пришлось окрестить ужъ «на пути».

Изгнаніе это случилось не ранѣе 1646 г., такъ какъ Аввакумъ, прибывъ въ Москву, обратился за покровительствомъ къ царскому духовнику Стефану Вонифатьеву и къ протопопу Іоанну Неронову, а эти лица появляются въ Москвѣ только съ 1645—1646 гг.¹⁰⁾ Какъ человекъ, по своему времени достаточно образованный, начитанный въ божественныхъ писаніяхъ, обладающій даромъ живого изложенія, энергичный и строгій ревнитель церковныхъ обрядовъ, Аввакумъ былъ очень хорошо принятъ московскими протопопами (изъ которыхъ съ Нероновымъ, быть можетъ, знакомъ былъ и раньше), строившими, благодаря поддержкѣ благочестиваго молодого царя, обширные планы обновленія религіозно-нравственной жизни русскаго народа, и, по всей вѣроятности, посвятившими въ эти планы Аввакума. О немъ доложили царю, и съ этого времени начинается знакомство его съ царемъ. Однако другаго, лучшаго мѣста Аввакумъ не добился и посланъ былъ назадъ съ грамотою, причемъ Стефанъ Вонифатьевъ благословилъ его образомъ св. Филиппа митрополита и подарилъ ему книгу Ефрема Сирина.

Вернувшись домой, Аввакумъ нашелъ у себя все раззореннымъ и долженъ былъ вновь обзаводиться хозяйствомъ. Но недолго онъ пробылъ въ селѣ: опять у него начались разныя несогласія съ начальниками. Разъ какъ-то въ село пришли скomorохи въ маскахъ, съ домрами и бубнами и привели съ со-

¹⁰⁾ Каптеревъ. Патр. Никонъ и его противники, стр. 53. Забѣлинъ. Мат. для ист., арх., и стат. моск. церквей, стр. 169 и 1040.

бой плясовыхъ медвѣдей. Уже давно это удовольствіе, представлявшее собою остатки древняго язычества и не подходившее къ аскетическимъ взглядамъ на жизнь, вызывало противъ себя обличенія духовенства и строгія преслѣдованія власти государственной, ставившей скомороховъ наравнѣ съ волхвами, ворами и разбойниками¹¹⁾. Въ описываемое же время противъ скомороховъ, подъ вліяніемъ ревнителей, группировавшихся около Стефана Вонифатьева, принимаются мѣры особенно энергичныя. Въ концѣ 1648 г. былъ разосланъ воеводамъ царскій указъ, чтобы «православные хрестьяне скомороховъ съ домрами, и съ гуслиями, и съ волынками, и со всякими играми не призывали, и медвѣдей не водили, и всякихъ бѣсовскихъ игръ не творили, а гдѣ объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды, и тѣ бѣ вынимать и, изломавъ, жечь; а которые люди ото всего богомерзкаго дѣла не отстануть и учнутъ впредь такого богомерзкаго дѣла держаться... и тѣхъ велѣтъ бить батоги», и даже «ссылать въ украинные города въ опалу». Указъ строго приводился въ исполненіе, какъ это видно изъ отписки воеводы Бѣжецкаго Верха, который доносилъ, что «игры, домры, и гудки, и волынки, и сурны, и всякіе гудебные сосуды взяты и, изломавъ, сожжены»¹²⁾. Дѣйствуя по программѣ упомянутаго кружка Вонифатьева, конечно, и Аввакумъ не могъ допустить у себя въ селѣ незаконнаго игрища, выгнать скомороховъ, изломать ихъ «хари и бубны», и медвѣдей двухъ великихъ отнять, «одново ушибъ и паки ожилъ, а другаго отпустилъ въ поле». Въ это время по Волгѣ ѣхалъ въ Казань на воеводство бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ; къ нему, должно быть, обратились скоморохи съ жалобой на Аввакума; бояринъ разсердился, взялъ протопопа къ себѣ на судно, много бранилъ; затѣмъ приказалъ ему благословить своего сына, Матѳея, но Аввакумъ отказался исполнить это приказаніе, видя «блудодѣйственный образъ», такъ какъ Матѳею брилъ бороду въ противность отеческимъ преданіямъ. Тогда бояринъ велѣлъ было бросить упрямаго прото-

¹¹⁾ А. А. Э. т. I, № 244.

¹²⁾ Ивановъ. Опис. госуд. архива стар. дѣлъ, стр. 296; А. И. т. IV, № 85, Фаминцынъ, Скоморохи на Руси, стр. 184—188; Каптеревъ, *op. cit.* 117—121, Этнограф. Обзорѣніе, кн. XXXII (1897, № 1) стр. 143—151, статья Н. Харузина. О борьбѣ правительства съ народными суевѣрїями и обрядами въ XVII в.

попа въ Волгу, но потомъ отпустилъ, избивъ и выругавъ. По всему вѣроятію, это происходило лѣтомъ или осенью 1648 года, такъ какъ Шереметевъ былъ назначенъ въ Казань въ іюнѣ 1648 г.¹³⁾ Немного времени спустя Аввакумъ поднялъ на себя, неизвѣстно чѣмъ, еще одного начальника, такъ что тотъ пріѣзжалъ къ его двору и стрѣлялъ изъ луковъ и пищалей, но потомъ Аввакумъ съ нимъ помирился и даже лѣчилъ его¹⁴⁾. Вскорѣ однако Аввакума опять изгнали изъ Лопатиць, и онъ появляется въ Москвѣ.

Какъ разъ въ это время въ средѣ московскихъ ревнителей былъ поднятъ важный вопросъ о единогласномъ пѣніи. Еще на Стоглавомъ соборѣ указывалось, что надо соблюдать порядокъ въ церковной службѣ, чтобы «на вечерняхъ и на заутреняхъ говорили псалмы и тихо и неспѣшно, съ всякимъ вниманіемъ, также бы тропари и сѣдалны сказывали по чину, а не спѣшно, и потомъ чли, а вдругъ бы псалмовъ и псалтыри не говорили, такожь бы канонѣвъ вдругъ не конархали, и не говорили по два вмѣстѣ, занеже то въ нашемъ православіи великое безчинство и грѣхъ тако творити, святыми отцы отречено быть»¹⁵⁾. Послѣ Стоглава мы постоянно встрѣчаемъ жалобы на многогласіе и происходящій отсюда безпорядокъ въ богослуженіи. Пѣли сразу въ два, въ три голоса, даже въ шесть голосовъ, «другъ друга не разумѣюще, что глаголють», сами священники и причетники производили въ церквахъ шумъ и «козлогласованіе», клирики пѣли псалтырь и другія церковныя пѣснопѣнія, «не ожидающе конца ликъ отъ лика, но купно вси кричаху», псаломникъ читалъ, «не внимая поемымъ», такъ что невозможно было понять, что читали и пѣли. Другой недостатокъ церковнаго пѣнія заключался въ «хомовомъ напѣвѣ», при которомъ слова

¹³⁾ А. П. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, т. III, стр., 384—389. Г. Каптеревъ (ор. cit. стр. 119) полагаетъ, что столкновение Аввакума со скomorоxами было независимо отъ вліянія кружка Вонифатьева, что «члены кружка, Аввакумъ и Нероновъ уже ранѣе боролись съ скomorоxами»; относительно Неронова это положеніе не подлежитъ сомнѣнію; что же касается Аввакума, то тотъ фактъ, что столкновение со скomorоxами произошло тотчасъ по его возвращеніи изъ Москвы, на нашъ взглядъ, убѣдительно доказываетъ вліяніе кружка.

¹⁴⁾ Мы не передаемъ здѣсь разсказа самого Аввакума, который сообщаетъ много подробностей, имѣющихъ значеніе, какъ житійныя прикрасы, и придающихъ этому эпизоду отчасти чудесный характеръ.

¹⁵⁾ Стоглавъ, изд. Н. Сувботина, стр. 106—107.

измѣнялись такъ, что нельзя было ихъ узнать: вмѣсто Богъ, Спасъ, Христосъ пѣли Бого, Сопасо, Христосо, фраза «Святымъ Духомъ всяка тварь обновляется, паки обращающися на первое, равномоощенъ бо есть Отцу и Слову» являлась при этомъ напѣвъ въ такомъ видѣ: «Святымъ Духоме всяка тваре обновляется, паки обращающися на первое: равеномоощено бо есте Отецу и Слову». Было нѣсколько школъ, въ которыхъ учили этому пѣнію, и его усвоеніе требовало большого труда и искусства; ученики различныхъ школъ находились между собою въ постоянныхъ препирательствахъ: одинъ говорилъ: «я ученикъ Шайдурова», другой хвалилъ Лукошково пѣніе, третій—Баскакова и т. п., а отъ этихъ всѣхъ споровъ происходилъ еще большій безпорядокъ въ церковной службѣ¹⁶⁾.

Многогласное пѣніе приучало народъ къ формальному отношенію къ церковной службѣ, особенно нравилась быстрота богослуженія, достигавшаяся, благодаря многогласію. Духовенство, желая заманить прихожанъ, дѣлало эту уступку, облегчавшую вмѣстѣ съ тѣмъ и его трудъ, и даже патр. Іоасафъ, запрещая многогласіе, въ то же время разрѣшалъ пѣть «въ два, а по нуждѣ въ три голоса, опрочѣ эксапсалмовъ». При патр. Іосифѣ противъ этого церковнаго безчинія раздаются голоса съ разныхъ сторонъ. Такъ, какой-то неизвѣстный подаетъ патриарху челобитье, доказывая, что это нарушеніе церковнаго устава «сводитъ не милость, а гнѣвъ Божій». Гораздо энергичнѣе обличаетъ безпорядокъ церковной службы монахъ Евфросинъ, авторъ «Сказанія о различныхъ ересѣхъ и хуленіихъ на Господа Бога и на Пречистую Богородицу, содержимыхъ отъ невѣдѣнія въ знаменныхъ книгахъ». Авторъ видитъ въ знаменныхъ книгахъ и въ старомъ пѣніи дѣло сатаны, своихъ противниковъ и поющихъ по знаменнымъ книгамъ надѣляетъ слѣдующими эпитетами: «помощницы сатаны, челоувѣди юродивіи, мянщися быти мудри, ничто же разумѣющіи, въ нихъ же хвалихуся, но паче горціи божества словесницы, хулници хвалимымъ, темни о свѣтѣ, о премудрости ненаказанніи, всегда учащися, никогда же въ разумъ истинный пріити могуще, имущіи образъ благочестія, силы же его

¹⁶⁾ Мат. т. I, стр. 274. Шушерявъ. Ист. о рожд., воспит. и жит. Никона, Спб. 1784, стр. 24—25. См. А. С-нѣ. О хомовомъ пѣніи. Псковъ. 1879. Реп. Пог. Дрвл. № 1559, л. 51, 56.

отвергшіися, имъ же Богъ чрево, и слава ихъ въ студъ». Евфросинъ перечисляетъ многія искаженія въ словахъ, которыя являются при крѣковомъ пѣніи, и во почти всѣхъ этихъ мелочныхъ неисправностяхъ видитъ хулу на Бога и ересь. Обращаясь къ «нмущимъ власть возбранити и не возбраняющимъ отъ таковаго нечестія», Евфросинъ угрожаетъ имъ великими казнями въ день страшнаго суда, такъ какъ они, не запрещая безчинія, являются споспѣшниками злымъ¹⁷⁾.

Однако эти протесты противъ многогласія только тогда привели къ практическимъ послѣдствіямъ, когда за дѣло взялся Оед. Мих. Ртищевъ: онъ обращался къ царю, къ патриарху, къ боярамъ, указывая на необходимость ввести единогласіе и правильное нарѣчное пѣніе. Онъ нашелъ сочувствіе въ Стефанѣ Вонифатьевѣ, и они «первѣе уставиша въ своихъ церквахъ единогласное и согласное пѣніе», ихъ примѣру послѣдовали Іоаннъ Нероновъ и Никонъ, тогда еще новгородскій митрополитъ, а затѣмъ новый порядокъ былъ введенъ во всѣхъ церквахъ. Несмотря на то, что новое пѣніе очень нравилось царю Алексѣю Михайловичу, патриархъ Іосифъ «никакоже хотѣ оное древнее неблагочиніе на благочиніе премѣнити», онъ колебался, не рѣшался ввести единогласіе, не спросивши предварительно вселенскихъ патриарховъ; черезъ прїѣзжавшаго въ Москву въ 1650 г. грека Оому Иванова онъ обратился за совѣтомъ къ патриарху цареградскому. Наконецъ, на соборѣ 1651 г. было постановлено: «пѣти въ святыхъ Божиихъ церквахъ чинно и безмятежно, на Москвѣ и по всѣмъ градомъ, единогласно, на вечерняхъ и на повечерницахъ, и на полунощницахъ, и на заутреняхъ, псалмы и псалтырь говорить въ одинъ голосъ, тихо и неспѣшно, со всякимъ вниманіемъ, къ царскимъ дверемъ лицемъ». Въ 1652 г. царь началъ вводить нарѣчное пѣніе¹⁸⁾.

Одновременно съ единогласіемъ установлено и другое новшество—устная проповѣдь, которая совсѣмъ вышла изъ обычая въ концѣ XVI и въ XVII вв. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Ивану Неронову, который, по словамъ его «Житія», «изношаше

¹⁷⁾ Ркп. Погод. Древлехр. № 1559, л. 50 и 68 об) (Опис. А. О. Бычкова, стр. 83—84), Оп. рукоп. Хлудова, № 91. Каптеревъ, Ibid. 131—133.

¹⁸⁾ А. А. Э. IV, № 327, Мат. I, 273—277. Др. Росс. Вивл. т. XVIII, стр. 402—403. Макарій, Ист. русс. церкви, т. XI, стр. 173—175; Каптеревъ, стр. 133—134. Гиббенегъ. Ист. изслѣд. дѣла патр. Никона, т. II, стр. 470—472.

отъ сокровищъ сердца своего, яже положи въ немъ Духъ Святыи, умудривъ съяти сѣмя ученія Господня во всемъ народѣ несумнѣнно»¹⁹⁾. Его примѣру въ Нижнемъ-Новгородѣ подражали многіе священники, а въ Муромѣ протопопъ Логгинъ приобрѣлъ общую любовь прихожанъ своими поученіями²⁰⁾. Присоединился къ этому дѣлу и Никонтъ, и «отъ умиленныхъ его словесъ слезы и радость приводятъ слышавшихъ»²¹⁾.

Оба эти новшества, единогласіе и проповѣдь возбудили сильныя недоброжелательныя толки въ приверженцахъ старины. Никольскій попъ Прокофій говорилъ гавриловскому попу Ивану: заводите вы, ханжи, ересь новую, единогласное пѣніе и людей въ церкви учить, а мы людей прежде сего въ церкви не учивали, а учили ихъ въ тайнѣ; бѣса вы имѣете въ себѣ, всѣ вы ханжи. И протопопъ благовѣщенскій такой же ханжа, сказалъ онъ, что Господа Саваоиа видѣлъ; бѣса онъ видѣлъ, а не Бога²²⁾. Когда я служилъ въ Вяткѣ, у меня въ приходѣ тоже была такая женщина, которая увѣряла, что видитъ Бога, и я изъ нея Божіею милостію выгналъ бѣса». 11-го февраля, въ четвертомъ часу дня собрались въ сѣняхъ тиунской избы священники, и лукинскій попъ Савва, саввинскій попъ Андрей съ Арбата съ товарищами кричали: «намъ къ выбору о единогласіи рукъ, не прикладывать, напередъ бы велѣли прикладывать о единогласіи боярамъ и окольныхчимъ! любо ли имъ будетъ единогласіе? Попъ Иванъ возражалъ: «вы презираете Божіе изволеніе, правило святыхъ отецъ, уставъ и государево повелѣніе и святительское благословеніе». Намъ хотъ умереть, кричали ему въ отвѣтъ, а къ выбору о единогласіи рукъ не прикладывать! Ты ханжа, еще молодой, уже ты былъ у патріарха въ смиреніи, будешь и еще»²³⁾.

Рѣзокъ былъ этотъ протестъ защитниковъ многогласія въ Москвѣ, но еще болѣе грубую форму принялъ онъ въ другихъ городахъ. Государь назначилъ Аввакума, принимавшаго по всей вѣро-

¹⁹⁾ Мат. I, 276.

²⁰⁾ Ист. опис. рязанской епархіи, т. I, челобитная о возвращеніи Логгина муромскихъ священниковъ епископу Мисаилу.

²¹⁾ Шушеринъ, стр. 23.

²²⁾ Должно быть, Стефанъ Вонифатьевъ, защищая единогласіе ссылался, въ подтвержденіе своихъ словъ на какое-нибудь видѣніе, — такъ, повидимому, надо понимать слова попа Прокофія.

²³⁾ Зап. Отд. Слав. и Рус. Археологій, т. II, стр. 394—397.

ятности участіе въ дѣйствіяхъ Вонифатьева и Неронова по церковному устроенію, протопопомъ вхоіерусалимской церкви въ Юрьевецъ Поволской, городокъ, принадлежавшій къ патріаршей области, недалеко отъ котораго когда-то служилъ въ селѣ Никольскомъ Нероновъ²⁴). Явившись на новое мѣсто, Аввакумъ усердно началъ вводить единоголасное и нарѣчное пѣніе и заботиться о большемъ порядкѣ въ богослуженіи. Кромѣ этого онъ строго обличалъ въ своихъ поученіяхъ пороки мѣстнаго населенія. Можетъ быть, къ этому времени, а можетъ быть, и къ болѣе раннему періоду жизни Аввакума относится та характеристика его ежедневнаго времяпровожденія, которую мы находимъ въ его «Посланіи къ Борису съ братіей». Передъ нами тутъ усердный молитвенникъ, строгій исполнитель обрядовъ, почти аскетъ. Совсѣмъ въ духѣ «Домостроя», Аввакумъ цѣлый день проводитъ въ молитвѣ. Передъ тѣмъ, какъ служить обѣдню, онъ почти не спитъ, или же спитъ «опасно»: «самъ добуду огня, да книгу чту. Егда приспѣетъ заутрени, не спрашиваю пономаря, самъ пошелъ благовѣстити. Пономарь прибѣжитъ. Отдавъ колоколь, пошедъ въ церковь, и начну полуношницу: докажѣтъ сходятся крылопаня, а я и проговорю въ тѣ поры. Прощаются,—ино Богъ проститъ; а которой дуруетъ, тотъ на чепь добро пожаловать: не раздувай уса—тово у меня». Послѣ продолжительной заутрени говорится «часть» причастное правило. Послѣ обѣдни читается поученіе. Пообѣдавъ, Аввакумъ два часа спитъ, а затѣмъ принимается за книгу, которую читаетъ до вечерни. «Егда вечерню съ павечернею отпою, послѣ ужины, правило начну». Тутъ поется длинный рядъ молитвъ, кладется не мало земныхъ поклоновъ, а затѣмъ «и огонь погасимъ, да и я, и жена и иные охотники ну-же передъ Христомъ кланятца въ потемкахъ — тѣхъ: я 300 поклоновъ, 600 молитвъ Исусовыхъ, сто Богородицѣ, а жена 200 поклоновъ, да 400 молитвъ, понеже робятка у нее пищать»²⁵).

Изъ этого описанія дня мы видимъ, на сколько усердно исполнялъ свои религіозныя обязанности Аввакумъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ясна и его строгость къ другимъ. Онъ проповѣдуетъ, читаетъ поученія, а непокорныхъ своихъ духовныхъ дѣтей сажаетъ и на

²⁴) Москвитянинъ, 1849 года, статья Сулоцкаго: «Протопопъ Аввакумъ»; Мат. I, 250.

²⁵) Мат. т. VIII, стр. 90—92.

цѣпь. Весьма вѣроятно, что такой суровостью, обличительнымъ тономъ его проповѣдей, въ которыхъ все называется своимъ именемъ, и малѣйшій проступокъ вызываетъ рѣзкое осужденіе, слишкомъ ригористическимъ проведеніемъ единогласія, къ которому очень еще трудно привыкать, Аввакумъ скоро возстановилъ противъ себя мѣстное духовенство и народъ; его сперва просили оставить новшества и относиться снисходительнѣе къ разнымъ упущеніямъ въ церковной службѣ: «долго поешь единогласно, намъ дома недосугъ»²⁶⁾, заявляли ему. Но такія просьбы и заявленія не могли имѣть въ глазахъ его никакой цѣны, и онъ оставлялъ ихъ безъ вниманія. Тогда перешли отъ словъ къ дѣлу. Черезъ 8 недѣль послѣ прибытія Аввакума въ Юрьевецъ, противъ него поднялся цѣлый бунтъ. Около тысячи человекъ собралось съ батогами и рычагами къ патриархову приказу, гдѣ протопопъ въ это время занимался духовными дѣлами; вытащили его на улицу, били батогами и рычагами и полумертваго бросили его подъ избной уголъ. Тутъ подоспѣлъ воевода Денисъ Крюковъ²⁷⁾ съ пушкарями, выхватилъ его еле живого изъ рукъ разъяренной толпы, отвелъ домой и приставилъ къ его двору караулъ. Три дня продолжалось буйство народа, хотѣли убить Аввакума, особенно озлоблены были на него попы и бабы, на которыхъ онъ обращалъ преимущественно свои обличенія: «убить вора, бл... сына», кричали они, «да и тѣло собакамъ въ ровъ кинуть». Наконецъ, на третій день ночью Аввакумъ, покинувъ жену и дѣтей, тайкомъ бѣжалъ въ Москву. По дорогѣ заходилъ онъ въ Кострому и узналъ, что отсюда изгнали такого же, какъ онъ самъ, ревнителя церковнаго закона, протопопа Даниила, примыкавшаго къ кружку Вонифатьева и Неронова. Это переселеніе Аввакума въ Москву слѣдуетъ, какъ уже сказано выше, отнести къ 1652 году, когда Аввакумъ привезъ въ Москву деньги въ патриаршіи приказъ²⁸⁾.

Въ Москвѣ Аввакума, какъ видно изъ его словъ, приняли не особенно ласково, не одобряя его малодушнаго ухода съ мѣста службы. «Духовнику Стефану показался», рассказываетъ онъ, «и онъ на меня учинился печаленъ: на что де церковь соборную по-

²⁶⁾ Мат. V, стр. 223.

²⁷⁾ Ibid. стр. 123.

²⁸⁾ Отвозъ казны не противорѣчитъ факту изгнанія Аввакума, которое протоіерей Николаевскій объясняетъ отчасти сборомъ «сверхъ узаконныхъ пошлинъ, возбуждавшимъ неудовольствіе народа и духовенства. Хр. Чт. 1891, I, 150—151

кинулъ? Опять мнѣ другое горе! Царь пришелъ къ духовнику благословитца ночью; меня увидѣлъ тутъ; опять кручина; на что де городъ покинулъ?» Но несмотря на этотъ первый пріемъ, благодаря своимъ связямъ съ московскимъ духовенствомъ, Аввакумъ остался въ Москвѣ; мѣста опредѣленнаго онъ не получилъ, а служилъ временно въ церкви Казанской Богоматери съ протопопомъ Іоанномъ Нероновымъ; когда тотъ уѣзжалъ по своимъ дѣламъ, Аввакумъ замѣнялъ его. Однако и при такомъ незначительномъ своемъ официальномъ положеніи, Аввакумъ, по своимъ отношеніямъ съ Вонифатьевымъ и Нероновымъ и благодаря личному знакомству съ царемъ, становится очень важнымъ и вліятельнымъ лицомъ въ средѣ московскаго духовенства, такъ что онъ даже не особенно хлопочеть о мѣстѣ, хотя и открывалась вакансія дворцоваго священника ²⁹⁾.

²⁹⁾ И къ мѣсту, говорили, на дворецъ къ Спасу, на сидни покойника мѣсто, да Богъ не изволилъ, а се и у меня раденіе худо было! Мат. V, 17—18.

ГЛАВА II.

Составъ кружка Стефана Вонифатьева.—Стефанъ Вонифатьевъ, Іоаннъ Нероновъ, Аввакумъ и др.—Характеръ дѣятельности кружка.—Отношеніе къ малороссамъ и грекамъ.—Фед. Мих. Ртищевъ, Никонъ и ихъ отношеніе къ кружку Вонифатьева.—Новшества съ Запада.—Значеніе патріаршества Іосифа.—Смерть Іосифа и вопросъ объ избраніи новаго патріарха.—Первыя мѣры Никона и протестъ противъ нихъ.—Ссылка Неронова, Логгина, Даніила и Аввакума.

Въ кружкѣ, къ которому примкнулъ Аввакумъ, первое мѣсто, по своему официальному положенію и какъ человѣкъ, имѣвшій сильное вліяніе на царя Алексѣя Михайловича, занималъ царскій духовникъ, протопопъ Благовѣщенскаго собора, Стефанъ Вонифатьевъ. О происхожденіи и о молодости его намъ почти ничего неизвѣстно, и мы знаемъ его только съ того времени, какъ онъ появляется въ должности царскаго духовника, т. е. съ 1645 или 1646 г. Что это былъ человѣкъ книжный, съ обширной начитанностью, интересовавшійся вопросами нравственными и общественными, мы можемъ судить по дошедшему до насъ сборнику: «Книга, глаголемая Златоустъ», съ подписью по листамъ «Стефана Вонифатьева келейная»¹⁾. Въ сборникѣ этомъ есть четыре слова русскаго сочиненія, и изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ «Слово о правдѣ», которое Щаповъ приписываетъ съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ (хотя не указывая основанія) самому Стефану. Въ этомъ «Словѣ» послѣ указанія въ

¹⁾ Калачовъ. Архивъ ист.-юрид. свѣд. Кн. II, 2, стр. 43—50. Филаретъ. Обзоръ рус. дух. лит. (изд. 8-е, Спб. 1884) стр. 232. Щаповъ. Земство и расколъ, стр. 14—16. Каптеревъ *op. cit.* стр. 102—107.

духъ теоріи третьяго Рима (что очень важно для характеристики Стефана, будетъ ли онъ признанъ авторомъ или только списателемъ «Слова») на то, что кромѣ «россійскаго языка» нѣтъ нигдѣ правовѣрующаго царя, проповѣдникъ считаетъ необходимымъ намѣтить для этого царя тѣ средства, которыми онъ можетъ подтвердить свое правовѣріе. Тутъ на ряду со вполне обычными, отчасти шаблонными обличеніями вельможъ, пользующихся чужимъ трудомъ, мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми реальными чертами русскаго быта; такъ, проповѣдникъ указываетъ на тягость «ямскихъ собраній», въ которыя «много расходуется серебра», на притѣсненія сборщиковъ царскихъ податей, которые «подлѣ царскаго указа и себѣ много собираютъ», причемъ много уходитъ также на «яжденія коней»; упоминаются также и «царскіе землемѣрительніи писаріе, отдѣляющіе царевымъ воиномъ землю въ мѣру, и всякому землю въ рознь полагаютъ, и сами много медлятъ и многа брашна у ратаевъ изьядаютъ». Перечисливъ эти недостатки общественнаго строя, авторъ, согласно съ основной своей мыслью о необходимости облегченія земледѣльцевъ, какъ важнѣйшаго класса населенія, рекомендуетъ между прочимъ снять съ нихъ ярмо ямской гоньбы и возложить его на купцовъ, «елицы во градѣхъ продающе и скупающе и прикупы богатѣюще, понеже многа прибѣтка стяжатели суть»; никакихъ же другихъ тяжестей при этомъ на купцовъ не налагать. Въ трехъ другихъ сочиненіяхъ упомянутаго сборника говорится подробно о русскихъ суевѣріяхъ, о пьянствѣ и церковномъ строеніи.

Кромѣ такихъ литературныхъ поученій Стефанъ Вонифатьевъ дѣйствовалъ на молодого благочестиваго царя и на окружающихъ его бояръ своими личными бесѣдами. По словамъ біографа Неронова, Стефанъ Вонифатьевъ «зѣло пекся, да не совратится умъ царя въ нѣкая злая, и бояръ увѣщеваше со слезами непрестанно, да имуть судъ правый безъ мзды и не на лица зряще да судятъ». При бракосочетаніи царя съ Маріей Ильиничной Милославской, Стефанъ «и моленіемъ и запрещеніемъ устрои не быти смѣху никаковому, ниже кощунамъ, ни бѣсовскимъ играніямъ, ни пѣснемъ студнымъ, ни сопелному, ни трубному козлогласованію»²⁾, такъ что вліяніе Стефана на царя началось очень

²⁾ Мат. I, стр. 272—273.

скоро послѣ его вступленія въ должность духовника. Всѣ эти наставленія Стефана отличались мягкостью, очень рѣдко онъ рѣшался кого-нибудь оскорблять, а потому и пользовался общеою любовью, такъ что даже впослѣдствіи, когда Стефанъ перешелъ на сторону Никоновскихъ новшествъ, Аввакумъ вспоминалъ объ этомъ времени съ полнымъ сочувствіемъ: «Добро было при протопопѣ Стефанѣ, писалъ онъ царю Алексѣю Михайловичу, яко все быша тихо и немятежно, ради его слезъ и рыданій и негордаго ученія: понеже не губилъ Стефанъ никого до смерти, якоже Никонъ, ниже поощрялъ на убіеніе» ³⁾. Сочувствіе Аввакума къ Стефану выражается и въ нисѣмъ его къ Ивану Неронову о томъ, что Стефанъ «всяко ослабѣлъ» ⁴⁾, причемъ въ этомъ сообщеніи не замѣчается никакого озлобленія противъ отступника. Наконецъ, даже во время перваго ареста Аввакума ему принесъ пищу ангелъ «за молитвъ святого отца протопоба Стефана» ⁵⁾. Единственный извѣстный намъ примѣръ рѣзости Стефана упоминается въ челобитной 1649 г. патріарха Іосифа царю Алексѣю Михайловичу. Отсюда мы узнаемъ, что Стефанъ жаловался за что-то царю на патріарха и на весь освященный соборъ, говорилъ, что въ Московскомъ государствѣ нѣтъ Божіей церкви, а патріарха и всѣхъ архіереевъ называлъ волками и губителями ⁶⁾. Причина этого столкновения Стефана съ патріархомъ намъ неизвѣстна, и рѣзкость приведенныхъ отзывовъ нѣсколько противорѣчитъ тому общему впечатлѣнію о мягкомъ характерѣ Стефана, которое получается на основаніи сочувственныхъ ему отзывовъ Аввакума и біографа Неронова, такъ что достовѣрность этихъ отзывовъ можетъ подвергаться нѣкоторому сомнѣнію. Однако строить какія-нибудь опредѣленные заключенія, исходя изъ этого единичнаго факта, намъ не представляется возможнымъ. Во всякомъ случаѣ Стефанъ далеко не отличался такой огнепальной ревностью, упорствомъ, какъ ближайшіе его сотрудники, Нероновъ и Аввакумъ, и, сохраняя къ нимъ въ послѣдствіи хорошее личное отношеніе, въ то же самое время сдѣлалъ принципиально примириться съ Никоновской реформой

³⁾ Ibid. V, стр. 122.

⁴⁾ Ibid. I, стр. 25.

⁵⁾ Ibid. V, стр. 125.

⁶⁾ Каптеревъ, *op. cit.*, стр. 165—166. Братское Слово, 1886 г. т. II, № 17, стр. 492—493.

и отрѣшиться отъ стариннаго Московскаго предубѣжденія противъ малороссовъ и грековъ.

Вторымъ крупнымъ дѣятелемъ въ кружкѣ Стефана является протопопъ Иванъ Нероновъ. Это былъ человѣкъ уже значительно иного характера. Еще юношей онъ пришелъ на Рождественскихъ праздникахъ въ Вологду и, идя мимо какого-то «бѣсовскаго игрища» и «узрѣвъ плищъ и различная подобія демонская и видѣвъ домъ великій, изъ негоже исхождаше множество юношей и человѣковъ молодыхъ и состарѣвшихся, бѣсовскому тому игрищу послѣдующихъ», «разжегся духомъ» и началъ обличать принимающихъ участіе въ игрищахъ, за что они, по сказанію «Житія», набросились на него, какъ дикіе звѣри, и били немилостиво, такъ что «Іоаннъ отъ многого того біенія лежаше, аки мертвъ, отъ вечера даже до полунощи». Затѣмъ «Житіе» сообщаетъ намъ о томъ, какъ Нероновъ учился около Великаго Устюга у нѣкоего богобоязненнаго человѣка, именемъ Тита. Грамота давалась Неронову съ большимъ трудомъ. «Іоаннъ учащися зѣло медленно, яко единъ букварь учаще лѣто и мѣсяцевъ шесть. И непрестанно молящися Господу Богу, да подасть ему разумъ Божественнаго писанія. Такожде и учитель его, Титъ зѣло печашеся о немъ и недомышляшеся, что будетъ; иногда же и букварь взиماشе отъ рукъ его, да не отъимется зрѣніе отъ очію его: егда бо Іоаннъ учащися, тогда прилежно очима зря въ букварь, непрестанно слезы испущаше. Многажды и учитель, прилежаніе его зря и косенъ того умъ вида, плакаше о немъ». Далѣе въ «Житіи» разсказывается, что всѣ эти трудности разрѣшились чудеснымъ отверженіемъ ума Іоанна. При всѣхъ житійно-паблонныхъ прикрасахъ этого повѣствованія, мы видимъ, что въ своемъ ученіи Іоаннъ проявилъ не малую настойчивость.

Затѣмъ мы находимъ Іоанна-священникомъ въ селѣ Никольскомъ, около Юрьевца, и тутъ онъ опять выступаетъ въ роли обличителя, нападаетъ на «пьянство и многое безчинство» іереевъ своего села и этимъ такъ возстановляетъ ихъ всѣхъ противъ себя, что они подаютъ на него патріарху Филарету челобитную, подъ которой подписался даже и тесть Іоанна, а также и нѣкоторые міряне. Вслѣдствіе этого Нероновъ вынужденъ былъ тайно ночью бѣжать въ Троицко-Сергіевскую лавру, гдѣ въ это время архимандритомъ былъ знаменитый Діонисій, съ которымъ Іоаннъ много бесѣдуетъ о духовныхъ дѣлахъ и читаетъ Божественное

писаніе. Діонисій принялъ сторону Іоанна, написавъ о томъ патріарху, и послѣ разслѣдованія Іоаннъ возвращень былъ назадъ въ село Никольское. «Діяволъ же, не терпя добродѣтели мужа сего, паки наущаше тѣхже нанъ іереовъ, влагая имъ ненависть велію на истиннаго служителя Божія, и распылахуся зѣло сердца своими на праведнаго и непрестанно поношаху тому, съ досадами укоряюще его». Такія отношенія стали подъ конецъ невозможными, и Нероновъ удалился въ Лысково. Здѣсь онъ пользовался наставленіями священника Ананіи, въ домѣ котораго онъ жилъ, много успѣлъ въ изученіи Божественнаго писанія и, завершивъ этимъ свое образованіе, съ благословенія Ананіи перешелъ въ Нижній Новгородъ, гдѣ и начинаетъ служить въ опустѣвшей деревянной церкви Воскресенія Христова. Забота о благоустройствѣ этого храма, строгое и точное исполненіе богослужбнаго чина, постоянное и вполнѣ доступное для простыхъ слушателей толкованіе Священнаго Писанія и твореній отцовъ церкви вскорѣ обратили на Іоанна общее вниманіе и любовь Нижегородскаго населенія, такъ что онъ въ своей дѣятельности уже не ограничивался одной своей церковью, но «исхождаше по стогнамъ града и на торжищи, нося съ собою книгу великаго свѣтильника Іоанна Златоустаго, именуемую Маргаритъ, возвѣщая всѣмъ путь спасенія». Не ограничиваясь одной проповѣдью, Іоаннъ собираетъ пожертвованія на устройство новой каменной церкви, учреждаетъ страннопримный домъ, въ которомъ за общей трапезой читаются разныя поученія, занимается книжнымъ наученіемъ дѣтей. Къ нему приводятъ бѣсноватыхъ и кликушъ, которыхъ онъ исцѣляетъ святой водой. Въ то же время Іоанну приходится энергично бороться съ скоморохами, которые ходили по городу съ бубнами, съ домрами и съ медвѣдями. На Рождество и на Крещеніе Іоаннъ «въ вечеръ поздень и въ полунощи хождаше по стогнамъ града, и сражахуся съ бѣсовскими слугами, и повелѣваше ученикамъ своимъ орудія игръ бѣсовскихъ разбивати и сокрушати, и тако сражающесе, многи раны отъ скомраховъ, бѣсовскихъ слугъ, приемяше Іоаннъ и ученицы его и, носяще страданіе на тѣлѣ своемъ, яко нѣкій даръ, съ радостью, кровью обагрене, еле живы, въ домъ возвращахуся». Можетъ быть, эта борьба съ скоморохами (напоминающая извѣстный эпизодъ изъ жизни Аввакума) была отчасти причиною того гоненія, которому Нероновъ подвергся со стороны

Нижегородскаго воеводы, Федора Шереметева, тѣмъ болѣе, что Іоаннъ иногда всенародно выступалъ съ обличеніемъ воеводы, который былъ «жестокъ и суровъ зѣло и мздоимецъ». Шереметевъ приказалъ привести Іоанна «на судище и жезліемъ его бити», а затѣмъ посадить въ темницу и наложить «на выю и нозѣ его узы желѣзныя». Заступничество патр. Филарета спасло Неронова отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій, онъ былъ выпущенъ изъ темницы и продолжалъ свою проповѣдническую дѣятельность въ Нижнемъ Новгородѣ, причѣмъ ему не одинъ разъ еще пришлось сталкиваться съ разными лицами въ ревностномъ исполненіи своихъ обязанностей, какъ онъ ихъ понималъ.

По восшествіи на престолъ царя Алексѣя Михайловича, Стефанъ Вонифатьевъ, достигнувъ своего вліятельнаго положенія, перевелъ Неронова, какъ человѣка, очень свѣдущаго въ Божественномъ писаніи и словомъ и дѣломъ доказавшаго свою заботу объ устраненіи разныхъ недостатковъ религіозно-нравственной жизни своей паствы, изъ Нижняго Новгорода въ Москву и назначилъ его протопопомъ церкви Казанской Богородицы на Красной площади, «того ради, яко та церковь посреди торжища стоитъ и много народа по вся дни непрестанно въ ней бываетъ, да слышаще его ученіе сладкое, народъ отвратятъ сердца своя отъ злыхъ и навькнутъ добрыхъ дѣлъ». Переселившись въ Москву, Нероновъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ Нижнемъ Новгородѣ, продолжаетъ свое проповѣдничество и, какъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Стефана Вонифатьева и потому лицо очень авторитетное, принимаетъ дѣятельное участіе въ различныхъ церковныхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ улучшенію религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества⁷⁾.

Къ этимъ двумъ липамъ вскорѣ присоединяются и другіе ревнители. Мы уже говорили объ отношеніи къ нимъ за это время протопопа Аввакума, который и въ Лопатицахъ, и въ Юрьевцѣ Поволгскомъ, и въ Москвѣ дѣйствуетъ по той же программѣ,

⁷⁾ Свѣдѣнія о Нероновѣ сообщаются на основаніи его «Житія», помѣщеннаго въ Мат. I, стр. 243—305. Источникъ этотъ достаточно тенденціозный, имѣющій цѣлью представить Неронова святымъ,—поэтому, конечно, далеко не всѣмъ его показаніямъ можно довѣрять. Хорошая біографія Неронова была напечатана Харламовымъ въ Др. и Нов. Россіи, 1881 г., № 1. Недурная критическая провѣрка извѣстій «Житія» Неронова имѣется въ очеркѣ г. Клипуновскаго (Кіев. Унив. Изв. 1886 г.).

что и Вонифатьевъ съ Нероновымъ. По всей вѣроятности, и тѣ невзгоды, которыя пришлось испытать Костромскому протопопу Даниилу, были вызваны также его принадлежностью къ кружку Вонифатьева. Къ этому же кружку принадлежалъ и Муромскій протопопъ Логгинъ, о которомъ съ большою похвалою отзывались жители Мурома въ челобитной къ архіеп. Рязанскому и Муромскому, Мисаилу, прося о его возвращеніи въ ихъ городъ. И о Даниилѣ и о Логгинѣ, какъ сторонникахъ единогласія, упоминаетъ Аввакумъ въ томъ же цитированномъ выше «Посланіи къ Борису».

Относительно всего этого кружка, на основаніи позднѣйшаго свидѣтельства, принадлежащаго Игнатію, митр. Тобольскому, долгое время держалось предположеніе, что члены его были справщиками на печатномъ дворѣ, и даже это ошибочное мнѣніе повторяется въ новѣйшей біографіи Аввакума, написанной г. Мякотинымъ. Г. Мякотинъ признаетъ ⁸⁾ «значительное участіе Аввакума во всѣхъ этихъ яко бы исправленіяхъ» и, какъ примѣръ упорства, увѣренности Аввакума въ своей непогрѣшимости, приводитъ споръ Аввакума съ дьякономъ Ѳеодоромъ о словахъ 104 псалма: «И видѣ Израиль въ Египетъ и возрасти люди своя» которыя *«по недосмотру Аввакума»* были напечатаны неправильно. Но тутъ г. Мякотинъ впадаетъ въ нѣсколько странную ошибку, такъ какъ, во-первыхъ, споръ объ этихъ словахъ происходилъ у Ѳедора съ Аввакумомъ не въ Москвѣ, а въ Пустозерскѣ, во-вторыхъ же (и это самое главное), Псалтырь, въ которой находился искаженный текстъ, напечатана при патр. Іоасафѣ, когда Аввакумъ не могъ принимать никакого участія въ книжныхъ исправленіяхъ ⁹⁾. Мнѣніе о томъ, что члены кружка Вонифатьева были справщиками на печатномъ дворѣ, опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ расходныхъ книгахъ печатнаго двора совсѣмъ нѣтъ росписокъ этихъ лицъ въ полученіи ими жалованья, какъ это указалъ В. Г. Румянцевъ, а за нимъ повторили проф. Мансветовъ и митр. Макарій ¹⁰⁾. Послѣдній отмѣтилъ, что

⁸⁾ Стр. 42. Такая же ошибка есть и у г. Сырцова (Тобол. Еп. Вѣд. 1885 г. стр. 346), утверждающаго, что царь «назначилъ Аввакума книжнымъ справщикомъ», повелѣвъ поставить его протопопомъ въ Юрьевецъ.

⁹⁾ Мат. VI, стр. 119, 127.

¹⁰⁾ Румянцевъ. О древнихъ зданіяхъ печатнаго двора (Древности Моск. Арх. Обл. II, отд. I, стр. 32, примѣч. 67). Мансветовъ. Какъ у насъ правилъ церк. книги (Тв. Св. Отецъ 1893 г. кн. 4, стр. 543). Макарій. Ист. рус. церкви, т. XI, стр. 126, примѣчаніе.

даже Игнатій Тобольскій не называетъ Вонифатьева и его товарищей *справщиками*, а говоритъ только, что «святѣйшій патріархъ московскій Іосифъ, мужъ престарѣлый, все оно исправленіе книгъ возложи на *совѣтъ* вышеупомянутыхъ протопоповъ и поповъ, и ничтоже о семъ печашеся, ввѣришася бо ему»¹¹⁾. Противъ признанія членовъ кружка справщиками можно привести еще слѣдующія соображенія: самъ Аввакумъ, вообще довольно подробно передающій объ обстоятельствахъ своей жизни, ни слова не говоритъ о своемъ участіи въ печатаніи книгъ, а забвеніе такого важнаго факта предположить очень трудно; Нероновъ (и его біографъ) много говоритъ о своемъ значеніи въ патріаршество Іосифа, но ничего не говоритъ о своемъ участіи въ книжномъ исправленіи; дьяконъ Ѳеодоръ Ивановъ категорически утверждаетъ о Павлѣ, еп. Коломенскомъ, и о Нероновѣ, что они «у книжныя sprawy на печатномъ дворѣ не сиживали никогда, и въ наборщикахъ не бывали: вѣдомо о томъ всей Москвѣ»¹²⁾.

Отвергнувъ мнѣніе о томъ, что Вонифатьевъ и его товарищи были справщиками, митр. Макарій, сопоставляя приведенныя слова митр. Игнатія со свидѣтельствомъ современника іосифовскихъ исправленій, Арсенія Суханова, о томъ, что «у насъ сидятъ, книги правятъ избранныя люди и безпрестани надъ тѣмъ сидятъ, а надъ тѣми людьми надзирають по государеву указу митрополитъ, и архимандритъ и протопопы, кому государь укажетъ и о всякомъ дѣлѣ докладываютъ государя и патріарха»¹³⁾,—приходитъ къ тому заключенію, что Неронову и Вонифатьеву патр. Іосифъ, какъ лицамъ сильнымъ и авторитетнымъ въ московскомъ духовенствѣ, довѣрилъ главное завѣдываніе изданіемъ книгъ, и они вмѣстѣ съ своими единомышленниками могли своими совѣтами оказывать вліяніе, какъ на справщиковъ, такъ и на самое печатаніе книгъ. Такое среднее рѣшеніе вопроса объ участіи кружка Вонифатьева въ книжномъ исправленіи, по нашему мнѣнію, съ нѣкоторыми ограниченіями представляется болѣе правильнымъ, чѣмъ категорическое отрицаніе такого участія, высказанное Н. Ѳ. Каптеревымъ и повторенное прот. Нико-

¹¹⁾ Три посланія Игнатія, митр. Сибирскаго, стр. 91—95.

¹²⁾ Мат. VI, 199.

¹³⁾ Проскинитарій, стр. 345. (Прав. Пал. Сборникъ, 21 вып.).

лаевскимъ. Г. Каптеревъ основываетъ свое отрицаніе на томъ, что указанныхъ лицъ не было въ Москвѣ во время іосифовскихъ исправленій, что Вонифатьевъ появляется въ Москвѣ въ 1645 или 1646 г., Нероновъ—въ 1646 или 1647 г., Аввакумъ, Даниилъ и Логгинъ только въ послѣдніе мѣсяцы патриаршества Іосифа (относительно Логгина прот. Николаевскій полагаетъ даже, что онъ прибылъ въ Москву уже при Никонѣ). Можно вполне согласиться съ г. Каптеревымъ въ томъ, что напр. ученіе о двуперстїи внесено въ книги не этими лицами, такъ какъ мы находимъ его уже въ Іосифовской Псалтыри 1642 года; но нельзя не сказать, что его указанія нисколько не исключаютъ возможности участія въ книжныхъ исправленіяхъ, хотя бы только Неронова и Вонифатьева, тѣмъ болѣе, что о послѣднемъ мы имѣемъ вполне опредѣленное, цитируемое и самимъ г. Каптеревымъ (стр. 16) и митр. Макаріемъ, показаніе дьякона Ѳедора о томъ, что «Книга о вѣрѣ правой» «на Москвѣ въ печать издана повелѣніемъ царевымъ и тщательствомъ благаго духовника его, Стефана Вонифатьевича, Благовѣщенскаго нашего протопопа, во время благочестивое и тихое»¹⁴).

Такимъ образомъ, хотя кружокъ Стефана Вонифатьева и не можетъ считаться постояннымъ совѣтомъ патриарха Іосифа при книжномъ исправленіи, но вліяніе нѣкоторыхъ членовъ кружка на это дѣло, хотя бы даже и косвенное, не можетъ подвергаться никакому сомнѣнію. Н. Ѳ. Каптеревъ, отрицающій это вліяніе, опредѣляетъ задачу кружка, какъ борьбу съ разными «церковными безпорядками, господствующими пороками и недостатками въ жизни народа и духовенства»; но такая широкая программа, при которой особенно выдвигалось впередъ наблюденіе за точнымъ выполненіемъ богослужебнаго чина, сама по себѣ сближала Вонифатьева и его товарищей съ вопросомъ о книжномъ исправленіи, ставившимся на очередь независимо отъ нихъ особенно настоятельно въ патриаршество Іосифа.

Какъ установлено изслѣдованіями г. Каптерева и прот. Николаевского, въ книжной справѣ при патриархѣ Іосифѣ проявляется новое отношеніе москвичей къ грекамъ и малороссамъ. И на тѣхъ

¹⁴) Мат. VI, 143. Совершенно ни на чемъ не основано указаніе Сахарова (Оп. сл.-рус. библіогр. № 519), будто во время печатанія Іосифовской Кормчей былъ справщикомъ дьяконъ Ѳедоръ Ивановъ.

и на другихъ очень долго держался у насъ, отчасти поддерживавшійся правительствомъ, но особенно распространенный въ обществѣ, взглядъ, что они не тверды въ своемъ православіи. По отношенію къ малороссамъ особенною подозрительностью отличалось время патріарха Филарета, который изъ личныхъ наблюденій въ польскомъ плѣну надъ бытомъ западноруссовъ пришелъ къ крайне отрицательному на нихъ взгляду, и свое недовѣріе къ нимъ осуществлялъ въ цѣломъ рядѣ мѣръ, (запрещеніе литовской печати книгъ, испытаніе приходящихъ изъ Бѣлоруссіи), направленныхъ противъ вторженія къ намъ разныхъ неправославныхъ ученій изъ Западной Россіи. Послѣ смерти Филарета Никитича, въ кратковременное правленіе патріарха Іоасафа I, отношенія церковной власти къ кievлянамъ смягчаются, но въ обществѣ, подъ влияніемъ нѣкоторыхъ не отмѣненныхъ постановленій Филарета, всетаки сохраняется недовѣріе къ православію южноруссовъ, удерживающееся и впоследствии.

Подозрительное отношеніе къ грекамъ вызвано было Флорентійской уніей и паденіемъ Константинополя, въ которомъ видѣли наказаніе Божіе за отступничество. Прежде всего это выразилось въ преніяхъ съ преподобнымъ Евфросиномъ Псковскимъ, противники котораго объясняли, что греки «отъ истины свернулись и печать антихристову на челѣ и десницѣ пріяша». Посланія старца Елеазарова монастыря, Филооея, установивъ теорію о Москвѣ—третьемъ Римѣ, еще болѣе укрѣпили убѣжденіе въ неправославіи грековъ и въ исключительномъ положеніи Москвы, какъ хранительницы чистой Христовой вѣры.

Отрицательный взглядъ на грековъ поддерживался въ значительной мѣрѣ поведеніемъ тѣхъ грековъ, которые довольно часто являлись въ Москву по торговымъ или церковнымъ дѣламъ. Греки торговцы, приходя на Русь, обижали русскихъ, прибѣгали ко всевозможнымъ мошенничествамъ, продавали напр. стеклянные поддѣлки вмѣсто драгоценныхъ камней и жемчуга¹⁵⁾. Нисколько не лучше были и духовныя лица, приходившія за подаваніемъ. Очень часто это бывали самозванцы. Крижаничъ рассказываетъ объ одномъ такомъ самозванцѣ, Софроніи, который силою заставлялъ его сочинить подложную грамоту отъ Цареградекаго патріарха¹⁶⁾. Крижаничъ замѣчательно ярко характеризуетъ дѣйствія

¹⁵⁾ Крижаничъ. Пусск. госуд. въ XVII ст. т. II, стр. 190.

¹⁶⁾ Ibid, стр. 191.

грековъ на Руси. «Корыстолюбивые греки, говоритъ онъ, подъ сѣнью благочестія волочатся по нашимъ странамъ безъ нужды и совершаютъ многіе поступки противъ святыхъ правилъ, черезъ что падаетъ добрый церковный порядокъ. Всякія святыни они обращаютъ въ товаръ (между прочимъ они провозили массама въ Москву святыя мощи и другіе священные предметы, будто бы въ даръ, но за нихъ непремѣнно получали большія суммы денегъ)—и готовы продать намъ тысячу разъ Христа, коего Иуда продалъ лишь одинъ разъ. За пѣнязи они посвящаютъ свинопасовъ и мясниковъ, которыхъ не посвятили въ Вѣлой Россіи свои епископы. За пѣнязи разрѣшаютъ всякіе браки и позволяютъ одному мужу перемѣнить пять, шесть женъ, отсылая старыхъ въ монастырь. За пѣнязи отпускаютъ людямъ грѣхи ихъ, безъ исповѣди и безъ покаянія; даютъ разрѣшительныя грамоты тому, кто даетъ деньги, и такимъ образомъ отсылаютъ души прямо въ адъ. За пѣнязи продаютъ святое муро. Изъ-за денегъ скитаются и выдумываютъ предлоги для нищенства и выпрашиванія милостыни»¹⁷⁾). Такою испорченностью отличались не только простые греки, торговцы и духовныя лица низшихъ разрядовъ, — не лучше были и епископы. Такъ, Іерусалимскій патріархъ Паясій въ своихъ корыстолюбивыхъ расчетахъ не особенно стѣснялся какими-либо нравственными соображеніями, какъ это видно напр. изъ слѣдующаго разсказа Павла, архидіакона Алеппскаго: «Въ дѣйствительности въ свитѣ патріарха было не болѣе 35 человекъ; въ этомъ числѣ было достаточно архимандритовъ, священниковъ и монаховъ, а равно родственниковъ патріарха, его племянниковъ и братьевъ, также архонтовъ, которыхъ онъ жаловалъ, сколько ему было угодно, титуломъ архонта изъ купцовъ и проч.; потому что любить блескъ и величіе—въ натурѣ грековъ. Но затѣмъ патріархъ еще набралъ въ число своихъ спутниковъ разнаго сброда и въ спискѣ назвалъ ихъ священниками, архимандритами и клириками разныхъ монастырей, и это все для того, чтобы, благодаря сопутничеству большей свиты, получить большую милостыню, потому что всѣ пожертвованія, которыя шли патріаршимъ спутникамъ и ихъ монастырямъ, патріархъ отъ перваго до послѣдняго бралъ себѣ. Такъ же обирались и купцы, пожалованные въ архонты»¹⁸⁾).

¹⁷⁾ Ibid. т. I, стр. 206.

¹⁸⁾ Терновскій. Изученіе Визант. исторіи и ея тенденц. прилож. къ др. Руси, т. II, стр. 48.

Между прочимъ въ свѣтъ этого патріарха попалъ въ Москву и будущій главный справщикъ при патріархѣ Никонѣ, старецъ Арсеній Грекъ. О немъ очень враждебно отзывались всѣ наши расколоучители, и въ свое время о немъ далъ неодобрительный отзывъ Арсеній Сухановъ, и даже самъ патріархъ Паисій высказалъ сомнѣніе въ его православіи. Впослѣдствіи Никонъ оправдывалъ Арсенія отъ этихъ нареканій и говорилъ Неронову, что Арсенія Грека оболгали изъ ненависти къ нему Арсеній Сухановъ. Между тѣмъ на основаніи несомнѣнныхъ архивныхъ данныхъ, сохранившихъ собственныя показанія Арсенія Грека, мы знаемъ, что это былъ человекъ чрезвычайно покладистыхъ религіозныхъ убѣжденій. Учасъ въ Венеціи въ іезуитскомъ коллегіумѣ, онъ былъ католикомъ; въ Царьградѣ возвратился въ православіе, принималъ разъ магометанство, въ Молдавіи опять перешелъ въ православіе, въ Польшѣ былъ уніатомъ; попавши въ Соловецкій монастырь, до того умѣло притворялся, крестился двумя перстами, хвалилъ мѣстные обряды, говорилъ монахамъ: «воистину, братіе у насъ и половины вѣры нѣтъ», и такъ расположилъ ихъ къ себѣ, что они дали о немъ Никону очень хорошій отзывъ ¹⁹⁾.

Такого рода образцы нравственнаго паденія грековъ еще сильнѣе подкрѣпляли установившійся отрицательный взглядъ москвичей на греческое православіе. Сами восточные святители иногда высказываютъ такія мнѣнія, которыя вполне, повидимому, подтверждаютъ церковное первенство Московскаго государства на всемъ православномъ Востокѣ. Патріархъ Цареградскій Іеремія говорилъ царю Θεодору Іоанновичу: «Понеже убо ветхій Римъ падеся Аполлинаріевою ересью, второй же Римъ, иже есть Костянтинополь, Агарянскими внуцы отъ безбожныхъ Турокъ обладаемъ, твое же, о благочестивый царю, *великое російское царствіе, третій Римъ благочестіемъ всѣхъ превзыде*, и вся благочестивая царствія въ твое едино собрася и ты единъ подъ небесемъ христіанскій царь именуешися во всей вселенней, во всѣхъ христіанехъ, и по Божію промыслу и Пречистыя Богородицы милости и молитвъ ради новыхъ чудотворцевъ великаго російскаго царствія» ²⁰⁾. Съ большой похвалой отзывался о московскомъ пра-

¹⁹⁾ Макарій. Ист. рус. церкви, т. XII, стр. 154 — 165. Терновскій. Op. cit. т. II, стр. 83 — 87. Чтенія Общ. Люб. Дух. Просв. 1881 г. іюль (статья Н. Ѳ. Каптерева). Хр. Чт. 1891, II, стр. 165—176.

²⁰⁾ Собр. гос. гр. и дог. II, № 59.

вославіи также и Теофанъ, патр. іерусалимскій, говоря царю Михаилу Феодоровичу и патр. Филарету: «зрѣхъ на востоцѣ и на полудни святымъ Божиимъ церквамъ запустѣніе и православнымъ христіаномъ святого греческаго закона великое насиліе и погубленіе, и утѣшеніе ниоткуда нѣсть, точію слухъ благочестиваго христіанскаго царя, яко ты единъ на вселеннѣй владыка и блюститель непорочныя вѣры Христовой» ²¹).

Отрицательный взглядъ москвичей на грековъ нашель для себя самое полное и яркое выраженіе въ преніяхъ съ греками Арсенія Суханова, который между прочимъ развивалъ такую мысль: «Послушайте, былъ у Бога возлюбленный родъ Израиль и егда Бога не позна, и Господь Богъ ихъ отверже и предаде ихъ въ запустѣніе. вмѣсто Израиля Богъ принялъ васъ, грековъ и прочихъ вѣрующихъ, и церкви жидовскія разорены и вмѣсто нихъ созданы церкви христіанскія, и отъ того времени и вы, греки, разгордѣстеся надъ многими и называется всѣмъ источникомъ въ вѣрѣ, и за то ваше высокоуміе, видите, и васъ Богъ отринулъ и царство ваше предалъ Богъ басурманомъ и васъ всѣхъ въ неволю, и дѣтей вашихъ емлютъ неволю въ янычары и многихъ басурмавятъ, и церкви ваши мечетями учинены, и женъ вашихъ басурманы за себя емлютъ, и посемъ какъ вамъ быти намъ учителями и источникомъ? У басурмановъ живете подъ началомъ и сами себя просвѣтити не можете, будучи вамъ у темной власти подъ началомъ; и пустою гордостью называется всѣмъ источникомъ, но прошу васъ, скажите мнѣ, кого вы своимъ источникъ напоисте и ученіемъ просвѣтили. Мощно видѣти, мало вы не все обасурманились, возлѣ поганства живучи, и церкви ваши помечетены, и просто молвить, только слѣдъ знать, что было у васъ христіанство да миновалось» ²²).

Но рядомъ съ этими отрицательными взглядами на малороссовъ и грековъ, въ Москву постепенно, съ одобренія правительственныхъ круговъ, проникаетъ другое къ нимъ отношеніе и этимъ облегчается возможность вліянія на москвичей западно-русской и греческой образованности. Такого рода новое теченіе прежде всего обнаруживается въ дѣятельности Московскаго печатнаго двора во время патріаршества Іосифа, такъ какъ издается рядъ

²¹) Д. А. И. т. II, № 76.

²²) Проскинитарій (Прав. Пал. Общ.), стр. 355—356.

переводовъ западно-русскихъ произведеній. «Кириллова книга», напечатанная въ 1644 г., составлена протопопомъ Черниговскаго московскаго собора, Михаиломъ Роговымъ, пѣбликомъ изъ полеми-ческихъ сочиненій южно-русскихъ писателей: Стефана Зиванія, Захаріи Копыстенскаго, Василія, священника Острожскаго ²³). Въ 1648 г. издана «Славянская грамматика» Мелетія Смотрицкаго, и въ предисловіи къ ней помѣщены разсужденія о важности изученія грамматики для исправленія книгъ, такъ какъ прежніе справщики, «неискусные въ разумѣ и хитрости грамматикійстѣй», вмѣсто исправленія «наибольше испортили» книги. Въ томъ же году печатается «Книга о вѣрѣ», составленная игуменомъ Киевскаго Михайловскаго монастыря, Нафанаиломъ. Въ январѣ 1649 г. выходитъ еще одинъ переводъ южно-русскаго изданія, такъ называемый «Малый катехизисъ» Петра Могилы ²⁴). Въ 1650 г. напечатана въ первый разъ «Кормчая книга», въ которую внесена глава «о тайнѣ супружества», заимствованная изъ «Требника Петра Могилы, а сюда включенная изъ католическихъ требниковъ» ²⁵). Печатавъ эти переводы южно-русскихъ произведеній, книжные справщики временъ патріарха Іосифа и при исправленіи богослужебныхъ книгъ, начинаютъ ихъ свѣрять съ отрицавшимися ранѣе западно-русскими изданіями: такъ, напечатанное въ 1652 г. «Учительное Евангеліе» сличено, по ихъ заявленію, между прочимъ и съ книгами Острожской печати ²⁶).

Вліяніе западно-русское и греческое выражается также и въ вопросѣ объ учрежденіи въ Москвѣ школы. Мысль о школѣ была не новая. Еще въ 1593 г. Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ писалъ царю Θεодору Іоанновичу: «Устрой у себя, царь, греческое училище (*φροντιστήριον μαθημάτων ἑλληνικῶν*), какъ живую искру священной мудрости, потому что у насъ источникъ мудрости грозитъ изсякнуть до основанія» ²⁷). Но не было ничего сдѣлано, и первая попытка учредить школу относится ко времени патріарха Филарета. Въ началѣ сентября 1632 г. пріѣхалъ въ Москву протосинкелль Александрійскаго патріарха, архимандритъ

²³) Сахаровъ. Обовр. сл.-рус. библ. № 442. Каптеревъ, op. cit. стр. 13—15.

²⁴) Сахаровъ №№ 501 и 510. Каптеревъ, стр. 14—17.

²⁵) Горчаковъ. О тайнѣ супружества.

²⁶) Строевъ. Опис. старопеч. книгъ Царскаго, № 176.

²⁷) Малышевскій. Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви, т. II, стр. 10.

Іосифъ. Ему было предложено остаться въ Москвѣ на службѣ, и въ грамотѣ ему отъ царя и патріарха говорилось: «быти ему въ нашемъ государствѣ и служить намъ духовными дѣлы, переводити ему греческія книги на словенскій языкъ и учити на учительномъ дворѣ малыхъ робятъ греческаго языка и грамотѣ, да ему же переводити книги съ греческаго языка на словенскій языкъ на латынскіе ереси»²⁸⁾. Такимъ образомъ мы узнаемъ, что въ Москвѣ былъ или учреждался въ это время особый учительный дворъ, на которомъ Іосифъ долженъ былъ обучать дѣтей, можетъ быть, для того, чтобы приготовить себѣ преемниковъ въ переводахъ. Но этой школѣ не суждено было долго просуществовать: она закрылась, какъ думаетъ митрополитъ Макарій, со смертью архимандрита Іосифа; а кромѣ того, она не могла принести большой пользы въ смыслѣ обученія, такъ какъ, по предположенію г. Каптерева, главнымъ дѣломъ Іосифа были все-таки переводы съ греческаго на славянскій языкъ, и въ Москвѣ заботились въ это время о пріисканіи вмѣсто Іосифа другого учителя. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключать на основаніи грамоты къ царю Михаилу Ѳеодоровичу константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса, который писалъ: «Я нынѣ хотѣлъ прислать къ вамъ, великимъ государямъ, учителя Кириака отъ святой Аѳонскія горы, но онъ ѣхать не могъ, потому что старъ и безсиленъ; сказывалъ мнѣ архимандритъ Амфилохій, чтобы прислать къ вамъ, великимъ государямъ, иного учителя, и я буду впредь сыскивать»²⁹⁾.

Въ 1640 г. кievскій митрополитъ Петръ Могила предлагалъ царю Михаилу Ѳеодоровичу устроить въ Москвѣ училище, въ которомъ кievскіе монахи обучали бы дѣтей греческому и славянскому языкамъ³⁰⁾, но этой мысли суждено было осуществиться только въ слѣдующее царствованіе. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого, уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ прибыло въ Москву отъ собора восточныхъ патріарховъ торжественное посольство, во главѣ котораго стоялъ Ѳеофанъ, митрополитъ палеопатрасскій. Ѳеофанъ подалъ царю очень интересную записку, въ которой указывалъ на бѣдственное состояніе православной церкви на востокѣ. Онъ говорилъ, что латины и лютеры, пользуясь тѣмъ,

²⁸⁾ Макарій. Ист. рус. церкви, т. XI, стр. 72.

²⁹⁾ Чт. Общ. Люб. Дух. Просв. 1881 г. июль. стр. 73.

³⁰⁾ Акты Ю. и З. Россіи, т. III. №№ 33 и 34.

что у грековъ нѣтъ своихъ типографій, печатають ихъ богослужебныя книги, творенія св. отцовъ, и наполняютъ ихъ разными своими искаженіями, «вмѣщаютъ лютое зеліе, поганую свою ересь»- Борются съ ними невозможно, потому что они пересиливають деньгами. Патріархъ Кирилль Лукарисъ попробовалъ завести свою типографію, но они предали его невѣрнымъ басурманамъ, испортили печать, причинили на 10.000 руб. убытку, такъ что онъ едва спасся. Единственная надежда у грековъ на православнаго великаго русскаго государя. Извѣщая все это государю, Теофанъ обращался къ нему со слѣдующей просьбой: «Да повелиши быть греческой грамотѣ и пріѣхати греческому учителю учить русскихъ дѣтей философства и богословія, греческому языку и по русскому; тогда будутъ переводить многія книги греческія на русскій языкъ, которыя не переведены, и будетъ великое надобѣ на обѣ стороны и великая доброта, да и гречане освободятся отъ лукавства еретиковъ, да исполнятся во всемъ мірѣ православныя хрістіанскія книги, и не будетъ нужды тѣми составленными римскими и люторскими книгами. Здѣсь исполнятся древнія книги, будутъ ихъ печатать и переводить на русскій языкъ прямо, подлинно и благочестиво»³¹). Вѣроятно, вслѣдствіе этой записки Теофану было поручено пригласить такого учителя, и, по его рекомендаціи, въ 1646 г. прибылъ въ Москву цареградскій архимандритъ Венедиктъ, который прожилъ здѣсь до мая слѣдующаго года. Однако онъ здѣсь не понравился, какіе-то люди, считавшіе себя, по его словамъ, «великими учеными и мудрецами», находили, что онъ не пригоденъ для того дѣла, которое ему предполагалось поручить. Чтобы чѣмъ-нибудь его занять, ему дали переводить латинскую книгу объ индѣйскомъ царствѣ, которую онъ и перевелъ со своимъ толмачемъ, Ивашкой Соболевымъ. Обнаружились разные не совсѣмъ чистые въ нравственномъ отношеніи поступки Венедикта, и, наконецъ, ему дали милостыню, посоветовали не называться впредь учителемъ и отправили на родину³²).

Въ 1649 г. произошло очень важное обстоятельство, подѣй-

³¹) Записка Теофана издана г. Каптеревымъ въ Чт. Общ. Люб. Дух. Пр. 1881 г., июль, стр. 71—77.

³²) Каптеревъ. Характеръ отношеній Россіи къ прав. Востоку, стр. 240—242 Хр. Чт. 1882 г. I, стр. 162—163.

ствовавшее и на ходъ книжныхъ исправленій, въ смыслѣ усиленія греческаго вліянія, и отразившееся также и на школьномъ вопросѣ: это былъ прїѣздъ въ Москву іерусалимскаго патріарха Паисія, который чуть ли не съ первыхъ же дней своего пребыванія въ Москвѣ началъ относиться критически къ замѣчаемымъ имъ особенностямъ московской церковной жизни, указывая нѣкоторымъ изъ своихъ московскихъ вліятельныхъ знакомыхъ на необходимость исправленія обрядовъ русской церкви и согласованія ихъ съ греческими. Изъ этихъ знакомцевъ Паисія, которымъ онъ передавалъ свои «заиранія», особенно понравился ему молодой Новоспасскій архимандритъ, Никонъ; въ письмѣ своемъ къ царю Алексію Михайловичу Паисій отзывается, что Никонъ «мужъ благоговѣйный и преданный государю», что ему полюбилась бесѣда Никона, а потому онъ и проситъ позволенія свободно съ нимъ видѣться и разговаривать. Изъ такого сближенія Никона съ Паисіемъ можно заключить, что уже въ это время даровитый будущій патріархъ отказывается отъ прежняго своего, истекавшаго изъ старинныхъ предрасудковъ, взгляда на грековъ и малороссовъ, а каковъ былъ этотъ взглядъ, мы можемъ судить по тѣмъ словамъ, которыя впоследствии говорилъ Никону Иванъ Нероновъ³³): «Святитель, иноземцевъ ты законоположеніе хвалишь и обычаи тѣхъ прїемлешь, благовѣрны и благочестіи тѣхъ родителей нарицаешь, а мы прежде сего у тебя же слышали, что многажды ты говаривалъ намъ: гречане де и Малыя Россіи потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой де и честь тѣхъ прельстила, и своимъ правомъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилось и благочестія ни мало».

Другимъ собесѣдникомъ патріарха Паисія былъ, по предложенію прот. Николаевскаго, Стефанъ Вонифатьевъ, и приведенный нами выше эпизодъ столкновенія Вонифатьева съ патріархомъ Іосифомъ прот. Николаевскій объясняетъ тѣмъ, что «Вонифатьевъ въ своихъ представленіяхъ царю высказалъ недовольство слабыми сторонами въ современномъ состояніи церковныхъ дѣлъ въ Россіи, въ лицѣ патріарха и освященнаго собора обвинялъ мѣстную церковную власть въ допущеніи и усиленіи церковныхъ безпорядковъ, указывалъ на необходимость исправленія

³³) Мат. I, стр. 149—160.

этихъ безпорядковъ и въ этомъ дѣлѣ предлагать признать авторитетъ только что прибывшаго въ Москву греческаго патріарха и согласно съ его замѣчаніями стремиться къ полному единству русскихъ церковныхъ порядковъ съ греческими»³⁴). Что Стефанъ Вонифатьевъ могъ въ это время сочувственно относиться къ указаніямъ греческаго іерарха, весьма вѣроятно, такъ какъ за годъ передъ этимъ онъ обнаружилъ уже свое довѣрчивое отношеніе къ малороссамъ изданіемъ «Книги о вѣрѣ», и слѣдовательно тогда же могъ склоняться къ болѣе выгодному мнѣнію о грекахъ. Однако изъ этого еще нельзя вывести положительнаго заключенія о причинахъ его столкновенія съ патріархомъ Іосифомъ, такъ какъ въ сущности въ отношеніяхъ къ грекамъ, какъ это доказалъ г. Каптеревъ, патр. Іосифъ держался тоже взгляда примирительнаго, считая ихъ вполне православными и высказывая это между прочимъ въ своихъ отвѣтахъ иноземцамъ по дѣлу королевича Вальдемара. Въ свою очередь и г. Каптеревъ, кажется намъ, неправъ, видя въ Стефанѣ противника грековъ; во всякомъ же случаѣ объясненіе причинъ описанной ссоры, даваемое г. Каптеревымъ, представляется весьма вѣроятнымъ: патріархъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на авторитетное положеніе Вонифатьева и его кружка, желавшихъ подчинить его своему водительству, и совсѣмъ не могъ согласиться на ограниченіе своихъ правъ верховнаго управленія церковью. Весьма возможно, что медленность патріарха въ исполненіи какихъ-нибудь основательныхъ требованій Вонифатьева, въ это время уже вполне расположеннаго къ исправленіямъ въ духѣ пришлыхъ учителей, грековъ и малороссовъ, и вызвала этотъ рѣзкій протестъ царскаго духовника. Ни въ какомъ случаѣ, намъ кажется, не можетъ быть принято мнѣніе неизвѣстнаго издателя челобитной Іосифа въ «Братскомъ Словѣ», будто «дѣло касалось *безъ сомнѣнія* какого-нибудь мелкаго нарушенія въ обрядѣ или чинѣ богослуженія, какого-нибудь неправильнаго, по мнѣнію Вонифатьева, распоряженія по церковному управленію»³⁵). Врядъ ли такая маловажная причина могла такъ возбудить Стефана, что онъ подвергъ бы столь рѣзкому поношенію патріарха и весь освященный соборъ,—мы знаемъ, что Стефанъ былъ всетаки достаточно мягкаго характера, а кромѣ того

³⁴) Хр. Чт. 1891 г. т. I, стр. 164—165.

³⁵) Братское Слово, 1886 г. т. II, стр. 494—498.

за неосновательность своего протеста Стефану, конечно, пришлось бы понести отвѣтственность (хотя, конечно, не въ формѣ смертной казни, какъ этого требовалъ патріархъ Іосифъ); между тѣмъ челобитная патріарха осталась безъ всякихъ послѣдствій, Стефанъ сохранилъ свое мѣсто царскаго духовника и свое вліятельное положеніе, продолжая выдвигать впередъ тѣхъ людей, которые казались отвѣчающими его планамъ, и проводя въ церковную практику свои начертанія, какъ напр., въ вопросѣ о единогласіи.

По поводу сближенія Никона и Стефана съ греками и малороссами, вѣроятно, уже въ это время высказывалось нѣкоторое неодобреніе иными изъ членовъ кружка Стефана: такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ двухъ замѣчаній Неронова о томъ, что онъ противорѣчилъ въ чемъ-то Никону и Стефану. Въ челобитной царю Алексѣю Михайловичу въ 1654 г. Нероновъ заявляетъ: «по приказу отца священнопротопопа Стевана Ниоантьевича, всяко покореніе и любовь показывалъ азъ къ Никону патріарху, еще онъ былъ въ архимандритѣхъ и въ митрополитѣхъ, и льстивыхъ словъ ему, господину, не говорилъ, но все по истиннѣ истинну, да не слушаетъ клеветниковъ»³⁶⁾; а въ письмѣ къ Стефану отъ того же года Нероновъ говоритъ, что живучи на Москѣ, онъ «много стужалъ» Стефану и «много говорилъ жестоко и противно»³⁷⁾.

Кромѣ этихъ двухъ лицъ, очень можетъ быть, что приѣздъ патріарха Паисія имѣлъ значеніе и для ихъ друга, Ѳ. М. Ртищева, давъ новый толчокъ его стремленіямъ къ насажденію въ Москвѣ школьнаго ученія. Паисій, по всей вѣроятности, указывалъ такъ же, какъ и ранѣе его приходившіе греческіе іерархи, на пользу учрежденія въ Москвѣ школы, и въ качествѣ учителя риторики въ этой будущей школѣ, былъ оставленъ въ Москвѣ и Арсеній Грекъ. Кромѣ этого царь просилъ патріарха Паисія прискаты на Востокъ между учеными греками «учителя премудраго и православнаго, который не имѣлъ бы никакого порока въ благочестивой вѣрѣ, да учинить учительство и учить эллинскій языкъ». Въ этомъ же году, по порученію патріарха Іосифа, грекъ Тафрали прискалъ на Востокъ учителя «смышленнаго эллинскому языку и разсудителя евангельскому слову», Мелетія Сирига³⁸⁾. Во время

³⁶⁾ Мат. I, стр. 67—68.

³⁷⁾ Мат. I, стр. 77.

³⁸⁾ Каптеревъ. Отнош. Россіи къ прав. Востоку, стр. 477 и слѣд.

же пребыванія патріарха Паисія въ Москвѣ царь Алексѣй Михайловичъ писалъ преемнику Петра Могилы, кievскому митрополиту Сильвестру Коссову, прося «приговорити и прислати» въ Москву священноинокѡвъ Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго, которые «Божественнаго писанія вѣдуци и еллинскому языку навичны, и съ еллинскаго языка на славенскую рѣчь умѣють, и латынскую рѣчь достаточно знаютъ». Вызывались эти учителя для перевода Библии на славянскій языкъ³⁹⁾. 12 іюля митрополитъ прислалъ Арсенія Сатановскаго и Епифанія Славинецкаго, а въ ноябрѣ 1650 г. пріѣхалъ Дамаскинъ Птицкій. Между прочимъ этимъ ученымъ кievлянамъ предполагалось поручить и «риторское ученіе»⁴⁰⁾, но школы они не создали. Въ то же время, или нѣсколько ранѣе, какъ предполагаетъ митр. Макарій⁴¹⁾, Ѡ. М. Ртищевъ основалъ свое училище близъ дороги изъ Москвы въ Кіевъ, у церкви св. Андрея Стратилата, въ двухъ поприщахъ отъ Москвы. Здѣсь онъ построилъ монастырь во имя Св. Преображенія Господня и поселилъ тридцать монаховъ, вызванныхъ изъ Кіево-Печерской Лавры, изъ Межигорскаго и др. малороссійскихъ монастырей, «въ житіи и чинѣ и во чтеніи и пѣвнѣ церковномъ и келейномъ правилѣ изрядныхъ». Въ настоятели имъ онъ выбралъ Досіея. Кромѣ этихъ инокѡвъ Ртищевъ былъ въ сношеніяхъ съ Епифаніемъ Славинецкимъ и др. учеными малороссами; онъ любилъ ученыхъ людей и проводилъ съ ними иногда цѣлыя ночи въ любезномъ собесѣдованіи; онъ постоянно заботился о матеріальномъ благосостояніи своего монастыря, давалъ ему все потребное изъ своего имѣнія; благодаря такому дѣятельному его участию, монахи успѣшно вели дѣло обученія московскаго юношества, а также перевели съ греческаго на славянскій языкъ много душеполезныхъ книгъ⁴²⁾.

³⁹⁾ П. С. З. № 7.

⁴⁰⁾ Каптеревъ. Патр. Никонъ, стр. 98. Хр. Чт. 1891, I, стр. 169.

⁴¹⁾ Макарій. Ист. р. ц. XI, стр. 133.

⁴²⁾ Древн. Росс. Вивл. т. XVII, стр. 400—401.—Г. Иванъ Соколовъ полагаетъ, что Ртищевъ пришелъ къ своей мудрой мысли подъ вліяніемъ нѣмцевъ; «что частыя бесѣды его съ образованными нѣмцами, для которыхъ всегда былъ открытъ его домъ, обычныя ихъ похвалы, какъ протестантскія книги ихъ вѣрны во всемъ съ первоначальнымъ греческимъ текстомъ, пробудили въ немъ пытливое желаніе узнать, да «какъ прѣмы наши служебники, оточники и биб-

Новшество, заводимое Ртищевымъ, обращало на себя общее вниманіе и возбуждало различные толки, далеко не всегда сочувственные. Извѣстное подозрительное отношеніе москвичей къ малороссамъ было распространено и на монаховъ, вызванныхъ Ртищевымъ: ихъ тоже заподозрили въ неправославіи и опасались итти къ нимъ въ науку. Въ 1650 году, апрѣля 3 заявилъ окольникему Ивану Андреевичу Милославскому чернецъ Саулъ, что есть за нимъ государево дѣло, и просилъ про тотъ извѣтъ его доложить государю. Окольникій доложилъ,—и чернецъ Саулъ сказалъ предъ государемъ: «въ нынѣшнюю зиму, 5 марта приходили къ нему, Саулу, въ келію Иванъ Васильевичъ Засѣцкій да Лукьянъ Тимоеевъ, Голосовъ да Благовѣщенскаго собора (въ которомъ служилъ Стефанъ Вонифатьевъ) дьячекъ Константинъ Ивановъ и между собою шептали: «учится у кіевлянъ Федоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ и еретичество есть». Голосовъ говорилъ: «Извѣсти Благовѣщенскому протопопу, что я у кіевскихъ чернецовъ учиться не хочу, старцы недобрые, я въ нихъ добра не позналъ; теперь я маю Федору Ртищеву, боюсь его, а впередъ учиться никакъ не хочу; кто полатыни научится, тотъ съ праваго пути совратится. Да и о томъ вспомни протопопу, поѣхали въ Кіевъ учиться Перфилька Зеркальникъ да Иванъ Озеровъ⁴³⁾, а грамоту проѣзжую Федоръ Ртищевъ промыслилъ; поѣхали они доучиваться у старцевъ кіевлянъ полатыни, и какъ выучатся и будутъ назадъ, то отъ нихъ будутъ великія хлопоты; надобно ихъ воротить назадъ; и такъ они всѣхъ укоряютъ и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ, Ивана, Степана и другихъ. Дьячекъ Костка отвѣчалъ на это: «мнѣ и попъ Фома говорилъ: «Скажи, пожалуй, какъ быть? Дѣти

дѣи съ ихъ первобытнымъ текстомъ». (Соколовъ. Отношеніе протестантизма къ Россіи, стр. 206). Очень можетъ быть, что нѣмцы имѣли тутъ нѣкоторое косвенное вліяніе, но врядъ-ли оно было очень велико; убѣжденіе въ «непрямости» нашихъ книгъ существовало давно, а въ это время повторялось особенно въ «зазираніяхъ» патріарха Паисія; сознание необходимости школы тоже далеко не было новостью, и учрежденіе Ртищевской школы имѣетъ свой источникъ скорѣе всего въ проектѣ Петра Могилы, осуществленіемъ котораго оно является, а не въ «бесѣдахъ» Ртищева съ нѣмцами, при чемъ о содержаніи этихъ бесѣдъ намъ ничего неизвѣстно изъ доступныхъ намъ источниковъ.

⁴³⁾ Этотъ Иванъ Озеровъ былъ при патр. Никонѣ справщикомъ печатнаго двора и пользовался особеннымъ расположеніемъ патріарха, Хр. Чт. 1891, II, стр. 165.

мой духовные Иванъ Озеровъ и Перфілій Зеркальниковъ просятъ въ Кіевъ учиться». Я ему говорилъ: «Не отпуская, Бога ради,—Богъ на твоей душѣ за это взыщетъ»,—а Ѳома говоритъ: «Радъ бы не отпустить, да они безпрестанно со слезами просятъ, и меня мало слушаютъ и ни во что ставятъ». Потомъ Лукьянъ и Иванъ про боярина Бориса Ивановича Морозова говорили между собою тихонько: «Борисъ де Ивановичъ держитъ отпа духовнаго для прилики людской и началъ жаловать кіевлянъ, а это уже явное дѣло, что туда же уклонился къ такимъ же ересямъ» ⁴⁴⁾. Этотъ разговоръ ярко характеризуетъ настроеніе московскаго общества того времени. Московскіе люди къ самому установленію школы относились, по всему вѣроятію, не особенно сочувственно, и какъ бы въ подтвержденіе своихъ опасеній, они замѣчаютъ, что молодые люди, ихъ дѣти, попавшіе въ эту школу, совершенно отрываются отъ нихъ, просятъ со слезами въ Кіевъ и скептически относятся къ авторитету благочестивыхъ протопоповъ, пользующихся такимъ почетомъ при дворѣ и въ духовномъ мірѣ, осмѣливаются про нихъ говорить, что они «враки вракуютъ». Можно предполагать въ этомъ разговорѣ и отголосокъ сужденій самихъ благочестивыхъ протопоповъ, Ивана, Степана и др., которымъ не нравилась конкуренція ученыхъ кіевлянъ, смотрѣвшихъ на нихъ съ высока, какъ на невѣждъ; но при этомъ нельзя не замѣтить, что эти сужденія находили для себя вполне подготовленную почву въ томъ тревожномъ настроеніи, которое охватывало москвичей при усиливавшемся наплывѣ западныхъ новшествъ.

Окончательное установленіе у насъ въ XVI в. сильнаго государства, обращающаго на себя вниманіе и Западной Европы и Востока и ставившаго себѣ обширныя политическія задачи «третьяго Рима», должно было предъявить къ народу требованія очень большихъ жертвъ, которыя значительно увеличиваются въ XVII столѣтіи. На счетъ народа все болѣе и болѣе усиливалась централизація политическая и экономическая въ Москвѣ, заглушая старинныя земскія, областныя начала. Голосъ земли, раздававшійся съ такою силою въ Смутное время и на соборахъ и оказавшій великую услугу развитію русской государственности, становится менѣ слышнымъ, а по областямъ административное за-

⁴⁴⁾ Макарій. Ист. рус. церкви, XI, стр. 134—136.

вѣдываніе отъ выборныхъ властей переходить постепенно къ воеводамъ. Закрѣпощеніе крестьянъ повсюду растетъ и усиливается, посадскіе люди прикрѣпляются къ посадамъ. Государственною же необходимостью въ значительной мѣрѣ объясняются и тѣ западныя новшества, которыми отличается эта эпоха: государство первое сознало нужду въ иноземцахъ-торговцахъ, ремесленникахъ, солдатахъ, офицерахъ, и оно призываетъ ихъ, даетъ имъ разнаго рода привилегіи, ставитъ ихъ начальниками и учителями русскихъ людей; а это стремленіе къ западнымъ новизнамъ, исходя первоначально изъ правительства, все болѣе и болѣе охватываетъ русское общество.

Конечно на службу въ малознакомую, полу-варварскую страну, къ русскому государю шли съ запада не лучшіе люди, а являлся разный сбродъ, своего рода «казаки западно-европейскіе», какъ ихъ мѣтко называетъ Соловьевъ, «извѣчнымъ занятіемъ которыхъ было служить въ семи ордахъ, семи королямъ, искать хорошаго жалованья и добычи въ службѣ разныхъ государей. Волею или неволею оторвавшіеся отъ родной страны, мѣняющіе службу, знамена, смотря по тому, гдѣ выгоднѣе, составляя пеструю дружину пришельцевъ изъ разныхъ странъ и народовъ, служилые иноземцы были совершеннѣйшіе космополиты, отличавшіеся полнымъ равнодушіемъ къ судьбамъ той страны, гдѣ они временно поселились, отличавшіеся легкою нравственностью; побольше жалованья, побольше добычи—оставалось всегда главною цѣлью. Трудно было сыскать между ними кого-нибудь съ научнымъ образованіемъ: такіе люди не пошли бы въ наемныя дружины; но это были обыкновенно люди живые, развитые, много видѣвшіе, много испытавшіе, имѣвшіе много кое о чемъ поразсказать, пріятные и веселые собесѣдники, любившіе хорошо, весело пожить, попить за полночь, беззаботные, живущіе день за день, привыкшіе къ крутымъ поворотамъ судьбы: нынче хорошо, завтра дурно; нынче побѣда, богатая добыча, завтра проигранное сраженіе, добыча отнята, самъ въ плѣну»⁴⁵⁾.

Иноземцы сразу начали досаждать тому же государству, которое ихъ призывало. Въ очень большомъ количествѣ провозили они черезъ Архангельскъ контрабанду, отъ чего государевой казнѣ чинилась не малая порука; провозили табакъ и иные заповѣд-

⁴⁵⁾ Соловьевъ. Ист. Россіи, кн. III, ст. 793 (изд. Общ. Пользы).

ные товары, а изъ Московскаго государства вывозили шелкъ сырецъ и всякіе другіе товары. За границей дѣлалось много фальшивыхъ московскихъ серебряныхъ денегъ; очень худого качества, мѣшанныхъ на половину съ мѣдью; эти деньги обмѣнивались въ Россіи на старыя московскіе рубли чистаго серебра ⁴⁶⁾. Но иноземцы не ограничивались такими тайными дѣйствіями въ ущербъ государевой казнѣ: они проявляли иногда страшное своевольство, совершенно открыто отказываясь исполнять нѣкоторыя правительственныя распоряженія. Въ самой Москвѣ иногда происходили цѣлыя сраженія съ нѣмцами. Гордонъ рассказываетъ объ одномъ подобномъ сраженіи, въ которомъ участвовало 800 человекъ иностранныхъ солдатъ противъ 700 стрѣльцовъ, и сперва перевѣсъ былъ на сторонѣ нѣмцевъ; но когда на подмогу къ стрѣльцамъ явилось еще 600 человекъ, то были побиты нѣмцы ⁴⁷⁾.

Дѣйствуя иногда въ разрѣзъ съ правительственными распоряженіями и въ ущербъ государственнымъ финансамъ, нѣмцы были гораздо тягостнѣе для земскихъ людей. Въ 40-хъ годахъ XVII ст. произошли значительныя беспорядки и смуты во многихъ мѣстностяхъ Московскаго государства, и изъ челобитной торговыхъ людей разныхъ городовъ мы узнаемъ, что причиною этому были между прочимъ притѣсненія отъ нѣмцевъ, жившихъ на Руси по торговымъ дѣламъ. «А ихъ, государь, говорится въ челобитной, нѣмецкое злодѣйство къ намъ, холопамъ и сиротамъ твоимъ, всего государства торговымъ людямъ, и лукавый умыселъ тебѣ, праведному государю, мы, холопи твои, объявляемъ». Злодѣйство нѣмецкое было дѣйствительно очень велико и могло возбуждать сильнѣйшіе взрывы народнаго негодованія. Ежегодно пріѣзжало въ Московское государство торговыхъ людей англичанъ человекъ 60—70 и больше. Они устроили свои склады въ Архангельскѣ, Холмогорахъ, на Вологдѣ, въ Ярославлѣ, Москвѣ и др. городахъ, такъ что ихъ поселенія при Михаилѣ Феодоровичѣ доходили по Волгѣ уже до самой Астрахани. Окончательно водворившись въ Московскомъ государствѣ, нѣмцы завели постоянную торговлю не только по его окраинамъ, но и во внутреннихъ городахъ. Это были въ большинствѣ предъ-

⁴⁶⁾ Д. А. И. т. III, № 55, 116.

⁴⁷⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, кн. III. ст. 800—801.

ставители богатыхъ и старинныхъ торговыхъ фирмъ и пользовались покровительствомъ русской власти, такъ что конкуренція съ ними была для мѣстныхъ торговцевъ нелегка и даже опасна⁴⁸⁾. Какъ-то нѣмцы хотѣли купить 900 пуд. шелку, давали за него по 77 ефим. за пудъ, но московскіе купцы перебили у нихъ эту покупку, набавивъ на всю сумму 8.000 ефимковъ. Однако, когда они привезли этотъ шелкъ въ Архангельскъ, нѣмцы не купили у нихъ ни одной гривенки и говорили: «мы доведемъ до того, что московскіе купцы настоятся на правезѣхъ за долги, заставимъ ихъ впередъ торговать лаптями». Началось искусственное поднятіе и пониженіе цѣнъ на товары: «какъ который товаръ будетъ подороже, и они тотъ товаръ учнутъ продавать, а который товаръ будетъ подешевле и на который товаръ походу нѣтъ, и они тотъ товаръ держатъ у себя въ домѣхъ года по два и по три, да какъ тотъ товаръ подыметъ цѣною, такъ и продавать учнутъ». Цѣны на московскіе товары такъ упорно сбивались, что многіе купцы «плачучи отдавали свой товаръ за безцѣнокъ». Прежде англійскіе нѣмцы вымѣнивали свои товары на русскіе черезъ мѣстныхъ купцовъ-посредниковъ, теперь стали покупать они сами на мѣстахъ ихъ производства, «своимъ заговоромъ», и «разсылають, заявляли русскіе люди въ своей челобитной, покупать по городамъ и въ уѣзды, закабали и задолжали многіхъ бѣдныхъ и должныхъ русскихъ людей, и тѣ товары покупая, русскіе люди привозятъ къ нимъ, а они провозятъ въ землю свою безпошлинно; а иные русскіе товары они, аглинскіе нѣмцы, у города продають на денги галанскимъ и бараборскимъ и анбурскимъ нѣмцамъ, а вѣсятъ у себя на дворѣ въ свои телеги и возятъ на галанскіе и на бараборскіе и на анбурскіе корабли тайно, и твою государеву пошлину крадутъ, и всѣми торгами, которыми искони вѣчными мы, холопи и сироты твои, торговали, завладѣли аглинскіе нѣмцы, и отъ того мы, холопи и сироты твои, своихъ искони вѣчныхъ старыхъ торговыхъ промысловъ отстали и къ Архангельскому городу ѣздить перестали». Для примѣра торговые люди въ своей челобитной приводятъ слѣдующую уловку нѣмцевъ, отъ которой чинилась поруха и государевой казнѣ и земскимъ людямъ; первоначально получили право торговли въ Московскомъ государствѣ только 23 чело-

⁴⁸⁾ Крижаничъ. Рус. госуд. т. I, глава «о ремеслу».

вѣка, которые и были поименованы въ жалованной грамотѣ; но изъ нихъ оставалось въ живыхъ всего 3 или 4 человѣка, да и тѣ уже не ѣздили въ Россію, а пріѣзжали уже совсѣмъ другіе люди, не имѣвшіе никакого права на это, называясь братьями, племянниками, прикащиками лицъ, записанныхъ въ грамоту. Еще характернѣе случай, бывший съ ярославцемъ, торговымъ человѣкомъ Антономъ Лаптевымъ, который поѣхалъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ Голландію съ пушнымъ товаромъ; тамъ у него ничего не купили, а когда онъ вернулся въ Архангельскъ, тѣ же нѣмцы взяли его мѣха по большой цѣнѣ. Русскіе люди, видя такое коварство нѣмцевъ, начали ихъ укорять въ неблагодарности за милости русскаго государя. А нѣмцы говорили: «для того мы у Онтона Лаптева товару не купили, чтобы инымъ русскимъ торговымъ людямъ ѣздить въ наши государства не было повадно; а только въ нашихъ государствахъ русскіе люди учнутъ торговать такъ же, какъ мы у васъ, и мы всѣ станемъ безъ промысловъ, такъ же оскудѣемъ, какъ и вы, торговые люди; да не токмо вы, русскіе люди, въ наши государства пытались пріѣзжать, кизылбаши съ товары своими, съ шелкомъ сырцомъ, и мы у нихъ потому же товаровъ не купили, и они, живучи долгое время, и опять назадъ съ товаромъ своимъ поѣхали къ себѣ и послѣ того и ѣздить не стали; и вамъ бы торговымъ людямъ, и то поставить себѣ въ большую находку, что его, Онтону, и съ голоду не уморили»⁴⁹⁾. Подобный же фактъ былъ и съ дьякомъ Назарьемъ Чистого. И не одни торговые люди терпѣли отъ иноземцевъ, много выносили отъ нихъ и другіе классы народа: солдаты и мелкіе служилые люди, которыхъ должны были нѣмцы учить ратному строю, не мало терпѣли отъ нихъ, причемъ въ большинствѣ случаевъ оставались вѣчными учениками и подчиненными нѣмцевъ⁵⁰⁾; черезъ торговлю въ значительной экономической зависимости находились отъ нихъ сельскіе и городскіе жители, а подчасъ даже подвергались оскорбленіямъ. Такъ, въ Москвѣ нерѣдки бывали кутежи и попойки нѣмецкихъ офицеровъ и солдатъ, и послѣ нихъ пьяные иноземцы буйно расхаживали по городу и били всякаго попадавашагося имъ на встрѣчу⁵¹⁾.

⁴⁹⁾ А. А. Э. т. IV, № 13.

⁵⁰⁾ Крижанецъ. Русск. госуд. т. I, стр. 207.

⁵¹⁾ Крижанецъ, *ibid.* стр. 375.

Не по праву были, конечно, русскимъ людямъ такія притѣсненія и выходки нѣмцевъ, тяжело имъ было сносить все это, и расправлялись они сами съ своими притѣснителями, и обращались они съ жалобой и мольбой о защитѣ къ высшему правительству и къ самому государю: въ 1646 году была подана челобитная отъ торговыхъ людей, въ 1649 двѣ челобитныя: одна отъ дворянъ, другая отъ торговыхъ людей. Въ одной челобитной просили государя всѣхъ «заморскихъ нѣмецъ изъ Московскаго государства выслать и впередъ велѣть русскимъ людямъ торговать съ нѣмцы у Архангельскаго города», такъ какъ «московскіе гости и торговые люди во всякихъ торгѣхъ и въ промыслѣхъ отъ нѣмецъ погибли и раззорилися до конца, да нѣмцы жъ, будучи въ Московскомъ государствѣ, провѣдываютъ про вѣсти и пишутъ въ свои земли всякіе дѣла». Предлагалось даже нѣчто въ родѣ выкупа, чтобы избавиться отъ нѣмцевъ. «А что де нѣмцы, говорилось въ челобитной, будучи въ Московскомъ государствѣ и въ городѣхъ, устроили себѣ дворы и на дворѣхъ поставили палаты, и только де укажетъ государь тѣ ихъ дворы со всѣмъ строеньемъ опѣнить, чего тѣ дворы стоять, и за тѣ де дворы гости и торговые люди денги по цѣнѣ нѣмцамъ заплатятъ міромъ. А у которыхъ де нѣмецъ Московскаго государства на торговыхъ людехъ есть кабалные долги, и тѣ де долги нѣмцамъ русскіе люди заплатятъ; а чего де будетъ тѣмъ должникомъ заплатить вскорѣ будетъ немочно, и тѣ де досталные долги нѣмцамъ заплатятъ гости жъ и торговые люди міромъ. А на комъ де нѣмцы скажутъ долговые денги безъ кабалъ, и тому бы, государь, по своему государеву уложенію вѣрить не велѣлъ: будетъ де кому нѣмцы въ какихъ долгѣхъ вѣрили безкабално, и они де съ тѣми людьми въ долгу сочтутца по душамъ»⁵²). Однако всѣ такіе жалобы и проекты изгнанія нѣмцевъ не могли вести ни къ какимъ послѣдствіямъ, такъ какъ правительство само призывало нѣмцевъ и не могло имъ не покровительствовать.

Тѣмъ болѣе трудно было москвичамъ бороться съ нѣмцами, что теперь уже начиналось ихъ культурное вліяніе, имъ начинали уже подражать. Въ высшемъ классѣ московскаго общества встрѣчается уже много людей, перенявшихъ заморскіе, нѣмецкіе

⁵²) Сборникъ кн. Хилкова, № 83.

обычай; нѣкоторые бояре выпускають своихъ женъ изъ теремовъ; царицы ѣздятъ въ открытыхъ экипажахъ; многіе молодые люди брѣютъ бороду, курятъ и нюхаютъ проклятое заморское зеліе, табакъ; для государева двора покупаются въ большомъ количествѣ заграничныя вина и пряности, требуются пудами табачныя листья и зерна, выписываются карты; иностранцевъ принимаютъ въ знатныхъ домахъ, съ ними любятъ иногда побесѣдовать. Являются, правда, какъ исключенія, но всеже являются личности вродѣ кн. Ивана Хворостинина, которыя уже прямо высказываютъ полное презрѣніе къ своему родному быту и преклоняются передъ иноземными новшествами. Въ указѣ царя и патріарха отъ 1623 г. говорилось, что кн. Хворостининъ, подвергшійся сильному латино-польскому вліянію въ Смутное время, не позволялъ людямъ своимъ ходить въ верковь, «а которые пойдуть, тѣхъ билъ и мучилъ, говорилъ, что молиться не для чего»; держалъ у себя много образцовъ латинскаго письма и много латинскихъ еретическихъ книгъ; собирался уѣхать въ Литву и нарядиться тамъ по-гусарски; говорилъ, что въ Москвѣ и людей нѣтъ, народъ все глупый, жить ему не съ кѣмъ, и поэтому онъ хочетъ уѣхать въ Римъ или въ Литву. Въ книжкахъ его сочиненія, писанныхъ стихами, найдены великія укоризны русскимъ людямъ, что они сѣютъ землю рошью, а живутъ все ложью, что ему приобщенія съ ними нѣтъ никакого⁵³⁾. Рядомъ съ этимъ фактомъ можно поставить и эпизодъ съ отсылкой русскихъ молодыхъ людей въ Англію при Борисѣ Годуновѣ. Ѣздившій въ Англію въ 1615 г., подъячій Грязевъ доносилъ, что англичане скрываютъ этихъ русскихъ людей и привели ихъ всѣхъ въ свою вѣру; одного изъ нихъ, Никифора Олферьева сына Григорьева, поставили въ попы и живетъ онъ у нихъ въ Лондонѣ, а другой въ Ирландіи секретаремъ королевскимъ, третій въ Индіи въ торговлѣ отъ гостей. Никифоръ за англійскихъ гостей, которые ходятъ на Русь, молить Бога, что вывезли его оттуда, а на православную вѣру говорить многую хулу⁵⁴⁾.

⁵³⁾ Соловьевъ. Ист. Россіи, кн. II, ст. 1372—1373. Макарій. Ист. русск. церкви, т. XI, стр. 59—61. Платоновъ. Др. рус. повѣсти и сказанія о Смут. времени, стр. 182—203. Пѣтуховъ. Изъ исторіи рус. лит. XVII вѣка, стр. 15—22.

⁵⁴⁾ Соловьевъ, кн. II, ст. 1103. Цвѣтаевъ. Протестанство и протестанты въ Россіи, стр. 700—701.

Но рядомъ съ этимъ постепеннымъ увлеченіемъ иноземци-
ной шло противодѣйствіе ему со стороны представителей ста-
ринной русской культуры, сохранявшихъ исконную антипатію
къ латинамъ, переданную изъ Византіи. Правда, эта антипатія
у насъ была всетаки значительно смягчена, и даже въ духо-
венствѣ, начиная съ Θεодосія Печерскаго, слышались голоса,
допускавшіе милостивое отношеніе къ латинамъ, за что обѣща-
лась даже мзда отъ Бога; даже и нетерпимое осифлянство не
касалось латинъ, хотя относительно своихъ домашнихъ ерети-
ковъ оно не скупилось на казни. Въ народѣ же, по всей вѣ-
роятности, терпимость къ иноземцамъ была еще шире. Но отно-
саясь съ нѣкоторой мягкостью къ латинамъ и люторамъ, народъ
былъ въ правѣ ожидать и отъ нихъ такого же отношенія къ
своей вѣрѣ, къ своимъ нравамъ, а между тѣмъ иноземцы не
отличались особенной деликатностью, они позволяли себѣ на-
смѣшки надъ православіемъ, надъ обрядами, надъ многими сто-
ронами духовной жизни москвичей, которыя казались имъ стран-
ными; иногда они даже прямо пытались пропагандировать ла-
тинскія или протестантскія мнѣнія, чѣмъ и вызывали противъ
себя порой очень рѣзкіе протесты. Олеарій сообщаетъ такой фактъ
о полковницѣ Лесли: «въ противность русской вѣрѣ полковница
заставляла подвластныхъ ей русскихъ крестьянокъ ѣсть въ пост-
ные дни мясо, отвлекала ихъ разными работами отъ церкви, не
давала имъ въ своихъ дворахъ оставаться даже на столько вре-
мени, чтобы они могли успѣть по утрамъ положить надлежащее
число поклоновъ передъ Богомъ и иконами ихъ, а что всего
ужаснѣе, однажды схватила она со стѣны икону ихъ, бросила
въ топившуюся печку и сожгла»⁵⁵⁾. Очень неудобной представ-
лялась близость лютеранскихъ церквей къ православнымъ, такъ
какъ по жалобамъ духовенства нѣмцы чинили этимъ великій
соблазнъ народу. Въ 1638 году причты одиннадцати московскихъ
церквей жаловались правительству, что «нѣмцы русскихъ людей
у себя во дворахъ держать и всякое оскверненіе русскимъ лю-
дямъ отъ тѣхъ нѣмцевъ бываетъ; не дождавшись государева
указа, покупаютъ они дворы въ ихъ приходяхъ вновь; вдовыя
нѣмки держать у себя въ домахъ всякія корчмы, и многіе при-
хожане хотятъ свои дворы продавать нѣмцамъ, потому что нѣмцы

⁵⁵⁾ Олеарій. Подр. опис. путеш. голшт. пос. въ Моск. и Персію, стр. 318.

покупаютъ дворы и дворовыя мѣста дорогой цѣной, передъ русскими людьми вдвое и больше, и отъ этихъ нѣмцевъ приходы ихъ пустѣютъ». Жалуясь на такое положеніе дѣлъ, духовенство просило запретить нѣмцамъ покупать дворы и учинить особый указъ о старыхъ дворахъ и относительно кировъ⁵⁶⁾.

Интересны споры, происходившіе въ концѣ царствованія Михаила Феодоровича, по вопросу о переходѣ въ православіе королевича датскаго Вальдемара. Со стороны протестантовъ тутъ ясно высказались пропагандистскіе замыслы, встрѣтившіе, правда, рѣшительный отпоръ въ средѣ московскаго духовенства и народа. При этихъ спорахъ представители православія оказались стоящими на высотѣ своей задачи: они такъ спокойно и такъ умѣло вели свое дѣло, что протестантамъ очень трудно было имъ возражать, и часто отвѣчали они на вѣскіе доводы православныхъ полемистовъ лишь пустыми и грубыми насмѣшками. Но не этой стороной своей имѣютъ для насъ значеніе эти диспуты: они представляются намъ высоко интересными по тому вниманію, съ которымъ за ними слѣдили люди всѣхъ слоевъ общества. Посольскій приказъ оказался тѣснымъ для преній, въ которыхъ приняли участіе «всѣ елико лучились инокосвященники и міряне, иже еллинскому языку и божественному писанію, и церковному чину, и догматовъ божественныхъ вѣдцы»⁵⁷⁾. Съ сильнымъ и тревожнымъ вниманіемъ наблюдали русскіе люди за ходомъ этихъ преній, потому что тутъ, по ихъ взгляду, ставился вопросъ объ ихъ самобытности, которая отождествлялась для нихъ съ православною вѣрою; приходилось защищать свой вѣками созданный домашній и общественный строй жизни, свои вѣрованія и убѣжденія. Авторъ «Повѣсти о внезапной кончинѣ Михаила Феодоровича» говоритъ: «не безъ причины всевидящій Богъ не допустилъ Вальдемара до крещенія, — отъ него, когда бы онъ крестился и женился законнымъ бракомъ съ царскою дочерью, великая бы была бѣда и крамола всему православному христіанству и всему великому государству смута и раздоръ. Лишь бы отошелъ Михайлъ Феодоровичъ, какъ этотъ, желая больше добра

⁵⁶⁾ Цвѣтаевъ. Протестанты и протестантство въ Россіи. стр. 71—73, 250—251.

⁵⁷⁾ Ив. Соколовъ. Отнош. протест. къ Россіи въ XVI и XVII вв., стр. 99—123. Цвѣтаевъ. Прот. въ Россіи, стр. 476—511, Макарій. Ист. русс. церкви, т. XI, стр. 105—114, Соловьевъ. Ист. Россіи, кн. II, ст. 1265—1284.

себѣ, нежели Алексѣю Михайловичу и Россіи, захотѣлъ бы захватить со своими погаными нѣмцами больше власти и произвелъ бы у насъ великую смуту». Москвичи думали, что, живя вмѣстѣ съ иноземцами, они подвергаются опасности утратить свое старинное правовѣріе и испортить свой національный обликъ. Указывали на необходимость самобытнаго развитія: «въ коейждо странѣ свой обычай», писалъ патріархъ Іосифъ въ окружномъ посланіи къ духовенству и мірянамъ, не приходитъ чужой законъ въ другую страну, но каждая своего обычая законъ держитъ». Ординъ-Нащокинъ говорилъ: «что намъ за дѣло до обычаевъ иноземныхъ, ихъ платѣ не по насъ, и наше не по нихъ»⁵⁸⁾.

Тѣмъ болѣе страшнымъ казался этотъ наплывъ всякихъ западныхъ новшествъ, что въ это время возбуждалось тревожное ожиданіе кончины міра, вслѣдствіе предсказанія въ «Кирилловой книгѣ» второго Христова прихода, «иже имать быти во осьмомъ вѣдѣ»⁵⁹⁾. Это же предсказаніе о наступленіи антихристового царства еще подробнѣе изложено въ 30-й главѣ «Книги о вѣрѣ». Тамъ говорится: «тѣмъже всегда въ памяти своей намъ всѣмъ православнымъ подобаетъ имѣти прежде бывшія вины и сему внимати, яко по тысящи лѣтъ по воплощеніи Божія Слова, Римъ отпаде со всѣми западными странами отъ восточныя церкви, въ пятсотное же девяносто пять лѣтъ по тысящи жителіе въ Малой Русіи къ римскому костелу приступили и на всей воли римскаго папы заручную грамоту дали ему. Се второе оторваніе христіанъ отъ восточныя церкви. Оберегая же сіе пишутъ: егда исполнится 1666 лѣтъ, да не чтобы отъ преже бывшихъ винъ зло нѣкако не пострадати и намъ, но покаяніемъ Бога умилостивити и милость его къ намъ себѣ привлещи»⁶⁰⁾. Изъ этого видно, что время это было переходное и, какъ обыкновенно бываетъ, исполненное всеобщаго напряженія и тревогъ за будущее. Уже теперь приготовлялась почва для раскола, но покуда еще сохранялось равновѣсіе между требованіями исправителей и ихъ противниковъ, хотя можно было предвидѣть, что нуженъ незначительный толчокъ, чтобы его нарушить.

Такой толчокъ вскорѣ представился. Случилось важное собы-

⁵⁸⁾ Шаповъ. Русскій расколъ старообрядства, стр. 102.

⁵⁹⁾ Кириллова книга, л. 2 об.

⁶⁰⁾ Книга о вѣрѣ, л. 135 об.

тіе: перемѣна патріарха. Умеръ патріархъ Іосифъ. Много выдающагося совершилось въ русской церкви при его управленіи, но въ послѣднее время личное его участіе въ дѣлахъ церкви значительно ослабѣло, благодаря дѣятельности кружка Вонифатьева и примыкавшаго къ этому кружку, Новгородскаго митрополита Никона. Да и въ послѣдніе годы своей жизни почившій патріархъ впалъ въ душевное состояніе, граничившее съ умственнымъ разстройствомъ. Его стяжательность и бережливость доходили до крайности: ни одинъ изъ патріарховъ не оставилъ такой, какъ Іосифъ, большой келейной казны, которую онъ копилъ, вѣроятно, изъ опасенія потерять свое мѣсто. Царь Алексѣй Михайловичъ, дѣлавшій опись его имущества, нашелъ у него деньгами 13.400 рублей, да кромѣ того много сосудовъ серебряныхъ и дорогихъ вещей. Все это не было у него записано, онъ все «наизусть вѣдалъ», и все содержалось въ замѣчательномъ порядкѣ. «Не было того судна, чтобы не впятеро оберчено бумагою или киндякомъ, а князь Юрьевская Шушелева рухлядь достальная, которая лежала у него, свѣта, въ чердакѣ, пищали и сабли, и тѣ все смазаны, отнюдь никакой ржавки нѣтъ, а на судахъ тѣхъ отнюдь никакого порошечка нѣтъ, не токмо пыли». Подъ конецъ жизни Іосифъ, видя возвышеніе Никона и постоянно сталкиваясь съ ревнителями кружка Вонифатьева, сталъ опасаться: «перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, безпрестанно говорилъ онъ, «а будетъ и не отставятъ, и я самъ за соромъ стану бить челомъ объ отставкѣ, и денегъ приготовилъ себѣ на дорогу⁶¹⁾».

Предстояло избрать новаго патріарха. По своему положенію въ церкви, по вліянію на царя, однимъ изъ первыхъ кандидатовъ на это мѣсто былъ Новгородскій митрополитъ Никонъ. Сынъ «простыхъ родителей», по показанію Шушерина, или «Черемсина» и «русалки» (вѣроятно, русачки), по показанію Аввакума, онъ въ раннемъ дѣтствѣ испыталъ притѣсненія отъ злой мачихи, но это только способствовало выработкѣ въ немъ крѣпкаго характера. Выучившись грамотѣ, онъ полюбилъ чтеніе книгъ. Въ книгахъ онъ встрѣчалъ образы сильныхъ духомъ иноковъ-подвижниковъ, его влекло подражать имъ, и онъ ушелъ въ монастырь Макарія Желтоводскаго. По просьбамъ родныхъ онъ вышелъ изъ обители, женился и получилъ священническое мѣсто. Но въ міру онъ не могъ

⁶¹⁾ А. А. Э. т. IV, № 57.

оставаться, почти насильно заставилъ жену постричься⁶²⁾, а самъ удалился въ Анзерскій скитъ подѣ началъ старца Елеазара. Уставъ этого скита былъ самый строгій, но сверхъ этого Никонъ положилъ на себя еще особыя подвиги. Однако онъ не ужился въ скиту, поссорился съ Елеазаромъ и такъ вооружилъ его противъ себя, что тотъ даже и смотрѣть на него не хотѣлъ. Тогда Никонъ перешелъ въ Кожеезерскій монастырь, гдѣ продолжалъ предаваться усиленнымъ аскетическимъ трудамъ и чтенію божественнаго писанія. Его выбрали въ игумены. Слава о немъ, какъ о начетчикѣ и подвижникѣ, распространялась повсюду. Въ 1646 г. ему случилось прѣхать въ Москву по монастырскимъ дѣламъ. Тутъ его узналъ царь, на котораго онъ произвелъ очень хорошее впечатлѣніе, и Никонъ остался въ Москвѣ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря. Съ этого времени начинается его дружба съ царемъ, который любилъ наслаждаться его «богодуховенною бесѣдою». Видя «тщаніе и попеченіе его объ убогихъ», царь приказалъ ему принимать и докладывать себѣ «челобитныя объ обидимыхъ»⁶³⁾. Занимая такое выдающееся положеніе, Никонъ, какъ мы видѣли, принималъ дѣятельное участіе во многихъ церковныхъ преобразованіяхъ этого времени, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ кружкомъ Стефана Вонифатьева и съ Ѡ. М. Ртищевымъ и счумѣлъ сойтись съ пришлыми малороссами и греками и понять необходимость совѣта съ ними въ разныхъ нашихъ церковныхъ исправленіяхъ. Въ 1649 г. Никонъ былъ назначенъ митрополитомъ Новгородскимъ. На этомъ новомъ мѣстѣ во всей силѣ обнаружился его крутой и непреклонный характеръ. Его дѣйствія во время извѣстнаго новгородскаго мятежа показали, что онъ принадлежитъ къ такимъ людямъ, которые не могутъ ничѣмъ поступиться и готовы идти на всякія страданія за свое дѣло: Никона такъ избили, что онъ кровью кашлялъ и едва не умеръ. Но въ то же время люди, ему подобные, бываютъ часто способны и на сильнѣйшій деспотизмъ. Новгородцы жаловались, что Никонъ чинилъ многія неистовства и смуту въ міру великую. Не задолго до смерти Іосифа Никонъ былъ посланъ въ Соловецкій монастырь за мощами св. митрополита Филиппа. Съ нимъ

⁶²⁾ По крайней мѣрѣ даже панегиристъ Никона, Шушеринъ не скрываетъ что она хотѣла выйти изъ монастыря (Шушеринъ, стр. 10).

⁶³⁾ Шушеринъ, стр. 1—18.

было отправлено нѣсколько бояръ, съ которыми онъ обращался довольно круто, требуя отъ нихъ строгаго выполненія церковныхъ предписаній, заставляя ихъ поститься и молиться. Имъ приходилось съ нимъ такъ тяжело, что въ письмахъ къ царю и друзьямъ своимъ они жаловались, что они совсѣмъ пропали, что лучше бы имъ гдѣ-нибудь на Новой Землѣ за Сибирью (т. е. въ Дауріи) съ княземъ Ив. Ив. Лобановымъ пропасть, нежели ѣздить съ Новгородскимъ митрополитомъ, такъ какъ онъ силою заставляеть говѣть, «но никого, прибавляли они, силою не заставитъ Богу вѣровать»⁶⁴).

Когда умеръ Іосифъ, Никонъ еще не вернулся изъ Соловокъ, и, по всей вѣроятности, значеніе кружка Вонифатьева во время междупатріаршества особенно выдвинулось впередъ. Можетъ быть, имъ даже поручено было позаботиться о выборѣ новаго патріарха. Дѣло было очень серьезное. Стефанъ съ братъею, т. е. съ Нероновымъ, Аввакумомъ и др., постились и молились дѣлую недѣлю, «даже дастъ Богъ пастыря ко спасенію душъ». Послѣ совѣта съ Казанскимъ митрополитомъ Корнилиемъ, братія подала царю и царю челобитную о духовникѣ Стефанѣ, чтобы ему быть въ патріархахъ. Тотъ фактъ, что протопопы въ этомъ случаѣ оставились не на Никонѣ, который по своему іерархическому положенію имѣлъ гораздо больше правъ на патріаршій престолъ, чѣмъ Стефанъ, къ тому же принадлежавшій къ бѣлому духовенству, объясняется не враждой протопоповъ къ Никону, — Аввакумъ называетъ его «другъ нашъ», — а вѣроятнѣе всего тѣмъ, что Стефанъ по своему мягкому характеру казался имъ болѣе соотвѣтствующимъ планамъ ихъ партіи, чѣмъ крайне самостоятельный Никонъ. Измѣненіе взглядовъ Стефана на малороссовъ и грековъ, происшедшее уже до этого времени, какъ имъ, вѣроятно, представлялось, не должно было вести къ такимъ рѣшительнымъ послѣдствіямъ, къ какимъ повели греко-малорусскія симпатіи Никона. Но челобитье братіи не было удовлетворено царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ⁶⁵).

⁶⁴) А. А. Э. № 57.

⁶⁵) Мат. V, стр. 17. Въ «Житіи» Иларіона Суздальскаго есть извѣстіе, что многіе предлагали на патріаршій престолъ отца Иларіона, инока Антонія, и даже на него палъ жребій, но что онъ самъ отказался отъ этой чести въ пользу Никона. Георгіевскій. Флорицева пустынь, стр. 14. Въ сочиненіи Аввакума «Книга на крестообразную ересь» есть такое извѣстіе: «протопопъ Сте-

Между тѣмъ царь послалъ въ Соловецкій монастырь грамоту, въ которой, извѣщая о смерти патріарха Іосифа и объ оставшемся послѣ него имуществѣ, писалъ Никону: «а я тебѣ потомъ, великому государю, челомъ бью, возвращаясь, и паки возвращаясь Господа ради, поскорѣе обирать на патріаршество именемъ Θεогности, а безъ тебя отнюдь ни за что не примемся; яко овцы безъ пастыря не вѣдаютъ, гдѣ дѣться, тако и мы нынѣ, грѣшныя, не вѣдаемъ, гдѣ главы приклонити, понеже прежняго отца и пастыря отстали, а новаго не имѣемъ. И ты, владыко святыи, помолись, чтобы Господь Богъ нашъ далъ намъ пастыря и отца, кто ему, свѣту, годенъ, имя вышечисанное; а ожидаемъ тебя, великаго святителя, къ выбору, а сего мужа три человекъ вѣдаютъ: я, да казанскій митрополитъ, да отецъ мой духовный, тай не въ примѣръ, а сказываютъ святъ мужъ». Такимъ образомъ Стефанъ Вонифатьевъ однимъ изъ первыхъ былъ посвященъ въ намѣреніе царя поставить въ патріархи Никона ⁶⁶).

9-го іюля Никонъ пріѣхалъ въ Москву. Съ Вонифатьевымъ и со всей братіей онъ обошелся хорошо, «яко лисъ, челомъ да здорово», какъ выражается Аввакумъ, который объясняетъ такое обращеніе Никона желаніемъ задобрить ихъ, чтобы они не мѣшали ему достигнуть паріаршества ⁶⁷). Но такое объясненіе, можетъ быть, и не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ Никонъ могъ не сомнѣваться въ рѣшеніи царя, а просто ему не было никакого пока основанія ссориться съ своими новыми друзьями: ихъ челобитная царю о Стефанѣ прошла незамѣченной, да и самъ Стефанъ, вѣроятно, не противорѣчилъ царскому рѣшенію—иначе царь не извѣщалъ бы Никона: «а сказываютъ (въ томъ числѣ и Стефанъ) святъ мужъ». 22 іюля Никонъ былъ избранъ въ

фанъ увѣща царя и царицу, да поставятъ Никона на Іосифово мѣсто. И азъ океанной о благочестивомъ патріархѣ къ челобитной приписалъ свою руку» (Мат. стр. 261—262). Такое извѣстіе, противорѣчащее, повидимому, показанію «Житія» Аввакума, не можетъ однако поколебать достовѣрности послѣдняго показанія, какъ это думаетъ г. Жежеленко (Странникъ, 1883 г., III, стр. 396), и дѣло, по нашему мнѣнію, объясняется такъ: протопопы, видя неуспѣшность ходатайства за Стефана и желая угодить царю, посвятившему Стефана въ свое намѣреніе назначить Никона, подали вмѣстѣ со Стефаномъ новую челобитную за Никона.

⁶⁶) А. А. Э. № 57.

⁶⁷) Мат. V, стр. 17. Вѣдаетъ, что быть ему въ патріархахъ, и чтобы откуля помѣшка какова не учинилась.

патріархи и при этомъ въ своей рѣчи къ царю и освященному собору онъ непремѣннымъ условіемъ принятія патріаршества поставилъ обѣщаніе со стороны избравшихъ его, слушать его, «какъ начальника, и пастыря, и отца крайнѣйшаго» во всемъ. что онъ будетъ возвѣщать о догматахъ Бсжіихъ и о правилахъ⁶⁸⁾. Требуя такого обѣщанія отъ своей будущей паствы, Никонъ, конечно, имѣлъ въ виду заняться исправленіемъ церковныхъ недостатковъ, въ духѣ тѣхъ «заираній», которыя дѣлалъ ему раньше патріархъ Паисій и которыя убѣдили его въ окончательной негодности старыхъ путей. Впослѣдствіи расколоучители, извиняя царя Алексѣя Михайловича, говорили, что онъ не могъ удерживать Никона отъ разныхъ еретическихъ исправленій и жестокихъ мѣръ, благодаря этому обѣту. Такъ, дьяконъ Ѳеодоръ, рассказывая о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались раскольники, замѣчаетъ: «царь же Никону молчалъ, понеже записъ ему даде своею рукою въ началѣ поставленія его, еже во всемъ его послушать, и отъ бояръ оборонять, и его волю исполнять, якоже прельщенный оный отрокъ рукописаніе даде сатанѣ, его же Василій Великій избави молитвою отъ погибели тоя: тако омрачи его Никонъ лестчимъ нѣкако духомъ»⁶⁹⁾.

Заявивши въ своей рѣчи при вступленіи на патріаршій престолъ о своемъ желаніи заняться устраненіемъ недостатковъ русской церковной практики, Никонъ на первое мѣсто поставилъ вопросъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, согласно съ греческими образцами. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми знатоками греческаго языка, въ числѣ которыхъ былъ и Епифаній Славинецкій, Никонъ усердно начинаетъ изучать документы и книги, находившіяся въ его патріаршей книгохранительницѣ. Между прочимъ онъ обратилъ вниманіе на греческую грамоту объ учрежденіи патріаршества въ Москвѣ; въ ней говорилось, что Россія во всемъ должна быть согласна съ вселенскими патріархами, не только въ вопросахъ догматическихъ и нравственныхъ, но и въ обрядахъ, такъ какъ православная церковь «пріяла совершеніе не токмо по богоразумія и благочестія догматовъ, но и по священному церковныхъ вещей уставу», и потому

⁶⁸⁾ Зап. Отд. Слав. и Рус. Археологич. И. Р. Арх. Общ. т. II, стр. 512—513.

⁶⁹⁾ Мат. VI, стр. 97.

надо истреблять и передавать анаеѣмъ всякую новину ⁷⁰⁾. Эта грамота еще болѣе утвердила Никона въ его намѣреніи и была издана имъ въ слѣдующемъ же 1653 г. въ Кормчей книгѣ.

Но кому же поручить исправленіе книгъ? Старыми справщиками, работавшими при патріархѣ Іосифѣ, Никонъ не могъ быть особенно доволенъ, такъ какъ они, по незнакомству съ греческимъ языкомъ, не могли удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя онъ предъявлялъ къ книжнымъ исправленіямъ. Къ дѣлу привлекается Арсеній Грекъ, о пребываніи котораго въ Москвѣ первое извѣстіе относится къ 15 сентября 1652 г., когда онъ называется безмѣстнымъ старцемъ. На основаніи весьма точнаго и обстоятельнаго изслѣдованія архивныхъ данныхъ, прот. Николаевскій опредѣляетъ, что Арсеній Грекъ былъ назначенъ справщикомъ только въ 1654 г., почему только съ этого года и считаетъ возможнымъ говорить о его дѣятельности, какъ исправителя. До этого по тѣмъ же изслѣдованіямъ оказывается, что Арсеній посылался въ ноябрѣ 1652 г. въ Новгородъ для выбора и оцѣнки греческихъ книгъ, а по возвращеніи оттуда «начинается рядъ указаній на письменныя и переводныя работы его для патріарха», а кромѣ того онъ занимался въ 1653 г. обученіемъ въ Чудовской школѣ ⁷¹⁾. Изъ этого ясно (несмотря на то, что прот. Николаевскій и не дѣлаетъ этого вывода), что Арсеній имѣлъ отношеніе къ книжнымъ исправленіямъ и ранѣе назначенія своего на должность справщика: незначительное, официальное положеніе не могло быть тутъ помѣхой, — вѣдь не даромъ же, не изъ одного любопытства, поручалъ ему патріархъ переводы греческихъ книгъ, — должно быть, эти самые переводы и предназначались для руководства въ дальнѣйшихъ исправленіяхъ. Но если Арсеній и не былъ назначенъ справщикомъ, то въ этомъ же въ 1652 году въ числѣ справщиковъ является новый членъ, значительно отличающійся отъ нихъ своимъ образованіемъ, ученикъ Епифанія Славинецкаго, подъ руководствомъ его изучившій прекрасно греческій языкъ, а также латинскій, польскій и даже еврейскій, Чудовскій старецъ Евѣимій, котораго

⁷⁰⁾ Предисловіе къ Служебнику 1655 г. въ «Доп. къ опис. старопеч. книгъ Толстого и Царскаго, изд. Строевымъ, № 89. Хр. Чт. 1891 г. II, стр. 158.

⁷¹⁾ Хр. Чт. 1891 г. II, стр. 171—178.

Никонъ назначилъ на мѣсто одного изъ умершихъ старыхъ справщиковъ ⁷²⁾.

Въ октябрѣ того же года приказано было приступить къ изданію Слѣдованной Псалтыри, и въ этомъ изданіи рѣшено выпустить внесенную въ Псалтырь статью о 12 земныхъ поклонахъ при чтеніи великопостной молитвы св. Ефрема Сирина и статью о двуперстномъ крестномъ знаменіи. Среди справщиковъ это распоряженіе возбудило, должно быть, сильное неудовольствіе, судя по тому, что вскорѣ послѣ этого, въ ноябрѣ выбываютъ изъ ихъ состава Иванъ Насѣдка, старецъ Савватій и молодой мірянинъ Сила Григорьевъ. Иванъ Насѣдка, въ иночествѣ старецъ Іосифъ, конечно, не могъ сочувствовать новому направленію въ книжной справѣ, какъ человѣкъ, всегда недоброжелательно относившійся къ грекамъ, полагая, что они «позакоснѣли отъ перваго преданнаго имъ чина»; старецъ же Савватій былъ другомъ и единомышленникомъ Ивана Неронова, тоже не особенно расположеннаго къ грекамъ.

Увольненіе этихъ справщиковъ, въ виду ихъ близости къ кружку Вонифатьева и Неронова, не могло не вызвать нѣкотораго неудовольствія въ этомъ кружкѣ, уже потерявшемъ свою прежнюю силу въ церковныхъ дѣлахъ, такъ какъ Никонъ «друзей не сталь и въ крестовую пускать» ⁷³⁾, и, конечно, этотъ фактъ увольненія извѣстныхъ въ Москвѣ лицъ долженъ былъ отразиться и на общемъ настроеніи. Однако, пока дѣло касалось личнаго состава дѣятелей печатнаго двора и въ самыхъ книгахъ и обрядахъ не появлялось еще ничего новаго,—это броженіе не выражалось ни въ какихъ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ. Открытый протестъ обнаружился только въ слѣдующемъ 1653 году, когда выпла 11 февраля изъ печати Слѣдованная Псалтырь, а на первой недѣлѣ великаго поста была прислана въ церковь Казанской Богоматери къ Іоанну Неронову слѣдующая память, по изложенію Аввакума: «По преданію св. апостоль и св. отецъ не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны, еще и тремя бы персты есте крестились» ⁷⁴⁾. Въ изложеніи Аввакума относительно поклоновъ есть

⁷²⁾ Ibid. стр. 157—158.

⁷³⁾ Мат. т. V, стр. 17.

⁷⁴⁾ Ibid. стр. 18.

очевидная неточность, такъ какъ вообще земные поклоны не отмѣнялись, а сокращалось только ихъ число во время молитвы Ефрема Сирина; вѣроятно также, что эта память была прислана не къ одному Ивану Неронову, а разослана по всѣмъ московскимъ церквамъ.

Когда пришло это повелѣніе новаго патріарха, къ Неронову собралась опальная его братія, чтобы посовѣтоваться о томъ, что слѣдуетъ предпринять. Весьма важно въ этомъ случаѣ, что братія сошлась не у Стефана Вонифатьева, который былъ до сихъ поръ настоящимъ главою кружка, а у Неронова. Изъ этого можно заключить, что уже въ это время братія не рассчитывала на то, что Стефанъ приметъ участіе въ ея протестѣ. Протопопы уже заранѣе готовы были скептически отнестись ко всякому распоряженію Никона, зная, что оно исходитъ изъ источника, крайне имъ нелюбезнаго, отъ Арсенія Грека съ товарищами. Теперь начались дѣйствія новыхъ справщиковъ, и протопопы не сразу нашлись, что имъ дѣлать, только видѣли они, «яко зима хоцетъ быти, сердце озябло и ноги задрожали». Нероновъ удалился въ Чудовъ монастырь, оставивъ свою церковь на попеченіе Аввакуму. Цѣлую недѣлю молился онъ, запершись въ палаткѣ, и наконецъ слышитъ онъ отъ образа Спасителя голосъ, говорящій ему, что настало время страданія, что Россіи грозитъ отпаденіе отъ вѣры, и надо сопротивляться⁷⁵). Тотчасъ же поспѣшилъ онъ сообщить

⁷⁵) Слова, которыя говорилъ этотъ голосъ, передаются различно Аввакумомъ и самимъ Нероновымъ. Послѣдній въ своемъ письмѣ къ Стефану Вонифатьеву изъ Вологды отъ 18 іюля 1654 г. пишетъ объ этомъ видѣніи слѣдующее: «По благословенію Божию и по извѣщанію отъ Спасителя нашего и Господа Іисуса Христа, во 161 году, на первой недѣли великаго поста гласу пришедшу отъ образа Спаса сице: Иоанне, дервай и не убойся до смерти, подобаетъ ти укрѣпити царя о имени моемъ, да не постраждетъ днесь Русія, якоже и юниты» (Мат. I, стр. 99—100). Аввакумъ о томъ же фактѣ сообщаетъ такъ: «И тамъ отъ образа гласъ бысть ему во время молитвы: время прислѣ страданія, подобаетъ вамъ неослабно страдати» (Мат. V, стр. 18). Такое различіе въ показаніяхъ относительно этого факта заставляетъ г. Субботина и митр. Макарія сомнѣваться въ дѣйствительности видѣнія (Макарій. Ист. р. церкви, т. XII, стр. 119. Мат. I, стр. 100—101). Но отчего же происходитъ такое различіе въ показаніяхъ Аввакума и Неронова? Тутъ прежде всего не слѣдуетъ забывать, что Аввакумъ пишетъ объ этомъ событіи черезъ 20 лѣтъ послѣ того, какъ оно совершилось, и легко могъ, несмотря на свою «замѣчательную память, особенно на подобные случаи» (слова г. Субботина), забыть подлинныя слова, какъ ему говорилъ ихъ Нероновъ, и ограничиться передачей ихъ общаго

о своемъ видѣніи Аввакуму, Павлу, еп. Коломенскому, протопопу Костромскому, Даніилу и всей братіи. Получивъ такимъ образомъ какъ бы нѣкоторое благословеніе свыше, Аввакумъ и Даніилъ выступили съ протестомъ, выбрали изъ божественнаго писанія доказательства противъ Никонова распоряженія о поклонахъ и о сложеніи перстѣ и подали царю большую челобитную, до насъ не дошедшую. Государь, какъ предполагаетъ Аввакумъ¹⁶⁾, отдалъ ее Никону, но Никонъ ничего не сдѣлалъ челобитчикамъ, вѣроятно, еще не желая преслѣдовать людей, которые пользовались такимъ вліяніемъ въ прежнее патріаршество и съ которыми самъ былъ ранѣе друженъ, но теперь уже съ нѣкотораго времени порвалъ связь.

смысла, а смыслъ ихъ въ передачѣ Аввакума близко подходитъ къ словамъ Неронова въ его письмѣ. Неронову голосъ говорилъ: «дерзай и не убойся до смерти»; Аввакумъ передаетъ: «подобаетъ вамъ страдати неослабно». И въ томъ и въ другомъ случаѣ мы видимъ призывъ къ великимъ страданіямъ. Нероновъ слышалъ: «днесь постраждетъ Русія, якоже юниты». Аввакумъ пишетъ: «время приспѣ страданія» вообще, не опредѣляя, для кого, но можно догадываться, что для вѣрныхъ православію. Г. Субботинъ замѣчаетъ кромѣ того, что слова «да не постраждетъ днесь Руссія, якоже и юниты» взяты изъ «Книги о вѣрѣ». Но во-первыхъ, эти слова представляютъ изъ себя не буквальный передачу того предостереженія, которое заключалось въ «Книгѣ о вѣрѣ», а только изложеніе общаго его смысла; а во-вторыхъ, что же удивительнаго, что Нероновъ, подъ вліяніемъ истощенія недѣльнымъ постомъ и тѣхъ тревожныхъ мыслей, которыя роились у него въ головѣ, могъ слышать голосъ, говорившій ему прямо выраженіями «Книги о вѣрѣ», когда эти слова были у него безпрестанно на умѣ въ то тревожное время, когда, какъ признаетъ самъ г. Субботинъ, «они занимали очень многихъ на Руси, особенно расколоучителей»? Въ этомъ случаѣ желаніе доказать, что Нероновъ не былъ чудотворецъ, или что съ нимъ дѣйствительно не говорилъ Самъ Спаситель (а о такомъ желаніи мы можемъ заключать по выраженіямъ: «мнимое откровеніе», «будто бы откровеніе и т. п.), на столько увлекло г. Субботина и митр. Маварія, что они сочли нужнымъ отрицать фактъ, нисколько не чудесный и вполне вѣроятный съ точки зрѣнія историко-психологической.

¹⁶⁾ Мат. V, стр. 19. Г. Субботинъ (Мат. V, стр. XVIII) и Н. И. Ивановскій (Критич. разборъ ученія безпоповцевъ о церкви и о таинствахъ, стр. 27) полагаютъ, что эту челобитную царь отдалъ Стефану Вонифатьеву, такъ какъ она упоминается въ бумагахъ, отобранныхъ отъ игум. Теокиста, которому она была дана Стефаномъ. (Мат. I, стр. 332). Такое предположеніе очень правдоподобно, но оно не исключаетъ возможности и другого предположенія, что челобитная Аввакума была по крайней мѣрѣ сообщена царемъ Никону, а затѣмъ этимъ послѣднимъ возвращена царю, который и передалъ ее Стефану, а кромѣ того возможно, что у Теокиста была отобрана не подлинная челобитная, а черновая или копія.

Однако, хотя это дѣло на время заглохло, немногаго нужно было, чтобы страсти разгорѣлись и нарушилось спокойствіе. Новое столкновеніе съ Никономъ произошло болѣе изъ - за личныхъ мотивовъ. Въ іюлѣ того же 1653 г. патріархъ созвалъ у себя въ крестовой палатѣ соборъ для суда надъ Муромскимъ протопопомъ, Логгиномъ. Этого члена Нероновскаго кружка обвинялъ Муромскій воевода въ томъ, будто онъ похулилъ иконы Спасителя, Богородицы и всѣхъ святыхъ. Въ сущности дѣло, какъ оно издагается Нероновымъ въ «Росписи спорныхъ рѣчей съ патріархомъ Никономъ» и Муромскими священниками въ ихъ челобитной за Логгина мѣстному епископу, было совсѣмъ не важное. Жена Муромскаго воеводы пришла къ Логгину подь благословеніе. Логгинъ почему-то спросилъ: «не бѣлена-ли ты?» Присутствовавшіе за нее вступились и обратились къ протопопу съ слѣдующимъ казуистическимъ вопросомъ: «Что ты, протопопъ, хулишь бѣлила; безъ бѣлилъ не пишутся образа Спасителя, Богородицы и всѣхъ святыхъ». Логгинъ отвѣчалъ: «какими составами пишутся образа, такіе и составляютъ писцы, а какъ такіе составы положить на ваши рожи, такъ и сами не захотите; самъ Спасъ, Пречистая Богородица честнѣе своихъ образовъ». По утвержденію Неронова, Никонъ, не разслѣдовавъ дѣла, велѣлъ отдать Логгина жестокому пристава; но въ этомъ случаѣ показаніе Неронова опровергается его собственными словами, что дѣло Логгина было разсмотрѣно и рѣшено на соборѣ⁷⁷⁾.

Вслѣдствіе такой несправедливости, Нероновъ, по свидѣтельству его «Росписи», сталъ говорить Никону: «За что его дать за жестокаго пристава? Услышнть онъ, приставъ, отъ тебя гнѣвъ, и онъ его уморить. То-ли твоя святительская милость ко священному чину?» Далѣе зашелъ разговоръ о томъ, что приговоръ суда долженъ быть утверждёнъ царемъ, и будто бы Никонъ, находившій, по всей вѣроятности, дѣло не на столько важнымъ, чтобы докладывать о немъ царю, выразился такимъ образомъ: «мнѣ и царская помощь не нужна, я на нее плюю и сморкаю». На такое дерзкое заявленіе Нероновъ возразилъ: «Владыко, ѿ дѣло говоришь, всѣ святые отцы и соборы призывали благочестивыхъ царей и ихъ синклить на помощь себѣ и православной вѣрѣ».

⁷⁷⁾ Гр. А. Гейденъ. Изъ исторіи возникновенія раскола при патр. Никонѣ стр. 5—6. Мат. I, стр. 41—51. Ист. опис. Рязанской іерархіи, стр. 37—112.

Приведенныя слова Никона будто бы обратили на себя вниманіе Іоны, митр. Ростовскаго и др. лицъ, и по доносу о нихъ Неронова царю было назначено слѣдствіе, и съ этой цѣлью черезъ нѣсколько дней собрался новый соборъ. Обвиненіе въ дерзкихъ словахъ о царѣ, заводимое Нероновымъ на Никона, не подтвердилось. По изложенію «Росписи», на этомъ соборѣ произошло слѣдующее преніе Неронова съ патриархомъ Никономъ.

Патриархъ сказалъ: «Я кромѣ Евангелія ничѣмъ не сужу».

— «Во святомъ Евангеліи,—возразилъ Нероновъ;—написано: Господь рече, любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ,— а тебѣ, если кто добра хочеть, ты и тѣхъ ненавидишь; клеветниковъ же и шопотниковъ любишь и жалуешь, и слушаешь; если тебѣ на кого наклеветуютъ, хоть за 500—1000 верстъ, ты вѣришь. Про богомольцевъ, со словъ клеветниковъ, говоришь, что они нечестивые; то-то и то-то дѣлають, а Стефанъ протопопъ и я имъ потакаемъ. Не слѣдуетъ тебѣ оглашать, не провѣривъ дѣла черезъ истинныхъ свидѣтелей».

— «Я сужу по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ.

— «Въ правилахъ написано: клеветникомъ вѣры не яти, а сыскавъ истинными свидѣтелями; а сыскавъ, клеветникомъ наказанія чинити безъ пощадѣнія. А тебѣ явно клеветуютъ на добрыхъ людей, и ты вѣришь».

Въ споръ вмѣшался протодиаконъ Григорій съ товарищами, стали укорять Неронова, будто у него жена неистова, а сынъ украсть у чудотворнаго образа Казанской Божіей Матери серьги, пожертвованныя царицей. Нероновъ не выдержалъ:

— «Доселѣ ты называлъ протодиакона и другихъ твоихъ совѣтниковъ нынѣшнихъ врагами Божіими и раззорителями закона Божьяго, а теперь они у тебя на соборѣ добрые люди. Прежде ты имѣлъ совѣтъ съ протопопомъ Стефаномъ и его любимыми совѣтниками, часто ты пріѣзжалъ въ домъ къ Стефану и любовно о всякомъ дѣлѣ бесѣдовалъ, когда ты былъ еще игуменомъ, архимандритомъ, митрополитомъ. Когда государь присылалъ иныхъ богомольцевъ къ покойному Іосифу патриарху для поставленія въ разныя духовныя должности, ты съ Стефаномъ бывалъ въ совѣтѣ и не прекословилъ, не говорилъ на поставленіи не аксіось, т. е. недостойнъ. Тогда у тебя всѣ были непорочными, а теперь тѣ же люди стали недостойны. За что тебѣ теперь протопопъ Стефанъ сталъ врагомъ? Вездѣ ты его поносишь, уко-

ряешь, друзей его разоряешь, протопоповъ и поповъ съ женами и дѣтьми разлучаешь; доселѣ ты другъ нашъ былъ, а теперь на насъ возсталъ. Иныхъ ты удалилъ и на ихъ мѣсто поставилъ другихъ, а отъ нихъ добраго ничего не слышать. Ты нѣкоторыхъ отставилъ, обвинивъ ихъ въ мучительствѣ, а самъ безпрестанно мучишь: Соловецкаго старца въ крестный день велѣлъ бить немилостиво. Этого ты себѣ въ вину не вмѣняешь: властямъ запрещаешь, а самъ мучишь. Вотъ ты укоряешь новоуложенную книгу, попираешь ее посохомъ и называешь недоброю, а самъ руку приложилъ, когда ее составляли; тогда ты ее называлъ доброю, тогда ты приложилъ руку изъ страха земнаго, а теперь ты о ней на соборѣ дерзко отъзываешься, потому что тебѣ государь волю далъ. А кто Бога любитъ, не боится нищеты, скорби или смерти, страдаетъ и стоитъ за истину крѣпко, какъ нынѣ богомольцы, терпящіе отъ тебя скорби, бѣды и разоренія».

Затѣмъ Никонъ объявилъ Неронову, что на него подали челобитную его попы и причетники за его безчиніе. Нероновъ потребовалъ прочтенія челобитной. Ея не прочли. Тогда Нероновъ назвалъ патріарха лжецомъ, сталъ увѣрять, что тотъ подыскалъ его врага, который и составилъ челобитную. Григорій протодіаконъ съ товарищами начали его унимать, ему говорили: «Какъ ты можешь называть великаго святителя кощунникомъ, празднословцемъ, мучителемъ, лжецомъ»? Но Нероновъ въ своемъ раздраженіи не слушалъ никакихъ уговоровъ: «Вамъ, продолжалъ онъ, попустилъ патріархъ говорить предъ собой всякія нелѣпныя слова на истинныхъ рабовъ Божіихъ, и не знаю, какъ назвать вашъ соборъ, потому что не заботитесь вы о законѣ Божіемъ, а занимаетесь укоризнами и поношеніями. Что вы кричите и вопите? Я не похулилъ и не погрѣшилъ противъ Св. Троицы, а я хую вашъ соборъ. Такіе соборы бывали и противъ Іоанна Златоуста и противъ Стефана Сурожскаго».

Весь этотъ рассказъ «Росписи» о столкновеніи Неронова съ Никономъ является, конечно, пристрастнымъ, одностороннимъ изложеніемъ дѣла. Нероновъ выставляетъ себя смѣлымъ борцомъ за правду, передъ которымъ, конечно, патріарху Никону приходится только молчать или ограничиваться краткими односложными отвѣтами. Въ такомъ изложеніи спора легко можно замѣтить тенденцію представить Никона не могущимъ нечего ска-

зять въ свое оправданіе, а съ другой стороны видно (помимо желанія автора), что поведеніе Неронова на этомъ соборѣ послѣ того, какъ его обвиненіе, выставленное противъ патріарха, не подтвердилось, оказывается на столько грубымъ, что непременно должно было повлечь за собою наказаніе Неронову. Обвиненія патріарха въ мучительствѣ, будто бы высказанныя ему Нероновымъ, въ это время еще не имѣли за себя никакого фактическаго основанія, такъ какъ мы знаемъ, что всѣ мѣры Никона пока ограничились только удаленіемъ съ печатнаго двора трехъ справщиковъ и наказаніемъ Логгина. Показаніе о враждебныхъ отношеніяхъ Никона къ Стефану Вонифатьеву тоже неправильно, такъ какъ ни о какихъ столкновеніяхъ Стефана съ Никомомъ намъ неизвѣстно, а кромѣ того, по высказанному нами уже предположенію, Стефанъ въ это время уже уклонился отъ участія въ протестѣ своихъ друзей противъ новаго направленія въ дѣлѣ книжной sprawy. Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, что Нероновъ держалъ себя на судѣ въ высшей степени дерзко, чѣмъ и навлекъ на себя послѣдовавшее вскорѣ наказаніе.

15-го іюля Нероновъ былъ отданъ подъ началъ въ Новоспасскій монастырь и въ тотъ же день переведенъ въ Симоновъ, гдѣ содержался подъ строгимъ арестомъ (къ нему не пускали даже его домашнихъ, въ церковь ему ходить не позволяли, а ночью стерегли «со свѣщами»); черезъ недѣлю его привезли на Царе-Борисовскій дворъ, здѣсь били, а потомъ, снявши въ соборной церкви скуфью, вернули въ Симоновъ монастырь, гдѣ надѣли ему на шею цѣпь, наконецъ 4-го августа сослали въ Спасокаменный монастырь, на Кубенское озеро ⁷⁸⁾.

Аввакумъ отправился провожать Неронова, но скоро дошла очередь ѣхать въ ссылку и до него съ остальной братіей. Вернувшись, онъ съ Даніиломъ Костромскимъ подалъ царю слѣ-

⁷⁸⁾ Обстоятельства столкновенія Неронова съ патр. Никомомъ и его ссылки изложены на основаніи Мат. I, стр. 41—51, 134, 234—237. Обстоятельное изложеніе этого эпизода мы находимъ у гр. Гейдена (op. cit. стр. 5—11), хотя не можемъ признать правильной дату ссылки Неронова (13 августа), принимаемую гр. Гейденомъ на основаніи «Росписи», и считаемъ болѣе вѣрнымъ мнѣніе г. Субботина, принимающаго 4 августа, дату, указанную въ «Запискѣ» Феофиста. Полагаемъ мы такъ потому, что не видимъ основанія предполагать, какъ это дѣлаетъ гр. Гейденъ, что Аввакумъ ѣздилъ провожать Неронова между 13 и 20 августа.

дующую челобитную: «О, благочестивый царю, откуда се привидоша въ твою державу? ученіе въ Россіи не стало и глава отъ церкви отста, понежь озоба вебрь отъ луга и инокъ дивні поялъ и есть». Такимъ образомъ кратко излагаетъ Аввакумъ эту челобитную въ письмѣ къ Неронову, но по всей вѣроятности, она была больше, а кромѣ того извѣстно, что она заключала въ себѣ кромѣ прошенія объ общихъ церковныхъ дѣлахъ и ходатайство за Неронова; въ ней приняли участіе и прихожане Неронова, которые очень его жалѣли и укоряли священниковъ Казанскаго собора за его высылку, а какая-то благодѣтельница Анна Михайловна⁷⁹⁾ отказалась даже «печаловаться о кормахъ» для нихъ, говоря: «и впредь не будетъ вамъ ничего,—молилися, да вымолили Ивана Неронова вонъ». Упомянутую челобитную царь отдалъ патріарху.

Не ограничиваясь ходатайствомъ предъ царемъ за Неронова, Аввакумъ обращался съ протестомъ противъ Никона уже прямо къ народу, которому онъ, какъ это и раньше бывало во время отлучекъ Неронова, читалъ поученія: такъ, въ субботу 12-го августа, читая народу поученіе на паперти, въ присутствіи «подьяконовъ», Аввакумъ «лишніе слова говорилъ, что и не подобаетъ говорить». Въ виду такихъ обстоятельствъ, архидіаконъ патріарха замѣтилъ священникамъ Казанскаго собора: «развѣ вы не умѣете читать поученія народу, что даете читать Аввакуму? Сами поучайте». Такое внушеніе архидіакона понравилось казанскимъ попамъ, тѣмъ болѣе, что ихъ начальникъ, другъ Аввакума, былъ въ ссылкѣ и они не опасались его гнѣва, такъ что они вполне могли отважиться на неповиновеніе Аввакуму, на такую дерзость, о которой прежде и не подумали бы. И вотъ 13-го августа на всенощной священникъ Петръ Ананьичъ сказалъ Ивану Даниловичу: «пойди, братецъ, на крылосъ пѣть, а мнѣ въ ризахъ дѣйствовать отдай». Иванъ Даниловичъ отвѣтилъ, что онъ пѣть не можетъ, а что «чѣмъ Аввакуму у насъ начальствовать, пойдѣ ты, Петръ, псаломъ «Благословлю Господа» говори, и разсуждай у четца, а первую статью Евангелія толковаго чти вмѣсто протопопа Ивана Нероновича». Петръ Ананьичъ такъ и сдѣлалъ. Во время заамвонной статьи вошелъ въ алтарь Аввакумъ, и увидя, что Петръ Ананьичъ замѣняетъ Не-

⁷⁹⁾ Не сестра-ли О. М. Ртищева?

ронова, сказалъ съ гнѣвомъ: «теперь мнѣ нѣтъ и жребія и чести».—«Какъ придетъ твоя очередь, читай хоть десять листовъ», отвѣтилъ ему Иванъ Даниловичъ. Аввакумъ сталъ его укорять: «забылъ ты любовь батькову, въ прежніе его поѣзды и отлученія этого не бывало, вы у меня первенства не отнимали; а оно мнѣ подобаеъ и по приказу батькову и по чину: я протопопъ». Но Иванъ Даниловичъ не послушался: «ты протопопъ въ Юрьевцѣ, а не намъ; мы о томъ не слыхали отъ Ивана Нероновича, что тебѣ быть у насъ большому, а намъ ни во что; а хотя бы и приказалъ онъ, и то не дѣло, что приказывалъ; да архидіаконъ намъ говорилъ, зачѣмъ мы дали тебѣ честь поученія».

Аввакумъ разсердился, не пошелъ на клиросъ во время шестопсалмія и не читалъ своей статьи по второй каѳизмѣ. Казанскіе священники попробовали было съ нимъ помириться, говорили ему: «не кручинься,—вашего крылоса будетъ чреда,—понедѣльникъ, среда, пятокъ, — тогда ты первую статью чти и рассуждай у всѣхъ, а у нашего крылоса Петръ, а во иную недѣлю тебѣ отдадимъ первенство». Но Аввакумъ такъ обидѣлся, что вышелъ изъ церкви вмѣстѣ со своимъ землякомъ, нижегородцемъ Семеномъ Трофимовичемъ, и они объявили прихожанамъ, что у него отняли въ церкви попы книгу, а самого выгнали изъ церкви. Послѣ этого Аввакумъ почему-то попробовалъ служить въ церкви св. Аверкія и, какъ рассказываетъ священникъ Иванъ Даниловичъ, самовольно до прихода аверкіевского попа Амвросія, началъ служить полунощницу; но и тутъ онъ долженъ былъ уйти⁸⁰⁾. Послѣ этой неудачной попытки Аввакумъ задумалъ служить всенощную на дворѣ Неронова въ сушилѣ. Къ нему собралось много прихожанъ Казанскаго собора,

⁸⁰⁾ Гр. Гейденъ, принимая дату высылки Неронова 13 августа, полагаетъ, что въ этотъ день, послѣ столкновенія съ казанскими попами, Аввакумъ поѣхалъ провожать Неронова, а эпизодъ въ Аверкіевской церкви произошелъ послѣ возвращенія Аввакума изъ этой поѣдки. Но если-бы Аввакумъ провожалъ Неронова 13 авг., то ему не за чѣмъ было-бы писать Неронову о томъ, что его «не пустили у Казанскіе въ церкву»; объ этомъ онъ могъ бы и раньше сообщить Неронову. Кромѣ того происшедшее въ Аверкіевской церкви намъ извѣстно только по одному неясному извѣстію Ивана Даниловича, Аввакумъ же объ этомъ ничего не упоминаетъ, такъ что опредѣленно сказать, въ какой день Аввакумъ ходилъ въ эту церковь, не представляется возможности. Вполнѣ же достовѣрнымъ намъ кажется установленіе гр. Гейденомъ даты ареста Аввакума.

которые звали на его всеобщую и другихъ, говоря: «въ нѣкоторое время и конюшня лучше церкви», такъ что въ сушило, по слухамъ, набиралось до 100 человѣкъ. Иванъ Даниловичъ донесъ о такомъ безчиніи патриарху. 20-го августа, когда Аввакумъ читалъ статью въ «Бесѣдахъ» Златоуста, въ сушило явился Борисъ Нелединскій со стрѣльцами, начали бить Аввакума взащей и за волосы драть въ эпитрахили и арестовали съ нимъ 33 человѣка, а также были взяты 40 человѣкъ, подписавшихъ челобитную о Нероновѣ. Отвели ихъ на дворъ патриарха: всѣхъ взятыхъ съ Аввакумомъ посадили въ тюрьму на 7 дней, а затѣмъ отлучили отъ церкви на довольно долгое время, самого же Аввакума сковали и свезли въ Андроньевъ монастырь. Черезъ 10 дней взяли его изъ монастыря, по повелѣнію патриарха, вели его пѣшкомъ, «за рукава, снемши съ рукъ, яко разбойника». Привели въ патриарховъ приказъ, здѣсь былъ допросъ о челобитной, которая была подана за Неронова. Когда стали спрашивать о сушильномъ всеобщемъ бдѣніи, Аввакумъ отвѣтилъ судьямъ: «у Казанской глава былъ Иванъ; и свиньи тѣ, которые раззоряютъ благочестіе и подали на него челобитную патриарху». Съ Аввакумомъ спорилъ архиѳіаконъ довольно много, наконецъ, выругавъ его «матерны», велѣлъ отвести назадъ въ Андроньевъ монастырь.

Въ то время, какъ Аввакумъ сидѣлъ съ цѣпью со стуломъ на шеѣ въ монастырской тюрьмѣ, преслѣдовали и другихъ лицъ изъ «братіи» и съ нѣкоторыми уже покончили. Даниилъ Костромской былъ раструженъ и сосланъ въ Астрахань; Даниилъ, Темниковскій протопопъ, заточенъ въ Новоспасскій монастырь⁸¹⁾; Семень Бебеховъ, который переписывалъ челобитную Аввакума и Даниила за Неронова, сидѣлъ на цѣпи на патриарховѣ дворѣ. Логгина Муромскаго Никонъ растружилъ и проклиналъ на литургіи во время переноса; сняли съ него однорядку и кафтанъ, и въ одной рубашкѣ били его взащей, затѣмъ съ цѣпью на шеѣ тащили съ патриархова двора въ Богоявленскій монастырь и, наконецъ, сослали въ деревню въ Муромскій уѣздъ⁸²⁾. Изъ всей

⁸¹⁾ Мат. V, стр. 19.

⁸²⁾ Мат. I, стр. 24 — 25. Въ «Житіи» Аввакума (V, стр. 21) прибавлена подробность о томъ, что Логгинъ снялъ съ себя рубашку и бросилъ въ алтарь, но, очевидно, эта подробность позднѣйшаго сочиненія, — иначе Аввакумъ не былъ бы написать о такомъ фактѣ Неронову, сообщая о раструженіи Логгина.

братіи уцѣлѣль одинъ Стефанъ Вонифатьевъ, потому что «всяко ослабѣль» и, должно быть, пользовался заступничествомъ царя, такъ что ему прощались сношенія съ Нероновымъ и другими членами его кружка.

Сидя въ заточеніи, Аввакумъ написалъ 14-го сентября письмо къ Неронову. Не имѣя литературнаго значенія, это первое дошедшее до насъ письмо Аввакума важно, какъ историческій источникъ, хотя нѣкоторыя обстоятельства въ немъ изложены не совсемъ точно. Аввакумъ передаетъ Неронову о своемъ арестѣ, о обѣдствіи остальной братіи. Интересно уваженіе, съ какимъ онъ относится къ Неронову, въ заключеніи письма уподобляя его апостолу Павлу. На другой день послѣ отправленія этого письма, на память великомученика Никиты, участь Аввакума была рѣшена. Его привезли остричъ въ соборную церковь. Долго держали его на порогѣ. Государю, который присутствовалъ при обѣднѣ, стало жалко Аввакума, онъ сошелъ со своего мѣста и просилъ за него патріарха. Патріархъ смилостивился. Аввакума не стригли, отвели въ Сибирскій приходъ къ дьяку Третьяку Башмакову, впоследствии прославившемуся въ исторіи раскола подъ именемъ старца Савватія. Черезъ нѣсколько дней Аввакумъ былъ отправленъ съ семействомъ въ Тобольскъ ⁸³).

⁸³) Все изложенное основывается на письмахъ Аввакума и Ивана Даниловича (Мат. I, стр. 20—26, 26—34) и на рассказѣ «Житія» Аввакума (Мат. V, стр. 19—22).

ГЛАВА III.

Жизнь Аввакума въ Tobольскѣ и въ Даурii.—Экспедиція Аванасiя Пашкова.

Путешествiе въ Сибирь сопряжено было для Аввакума съ разными невзгодами: ѣхать пришлось очень долго (тринадцать недѣль) и водой, и сухимъ путемъ, на телѣгахъ и саняхъ; въ дорогѣ у Настасьи Марковны родился ребенокъ, и ее, больную, повезли дальше. До Tobольска добрались только въ началѣ 1654 года, и здѣсь архiепископъ Симеонъ, вѣроятно по приказу изъ Москвы, далъ Аввакуму мѣсто протопопа; по мѣстному тобольскому преданiю, Аввакумъ жилъ въ Знаменскомъ монастырѣ и при Пятницкой церкви ¹⁾. О строгости Аввакума къ своимъ духовнымъ дѣтямъ мы можемъ судить по слѣдующимъ двумъ эпизодамъ, которые онъ намъ сообщаетъ изъ своей тобольской жизни. Часу въ 5-мъ или 6-мъ ночи, когда Аввакумъ молился со своей семьей, къ его избѣ подошелъ пьяный монахъ и сталъ кричать: «учителю, дай мнѣ скоро царство небесное». Аввакумъ впустилъ чернеца въ избу и, когда тотъ на вопросъ его: «чего просишь»? отвѣтилъ: «хочу царства небеснаго скоро, скоро», Аввакумъ снова спросилъ его: «можешь ли пить чашу, ея же ты поднесу»? Монахъ изъявилъ полную готовность немедленно испить эту чашу. «Азъ же, рассказываетъ Аввакумъ, приказалъ пономарю стулъ посреди избы поставить и топоръ мясной на стулъ положить,—вершить чернеца хочу. Еще же канатной тол-

¹⁾ Въ Москвѣ было извѣстно, что Аввакумъ будетъ въ Сибири протопопомъ (Мат. I, стр. 31). См. статью Сырцова въ Tobол. Епарх. Вѣд. 1886 г. Протопопъ Аввакумъ въ Сибири, № 16—17, стр. 374.

стой шелепъ приказалъ здѣлать. Взявше книгу, отходную сталь ему говорить и со всѣми прощатся. Онъ же задумался. Таже на стулъ велѣлъ ему главу возложить: и шелепомъ пономарь по шеѣ. Онъ же закричалъ: «государь, виноватъ,—пощади, помилуй!» И пѣяство скочило. Ослабили ему. Паль предо мною: Азъ же далъ ему четки въ руки, полтора ста поклоновъ предъ Богомъ за епитимью велѣлъ класть. Поставилъ его пономарь въ одной свиткѣ,—манатью и клобукъ снялъ и на гвоздь повѣсилъ. Я, ставъ предъ образомъ Господнимъ, вслухъ Іисусову молитву говоря, на колѣни поклонюся; а онъ, послѣдую, стоя за мною, также на колѣни; а пономарь шелепомъ по спинѣ. Да уже насилу дышать сталь: такъ ево употчивалъ пономар-еть! Вижу я, яко довлѣетъ благодати Господни: въ сѣни его отпустили отдохнуть и дверь не затворили. Бросилъ онъ изъ сѣней, да чрезъ заборъ, да и бѣгомъ. Пономарь кричитъ во слѣдъ: «отче, отче, манатью и клобукъ возьми!» Онъ же отвѣща: «горите вы и совѣмъ». Не до манатьи стало. Съ мѣсець времени минувъ, пришелъ въ денъ къ окошку: молитву искусно творить и чинно. А я чту книгу Библию. Пойди, реку, Библию слушать въ избу. И онъ: «не смѣю-де, государь, и глядѣть на тебя,—прости, согрѣшилъ!» Я простилъ ево со Христомъ и велѣлъ манатью отдать. Потомъ издали мнѣ кланяется въ землю. И архимандрита и братію сталь почитать; а воеводы мнѣ-жъ бьютъ челомъ. А до того никто съ нимъ не смѣлъ говорить»²⁾).

Въ другой разъ Аввакумъ случайно наткнулся на сцену блудѣянїя; женщину, пойманную имъ, ему отдали подъ началъ воеводы, и наказаніе придумано было протопопомъ слѣдующее: «Я подъ полъ ея спряталъ. Дни съ три во тѣмъ сидѣла на холоду—заревѣла: «государь батюшко Петровичъ! Согрѣшила предъ Богомъ и предъ тобою! Виновата,—не буду такъ впредь дѣлать! Прости меня грѣшную!» Кричитъ ночью въ правило,—мѣшаеть говорить. Я су пересталъ правило говорить, велѣлъ ее вынять, и говорю ей: хочешь ли вина и пива? И она дрожить и говорить: «нѣтъ, государь, не до вина стало! Дай, пожалуй, кусочекъ хлѣбца». И я ей говорю: разумѣй чадо,—похотѣніе то блудная пища и питіе рождаетъ въ человѣкѣ, и ума недостатокъ и къ Богу прозорство и безстрашіе: наѣдшиися и напився пьяна, ска-

²⁾ Мат. V, стр. 200.

чешь, яко юница быковъ желаешь, и якъ кошка котовъ ищешь смерть забывше. Потомъ далъ ей четки въ руки и велѣлъ класть предъ Богомъ поклоны. Кланялася, кланялася,—да и упала. Я пономарю шелепомъ приказалъ. Гдѣ-петъ дѣтца? Чортъ плотной на шею навязался! И плачу предъ Богомъ, а мучю. Помню въ правилѣхъ пишеть: прелюбодѣи и на Пасху безъ милости мучится. Начала много далъ, да и отпустилъ. Она и паки за тотъ же промыселъ, сосудъ сатанинъ»³⁾! Въ этомъ случаѣ мѣры Аввакума не подѣйствовали, хотя способъ противодействія блудной похоти голодомъ былъ давно извѣстный и очень одобряемый, какъ это видно, напр., изъ «Повѣсти о цѣломудренной вдовѣ»⁴⁾.

Однако, не всѣ духовныя дѣти Аввакума оказывались на столько послушными, и со многими у него происходили разныя ссоры и недоразумѣнія, такъ что, по его словамъ, въ Тобольскѣ его «великія бѣды постигоша» и въ теченіе полутора года на него «сказывали пять словъ государевыхъ». Особенно сильнымъ и плачевнымъ для Аввакума оказалось его столкновеніе съ дьякомъ архіепископскаго двора, Иваномъ Струною, происшедшее во время отсутствія изъ Тобольска архіепископа Симеона, который уѣхалъ въ Москву послѣ 22-го января 1654 г.⁵⁾ Струна почему-то, и какъ утверждаетъ Аввакумъ, напрасно вздумалъ мучить Антона, дьяка Аввакумовой церкви, и хотѣлъ его схватить, но Антонъ убѣжалъ въ церковь, гдѣ въ это время Аввакумъ служилъ вечерню. Струна, собравъ какихъ-то людей, пришелъ за нимъ и, вскочивъ въ церковь, схватилъ за бороду Антона, стоявшаго на клиросѣ. Тогда Аввакумъ заперъ церковь, не пустилъ въ нее никого, такъ что Струна остался одинъ противъ двухъ. Протопопъ и Антонъ посадили его среди церкви на полу, и Аввакумъ за церковный мятежъ постегалъ его ремнемъ «нарочито-таки». Люди, которыхъ Струна привелъ съ собой, ушли, должно быть, не осмѣливаясь за него заступиться, когда

³⁾ *ibid.* стр. 254—255.

⁴⁾ Вдова, убѣдивъ искателя ея руки нѣсколько дней не ѣсть, предложила ему потомъ на выборъ «трапезу и одръ», но онъ отвѣтилъ: «ниже помысла имать, что есть жена, отъ одержащаго мя глада». Пам. стар. лит. I, стр. 20.

⁵⁾ Др. Росс. Вивліюника, III, стр. 184. Аввакумъ говоритъ, что Симеонъ ѣхалъ по Волгѣ въ 1654 г., недѣли за двѣ до Петрова дня, такъ что онъ выѣхалъ, быть можетъ, изъ Тобольска позже, а въ январѣ только получилъ отпускъ. Мат. V, стр. 4.

увидѣли, что противъ него самъ протопопъ. Струна покаялся, и Аввакумъ отпустилъ его домой. Но Струна не на долго смирился: его родственники, попы и чернецы подняли весь городъ на Аввакума. Въ полночь привезли сани къ дому его, ломились къ нему, намѣреваясь его взять, отвезти на рѣку и утопить; въ этотъ разъ они почему-то ушли, однако ихъ преслѣдованія не кончились этимъ, и Аввакуму приходилось довольно жутко: цѣлый мѣсяцъ онъ принужденъ былъ отъ нихъ бѣгать, ночевать иногда въ церкви, то прятаться у воеводы, который былъ очень къ нему расположенъ, вѣроятно, вслѣдствіе заступничества своей жены, собиравшейся даже спрятать Аввакума въ критическую для него минуту въ сундукъ⁶⁾; ожесточеніе враговъ было такъ сильно, что Аввакумъ просилъ даже, чтобы его укрыли отъ нихъ въ тюрьмѣ. Были все-таки у него и защитники, изъ которыхъ онъ упоминаетъ о какомъ-то Матвѣѣ Ломковѣ, который «проводилъ его много». Наконецъ, вернулся 14-го декабря⁷⁾ архіепископъ Симеонъ, и Аввакумъ обратился къ нему съ жалобой. За Струной водились еще и другія провинности, онъ былъ взяточникъ: какой-то мужикъ совершилъ кровосмѣшеніе съ дочерью, за это былъ привлеченъ къ суду, а Струна, взявъ съ него полтину, отпустилъ его безъ наказанія. За это преступленіе и за преслѣдованіе Аввакума архіепископъ приказалъ сковать Струну; но онъ ушелъ къ воеводамъ и сказалъ государево слово на Аввакума. Воеводы отдали стеречь Струну боярскому сыну Петру Бекетову. Но Симеонъ не могъ оставить дѣла Струны безъ наказанія: посоветовавшись съ Аввакумомъ, онъ сталъ проклинать Струну въ соборной церкви въ недѣлю православія въ 1655 году. Вдругъ защитникомъ Струны явился Петръ Бекетовъ, который пришелъ въ церковь, бранилъ архіепископа и Аввакума. Чѣмъ кончилось это дѣло, мы не знаемъ; Аввакумъ сообщаетъ, будто Бекетовъ тотчасъ, какъ вышелъ изъ церкви, взбѣсился и умеръ по дорогѣ домой; будто они приказали бросить его тѣло собакамъ средь улицы, а сами молились о спасеніи его души и черезъ три дня «честно его погребли». Все это счень неправдоподобно, имѣеть какой-то чудесный отпечатокъ; отчего умеръ Бекетовъ, непонятно; кромѣ того, ничего не сказано о томъ, что

⁶⁾ Хр. Чт. 1888 г. II, стр. 582.

⁷⁾ Др. Росс. Вивлюеика, III, стр. 184.

сталося со Струной; самое же важное обстоятельство, подрывающее довѣріе къ этому разсказу,—то, что въ этомъ году мы находимъ какого-то боярскаго сына Петра Бекетова дѣйствующимъ на Амурѣ, подъ начальствомъ Аѳанасія Пашкова.

Несмотря на всѣ эти невзгоды, Аввакумъ не позабывалъ своего главнаго дѣла: «бранилъ и укорялъ отъ писанія ересь Никонову». Въ томъ, что реформа патріарха Никона есть пагубное отпаденіе отъ православной вѣры, его еще болѣе убѣждали несчастія, постигшія въ то время Россію. Нероновъ предсказывалъ царю за церковный расколъ три бѣды: «мечъ, моръ и раздѣленіе», и теперь это предсказаніе, на взглядъ Аввакума, вполне подтверждалось: Москвѣ пришлось вступить въ борьбу съ Польшей за Малороссію, а страшная моровая язва опустошала государство. Это народное бѣдствіе близко коснулось и самого Аввакума: у него въ Москвѣ умерли два брата, которыхъ онъ во время своей силы опредѣлилъ въ придворную церковь царицы (одинъ изъ нихъ Евфимій былъ псаломщикомъ въ церкви «большой царевны», вѣроятно, Татіаны Михайловны), перемерли также ихъ жены и дѣти, а также и многіе другіе родственники и друзья Аввакума. Обо всемъ этомъ Аввакуму писали изъ Москвы, и, еще болѣе укрѣпляясь въ той мысли, что «изліялъ Богъ на царство фіалъ гнѣва своего», онъ съ большею силою обличалъ ересь Никонову. Вѣроятно, такія обличенія дошли и до Москвы, и оттуда былъ присланъ въ концѣ 1655 года указъ вести Аввакума на Лену; 29-го іюня онъ отправился изъ Тобольска, а какъ доѣхалъ онъ до Енисейскаго острога, въ 1656 г., другимъ указомъ велѣно было назначить его, какъ бѣлаго попа, въ экспедицію Аѳанасія Филипповича Пашкова, отправлявшагося въ Даурскую землю ⁸⁾.

Человѣкъ, съ которымъ теперь пришлось встрѣтиться Аввакуму, былъ не совсѣмъ заурядный. Энергичный, смѣлый, приобрѣвшій значительную опытность въ своей долговременной административной дѣятельности, Пашковъ шелъ на новое дѣло: ему поручено было покорить земли, лежація на Амурѣ, и устано-

⁸⁾ Мат. V, стр. 23—26, 101; Хр. Чт. 1888 г. II, стр. 600. Совершенно ни на чемъ не основано извѣстіе г. Есипова, что причиной этой послыжки Аввакума было столкновеніе со Струной, за которое и архіепископа постигло запрещеніе. (Раск. дѣла XVIII стол. I, стр. 112).

вить тамъ правильную администрацію. Уже раньше ходили на Амуръ русскіе люди, но это были отдѣльные набѣги; Пашкову же предстояло окончательно укрѣпить въ новыхъ земляхъ русское владычество. Онъ принялся за это дѣло съ большимъ рвеніемъ, пошелъ въ Даурію по новому пути, которымъ не ходили раньше⁹⁾. Но уже съ самаго начала онъ встрѣтилъ много пре-

⁹⁾ Мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ этой экспедиціи и о томъ, что ей предшествовало, чтобы выяснить ея значеніе въ ряду подвиговъ нашихъ сибирскихъ завоевателей-колонизаторовъ, которыхъ Фишеръ вполне справедливо сравниваетъ съ героями Греціи и Рима и даже отдаетъ имъ предпочтеніе передъ послѣдними (Фишеръ, Сибир. исторія, стр. 630—631). Походы русскихъ людей въ Даурскую землю начались еще въ царствованіе Михаила Феодоровича. Въ 1643 г. письменный голова Василій Поярковъ отправился изъ Якутска, внизъ по Ленѣ онъ проѣхалъ до впаденія въ нее Алдана, затѣмъ по рѣкамъ Алдану, Утуру, Гономѣ и Нуямѣ добрался до Яблоновыхъ горъ, черезъ нихъ перетащился волокомъ въ рѣчку Малую Браенду, впадающую въ Зею, притокъ Амура, наконецъ, по Зеѣ и Амуру до Охотскаго моря. Богатая добыча, собранная Поярковымъ, и рассказы его и другихъ бывалыхъ людей о новыхъ земляхъ, черезъ годъ послѣ его возвращенія, побудили одного ленскаго промышленника, Ерофея Хабарова, предпринять новый походъ; но Хабаровъ шелъ другимъ, кратчайшимъ путемъ, рѣками Олекмою, Тугиромъ, затѣмъ черезъ хребетъ, отдѣляющій бассейнъ Ленскій отъ Амурскаго, перебрался на рѣку Урку, впадающую въ Амуръ. Походъ Хабарова былъ еще болѣе удаченъ, такъ что обратилъ на себя вниманіе московскаго правительства, которое стало помышлять о томъ, чтобы утвердиться прочно въ новыхъ Амурскихъ земляхъ. Въ 1652 г. приказано было кн. Ивану Ивановичу Лобанову-Ростовскому идти туда съ 3000 человекъ, и уже было подготовлено все нужное для этой экспедиціи, но она почему-то не состоялась. Однако мысль объ утвержденіи въ Приамурскомъ краѣ не была оставлена въ Москвѣ, хотѣли установить тамъ постоянную правильную администрацію, выдѣлить его въ особое воеводство, которое сносилось бы прямо съ Москвою, съ Сибирскимъ приказомъ, а не подчинялось бы какимъ-нибудь мѣстнымъ, областнымъ начальникамъ. Эта задача и выпала на долю Пашкова. Еще въ 1651 г. сынъ боярскій Василій Колесниковъ писалъ Пашкову изъ Баргузинскаго острога, что около озера Иргеня живетъ много неясачныхъ тунгузовъ, что можно ихъ привести подъ высокую государствену руку, надо только поставить на Иргенѣ озерѣ острожки, и чтобы это исполнить, просилъ выслать ему на подмогу человекъ сто служилыхъ людей. Въ это время въ Енисейскѣ находились люди, бывавшіе на Иргенѣ озерѣ. Пашковъ обратился къ нимъ, чтобы разузнать о путяхъ, и они сказали, что изъ Баргузинскаго острога лѣтнею скорою ѣздой послѣть можно на лошадахъ дней въ шесть, а водянымъ путемъ идти черезъ Байкаль озеро и иными рѣками мѣсяца три; озеро Иргень приблизительно длиною верстъ въ 50, а шириною съ 20; въ 300 саженьяхъ отъ него лежитъ другое озеро Ераблей или Араблей; около этихъ озеръ живутъ и промышляютъ многіе тунгузы, ловятъ

пятствій, назначенный на его мѣсто въ Енисейскъ новый воевода интриговалъ противъ него; провіантъ, отправленный впередъ въ Тутирскій острогъ, подвергся нападенію шайки голодныхъ казаковъ, возвращавшихся съ Амура, и былъ уничтоженъ; огнестрѣльныхъ запасовъ Пашкову не дали въ достаточномъ количествѣ; собственная его команда, вслѣдствіе разныхъ лишеній и по отсутствію въ ней почти всякой дисциплины, отказывалась его слушаться. Пашковъ, однако, не останавливался на пути къ

рыбу, готовить себѣ годовые сухіе рыбные запасы; оттуда волокомъ и по рѣкѣ Ингодѣ можно достигнуть въ четыре дня Великой Шилки рѣки; отъ устья Ингоды на 50 верстѣ внизъ въ Шилку впадаетъ рѣка Нерчь, берега которой тоже населены тунгузами. Служилые люди, сообщившіе Пашкову эти свѣдѣнія, совѣтовали ему поставить остроги на Иргенѣ и на устьѣ Нерчи, иначе, говорили они, «немирныхъ тунгусовъ подъ государеву руку привести и съ нихъ ясакаъ взять не мочно». Пашковъ послалъ на Иргень сына боярскаго Петра Бекетова со служилыми людьми, а вмѣстѣ съ тѣмъ отписалъ въ Москву о всемъ, что слышалъ относительно новыхъ земель и, вѣроятно, предлагалъ ихъ покорить. Бекетовъ не сдѣлалъ ничего особенно полезнаго для утвержденія русскаго владѣчества въ новыхъ земляхъ, собралъ только ясаку нѣсколько сороковъ соболей, но очень важно, что онъ собралъ новыя свѣдѣнія о путяхъ, и оказалось, что служилые люди говорили Пашкову не совсѣмъ вѣрно: до Иргеня надо было идти больше, чѣмъ три мѣсяца. Между тѣмъ въ Москвѣ планъ Пашкова очень понравился, онъ совпалъ съ видами правительственными, и въ августѣ 1655 г. «велѣно Аванасью Пашкову быть на службѣ въ Даурской землѣ, да съ нимъ сыну его, Еремѣю, да сибирскимъ служилымъ людямъ, разныхъ городовъ стрѣльцомъ и казакомъ, тремъ стамъ человекамъ, а для тое Даурскіе службы велѣно дати ему, Аванасью, и сыну его, Еремѣю, денежное жалованье по окладамъ ихъ изъ Енисейскихъ доходовъ». Изъ Тобольска приказано было послать Пашкову пороху, свинца, вина горячаго, хлѣба и др. припасовъ; архіепископу Симеону велѣно отправить антимины для трехъ церквей, двухъ поповъ и діакона,—остальныя церковныя потребности должны были быть высланы изъ Москвы. Пашкову данъ особый наказъ относительно новой его службы. Зима 1655—1656 гг. прошла въ приготовленіяхъ, причемъ обнаружались равныя неприятели, и, наконецъ, весною 1656 года Пашковъ выступилъ изъ Енисейска. Сперва предполагалось, что онъ пойдетъ обычнымъ путемъ по Тунгузкѣ до Илимска, затѣмъ волокомъ на Лену, по Ленѣ, Олекмѣ и т. д., но онъ пошелъ дорогой, намѣченной Колесниковымъ и Бекетовымъ. См. Д. А. И. т. III, №№ 98, 112, т. IV, №№ 17, 21, Фишеръ. Сибирская исторія. Спб. 1774 г. стр. 571—582, 584, 588—589, 623—631. Др. Росс. Вивл. т. III, стр. 185, 188 Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеоп., т. II, стр. 345—354. Соловьевъ. Ист. Россіи, кн. III, ст. 587—593. Русск. Газета 1859 г. №№ 3, 7, 9, статья «Русскіе на Амурѣ». Русское Слово 1859 г. апрѣль, стр. 179—200, статья Романова, Русскій Архивъ 1879 г. т. II, статья Шумахера. Христ. Чтеніе 1888 г. т. II, стр. 600—601, 577—578.

своей цѣли, шелъ впередъ, несмотря на страшныя лишенія, старался удерживать своихъ людей въ повиновеніи, причѣмъ не обходилось порой безъ очень крутыхъ и жестокихъ мѣръ, которыя такимъ образомъ оправдывались административною и военно-дисциплинарною необходимостью, да и были очень обыкновенны въ глазахъ тогдашнихъ сибирскихъ дѣятелей. Имъ приходилось имѣть дѣло со всякимъ сбродомъ, и они не стѣснялись въ выборѣ средствъ, чтобы держать своихъ людей въ повиновеніи, останавливать ихъ отъ грабежей, разбоевъ и притѣсненій несчастнымъ сибирскимъ инородцамъ. Такъ дѣйствовали, напримѣръ, Поярковъ, о жестокостяхъ котораго ходили ужасающіе рассказы ¹⁰⁾, Хабаровъ, такъ же дѣйствовалъ и Пашковъ. Конечно, такимъ образомъ сибирскіе воеводы, очень мало контролируемые центральной властью, пріучались къ сильному произволу, доходившему нерѣдко до самодурства, и такое самодурство, какъ видно изъ рассказовъ протопопа Аввакума и изъ жалобъ разныхъ людей, сохраняющихся въ дѣлахъ Сибирскаго приказа, проявлялось между прочимъ и во многихъ дѣйствіяхъ Пашкова, котораго архіепископъ Симеонъ называетъ въ своей челобитной государю «великимъ озорникомъ». Разныхъ чиновъ люди жаловались, что «Пашковъ въ Енисейскомъ острогѣ старинныхъ прежнихъ съѣзжіе избы подъячихъ билъ и мучилъ и отъ подъячества отставилъ, а подъячаго Обросимка Кузьмина въ тюрьму въ заключеніе посадилъ и на пыткахъ пыталъ и животы его всѣ себѣ поималъ и въ тюрьмѣ держать и въ напраснѣ, да онъ же, Аонасій, человекъ своего безъ государева указа казнилъ». Еремѣй Толстой жаловался, что «Пашковъ его въ тюрьмѣ и по

¹⁰⁾ Служилыхъ людей Поярковъ билъ и мучилъ напрасно и, пограбя у нихъ хлѣбные запасы, изъ острожка ихъ вонъ выбилъ, а велѣлъ имъ идти ѣсть убитыхъ иноземцевъ, и служилые люди, не желая напрасно смертью умереть, съѣли многихъ мертвыхъ иноземцевъ и служилыхъ людей, которые съ голоду померли, пріѣли человекъ съ пятьдесятъ; иныхъ Поярковъ своими руками прибилъ до смерти, приговаривая: «не дороги они, служилые люди! десятнику цѣна десять денегъ, а рядовому два гроша». Когда онъ плылъ по рѣкѣ Зеѣ, то жители тамошніе его къ берегу не припускали, называя русскихъ людей погаными людоедами. Когда весною въ устьѣ Амура снѣгъ съ луговъ сошелъ и трава обтаяла, то остальные служилые люди начали корень копать и тѣмъ кормиться; но Поярковъ велѣлъ своему человекѣ выжечь луга, чтобы служилые люди покупали у него запасъ дорогою цѣною. Соловьевъ. Ист. Россіи, кн. III, ст. 588.

приказамъ въ желѣзахъ и на правѣжѣ держаль болѣе 5 мѣсяцевъ и вымучилъ на немъ, Еремкѣ, и на женѣ его денегъ съ своими потаковщики, съ Ондрюшкою и Олешкою, поклепными исками 5.0+5 р. да 4 анбара хлѣба, а хлѣбъ съ гумна въ тѣ анбары пошенъ не мѣря, и того ево хлѣба въ прошломъ въ 160 годѣ объявилось въ Туруханскомъ зимовѣ 4 дощеника. А животовъ ево, Аеонася Пашкова, неправедного собранья есть тысячь съ 50 и больши съ вывозными животы, а неправды ево, Аеонасьевы, и всякое насильство вѣдаютъ многіе люди». По государеву указу приказано было дать Еремкѣ Толстому очную ставку съ Пашковымъ и сдѣлать повальный обыскъ, но Пашковъ, по отпискѣ Енисейскаго воеводы Ивана Акинеова, не послушалъ государева указа, на очную ставку не явился, обыскнымъ людямъ грозилъ разными муками, если они на него покажутъ что нибудь, а нѣкоторыхъ старался подкупить. Кромѣ того Иванъ Акинеовъ доносилъ, что при «Пашковѣ было въ пять лѣтъ его, Иванова, откупу въ государеву казну 107 р., а себѣ онъ, Аеонасей, имать сверхъ того откупу на годъ по 200 р.». Въ 1655 г. былъ назначенъ въ Енисейскъ новый стрѣлецкій голова Василій Власьевъ, вмѣсто Григорія Барыбина, и Пашковъ «говорилъ ему (Ивану Акинеову) съ угрозою, чтобъ того Григорья Барыбина изъ Енисейска не отпускать, для того, что де онъ, Афонасій, блюдетъ, да на себя отъ Григорія челобитья и извѣтовъ, а въ чемъ челобитья и извѣтовъ блюдетъ, да того ему Аеонасій имянно, не сказалъ, а будетъ де онъ Григорья изъ Енисейска отпустить, и у него, Аеонася, съ нимъ, Иваномъ, быть вѣчная головной недружбѣ». Въ Енисейскѣ Пашковъ принуждалъ старицъ дѣвичья Рождественскаго монастыря подписывать челобитную на Ивана Акинеова, не читая ея; тѣхъ старицъ (старицу Прасковью), которыя требовали ея прочтенія, онъ велѣлъ взять изъ монастыря, «билъ по щекамъ своими руками и пыталъ ее у себя на дворѣ, невѣдомо въ какомъ дѣлѣ». Енисейскаго соборнаго попа Игнатія онъ велѣлъ «полчаномъ своимъ изымати на улицѣ, бивъ на смерть, притащить къ себѣ передъ окошко и, поругався, лаялъ его, и велѣлъ, съ него однорядку ободравъ, бить батоги, и увидѣвъ онъ, Аеонасій, что тотъ попъ Игнатій и такъ на смерть бить, велѣлъ ево отпустить». Архiepископъ Симеонъ доносилъ, что Пашковъ въ Енисейскѣ «завалъ Якова попа на судно и билъ его на смерть своими руками, и

онъ, попъ Яковъ, отъ его Аеоносъевыхъ побой лежалъ недѣль съ шесть при смерти, — едва ожилъ»¹¹⁾). Весьма возможно, что во всѣхъ этихъ жалобахъ на Пашкова есть не малая доля преувеличеній, столь обычныхъ въ показаніяхъ обиженныхъ людей, но тѣмъ не менѣе и по нимъ можно составить себѣ близкое къ истинѣ представленіе о самодурствѣ и «озорничествѣ» этого воеводы, обладавшаго, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, далеко не заурядными способностями и инициативой.

Къ такому-то человѣку попалъ Аввакумъ, и немудрено, что при его упорномъ характерѣ между ними долженъ былъ начаться рядъ всякихъ столкновеній, въ которыхъ въ равной мѣрѣ была виновата то та, то другая сторона. Экспедиція началась, какъ уже указано, не при особенно благоприятныхъ условіяхъ, и Аввакуму вмѣстѣ съ другими сразу привелось испытать разныя лишенія и невзгоды. Бѣжали они по Тунгускѣ на дощеникахъ¹²⁾ вверхъ, поднялась буря, дощеникъ Аввакума стало заливать, паруса изорвало, дощеникъ почти совсѣмъ погрузился въ воду, «одни палубы надъ водою». Настасья Марковна кое-какъ вытащила дѣтей на палубу, и наконецъ, ихъ дощеникъ прибило къ берегу, такъ что они вышли изъ бѣды довольно счастливо, тогда какъ на другомъ дощеникѣ въ эту же бурю сорвало двухъ человѣкъ, которые и утонули въ рѣкѣ.

Оправившись послѣ несчастія, поѣхали далѣе, и на Шаманскомъ порогѣ произошло первое столкновеніе Аввакума съ Пашковымъ. Объ этомъ фактѣ, кромѣ показанія самого Аввакума, мы имѣемъ свидѣтельство архіепископа Симеона, по всей вѣроятности, основанное на жалобахъ Аввакума или его друзей и не выясняющее намъ мотивовъ ссоры; обо всѣхъ же послѣдующихъ происшествіяхъ мы знаемъ только по рассказамъ одного Аввакума и, конечно, не можемъ имъ довѣрять безусловно: многое въ нихъ, по всей вѣроятности, преувеличено и является не вполне въ истинномъ свѣтѣ, такъ что жестокія дѣйствія Пашкова по отношенію

¹¹⁾ Столбцы Сибирскаго приказа, въ Арх. Мин. Юст. № 6554 509. Также см. Хр. Чт. 1888 г. т. II, стр. 578, 601.

¹²⁾ Дощеники суть плоскодонныя суда съ однимъ декомъ, изъ коихъ большія могутъ поднять до пятидесяти человѣкъ съ военными и съѣстными припасами. На нихъ ходятъ по рѣкамъ внизъ на греблѣ, а вверхъ на парусахъ, или ежели вѣтра не случится, тянуть бечевою. Фишеръ. Сибирская исторія, стр. 564, примѣч. 18.

къ Аввакуму представляются не имѣющими никакихъ разумныхъ основаній, исключительнымъ, самодурствомъ. Намъ кажется, что въ дѣйствительности причиной ихъ раздоровъ было не одно дикое притѣснительство Пашкова: дѣло въ томъ, что сошлись два человѣка, изъ которыхъ каждый былъ очень замѣчательнымъ лицомъ въ своей сферѣ, оба были люди съ большимъ умомъ, съ крѣпкимъ характеромъ, но задачи и направленіе ихъ дѣятельности были различны. Пашковъ былъ администраторъ, военный человѣкъ, и, какъ мы сказали, долженъ былъ поступать иногда очень жестоко со своей командой; Аввакумъ, какъ представитель церкви, долженъ былъ, напротивъ, стараться вносить болѣе человѣчности въ дѣйствія воеводы; но онъ не сумѣлъ себя такъ поставить, чтобы Пашковъ, вообще не отличавшійся, какъ это видно изъ приведенныхъ выше фактовъ, особенной почительностью къ духовному сану, относился къ нему съ уваженіемъ и слушался его наставленій. Правда, Пашковъ былъ, вѣроятно, заранѣе предубѣжденъ противъ Аввакума, видѣлъ въ немъ человѣка опального, ссыльнаго, почти «распопа», который не можетъ имѣть никакого голоса, — Аввакумъ говоритъ даже, будто Пашкову изъ Москвы отъ Никона былъ данъ наказъ его мучить, но такое извѣстіе ничѣмъ не подтверждается. Къ тому же Аввакумъ и самъ вооружилъ Пашкова противъ себя, выйдя изъ своей роли представителя церкви, не дѣйствуя мягкимъ убѣжденіемъ, а прямо присоединившись къ лицамъ, недовольнымъ воеводою, которые осуждали и даже смѣялись надъ его планами, какъ это напр. мы можемъ предполагать изъ его сочувствія какому-то Якову Красноярскому, говорившему «только бы воевода ѣхалъ по государеву указу прямою дорогою, и мы бы нужи такія не терпѣли»¹³⁾. Онъ сталъ смотрѣть на Пашкова, какъ на какого-то звѣря и, можетъ быть, даже высказывалъ ему это. Конечно, Пашковъ не могъ допускать такого къ себѣ отношенія и, когда у нихъ возникло въ первый разъ открытое несогласіе, поступилъ съ Аввакумомъ самымъ жестокимъ образомъ.

Ссора произошла по слѣдующему поводу: экспедиція встрѣтила партію казаковъ, съ которыми ѣхали двѣ вдовы, одна 60 лѣтъ, а другая еще старше, отправлявшіяся постричься въ монастырь. Пашкову, по словамъ Аввакума, пришла дикая, чисто

¹³⁾ Мат. V, стр. 134. Не тотъ-ли это Яковъ, о которомъ упоминаетъ арх. Симеонъ?

самодурская мысль выдать старухъ замужъ. Аввакумъ сталъ ему указывать, что ихъ нельзя вѣнчать по церковнымъ правиламъ; но Пашковъ не хотѣлъ слушать этихъ доводовъ протопопа, разсердился на него и рѣшилъ проучить за непокорность. Какъ доѣхали до порога Долгаго, сталъ онъ «выбивать» Аввакума изъ дощеника. «Ты еретикъ, говорилъ онъ, изъ-за тебя дощеникъ худо идетъ, поди по горахъ, а съ казаками не ходи». «О, горе стало!» восклицаетъ Аввакумъ, рассказывая объ этомъ происшествіи. «Горы высокія, дебри непроходимыя; утесъ каменный, яко стѣна стоитъ, и поглядѣть—заломя голову! Въ горахъ тѣхъ обрѣтаются змїи великія, въ нихъ же витають гуси и утицы,—періе красное, вороны черныя и галки сѣрыя; въ тѣхъ же горахъ орлы и соколы, и кречаты, и курята индѣйскія, и бабы, и лебеди, и иные дикіе—многое множество—птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляютъ и звѣри многіе дикіе: козы и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе... На тѣ горы выбивать меня Пашковъ сталъ со звѣрми, и со змїями, и со птицами витать». Пробоваль Аввакумъ обратиться къ воеводѣ съ увѣщаніемъ, написалъ ему слѣдующее письмо: «Человѣче! убойся Бога, сѣдѣщаго на херувимѣхъ и призирающа въ бездны, Его же трепещуть небесныя силы и вся тварь со человѣки, единъ ты презираешь, и неудобство показуешь». Послалъ Аввакумъ эту записку, видѣть: бѣгутъ къ нему отъ воеводы, дощеникъ котораго стоялъ въ трехъ верстахъ, человѣкъ 50 казаковъ. Взяли они его и повезли къ воеводѣ. По дорогѣ онъ имъ наварилъ каши, «и они, бѣдныя, и ѣдятъ и дрожатъ, а иные плачутъ, глядя на меня, жалѣють по мнѣ». Дощеникъ остановился, палачи взяли Аввакума и повели къ Пашкову. «Онъ же со шпагою стоитъ и дрожитъ, спрашиваетъ: «попъ ли, или распопъ?»—«Азъ есмь Аввакумъ протопопъ, говори, что тебѣ за дѣло до меня?» «Онъ же рыкнулъ, аки дикій звѣрь, передаетъ Аввакумъ, и ударилъ меня по щекѣ, также по другой, и паки въ голову, и сбилъ меня съ ногъ, и чеканъ ухвата, лежачаго по спинѣ ударилъ трижды», потомъ приказалъ палачу бить протопопа кнудомъ. Аввакумъ озлобился, рѣшился терпѣть, но не просить пощады. Дали семьдесятъ два удара, и наконецъ, онъ закричалъ: «полно бить-то». Пашковъ велѣлъ перестать. Но Аввакумъ не унялся, очень ужъ его возмутила такая жестокость и такой произволь. «За что ты меня бьешь? вѣдаешь ли?» обратился онъ къ воеводѣ. За эти

слова—новые удары по бокамъ; били протопопа до изнеможенія, такъ что онъ подъ конецъ «задрожалъ и упалъ». Оттащили его въ казенный дощеникъ и здѣсь, сковавъ по рукамъ и ногамъ, кинули на беть¹⁴⁾, на открытый воздухъ, ничѣмъ не покрывши. А шелъ дождь, всю ночь мочилъ протопопа. «Стало у меня, говорить Аввакумъ, въ тѣ поры кости-те щемить, и жилы-тѣ тянуть, и сердце задрожалось, да и умирать сталъ. Воды мнѣ въ ротъ плеснули, такъ вздохнулъ¹⁵⁾. По жалобѣ арх. Симеона по этому поводу послѣдовалъ царскій указъ 11 февр. 1658 г. о замѣнѣ Пашкова другимъ воеводой, но указъ не былъ приведенъ въ исполненіе, и Пашковъ оставался на своемъ мѣстѣ до 1662 года.

На другой день послѣ этой страшной сцены, Аввакума кинули въ лодку и повезли дальше. У порога Падуна было довольно опасное мѣсто: рѣка здѣсь шириною съ версту, «три залавка черезъ всю рѣку зѣло круты: не воротами что поплыветь, ино въ щепы изломаеть». Погода была скверная; лилъ дождь со снѣгомъ. Аввакумъ въ своемъ кафтанишкѣ совсѣмъ промокъ. Прошли благополучно, Аввакума провели скованнаго по берегу. Привезли его въ Братскій острогъ и въ тюрьму кинули. Здѣсь онъ лежалъ на соломѣ до Филиппова поста въ холодной башнѣ, наполненной мышами, блохами, вшами и т. п.; ѣсть ему подчасъ совсѣмъ не давали, спина еще не зажила послѣ недавнихъ ударовъ, и онъ лежалъ на животѣ. Его крѣпкій характеръ выдерживалъ все, хотя на него находило отчаяніе, и онъ подумывалъ просить Пашкова смилостивиться. Перевели, наконецъ, Аввакума въ теплую избу, гдѣ онъ оставался съ инородческими аманатами и съ собаками почти всю зиму. Семейство его въ это время находилось отъ него верстахъ въ двадцати и терпѣло тоже большія лишения. Настасью Марковну мучила какая-то «баба Ксенія—лаяла да укоряла». Какъ-то послѣ Рождества пришелъ провѣдать Аввакума маленькій его сынъ, Иванъ,—Пашковъ велѣлъ ему ночевать въ студеной башнѣ, въ которой сидѣлъ раньше Аввакумъ. Ребенокъ отморозилъ руки и ноги и чуть совсѣмъ не замерзъ; отпа ему не позволили видѣть и на другой день прогнали назадъ къ матери.

¹⁴⁾ Беть—поперечная скрѣпа балохъ, владется съ борта на бортъ (Словарь Даля).

¹⁵⁾ Мат. V, стр. 26—30. Хр. Чт. 1888 г. т. II, стр. 600—601. Въ челобитной арх. Симеона число ударовъ кнутомъ опредѣляется иначе, чѣмъ въ «Житіи Аввакума»: вмѣсто 72 всего 60.

Весной поѣхали датѣе. У Аввакума оказалось большое оскудѣніе не только въ своемъ домашнемъ обиходѣ, но и въ церковномъ: запасныхъ даровъ почти не осталось, многое растащено изъ книгъ, одеждъ и прочей церковной утвари. На Байкалѣ Аввакумъ опять тонулъ. Изъ Байкала по Селенгѣ прошли въ Хилокъ. Здѣсь пришлось тяжело всему отряду: надо было тянуть дощеники лямкой, отъ сырости и отъ тяжелыхъ работъ люди гибли въ большомъ числѣ, и Аввакумъ переносилъ тоже разныя тяготы, между прочимъ тонулъ въ третій разъ. Барку его оторвало отъ берега и понесло внизъ по теченію, быстрая вода поворачивала барку вверхъ дномъ, заливала черезъ бортъ, но ее во время остановили. Все платье, какое еще уцѣлѣло у Аввакума и у его семейства, перемокло такъ, что скоро сгнило. А Пашковъ тутъ за что-то разсердился на протопопа и сталъ укорять его: «ты надъ собою дѣлаешь за посмѣхъ!»

Чѣмъ дальше двигалась экспедиція, тѣмъ болѣе увеличивались ея бѣдствія. Зимой съ 1658 на 1659 г. тащились волокомъ на нартахъ до Иргеня озера, весною на плотахъ поплыли по Ингодѣ. Гнали по рѣкѣ лѣсъ хоромный и городской, работа была изнурительная, рѣка мелкая, а плоты тяжелые. Между тѣмъ Пашковъ требовалъ точнѣйшаго исполненія работы, поставилъ суровыхъ приставовъ, которые не скупились на побои батогами и кнутомъ. Люди гибли отъ работы непосильной, отъ сырости и голоду. Скитались по полямъ и лугамъ, копали разныя коренья, собирали травы, зимой питались сосновой корой; ѣли, что попало, кобылятину, обѣдки животныхъ, зарѣзанныхъ волкомъ, волковъ, лисицъ. Протопопъ несъ всѣ бѣды за одно съ казаками. У Настасьи Марковны была однорядка изъ Москвы, пѣною рублей въ 25, на нее въ обмѣнъ Пашковъ далъ мѣшка четыре ржи, и этимъ семейство Аввакума питалось съ годъ, но и имъ приходилось ѣсть кобылятину, мертвечину и птичье мясо, о чемъ съ ужасомъ вспоминаетъ Аввакумъ, какъ о крайнемъ оскверненіи. Отъ всѣхъ этихъ невзгодъ умерли у протопопа два сына маленькіе, другіе кое-какъ перебились, «скитающесе по горамъ и по острому каменію, босы и наги». Иногда помогали Аввакуму сноха Пашкова, Евдокія Кирилловна, да жена, Фекла Семеновна, вѣроятно, бывшія его духовными дочерьми, на которыхъ онъ обыкновенно имѣлъ очень сильное вліяніе. Эти двѣ женщины тайкомъ отъ воеводы присылали ему «иногда кусокъ мяса, иногда колобокъ,

иногда мучки и овсеца,—сколько сойдется,—четверть пуда и гривенку другую, а иногда и полпудика накопить и передать. — а иногда у куровъ изъ корыта корму нагребеть». Дочь Аввакума Аграфена ходила къ нимъ просить подь окно: «когда онѣ дома, дадутъ; а какъ нѣтъ ихъ, гоняють ее». Вѣроятно, подь вліяніемъ боярынь Аввакумъ пріобрѣлъ расположеніе и сына Пашкова, Еремѣя, ближайшаго помощника отца въ походѣ. Но несмотря на это съ самимъ воеводой продолжались разныя столкновения, отчего дѣлалось еще хуже и безъ того неотрадное положеніе Аввакума.

Поставивъ на Нерчѣ острогъ, Пашковъ сталъ возвращаться назадъ въ Иргень озеро для усмиренія взбунтовавшихся тунгусовъ. Бѣжали пять недѣль по голому льду. Для дѣтей и поклажи Пашковъ далъ Аввакуму двухъ лошадей, а самому протопопу «съ женой пришлось брести пѣшкомъ». «Страна варварская, рассказываетъ Аввакумъ, иноземцы не мирные: отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадьми итти не успѣемъ, голодные и томные люди. Протопопица бѣдная бредеть, да и повалится — сколко гораздо! Въ иную пору, бредучи, повалилась, а иной томный же человекъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился: оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричитъ: «матушка государыня, прости!» А протопопица кричитъ: «что ты батько, меня задавилъ!» Я пришелъ,—на меня бѣдная пеняетъ, говоря: «долго ли муки сея, протопопъ, будетъ?» И я говорю: «Марковна, до самыя смерти!»—Она же вздохня, отвѣчала: «добро, Петровичъ, ино еще побредемъ!»

Приволоклись на Иргень озеро, и тутъ стало немного легче. Боярыня Евдокія Кирилловна прислала Аввакуму сковородку пшеницы «и кутья наѣлись». Но тутъ произошла у Аввакума ссора съ его покровительницей. Былъ у нея сынъ, Семень, родившійся на походѣ; такъ какъ Аввакумъ и молитву ему давалъ и крестилъ, то благочестивая боярыня каждый день присылала ребенка къ нему на благословеніе. Какъ-то ребенокъ заболѣлъ, когда Аввакума не было дома. Что дѣлать боярынь? Послала она за туземнымъ лекаремъ-шаманомъ, но болѣзнь только усилилась, Аввакумъ же, разсердившись за такое нарушеніе церковныхъ правилъ, за колдовство, не шелъ къ боярынь. Ребенокъ былъ почти при смерти, пѣстуны приходили къ протопопу звать его къ боярынь, но онъ отвѣчалъ: «коли баба лиха, живи же

себѣ одна». Прислала она сына своего старшаго просить со слезами Аввакума, чтобы помогъ ей горю. Наконецъ, протопопъ смилостивился, вылечилъ ребенка. Этотъ случай сталъ извѣстенъ и самому воеводѣ и, когда Аввакумъ пришелъ къ нему, онъ поклонился ему «низенько» и сказалъ: «спаси Богъ! отечески творишь, не помнишь нашего зла». Послѣ этого Пашковъ до того смягчился, что прислалъ протопопу «довольно пищи».

Скоро экспедиція кончилась, и исходъ ея былъ весьма печальный. Въ августѣ 1661 г. въ Иргеньской острогъ явились съ Амура 17 человекъ казаковъ и просились въ государеву службу. Пашковъ принялъ ихъ и послалъ съ сыномъ своимъ Еремѣемъ на непокорные тунгускіе улусы. Но эти люди оказались обманщиками. 4-го сентября, когда отрядъ Еремѣя стоялъ на Ингодѣ, они ночью украли у Еремѣя и служилыхъ людей оружіе и всякую рухлядь и бѣжали. Спустился внизъ по Ингодѣ и по Шилкѣ до Нелютцакаго и Тунгусскаго остроговъ, они разграбили всѣ казенныя суда, какія имъ попались на встрѣчу; въ Нерчинскѣ они взяли у тамошняго управителя нѣсколько судовъ и возвратились назадъ Уркою и Тугиромъ (т. е. путемъ старымъ, которымъ ходилъ Хабаровъ)¹⁶). Этотъ несчастный эпизодъ очень огорчилъ Пашкова, онъ былъ, по выраженію Аввакума, «яко пьяный отъ кручины». Самъ ли онъ сталъ просить Московское правительство объ увольненіи, или въ Москвѣ были недовольны его дѣйствіями, только вскорѣ онъ былъ смѣненъ. 12-го мая 1662 г. начальство отъ него принялъ новый воевода Иларіонъ Толбузинъ, а 25-го мая Пашковъ уѣхалъ въ Москву¹⁷).

Мѣсяцъ спустя настало время возвращенія и для Аввакума, о чемъ послѣдовалъ государевъ указъ¹⁸), вѣроятно, по усилен-

¹⁶) Д. А. И. т. IV, № 110. Фишеръ. Сибир. Ист., стр. 29—30. Аввакумъ передаетъ этотъ фактъ, рассказываетъ о новомъ столкновеніи, бывшемъ у него съ Пашковымъ изъ-за того, что тотъ передъ походомъ обратился къ шаманамъ-гадателямъ. Мат. V, стр. 45—50. Г. Есиповъ (Раск. дѣла, т. I, стр. 112), сообщая разныя свѣдѣнія объ экспедиціи Пашкова, говоритъ, что Аввакумъ «между прочимъ служилъ молебень на р. Амурѣ при основаніи Албаина», но откуда взято г. Есиповымъ такое свѣдѣніе, намъ ничего не извѣстно.

¹⁷) Д. А. И. т. IV, № 116, 121,

¹⁸) Мат. V, стр. 159, II, стр. 81. Гр. Гейденъ (op. cit., стр. 58) полагаетъ, что Аввакумъ былъ возвращенъ по ходатайству Неронова; но для такого утвержденія (весьма вѣроятнаго) мы не имѣемъ документальныхъ данныхъ, такъ какъ цитируемая гр. Гейденомъ челобитная Неронова отъ 6 декабря 1664 г. подана имъ уже послѣ возвращенія Аввакума изъ Сибири и послѣ его вторичной высылки изъ Москвы.

нымъ хлопотамъ, въ виду удаленія патріарха Никона, московскихъ друзей протопопа. Набравъ съ собою больныхъ и раненныхъ, Аввакумъ съ женой и дѣтьми двинулся въ путь. По его разсказу, онъ взялъ съ собою какого-то Василя, который дѣлалъ ему разныя непріятности при Пашковѣ, даже разъ чуть было не посадилъ на колъ; этого человѣка казаки очень не любили, такъ какъ онъ на нихъ много ябедничалъ воеводѣ и много «крови проливалъ»; но Аввакумъ, помирившись съ нимъ, выпросилъ у казаковъ, чтобы они его отпустили. Увезъ онъ еще и другого такого «замотая». Казаки не хотѣли его отдать Аввакуму, намѣреваясь его убить, но онъ ушелъ въ лѣсъ и, дождавшись Аввакума на пути, бросился къ нему въ карбасъ. Тутъ вдругъ появилась погоня, — протопопъ, однако, не растерялся; спряталъ замотая на дно судна, накинулъ постель и приказалъ женѣ и дочери лечь на него. Пришла погоня, искали его вездѣ и не нашли. Жаль имъ было беспокоить протопопицу, которая на ихъ глазахъ столько вынесла всякихъ лишеній за 6 лѣтъ, не тронули они ея: «опочивайте, матушка! и такъ ты государыня, горя натерпѣлась». Самъ же Аввакумъ рѣшительно объявилъ имъ: «нѣтъ его у меня!» Такъ и уѣхали они ни съ чѣмъ¹⁹⁾.

Возвратный путь тоже не обошелся безъ лишеній разнаго рода. Сперва оказался недостатокъ въ пищѣ, но попался «большой звѣрь изубрь» и имъ питались до Байкала, гдѣ встрѣтилась путникамъ станица русскихъ людей, промышлявшихъ рыбу. Они знали протопопа, обрадовались, что онъ возвращается домой, надавали ему пищи, сколько надобно. Уловъ ихъ въ этотъ разъ былъ обильный, и они принесли Аввакуму осетровъ съ сорокъ свѣжихъ: вотъ, батюшка, на твою часть Богъ въ запорѣ намъ далъ, — возьми себѣ все». Конечно, Аввакумъ не взялъ всего этого огромнаго количества: и не нужно ему было такъ много, да и некуда было брать. Погостивъ у промышленниковъ, запасшись пищею и починивъ лодку, отправились черезъ Байкаль; на мѣстѣ ихъ переправы озеро оказалось шириною верстъ въ 80—100, перегреблись на веслахъ довольно благополучно, только у берега застала ихъ буря, такъ что путники насилу вышли.

Дальше по дорогѣ Аввакумъ чуть не попалъ въ руки невѣрныхъ сибирскихъ инородцевъ. Въ то время бунтовали въ

¹⁹⁾ Мат. V, стр. 50—52.

Сибири татары и башкиры, губившіе много народу. Они захватили Аввакума первый разъ на Оби, но легко его отпустили; во второй же разъ на Иртышѣ онъ встрѣтился съ большой ихъ толпой, поджидавшей русскихъ изъ Березова, и, не зная, что за люди, не подозрѣвая объ ихъ буйствахъ, подѣхалъ къ нимъ. Они бросились къ нему съ луками и стрѣлами и обступили путниковъ. Увидѣлъ протопопъ, что ему грозитъ опасность, и пустился на хитрость, сталъ обниматься съ инородцами, говоря: «Христось со мною и съ вами тоже». Протопопица употребила ту же хитрость съ женщинами, — тогда башкиры смягчились, спрятали свои луки и стрѣлы, предложили Аввакуму свои товары и отпустили его.

Пріѣхавъ въ русскіе города, Аввакумъ увидѣлъ, что ненавистное ему никоніанство сдѣлало большіе успѣхи, распространилось, приобрѣло значительную крѣпость. Самъ Аввакумъ начиналъ поддаваться соблазну новой службы: въ Тободьскѣ въ день Ангела одной изъ царевенъ пошелъ онъ къ заутренѣ, потомъ раза 2—3 присутствовалъ при просфиромисаніи «въ алтарѣ у жертвенника», и въ началѣ или «ругался» надъ новымъ богослуженіемъ или «шаловалъ» въ церкви, но постепенно сталъ незамѣтнымъ для себя образомъ привыкать къ исправленнымъ порядкамъ. Однако такой соблазнъ былъ непродолжителенъ, и конецъ ему, по разсказу Аввакума, положило чудесное видѣніе. Успѣхи никоніанства очень печалили Аввакума, и его брало раздумье: что дѣлать? пойти ли на борьбу или гдѣ-нибудь скрыться? Жена и дѣти связали его, страшно ему не за себя, а за нихъ, — но изъ этого затрудненія вывела его Настасья Марковна, оказавшаяся не менѣе его ревностною противницею новшества. Ласково приступила она къ нему: «Что, господине, опечалился еси?» — «Жена, что сотворю? зима еретическая на дворѣ; говорить ли мнѣ, или молчать? Связали вы меня». — «Господи, помилуй! Что ты, Петровичъ, говоришь! Слыхала я, — ты же читалъ — апостольскую рѣчь: привязался еси къ женѣ, не ищи разрѣшенія; егда отрѣшишься, тогда не ищи жены. Азъ тя и съ дѣтьми благословляю: дерзай проповѣдати слово Божіе по прежнему! А о насъ не тужи! дондеже Богъ изволить, живемъ вмѣстѣ; а егда разлучить, тогда насъ въ молитвахъ своихъ не забывай! Силенъ Христось и насъ не покинуть! Пойди, пойди въ церковь, Петровичъ, обличай блудню еретическую». Поклонился Аввакумъ сво-

ей женѣ и началъ по прежнему проповѣдывать противъ «ереси Никоновой». Повсюду, въ городахъ и въ селахъ, въ церквахъ и на торжищахъ, раздавалась его энергическая, страстная рѣчь и имѣла сильное вліяніе на народъ. Не даромъ Игнатій, митр. Тобольскій и Сибирскій, писалъ впоследствии: «кто изречетъ оныя хулы, яже сіи скверніи человекы, Аввакумъ и Астомень, изрыгаша, и какова чадѣнія, сирѣчь угару, прежде въ Россіи, потомъ же и въ Сибирской сей странѣ не исполниша» ²⁰).

Очень можетъ быть, что въ этой проповѣднической дѣятельности помогали Аввакуму и прежнія его духовныя дѣти, принявшія его въ Тобольскѣ съ большою радостью. Во время своего пребыванія въ этомъ городѣ Аввакумъ видѣлся съ Юріемъ Крижаничемъ, который намъ рассказываетъ объ этой встрѣчѣ слѣдующимъ образомъ: «Аввакумъ тѣми (егда его изъ Дауровъ къ Москвѣ везяху) пославъ по мене, изшедъ ко мнѣ на криштѣ, хотящу мнѣ на лѣстницу ступити и взыти, рече: не ходи сѣмо, стой тамо и исповѣдай, каковыя еси вѣры? Азъ же рекохъ: благослови, отче; онъ же отвѣща: не благословлю, исповѣждь первѣе свою вѣру. Азъ отвѣщахъ: отче честный, азъ вѣрую все, еже вѣруетъ святая апостольская, соборная церковь, и іерейское благословіе приѣмлю въ честь и прошу его въ честь и о вѣрѣ есмь готовъ справиться предъ архіереемъ, а предъ тобою путникомъ (и еже еси о вѣрѣ сумнѣнный) нѣсть мнѣ что странно о вѣрѣ глаголати, ни справлятися; аще ты не благословиши, благословить Богъ. И оста съ Богомъ». Такая встрѣча, въ которой высказалась унаслѣдованная отъ предковъ нетерпимость и брезгливость Аввакума къ латинскому попу, не могла не произвести очень неблагоприятнаго впечатлѣнія на Крижанича, и онъ замѣчаетъ по этому поводу: «Видите ли, отцы, не бѣше ли той вашъ апостоль изъ числа оныхъ, иже глаголють: далеко буди отъ мене, не прикасайся мнѣ; той со Симономъ Фарисеемъ и со Іудею Маріи Магдалины и Господа не осудилъ ли бы, егда она приступаше и Господни ноги цѣловаше?» ²¹).

Проживъ зиму въ Тобольскѣ, Аввакумъ поѣхалъ въ Москву

²⁰) Мат. V, стр. 55—58, 60—61. Три окружныя посланія Игнатія, митр. Сибирскаго, стр. 109.

²¹) Крижаничъ. Обличеніе Соловецкой челобитной, перев. Поликарпова, стр. 66—67.

и, наконецъ, послѣ многихъ приключеній въ началѣ 1664 г. ²²⁾ добрался до столицы. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхала изъ Тобольска его духовная дочь, Анна, бывшая его служанкой въ Тобольскѣ еще до Даурской ссылки и постригшаяся по его уговору подъ именемъ Агафьи, ревностная сторонница его противо-никоновскихъ тенденцій ²³⁾. Очень важнаго прозелита присоединилъ къ своему поѣзду Аввакумъ въ Устюгъ: это былъ Федоръ юродивый, уже 5 лѣтъ ходившій въ одной рубахѣ босикомъ; онъ познакомился съ Аввакумомъ, и оказалось, что у него есть новопечатная Псалтирь; Аввакумъ, конечно, сообщилъ ему свое мнѣніе о превратности новыхъ книгъ, и тогда Федоръ, «схвативъ книгу, тотчасъ и въ печь кинулъ, да и проклялъ всю новизну» ²⁴⁾.

²²⁾ Г. Жежеленко (Странникъ, 1883, IV, стр. 619, примѣч.) полагаетъ, что Аввакумъ вернулся въ Москву въ 1663 г. и въ этомъ году подаль свою челобитную царю Алексію Михайловичу, но по внимательномъ разсмотрѣніи этой челобитной оказывается, что она подана въ 1664 г.: во-первыхъ, Аввакумъ говоритъ, что его ссылка продолжалась 11 лѣтъ (Мат. V, стр. 125), а началась она 1653 г.; во-вторыхъ, въ челобитной упоминается о чудѣ, случившемся въ Тобольскѣ 6 августа 1663 года, а если Аввакумъ самъ былъ въ это время въ Тобольскѣ, то онъ не могъ попасть въ Москву ранѣе начала 1664 г.; если же онъ говоритъ о чудѣ по слухамъ, то и они не дошли-бы до него такъ скоро; такъ что во всякомъ случаѣ и челобитная, и возвращеніе Аввакума должны быть отнесены къ началу 1664 г.

²³⁾ Мат., т. V, стр. 105—106.

²⁴⁾ Мат., т. V, стр. 76.

ГЛАВА IV.

Проявленія противодѣйствія Никоновой реформы во время отсутствія Аввакума.—Волненія по случаю моровой язвы.—Агитація Неронова.—Плещеевы.—Спиридонъ Потемкинъ и его сочиненія.— Легенды о Никонѣ.— Ефремъ Потемкинъ.—Соловецкія смуты.—Уходъ Никона.—Никита Пустосвятъ.—Интриги бояръ.—Возвращеніе Аввакума.—Челобитная царю.—Пропаганда.—Вліяніе на женщинъ.—Посланіе Плещеева и отвѣтъ Аввакума.—Ссылка на Мезень.—Вторая и третья челобитныя Аввакума.—Соборъ 1666—1667 гг.—Осужденіе и ссылка Аввакума и его сообщниковъ.

Пока Аввакумъ находился въ ссылкѣ, въ ходѣ церковныхъ дѣлъ произошло много важныхъ событій. Предпринятое патриархомъ Никономъ исправленіе московскихъ богослужебныхъ порядковъ для приведенія ихъ въ согласіе съ греческими образцами, начавшись при Аввакумѣ распоряженіемъ о крестномъ знаменіи и о поклонахъ, постепенно развиваясь, распространилось за это время на весь чинъ богослуженія и получило утвержденіе въ соборныхъ опредѣленіяхъ 1654 и 1656 гг., изъ которыхъ подъ послѣднимъ подписались патриархи антиохійскій Макарій и сербскій Гавріиль, а также и въ грамотѣ константинопольскаго патриарха Паисія I, одобвившаго принципъ Никоновыхъ исправленій и осудившаго ихъ противниковъ, хотя и не обратившагося къ столь строгимъ мѣрамъ противъ нихъ, какъ патр. Макарій и Гавріиль, которые объявили двуперстіе армянскимъ обычаемъ и предали анаемѣ его сторонниковъ.

Но рядомъ съ этимъ расширеніемъ исправительной дѣятельности патр. Никона шло не менѣе, пожалуй, систематическое противодѣйствіе ей со стороны приверженцевъ старины, работавшихъ большею частью въ тихомолку, но не упускавшихъ

никакого благоприятнаго случая безъ того, чтобы не высказать свой протестъ противъ патріарха открыто. Такой удобный моментъ представился довольно скоро послѣ высылки Неронова, Аввакума и др. членовъ кружка Вонифатьева: Московское государство было постигнуто великимъ народнымъ бѣдствіемъ—моровою язвою 1654 года, сгубившею множество людей всякаго состоянія. Это бѣдствіе, въ связи съ начавшеюся Польской войною, было истолковано, какъ Божіе наказаніе за отступничество отъ старой, правой вѣры, наказаніе, къ тому же предсказанное, какъ утверждалось, царю Іоанномъ Нероновымъ. Конечно, сосланные протопопы и ихъ сторонники въ Москвѣ не могли упустить такого случая, чтобы не указать на него народу, какъ на яркое удостовѣреніе своей правоты и неправды Никона. Между тѣмъ по указу патріарха, отсутствовавшаго изъ Москвы, отбирались и уничтожались распространенныя въ большомъ количествѣ иконы латинскаго письма. Распоряженіе это исполнялось очень усердно и притомъ далеко неумѣло, такъ что вызывало ропотъ въ темномъ народѣ, не отдававшимъ себѣ отчета въ полной основательности требованія патріарха и потому увидѣвшимъ въ этомъ дѣлѣ еретичество и иконоборство. Обнаружилось волненіе 25 августа 1654 г. Къ соборной церкви, гдѣ былъ у обѣдни управлявшій Москвой кн. М. П. Пронскій, пришли многіе земскіе и разныхъ слободъ люди и принесли икону Спаса Нерукотвореннаго съ выскребеннымъ ликомъ и подписью. Когда бояринъ вышелъ изъ церкви, земскіе люди стали ему говорить: «Этотъ образъ взять на патріарховъ дворъ у тяглеца новгородской сотни Софрона Ѳедорова Лапотникова; ему же образъ данъ изъ тиунской избы для переписки, а лице выскребено по указу патріарха». Софронъ объяснилъ, что ему было отъ того образа явленіе, чтобы показать его мірскимъ людямъ, а они бы стали за такое поруганіе. Затѣмъ въ толпѣ стали говорить: «Нынѣ на всѣхъ гнѣвъ Божій за такое поруганіе; такъ дѣлали иконоборцы, и въ этомъ дѣлѣ всѣ обвиняють патріарха; а держитъ патріархъ у себя завѣдомаго еретика, старца Арсенія, во всемъ ему даль волю и велѣлъ ему быть у справки печатныхъ книгъ; и тотъ чернецъ многія книги перепортилъ, и ведутъ насъ къ конечной гибели. За многія ереси Арсеній вмѣсто смертной казни былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь. Патріарху слѣдовало бы оставаться въ Москвѣ и молиться о

православныхъ, онъ же покинулъ Москву, а за нимъ разбѣжались и приходскіе попы, такъ что православные помираютъ безъ покаянія и безъ причастія. Воеводы должны донести обо всемъ государю, чтобы патріархъ и старецъ Арсеній куда не ушли». Бояринъ уговорилъ толпу разойтись по домамъ, но вечеромъ къ Красному крыльцу опять собрались земскіе люди, принесли иконныя доски съ выскребенными ликами и грозили, что разнесутъ эти доски «для оказанія» во всѣ сотни и слободы, а на другой день опять придутъ къ воеводамъ¹⁾. Однако на этотъ разъ воеводамъ удалось успокоить народъ, но черезъ нѣсколько дней волненіе повторилось: Пронскій писалъ царицѣ, что какая-то Степанида Калужанка съ братомъ Терешкою рассказываютъ видѣнія и запрещаютъ печатать книги²⁾.

Подобныя вспышки протеста были рѣдки, главная работа Никонovýchъ противниковъ производилась тайнымъ образомъ, и первое мѣсто въ этой агитаціи принадлежитъ Ивану Неронову, который поддерживалъ сношенія съ Москвой и въ то же время сѣялъ расколъ въ мѣстѣ своей ссылки и даже занесъ его въ Соловецкій монастырь. Обстоятельства складывались для Неронова вполне благопріятно уже съ самаго начала его ссылки: хотя отъ патріарха, согласно извѣстію игумена Теоکتиста, и было приказано «Неронову быть въ хлѣбѣ, мука сѣть, и ходить въ черныхъ службахъ», но по всей вѣроятности, это сообщеніе Теоکتиста преувеличено, такъ какъ, по его же словамъ, положеніе Неронова въ Спасокаменномъ монастырѣ съ первыхъ же дней было очень хорошее: «архимандритъ той обители Александръ пріять его радуясь и глаголя, яко страдальца видѣти сподоби мя Богъ древняго,—даруя тому честь и выше келаря поставляя его въ церкви, новый войлокъ овчій подложивъ тому подъ ноги; и въ келіи жити повелѣвая со отцемъ его духовнымъ, священноинокомъ Григоріемъ, и слугу ему далъ для чести; и исповарни прибавочныя ѣствы приносить къ нему повелѣвая въ келью первому слугѣ, Смирнову-Афанасьеву, а имя ему Тить, а прочимъ слугамъ квасу добрава къ отцу Іоанну носить повелѣвая въ оловяникахъ,—братины мѣдныя съ покрывалами». Такое обращеніе архимандрита смущало даже самого Неронова, который и архиман-

¹⁾ Гиббевель. Ист. изслѣд. дѣла патр. Никона, т. II, стр. 473—474.

²⁾ Соловьевъ. Ист. Россіи, кн. II, стр. 1669.

дриту и разнымъ боголюбцамъ, прїѣзжавшимъ «отъ всѣхъ четырехъ странъ» его навѣстить, говорилъ, что онъ присланъ отъ патріарха подъ началъ, и что даже у себя дома онъ никогда не видалъ такой роскоши. Пользуясь такимъ удобствомъ, окруженный почетомъ, Нероновъ, какъ только прїѣхалъ, сталъ оказывать влияние на монастырскіе порядки: особенно онъ заботился о томъ, чтобы въ монастырѣ служили единогласно. Стремленіе установить этотъ порядокъ въ монастырѣ очень понятно со стороны Неронова, принимавшаго столь дѣятельное участіе въ вопросѣ о единогласіи еще при патріархѣ Іосифѣ; но со стороны монастырской братіи это новшество, какъ и вездѣ, вызывало ропотъ: такъ, какой-то старецъ Варлаамъ говорилъ «съ болѣзнію»: «какъ прїѣхалъ протопопъ Іоаннъ, такъ пѣніе стало большее и свѣчамъ большой расходъ». Живя въ монастырѣ, Нероновъ строго обличалъ не соотвѣтственную иноческому уставу жизньъ братіи, лѣность монаховъ къ церковной службѣ, плохое соблюденіе постовъ, пьянство. Часто говорилъ онъ объ этихъ весьма обычныхъ въ то время безпорядкахъ архимандриту, но такія замѣчанія не всегда вели къ цѣли, архимандритъ оказывался слишкомъ снисходительнымъ, и Неронову приходилось укорять его самого: «вскую, святый отче, говорилъ онъ архимандриту, ругательство твориши церкви? Читатель еси писанія и грамотъ гораздъ, а никому не укажешь,—лише смѣешься!» Всѣ эти обличенія, наконецъ, надобѣли архимандриту и братіи, стали говорить: «до чего намъ отъ Іоанна протопопа дотерпѣть? противится онъ церкви», вспомнили патріаршій приказъ, что Нероновъ подъ запрещеніемъ, перестали его пускать въ церковь, его слугамъ и ему самому начали дѣлать всякія притѣсненія, и даже, по словамъ Θεоктиста, архимандритъ, «емъ Неронова за власы, по трапезѣ влачаше и рукама по щекамъ бїяше время довольно»³⁾. Весьма возможно, что въ рассказѣ Θεоктиста объ этихъ притѣсненіяхъ есть кое-какія прикрасы, но важно знать, что Нероновъ довольно долго пользовался въ монастырѣ свободой и почетомъ.

При Нероновѣ находился въ Спасокаменномъ монастырѣ Златоустовскій игумень Θεоктистъ, который писалъ подъ диктовку его письма къ царю, царицѣ, Стефану Вонифатьеву и другимъ лицамъ, такъ какъ самъ Нероновъ, по дряхлости или неискусству,

³⁾ Мат., т. I, стр. 112—119.

ограничивался только краткими приписками. Къ Неронову приѣзжали разныя лица: такъ, мы знаемъ, что у него былъ его сынъ, Теофилактъ, черезъ котораго онъ послалъ письмо въ Москву къ братьямъ Плещеевымъ ⁴⁾; г. Субботинъ предполагаетъ, что посѣщаль Неронова и протопопъ муромскій Логгинъ ⁵⁾. Какъ видно изъ переписки Неронова, въ Москвѣ не теряли надежду, что онъ образумится, покорится новымъ распоряженіямъ патріарха Никона, попроситъ у него прощенія; царь Алексѣй Михайловичъ не одобрялъ упрямства Неронова, о чемъ писалъ послѣдному Стефанъ Вонифатьевъ, прибавляя отъ себя, что Нероновъ все трудится, и совѣтуя просить прощенія у патріарха, который готовъ былъ его простить, если Нероновъ сдѣлалъ бы первый шагъ къ примиренію ⁶⁾. Но въ то же время Нероновъ получалъ изъ Москвы и другія письма отъ своихъ духовныхъ дѣтей, которыя величали его «вышестественнымъ и равноангельнымъ, по церкви Христовѣ крѣпкимъ поборникомъ, страдальцемъ, новымъ исповѣдникомъ, подражателемъ добраго пастыря, положившаго душу свою за овцы своя» ⁷⁾, и убѣждали крѣпко стоять въ своемъ противленіи патріарху. Сообщали Неронову и о протестѣ противъ Никоновыхъ распоряженій со стороны Павла, еп. Коломенскаго, который и самъ находился съ Нероновымъ въ перепискѣ, и это извѣстіе возбуждало въ немъ новыя надежды на успѣхъ и на возможность замѣстить Никона протопопомъ Стефаномъ, какъ это видно изъ словъ игумена Теокиста, который писалъ Стефану: «Отецъ же епископъ Павелъ плачь намъ сотвори, но и радость, яко ста мужественнѣ. Нынѣ такъ еще святитель въ Россіи сіяетъ! Аще ли же, государь, и ты пойдеси на службу, что будетъ?» ⁸⁾.

Такого рода извѣстія и увѣщанія духовныхъ дѣтей, стоявшихъ за старину, ободряли Неронова и во всѣхъ своихъ письмахъ къ лицамъ власть имущимъ онъ не высказываетъ ни малѣйшаго намѣренія покориться патріарху, признаетъ свое дѣло вполне правымъ и даже говоритъ, что самъ патріархъ долженъ у него просить прощенія: «долженъ убо есть и самъ просити отъ насъ про-

⁴⁾ Ркп. Каз. дух. акад. № 1727(182), л. 111 об. См. Приложенія.

⁵⁾ Мат., т. I, стр. 95.

⁶⁾ Мат., т. I, стр. 71, 72, 76, 82, 85, 87.

⁷⁾ Ркп. Каз. дух. акад. № 1727(182), л. 103 об. и № 1986, л. 95 об.

⁸⁾ Мат., т. I, стр. 118.

щенія и къ Богу приносить покаяніе, зане туне меня оскорби; а еще церковь смуты, отгъять колѣнное поклоняніе и многимъ блазнь былъ, сего ради рыдати и плакати должныъ есть, аще не хочеть вѣчно слезити въ безконечныя вѣки»⁹⁾. Возставая только противъ двухъ извѣстныхъ ему новшествъ патріарха Никона, противъ троеперстія и сокращенія числа земныхъ поклоновъ за молитвой Ефрема Сирина, Нероновъ во всемъ винить грековъ и особенно нападаетъ на Арсенія Грека, повторяя извѣстныя и во многомъ справедливыя обвиненія противъ него. Говоря о необходимости провѣрить новыя исправленія на соборѣ, Нероновъ рѣшительно высказывается противъ участія въ этомъ соборѣ грековъ и малороссовъ. «И паки молимъ тя, государя, пишетъ онъ царю, иностранныхъ иноковъ, кромѣ Богомъ избранныхъ, истиннѣ неразвратниковъ, коихъ истиннѣ и благочестію ругателей и ересемъ вводителей, въ совѣтъ пріяти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусшии житіе ихъ. Зримъ бо въ нихъ, государь, ни едину отъ добродѣтелей: Христова бо смиренія не имуть, но сатанинскую гордость, и вмѣсто поста многояденіе и пьянство, вмѣсто же еже Христа ради истаяти тѣло мяхность и буйство любягъ, крестнаго же знаменія на лица истиннѣ вообразити не хотятъ, и сложенію персть блядословнѣ противятся, яко врази истиннѣ и ругатели, на колѣнѣ же поклониться Господеви отъ покаянія ради не хотятъ, и лжу шивающи самосмышленіемъ, разумъ божественнаго писанія лукаво скрывающи, своеволиѣ блядутъ на предельсть безумнымъ человѣкомъ»¹⁰⁾. Подобныя обвиненія «иностранныхъ иноковъ» были далеко не новостью, но у Неронова и другихъ расколоучителей они постоянно повторяются. Въ противоположность этимъ подозрительнымъ ему исправителямъ Нероновъ выставляетъ своихъ «любезныхъ сверстниковъ», Павла, еп. Коломенскаго, протопоповъ Аввакума, Даніила и Логгина, какъ людей, «любящихъ Божій законъ» и послѣдующихъ въ своемъ страданіи Іисусу Христу: «пострадаша бо и тѣи, не яко разбойницы суще, ниже яко тати, или любодѣицы, ниже суще еретицы, и правилъ святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ судъ отнюдь не подъяша, но отъ мірская мудръствовавшихъ пострадаша»¹¹⁾. Хо-

⁹⁾ Мат., т. I, стр. 76.

¹⁰⁾ Мат., т. I, стр. 64, 66—67.

¹¹⁾ Ibid., стр. 79—80.

датайствуя предъ царемъ о смягченіи участи своихъ единомышленниковъ, Нероновъ напоминаетъ о томъ вліяніи, какимъ они прежде пользовались, когда въ нихъ «не явилось никакого порока», и когда на нихъ отъ самого Никона «не было никакова извѣту»; «а они въ тѣ лѣта безпрестанно къ вамъ, государемъ, на всякія бещинныя вѣщали, и святѣйшимъ патріархомъ блаженныя памяти, и прочимъ властемъ о утвержденіи святыхъ церквей, что вамъ, государемъ, вѣстно было» ¹²⁾.

Защищая своихъ единомышленниковъ, Нероновъ еще въ началѣ 1654 г. писалъ царю, что они явились охранителями церкви, «паче же и опаство имущи, да не пострадати будутъ отъ хотящаго пріити на послѣдокъ и возмутити вселѣнную, его же приходъ, о благочестивый царю, отъ божественнаго писанія всяко вѣси, лукавъ бо зѣло и малыми, ихъ же утвердить Духа Святаго благодать, познаваемъ будетъ. Зане не отъ шуйцы явится будетъ, но десными народъ прельстити покусится, и всяку добродѣтель лицемѣремъ возлюбить, и милостивъ явится ко обнищавшимъ всяко отъ добродѣтелей и Христовы рабы гонити будетъ, носящихъ знаменіе на себѣ небеснаго Царя» ¹³⁾. Къ высказанной въ этомъ письмѣ мысли объ антихристѣ Нероновъ возвращается не одинъ разъ въ своихъ послѣдующихъ произведеніяхъ, подыскивая для нея подтвержденіе въ апостольскихъ предсказаніяхъ о послѣднихъ временахъ ¹⁴⁾.

Идея о наступленіи послѣдняго времени, имѣющая свой источникъ въ приведенныхъ нами словахъ Кирилловой книги и Книги о Вѣрѣ, высказывалась Нероновымъ не въ однихъ только письмахъ къ царю, но и въ письмахъ къ его духовнымъ дѣтямъ и въ посланіяхъ всенародныхъ, какова напр. его «общая отписка ко всѣмъ христіанамъ». Изъ частныхъ писемъ Неронова, вѣроятно, уже въ это время составлялись сборники игуменовъ Теокистомъ, какъ предполагаетъ г. Субботинъ, и такимъ образомъ эти письма теряли свой частный характеръ, становились общимъ достояніемъ. Проповѣдь объ антихристѣ находила себѣ живой откликъ въ ученикахъ Неронова, какъ это мы можемъ видѣть изъ писемъ къ нему братьевъ Плещеевыхъ. Въ одномъ

¹²⁾ Мат., т. I, стр. 36.

¹³⁾ Ibid., стр. 53.

¹⁴⁾ Ibid., стр. 102, 121.

ихъ посланіи, писанномъ въ 1654 г., говорится, что они ожидаютъ «сбытія нѣкимъ хотящимъ быти раздорамъ по прореченію книги о Вѣрѣ, въ нейже пишеть о отпаденіи Запада и о отступленіи и прельщеніи юнитовъ отъ святыя восточныя церкви къ западному костелу, по числу еже отъ антихриста; повелѣ бо намъ отъ таковыхъ же винъ опасеніе имѣти, егда исполнится отъ воплощенія Сына Божія 1666 лѣтъ; се бо нынѣ таково число исполняется, и раздоры таковы, по прореченію предреченныя сея книги вводятся»¹⁵⁾. Въ другомъ письмѣ, отправленномъ уже послѣ исправленія Никономъ текста Символа Вѣры, на что, какъ увидимъ, особенное вниманіе обратилъ въ своихъ сочиненіяхъ Спиридонъ Потемкинъ, братья Плещеевы еще рѣшительнѣе высказываютъ свою мысль о царствѣ антихриста: «ей, государь, ей в правду нынѣ люта зима и горько истощеніе, еже церковь объять; якоже бо море зримо отъ самыя бездны глубинѣ, возмутившееся, тако и духъ антихристовъ широкимъ путемъ и пространнымъ, ведущимъ въ погибель, нача крѣпко возмущати истинный корабль Христовъ, и якоже пловцы его руцѣ къ колѣнома сплетшихъ и к невозмоганію бурному недоумѣвающихъ, ни небо видающихъ, ни пучины, ни суши, но по полеганіихъ лежащихъ и плачущихъ и истерзающихся; но нынѣ о церкви горшій мятежъ и множайшыя волны; есть бо мнози ревнители церкви Христовой, но къ возмущенію Духа антихристова недоумѣваются, но якоже они въ корабли по полеганіихъ лежатъ и плачуть и истерзаются, тако и сіи плачуть и скорбятъ, а какъ помощи недомыслятся»¹⁶⁾.

Вслѣдствіе столкновеній съ братіей Спасокаменнаго монастыря и чтобы прекратить письменную агитацию Неронова противъ книжнаго исправленія, въ іюлѣ 1655 г. приказано было перевести его въ Кандалакшскій монастырь. На пути въ эту новую ссылку Нероновъ остановился въ Вологдѣ, гдѣ видѣлся съ протопопомъ Логгиномъ¹⁷⁾, который писалъ подъ его диктовку письмо къ Стефану Вонифатьеву, и тутъ Нероновъ не упустилъ удобнаго слу-

¹⁵⁾ Ркп. Каз. Дух. Акад. № 1727 (182), л. 105.

¹⁶⁾ Ibid., л. 109—110.

¹⁷⁾ Неизвѣстно, былъ ли Логгинъ переведенъ въ Вологду изъ-подъ Мурома, куда онъ былъ сосланъ въ 1653 г., или пріѣзжалъ сюда, чтобы повидаться съ Нероновымъ, какъ это предполагаетъ г. Субботинъ (Мат. т. I, стр. 94).

чая обратиться къ народу съ обличеніемъ Никонова дѣла. Послѣ обѣдни въ соборной церкви онъ произнесъ слѣдующую проповѣдь, какъ онъ ее излагаетъ: «священницы и вси церковныя чада! Завелися новые еретики, мучать православныхъ христіанъ, которые поклоняются по отеческимъ преданіемъ, такожде и слоги перстовъ по своему умыслу сказуютъ, да за то рабъ Божіихъ мучать, и казнятъ, и въ дальныя заточенія посылаютъ. Азъ грѣшныи, въ крестовой, предъ соборомъ всѣхъ властей говорилъ тѣ слова: подаль равноапостольныи, благочестивыи государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Руси тебѣ волю, и ты, не узнався, тако всякія руганія творишь, а ему, государю, сказываешь: я-де дѣлаю по евангелію и по отеческимъ преданіемъ! Ано ты такъ говоришь, какъ въ евангеліи сказуетъ: поругалися жидове истинному Христу! И во отеческомъ такожде ихъ мученіи отъ развратниковъ, аще бы не мірскія власти заступали ихъ. Да время будетъ, и самъ с Москвы поскочишь, никѣмъ гонимъ, токмо Божіимъ изволеніемъ! Да и нынѣ вамъ всѣмъ глаголю, что онъ насъ далѣ посылаетъ, то вскорѣ и самому ему бѣгать. Да и вы, аще о томъ станете молчать, всѣмъ вамъ пострадать! Не единымъ вамъ глаголю, но и всѣмъ, на Москвѣ и на всѣхъ мѣстѣхъ, за молчаніе всѣмъ злѣ страдати! А во ономъ вѣдѣ что отвѣтъ дадимъ Владыцѣ нашему истинному Христу и святымъ его страдальцемъ?»¹⁸⁾ Эта энергичная проповѣдь Неронова такъ напугала мѣстныхъ вологодскихъ начальниковъ, что его немедленно приказано было везти дальше въ мѣсту ссылки. Уѣзжая изъ Вологды, Нероновъ отправилъ упомянутую выше «общую отписку ко всѣмъ христіанамъ», въ которой убѣждалъ ихъ крѣпко стоять за истинную вѣру въ наступившія послѣднія времена.

Заключеніе въ Кандалакшскомъ монастырѣ, тоже не отличалось особенной строгостью: сношенія Неронова съ единомышленниками продолжались: мы знаемъ, что онъ писалъ въ Переяславль Залѣсскій архимандриту Данилова монастыря, Тихону а вскорѣ послѣ присылки, 10-го августа 1655 г., онъ бѣжалъ изъ монастыря съ тремя своими духовными сыновьями. По пути бѣглецы приплыли къ Соловецкому монастырю, гдѣ извѣстный своимъ сочувствіемъ къ старымъ обрядамъ архимандритъ Илья принялъ

¹⁸⁾ Мат., т. I, стр. 106—107.

ихъ съ почетомъ и, много побесѣдовавъ съ Іоанномъ, на богомольную ладью того и с работниками посадивъ, и отпустить къ Москвѣ повелѣвъ, давъ тому на путь потребная довольно, а работникомъ обувь. И послѣднее цѣловався рекъ: «страдалче, бѣмъ одолѣвай! Храбрый воине, подвизайся!»¹⁹⁾ Въ Москвѣ, по разсказу Теокиста, Нероновъ тайно жилъ у Стефана Вонифатьева, выдаясь «со многими христіолюбцами и духовною братіею», а въ декабрѣ того же 1665 г. постригся, подъ именемъ Григорія, у своего единомышленника переяславльскаго архимандрита Тихона. Благодаря всѣмъ этимъ своимъ покровителямъ, Нероновъ легко могъ ускользнуть отъ розысковъ, начатыхъ по приказу патріарха послѣ его бѣгства изъ Кандалакшскаго монастыря. Теокистъ разсказываетъ, что въ одной деревнѣ крестьяне, укрывавая Неронова, такъ грубо дѣйствовали съ патріаршими слугами, что онъ самъ вынужденъ былъ просить ихъ: «да не паче мѣры съ посланными крамолять»²⁰⁾. Конечно, бѣгство Неронова сопровождалось и усиленной проповѣдью противъ церковныхъ новшествъ, проповѣдью, очень легко воспринимавшеюся тѣми, къ кому она обращалась, такъ какъ почва была подготовленная.

Наконецъ, дальнѣйшее укрывательство отъ розысковъ стало невозможнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Нероновъ познакомился съ новоизданною патріархомъ Никономъ «Скрижалю»: въ этой книгѣ онъ увидѣлъ, что вселенскіе патріархи одобряютъ троеперстное крестное знаменіе, а не покоряющихся предають проклятію, и взяло его раздумье: «кто есмь окаанный азъ? Со вселенскими патріархами раздоръ творити не хошу ниже противенъ буду: что же ради и под клятвою у нихъ буду? Есть аще угодно будетъ кое дѣло Богу, всяко явится, леств же потребится»²¹⁾. Вслѣдствіе такого размышленія 4 января 1657 г. Нероновъ явился самъ къ патріарху, который въ это время шелъ къ обѣднѣ. По словамъ Теокиста, объявивъ патріарху, что онъ тотъ человекъ, котораго розыскиваютъ, Нероновъ сказалъ: «что ты единъ ни затѣваешь, то дѣло не крѣпко; по тебѣ иной патріархъ будетъ, все твое дѣло передѣлывать будетъ; иная тогда тебѣ честь будетъ, святыи владыка». Затѣмъ по окончаніи литургіи, патріархъ взялъ

¹⁹⁾ Мат., т. I, 137, 140.

²⁰⁾ Ibid., стр. 143—144.

²¹⁾ Ibid. I, стр. 145—146.

Неронова къ себѣ въ крестовую, и здѣсь у нихъ произошло продолжительное объясненіе, о которомъ мы имѣемъ свидѣтельство только одной стороны, «Записку» игумена Θεоктиста; въ виду этого слѣдуетъ относиться съ большой осторожностью къ показаніямъ этого источника, хотя бы они, повидимому, и говорили въ пользу патріарха Никона: нельзя принимать цѣликомъ за достовѣрную Θεоктистову передачу разговоръ Неронова съ патріархомъ, какъ это дѣлаетъ митр. Макарій ²²⁾. Эта передача, какъ и вообще всякія фактическія показанія раскольниковъ, во всякомъ случаѣ односторонняя, тенденціозная, требующая основательной провѣрки, и удивляться, по примѣру митр. Макарія и г. Субботина ²³⁾, смиренію и кротости Никона, на основаніи разсказа Θεоктиста, было бы не совсѣмъ осмотрительно: никоимъ образомъ не слѣдуетъ забывать, что, заставляя Никона или молчать, или ограничиваться повтореніемъ дважды въ сущности неудачнаго отвѣта на укоризны Неронова, Θεоктистъ хотеть представить Никона неправымъ, безгласнымъ, не имѣющимъ привести въ свою защиту никакихъ основательныхъ доводовъ; то же слѣдуетъ думать и о пространныхъ обличительныхъ рѣчахъ Неронова, которыя плохо вяжутся съ принесеннымъ имъ покаяніемъ, какъ бы оно ни было не искренне. Поэтому мы вполне соглашаемся съ мнѣніемъ гр. Гейдена, что Θεоктистъ въ своемъ изложеніи рѣчей Неронова, «повидимому, многое придумалъ самъ» ²⁴⁾. Во всякомъ случаѣ достовѣрно одно, что Нероновъ принесъ покаяніе, не желая находиться подъ клятвой восточныхъ патріарховъ, а по возвращеніи царя Алексѣя Михайловича былъ совершенно прощенъ патріархомъ и допущенъ къ причащенію, причемъ вполне вѣроятнымъ представляется показаніе Θεоктиста, что царь самъ ходатайствовалъ предъ патріархомъ о прощеніи Неронова. Патріархъ не только простилъ Неронова, но и разрѣшилъ ему служить по старымъ Службеникамъ, признавъ ихъ «добрыми» наравнѣ съ новоисправленнымъ Службеникомъ, и даже, по настоянію Неронова, допустилъ двоить аллилуію въ одномъ изъ московскихъ соборовъ. Такъ разсказываетъ Θεоктистъ, и, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ другихъ данныхъ для

²²⁾ Макарій. Ист. рус. церкви, т. XII, стр. 214—221.

²³⁾ Мат., т. I, стр. 134—135.

²⁴⁾ Гр. Гейденъ. Изъ ист. возникновенія раскола при патр. Никонѣ, стр. 51.

провѣрки этого важнаго показанія, на основаніи котораго митр. Макарій видѣлъ уже въ это время начало единовѣрія.

Однако примиреніе Неронова съ патріархомъ было очень непрочнымъ: Нероновъ по прежнему враждебно относился къ исправленнымъ книгамъ и обрядамъ, а противъ патріарха продолжалъ интриговать, пользуясь при этомъ уже гораздо большей свободой, чѣмъ прежде. Такъ, уже черезъ нѣсколько дней послѣ примиренія Нероновъ на литургіи говорилъ царю: «Доколѣ, государь, тебѣ дотерпѣть такову Божию врагу? Смutilь всею русскою землею и твою царскую честь попрадь, и уже твоей власти не слышать, — отъ него, врага, всѣмъ страхъ». «И государь, передаетъ Θεоктисть, яко устыдѣвся, скоро отъ старца отъиде, ничтоже ему рече» ²⁵⁾. Вѣроятно, подобныя замѣчанія уже не разъ приходилось выслушивать царю отъ своихъ приближенныхъ, которые стали замѣчать, что, возвратившись изъ своего славнаго малороссійскаго похода, царь возмужалъ, приобрѣлъ большую самостоятельность и началъ тяготиться опекой своего «собиннаго друга», другаго великаго государя; а потому для этихъ людей, не любившихъ патріарха, Нероновъ былъ желаннымъ союзникомъ, тѣмъ болѣе, что среди нихъ было не мало сочувствовавшихъ старинѣ, которую, по ихъ мнѣнію, искажали Никонъ своими исправленіями. Вѣроятно, съ ними не разъ происходили у Неронова бесѣды, въ которыхъ онъ по прежнему рѣзко порицалъ новоисправленныя книги. Такъ можно предполагать, судя по дѣлу, возникшему въ концѣ 1657 г. по обвиненію Неронова въ томъ, что онъ сжегъ новый Служебникъ: былъ ли дѣйствительно этотъ фактъ сожженія Служебника, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью думать, что Нероновъ въ домѣ Ѳ. М. Ртищева говорилъ, что новый Служебникъ слѣдуетъ сжечь, или, можетъ быть, даже хвалился, что дѣйствительно его сжегъ ²⁶⁾. Иногда со своими возраженіями противъ нововведенныхъ обрядовъ Нероновъ обращался и къ самому патріарху, причемъ не стѣснялся рѣзкостью формы своихъ замѣчаній: такъ, 21 января 1658 г., отстаивая двоеніе аллилуи, Нероновъ спрашивалъ патріарха: «до чего тебѣ думутить Россією? ²⁷⁾.

²⁵⁾ Мат., т. I, стр. 158.

²⁶⁾ Ibid., стр. 159—160.

²⁷⁾ Ibid., стр. 162.

Таковы извѣстія, которыя мы имѣемъ объ агитаціи Неронова противъ Никона и его дѣла, пока Никонъ еще сохранялъ свое мѣсто; эта агитація въ связи съ кознями бояръ и всяческими навѣтами, усилившими охлажденіе царя Алексѣя Михайловича къ своему другу, привела, наконецъ, 10 іюля 1658 г. къ оставленію Никономъ патріаршаго престола. Незадолго до этого факта, по разсказу Θεоктиста, Неронову, который находился въ Игнатъевой пустыни на Лому, явился Спаситель, приказавшій ему служить по старымъ Служебникамъ, а затѣмъ вскорѣ Нероновъ появляется въ Москвѣ, вѣроятно, получивъ уже радостное для него извѣстіе объ уходѣ Никона. Въ началѣ января 1659 г. Неронова снова посѣщаетъ чудесное видѣніе, и онъ отправляется доложить о немъ замѣстителю патріарха, митрополиту Крутицкому Питириму, сочувственно относившемуся къ старымъ обрядамъ. Питиримъ, по словамъ Θεоктиста, отнесся къ полнымъ довѣріемъ къ сообщенію Неронова и сказалъ: «вѣрую, отче, словесемъ твоимъ, а не искушаю: мощенъ бо Господь творити преславная» ²⁸⁾.

Съ этого времени Нероновъ начинаетъ дѣйствовать противъ Никона и его исправленій уже вполне открыто. Въ сентябрѣ 1659 года ²⁹⁾ онъ подаль царю челобитную объ избраніи нсваго патріарха. Можетъ быть, эта челобитная была подана Нероновымъ не лично отъ себя, но какъ коллективное прошеніе людей разныхъ чиновъ; такъ можно предполагать потому, что въ одномъ спискѣ, принадлежащемъ бібліотекѣ гр. Уварова, челобитная озаглавлена: «Всенародное прошеніе къ царю» и начинается по титулѣ такъ: «богомольцы твои, государевы, и холопи, и сироты и всякихъ чиновъ люди, припадаая, молятъ человѣколюбіе твое, благоутробный и милостивый государь, послушай мольбы своихъ государевыхъ богомольцевъ, и холопей, и сиротъ, о немже ты, государя, молимъ, прося мира церкви и церковнымъ чадамъ покоя». Челобитная состоитъ изъ ряда выписокъ изъ церковныхъ правилъ о томъ, что церковь не можетъ такъ долго вдовствовать, оставаться безъ верховнаго архипастыря, и о томъ,

²⁸⁾ Мат., т. I, стр. 163—166.

²⁹⁾ Не въ 1660 г., какъ полагаетъ г. Субботинъ, неправильно объясняя выраженіе: «второго дѣла божіе двою мѣсець прейде», въ томъ смыслѣ, что прошло 2 года и 2 мѣсяца, тогда какъ прошло всего 1 годъ и 2 мѣсяца.

каковъ долженъ быть новый патріархъ, котораго слѣдуетъ избрать на мѣсто Никона, причемъ указывается и порядокъ избранія черезъ «духовныхъ мужей» и «общій совѣтъ» и по «жребію апостольскому». Время управленія церковью патріарха Никона характеризуется въ прошеніи, какъ время смутное: «Смущеніе убо веліе, государь, въ Великой Россіи о церковныхъ вещѣхъ, якоже и самъ вѣси; благочестивый государь царь, во всѣ убо семь лѣтъ, тысящи тысящъ душъ христіанскихъ, сомнѣнія ради церковныхъ вещей, чужи общенія пречистыхъ тайнъ, и ученія нѣсть, паче же и несогласія ради церковныхъ учителей»³⁰). Въ Уваровскомъ спискѣ «Всенароднаго прошенія» характеристика еще рѣзче: «Поостри убо тебе архіерей непреподобный чрезъ волю Божию ко брани, гнѣвъ отъ Бога привлече на всю Россію, забывъ пророка вопіюща, паче же и моляща Бога на таковыя: разруши, рече, языки хотящая бранемъ. Недовлѣ же ему се; и глаголющія ему вправду умучи, и священническаго чина, и холопей твоихъ насъ и сиротъ; и клеветавъ тебѣ на кождо заточеніемъ и великими ругательствы облагаше, и насилываше властію твоею государевою. Въ то же время и толикая зданія каменнаго строенія вновь обители начатъ строити, древняя же пустынные мѣста разоривъ, въ потребу на славу Христову созданныя. Сими убо колико оскорби люди Божія и святымы мѣстамъ пакость немалу сотвори».

Челобитная Неронова покуда не повела ни къ какимъ послѣдствіямъ, хотя нельзя не видѣть нѣкоторой связи между этой челобитной и соборомъ русскихъ іерарховъ, бывшимъ по царскому повелѣнію въ 1660 г. для суда надъ Никономъ. Но, если и не эта челобитная была причиной собора 1660 г., во всякомъ случаѣ она является однимъ изъ симптомовъ того общаго движенія противъ Никона и его исправленій, которое началось съ уходомъ Никона съ патріаршаго престола. Въ Соловецкомъ монастырѣ, монахи котораго еще въ 1657 г. отказались принять новые Служебники, смута не прекращалась, и противъ нея не принималось никакихъ мѣръ ни духовной, ни свѣтской властью; напротивъ, правительство, нуждавшееся въ деньгахъ для военныхъ дѣйствій и рассчитывавшее воспользоваться богатою мо-

³⁰) Мат., т. I, стр. 170. Выраженіе «семь лѣтъ», кажется намъ, подтверждаетъ нашу дату подачи челобитной, считая время управленія Никона съ 1652 года.

настырскою казной Соловецкой, относилось къ монахамъ очень милостиво: архимандритъ Варѣоломей, во время своего прѣзда въ Москву, былъ не разъ приглашаемъ къ царскому столу, получалъ разные подарки, «укрухъ», «романею», именинный пирогъ и т. п. и былъ отпущенъ съ великой честью ³¹⁾. Среди членовъ высшей церковной іерархіи были и такіе, которые выражали, хотя и не совсѣмъ открыто, свое сочувствіе старымъ обрядамъ: таковъ былъ епископъ вятскій Александръ, такимъ же образомъ, какъ можно предполагать, поступалъ и митр. Питиримъ, блюститель патріаршаго престола; по крайней мѣрѣ не даромъ явилось извѣстіе о его сочувственномъ приѣмѣ Неронову, а кромѣ того и впоследствии, будучи въ Новгородѣ, онъ высказывалъ свое расположеніе къ соловецкимъ монахамъ ³²⁾. Вліяніемъ враждебнаго Никону Питирима объясняется и постановленіе собора 1660 года о томъ, что слѣдуетъ Никона «за самовольное оставленіе патріаршества безъ благословной вины почитать чуждымъ архіерейства, чести и священства», а также и другое постановленіе этого же собора по дѣлу архіепископа суздальскаго Стефана, принадлежавшаго, въ качествѣ бывшаго архимандрита Воскресенскаго монастыря, къ числу людей, преданныхъ Никону и во всемъ придерживавшихся тѣхъ церковныхъ порядковъ, которые заведены были Никономъ. Въ 1659 г. суздальскій соборный попъ Никита Константиновъ Добрынинъ (извѣстный впоследствии съ прозвищемъ Пустосвята) подалъ на архіепископа Стефана доносъ, что онъ «служить божественную литургію не по преданію св. Апостоль и пасеть церковь Божію не по правиламъ св. отецъ, честнымъ иконамъ и церквамъ и всякой святыни ругается, учить священный чинъ и всѣхъ христіанъ не отъ божественнаго писанія». По слѣдствію открылось, что всѣ преступленія, въ которыхъ обвинялся Стефанъ, состояли только въ употребленіи обрядовъ, принятыхъ патріархомъ Никономъ. Никита, котораго Стефанъ послѣ этой неудачной ябеды отрѣшилъ отъ церкви, учинилъ, какъ доносилъ о томъ приказный архіепископа Денисъ Петровыхъ и какъ показывалъ соборный попъ Симеонъ, въ церкви большое смятеніе, навывалъ Стефана измѣнникомъ и еретикомъ, вырвалъ изъ рукъ у подъя-

³¹⁾ Сырцовъ. Возмущеніе соловецкихъ монаховъ, стр. 82—83.

³²⁾ Ibid., стр. 84, 85.

чаго архіепископскую грамоту и изодралъ. Для производства слѣдствія по этимъ доносамъ и по новой жалобѣ Никиты, былъ посланъ Вятскій епископъ Александръ, а затѣмъ на соборѣ 1660 г. Стефанъ былъ сперва приговоренъ къ изверженію изъ сана, но послѣ нѣкоторыхъ его объясненій, показавшихъ опять таки, что его вина заключалась только въ слѣдованіи порядкамъ, заведеннымъ Никономъ, соборъ постановилъ его послать въ монастырь, «подъ началъ добраго старца, и ему архіерейская начтоже дѣйствовать и клирики не владѣти». Царь Алексѣй Михайловичъ, которому было представлено рѣшеніе собора, призналъ необходимымъ его измѣнить, объявивъ, что прощаетъ архіепископа по обвиненіямъ въ государственной измѣнѣ, а въ «духовныхъ винахъ» велѣлъ властямъ судить архіепископа по правиламъ, «потому что отъ простыхъ рѣчей прозябають ереси, а попа Никиту чтобъ отослали подѣ градскій судъ». Такимъ образомъ только царское заступничество спасло Стефана отъ несправедливаго, суроваго наказанія³³⁾.

Въ такое-то смутное время очень легко было возникнуть обширной раскольнической литературѣ, направленной противъ введенныхъ Никономъ новыхъ книгъ и обрядовъ и доказывавшей въ той или другой формѣ, что наступаютъ или уже наступили послѣднія времена пришествія антихристова. Особенно важное значеніе въ ряду этихъ произведеній, какъ по своему объему, такъ и по личности автора, имѣють сочиненія архимандрита Покровскаго монастыря Спиридона Потемкина. Это былъ чловѣкъ съ большими связями при дворѣ, благодаря близкому родству съ Ѡ. М. Ртищевымъ, сравнительно широко образованный, знавшій языки польскій, латинскій, греческій и даже немного еврейскій, начитанный въ божественныхъ писаніяхъ. Ему принадлежитъ сборникъ изъ девяти «словъ», называемый «книгою о правой вѣрѣ», составленный до 1658 года, судя по тому, что авторъ говоритъ, что никому неизвѣстно, что произойдетъ въ 1666 году, т. е. по старому счету въ 1658 г. Такимъ образомъ, хотя «слова» Потемкина написаны и ранѣе ухода Никона, который еще не называется бывшимъ патриархомъ, но мы можемъ предполагать, что ихъ распространеніе относится именно къ

³³⁾ Мат. т. I, стр. 375—379. Сырцовъ. Возмущеніе Солов. монаховъ, стр. 75—77, Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. 1876 г.

этому времени, когда Потемкинъ, по свидѣтельству Аввакума, принималъ дѣятельное участіе въ спорахъ съ православными у Ѳ. М. Ртищева. Въ спискѣ XVIII в. поморскаго письма Имп. Публичной Библиотеки, Q I. 1.060, которымъ мы теперь пользуемся, эти слова идутъ въ такомъ порядкѣ:

Слово первое о крестномъ знаменіи воображенія и о сложениі перстовъ десныя руки, како подобаетъ христіяномъ креститися рукою, тако и священникомъ люди благословляти, единымъ воображеніемъ, понеже единъ есть крестъ Христовъ, данный намъ на освященіе вѣрнымъ отъ пастыря Христа. Л. 1—15 об.

Слово 2. О Святомъ Дусѣ Господѣ истиннѣмъ, якоже речеса мечь духовный глаголь Божій, а иже похулить духъ истинны сіе непрощенное нечестіе, ни въ семъ вѣдѣ, ни въ будущемъ; чтый сія со вниманіемъ да разумѣтъ мечь духовный глаголь Божій. Л. 15 об.—37.

Слово 3. Любый вопрошаетъ любимаго о избраніи святыхъ отецъ, и како слѣпци видящихъ водять, понеже и въ правду то по словеси Христову, иже бо рече: аще не превзыдетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не имате внити въ царство небесное. Пишеть же и о книжномъ реформованіи и о дванадцати сатаниннхъ учениковъ. Л. 37 об.—45 об.

Слово 4. О исполненіи церковномъ и о связаніи сатаны и паки о развязаніи, глава 4 апокалеписи, глава 20.—Л. 45—53.

Слово. 5. О прелести антихристовой и о предтечахъ его послѣднихъ временъ, како сатана мудрствуетъ своими угодники, яко не глаголати имъ явно на Святыи Духъ лаянія хулна, но скрыватьи ядъ смертоносный, еже есть истинна въ неправдѣ. Л. 54—65.

Слово 6. О премудрости Божіи, яже созда себе храмъ и утверди столповъ семь. Л. 65 об.—86 об.

Слово 7. О нечювственныхъ христіянѣхъ, иже нарицаются православнии и прелестъ хулятъ, а въ прелести несмысленно утопоша и не ощущаютъ. Л. 87—137 об.

Слово 8. Яко не въходяи во дворъ овчій, но прелазаяи инудѣ, той тать есть и разбойникъ, і яко татьски исполниша весь миръ прелестей, и отвратишася отъ востока на западъ, а прелестей в себе не познаша, і о скончаніи вѣка сего не вспоминають; яко антихристу попущено будетъ отъ Господа нарицатися Богомъ и Христомъ и владыкою и царемъ прелести, и ина

многа чтый обращени в семъ словѣ въ ползю себѣ и слышащимъ безъ сомнѣнїя. Л. 138—165 об.

Слово 9. О еже соедини Господь земная съ небесными и совокупи вся языки челоуѣческія со ангельскими і устрои пѣти славу святыя Троицы языки челоуѣческими купно со ангельскими, глаголя аллилуїя. Л. 166—180.

Уже изъ этого оглавленїя книги Спиридона Потемкина можно видѣть, что самая большая ея часть, слова четвертое, пятое, шестое, седьмое и восьмое, посвящены изложенію ученїя объ антихристѣ и о послѣднихъ временахъ, но этимъ же вопросамъ посвящаются многія отдѣльныя мѣста и въ другихъ частяхъ книги, причемъ главными источниками для Потемкина служатъ «Книга о вѣрѣ», «Кириллова книга», слова св. Ефрема Сирина и Ипполита.

Главнымъ основанїемъ нападокъ Спиридона Потемкина на новоисправленныя книги и на исправителей является то положенїе, что церковь Христова «не требуетъ никакова исправленїя, того ради яко ни погрѣшати можетъ, ни исправленїя требуетъ, непреклонну бо и недвижиму тоя утверди Христось своею кровїю, и въ ней живетъ и въ ней царствуетъ» (л. 8). Непогрѣшимость церкви выражается не только въ вѣрѣ, крещенїи и священствѣ, но и въ томъ, что церковь «не можетъ поползнутися ни въ малѣйшемъ отъ догматъ святыхъ» (л. 39); но такъ какъ буквализмъ, отличавшїй въ равной мѣрѣ въ эту эпоху и старообрядцевъ, и православныхъ, которые и самое дѣло исправленїя предприняли, исходя изъ мысли, что церковь «прїяла совершенїе» не только въ догматическомъ и нравственномъ ученїи, но и въ «чинѣ священныхъ вещей», такъ какъ этотъ буквализмъ не отличалъ въ существѣ догмата отъ обряда, то у Спиридона Потемкина вполнѣ послѣдовательно явилось положенїе, что церковь не можетъ погрѣшить «ни въ единомъ словѣ, ни во псалмѣхъ, ни во ирмосахъ, ни во обычаяхъ и нравѣхъ писанныхъ и держимыхъ,—вся бо церковная свята суть, и держанїе не пресѣчеся ни на единъ часъ» (л. 42).

Изъ такого взгляда естественно вытекаетъ, что всякая попытка исправленїя есть порча, производимая кознями сатаны, который старается, чтобы всѣ уклонилися въ латинскую ересь, и поэтому исправители «купно съ жидами путь устилаютъ антихристу богомерзкими догматы, еретическими составы». Ориги-

налы, съ которыхъ правятся новыя книги, испорчены разными латинскими вставками. «Нынѣ выходятъ книги еретическія, реорормованныя, полныя злыхъ догматовъ, изъ Рима, изъ Париса, изъ Винецы, греческимъ языкомъ, но не по древнему благочестію, ихъ же прелагаютъ на словенскій языкъ, нынѣ же реорормованы съ горшими расколы, не токмо церковь раздирающе, но вся книги словенскаго языка древняго благочестія и весь языкъ мерзяще отягченіемъ превратовъ новосмысленныхъ» (л. 43). Насѣявши такимъ образомъ многоразличныя плевелы, исправители сами постоянно сбиваются со своего пути и не знаютъ, чего держаться: «на всяко лѣто десятижды себе реорормуютъ на горшее, якоже и прочіи прежде отпадшія еретицы, всегда учащися, а никогда же въ разумъ истинный прійти не могутъ» (л. 40). Ссылка исправителей на старинныя харатейныя книги нисколько не удовлетворяетъ Спиридона Потемкина, и онъ, считая свое время близкимъ къ кончинѣ міра, напоминаетъ, что при «кончинѣ вѣка сего будутъ соблазны въ книгахъ и ученіяхъ, яко будутъ философія крадоводящихъ лестію на вся языки и яко явятся книги харатейныя близъ кончины, въ нихъ же правдивая ученія истерта будутъ, а предеть на антихристову руку написана будутъ, и ветхости ради тѣхъ прельстятся мнози при кончинѣ вѣка по писанію» (л. 143). Вѣроятно, въ виду того, что нѣкоторыя обвиненія противъ исправителей оказывались несправедливыми, Спиридонъ Потемкинъ приписываетъ своимъ врагамъ слѣдующую уловку: «числа на листахъ не полагаютъ, да мощно будетъ истребити ихъ отъ книгъ ихъ новыхъ, да выдравше рекутъ, яко никогда же писахомъ таковыхъ листовъ» (л. 102 об.). Благодаря соблазну новоисправленныхъ книгъ, исчезло всякое попеченіе объ истинѣ, и вмѣсто защиты своей правоты, «все согласно глаголютъ, аки взирающе на начальниковъ: якоже предають намъ, такъ и пріемлемъ, не мы есмы правителие книгамъ» (л. 142).

Своимъ противникамъ, похваляющимся ученостью, Спиридонъ старается доказать въ духѣ прежнихъ представленій суетность мірскаго ученія. «Человѣцы бо, говоритъ онъ, научившися грамматики, и риторики, но и самыя филосоіи, аще не прибѣгнуть ко истинному учителю Христу, то что поможетъ грамматика, и что пособствуетъ риторика, и како наставить филосоію на путь истинный: единъ бо философъ аріанинъ, а дру-

гій македонянинъ, а третій лютеръ, инъ же калвинъ, а инъ римлянинъ, и иныхъ множество, но сїи вси учатся въ римскихъ училищахъ, яже суть школы латинскїя, а за ученіе не даютъ ничесоже кромѣ душъ своихъ; аще бо кто восхоцеть совершенъ быти римлянинъ, но той не возможеть, достигнуть совершеннаго ученія римскаго; аще бо кто не восхоцеть римскаго опреснока вкусити, той абіе невѣдомъ бываетъ, и конецъ его единъ Богъ вѣсть и тоя его мзда за римское ученіе» (л. 136 об.). Указавъ на эту дѣйствительно присущую многимъ исправителямъ слабую сторону ихъ образованія, Спиридонъ Потемкинъ обличаетъ ихъ жизнь, во многомъ не соотвѣтствовавшую старымъ аскетическимъ идеаламъ: «веліе диво, что видѣвше люди послѣдуютъ имъ! Вѣру ли, но та развращенна; дѣла ли, и тѣ завистны; любовь ли, и та невѣдома никому; постъ ли, за щеками носа не знать; трезвеніе ли, всегда руки дрожатъ съ похмелья, а безъ горѣлки ни единъ часъ, безъ роскоши и безъ рыбы ни во единъ пятокъ; а труды церковныя, кто свидѣтель?» (л. 44 об.). Замѣчательно, что къ патріарху Никону Спиридонъ Потемкинъ относится сравнительно мягко; указавъ, что Никонъ не отвергаетъ Кириловой книги и Стоглава, онъ говоритъ: «точію въ вѣрѣ не согласуетъ, аще бо и самъ исповѣдуетъ Духа Святаго Господа истиннаго, но преступилъ заповѣдь Ісуса Сирахова и припустилъ къ себѣ иноземца, иже преврати вся благочестивыя пути его, и той солга предъ нимъ, яко святїи отцы истиннаго въ символъ православныя вѣры не вложивше» (л. 50 об.). Не есть ли такое мягкое отношеніе къ Никону результатъ вліянія родственника Спиридона, Ѡ. М. Ртищева, который сохранялъ дружбу съ Никономъ и въ то же время не отстранялся отъ защитниковъ старины?

Единственное средство устранить всѣ еретическія нововведенія исправителей Потемкинъ видитъ въ созваніи собора, который могъ бы ихъ обличить и утвердить правоту защитниковъ старыхъ книгъ (л. 12 и 52), но такого собора приходится долго ждать, а тѣмъ временемъ новшества повсюду распространяются при помощи насилія, такъ какъ новые учителя «осилуютъ», «нуждею приводятъ въ римскую прелестъ» (л. 7 об.), «не хотѣвшихъ примати таковыя ихъ прелести многихъ изгнаша, многихъ уязвиша, многихъ умертвиша» (л. 11). Кромѣ насилія, нововводители стараются дѣйствовать насмѣшками: «ругающесе благочестивымъ христія-

номъ и не хотящимъ примати ихъ лукавыхъ нововводныхъ и богомерскихъ прилоговъ и превратовъ, глаголють: како можете разумѣти, не вѣдуще многихъ разныхъ языковъ, ниже риторства, ни филосоіи учащеса? Ваше дѣло примати то, иже мы страждуемъ, а намъ дана власть знати въ словесѣхъ силу, что примати отъ божественныхъ писаніи и что отметати, да не премѣнитса нами предпріятое, донелѣже вси людіе будутъ едино стадо подъ единымъ пастыремъ до скончанія вѣка» (л. 27).

На подобные доводы Спиридонъ Потемкинъ отвѣчалъ, что исправленія вѣры нельзя ожидать въ послѣднія времена, а что конецъ міра уже наступилъ или по крайней мѣрѣ очень близко, для него представляется несомнѣннымъ. Пришла, по его мнѣнію, такая пора, что люди «святаго Евангелія не хотятъ и слышати, не токмо послушати, яко подобаетъ христіаномъ, а эллинскихъ учителей возлюбиха паче апостоловъ Христовыхъ, латинскія догматы паче ученія Христова; прочее чесо ожидать, развѣ да поклонятся прелести вси живущіи на земли и дадутъ славу звѣрю пестрому по писанію». Рабы Христовы вездѣ гонимы, всѣ ихъ ненавидятъ, а сатана, вселившійся при Адамѣ въ змія, теперь вселился «въ персты рукъ человѣческихъ, да скривши въ нихъ хулу на Святыи Духъ, прельститъ родъ христіанскій» (л. 9—10). Согласно божественному писанію, сатана былъ, по воскресеніи Христовомъ, связанъ на 1.000 лѣтъ, и это была самая лучшая эпоха въ исторіи церкви, послѣ нея произошло отпаденіе латинскаго Запада, черезъ 600 лѣтъ Западная Русь приняла унію, черезъ 60 лѣтъ началось отпаденіе Москвы при Никонѣ, а черезъ 6 лѣтъ должно быть уже послѣднее отступленіе. Признаками этого прискорбнаго событія Спиридонъ Потемкинъ признаетъ появленіе «предотечей» сатаны, изъ которыхъ онъ однихъ «посылаетъ съ прелестными ухищреніями, еже похулити Духъ истинный, а другихъ посылаетъ воздвигнути внѣшнюю брань со окрестными, да убіютъ другъ друга, да проходитъ мечъ, да развратится умъ, да раздвоится совѣсть въ людехъ, наипаче же во владущихъ, яко аще и ощутиятъ благочестіе отъ сопостать вреждаемо, но не возмогутъ противустати имъ ратныхъ ради нахождения» (л. 20—21 об.). Самое же главное знаменіе антихристова прихода есть порча церковныхъ книгъ. «Такожде и книги, приѣмшія лукавыя догматы, оставляются отъ Христа, и противный тѣми дѣйствуетъ и ратуетъ перковь Христову; да еще и едину книжицу видить супостать

въ церкви неврежденну, сирѣчь не приѣмше развращеннаго догмата, не видеть тамо, дондеже изнесена будетъ прельщенными; опалаетъ бо ся истинною, еже не мощи ему внити тамо, идѣже Христось пребываетъ. Но сія вся дѣйствуетъ врагъ своими угодники, малыми антихристы сирѣчь предотечами его, его же пришествие хоцетъ быти по дѣйству сатанину, еже отвести отъ Бога весь міръ лукавыми догматы, сице нашими же книгами насъ же обличати будутъ, лжуще на Бога, лжуще на святое евангеліе, лжющи на святые вселенскіе соборы, лжющи на святую, соборную и апостольскую церковь. А книги тогда точію имя святыхъ соборныхъ книгъ содержати имуть, а по истинѣ вси лукавства исполнени будутъ; то бо будетъ дѣло и нынѣ есть лукавыхъ предотечей, еже истребляти отъ книгъ истину и влагати лжи помраченную тму» (л. 25 об.—26).

О томъ четвертомъ отступленіи, котораго нужно ожидать послѣ шести лѣтъ (т. е. въ 1658 г.), мы можемъ уже заключать на основаніи того, что происходитъ въ наше время: «что будетъ по шести лѣтѣхъ, говоритъ Потемкинъ, того уже главизны являются, но вся сія мира сего любителемъ смѣхъ суть и игралище, и никто же ищетъ воды живыя, еже угасити пламень сатанинъ, но всякъ ищетъ смолы и изгребія и тростія сухого на горшее распаленіе, да скорѣе речется въ мірѣ миръ утверженіе и да незапу наведетъ на нихъ всегубительство по писанію» (л. 134 об.). А между тѣмъ исправленіе богослужебныхъ книгъ, предпринятое патриархомъ Никономъ, есть именно такое ихъ искаженіе, которое окончательно отвращаетъ людей отъ православной Христовой вѣры, и благодаря этому истинныя книги древняго благочестія обруганы и оплеваны, такъ что «вышній не въ рукотворенныхъ храмѣхъ живетъ по писанію». «О, горе намъ нынѣ живущимъ на земли, восклицаетъ Потемкинъ, яко приде время, отдалече пропо-вѣданное на нынѣшнее; яко жидове уже, христіяны себе нарицающе, христіянтъ прельщаютъ; а христіяны, не проспавшися съ похмѣлія, тѣмъ вѣрятъ и, не ощущающе тѣхъ прелести, глаголютъ: аще ли не бы сіи премудри были, то не бы сіи власти наши тѣмъ повинудися; тии узрятъ, на тѣхъ Богъ възыщеть, мы же и піемъ, а утре умремъ. О, люте время постиже, разлучаютъ насъ со Христомъ, истиннымъ Богомъ нашимъ, а приводятъ къ сыну погибели. О, слепота піяныхъ христіянтъ, иже ждуть явнаго жидовства и предотечей антихристовыхъ, не внимають помраченной

прелести ихъ» (л. 82 об.— 83 об.). Антихристъ можетъ придти въ мiръ, когда ему будетъ подготовленъ путь, т. е. когда истребятся всѣ церковныя догматы, что, по воззрѣнiю старообрядцевъ, равносильно Никоновскому исправленiю книгъ. «Точiю ты внимай, христоролюбче, говоритъ Потемкинъ, яко нѣсть мощно прiйти антихристу и сѣсти въ церкви, дондеже не истребятся изъ нея святыя догматы сосудя лукавыми и по дѣйству сатанину: нужда бо, рече, прiйти соблазномъ. Но горе человѣку, имъ же соблазнъ приходитъ? Кто же убо нынѣ не видитъ соблазнъ пришедшихъ? кто не видитъ отступленiя отъ вѣры; кто не видитъ хуленiя на Святыи Духъ? кто не видитъ прелести помраченныя? Ни ли воста уже языкъ на языкъ и царство на царство? Ни ли суть глади и труси по мѣстамъ? Но о люте намъ, яко вся сiя еще начало болѣзнемъ. Время бо намъ уже соглядати свою вѣру и свое христiянство, цѣла ли въ насъ вѣра, и есмы ли христiана, не украдена ли у насъ вѣра, и готовы ли есмы за вся умерети, любимъ ли Христа, истиннаго Бога, противимъ ли ся лукавымъ догматомъ сына погибели? Аще противимся, то христiяны есмы, по словеси Господню: иже бо, рече, нѣсть со мною, на мя есть. Кiи грѣхъ сравнится поврежденiю въ вѣрѣ? Коего грѣха ищещи, его ненавидитъ Богъ?» (л. 119). Смута, происходящая въ русской церкви, объясняется, какъ дѣйствiе сатаны, уготовляющаго путь антихристу, «нынѣ творить брань со оставшимъ сѣменемъ ея, еже мы есмы, сiе творить, да устелѣтъ путь гладокъ своему антихристу, сыну погибели; уже бо вмалѣ обладаетъ рукотворенныя храмы, уже въ малѣ возмещетъ святыя церковныя догматы, а своя прелести вноситъ лукавствомъ, и посемъ введетъ въ мiръ всего мiра погибель антихриста (л. 139). Самое пришествiе антихриста, который во всей книгѣ Спиридона Потемкина представляется еще не явившимся, но долженствующимъ скоро явиться, изображается очень сходно съ той поэтической картиной, какую мы находимъ у св. Ефрема Сирина, въ «Словѣ на пришествiе Господне, на скончанiе мiра и на пришествiе антихриста».

Такимъ образомъ Спиридонъ Потемкинъ не доходитъ до рѣшительнаго утвержденiя того, что царство антихриста уже наступило; однако около этого времени нарождаются и другiе взгляды на положенiе церкви: можетъ быть, уже теперь зрѣеть мысль о духовномъ пониманiи антихристово прихода, мысль, которая начинаетъ явно высказываться нѣсколько лѣтъ спустя, когда

противъ нея пришлось возражать Аввакуму; однако несомнѣнно, что другіе противники Никона шли гораздо дальше, и къ этому же времени, повидимому, надо относить возникновеніе цѣлага ряда легендъ о Никонѣ, записанныхъ въ «Житіи» инока Корнилія и въ раскольнической «Повѣсти о рожденіи и воспитаніи и о житіи и кончинѣ Никона, бывшаго патріарха Московскаго и всея Россіи», наиболѣе полный списокъ которой имѣется въ сборникѣ Им. П. Библ. Q. I. № 1058, л. 46 — 71. Первымъ человѣкомъ, провидѣвшимъ пагубу, грядущую отъ Никона, былъ, по этимъ легендамъ, Елеазаръ Анзерскій, въ скиту котораго жилъ Никонъ. Старецъ этотъ говорилъ своей братіи: «О, какова смутителя и мятежника Россія въ себѣ питаетъ! Сей убо смутитъ тоя предѣлы и многихъ трясеній и и бѣдъ наполнить». Въ доказательство истины своего предреченія Елеазаръ передавалъ, что онъ видѣлъ около шеи Никона, который совершалъ литургію, «змія черна и зѣло велика оплетшася» (Повѣсть, л. 47). По другому сказанію, старецъ Чудова монастыря Симеонъ видѣлъ ночью, «якобъ змій великъ зѣло», пестрь и страшнѣ видѣніемъ, обогнувся около грановитыя палаты, яже въ Кремлѣ, и ужасную свою, лютымъ ядомъ дышущую главу и грозно пригибающійся ошибъ вложивъ на краѣ тоя полаты, лежаше. Такое видѣніе видя, старецъ той отъ ужаса скоро воспряну и пристрашенъ бывъ, повѣда сіе видѣніе соборнымъ братіямъ. Тѣ же, ужасомъ одержими, глаголаху: «что сіе хощетъ быти?» Потомъ же скоро увѣдаша, яко всю ночь ону, вноуже старецъ видѣніе видѣ, Никонъ митрополитъ во оной палатѣ съ царемъ бесѣдоваста, а о чемъ разглагольство ихъ было, о томъ молчаніемъ покрыся» (Повѣсть, л. 51). Свидѣтелями богопротивныхъ дѣйствій Никона, когда онъ былъ Новгородскимъ митрополитомъ, были келарь больничной обители Соловецкаго монастыря, Кирикъ, и старецъ Андреянъ, видѣвшіе на его сапогахъ распятіе и образъ Богородицы, такъ что онъ представился попирающимъ святыню (л. 61—62). Иноку Корнилію было въ тонкомъ снѣ видѣніе: спорили темнообразный и благообразный, и темнообразный, защищавшій четвероконечный крестъ, одолѣлъ благообразнаго³⁴⁾.

³⁴⁾ Максимовъ. Разказы изъ ист. старообр., стр. 16—18. Александръ В. Оп. раск. соч. I, 172—173.

Распространение подобных легендарныхъ разсказовъ легко могло привести къ тому радикальному заключенію, что Никонъ не предтеча антихриста, но уже самъ антихристъ; такъ училъ старецъ Ефремъ Потемкинъ, пропагандировавшій свои теоріи устно и письменно въ уѣздахъ Нижегородскомъ и Ветлужскомъ, предсказывая между прочимъ голодъ въ теченіе семи лѣтъ ³⁵⁾. Ученіе это было очень распространено и долго держалось, такъ что въ послѣдствіи его пришлось опровергать даже Аввакуму ³⁶⁾.

Въ такомъ печальномъ положеніи были церковныя дѣла послѣ ухода Никона съ патріаршаго престола. Велась борьба не только противъ личности бывшаго патріарха, но и противъ его дѣла, которое представлялось дѣломъ антихриста. Интрига противъ лица велась главнымъ образомъ боярами, которымъ трудно было примириться съ властнымъ положеніемъ великаго государя, пріобрѣтеннымъ Никономъ, благодаря особенной любви къ нему царя Алексѣя Михайловича. Теперь этотъ великій государь находился въ немилости, но его дѣло еще не кончено, онъ оставался еще патріархомъ, могъ вернуться еще на свою кафедру, могъ пойти на компромиссъ съ царемъ, и нельзя было сказать вполне утвердительно, что царь по своему мягкому и доброму характеру не смѣнитъ гнѣва на милость, не вспомнитъ старой своей дружбы съ патріархомъ. Нужно было потому спѣшить съ окончаніемъ дѣла патріарха, нужно было всѣми мѣрами поддерживать въ царѣ раздраженіе противъ Никона, и, конечно, всякій человѣкъ, который былъ врагомъ Никона становился другомъ бояръ. Врагами стараго патріарха стали тѣ же греки, которые прежде ему прислуживались; но на нихъ нельзя было полагаться: эти люди при иныхъ обстоятельствахъ легко могли измѣнить. Искали враговъ непримиримыхъ, и такими были раскольники, возставшіе на Никона, какъ на представителя ненавистнаго имъ начала и какъ на крайняго своего утѣснителя.

Къ раскольникамъ обратилась боярская, враждебная Никону, партія, и понятно, что Аввакумъ, и среди расколуучителей болѣе всѣхъ выдававшійся своей огнепальною ревностью, при возвращеніи своемъ въ Москву, былъ принятъ боярами чрезвычайно радушно, «яко ангель Божій», тѣмъ болѣе, что между ними

³⁵⁾ Мат. I, стр. 449—450. II, стр. 13—15, 96—105.

³⁶⁾ Хр. Чт. 1888, I, стр. 748—749.

многіе смотрѣли на него, какъ на страдальца за правую вѣру. Явился Аввакумъ къ старому своему другу Ѡ. М. Ртищеву; тотъ подошелъ къ нему подь благословеніе и много съ нимъ бесѣдовалъ; трое сутокъ провелъ Аввакумъ въ его домѣ, послѣ чего Ртищевъ доложилъ о немъ царю. Царь привалъ его, допустилъ къ рукъ своей и милостиво его разспрашивалъ: «Здорово ли живешь, протопопъ? Вотъ еще Богъ велѣлъ видаться». Аввакумъ отвѣчалъ: «живъ Господь, жива душа моя, царь-государь, а впредь что изволить Богъ!» «Онъ же, миленькой, рассказываетъ Аввакумъ, вздохнулъ, да и пошелъ куды надобѣ ему. И иное кое-что было, да что много говорить!» Послѣ этого свиданья царь приказалъ поселить Аввакума въ Кремль, на подворьѣ Новодѣвичьяго монастыря. Отношенія царя къ протопопу были самыя милостивыя: «въ походы мимо двора моего ходя, кланялся часто со мною низенько-таки, а самъ говоритъ: благослови де меня и помолися о мнѣ! И шапку въ ину пору мурманку, снимаючи з головы, уронилъ ѣдучи верхомъ! А ис кареты высунется бывало ко мнѣ». За царемъ и всѣ бояре ласкали Аввакума, предлагали ему мѣсто, какое захочетъ, звали даже, по его словамъ, въ царскіе духовники ³⁷⁾.

Несмотря на всѣ эти милости царя и бояръ, Аввакумъ не могъ успокоиться, видя, какъ прочно установились въ церкви Никоновы новшества: покровители Аввакума, правда, возставали противъ Никона, но это было скорѣе ихъ личное дѣло, протестъ ихъ истекалъ изъ опасенія деспотизма суроваго патріарха и изъ стремленія оградить царя отъ его вліянія, которое нерѣдко шло въ разрѣзъ съ ихъ интересами и партійными счетами; что же касается религіозныхъ вопросовъ, то здѣсь не было съ ихъ стороны никакого противорѣчія бывшему патріарху, сами они соглашались съ его новшествами и звали Аввакума соединиться съ ними въ вѣрѣ. Но у протопопа были совсѣмъ инныя цѣли: онъ шелъ прежде всего противъ принципа, противъ исправленій, проведенныхъ Никономъ при участіи грековъ и малороссовъ: онъ не могъ молчать, не могъ не обличать новшествъ, которыя уже глубоко вкоренились за время его отсутствія, такъ что о примиреніи съ новыми порядками, какъ убѣждали бояре, не могло быть и помысла. Поэтому вскорѣ послѣ своего возвращенія, какъ

³⁷⁾ Мат. т. V, стр. 59—60.

мы упоминали раньше, онъ рѣшился подать царю челобитную о церковныхъ дѣлахъ,—кстати у него была и другая просьба: хотѣлъ онъ жаловаться на своего сибирскаго притѣснителя, воеводу Пашкова.

Во вступленіи къ своей челобитной Аввакумъ говорить: «Государь нашъ свѣтъ! что ти возглаголю, яко отъ гроба оставъ изъ дальняго заключенія, отъ радости великія обливаясь многими слезами,—свое ли смертоносное житіе возвѣщу тебѣ, свѣту, или о церковномъ раздорѣ реку тебѣ, свѣту?» Послѣ этого вступленія онъ обращается къ рѣчи о церковномъ раздорѣ, который, сверхъ его ожиданія, за время его ссылки еще болѣе усилился отъ любоначалія властей и навлекъ на Россію гнѣвъ Божій. Какъ о знаменіи этого гнѣва, Аввакумъ рассказываетъ о слѣдующемъ «преславномъ и ужасу достойномъ чудѣ»: «въ соборной большой церкви в Тобольскѣ, въ Преображеніевъ день служилъ литургію ключарь тоя церкви Иванъ Михлѣвъ сынъ с протодьякономъ Меоодиѣмъ, и егда возгласиша: двери, двери, мудростію воцмемъ, тогда у священника со главы взяся воздухъ и повергло на землю; и егда исповѣданіе вѣры начали говорить, и въ то время звѣзда на дискосѣ надъ агньцемъ на всѣ четыре поставленія преступала, и до возгласенія побѣдныхъ пѣсни, и егда приспѣ время протодьякону къ дискосу притыкати, приподнялася мало и стала на своемъ мѣстѣ на дискосѣ просто. А служба у нихъ въ церкви по новымъ служебникамъ по приказу архіепископлю». Въ томъ спискѣ челобитной, который былъ поданъ царю, Аввакумъ даетъ такое объясненіе этого чуда: «И мнѣ, государь, мнится, яко и тварь рыдаетъ, своего владыку видя безчестна, яко неистинна глаголють Духа Святаго быти и Христа Сына Божія на небеси не царя быти въ исповѣданіи своея вѣры». Въ двухъ другихъ спискахъ, варианты изъ которыхъ приведены въ изданіи г. Субботина, это объясненіе оказывается болѣе распространеннымъ черезъ толкованіе отдѣльных моментовъ чудеснаго явленія, причемъ это толкованіе Аввакумъ приписываетъ уже не себѣ лично: «И многимъ, государь, мнится, яко воздухъ, поверженный на землю, образуетъ благодати лишеніе, звѣздное же необычное поступаніе Божіе прогнѣваніе яви, подъятіе же звѣзды самой и еже просто на своемъ мѣстѣ на дискосѣ ста, тишину отъ раздоровъ нѣкако образова. Како убо, свѣтъ-государь, православный царь, не лишеннымъ быти Божія

благодати неісповѣдающемъ въ символѣ вѣры Христа Сына Божія небеснаго царя быти и Духа Святаго истиннаго быти, по точію животворящаго?»²⁸⁾ Божій гнѣвъ проявляется не только одними подобными знаменіями, но и болѣе чувствительнымъ образомъ: «и моровое повѣтріе не мало, намъ знаменіе было отъ Никоновыхъ затѣкъ, и агарянскій мечъ стоитъ десять лѣтъ безпрестани, отнелѣже онъ раздралъ церковь». Благодаря этимъ бѣдствіямъ, «во всякомъ градѣ и странахъ велие нестроеніе и туга велика всюду, слезы и стенаніе», а во всемъ виноватъ Никонъ: его «неопасивая дерзость и безчеловѣчіе къ рабамъ Божиимъ всю русскую землю пусту показа и слезъ и рыданій исполнену». Указавъ на это мучительство, Аввакумъ воспоминаетъ, какъ хорошо было при протопопѣ Стефанѣ, который никого не губилъ.

Сознавая, что царю могутъ наскучить его заявленія о церковномъ исправленіи, Аввакумъ говоритъ: «Вѣмъ, яко скорбно тебѣ, государю, отъ доуки нашей. Государь-свѣтъ, православный царь! Не сладко и намъ, егда ребра наша ломаютъ и развязавъ насъ кнутемъ мучать, и томятъ на морозѣ голодомъ. А все церкви ради Божія стражемъ». Затѣмъ онъ рассказываетъ государю о тѣхъ бѣдахъ и напастяхъ, которыя выпали на его долю «ради церкви Божія», о томъ, какъ его били въ Лопатицахъ, изгнали изъ Юрьевца, какъ онъ былъ арестованъ по приказу Никона и посаженъ въ Андроньевъ монастырь, и «тугъ мнѣ пищу принесе ангель за молитвъ святаго отца протопопа Стефана». Разсказъ объ этомъ чудѣ въ двухъ другихъ спискахъ

²⁸⁾ Челобитная издана г. Субботинимъ (Мат. V, стр. 119—136) по списку, находящемуся въ свитѣхъ Синод. библіотеки, подлинному, собственной руки Аввакума; два же другихъ списка (Синод. библ. № 641 и Хлудовской библ. № 254) представляютъ собой другую редакцію челобитной, причѣмъ первый, принадлежащій иноку Авраамію, сохранилъ эту редакцію не настолько хорошо, какъ Хлудовскій, такъ какъ Авраамій, желая представить челобитную написанною отъ лица всѣхъ «заточенныхъ страдальцевъ», кое-что передѣлалъ въ ея текстѣ. Для объясненія одновременнаго существованія еще при самомъ Аввакумѣ двухъ редакцій его челобитной, г. Субботинъ высказываетъ весьма вѣроятное предположеніе, «что Аввакумъ сначала написалъ челобитную начерно, и потомъ, переписывая ее въ свитоки для подачи царю, дѣлалъ въ ней поправки, — иное переиначилъ, иное дополнилъ, иное, найдя не совсѣмъ удобнымъ въ посланіи къ царю, исключилъ, или сократилъ, какъ напр. мѣсто о явленіи ему ангела съ чашкой щей» (Мат. V, стр. XV).

челобитной представляется значительно дополненнымъ нѣкоторыми подробностями. По варианту Синодальнаго (Аврааміевскаго) списка, явился не ангелъ, а какой-то «мужъ», который, подавая Аввакуму пищу, говорилъ: «держай, не убойся, Господь съ тобою, вкуси жь пищи, юже ти принесохъ». Пока Аввакумъ ѣлъ, «яко отъ потира», мужъ стоялъ молча. «Егда же полсосуа изъядохъ, приступи онъ и взя отъ мене сосудъ: довлѣеть ти, рече. И невидимъ бысть». По Хлудовскому списку, Аввакуму является тоже не ангелъ, а человѣкъ, и на вопросъ Аввакума: «откуда и како сѣмо приде?» отвѣчаетъ такъ же, какъ и въ предъидущемъ вариантѣ, прибавляя наставленіе: «а не истяжи откуду есмь». Затѣмъ повторяется рассказъ Синодальнаго списка. Наиболѣе распространенную форму получилъ этотъ рассказъ въ «Житіи» Аввакума, гдѣ онъ дополненъ подробностями реального характера. «Бысть же я, рассказываетъ Аввакумъ, въ третій день приахчентъ,—сирѣчь ѣсть захотѣлъ: и послѣ вечерни, ста предъ мною, невѣмъ—ангелъ, невѣмъ—человѣкъ,—и по се время не знаю. Токмо въ потемкахъ молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, съ чѣпью къ лавкѣ привелъ и посадилъ, и ложку въ руки далъ, и хлѣбца немножко и щецъ далъ похлебать,—зѣло прикусны—хороши!—и рекъ мнѣ: полно, довлѣеть ти ко укрѣпленію! Да и не стало его. Двери не отворались, а его не стало! Дивно, только человѣкъ; а что же ангелъ, ино нечему дивитца! вездѣ ему не загорожено³⁹⁾

Упомянувъ объ этомъ чудѣ, Аввакумъ далѣе въ челобитной передаетъ о своихъ «сибирскихъ бѣдахъ», «колико во одиннатцетъ лѣтъ на хрептѣ моемъ дѣлаша язвъ беззаконніи за имя Христово». Говоря о притѣсненіяхъ, вынесенныхъ отъ Пашкова, Аввакумъ вообще распространяется о злоупотребленіяхъ воеводы и о бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находились его казаки и служилые люди. Особенно ужасаетъ его воспоминаніе о томъ, какъ онъ осквернился непозволенной пищей. «И какъ мы дошли до мѣста, тамо насъ и совершенное зло постигло: ѣлъ я с казакими не по естеству пищу, вербу, и сосну, и траву, и кореніе, и мертвыя мяса звѣрины, а по напрасньству и по прилучаю и кобыліе. И тово было яденія шесть лѣтъ. А казаки бѣдные всякую мертвечину, иные волки и лисицы, иные чело-вѣческую лайну».

³⁹⁾ Мат. т. V, стр. 20.

Описавъ невзгоды своей Сибирской жизни, Аввакумъ заключаетъ такъ: «и о сихъ всѣхъ, государь-свѣтъ, благодаримъ Бога, яко первые мы въ тѣхъ странахъ з женою моею и дѣтми учились отъ патріарха въ такой пагубной, паче же хорошей ссылкѣ. Упоилъ насъ чашею вина неразтворенна. Да не поставитъ ему Богъ в грѣхъ здѣсь и въ будущемъ вѣцѣ! Не прогнѣвайся, государь-свѣтъ, на меня, что много глаголю: не тогда мнѣ говорить, какъ издохну!» Однако послѣ такого нѣсколько, пожалуй, мягкаго замѣчанія о Никонѣ, Аввакумъ не выдерживаетъ, начинаетъ обличать Никоново мучительство: «То не отеческой у патріарха вымыслъ, но древняго отступника Іуліяна и египтянина Θεοσιла патріарха Александра града и прочихъ еретикъ и убійць, яко христіанъ погубляти. Мнѣ мнится и духъ пытливой таковъ же Никонъ имать, яко и Θεοσιлъ: понеже всѣхъ устрашаетъ». Въ этихъ нападкахъ на Никоново мучительство, можетъ быть, и есть слабый отголосокъ представленій о свободѣ совѣсти, выразившихся въ ученіи Нила Сорскаго и его послѣдователей, однако скорѣе здѣсь проявляется самозащита преслѣдуемой стороны, и принципиальнаго отрицанія преслѣдованій за вѣру приписывать Аввакуму на основаніи этихъ словъ не представляется возможнымъ.

Далѣе Аввакумъ обращается къ реформѣ Никона и, рѣшительно отказываясь ее принять, обвиняетъ Никона въ разныхъ ересяхъ. «Многіе ево боятся, говоритъ онъ, а протопопъ Аввакумъ, уповая на Бога, ево не боится. Твоя, государева свѣтова воля, аще и паки попустишь ему меня озлобить: за помощію Божіею готовъ и духъ свой предать. Аще не нынѣ, умремъ же всяко и житію должная послужимъ; смерть мужу покой есть; смерть грѣху опона. А душа моя пріяти ево новыхъ законовъ беззаконныхъ не хочетъ. И во откровеніи ми отъ Бога бысть се, яко мерзокъ онъ предъ Богомъ Никонъ» (На какое откровеніе ссылается здѣсь Аввакумъ, нельзя сказать ничего положительнаго). «Аще и лстить тебѣ, государю-свѣту, яко Арій древнему Константину; но погубилъ твои в Руси всѣ государевы люди душою и тѣломъ, и хотящіи ево законы новыя пріяти на страшнѣмъ судѣ будутъ, слыть *никоніане*, яко древніе *аріане*. Христа онъ Никонъ не исповѣдуетъ в плоть пришедша; Христа не исповѣдуетъ нынѣ царя быти и воскресеніе ево, яко іюдѣи, скрываетъ; онъ же глаголетъ неистинна Духа Святаго; и

сложеніе креста въ перстѣхъ разрушаетъ; и истинное метаніе в поклонѣхъ отсѣкаетъ, и многихъ ересей люди Божія и твоя наполнилъ; индѣ напечатано: духу лукавому молимся. Охъ души моей и горе!» Перечисливъ всѣ эти мнимыя ереси Никона, причемъ основаніемъ для всѣхъ подобныхъ обвиненій являются самыя незначительныя измѣненія въ обрядахъ или въ текстѣ богослужебныхъ книгъ (напр. замѣна словъ: Его же царствію *нѣтъ* конца, словами: *не будетъ* конца, вызываетъ обвиненіе въ томъ, что Христосъ не признается теперь царствующимъ, и т. п.), Аввакумъ, сравнивъ Никона съ папой Формозомъ, убѣждаетъ государя «отложить служебники новые и всѣ его никоновы заѣйки дурныя». Государь долженъ исторгнуть злое и пагубное ученіе Никона, «дондеже конечная пагуба на насъ не приде, и огонь с небесе, или моръ древній, и прочая злая насъ не постигло». Въ упоминаніи о конечной пагубѣ не трудно видѣть намекъ на наступленіе антихристового царства. «А егда сіе злое кореніе исторгнемъ, предсказываетъ Аввакумъ, тогда намъ будетъ вся благая, и кротко и тихо все царство твое будетъ, яко и прежде Никонова патріаршества было, и агарянскій мечъ Богъ уставишь и сподобитъ насъ получитьи вѣчная благая».

Послѣ этого Аввакумъ снова обращается къ Пашкову, просить царя «спасти его душу», постричь въ монахи, чтобы «впередь не губить, на воеводствахъ живучи, христіянства. Ей, государь, не помнитъ Бога: или попъ, нашъ братъ, или инокъ,— всѣхъ равно губить и мучить, огнемъ жжетъ и погубляетъ». Но Аввакумъ проситъ вмѣстѣ съ тѣмъ «не мстить» Пашкову за свою обиду, говоря, что Пашковъ его духовный сынъ и поэтому не должно думать о его погубленіи, а слѣдуетъ относиться къ нему съ любовью. Просьба не мстить Пашкову за свою обиду выражается очень настойчиво, повторяется нѣсколько разъ, такъ что, можетъ быть, она не была вызвана однимъ притворнымъ незлобіемъ. Къ дѣлу Пашкова относится и приложенная къ челобитной «памятная записка» о злоупотребленіяхъ и жестокостяхъ воеводы: при всемъ ужасномъ произволѣ Пашкова, который рисуется въ этой запискѣ, нельзя не замѣтить, какъ мы уже указывали, что нѣкоторыя строгости его со своей командой вызывались необходимою поддерживать въ ней дисциплину и противодѣйствовать непозволительному съ военной точки зрѣнія критическому обсужденію дѣйствій начальника.

Въ заключеніе своей челобитной Аввакумъ высказываетъ желаніе видѣться съ царемъ не «предъ чловѣки»; «желаю, говорить онъ, наединѣ свѣтоносное лице твое зрѣти и священнолѣпныхъ устъ твоихъ глаголѣ нѣкій слышати мнѣ на ползу, какъ мнѣ жити».

Главною цѣлью подачи изложенной челобитной было убѣдить государя восстановить старое благочестіе; но царь не могъ послушаться Аввакума. И онъ самъ, и бояре увидали, что этотъ ожесточенный врагъ Никона значительно съ ними расходится, хочетъ гораздо большаго, чѣмъ они, что ему нужно не одно сверженіе Никона съ патріаршаго престола, но главнымъ образомъ искорененіе его «дурныхъ затѣекъ»; но эти затѣйки приняты были окончательно, такъ что не могло быть рѣчи объ ихъ оставленіи. Между тѣмъ Аввакумъ, подавъ челобитную, не молчалъ; онъ дѣйствовалъ въ народѣ, распространялъ расколъ. Вѣроятно, по настоянію духовныхъ властей, царь прислалъ къ Аввакуму боярина Родіона Стрѣшнева съ увѣщаніемъ, чтобы онъ не агитировалъ. «И я, рассказываетъ Аввакумъ, потѣшилъ его: царь то есть отъ Бога учиненъ, а се добренекъ до мене, — чаялъ либо по маленку исправится». Надежда на исправленіе царя поддерживалась въ протопопѣ и очень заманчивымъ обѣщаніемъ опредѣлить его «съ Симеонова дня» (вѣроятно, съ февраля) на должность справщика на Печатномъ Дворѣ; это было, разумѣется, завѣтнымъ желаніемъ Аввакума: «и я радъ сильно, говорить онъ, — мнѣ то надобно лутче и духовничества». Не мало проявлялось заботъ со стороны царя и его приближенныхъ и о матеріальномъ положеніи Аввакума: царь прислалъ ему 10 рублей, царица, духовникъ царскій Лукьянъ, Родіонъ Стрѣшневъ дали ему тоже по 10 руб., а Ѳ. М. Ртицевъ велѣлъ своему казначею «сунуть въ шапку» протопопа 60 рублей; «а про иныхъ нечего и сказывать: всякъ тащить, да несетъ всячиною!»

Но все это ни къ чему не вело: Аввакума нельзя было остановить, тѣмъ болѣе, что въ высшемъ московскомъ обществѣ были вліятельныя лица, сочувствовавшія его религиознымъ убѣжденіямъ; они давали ему пріютъ въ своихъ домахъ и тѣмъ помогали его пропагандѣ. Особенно сильно было вліяніе протопопа на женщинъ: такъ, онъ упоминаетъ о поддержкѣ, которую ему оказывала родственница царицы, Анна Петровна Милославская; самую ревностною послѣдовательницею его была боярыня

Евдосія Прокопьевна Морозова, урожденная Соковнина. Морозова была очень богата: Аввакумъ сообщаетъ, что дворни у нея было человѣкъ съ триста, крестьянъ около 8,000, разнаго имущества на 150—200 тыс. рублей. Имѣя большой кругъ знакомыхъ въ Москвѣ, она выѣзжала къ нимъ въ богатой каретѣ, въ сопровожденіи многочисленной челяди. Рано овдовѣвъ, она предалась дѣламъ благочестія и благотворенія: по ночамъ она ходила «по темницамъ и по богадѣльнямъ», милостыню отъ дома своегонося, деньги и ризы, и потребляя комуждо неимущему довольно, овому рубль, а иному десять, а инде пятьдесятъ рублей, и мѣшокъ сотной»⁴⁰⁾. Раскольническое направленіе явилось въ Морозовой, благодаря вліянію отчасти Аввакума, отчасти его {ученицы, старицы бѣлевской Меланіи⁴¹⁾. Понятно, что при своихъ родственныхъ связяхъ, при близости къ царскому двору, при своемъ богатствѣ и благотворительной дѣятельности, Морозова должна была имѣть въ Москвѣ большое значеніе, и съ помощью ея и ея сестры, княгини Евдокіи Урусовой, легко было дѣйствовать Аввакуму при распространеніи своихъ раскольническихъ мнѣній, такъ что многіе приходили къ нему поучаться и отвращались отъ ненавистной ему никоніанской службы. Послѣднее достигалось еще лучше благодаря тому, что вообще въ это время дѣйствія духовной власти были нѣсколько ослаблены; въ церкви Софіи Премудрости Божіей, что за Москвой-рѣкой въ Садовникахъ, Аввакумъ «своимъ ученіемъ прихожанъ отлучилъ многихъ», и нѣкоторые изъ нихъ позволяли себѣ такіа дерзости, какъ Благовѣщенскій сторожъ Андрей Самойловъ, который «называлъ митрополита и архіепископовъ проклятыми и бранилъ ихъ матерны, а дьякона Софійскаго хваталъ и дергалъ за рясу, называя никоневичемъ»; даже въ одномъ изъ Кремлевскихъ монастырей, въ Вознесенскомъ дѣ-

⁴⁰⁾ Мат. V, стр. 183—184. Весьма вѣроятно, что рассказы Аввакума о богатствѣ Морозовой не преувеличены; и Соковнины были богаты, и состояніе Морозовыхъ вообще было очень значительно; мы имѣемъ свѣдѣніе, что братъ мужа Евдосіи Прокопьевны, близкій къ царю Алексѣю Михайловичу, бояринъ Борисъ Ивановичъ въ 1657 г. прислалъ въ Соловецкій монастырь серебряными ефимками 1,000 рублей (въсомъ 3 п. 24³/₄ ф.) и черезъ годъ чистаго серебра 1 п. 10 ф. на устроеніе ракъ соловецкихъ чудотворцевъ (Сырцовъ. Соловецк. мон. передъ возмущеніемъ мон.-старообр., стр. 9).

⁴¹⁾ Мат. VII, стр. 147 и 151.

вичьемъ, пропаганда Аввакума посѣяла сильный раздоръ между монахинями: здѣсь нашлась очень усердная его послѣдовательница, уставщица Елена Хруцова, силою принуждавшая другихъ монахинь удалиться отъ службы по исправленнымъ книгамъ ⁴²⁾.

Часто приходилось Аввакуму вести пренія о вѣрѣ съ отступниками-никоніанами. Нероновъ ⁴³⁾ говорить о бесѣдахъ, происходившихъ у Аввакума съ архіепископомъ Иларіономъ и съ парскимъ духовникомъ Лукьяномъ, а самъ Аввакумъ упоминаетъ о жаркихъ спорахъ, происходившихъ въ домѣ Ѡ. М. Ртищева, который, какъ мы говорили, отличался мягкостью своихъ религиозныхъ убѣжденій, позволявшей ему одинаково принимать у себя людей всѣхъ партій, и любилъ ученые и богословскіе диспуты, всегда оживленные и продолжительные, происходившіе у него при встрѣчѣ сторонниковъ стараго и новаго направленій въ церковныхъ дѣлахъ. На такія собранія часто хаживалъ Аввакумъ, какъ старый знакомый Ртищева и самый видный представитель раскольнической партіи, и «грызся» о вѣрѣ съ никоніанами.

Очень возможно, что отголоскомъ этихъ преній былъ письменный споръ, возникшій у Аввакума съ однимъ изъ братьевъ Плещеевыхъ, Андреемъ, который, слѣдуя, вѣроятно, примѣру своего наставника, Неронова, когда восточными святителями была произнесена клятва на раскольниковъ, изъ ревностнаго приверженца старины обратился въ человѣка, покорнаго церковнымъ распоряженіямъ патріарха Никона. Желая убѣдить Аввакума не противиться церкви, Плещеевъ написалъ ему посланіе. Сказавъ о важности и пользѣ дружбы и вспоминая свои прежнія хорошія отношенія къ Аввакуму, Плещеевъ, относящійся и теперь къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и называющій его «отцомъ, честнѣйшимъ господиномъ, благодѣтелемъ своимъ величайшимъ», говорить, что онъ, слышавъ о долговременныхъ его страданіяхъ и о его сомнѣніяхъ въ догматахъ церковныхъ, рѣшился обратиться къ нему съ увѣщаніемъ не упрямиться и послушаться «премудрѣйшихъ себе, вѣдущихъ разумъ божественныхъ писаній». Онъ старается доказать, что дѣйствіями

⁴²⁾ Мат. I, стр. 481. V, стр. 67. Братское Слово, 1886 г. т. II, № 17.

⁴³⁾ Мат. I, стр. 199.

Никона и другихъ церковныхъ властей не вводилось ничего новаго, но что ими только «погибшее обрѣтается, кривое исправляется, косвенное отменяется и стропотное соглаждается»; что книги русскія исправляются премудрѣйшими учителями вслѣдствіе того важнаго соображенія, что въ нихъ много несходнаго съ греческими оригиналами и старинными русскими списками. Затѣмъ Плещеевъ разсматриваетъ въ частности нѣкоторыя исправленія и отчасти доказываетъ ихъ правильность, отчасти просто заявляетъ, что такъ, по новому, лучше. Противъ двоеперстія онъ ссылается на разныя свидѣтельства отъ книгъ и на проклятіе его вселенскими патріархами. Указываетъ онъ на разныя недостатки въ иконномъ писаніи, въ печатныхъ книгахъ. Проситъ Плещеевъ Аввакума прекратить свою пропаганду, чтобы не ввести въ соблазнъ другихъ, потому что «горе челоуѣку, имже соблазнъ приходитъ»; а пропаганда эта уже теперь многихъ отвращаетъ отъ церкви: нѣкоторые люди не ходятъ въ церкви, отвергають новые Служебники; троеперстіе, «всѣ исправленные нынѣ церковные догматы», до того упорствуютъ въ своемъ противленіи истинѣ, что даже умирають безъ покаянія и причащенія святыхъ Тайнъ. Сказавъ о такихъ упорныхъ раскольникахъ, Плещеевъ заключаетъ свое посланіе, говоря, что Аввакуму не должно имъ уподобляться, такъ какъ они неразумны, и слѣдуетъ принять новое перстосложеніе и во всемъ соединиться съ православною церковью и вселенскими патріархами ⁴⁴).

На это посланіе Аввакумъ отвѣчалъ довольно обширнымъ разсужденіемъ, которое сохранилось до насъ въ сборникахъ сочиненій Спиридона Потемкина съ такимъ заглавіемъ: «Противъ же сего многокозвеннаго и прелестнаго посланія Аввакумъ протопопъ восписуетъ, лести и хулы исполненныя оуста заграждаетъ и посрамляетъ, яко остриемъ меча посѣкаетъ вселукаваго языка глаголы, писатель же сему авва Спиридонъ» ⁴⁵). Это заглавіе, а также и помѣщеніе отвѣта среди сочиненій Потем-

⁴⁴) Это посланіе напечатано въ Правосл. Собесѣд. 1858 г., ч. II, стр. 591—598. Мы пользовались имъ также въ рукописныхъ сборникахъ Имп. Публ. Библ. № Q. I, 476 и Q. I, 486.

⁴⁵) Сборники Имп. Публ. Библ. №№ Q. I, 476 и Q. I, 486, по которымъ мы помѣщаемъ ниже это сочиненіе. См. также реп. Хлудовской библ. по описанію А. Н. Попова № 351, л. 38—42.

кина послужили причиной того, что г. Субботинъ отвергъ подлинность этого сочиненія, признавъ его принадлежащимъ Потемкину и не включилъ въ свое собраніе сочиненій Аввакума⁴⁶⁾. Однако, намъ кажется этотъ взглядъ не совсѣмъ правильнымъ, и мы предлагаемъ такое объясненіе: отвѣтъ, приписываемый Аввакуму, дѣйствительно ему принадлежитъ, но возможно, что въ его составленіи или переработкѣ принималъ участіе Спиридонъ Потемкинъ, что и отразилось на особенностяхъ стиля, слишкомъ книжнаго. Отрицать авторство Аввакума, когда оно указывается во всѣхъ спискахъ въ заглавіи, намъ не представляется возможнымъ въ виду того, что Спиридону Потемкину, какъ весьма авторитетному раскольническому писателю, не было никакой надобности скрывать свое произведеніе подъ чужимъ именемъ. Особенности стиля далеко не могутъ служить критеріумомъ для опредѣленія личности автора, и это прежде всего замѣтно на сочиненіяхъ, несомнѣнно принадлежащихъ Аввакуму, но рѣзко другъ отъ друга отличающихся по стилю. О стилѣ Аввакума можно сказать, что выдающіяся его черты—образность и реализмъ, но на этомъ основаніи далеко не всякое сочиненіе, обладающее этими качествами, можно приписать Аввакуму, и точно такимъ же образомъ не всякое сочиненіе, лишенное этихъ свойствъ и написанное языкомъ книжнымъ, должно быть признано не принадлежащимъ Аввакуму. Эти-то соображенія и не позволяютъ намъ согласиться съ взглядомъ г. Субботина, и при обзорѣ дѣятельности Аввакума мы не можемъ исключить его отвѣтъ на посланіе Плещеева, хотя и не отрицаемъ участія въ немъ Спиридона Потемкина.

Въ своемъ отвѣтѣ Аввакумъ соглашается съ Плещеевымъ, что очень важно хранить дружбу, но отказывается повиноваться «мудрѣйшимъ», потому что отъ нихъ утаилъ Богъ тайны благодати своей, а открылъ ихъ младенцамъ, неученымъ людямъ, которыхъ Плещеевъ укоряетъ въ буйствѣ: спасается міръ черезъ вѣрныхъ, а не чрезъ мудрѣйшихъ. Противъ исправленій, производимыхъ этими мудрѣйшими, Аввакумъ выставляетъ слѣдующій силлогизмъ, который является, по его мнѣнію, однимъ изъ сильнѣйшихъ аргументовъ въ спорахъ раскольниковъ съ православны-

⁴⁶⁾ Позволяемъ себѣ въ этомъ случаѣ сослаться на мнѣніе Н. И. Субботина, высказанное намъ лично.

ми: Христосъ создалъ церковь и далъ ей такую крѣпость, что и врата адовы не одолѣють ея; Христосъ живетъ въ ней, царствуетъ и не даетъ ей погрѣшить не только въ догматахъ вѣры, но и въ малѣйшей чертѣ канонѣвъ и пѣсней; отступники «мудрѣйшіе» говорятъ, что поблудили отцы наши въ церковныхъ догматахъ, и много времени церковь была въ «погруженіи», а теперь они умудрились исправить, «обрѣсти погибшее, стропотная гладка сотворить», — слѣдовательно они не вѣрятъ слову Христову о непогрѣшимости церкви и такимъ образомъ являются хулителями Бога и церкви. Въ то время возражать на этотъ ложный силлогизмъ православнымъ архипастырямъ было очень затруднительно: они сами держались того мнѣнія, что церковь «пріяла совершеніе» не только въ догматахъ, но и въ обрядахъ, только видѣли они это совершеніе въ обрядахъ греческихъ, тогда какъ раскольники считали совершенными свои русскіе обряды. Если какой-нибудь обрядъ признать совершеннымъ, то измѣненіе его есть искаженіе церковнаго преданія, отступничество отъ правой вѣры; смотря съ этой точки зрѣнія на обряды и ихъ измѣненіе, православные предавали анафемѣ раскольниковъ за то, что они поддерживали искаженія греческихъ обрядовъ, а раскольники проклинали православныхъ за измѣненія, или, по этой теоріи, искаженія, производимыя въ русскихъ обрядахъ въ угоду греческимъ учителямъ. Національный элементъ получалъ такимъ образомъ совершенно особенное значеніе: раскольники отстаивали народность, не какъ таковую, но какъ носительницу совершеннаго православія, что и было для нихъ единственно существеннымъ.

«Вы думаете, что вы исправляете», пишетъ Аввакумъ, «но подѣ видомъ исправленія, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе вводите вы себя въ адово дно; вашему исправленію конца не будетъ, пока не останется въ васъ едина малѣйшая жилица христіанская; такъ же говорили всѣ еретики, ариане, македоніане, латины, люторы, утверждая, что они исправляютъ». Относительно крестнаго знаменія Аввакумъ коротко говорить, что отъ людей, измѣняющихъ Символь, нельзя ожидать, чтобы они могли правильно креститься. На ссылки Плещеева на священное писаніе онъ отвѣчаетъ ироніей: мы прочли писанія и увидали тамъ, что «нравъ твоего мудрованія подобенъ человѣку утопляющему, ему же аще бы кто и бритву бы подаль, и за ту хватается». Ты все свое посланіе написалъ себѣ за посмѣхъ, и если ты самъ не стыдишься своихъ

словъ суетныхъ, то я стыжусь за тебя предъ людьми крѣпкими въ православной вѣрѣ. Обращаясь къ новымъ учителямъ, Аввакумъ называетъ ихъ «нынѣшними пьяными апостолами, которые всегда с похмѣлья мудрствуютъ, составляюще лукавые догматы», и восклицаетъ: «ей, не видеть, возлюбленне, благодать дѣховная въ та уста, в няже входитъ вино кормчемное. Аще и тма кромѣ ихъ наречеши мудрѣйшими, поведутъ тя с ними, идѣже аще хочеши возопіеши: горѣ и оувы». Аввакумъ не вѣритъ, чтобы съ ненавистными ему «мудрѣйшими» учителями могли сходиться вселенскіе патріархи; онъ высказываетъ убѣжденіе, что хотя и страдаютъ восточные христіане подъ агарянскимъ насилиемъ, хотя и не имѣютъ они хорошихъ книгъ, въ которыхъ поучались бы правой вѣрѣ, но вселенскіе патріархи православны, они не принимаютъ книгъ, напечатанныхъ въ латинскихъ городахъ съ разными еретическими искаженіями; съ великимъ трудомъ они достаютъ старья, истинныя книги, въ которыхъ нѣтъ латинскихъ прибавокъ, и по нимъ правятъ непорочное ученіе. Тутъ Аввакумъ опять раздражается гнѣвомъ на новыхъ учителей, называетъ ихъ «дрожьями прокислыя мудрецы, которые пишутъ трясущими руками, ползающе по землѣ, яко гадове»: что могутъ сдѣлать они добраго? а ты ихъ называешь мудрѣйшими и хочешь, чтобы и я имъ повиновался; ты самъ отъ нихъ долженъ бѣжать, если хочешь видѣть Христа въ день судный». Въ заключеніе Аввакумъ обращается къ Плещееву съ увѣщаніемъ оставить свои заблужденія: «приди в чюство вкѣихъ обрѣтаешься; аще мощно ти есть познати истинну, да не погубиши себе во вѣкъ, припади къ ногамъ распятаго за ны истиннаго учителя Христа Бога нашего, призови Духа истиннаго и наставитъ тя на всяку истинну. Того бо ради положи Господь во евангеліи причтю о блудномъ сынѣ, да познаемъ церковь Христову и отступленіе въ правду и блуженіе, что бо принесе блудныи, развѣ наготу свою и пріят первую одежду и наслажденіе въ дому милостиваго отца и паки сынъ наречеша въ дому своемъ и т. д.

Въ изложенномъ посланіи проявляется та двойственность въ отношеніяхъ Аввакума къ русскимъ, уклонившимся отъ правой вѣры, и къ ихъ соблазнителямъ грекамъ, которая замѣчается не разъ въ послѣдующихъ сочиненіяхъ Аввакума: въ то время какъ въ отношеніи къ первымъ мы видимъ мягкость, даже нѣжность, которую мотивируется просьба о возвращеніи на путь истины

ко вторымъ Аввакумъ относится грубо, со страстной ненавистью. Правда, въ этомъ сочиненіи, какъ мы говорили, тонъ гораздо болѣе мягкій, чѣмъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Аввакума, менѣе замѣтна грубость даже въ выраженіяхъ, въ чемъ и сказалось вліяніе Спиридона Потемкина. Но кромѣ этого вліянія не объясняется ли такая мягкость тона тѣмъ обстоятельствомъ, что теперь Аввакумъ чувствовалъ гораздо болѣе свободы въ своихъ дѣйствіяхъ, и потому менѣе поводовъ къ озлобленію, чѣмъ это было впоследствии? Вѣдь и въ челобитныхъ къ царю Алексѣю Михайловичу теперь тонъ былъ другой, чѣмъ онъ сталъ впоследствии.

А свобода была дѣйствительно довольно широкая: раскольники вступали въ пренія съ православными безъ всякаго стѣсненія, ихъ община собирала даже соборы для рѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ объ отношеніяхъ къ православной церкви. Въ «Житіи» Выгопустынскаго инока Корнилія рассказывается объ одномъ такомъ соборѣ, который былъ въ домѣ «нѣкоего господина, потаеннаго христіанина гонѣнія лютаго ради». Сошлись Спиридонъ Потемкинъ, Аввакумъ, протопопъ Даниилъ, игуменъ Досицей, священники Θεодосій, Исидоръ отъ церкви Космы и Даміана, Лазарь Романовско-Борисоглѣбскій, дьяконъ Θεодоръ, иноки Авраамій, Исаія и Корнилій, и разсуждали они о томъ, слѣдуетъ ли перекрещивать переходящихъ изъ православія въ расколъ. Вотъ это единственное дошедшее до насъ рѣшеніе бывавшихъ въ то время, вѣроятно, не одинъ разъ раскольническихъ соборовъ. «И разсуждали вси купно, яко невозможно его (т. е. никоніанское крещеніе) имѣти за истинное ради отступленія вѣры христіанскія и всѣхъ нарушенія законовъ Христовыхъ, но нынѣ намъ невозможно божественныхъ правилъ изыскати ради гоненія; но впредь хотящимъ по насъ спастися, желающимъ небеснаго царствія вкратцѣ речемъ отъ Благовѣстника: аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ спастися, аще и всѣхъ человекъ праведнѣйшіи будетъ. Инъде бо писаніе глаголетъ, яко еретическо крещеніе Духа Святаго не имать, а нынѣ бо Никонъ самъ еретикъ сотворися и прочихъ скверными сотвори и въ другаго Бога вѣровати научи, а истинну отложи и о всемъ въ крайнее поруганіе нивложи, Господа нашего Ісуса Христа инако нарече и со всѣмъ по пророчеству антихристу уподобися. Іеремія пророкъ глаголетъ, яко во всемъ уподобитися хочеть лъстецъ Сыну Божию:

левъ Христось, левъ і антихристь явися; Христось агнецъ явися, і антихристь агнецъ; и се пророчество исполнися; братіе, да будемъ подь опасеніемъ сея прелести». Такимъ образомъ рѣшеніе этого собора не доходитъ до крайняго радикализма, къ которому приходили уже въ это время нѣкоторые вожаки раскола, какъ Ефремъ Потемкинъ: Никонъ не называется антихристомъ, а только уподобляется ему. Признаніе совершившагося прихода антихриста заставило принять рѣшеніе перекрещивать православныхъ, но при этомъ, хотя смутно, но высказывается мысль, что въ виду стѣснительныхъ обстоятельствъ, можно и не перекрещивать православныхъ. Наконецъ фраза, находящаяся въ одномъ спискѣ (И. Публ. Библ. О. I. 401): «есть бо таковая правила, простолюдину повелѣвають крестити», даетъ намъ возможность видѣть уже теперь нѣкоторую подготовку начала теорій безпоповства⁴⁷⁾, хотя мы и знаемъ, что по первоначальному своему смыслу эта фраза никакого отношенія къ базпоповству не имѣетъ.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ раскольнической общины Аввакумъ принималъ самое энергичное участіе: онъ стоялъ теперь во главѣ ея, какъ одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и талантливыхъ борцовъ за правую старую вѣру, какъ популярный проповѣдникъ, вполне понятный народу по своему языку, необыкновенно образному и реальному. До его ссылки вожакомъ раскольническаго протеста былъ Нероновъ, но онъ ослабѣлъ, боясь быть подь клятвою вселенскихъ патріарховъ, и хотя раскольники и любили его, но авторитетъ его среди нихъ былъ уже подорванъ. Кромѣ Аввакума не было никого, кто бы могъ занять мѣсто Неронова, почему это время можетъ считаться самой горячей порой дѣятельности Аввакума, который, пользуясь большою свободой, дѣйствовалъ и словомъ, и писаніями. Послѣднихъ, должно быть, было не мало, но дошло до насъ далеко не все: такъ, въ «Росписи, что взято у Феофтиста чернца книгъ и писемъ»⁴⁸⁾ упоминаются между прочимъ слѣдующія неизвѣстныя намъ сочиненія Аввакума: подь № 15 — «Тетрадка, а въ ней писано на четырехъ листахъ отъ божественнаго писанія Собраніе протопопа Аввакума», подь № 60 — «протопопова къ великому

⁴⁷⁾ Житіемъ Корнилія мы пользовались по спискамъ Имп. Публ. Библ. Q. I, 401 и Q. I, 153. См. также Александра В. Опис. нѣк. раск. соч. ч. I, стр. 166—188.

⁴⁸⁾ Мат. I, стр. 323—339.

государю роспись — кто въ которые владыки годятца», и подъ №86—«Отписка протопопова Аввакума объ началу къ архимариту Никанору на Соловки».

Но мы можемъ предполагать, что литературная пропаганда Аввакума въ этотъ періодъ его жизни не ограничивалась только этими сочиненіями, что были и другія его сочиненія, о которыхъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Такъ можно догадываться по слѣдующему изложенію Аввакумовыхъ сочиненій, составленному для собора 1666 г.: «послѣ свободы писалъ онъ, Аввакумъ, о Символѣ и о сложеніи перстовъ въ крестномъ воображеніи, и о поклонахъ и о прочемъ, что въ новоисправленныхъ печатныхъ книгахъ напечатано неправо. Да онъ же въ своихъ писмахъ писалъ, что на Москвѣ во многихъ церквахъ Божіихъ поютъ пѣсни, а не божественное пѣніе по латыни, и законы и уставы у нихъ латынскіе, руками машутъ и главами киваютъ и ногами топчютъ, какъ-де обыкло у латынниковъ ко органомъ. И на книжнаго печатнаго двора справщиковъ и на священниковъ московскихъ церквей написалъ, что они пожираютъ стадо Христово злымъ ученіемъ и образы нелѣпо носятъ отступническіе, а не природные наши словенскаго языка, и они же не церковные чада, діаволя, родилися ново отъ никонова ученія, понеже не вѣруютъ во Христа вочеловѣчшася и еще же исповѣдаютъ и не воскресша и царя несовершенна на небѣси со Отцемъ быти, и Духа Святаго не истинна глаголютъ быти; ихъ же отщепенцами и униатами называетъ, что они ходятъ въ рогахъ вмѣсто обыкновенныхъ словенскихъ скуфей, и причащаются святыхъ таинъ православнымъ христіанамъ у тѣхъ священниковъ, которые по новоисправленнымъ служебникамъ Божественные литургіи служатъ, не велитъ»⁴⁹⁾. Въ этомъ изложеніи, очевидно, есть подлинныя выраженія Аввакума, не встрѣчающіяся намъ однако въ извѣстныхъ намъ его сочиненіяхъ этого времени. Извѣстіе Θεоктистовой «Росписи» о письмѣ Аввакума къ архимандриту Никанору очень важно, такъ какъ даетъ возможность видѣть нѣкоторую связь между пропагандой Аввакума и Соловецкими смутами, въ которыхъ Никаноръ игралъ такую выдающуюся роль.

Однако духовная и свѣтская власть, на представителей которой хотѣлъ воздѣйствовать Аввакумъ, оставалась глуха къ его

⁴⁹⁾ Мат. II, стр. 7—8, см. также стр. 81—82.

проповѣди, а потому онъ, «помолчавъ съ полгода» (какъ онъ выражается въ «Житіи»), «паки заворчалъ», снова рѣшилъ обратиться къ царю съ челобитной. По всей вѣроятности, эта челобитная и есть та недошедшая до насъ «роспись, кто въ которые владыки годятца», кофоя упоминается въ бумагахъ Θεоктиста, которую самъ Аввакумъ называетъ «моленейцемъ къ великому государю о духовныхъ властѣхъ, иже нужно снискать»⁵⁰⁾, а Нероновъ—«моленейцемъ о Сергіѣ Салтыковѣ и о Никонорѣ и о иныхъ по жребію святительскаго чина»⁵¹⁾. Судя по тому, что Аввакумъ рѣшился ходатайствовать за другихъ, указывать государю кандидатовъ на епископскія каѳедры, можно заключать, что его авторитетъ въ это время былъ значительный, что онъ чувствовалъ за собой нѣкоторую силу, если рѣшался выступить съ такими указаніями. Кромѣ того мы знаемъ, что эта челобитная не ограничивалась одними подобными указаніями, а касалась вообще церковныхъ дѣлъ, и о нихъ то именно и «ворчалъ» протопопъ. Самъ онъ говоритъ, что «написалъ царю многокн-таки, чтобы онъ старое благочестіе взыскалъ и мати нашу общую святую церковь отъ ересей оборонилъ и на престоль патриаршескій пастыря православнаго учинилъ вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя и еретика»⁵²⁾. Должно быть, къ этой же челобитной примыкають тѣ выписки, сдѣланныя Аввакумомъ изъ Священнаго Писанія, «Бесѣдъ» Златоуста, сочиненій Ефрема Сирина, Цвѣтника и др., которыя были отобраны у Благовѣщенскаго сторожа Андрея Самойлова. Въ этихъ выпискахъ восхваляется святая простота, противопологаемая суетной мудрости внѣшней, такъ какъ «вѣра потребе ко спасенію и ко прѣнію противящихся, а не риторики и грамматйки, и прочихъ добродѣтелей христіанскихъ отъ чиста сердца, а не филосовскаго киченія», а нынѣшніе философы (подъ которыми, вѣроятно, подразумеваются греки и малороссы, исправители книгъ) называются «песьями сынами». Приводится въ выпискахъ рядъ примѣровъ, какъ люди неученые, каковы Юліанъ, Спиридоній Тримиунтскій и нѣкій старецъ, благодаря своему смиреномудрію и стойкости въ вѣрѣ, побѣждали ученыхъ риторовъ и философовъ.

⁵⁰⁾ Мат. V, стр. 136.

⁵¹⁾ Мат. I, стр. 198.

⁵²⁾ Мат. V, стр. 66.

Кромѣ того есть замѣчанія о нѣкоторыхъ обрядовыхъ вопросахъ, напр. объ одеждахъ духовныхъ лицъ. Въ концѣ второй выписки мы находимъ такое обращеніе: «И мы, Михайловичъ, станемъ поучатися, какъ намъ умерети, и умъ вперимъ къ Богу всегда, да полезнѣе намъ будетъ тамо, егда обрящемся со Христомъ, нежели съ риторикою славы ища, быти кромѣ Христа, молю Бога ввечерь и утро и полудни, еже бы тебѣ не желати риторики кичения ради, но искати распятаго Христа»⁵³). Это обращеніе «Михайловичъ», которое встрѣчается впоследствии въ посланіи Аввакума къ царю изъ Пустозерска, даетъ основаніе предполагать, что выписки именно предназначались для царя Алексѣя Михайловича и послужили матеріаломъ для не дошедшей до насъ челобитной.

Эту челобитную Аввакумъ не могъ самъ подать по нездоровью, а послалъ ее съ Ѳедоромъ юродивымъ. «Онъ, рассказываетъ Аввакумъ, съ письмомъ приступилъ къ царевѣ каретѣ съ дерзновеніемъ: и царь велѣлъ его посадить и съ писмомъ подъ Красное Крыльцо,—не вѣдалъ, что мое; а опослѣ, взявше у него письмо, велѣлъ его отпустить. И онъ, покойникъ, бывавъ у меня, паки въ церковь предъ царя пришедъ, учалъ юродствомъ шаловать: царь же, осердясь, велѣлъ въ Чудовъ монастырь отослать. Тамъ Павелъ архимаритъ и желѣза на него наложилъ: и Божіею волею желѣзы разсыпалися на ногахъ предъ людьми. Онъ-же покойникъ-свѣтъ, въ хлѣбнѣ той послѣ хлѣбовъ въ жаркую печь влѣзъ, и голымъ г...мъ сѣлъ на подъ и, крошки въ печи подбираючи, ястъ. Такъ черницы ужаснулись и архимариту сказали, что нынѣ Павелъ митрополитъ. Онъ же и царю возвѣстилъ, и царь, пришедъ въ монастырь, честно его велѣлъ отпустить».

Эта челобитная вызвала неудовольствіе царя Алексѣя Михайловича. «Не любо имъ стало, говорить Аввакумъ, какъ опять я сталъ говорить. Любо имъ, какъ молчу, да мнѣ такъ не сошлось». А между тѣмъ высшія духовныя власти, видя сильный успѣхъ пропаганды Аввакума, рѣшили принять мѣры противъ него, или, какъ онъ выражается, «яко козлы пырскають стали» на него, просили государя о его высылкѣ, такъ какъ онъ «церкви запустошилъ». Однимъ изъ многихъ поводовъ для при-

⁵³) Мат. I, стр. 484—499.

мнѣнія къ Аввакуму этого новаго наказанія было его участіе въ пасквильныхъ слухахъ, распространявшихся о греческомъ архимандритѣ Діонисіи, который училъ арх. рязанскаго Иларіона греческому языку, а также будто бы «и нравомъ, вѣщія мудрствующимъ». Вотъ какъ рассказываетъ Аввакумъ объ этомъ дѣлѣ: «Болѣзнуя же, рекохъ владыкѣ сему, древнія ради любви съ нимъ: Владыко святыи, у заворна челоуѣка учишся! Понеже слышалъ отъ достовѣрныхъ свидѣтелей, что Софѣинской попу Иродіонъ извѣщалъ на него вамъ, святителямъ, что онъ архимаритъ нѣкоего подьяка.... И тѣ вины дѣтищъ написаны даль ему, попу Иродіону; а онъ попу Иродіонъ, то письмо вятцкому епископу Александру казалъ, да и Питириму митрополиту не извѣстно ли. Мала ли бѣда... сія скверна во святыхъ содѣяна? Какъ выѣдетъ онъ, архимаритъ, въ свою землю, скажетъ... У нихъ то, грековъ, не диковина. И безчестіе сіе и вѣчный позоръ не точію вамъ архіереомъ, но и всему государству будетъ. А только до сего времени и служите въ той церкви безъ освященія: блюдитесь и отъ Бога казни. Не добра похвала—такой воръ и ругатель великія Россіи святителя учить! И архіепископъ Иларіонъ въ то время кручиненъ былъ. И я ему говорилъ: «Владыко святыи, по пирушкамъ ходя, попу Иродіонъ, со своею братією смѣяся говоритъ тѣ слова.» Попъ Иродіонъ, по словамъ Аввакума, очень многимъ рассказывалъ эту сплетню, между прочимъ Галицкому протопопу Михаилу, діакону Ѳедору⁵⁴⁾. Весьма возможно, что Аввакумъ, узнавъ этотъ рассказъ, не ограничился однимъ сообщеніемъ его арх. Иларіону, а тоже содѣйствовалъ его распространенію, чѣмъ, конечно, и долженъ былъ еще болѣе возстановить противъ себя высшую духовную власть. Бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ объявилъ Аввакуму царскій указъ о его ссылкѣ въ Пустозерскъ⁵⁵⁾.

Аввакумъ попробовалъ оправдаться и подалъ царю новую челобитную (по изданію г. Субботина вторую). Рассказывая о приведенныхъ сплетняхъ попа Иродіона, Аввакумъ защищаетъ и этого послѣдняго, говоря что онъ не могъ молчать о такомъ важномъ дѣлѣ и не донести архіереямъ и государю. «Дѣло то соборное и исправить вѣло нужно. И аще архіерей исправитъ

⁵⁴⁾ Мат. V, стр. 137—139.

⁵⁵⁾ Мат. V, стр. 67.

не радятъ, поне ты, христоклюбивый государь, ту церковь отъ таковыя скверны потчися очистить, да въ державѣ царствія твоего въ вѣрныхъ людехъ соблазнъ потребится да и отъ Бога милости сподобишься». По другому списку этой челобитной, писанному на обратной ея сторонѣ почеркомъ, имѣющимъ сходство съ почеркомъ Александра, еп. Вятскаго, есть значительное добавленіе: «Да возмется отъ среды содѣявый сіе и мерзость сія да не будетъ виновна пагубѣ всѣмъ. Нѣсть се похвала въ державѣ царствія твоего отъ странныхъ сихъ и мянущихся учителей таковой стужь и скверна и неудобно слышаніе, въ Христово стадо, вѣрныя люди, вносимо. Ковлища убо суть учителя сіи; отгоняти сихъ подобаетъ отъ овецъ Христова стада, да не выкинуть и овцы Христова стада правомъ ихъ и обще привлекутъ Божій праведный гнѣвъ»⁵⁶⁾. Однако оправдаться Аввакуму не удалось, и 29 августа 1664 г.⁵⁷⁾ онъ былъ съ семьей отправленъ въ ссылку. Нѣкоторые доброжелатели Аввакума (какъ напр. Благовѣщенскій сторожъ Андрей Самойловъ) провожали его, а другіе надавали ему «кое-чего», но все осталось въ Москвѣ.

Эта новая ссылка была очень тяжела для Аввакума, была сопряжена со всякими лишеніями. «Съ великою нужею доволочся до Холмогоръ, писалъ онъ царю, а въ Пустозерской острогъ до Христова Рождества невозможно стало ѣхать, потому что путь нужной, на оленяхъ ѣздить. И смущаюся, грѣшникъ, чтобы ребяташки на пути не примерли съ нужи». Въ такомъ положеніи Аввакумъ послалъ царю челобитную, которую подаль 21 ноября 1664 г. Киприанъ кородивый. Эта коротенькая челобитная хорошо рисуетъ намъ психическое состояніе Аввакума, дошедшаго почти до отчаянія и готоваго признать себя виноватымъ. Аввакумъ сознается, что «прогнѣваль» государя своимъ «неудержаніемъ», но говоритъ, что нѣкоторыя обвиненія противъ него несправедливы. Онъ проситъ государя позволить ему остаться въ Холмогорахъ, или какъ твоя государева воля: позоумо что безотвѣтенъ предъ царскимъ твоимъ величествомъ. Свѣтъ-государь православной царь! Умилися къ странству моему, помилуй изнемогаго въ напастѣхъ и всячески уже сокрушенна: болѣзнь бо чадъ моихъ на всякъ часъ слезъ душу мою исполняетъ. И въ Даур-

⁵⁶⁾ Мат. V, стр. 136—140.

⁵⁷⁾ Мат. V, стр. 114.

своей странѣ у меня два сына отъ нужи умерли. Царь государь, смилуйся!⁵⁸⁾.

Ссылка Аввакума была очень чувствительнымъ ударомъ для общества раскольниковъ, и они начали усиленно хлопотать о его возвращеніи. Подавалъ за него челобитную Нероновъ. Онъ указывалъ на множество всякихъ невзгодъ, которыя претерпѣлъ Аввакумъ «изъ младенчества», говорилъ, что Аввакумъ не такъ сильно провинился, какъ объ этомъ донесли государю, наконецъ, умолялъ государя возвратитъ Аввакума изъ того изгнанія «и быти ему со мною въ пустыни (Игнатіевой на Сарѣ), да обще неравлично пребудемъ, плачася грѣховъ своихъ, а не вели, государь, въ томъ пустомъ мѣстѣ во изгнаніи ему и съ челядью конецъ пріяти, и чтобы маленькимъ ево сироткамъ въ зимнее время на нужномъ пути до Пуста-озера отъ студени безгодною смертію не померѣть»⁵⁹⁾. Изъ письма игумена Теокиста къ боярыню Морозовой видно, что Нероновъ подалъ двѣ челобитныхъ, одну дьяку приказа тайныхъ дѣлъ, а другую государю, и, что особенно важно, Теокистъ упоминаетъ, что эти челобитныя поданы были по желанію самого государя⁶⁰⁾. Однако изъ ссылки Аввакумъ пока не былъ возвращенъ. Такъ же безуспѣшна, какъ эти челобитныя, была попытка дьякона Федора: онъ «подавалъ духовнику челобитную объ Аввакумѣ о свободѣ, и онъ въ глаза бросилъ съ яростію великою»⁶¹⁾. Хотя добиться возвращенія Аввакума въ Москву раскольникамъ и не удалось, но и до Пустозерска онъ не доѣхалъ и болѣе года пробылъ на Мезени, такъ что, можетъ быть, эта задержка была послѣдствіемъ ходатайствъ его московскихъ друзей. И въ этой ссылкѣ Аввакумъ не терялъ времени для своего дѣла: «по городамъ паки людей Божіихъ училъ, и ихъ пестрообразныхъ звѣрей обличалъ». Пропаганда была успѣшна, и на Мезени ревностной почитательницей Аввакума стала жена

⁵⁸⁾ Мат. I, стр. 198—201.

⁵⁹⁾ Мат. V, стр. 140—141.

⁶⁰⁾ Мат. I, стр. 314—315.

⁶¹⁾ Мат. I, стр. 398—399. Г. Субботинъ по поводу этого факта замѣчаетъ: «до такой степени измѣнились въ это время отношенія царскаго духовника Стефана Воиফатьева къ Аввакуму и его друзьямъ»; тутъ надо, однако, сказать, что въ полемическомъ увлеченіи г. Субботинъ допустилъ довольно грубую ошибку, такъ какъ царскимъ духовникомъ въ это время былъ уже не Стефанъ Воифатьевъ, а протопопъ Лукьянъ.

воеводы Алексѣя Цѣхановицкаго, полька, принявшая по убѣжденію Аввакума двуперстіе и другіе старыя обряды⁶²).

Сношенія съ Москвой постоянно поддерживались, и мы видимъ, что московскіе друзья, хоть и усиленно хлопотали о возвращеніи Аввакума, въ то же время и сердились на него; они высказывали ему неудовольствіе за то, что онъ своей чрезвѣрной ревностью повредилъ ихъ дѣлу, что ихъ теперь изъ-за него стали сильно стѣснять. Въ такомъ смыслѣ, вѣроятно, писалъ ему игумень Теокистъ: письмо Теокиста до насъ не дошло, но отвѣтъ Аввакума сохранился. Аввакумъ проситъ прощенія у Теокиста и другихъ раскольниковъ, которые укоряли его, что «имъ вредится истинна и лучше бы ему въ Даурѣхъ умереть, нежели быть на Москвѣ». Аввакумъ признаетъ, что «на Москвѣ гной расшевелилъ и еретиковъ раздражилъ» своимъ пріѣдомъ изъ Дауръ; но проситъ своихъ друзей не гнѣваться на него, «имущаго ревность Божию не по разуму», говоритъ, что пріѣхалъ въ Москву «не самозванъ», но по царскому призыву, что въ этомъ было Божіе изволеніе. Поэтому онъ говоритъ своимъ прицателямъ: «Не кручиньтесь на меня, Господа ради, что моего ради пріѣзда стражете. Аще Богъ по насъ, кто на ны?» Самого Теокиста Аввакумъ упрекаетъ въ недостаткѣ вѣры въ правоту своего дѣла и указываетъ на происходящую отсюда опасность поддаться никонианскому соблаву»: «Отче, что ты страшливъ? Слышишь ли, есть о насъ промышленникъ! Теокистъ, что ты опечалился? Аще не днесь, умремъ же всяко. Не малодушествуй: понеже наша брань нѣсть къ крови и плоти. А что на тебя дивить? Не видишь. Глаза у тебя хudy. Рече Господь: ходяй во тьмѣ, не вѣсть, камо грядеть. Не забреди, брате, съ слѣпыхъ тѣхъ къ Никону въ горкой Сіонъ! Не сдѣлай бѣды, да не погибнешь злѣ. Около Воскресенскова ровъ великъ и глубокъ выкопанъ, прознаменуя адъ: блюдиися да не ввалился и многихъ да не погубиши». Аввакумъ рѣшительно отказывается молчать, какъ его просятъ московскіе друзья: «аще бы намъ умолчать, то каменіе возопіють», а на ссылку онъ смотритъ, какъ на удобное средство пропаганды: «поѣхалъ я съ Москвы паки по городамъ и весемъ словесныя рыбы промышленять». Загѣмъ онъ проситъ Теокиста передать поклонъ какому-то Василию Рогожкѣ

⁶²) Мат. V, стр. 67, 108—110.

и прочей братіи, сообщаетъ, что у него жилъ около 4 недѣль сторожъ Андрей Самойловъ, и просить писать ему обо всемъ, что дѣлается, «какъ живутъ отщепенцы, новые уніаты», но не писать неодобренныхъ отзывовъ о Нероновѣ, котораго онъ продолжалъ, несмотря на его колебаніе въ вѣрѣ, любить, какъ своего духовнаго отца, благодѣтеля и наставника⁶³).

Мезенская ссылка продолжалась, какъ сказано, полтора года, и 1 марта 1666 года Аввакумъ былъ привезенъ для суда въ Москву; съ нимъ были два сына, Иванъ и Прокопій, а другія дѣти и жена остались въ Мезени. 9 марта онъ, скованный («на чѣпи»), былъ отданъ подъ начальъ въ Пафнутьевъ Боровскій монастырь, гдѣ и пробылъ до начала мая («десять недѣль»). Сюда для его увѣщанія были присланы ярославскій дьяконъ Козьма и подъячій патриаршаго двора, но первый изъ этихъ миссіонеровъ оказался очень ненадежнымъ: «Козма той, рассказываетъ Аввакумъ, не знаю коего духа человекъ: въ явѣ уговариваетъ, а втай подкрѣпляетъ меня, сице говоря: протопопъ! не отступай ты стараго того благочестія! великъ ты будешь у Христа человекъ, какъ до конца претерпишь! не гляди на насъ, что погибаемъ мы! И я ему говорилъ сопротивъ, чтобъ онъ паки приступилъ ко Христу. И онъ говоритъ: нельзя; Никонъ опуталъ меня!» Конечно, увѣщанія, особенно такого рода, не могли склонить Аввакума къ примиренію съ церковью и окончились тѣмъ, что онъ написалъ «сказку з бранью з большою»⁶⁴).

13-го мая привезли Аввакума въ Москву. Какъ онъ рассказываетъ, его везли чрезвычайно быстро: «девяносто верстъ днемъ однимъ перемчали: мало души не вытрясли, верхомъ на лошади, — падалъ уже съ лошади». Въ крестовой власти опять попробовали его убѣждать («стязались» съ нимъ), но напрасно, такъ какъ Аввакумъ не покорился и «злобу къ злобѣ прилагая, укори въ лице весь освященный соборъ, всѣхъ неправославными нарицая»⁶⁵); а затѣмъ отвели его и дьякона Ѳедора въ соборный храмъ и послѣ великаго входа ихъ разстригли, предали анаемѣ, на что Аввакумъ отвѣтилъ также проклятіемъ, такъ что «зѣло было мятежно въ обѣдню-ту». О своемъ разстриженіи Аввакумъ

⁶³) Мат. V, стр. 158—161.

⁶⁴) Мат. V, стр. 68—69.

⁶⁵) Мат. II, стр. 82.

вспоминаетъ со злобой и горечью: «И бороду враги Божіи отрѣзали у меня. Чему быть? Волки то есть, не жалѣютъ овецъ! оборвали, что собаки, одинъ хохоль оставили, что у поляка на лбу». По поводу этой духовной казни Аввакума были разные толки въ народѣ, многіе защищали протопопа, и даже во дворцѣ было «нестроение» у царя съ царицей, которая, вѣроятно, подъ вліяніемъ многихъ ревностныхъ ученицъ и покровительницъ Аввакума, горячо за него заступалась⁶⁶⁾.

Изъ соборной церкви отвезли Аввакума и Ѳедора на патриаршій дворъ, а оттуда 15-го мая въ Николо-Угрѣшскій монастырь: посадивъ на телеги, подъ конвоемъ вооруженныхъ стрѣльцовъ, ихъ отправили изъ Москвы, какъ только стало разсвѣтать, и везли не обычной прямой дорогой, а какъ передаетъ Ѳедоръ, «мимо Коломенскова, не вѣтъ куды, страннымъ путемъ, по берегу Москвы рѣки да по болотамъ, чтобъ никто не видалъ знакомой, куды посадятъ. На Угрѣшу привезли въ осмомъ часу. И какъ привезли къ монастырю насъ, и взяли отца Аввакума два стрелца подъ руки, и обвѣсивъ главу его япанчею и повели на монастырь сторонними вратами, что отъ роуци. И азъ, необычное зря, ужасомъ одержимъ, стахъ, помнѣхъ въ себѣ: въ пропасть глубокую хотятъ насъ сажать на смерть; начатъ прощатися съ женою и чады и со всѣми вами вѣрными. И отведше Аввакума, не вѣдалъ, камо его дѣша»⁶⁷⁾. Въ Угрѣшскомъ монастырѣ Аввакумъ былъ посаженъ въ отдѣльную башню и никуда изъ нея не выпускался. Посѣтителей къ нему не пускали, хотя желающіе его видѣть и приѣзжали въ монастырь, какъ напр. князь Иванъ Воротынскій, котораго Аввакумъ видѣлъ въ свое окно. Рассказываетъ Аввакумъ, будто и самъ царь, будучи въ монастырѣ, «походилъ» около его темницы и «постонавъ опять пошелъ изъ монастыря» (по Казан. списку): «и дорогу было приготовили, насыпали песку, да подумалъ, подумалъ, и не вошелъ». Несмотря, однако, на строгость надзора за Аввакумомъ, въ народѣ стали

⁶⁶⁾ Мат. V, стр. 69—71.

⁶⁷⁾ Мат. V, стр. 422. Въ Казанскомъ спискѣ «Житія» Аввакума добавлена любопытная подробность: съ патриархова двора Аввакума вывели къ «спальному крыльцу», а оттуда «въ тайнишныя водяныя ворота»; здѣсь дожидаясь протопопа дьякъ Дементій Башмаковъ, который сказалъ ему: «протопопъ, велѣлъ тебѣ государь сказать: не бойся ты никова, надѣйся на меня». Хр. Чт. 1888; II, стр. 688.

распространяться толки о его чудесныхъ видѣнiяхъ. Объ одномъ такомъ видѣнiи мы знаемъ изъ его посланiя, писаннаго къ царю Алексѣю Михайловичу уже изъ Пустозерска. «И о томъ стужахъ Божеству, пишеть Аввакумъ, да явить мнѣ, не туне ли мое бѣдное страданiе. И въ полунощи всеношное чтущу ми наизустъ Святое Евангелiе утреннее, подъ ледникомъ на соломякъ стоя, въ одной рубашкѣ и безъ пояса, въ день Вознесенiя Господня: и бысть въ дусѣ весь, и ста близъ мене по правую руку ангель мой хранитель, улыкаяся, и приклоняся ко мнѣ и миль ся дѣя. Мнѣ же чтущу святое Евангелiе нескоро, ко ангелу радость имущу: а се потомъ изъ облака Госпожа Богородица яви ми ся, потомъ и Христось съ силами многими и рече мнѣ: не бойся, Авъ есмь съ тобою! Мнѣ же къ тому прочету къ концу святое Евангелiе и рекшу: Слава тебѣ, Господи! и падшу на землю и лежащу на многъ часть»⁶⁸).

Какъ распространялись рассказы о подобныхъ чудесныхъ видѣнiяхъ, мы узнаемъ изъ дѣла о двухъ сыновьяхъ Аввакума, Иванѣ и Прокопiи, и племянникѣ его, Макарьѣ Козьминѣ, приходившихъ въ это время къ нему на свиданiе. Они были схвачены 7-го iюля и на другой день допрошены игуменомъ Угрѣшскаго монастыря, Викентiемъ: всѣ трое объявили себя племянниками Аввакума и показывали, что имъ даже неизвѣстно, въ Москвѣ-ли находятся дѣти Аввакума и бывали-ли они у своего отца. Иванъ Аввакумовъ говорилъ, называя Аввакума дядей: «и черницы татарки такоже не знаю, и я у него въ монастырѣ не бывалъ и его не видалъ и не знаю, потому что я съѣхалъ съ отцомъ своимъ въ Нижнiй маленець, и онъ нашъ дядя былъ въ то время въ ссылкѣ, а посылалъ меня нынѣ сперва про него провѣдывать отецъ мой, что онъ живъ-ли, а нынѣ мы всѣ зашли въ монастырь изъ лѣсу безъ отцова вѣдома, а въ лѣсъ ходимъ ради ягодъ, а писемъ я и словъ ни отъ кого къ нему не принашивалъ, такожь и отъ него никуды и съ нимъ не видался-жь никогда и нынѣ у него Аввакума не были». Къ этому показанiю другой сынъ Аввакума, Прокопiй добавилъ, что упомянутая выше неизвѣстная старица-татарка, вѣроятно, приходившая тоже къ Аввакуму, «живеть на Москвѣ, а въ монастырѣ или у кого во дворѣ, того де я не вѣдаю, только де прихаживала къ

⁶⁸) Мат. V, стр. 153—154.

батюшку на Москвѣ во дворъ по рѣдкѣ». Въ остальномъ показанія Прокопія и Макара вполне сходились съ показаніями Ивана Аввакумова.

Вторичный допросъ былъ произведенъ въ патриаршемъ приказѣ 9-го іюля Ильею Кузьмичемъ Безобразовымъ и дьякомъ Калитинымъ. На этотъ разъ Иванъ признался, что онъ сынъ Аввакума; Прокопій же еще называлъ себя племянникомъ. Они показали, что 7-го іюля приходили къ Николѣ Угрѣшскому молиться и провѣдать Аввакума; за часъ до вечера вошли въ монастырь безпрепятственно, такъ какъ ворота были открыты, побывали у всенощной, ночевали въ трапезѣ и послѣ обѣдни подходили къ окну темницы («подъ церковю въ палаткѣ»), гдѣ былъ заключенъ ихъ отецъ; но, боясь караульныхъ, ничего съ нимъ не говорили и не слышали отъ него ни о какомъ видѣніи. Въ это время увидѣлъ ихъ игуменъ Викентій, и когда они пришли въ трапезу, приказалъ ихъ взять и ствести на конюшенный дворъ подѣ караулъ; тамъ ихъ обыскивалъ стрѣлецкій полу-голова и ничего не нашелъ, а на другой день ихъ отправили въ Москву въ патриаршій разрядъ. Однако и это показаніе представляется не совсѣмъ вѣрнымъ, и тутъ же, немедленно послѣ допроса, Прокопій признался, что онъ сынъ Аввакума, и объяснилъ, что они приходили и спрашивали Аввакума о здоровьѣ, и онъ имъ отвѣтилъ: «живите не тужите», а о видѣніи и о чемъ либо другомъ не говорилъ. Подобная сбивчивость въ показаніяхъ даетъ возможность предполагать, что сыновья Аввакума далеко не во всемъ признались патриаршимъ слѣдователямъ, и если Аввакумъ могъ, совершенно незамѣченный стражей, сказать имъ нѣсколько словъ, то онъ же могъ и передавать имъ о своихъ видѣніяхъ. Затѣмъ можно думать, что такія сношенія бывали и раньше этого эпизода, — недаромъ же упоминается «татарка-черница», и не безъ основанія, вѣроятно, отпуская 20-го сентября дѣтей Аввакума на поруки, съ нихъ взяли обѣщаніе «ложныхъ сновъ отца своего Аввакума никому не рассказывать»⁶⁹).

Пока производилось это дѣло, было приказано 2-го сентября отослать Аввакума въ Боровскій Пафнутьевъ монастырь, игумену котораго, Пареенію, данъ былъ тогда же наказъ «посадить Аввакума въ тюрьму и беречь ево накрѣпко съ великимъ опа-

⁶⁹) Мат. т. I, стр. 359—370.

сеніемъ, чтобы онъ с тюрьмы не ушелъ и дурна никакова бѣ надъ собою не учинилъ, и чернилъ и бумагъ ему не давать и никого къ нему пускати не велѣтъ, а корму давать какъ и прочимъ колодникамъ». Отсылка тоже должна была совершиться «съ великимъ береженіемъ, чтобы онъ в дороги не ушелъ и дурна бѣ надъ собою не учинилъ». Распоряженія эти были исполнены 3-го сентября⁷⁰⁾. Въ Пафнутьевъ монастырь нѣсколько разъ пріѣзжали разные духовныя лица изъ Москвы для увѣщанія Аввакума: 12-го сентября былъ вдовый дьяконъ Василій Васильевъ изъ Пушкирей и привозилъ съ собою какія-то «выписки въ тетрадахъ отъ властей»; 4-го декабря пріѣхалъ игумень Пареній изъ Москвы и за что-то «морилъ Аввакума три дни и въ студеной тюрьмѣ держалъ его», и наконецъ, 30-го января пріѣзжалъ тотъ же дьяконъ Василій Васильевъ съ порученіемъ отъ митрополитовъ Павла Крутицкаго и Иларіона Рязанскаго, и «приходилъ къ нему пьянъ ночью, хотѣлъ извести его».

Эти извѣстія о притѣсненіяхъ Аввакума находятся въ запискѣ «О напастованіи и терпѣніи новыхъ страдалецъ», принадлежащей Аввакуму, а потому къ нимъ нельзя относиться съ безусловнымъ довѣріемъ; совсѣмъ также неясенъ въ нихъ мотивъ этихъ притѣсненій, а между тѣмъ «Житіе» даетъ намъ возможность предположить, что причиной строгостей были опять-таки сношенія Аввакума съ другими раскольниками и новые рассказы о его чудесахъ. Такъ, Аввакумъ рассказываетъ, что къ нему опять приходили его дѣти, а съ ними юродивый Оедоръ, бѣжавшій изъ Рязани, гдѣ находился подъ присмотромъ митрополита Иларіона. Оедоръ приходилъ спросить своего духовнаго отца, ходитъ ли ему по прежнему въ одной рубашкѣ, или надѣтъ платье, чтобы спастись отъ преслѣдованій. Аввакумъ разрѣшилъ ему надѣтъ платье. Изъ своихъ чудесъ, совершенныхъ за это время, Аввакумъ рассказываетъ о слѣдующемъ: келарь Пафнутьева монастыря Никодимъ, сперва расположенный къ Аввакуму, началъ его притѣснять и за то, что не выпустилъ протопопа изъ его темницы въ Свѣтлый праздникъ, подвергся Божиему гнѣву, такъ сильно разболѣлся, что уже ожидали его смерти. «И въ нощи противъ вторника прииде къ нему мужъ въ образѣ моемъ, съ кадиломъ, въ ризахъ свѣтлыхъ, и

⁷⁰⁾ Мат. т. I, стр. 371—374 и V, стр. 114.

покадиль его и, за руку взявъ, водвигнуть: и бысть здравъ». Послѣ такого чуда, какъ передаетъ Аввакумъ, Никодимъ пришелъ къ Аввакуму со своимъ келейникомъ, который къ этому разсказу добавилъ еще одну подробность: «я, батюшко-государь, тебя (т. е. Аввакума) подъ руку ис кельи вывелъ да поклонилъ тебѣ, ты и пошелъ сюды» (т. е. въ темницу). И Никодимъ, и келейникъ стали прозелитами Аввакума и, когда они разсказали за трапезою о чудѣ всей монастырской братіи, «людіе безстрашно и дерзновенно ко мнѣ побрели, говорить Аввакумъ, просяще благословенія и молитвы отъ меня, и я ихъ учу отъ писанія и пользую словомъ Божиимъ. Въ тѣ времена и врази кои были, и тѣ примирились тутъ». Изъ этого эпизода видно, что Аввакумъ и здѣсь не прекращалъ свою пропаганду, и немудрено, что на него не дѣйствовали никакія строгости, никакія увѣщанія, когда и тѣ, и другія парализовались сочувствіемъ къ узнику его новыхъ послѣдователей⁷¹⁾.

Черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ отправленія въ Боровскъ, 30-го апрѣля 1667 г. Аввакумъ скованный былъ привезенъ въ Москву, гдѣ онъ долженъ былъ подвергнуться суду собора, на которомъ присутствовали патриархи Макарій Антиохійскій и Паисій Александрійскій. 3-го и 11-го мая протопопа, по государеву указу, водили въ Чудовъ монастырь, гдѣ его увѣщали покориться церкви архимандритъ Іоакимъ и Спасскій архимандритъ Сергій изъ Ярославля. Вѣроятно, увѣщали его и другія лица, но ничто не помогало, и наконецъ 17 іюля⁷²⁾ Аввакумъ предсталъ на судъ вселенскихъ патриарховъ. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ судѣ: «Послѣднее слово ко мнѣ рекли: что-де ты упрямя? Вся-де наша Палестина, — и Сербы, и Албанасы, и Волохи, и Римляне, и Ляхи, — всѣ-де трема персты крестятся, одинъ-де ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестисся пятію персты! такъ не подобаетъ! И я имъ о Христѣ отвѣщаль сице: Вселенстіи учителіе! Римъ давно упалъ и лежитъ невсклонно, и ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ. А и у васъ православіе пестро стало отъ насилія турскаго Махмета, — да и ди-

⁷¹⁾ Мат. V, стр. 72—74, 114.

⁷²⁾ Мат. II, стр. 29; въ запискѣ Аввакума (Мат. V, стр. 115) невѣрно указано: 17 іюня.

вить на васъ нельзя: немощни есте стали. И впредь прїѣзжайте къ намъ учитца: у насъ, благодатію Божію, самодержество. До Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ царей и князей все было православіе чисто и непорочно, и церковь немятежна, Никонъ волкъ со діаволомъ предали трема персты креститца; а первые наши пастыри, якоже сами пятію персты крестились, такоже пятію персты и благословляли по преданію святыхъ отецъ: Мелетія Антиохійскаго и Феодорита Блаженнаго, епископа киринейскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека. Еще же и московскій помѣстный бывый соборъ при царѣ Иванѣ также слагая персты креститися и благословляти повелѣваетъ, якоже прежніи святіи отцы, Мелетіи и прочіи, научиша. Тогда при царѣ Иванѣ быша на соборѣ знаменосцы: Гурій и Варсонофій, казанскіе чудотворцы, и Филиппъ Соловецкій игумень, отъ святыхъ русскихъ. И патріархи задумалися; а наши, что волченки, вскоча, завыли и плевать стали на отцевъ своихъ, говоря: глупы-де были и несмыслени наши русскіе святые, не ученые-де люди были,—чему имъ вѣрять! Они-де грамоты не умѣли! О, Боже Святый! Како претерпѣ святыхъ своихъ толикая досажденія! Мнѣ бѣдному горе, а дѣлать нечево стало. Побранилъ ихъ колко могъ, и послѣднее слово реклъ: чистъ есмь азъ, и прахъ прилѣпшій отъ ногъ своихъ отрясаю предъ вами, по писанному: лучше единъ творяй волю Божію, нежели тмы беззаконныхъ! Такъ на меня и пущи закричали: возми, возми его!—всѣхъ обезчестилъ! Да толкать и бить меня стали; и патріархи сами на меня бросились: человекъ съ сорокъ, чаю, било,—велико антихристово войско собралось! Ухватилъ меня Иванъ Уаровъ, да и потащилъ. И я закричалъ: постой,—не бейте! Такъ они всѣ отскочили. И я толмачю-архимандриту говорить сталъ: говори патріархамъ: Апостоль Павелъ пипеть: *таково намъ подобаше архіерей, преподобенъ, незлобивъ*, и прочая; а вы, убивше человекъ, какъ литоргисать станете? Такъ они сѣли. А я отошелъ къ дверямъ; да на бокъ повалился: посидите вы, а я полежу,—говорю имъ. Такъ они смѣются: дуракъ-де протопопъ! и патріарховъ не почитаетъ! И я говорю: мы уроди Христа ради! вы славни, мы же безчестни! вы сильни, мы же немощни! Потомъ паки пришли ко мнѣ власти и про аллилуіа стали говорить со мною. И мнѣ Христосъ подалъ,—посрамилъ я въ нихъ римскую ту блядь Діонисіемъ Ареопагитомъ, какъ выше сего въ началѣ речено. И

Евдѣимей, чудовской келарь, молвилъ: правъ-де ты,—нечего-де намъ больши того говорить съ собою. Да и повели меня на чѣпъ⁷³⁾».

Въ общемъ этотъ разсказъ Аввакума, по нашему мнѣнію, близокъ къ истинѣ, хотя въ частностяхъ его, конечно, есть много неправдоподобнаго: Аввакумъ могъ отвѣчать такимъ образомъ, какъ излагаетъ, на увѣщанія собора, которыя въ его разсказѣ приводятся тоже въ такомъ видѣ, что не представляются искаженными; указаніе на повсемѣстность новоисправленныхъ обрядовъ, конечно, было сильнымъ аргументомъ въ глазахъ собора, тогда какъ на этотъ аргументъ Аввакуму вполне естественно было съ его точки зрѣнія отвѣтить теоріей третьяго Рима и заявленіемъ исключительной чистоты русскаго православія, которое должно быть образцомъ для всего Востока; Аввакуму могли также отвѣтить, что русскіе святители были неученые (хотя, конечно, не рѣшились бы сказать: «глупые»); на соборѣ могъ подняться сильнѣйшій шумъ, когда Аввакумъ сталъ отрясать прахъ отъ ногъ своихъ (точно такой же шумъ поднялся, на примѣръ, во время суда надъ патріархомъ Никономъ), хотя слова «возьми, возьми его» очень напоминаютъ извѣстныя: «распни, распни его»; сомнительно, наконецъ, чтобы всѣ архіереи до того забылись въ своей ярости, что бросились бы колотить Аввакума, и вполне карикатурной представляется картина лежанія на боку.

Соборъ предалъ Аввакума анаемѣ, и его приказано было отвезти на Воробьевы горы подъ крѣпкимъ карауломъ изъ 30 стрѣльцовъ; съ нимъ вмѣстѣ были отвезены инокъ Елифаній и романовскій попъ Лазарь. Но попытки склонить Аввакума къ покаянію всетаки повторялись: 26-го іюня съ этой цѣлью къ нему присылались отъ царя Нероновъ (принесшій окончательно покаяніе предъ вселенскими патріархами) и дьякъ конюшеннаго приказа, Тимошей Семеновъ. Черезъ 4 дня послѣ этого Аввакумъ былъ перевезенъ въ Андреевскій монастырь, а оттуда въ Саввину слободку и наконецъ въ Угрѣшскій монастырь. 4-го августа новая попытка увѣщанія: отъ царя пріѣзжалъ дьякъ приказа тайныхъ дѣлъ, Дементій Башмаковъ. На другой день присланы были архимандриты Владимірскаго Рождественскаго монастыря, Филаретъ, Новгородскаго Хутынскаго—Іосифъ и Ярославскаго Спасскаго—Сергій. Они предложили Аввакуму слѣдующіе вопросы: признаетъ

⁷³⁾ Мат. V, стр. 78—80.

ли онъ восточную церковь истинно святою и православною, а таинства и богослужебные чины, въ ней совершаемыя, — истинными; признаеть ли царя Алексѣя Михайловича, вселенскихъ патріарховъ, новопоставленнаго московскаго патріарха Іоасафа II и весь освященный соборъ — православными и пастырями и учителями всѣмъ христіанамъ; считаетъ ли онъ новоисправленные книги «святыми, честными и правыми», и что думаетъ о Символѣ вѣры, о трегубой аллилуіи, о троеруцномъ сложеніи руки для крестнаго знаменія, о четвероконечномъ крестѣ и о другихъ вновь исправленныхъ обрядахъ. На эти вопросныя пункты Аввакумъ подалъ слѣдующее письменное заявленіе: «Церковь православна, а догматы церковныя отъ Никона еретика бывшаго патріарха искажены новоизданными книгами — первымъ книгамъ, бывшимъ при пяти бывшихъ патріархахъ всеемъ противны, въ вечерни и въ заутрени и въ литургіи и во всей божественной службѣ не согласуются. А государь нашъ царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, православенъ, но токмо простою своею душею принялъ отъ Никона, мнимаго пастыря, внутренняго волка, книги, чая ихъ православны, не разсмотря плевелъ еретическихъ въ книгахъ, виѣшнихъ ради браней, понялъ тому вѣры, и впредь чаю по писанному: праведникъ аще падеть; не разбѣтсѣя, яко Господь подкрѣпляетъ руку его. А про патріарховъ слышалъ я отъ братій духовныхъ, что у нихъ въ три погруженія не крестятся, но обливаются по-римски, и крестовъ на себѣ не носятъ, и въ сложеніи персть знаменующихся, слагая три персты, Христово вочеловѣченіе отмецуютъ, и сіе есть все неправославно, но противно святѣй соборной и апостольской церкви. А я держу православіе бывшее и прежде Никона патріарха и книги держу письменныя и печатныя, изданныя отъ пяти патріарховъ: Іева и Ермогена, Филарета, Іоасафа и Іосіава московскихъ всея Русіи, и выше ихъ отъ митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ московскихъ и всея Русіи, и хочу соборомъ бывшимъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ правъ быти, на немже былъ и Гурій нашъ казанскій чудотворецъ, съ сими книгами живу и умираю»⁷⁴⁾. Въ этомъ заявленіи Аввакумъ уже колеблется дать утвердительный отвѣтъ о православіи патріарховъ, на которыхъ онъ возлагалъ раньше такія крѣпкія надежды, какъ это видно изъ

⁷⁴⁾ Мат. II, стр. 21—23.

разобраннаго нами его посланія къ Плещееву. Замѣчательно, что онъ и теперь еще старается оправдать царя Алексѣя Михайловича, признавая его прельщеннымъ отъ Никона, но православнымъ: тутъ сказалась не одна боязнь передъ вопрошавшей властью, — отношенія Аввакума къ царю, какъ это видно изъ его послѣдующихъ сочиненій, долго оставались хорошими, согласными съ этимъ взглядомъ.

Несмотря на такое точное формулированіе Аввакумомъ своего отпаденія отъ церкви, духовная власть, а въ особенности царь, не оставляли надежды возвратить его на путь истины: 8-го августа ночью прѣзжалъ уговаривать Аввакума Дементій Башмаковъ, 10-го августа — Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и какой-то «архимарить», и въ тотъ же день Аввакумъ былъ взятъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ его увѣщевали митрополитъ Павелъ Крутицкій и архіеп. Иларіонъ Рязанскій; на другой день прѣзжалъ къ Аввакуму Чудовскій архимандритъ Іоакимъ. Мягкій и добрый царь Алексѣй Михайловичъ, всегда благоволившій къ Аввакуму, пробовалъ склонить Аввакума ласкою, просилъ у него благословенія черезъ стрѣлцаго голову Юрія Лутохина, прѣзжавшаго увѣщевать Аввакума 22-го августа. Башмаковъ и Матвѣевъ, приходившіе раньше, «говорили царевымъ глаголомъ: протопопъ, вѣдаю де твое чистое и непорочное и богоподражательное житіе, прошу де твоего благословенія и съ царицею и съ чады, — помолися о насъ! Кланяючись посланникъ говорить. И я по немъ всегда плачю; жаль мнѣ сильно его. И паки онъ же: пожалуй де послушай меня, соединишь со вселенскими тѣми хотя небольшимъ тѣмъ! И я говорю: аще и умрети ми Богъ изволить, со отступниками не соединюсь! Ты реку мой царь, а имъ до меня какое дѣло. Своего, реку, царя потеряли, да и тебя проглотить сюда приволоклися! Я, реку, не сведу рукъ съ высоты небесныя, дондеже Богъ тебя отдастъ мнѣ». Въ этотъ же день былъ у Аввакума вторично А. С. Матвѣевъ, а черезъ 2 дня онъ же прѣзжалъ съ Симономъ Полоцкимъ, и «зѣло было стязаніе много: разошлись яко пьяни, не могъ и поѣсть послѣ крику. Старецъ мнѣ говорилъ: острога, острога тѣлеснаго ума! да лихо упрямство; а се не умѣетъ науки! И я въ то время плюнулъ, глаголя: сердить я есмь на дьявола воюющаго въ васъ, понеже со дьяволомъ исповѣдуеши едину вѣру и глаголеши, яко Христосъ царьствуетъ не совершенно, равно со дьяволомъ и еллина исповѣдуеши во своей вѣрѣ. И Ар-

темонъ, говоря много, учнегъ грозить смертію. И я говорилъ: смерть мужу покой есть, и смерть грѣхомъ опона; не грози мнѣ смертію; не боюся тѣлесныя смерти, но развѣ грѣховныя. И паки подпадетъ лестію. И пошедь спросилъ: что, старъ, сказать государю? И я ему: скажи ему миръ и спасеніе и тѣлесное здравіе. А въ 22-й день одинъ былъ, такъ говорилъ мягче отъ царя, со слезами, а иное приграживалъ. И я въ тѣ поры смѣюся. И много того было: много и Богъ посрамилъ отъ нашей худости: да что съ ними дѣлаешь? А пошелъ Артемонъ одинъ, кланяется низенко и прощается умилно въ правду. Аввакумъ же говорилъ: ты ищешь въ словопреніи высокія науки, а я прошу у Христа моего поклонами и слезами: и мнѣ кое общеніе, яко свѣту со тмою или Христу съ веліаромъ? И ему стѣдно стало, и противъ того всквозь зубовъ молвилъ: намъ де съ тобою не сообщно!»⁷⁵⁾ Весьма понятно, что ни Симеонъ Полоцкій, ни А. С. Матвѣевъ не могли столкнуться съ Аввакумомъ: это были люди новаго направленія, для которыхъ особенно важное значеніе имѣли доводы «науки», а этихъ доводовъ, несмотря на всю «остроту тѣлеснаго ума», не могъ понять Аввакумъ, твердо стоявшій на почвѣ вѣковыхъ, традиціонныхъ предразсудковъ.

Ни угрозы, ни угрозы—ничего не могли подѣлать съ упрямымъ протопопомъ⁷⁶⁾ и, наконецъ, власть рѣшились отослать его въ Пустозерскъ. вмѣстѣ съ нимъ сосланы были романовскій поппъ Лазарь, дьяконъ Феодоръ и инокъ Епифаній, которымъ предварительно отрѣзали языки.

⁷⁵⁾ Мат. V, стр. 81, 118.

⁷⁶⁾ Упорство Аввакума и другихъ расколоучителей, вѣроятно, возбуждало во многихъ сочувственное къ нимъ отношеніе; такъ можно заключать по тѣмъ легендамъ, которыя распространились объ осудившемъ ихъ соборѣ. Одну изъ подобныхъ легендъ передаетъ дьяконъ Феодоръ въ посланіи къ своему сыну Максиму: какой-то воинъ, стоявшій на стражѣ въ Кремлѣ, видѣлъ «на воздухѣ сѣдша сатану», окруженнаго русскими архіереями и «грекотурскими патриархами», вмѣстѣ съ ними были Артамонъ Матвѣевъ и бояре, и всѣ они «утверждали Никонову предель»; за рассказы объ этомъ видѣніи воинъ былъ сосланъ «безъ вѣсти» (Мат. VI, стр. 240, 314).

ГЛАВА V.

Первое время Пустоверской жизни.—Отвѣты діакона Ѳедора и Аввакума на вопросы нѣкоего Іоанна.—Посланія Аввакума къ инокиѣ Мелани, священнику Стефану и другимъ лицамъ.—Посланіе Аввакума къ царю Алексію Михайловичу.—Казни въ Пустоверскѣ и на Мезени.—Письмо Аввакума на Мезень къ женѣ и дѣтямъ.

Московскій соборъ 1666—1667 гг., предавшій анаѳемѣ всѣхъ защитниковъ «древняго благочестія», и послѣдовавшія за нимъ репрессивныя мѣры свѣтскаго правительства порвали всякую связь раскольниковъ съ православною церковью, отняли у нихъ послѣднюю надежду на возвращеніе «никоніанъ» на путь правой вѣры и отторгли отъ ихъ общины многихъ видныхъ ея представителей, которые, какъ напр. игумень Ѳеокистъ, Нероновъ, Никита Пустосвятъ и др., изъ страха быть подъ клятвою вселенскихъ патріарховъ и подвергнуться жестокимъ градскимъ казнямъ, принесли покаянiе и отреклись отъ своихъ взглядовъ, противныхъ церковнымъ постановленіямъ. Правда, ихъ отреченіе было въ большинствѣ случаевъ неискреннее, впоследствии нѣкоторые изъ нихъ снова возвратились къ своимъ старымъ мнѣніямъ, иногда даже такой возвратъ совершался немедленно послѣ отпаденія, какъ это случилось съ діакономъ Ѳедоромъ, раздѣлившимъ участь Аввакума и его товарищей, но въ настоящее время главные московскіе вожаки раскола были отсѣчены отъ своей общины, и единственными ея авторитетными руководителями являлись страдальцы за старую вѣру, сосланные въ Пустозерскъ учителя. Своею твердостью въ вѣрѣ, своими страданіями они приобрѣли въ глазахъ своихъ послѣдователей еще большій автори-

теть, на нихъ стали смотрѣть, какъ на мучениковъ за святое дѣло, какъ на истинныхъ учителей православія. Такой взглядъ вполне опредѣленно высказанъ былъ боярыней Морозовой Михаилу Алексѣевичу Ртищеву, который какъ-то неодобрительно отозвался объ Аввакумѣ: «не тако, дядюшка, не тако, нѣсть правое твое слово: сладкое горькимъ называеши. Аввакумъ истинный ученикъ Христовъ, понеже страждетъ нынѣ отъ васъ за законъ Владыки своего, и сего ради хотящимъ Богу угодити долѣетъ учения его послушати ¹⁾».

Весьма естественно, что къ этимъ «мученикамъ» уже въ первое время ихъ пребыванія въ Пустозерскѣ раскольники начинаютъ обращаться за разрѣшеніемъ разныхъ трудныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ ихъ средѣ. Между такими затрудненіями одно изъ первыхъ мѣстъ по своему практическому значенію занималъ вопросъ о священствѣ, о томъ, гдѣ и какъ искать поповъ, такъ какъ, благодаря репрессивнымъ мѣрамъ правительства, раскольническая община чувствовала большой недостатокъ въ священнослужителяхъ, преданныхъ старой вѣрѣ. Этотъ-то вопросъ и былъ предложенъ на разрѣшеніе Пустозерскихъ учителей нѣкимъ Іоанномъ ²⁾ отъ лица жившихъ въ Москвѣ приверженцевъ старой вѣры. Отвѣтъ на это посланіе Іоанна вырабатывался расколоучителями коллективно, и этимъ обстоятельствомъ, полагаемъ мы, слѣдуетъ объяснять существованіе разныхъ редакцій этого отвѣта. Такихъ редакцій имѣется три, и всѣ онѣ изданы г. Субботинимъ въ V и VI томахъ его «Матеріаловъ».

Первая редакція (т. VI, стр. 60—79) издана по списку Хлудовской бібліотеки, № 260, гдѣ посланіе озаглавлено: «Списокъ съ епистолии великихъ отцевъ и страдальцевъ за святую соборную и апостольскую церковь, еяже должно всякому о Христѣ живущему прочитати и творити, и да угоденъ будетъ Богови, занеже нѣсть ничто лестно здѣ, но вся истинна имущимъ умъ отъ Господа истиннаго. Аминь». Варіанты приведены г. Субботинимъ по списку Казанской дух. академіи, носящему такое заглавіе: «Посланіе отъ заточенія страдальца священнодіакона Ѳеодора Мо-

¹⁾ Мат. т. VIII, стр. 161.

²⁾ Личность этого Іоанна намъ совершенно неизвѣстна, такъ какъ предположеніе автора статьи о дьяконѣ Ѳеодорѣ, помѣщенной въ Правосл. Собесѣдникѣ 1869 г. (ч. II, стр. 328), будто это былъ одинъ изъ братьевъ Плещеевыхъ, ни на чемъ не основано, какъ это указалъ г. Субботинъ (Мат. VI, стр. XVI).

сковскаго Благовѣщенскаго верховнаго краснаго крыльца о нуждахъ, належащихъ ко спасенію нашему». Эта редакція отвѣта принадлежить дьякону Ѳеодору, но была подкрѣплена согласіемъ Аввакума и чернеца Авраамія. Аввакумъ на подлинникѣ написалъ: «Сіе Аввакумъ протопопъ чель и сіе разумѣлъ истинно, къ тому и руку приписалъ. Сія до здѣ. Аминь».

Послѣ небольшого вступленія, въ которомъ говорится о необходимости твердо держаться отеческихъ преданій и не поддаваться скорби въ виду «належащихъ бѣдъ», Ѳеодоръ даетъ обстоятельное разрѣшеніе вопроса, можно ли безъ вреда для правой вѣры по нуждѣ обращаться за совершеніемъ таинствъ и разныхъ требъ церковныхъ къ никоніанскимъ попамъ, переходящимъ въ расколъ. По его мнѣнію, всѣ никоніанскіе попы раздѣляются на «студныхъ» и «мерзкихъ», въ параллель жрецамъ Ваала, истребленнымъ пророкомъ Ильей. «Студными» называются тѣ жрецы Ваала, которые имѣли законное священническое достоинство ранѣ отпаденія отъ вѣры царя Ахава, а въ примѣненіи къ никоніанамъ это названіе дается тѣмъ попамъ, которые поставлены прежними патріархами до Никона, а при Никонѣ приняли его новшества. Къ «мерзкимъ» Ѳеодоръ относитъ Валовыхъ жрецовъ, поставленныхъ, когда Ахавъ былъ уже идолопоклонникомъ, и въ параллель имъ, никоніанскихъ поповъ, получившихъ свой санъ при Никонѣ, послѣ мора и особенно послѣ собора 1666—1667 гг., «егда совершенно православіе все отинуша древняго преданія святыхъ Апостолъ и богоносныхъ отецъ, и оболгаша ихъ лживно и охулиша, нечестіе же всякое пріяша, и оправдаша и укрѣпиша и новоразверженныя и богомерзкія книги со многими неисчетными ересьми въ нихъ похвалиша, и всѣхъ еретикъ крещеніе римское и священство ихъ гнусное пріяша, ихже вси святіи отцы наши проклинаша и отъ святыя церкви отметаша, понеже Римъ всѣхъ ересей пріятелище, источникъ всякаго нечестія, латынское мудрованіе богомерзкое». Отъ поповъ первой категоріи, т. е. «студныхъ», можно принимать всякую святыню, крещеніе, исповѣданіе, причащеніе и пр., «ради непорочнаго на нихъ благословенія первыхъ святыхъ пастырей». Это дозволяется только по случаю крайней необходимости, такъ какъ «лучше тѣхъ нынѣ и невозможно обрѣсти праваго священства». Однако при приемѣ даже студныхъ поповъ, переходящихъ изъ никоніанства, надо поступать съ извѣстной осторожностью: если

они обращаются къ «истинной службѣ» безъ колебанія, исполнѣ искренно, безвозвратно, съ готовностью умереть за старое благочестіе, то съ ними разрѣшено сообщаться, такъ какъ и Христосъ простилъ апостола Петра, отъ него отрекшагося; но слѣдуетъ чуждаться такихъ поповъ, которые дѣйствуютъ двоедушно, «вертятся, яко прахъ вѣтромъ», для которыхъ безразлично по нѣскольку разъ переходить отъ однихъ къ другимъ. Что касается второй категоріи, т. е. поповъ «мерзкихъ», то они, какъ поставленные незаконными архіереями, «не священни суть, кононному суду подлежать и анаѳемѣ», отъ нихъ повелѣвается «православнымъ христіаномъ ни благословенія приимати, ни крещенія, ни молитвы, и въ церкви съ ними не молитися, ниже въ домѣхъ». Они «самовластно отѣблились отъ церковнаго исполненія» и представляютъ собою «часть антихристова войска».

А время антихристово близко: «лжеучителей настоящаго вѣка» Ѳеодоръ уподобляетъ апокалипсическимъ «конямъ сатанинымъ», такъ какъ «главы у нихъ лвоы, то есть рыканіе ихъ звѣрское являетъ, и обтичють бо сушу и море, ища вѣрнаго поглотити въ прелесть свою; и въ хвостахъ ихъ жало, то есть ученіе смертоносное, его же аще кто прииметь отъ нихъ, то живъ не будетъ во вѣки, умреть душею и тѣломъ; а хвостъ, то лествъ знаменуетъ ихъ: прежде бо лстятъ и обманывають, а потомъ же мучать не приѣмлющихъ въ хвостахъ ихъ жала пагубнаго, сиречь прелести ученія ихъ смертоноснаго». Мысль о близкомъ наступленіи антихристова царства Ѳеодоръ подкрѣпляетъ ссылками на Апокалипсисъ, «Слово» св. Ипполита, папы Римскаго, «книгу» Іакова Жидовина, «Книгу о вѣрѣ». Передъ пришествіемъ въ міръ антихриста должно быть повсемѣстное оскудѣніе вѣры православной, и въ недавнее время совершилось на Руси послѣднее отпаденіе отъ истины. «Иного отступленія не будетъ, и то отъ часа сего на горшее происходитъ будетъ цари нечестивыми: то суть рози антихристовы, — ими силно все дѣло отступническое, безъ тѣхъ же немощно».

Это упоминаніе о царяхъ нечестивыхъ весьма знаменательно, такъ какъ указываетъ на нѣкоторый поворотъ во взглядѣ расколуучителей на царя, котораго до сихъ они считали православнымъ: теперь они почти оставили на него надежду, онъ явился въ ихъ глазахъ споспѣшникомъ антихриста. Ѳеодоръ выражается далѣе еще болѣе опредѣленно: «Во время се ни царя, ни свящи-

теля. Единъ бысть православный царь на земли остался, да и того, не внимающаго себѣ, западніи еретицы, яко облацы темніи, угасили христіанское солнце и свели во тму многія прелести погрузили, да не возникнетъ на истинный свой первый свѣтъ правды. Увы, увы бысть!» Около того же времени среди бунтующей братіи Соловецкаго монастыря поднять бытъ вопросъ, слѣдуетъ ли молиться за царя?

Съ этого-то момента расколъ и получаетъ окраску соціального протеста, хотя основаніе протеста всегда остается чисто церковнымъ; правительство свѣтское признавалось нечестивымъ, отрекшимся отъ истинной вѣры, и вслѣдствіе этого для нѣкоторыхъ оно утрачивало свой авторитетъ; началась проповѣдь сопротивленія свѣтской власти и всему отъ нея исходящему (сопротивленія, по необходимости пассивнаго, но могущаго при благоприятныхъ обстоятельствахъ стать и активнымъ); эта проповѣдь усиливалась по мѣрѣ того, какъ возрасталъ наплывъ западныхъ новшествъ и параллельно съ усиленіемъ правительственной репрессіи; однако при всемъ этомъ не слѣдуетъ забывать (а въ этомъ и была коренная ошибка теоріи Щапова), что соціальный протестъ направлялся не противъ правительства, какъ такового, а исключительно только противъ правительства, признаннаго нечестивымъ; точно также и національный элементъ, какъ мы имѣли случай указывать, играя выдающуюся роль въ возникновеніи и развитіи раскола, тѣмъ не менѣе подчинялся въ глазахъ расколуучителей чисто религиознымъ побужденіямъ охраны старой, *правой* вѣры, каковою въ силу прежнихъ традицій признавалась только русская вѣра, сохранившая въ неприкосновенности ученіе и обряды вселенской Церкви.

Признавъ православныхъ еретиками, худшими всѣхъ древнихъ еретиковъ и подготовляющими пришествіе антихристово, Ѳеодоръ объявляетъ, что проклятіе, произнесенное Московскимъ соборомъ противъ приверженцевъ старины, не имѣетъ никакого значенія, какъ еретическое. Въ доказательство ереси своихъ противниковъ Ѳеодоръ приводитъ много фактовъ ихъ церковнаго нестроенія: говорить, что книжное исправленіе никоніанское постоянно подвергается всякимъ измѣненіямъ (какъ мы видѣли, на это указывалъ уже Спиридонъ Потемкинъ), а потому и представляется ложнымъ; утверждаетъ, что никоніане поставляютъ на священническія и діаконскія мѣста слишкомъ молодыхъ людей, почти мальчиковъ; рассказываетъ о новгородскомъ пощѣ Сысоѣ, назвавшемъ будто

бы Иисуса Христа «воромъ», обвиняетъ вообще православныхъ іерарховъ въ разныхъ хулахъ противъ Спасителя и т. д.

Вторая редакція посланія Іоанну (Мат. VI, стр. 310—312), принадлежащая тоже Ѳедору, есть простое сокращеніе изложенной первой редакціи, а потому мы не будемъ на ней останавливаться, и обратимся къ третьей редакціи, которая, по нашему мнѣнію, даетъ возможность возстановить процессъ сочиненія расколоучителями отвѣта на посланіе Іоанна. Эта третья редакція, подъ заглавіемъ «Посланіе къ нѣкоему Іоанну», помѣщена г. Субботинымъ въ числѣ сочиненій Аввакума (т. V, стр. 224 — 230) и представляетъ въ значительной своей части почти буквальное сходство съ посланіемъ Ѳедора: со стр. 224 до 228 строки 5 оно соотвѣтствуетъ стр. 61 — 66 т. VI, на стр. 228 строки 5 — 19 соотвѣтствуютъ т. VI, стр. 72, стрк. 2—17, разсказа о попѣ Сысоѣ, обличенія никоніанскаго нестроенія нѣтъ, но за то конецъ посланія (стр. 228—230), содержащій толкованіе 13 главы Апокалипсиса о пришествіи антихриста въ примѣненіи къ Россіи, совсѣмъ иной, позволяющій видѣть другого автора. Дѣло книжнаго исправленія представляется тутъ слѣдующимъ образомъ: въ 1652 году былъ возведенъ на патріаршій престолъ Никонъ и тотчасъ началъ сообща съ царемъ «казити на Русіи христіанскую вѣру», сперва внесли «триперстную ересь», затѣмъ и «иныя безчисленныя воровскія умыслы творяху ко истребленію православныя вѣры». Такъ шло дѣло до «соборища» 1666 года, царь далъ всю волю Никону, который дѣлалъ, что хотѣлъ, а самъ царь притворялся, «будто и не ево дѣло». Потомъ и «соборище собра царь Алексѣй на подкрѣпленіе тоя бляди, въ лѣта та, яже Богословъ назнаменуеть: *число бо челоувчское, и число ею 666*». Пришелъ антихристъ, его печать—благословеніе именованное и троеперстіе, его рога—Никонъ и царь Алексѣй, который «пишеться въ книгахъ рожка круглики въ космахъ, яко у барашка, добродѣтель знаменуеть, льстя житіемъ, являясь добрымъ, бодый церковь рогами и уставы ея стирая». Царь былъ помощникомъ злу, и въ самыхъ именахъ патріарха и царя отыскивается символическій смыслъ: «единъ побѣдитель, Никита по алфавиту, или Никонъ, а другой пособитель, Алексѣй». «Еще ли не разумѣеши? спрашиваетъ авторъ, въ которомъ по стилю легко узнать Аввакума, — да слыши: азъ ти дебѣло възглаголю. Царь Алексѣй девять лѣтъ добро жилъ, въ постѣ, и въ жолитвѣ, и въ милости. А Никонъ егда на патріаршество вкрался, показуя чело-

вѣкомъ лукаву добродѣтель. Егда же любленье сотвориша, яко Пилать и Иродъ, тогда и Христа распяша: Никонъ побѣждать началъ, а Алексѣй пособлять испоттиха. Тако бысть исперва. Азъ самовидецъ сему. Ей, аминь».

Относительно принадлежности Аввакуму этой редакціи отвѣта на вопросы Іоанна высказано сомнѣніе проф. Н. И. Ивановскимъ. Почтенный знатокъ раскола говоритъ объ этомъ посланіи слѣдующее: «Оно представляетъ лишь сокращенную редакцію посланія Ѳедора. Имѣющее мѣсто буквально сходно съ посланіемъ Ѳедора. Да и Хлудовская рукопись (№ 257), съ которой издано посланіе въ ряду сочиненій Аввакума, озаглавляется такъ: Выписано изъ епистолии велихъ отцевъ страдальцевъ за истинную соборную и апостольскую церковь изъ пустозѣрской темницы. Значитъ, во-первыхъ, это только выписка изъ посланія, и во-вторыхъ, не Аввакумомъ именно составленнаго, а нѣсколькими; — въ полной редакціи упоминается прямо діаконъ Ѳедоръ, какъ его составитель. Наконецъ и слогъ посланія не Аввакумовъ»³⁾. Однако съ этимъ замѣчаніемъ мы не можемъ вполне согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) заглавіе сочиненія въ рукописи не всегда можетъ быть неоспоримымъ основаніемъ для опредѣленія автора, а 2) указаніе на слогъ тоже не совсѣмъ точно, такъ какъ въ концѣ посланія, отличающемъ его отъ Ѳедоровой редакціи, стиль вполне подходит къ Аввакумовскому по своей простонародности, энергіи и реализму; наконецъ, и сходство остальныхъ частей посланія съ Ѳедоровской редакціей только почти буквальное, и мѣстами видна переработка, выразившаяся въ перестановкѣ отдѣльныхъ частей посланія. Въ виду этого намъ кажется возможнымъ такое рѣшеніе этого вопроса: расколоучители работали надъ посланіемъ коллективно, послана была въ Москву редакція Ѳедора, одобренная Аввакумомъ и Аврааміемъ; въ посланіи же, приписываемомъ Аввакуму, находимъ остатокъ собственной его редакціи съ нѣкоторой передѣлкой отвѣта Ѳедора.

Какъ бы то ни было, во всѣхъ трехъ редакціяхъ отвѣты на главный вопросъ Іоанна по существу вполне между собой сходны: въ нихъ впервые развивается теорія «бѣглопоповства», она высказывается здѣсь довольно опредѣленно для современниковъ-

³⁾ Ивановскій. Критическій разборъ ученія безпоповцевъ о церкви и таинствахъ, стр. 58—59.

расколуучителей, хотя вопрос представляется совсѣмъ не рѣшеннымъ для будущихъ поколѣній раскольниковъ. Изъ этого посланія не видно, что нужно будетъ дѣлать, когда умрутъ попп дониконовскаго поставленія, принимать ли тогда бѣглыхъ поповъ, или же обходиться безъ священства? Этотъ вопросъ возникъ довольно скоро, и Аввакуму пришлось дать уже новое его рѣшеніе. Отвѣтъ на посланіе Іоанна писанъ, какъ предполагаетъ г. Субботинъ, не ранѣе 1668 или 1669 года и, о немъ упоминаетъ въ своемъ «Житіи» Аввакумъ, говоря: «еще же отъ меня и отъ братіи дьяконово снисканіе послано въ Москву правосѣрнымъ гостиницы,—книга: Отвѣтъ православнымъ и обличеніе на отступническую блудню. Писано въ ней правда о догматахъ церковныхъ»⁴⁾. Это указаніе Аввакума относится ко времени, предшествовавшему Пустозерскимъ казнямъ 1670 года, такъ что опредѣленіе г. Субботина можно дополнить въ томъ смыслѣ, что отвѣтъ Іоанну писанъ не позже 1669 года.

Въ слѣдующемъ году Аввакуму пришлось дать отвѣтъ на рядъ новыхъ вопросовъ, присланныхъ ему изъ Москвы (или, какъ онъ ее называетъ, «духовнаго Содома и Египта») отъ священника Стефана⁵⁾ и какого-то неизвѣстнаго лица. Дата посланія къ Стефану опредѣляется показаніемъ Аввакума: «единогласно пѣль лѣтъ зъ двадцать»; если принять во вниманіе, что Аввакумъ, слѣдующаго примѣру Неронова и Никона, могъ склониться къ единогласію и ранѣе соборнаго постановленія 1651 года, то можно установить, что посланіе къ Стефану писано въ 1670 г.; упоминаніе объ «отцахъ, рѣзанныхъ языкахъ» не противорѣчитъ этому, такъ какъ такой эпитетъ могъ быть данъ Пустозерской братіи и послѣ московскихъ казней. Изъ посланія къ Стефану мы узнаемъ, что въ средѣ московскихъ старообрядцевъ явились такіе люди, которые въ своемъ стремленіи защищать старину доходили даже до отрицанія

⁴⁾ Мат. V, стр. 82—83, VI, стр. XVII.

⁵⁾ По всей вѣроятности этотъ Стефанъ то же самое лицо, о которомъ Аввакумъ говоритъ въ посланіяхъ къ Исидору (Мат. VIII, стр. 101) и Сѣргію (Ibid., стр. 111). Тамъ Стефанъ упоминается вмѣстѣ съ «Козмою», и потому можно, кажется, предположить, что это были тѣ самыя лица, которыя во второй половинѣ 70-хъ годовъ XVII в. поселились въ Стародубь (О нихъ см. изслѣдованіе г. Лилеева. Изъ исторіи раскола на Вѣтевѣ и въ Стародубь, стр. 133—141). Совершенно ошибочно мнѣніе П. И. Мельникова, который полагалъ, что разбираемое посланіе писано къ Стефану Воиноватеву (Энцикл. Словарь, 1861 г.).

исправленій, произведенныхъ при патріархѣ Іосифѣ, и вслѣдствіе этого происходило не мало всяческихъ споровъ. Книги, исправленныя при Іосифѣ, сличались съ изданіями патріарховъ Филарета и Іоасафа I, и при этомъ находилось большое несходство, сильно смущавшее «многихъ духовныхъ людей». Подобнаго рода смущеніе Аввакумъ отвергаетъ категорическимъ, хотя и не подкрѣпленнымъ никакими доказательствами, заявленіемъ: «И мы въ нихъ несходства и ереси не разумѣемъ: книги добры іосифовы, я ихъ всѣхъ приѣмлю, и чествуя лобызаю». Отрицая Іосифовы книги, сомнѣвающіеся отвергали также и единогласіе, введенное при Іосифѣ. Противъ этого Аввакумъ возражаетъ, уже приводя нѣкоторыя доказательства, ссылаясь на постановленія Стоглаваго собора, на современные этому собору «нарѣчныя ирмосы старо-бытныя», которые онъ самъ видѣлъ, и на «Бесѣды апостольскія» Іоанна Златоуста; послѣдняя ссылка дѣлается очень неопредѣленно: «ищи ево нравоученіе в Бес. ап., по главамъ найдешь, и егда прочтешь, тогда и самъ себе постыдишися». Третьимъ вопросомъ, волновавшимъ старообрядческую общину, было сомнѣніе въ дозволенности поклоняться новописаннымъ иконамъ. Относительно этого, ссылаясь на Златоуста, Аввакумъ полагаетъ, что слѣдуетъ поклоняться иконамъ, писаннымъ, хотя бы и еретиками, но правильно, «по подобію»; «аще неправо и съ каракулками, сирѣчь с малаксинымъ благословеніемъ: и ты таковой не поклоняйся, но видя на подписи имя Ісусъ-Христово, не ругай ево, но воздохни пройди мимо, да вселится въ тя сила Христова». Наконецъ, мы узнаемъ изъ этого же посланія, что споры возникали и по вопросу о пришествіи антихриста, такъ какъ находились послѣдователи упомянутаго нами ученія о духовномъ приходѣ антихриста утверждавшіе, что пришествіе Ильи и Еноха и «измѣненіетвари», предсказанныя въ Апокалипсисѣ, слѣдуетъ понимать духовно, притчею. Такое «мудрованіе» Аввакумъ называетъ «враждою на Бога», въ доказательство его ложности ссылается на Ипполита и «многихъ богословцевъ», и предостерегаетъ почему-то свою паству отъ увлеченія «аріевою ересью». Заканчиваетъ Аввакумъ это наставленіе очень энергическимъ заявленіемъ, изъ котораго видно, какъ далеко заходили враждебныя отношенія спорившихъ сторонъ: «Затекаете во многомъ мудрованіи своемъ, и уже другъ друга гнушаетесь, и хлѣба не ядите другъ съ другомъ. Глупцы! отъ гордости, што черви капустныя, всѣ пропадете!»

Съ посланіемъ къ Стефану почти совпадаетъ по своему содержанию посланіе къ какому-то неизвѣстному лицу (Мат. V, стр. 217—223), и это обстоятельство даетъ право предполагать, что оба эти посланія писаны почти одновременно. Разница между этими посланіями только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ аргументаціи, которая во второмъ посланіи представляется иногда болѣе разработанной, чѣмъ въ первомъ, а также и въ количествѣ разрѣшенныхъ вопросовъ. Сомнѣніе относительно Іосифовскихъ книгъ разрѣшается Аввакумомъ такъ же категорически и такъ же бездоказательно, какъ и въ посланіи къ Стефану: «Держися книгъ филаретовыхъ и іосифовыхъ: тутъ правость и чистота неблазнена». Въ защиту единогласія снова находимъ ссылку на «Бесѣды апостольскія» Златоуста, на Стоглавый соборъ и на нарѣчные ирмосы, къ которымъ добавленъ «обиходъ», причемъ указано, что эти «писаны при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ». Ссылка на собственную практику въ защиту единогласія отличается тоже большею подробностью; Аввакумъ вспоминаетъ, какъ пѣли въ старыя времена, и не осуждаетъ знаменнаго пѣнія, при томъ условіи, чтобы «рѣчь была чиста, и права и непорочна» чтобы «не молить Бога сумѣсицею»; главную причину, склонявшую къ многогласію, онъ видитъ въ желаніи «ис церкви скорѣе выйти», и рассказываетъ, какъ пострадалъ при введеніи единогласія: «Меня и самово за то бивали и гоняли безумніи: Долго-де поешъ единогласно! Намъ-де дома недосугъ! Я имъ говорю: Пришелъ ты въ церковь молиться, отверзи отъ себя всяку печаль житейскую, нищи небесныхъ! О человѣче суетне! Невозможно окомъ единымъ глядѣть на землю, а другимъ на небо, такоже сластемъ и страстемъ работати. Такъ меня за тѣ словеса въ церкви бьютъ, да волочатъ, и иные и въ ривахъ не щадятъ. Богъ ихъ бѣдныхъ проститъ!» Что касается вопроса о поклоненіи иконамъ, хотя бы и старописаннымъ, но находящимся въ православномъ домѣ или въ православной церкви, то здѣсь онъ разрѣшается такъ же, какъ и въ посланіи къ Стефану, съ такимъ дополненіемъ, что поклоняться иконамъ «не подобаеть въ службу никоніанскую». Съ вопросомъ о поклоненіи иконамъ Аввакумъ связываетъ вопросъ о формѣ креста, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ употреблять крестъ четвероконечный, «Петровъ», и какое значеніе имѣеть крестъ «Христовъ», трисоставный, осьмиконечный. Эта статья гораздо подробнѣе развита въ позд-

нѣйшемъ сочиненіи Аввакума, въ «Книгѣ на крестоборную ересь», и потому мы будемъ говорить о ней при разсмотрѣніи этого сочиненія. Общимъ пунктомъ въ разбираемомъ посланіи и въ посланіи къ Стефану является также вопросъ о допустимости разныхъ споровъ въ старообрядческой средѣ; въ посланіи къ Стефану Аввакумъ возстаетъ противъ такихъ споровъ, такъ какъ они приводятъ нѣкоторыхъ къ излишнему мудрованію; здѣсь же отношеніе Аввакума къ спорамъ нѣсколько иное, онъ ихъ одобряетъ, говоритъ: «А что противятся другъ другу,— пускай такъ! Тако истинна и правда больши сыскивается!.. Грызитесь гораздо! Я о томъ не зазираю. Токмо праведнѣ и чистую совѣстію розыскивайте истинну!»

Таковы видоизмѣненія прежнихъ отвѣтовъ, находимыя въ разбираемомъ посланіи; изъ новыхъ же отвѣтовъ отмѣтимъ прежде всего правило о постѣ въ субботу и рядъ наставленій о томъ, какъ слѣдуетъ держать себя по отношенію къ православной церкви. Постъ въ субботу отвергается и признается дозволеннымъ только въ великую субботу или въ томъ случаѣ, если кто добровольно налагаетъ на себя сорокадневный постъ. Гораздо важнѣе наставленія второй группы. Тутъ Аввакумъ указываетъ для своихъ послѣдователей два пути, повидимому, не совсѣмъ одинаковые: съ одной стороны онъ отрицаетъ возможность общенія съ никоніанами, а съ другой—одобряетъ тайное послѣдованіе старой вѣрѣ. О тѣхъ людяхъ, которые «въ никоніанскіе храмы не ходятъ, и съ ними не соединяются, и не молятся», Аввакумъ отзывается, что они «добрѣ творятъ», такъ какъ «не подобаетъ благочестивому съ нечестивымъ соединяться»; если же кто неволей придетъ въ никоніанскую церковь, то онъ долженъ «творить во время ихъ пѣнія молитву Ісусову» и послѣ того просить у вѣрныхъ прощенія; тотъ же, кто причастился съ никоніанами, отлучается отъ общенія съ вѣрными на полгода, и такому же наказанію подвергается, «кто въ мученіи отвержется православныя вѣры, изнемогая»; подлежить покаянію даже и такой человекъ, который «перекрестится тремя персты, глумясь». Но, указавъ эти правила, Аввакумъ вспоминаетъ, что не всѣ одинаково могутъ «явно воинствовать Христу и послѣдовати по немъ», и такимъ слабымъ людямъ онъ находитъ извиненіе въ примѣрѣ тайнаго Христова ученика, Никодима. «Тако и вамъ нынѣ, говоритъ онъ, подобаетъ, належа-

щаго ради страха, аще плотски и соединяться съ никоніаны, но внутрь горѣніемъ горѣть о истинѣ Христовѣ, ея же ради отцы и братія наша стражють и умирають».

Въ Хлудовскомъ (№ 257) спискѣ этого посланія, а также въ спискѣ Казанской духовной академіи, № 1989, имѣется слѣдующая вставка, являющаяся очень важнымъ дополненіемъ къ разсмотрѣнному выше посланію къ нѣкому Іоанну: «А иже въ православныхъ церквахъ гдѣ пѣніе безъ примѣса внутрь олтаря и на крилосахъ (а пощъ новопоставленъ⁶⁾), о семь посудить. Аще онъ пощъ проклинаеть никоніанъ и службу ихъ, и всею крѣпостію любитъ старину: по нуждѣ настоящаго времени, да будетъ пощъ. Какъ же міру быть бес поповъ? Къ тѣмъ церквамъ приходить. Будетъ же пощъ и старой поставленъ, а блудить хотя мало нѣчто: бѣжать отъ него подобаетъ». Рѣшеніе вопроса о священствѣ, данное въ посланіи къ Іоанну, представляло, какъ мы говорили, то неудобство, что имѣло характеръ временный, могло дѣйствовать только, покуда оставались въ живыхъ священники дониконовскаго ставленія; теперь это затрудненіе устранялось допущеніемъ приѣма приходящихъ къ раскольникамъ новопоставленныхъ поповъ, а стало это возможнымъ, благодаря новому принципу, въ силу котораго законность священства опредѣлялась не рукоположеніемъ отъ православнаго епископа, но исключительно истиннымъ исповѣданіемъ вѣры.

Этотъ-то новый принципъ еще подробнѣе развивается въ посланіи Аввакума къ неизвѣстнымъ лицамъ, носящемъ заглавіе «Аввакума отца разсужденіе»⁷⁾. Въ этомъ посланіи на вопросъ, слѣдуетъ-ли вновь при переходѣ въ расколъ совершать крещеніе и вѣнчаніе надъ лицами, крещенными и вѣнчанными въ православной церкви, Аввакумъ отвѣчаетъ, что крещеніе не должно повторяться, если первоначально оно было совершено погруженіемъ съ отрицаніемъ отъ сатаны, но слѣдуетъ при этомъ «токмо молитвы, и октенъ, и символъ дѣйствовать снова, и масломъ пржесвященнымъ помазати, и водою святою покронить, и обведше по уставу кругъ купѣли, цѣловать святыя

⁶⁾ Отмѣченное скобками имѣется только въ казанскомъ спискѣ.

⁷⁾ Издано нами въ Хр. Чтеніи 1888 г. т. I, стр. 735—736; теперь перепечатывается въ приложеніи.

иконы, причастить святыхъ тайнъ»; относительно вѣнчанія говорится, что вѣнцовъ вновь возлагать не требуется, но «святіи молитвы пѣвше, кругомъ въ посолонь водити подобаеть». Разрѣшивъ этотъ вопросъ, Аввакумъ говоритъ о священствѣ, повторая ту же мысль, которая высказана въ разсмотрѣнномъ «посланіи къ неизвѣстнымъ»: поповъ-новиковъ, если они «крѣпкіе ревнители», можно принимать, не допуская ихъ до совершенія евхаристіи, но «егда новикъ оплачетъ себя стонавше, призоветъ духовное дѣйство и въ комканіи, проклявше еретическое дѣйство». Предвидя, что такое рѣшеніе вопроса, какъ не мотивированное никакими каноническими правилами, можетъ вызвать возраженія со стороны его паствы, Аввакумъ слѣдующимъ соображеніемъ: «понеже сіе время ис правилъ вышло: пуце мучителей еретическіе коби; святіи отцы правила узаконоположиша на тихое время, идѣже самовластіе бываетъ; а егда гонима церковь, по нуждѣ всяко бываетъ». Признаніе возможности священнодѣйствовать безъ рукоположенія отъ православнаго епископа есть уже первый шагъ по пути къ безпоповщинѣ, и уже въ этомъ «разсужденіи» Аввакумъ вполне логически отъ прежняго заявленія, что міру нельзя быть безъ поповъ, приходитъ къ допущенію совершенія церковныхъ требъ и тайнствъ безъ священника. «И дѣти, говорятъ онъ, «играюще на камени, пѣвше литургію, и бысть жертва. Кольми жъ въ неимущее время плачущему послеть Богъ Духа Святаго освятити дары, или въ крещеніи и въ вѣнчаніи, или ино что отъ таковыхъ. И простолудинъ плачуще призоветъ Духа Святаго, и будетъ ему, аще речеть: всякъ бо просая приметъ и ищай обрящеть,—самъ рече Владыка. Нынѣ еще перебиваемся коекакъ, а тогда (т. е. при антихристѣ) нужно будетъ не токмо церкви, но и книгъ православныхъ; но и пошевелить губами нельзя, развѣ сердцемъ держатися Бога».

Помимо установленія теоріи безпоповства, разсмотрѣнныя сочиненія Аввакума представляютъ значительный интересъ, такъ какъ ими опредѣляется уже въ первое время Пустозерской ссылки Аввакума и братіи, отношеніе раскольниковъ и къ духовнымъ лицамъ и вообще ко всѣмъ переходящимъ въ расколъ изъ православной церкви. Весьма возможно, что въ это же время Аввакумомъ было написано и то сочиненіе, которое въ рукописи называется «Письмо увѣщательное отступившему отъ право-

славіе и обратившуся и ищуща покаянія», а г. Субботинимъ издано подъ заглавіемъ «Посланіе утѣшительное къ неизвѣстному, сѣтовавшему о временномъ уклоненіи изъ раскола»⁹⁾. Это сочиненіе, по нашему мнѣнію, особенно характерно потому, что оно обращено не къ какому-либо опредѣленному лицу, а судя по выраженію «имя-рекъ», повторяющемуся два раза, есть нѣчто въ родѣ общей формулы для приѣма переходящихъ въ расколъ; имѣя же въ виду, что неизвѣстный называется «отцомъ», можно предполагать, что формула эта предназначена для приѣма лица духовнаго; упоминаніе о «маломъ писаніицѣ», въ которомъ обращающійся приносилъ покаяніе, наводитъ на мысль, что въ этомъ случаѣ должна была примѣняться практика присоединенія къ церкви по третьему чину, т.-е. черезъ одно покаяніе, которое требовалось не только устное, но и письменное⁹⁾.

Одновременно съ рассмотрѣнными сочиненіями Аввакумъ послалъ еще нѣсколько наставленій своимъ послѣдователямъ: изъ такихъ наставленій намъ извѣстны посланіе къ боярынь Морозовой и посланіе къ инокинямъ Меланіи и Анисіи съ сестрами. Въ первомъ изъ этихъ сочиненій Аввакумъ усиленно рекомендуетъ своей знатной ученицѣ не забывать ночной молитвы, къ которой, какъ мы знаемъ, самъ онъ приученъ былъ уже съ дѣтства. Въ началѣ посланія онъ довольно строго укоряетъ боярыню за привычку «медокъ попивать». «Намъ, говоритъ онъ, иногда случается и воды въ честь, да живемъ же. Али ты насъ тѣмъ лутчи, что боярыня? Да одинако намъ Богъ распростре небо, еще же луна и солнце всѣмъ сіяетъ равно, такожде земля и воды и вся прозябающая по повелѣнію владычню служатъ тебѣ не больши и мнѣ не менши. А честь прелетаетъ. Единъ честенъ,—тотъ, кто ночью встаетъ на молитву, да медокъ перестанетъ, въ квась примѣшивая, пить. Еще ли, государыня, бранится?» Но дальше тонъ посланія смягчается и, преподавъ боярынь совѣтъ относительно ночной молитвы, Аввакумъ просить ее помолиться и за самого себя съ семьей: «и меня грѣш-

⁹⁾ Г. Смирновъ полагаетъ назвать это сочиненіе: «письмо пріветственное ищущему покаянія послѣ временнаго уклоненія изъ раскола», но намъ кажется, что такое измѣненіе заглавія совсѣмъ не существенно.

⁹⁾ Еп. Сергій. О правилахъ и чинопослѣдованіяхъ принятія неправославныхъ христіанъ въ православную церковь, стр. 190—198.

наго помяни тутъ, надежда моя, къ Богу, и жену мою и дѣти мои». Въ концѣ посланія Аввакумъ уговариваетъ боярыню блюстись «льстецовъ, чернцовъ, и поповъ, и черницъ», чтобы они не развратили ея душу, и просить не забывать «живого мертвеца», называя такъ самого себя; совѣтъ остерегаться льстецовъ объясняется, вѣроятно, слухами, дошедшими до Аввакума, о попыткахъ правительства склонить Морозову къ покорности церкви.

Посланіе къ Меланіи и Анисіи съ сестрами любопытно въ томъ отношеніи, что характеризуетъ намъ настроеніе, отсутствіе дисциплины въ раскольнической общинѣ. Главою кружка монахинь, къ которымъ обращается Аввакумъ, была «блаженная и треблаженная матъ Меланія», имѣвшая такое сильное вліяніе на боярыню Морозову: но рядомъ съ Меланіей стояла Анисья, происходившая изъ какого-то боярскаго рода и почему-то называемая въ посланіи Аввакума «игуменьей». Этотъ ли духовный титулъ или боярское происхожденіе были въ данномъ случаѣ причиной, но Анисья неохотно подчинялась главенству Меланіи, вслѣдствіе чего въ обществѣ монахинь происходили раздоры, очень огорчавшіе Аввакума, который поэтому даетъ Анисіи рядъ наставленій: прежде всего онъ научаетъ ее смиренію и послушанію, указывая на примѣръ св. Евпраксіи, отличавшейся образцовымъ исполненіемъ вноческаго обѣта, несмотря на происхожденіе отъ царскаго «племени»; слѣдуя этому примѣру, Анисья должна забыть о своемъ боярствѣ, быть слугою другихъ монахинь и безпрекословно подчиняться Меланіи: «Мели рожь въ жерновахъ, да на сестеръ хлѣбы пеки (по примѣру св. Евпраксіи); или в пекарни шти вари, да сестрамъ разноси; или куда великая пошлетъ, благословеніе принявъ, съ усердіемъ бѣги, не яко челоуѣку, но яко Богу работающе. А бѣжючи молитву ісусову говори. Не моги на начальницу воздохнуть, аще ти и не силу труды». Непослушаніе Анисіи проявлялось, повидимому, въ нежеланіи отречься отъ нѣкоторыхъ мірскихъ удобствъ, къ которымъ она ранѣе привыкла по своему положенію; этимъ, вѣроятно, и объясняются увѣщанія Аввакума «откинуть тѣлесныя попеченія», «не любить паче Бога злата и сребра», «не желать красныхъ и пестрыхъ ризъ». вмѣстѣ съ тѣмъ Аввакумъ наставляетъ Анисію, какъ ей слѣдуетъ относиться къ низшимъ: «Надъ всѣмъ всѣхъ любовью окрилай, мняся, яко извергъ отъ всѣхъ».

Повелѣвай, въ словесѣхъ не взимаяся, но понича долу слово рцы, смиренно, и гладко, и нивко ко всѣмъ. Понеже еси мертевецъ: землю зри, яко отъ земли еси и в землю пойдеши». Заключая свои наставленія, Аввакумъ смиренно говорить о собственномъ своемъ недостоинствѣ. однако, заявляетъ: «лутчи говорить и совѣтовать о добрѣ. Умру: тогда перестану говорить». Есть, наконецъ, въ посланіи замѣтка чисто личнаго характера, рисующая отношеніе къ Аввакуму его паствы: «Малины еще приплите ко мнѣ, Господа ради. Спаси Богъ за патрахиль и за вся благая ваша ко мнѣ».

Это посланіе, къ которому «приписалъ благословеніе» инокъ Епифаній, было писано, по словамъ Аввакума, осенью, а раньше отправлено было другое «весною: невѣдомо дошло, невѣдомо нѣтъ»; если это первое посланіе не пропало, то, можетъ быть, имъ слѣдуетъ признать изданное нами посланіе безыменное къ неизвѣстнымъ черницамъ¹⁰⁾. По содержанію оно подходит къ разобранному посланію къ Меланіи и Анисіи. Здѣсь высказывается мысль о необходимости безпрекословнаго послушанія: «прежде же избери себѣ наставницу руководства небснаго неблазненну, и егда подклониши главу свою, не моги тайти отъ нея дѣль своихъ и помышленій; аще заповѣсть ти что и во мнящихся злыхъ тобою, должна еси послушати, развѣ ереси и блуда, и пїянства вина нераствореннаго. Сего не подобаеть послушати, а аще мясо велить, искушая тя, ясти, яждь; аще и спать велить, спи; аще и біеть тя, терпи; аще и не кормить, терпи; аще и злословить, молчи; послала, побѣги; не велѣла, возвратись; дала что, приими; отняла, поклонись». Въ примѣрѣ послушанія Аввакумъ приводитъ повѣсть «во Отечницѣ» о дьяконѣ Лавренгїи.

Разсматривая посланіе къ нѣкому Іоанну, мы уже указали, что былъ поставленъ вопросъ о православїи царя, и на него былъ данъ отвѣтъ, что царь нечестивъ; но отвѣтъ этотъ держался пока въ тайнѣ, былъ извѣстенъ только въ своемъ кругу, такъ какъ расколоучители еще колебались открыто заявить себя противниками царя, сохраняя еще намѣреніе и, хотя бы слабую, надежду склонить царя на свою сторону. Вскорѣ послѣ своего поселенія въ Пустозерскѣ они попытались въ послѣдній разъ

¹⁰⁾ Хр. Чтеніе, 1888 г. т. I, стр. 740—741, а также ниже, въ «Приложеніяхъ».

обратиться къ царю съ убѣжденіемъ возстановить старое благочестіе. Священникъ Лазарь еще въ февралѣ 1668 года, т. е. незадолго до отвѣта Іоанну, написалъ два обширныхъ посланія къ царю и къ патриарху Іоасафу II. Царя Лазарь называетъ благочестивымъ и напоминаетъ ему объ его обязанности «избрати догматы отеческія, а лсныя отринути», угрожая ему даже загробнымъ наказаніемъ за поущеніе церковнаго раздора: «сего ради не полезно будетъ ти на страшномъ судѣ Сына Божія, яко, вѣрну ти сущу, отеческія книги и все преданіе ихъ прелогати попустилъ еси». Оставаясь православнымъ, царь слишкомъ довѣряется духовнымъ властямъ, которыя его обманываютъ, возбуждаютъ его гнѣвъ противъ правовѣрныхъ христіанъ, увѣряя, будто у расколуучителей почти нѣтъ сторонниковъ, тогда какъ «въ Великой Русіи есть и сто тысящъ готовыхъ умерети за законы отеческія»; власти клеветуютъ на защитниковъ стараго благочестія и извращаютъ ихъ доводы въ пользу старой вѣры: «въ новыхъ же книгахъ Жезлахъ мои слова напечатаны не противъ моего письма, а многихъ и нѣтъ, кои нужны».

Благодаря такимъ навѣтамъ, расколуучители подверглись тяжкимъ преслѣдованіямъ. При этомъ Лазарь описываетъ притѣсненія, которымъ онъ и его товарищи подвергаются въ ссылкѣ: «и того ради мучимы есмы всяко и казними, въ тѣсныхъ темницахъ затворены, а хлѣба даютъ намъ по полутора фунта на сутки, да квасу нужна, — ей, ей, и псомъ больши сего метаютъ! — а соли не даютъ, а одежишка нѣтъ же, ходимъ срамно и наго». За подобныя гоненія людей, держащихъ «святія книги и законъ прародителей», царю предстоитъ дать отвѣтъ въ будущей жизни: «и о семъ будутъ судитися съ тобою прародители твои, и прежнія цари и патриархи, кои тѣ книги управили, къ симъ же святіи отцы, кои тѣ книги держали и тѣми спасени быша, нетлѣніемъ тѣлесъ и чудесы прославишася».

Въ доказательство своей правоты Лазарь передаетъ царю о двухъ чудесныхъ явленіяхъ ему Іліи Пророка: въ первый разъ пророкъ сказалъ Лазарю, заключенному въ темницѣ во время Московскаго собора 1666—1667 гг.: «Лазаре, азъ есмь съ тобою, не бойся», и тогда спали съ Лазаря оковы; во второй же разъ Лазарь видѣлъ себя въ свѣтломъ іерейскомъ облаченіи и «на главѣ голубъ златъ сидящъ, крылама возбивая и трепеща», а вокругъ него стояли многія власти русскія, — «и приходяше ко

мнѣ мужъ свѣтель старъ, егоже познавахъ быти святаго про- рока Ілію Фезвитянина, и глаголаше ми, повелѣвая стояти въ законахъ отеческихъ несумнѣнно и обличати измѣняющихъ законъ, и милость Божию сказуетъ ми быти». Чтобы разрѣшить споръ свой съ православными іерархами, Лазарь проситъ царя дать ему съ ними очную ставку и даже выражаетъ готовность подвергнуться испытанію судомъ Божиимъ. «Повели, государь, говорить онъ, дать мнѣ очную ставку со властми и съ новолюбными книжники, кто изъ нихъ похочетъ, въ тѣхъ ихъ вышеписанныхъ богохудныхъ ересяхъ, передъ кѣмъ ты, государь, очныя ставки, да повелитъ твоя божественная царская власть итти намъ на общую правду, на Божию судьбу, предо всѣмъ царствомъ самовластно взыти на огонь во извѣщеніе истины, и да явленно будетъ благочестіе отецъ твоихъ, и отыметъ всякое сомнѣніе отъ душа благочестивыхъ и соединитъ святая церковь и единогласно да славится Всесвятый Духъ»¹¹⁾.

Посланіе Лазаря къ патріарху Іоасафу представляетъ собой сокращеніе его посланія къ царю, хотя съ другой стороны мы въ немъ находимъ нѣкоторыя новыя подробности. Замѣчательно, что, обращаясь къ патріарху, Лазарь почему-то считаетъ его своимъ сторонникомъ, называетъ «пастыремъ православнымъ, избраннымъ Богомъ, который вручилъ ему престоль великій святая церкви, дабы правити слово истинны»; напоминаетъ ему, что «надо всяку неправду обличати, не стыдиться лицъ сильныхъ». Все зло приписывается Никону, а потому его преемникъ можетъ исправить его новшества. «Аще изриновенъ нечистый звѣрь, иже во овчей кожи: подобаетъ ти, пастырю, и слѣдовы ногъ его загладити, дабы съ праваго пути малоумныя наша братія и прочее христіанское множество на нечестивыя оны слѣды не соврацалися, и вослѣдъ въ истиннаго пастыря исходили». Однако, высказывая нѣкоторую надежду на патріарха, Лазарь не можетъ не обратиться къ нему съ укоромъ по поводу недавняго строгаго распоряженія его относительно пустозерскихъ ссыльныхъ. «А ты, пастырю, говоритъ онъ, вмѣсто попеченія и промысла прислать свою грамоту въ пустозерскій острогъ, а въ грамотѣ указать: только мы новыхъ книгъ и законовъ не приемъ, и за то къ намъ отцемъ духовнымъ не приходитъ, и не

¹¹⁾ Мат. т. IV, стр. 226, 233, 285—6, 241, 249, 259, 263, 264—5.

исповѣдать насъ, ни причащать и умершихъ тѣлесъ нашихъ не погребать, но повергать псомъ и звѣремъ въ снѣдь и птицамъ на растерзаніе» ¹²⁾).

Черезъ годъ послѣ Лазаря обратился съ посланіемъ къ царю и Аввакумъ. Въ надписаніи ¹³⁾ Хлудовскаго списка (№ 258), по которому издано посланіе г. Субботинимъ, сказано, что оно отправлено къ царю съ сотникомъ въ 178 или 1669—70 году, но въ самомъ посланіи Аввакумъ, рассказывая объ одномъ чудесномъ видѣніи, выражается такъ: «нынѣшняго 177 году, въ великій постъ на первой недѣли», — слѣдовательно написано было посланіе уже въ 1669 году, съ небольшимъ черезъ годъ послѣ Лазаревыхъ посланій. Какъ видно уже изъ самаго начала, это сочиненіе Аввакума имѣетъ совсѣмъ уже другой характеръ, чѣмъ челобитная Лазаря. «Царь государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ!» обращается Аввакумъ. «Многожды писахомъ тебѣ прежде и молихомъ тя, да примиришися къ Богу и умилишися въ раздѣленіи твоёмъ отъ церковнаго тѣла, и нынѣ послѣднее тебѣ плачевное моленіе приношу ис темницы, яко изъ гроба, тебѣ глаголю азъ, грѣшный протопопъ Аввакумъ: помилуй единородную душу свою и вниди паки въ первое свое благочестіе, въ немже ты порожденъ еси, с прежде бывшими тебе благочестивыми цари, родителями своими и с прародители, и с нами,

¹²⁾ Ibid. стр. 266—284.

¹³⁾ Вотъ эта надпись: «Сицево посланіе послано къ царю отъ протопопа Аввакума съ сотникомъ 178 года ис Пустозерскія темницы». Рѣшительно не понимаетъ, изъ какихъ словъ этой надписи г. Смирновъ могъ получить слѣдующій выводъ: «надпись посланія, судя по ея характеру, говоритъ даже о томъ, что она сдѣлана уже въ Москвѣ, т. е. по полученіи здѣсь посланія осенью 1669 г.». Почему надпись не могла быть сдѣлана нигдѣ кромѣ Москвы? Почему посланіе было получено въ Москвѣ осенью 1669 г.? Почему, хотя намъ и «не безызвѣстно» (какъ основательно предполагаетъ г. Смирновъ), что 178 годъ начинался съ 1 сентября, слѣдуетъ предполагать, что посланіе отправлено, а главное, получено въ Москвѣ въ 1669 г.? Наконецъ почему г. Смирновъ, придающій такое важное значеніе «характеру» надписи, не обратилъ вниманія на то, что она была сдѣлана не на оригиналѣ посланія, а на его копіи? Вѣдь на оригиналѣ, вѣроятно, вмѣсто краткаго выраженія «къ царю» былъ бы титулъ царя и его имя, Аввакумъ не былъ бы названъ протопопомъ, не было бы выраженія «Пустозерскія темницы», и вмѣсто, сицево посланіе» было бы сказано «сіе посланіе». Въ виду всего этого наша дата 1670, согласная съ датой г. Субботина (Мат. т. V, стр. XXVI), не можетъ быть вполне отвергаема, и мы дѣлаемъ уступку г. Смирнову, принимая дату 1669—1670.

богомольцы своими, во единой святой купели ты освященъ еси, единыя же Сіонскія церкви святымъ сосецъ ея нелестнымъ млекоу воспитанъ еси съ нами, сирѣчь единой православной вѣрѣ и здоровымъ догматамъ съ нами отъ юности наученъ еси. Почто по духу братію свою тако оскорбляеши?»

Аввакумъ старается снять съ себя и своихъ собратій обвиненіе въ расколѣ и, даже въ ереси, которое противъ нихъ выставилось православными полемистами; въ подобныхъ несправедливыхъ укорахъ виноватъ самъ царь: «Ты, самодержче, судъ подымеши о сихъ всѣхъ, иже таково дерзновеніе имъ подавши на ны... Воистину, царь-государь, глаголемъ ти: смѣло дерзаеши, но не на ползу себѣ. Кто бы смѣлъ рещи таковыя хульныя глаголы на святыхъ, аще бы не твоя держава попустила тому быти?» Въ противовѣсъ такому обвиненію въ расколѣ, является у Аввакума извѣстное, общее всѣмъ раскольникамъ, унаслѣдованное отъ древнихъ временъ, опроверженіе необходимости исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ: если мы раскольники и еретики, то таковы и всѣ святые отцы наши, всѣ прежніе цари и патріархи. Повидимому, Аввакумъ не возстаеъ противъ самаго принципа исправленія, если въ книгахъ дѣйствительно есть погрѣшности; онъ говоритъ: «Аще во православіи нашемъ, отеческихъ святыхъ книгахъ и догматѣхъ ихъ, хотя едина ересь и худа на Христа Бога обрящется и церковь его: то рады мы за нихъ прощатися предъ всѣми православными, паче же за то, аще мы отъ себе что внесохомъ соблазновъ въ церковь или расколы». Но такихъ погрѣшностей въ старыхъ книгахъ найти невозможно: «вся бо церковная права суть разумѣвающимъ истину и здрава обрѣтающимъ разумъ по Христѣ Иисусѣ, а не по стихіямъ сего міра, за нюже мы страждемъ и умираемъ и крови своя проливаемъ». Отвергнувъ такимъ образомъ мысль о неисправности старыхъ книгъ, Аввакумъ выставляетъ и принципиальное возраженіе противъ Никоновой реформы, возраженіе, связанное съ распространившимися вѣрованіями въ скорое наступленіе антихристово царства и высказывавшееся нѣкоторыми расколуучителями уже раньше: «Испытай, царь христіанскій, писаніе и виждь, яко въ послѣдняя времена исправленія вѣры и обрѣтенія истины нигдѣ же нѣсть и не будетъ, но вездѣ писано есть: въ послѣдняя времена отступятъ вѣры, а не исправятъ ю, и исказятъ писанія и превратятъ, и внесутъ ереси погубительныя

и многихъ предстать». Затѣмъ Аввакумъ рѣшительно повторяетъ мысль о паденіи царя, такъ какъ онъ покровительствуетъ «искривленію Никона богоотчужденника и еретика». «Умерь еси по души его ученіемъ, а не воскресь», говоритъ онъ царю и требуетъ новаго разбора дѣла, хотя уже не въ формѣ очной ставки съ противниками, какъ того желалъ Лазарь: «Аще правдою спросишь, и мы скажемъ ти о томъ ясно, и усты къ устамъ, съ очей на очи возвѣстимъ ти велегласно. Аще ли же ни, то пустимъ до Христова суда. Тамъ будетъ тебѣ тошно; да тогда не пособишь себѣ ни мало. Здѣсь ты намъ праведнаго суда съ отступниками не далъ: и ты тамо отвѣщати будещи всѣмъ намъ». Загробными казнями грозить Аввакумъ и православнымъ іерархамъ, которые льстятъ царю, и даже отказывается отъ всякой попытки убѣдить ихъ: «нѣсть бо уже намъ къ нимъ ни едино слово». Одна надежда остается на царя, но и она слаба: «Все въ тебѣ, царю, дѣло затворися, и о тебѣ единомъ стоять. Жаль намъ твоя царскія души и всего дому твоего, зѣло болѣзнуемъ о тебѣ; да пособить не можемъ: понеже самъ ты пользы ко спасенію своему не хочещи».

Упомянувъ затѣмъ о неправославіи грековъ, на основаніи свидѣтельствъ Арсенія Суханова и «Повѣсти о бѣломъ клубу-кѣ», Аввакумъ касается распоряженія правительства не погребать раскольниковъ и «лишать ихъ исповѣди и святыхъ таинъ» и такъ же, какъ и Лазарь, утверждаетъ, что за такія притѣсненія предстоить раскольникамъ еще большая награда отъ Бога, что этимъ они уподобляются святымъ мученикамъ, такъ что въ сущности царь «со властями своими добро такъ придумаль». «Елико ты насъ оскорбляеши болши, и мучишь, и томишь: то-лико мы тебя больше любимъ, царя, и Бога молимъ до смерти твоей и своей о тебѣ и всѣхъ клянущихъ насъ: спаси, Господи, и обрати по истинѣ своей! Аще же не обратитесь, то вси погибнете вѣчно, а не временно».

Послѣ такого замѣчанія Аввакумъ опять естественно переходитъ къ вопросу о православіи царя и въ подтвержденіе своего отрицательнаго взгляда ссылается на слѣдующее чудесное видѣніе: «Нѣкогда мнѣ молящуся о тебѣ з горкими слезами, отъ вечера и до полуночи зѣло стужающую Божеству, да же бы тебѣ исцѣлится душею своею и живу быти предъ нимъ, и отъ труда своего азъ многогрѣшный падохъ на лица своемъ, плакахся

и рыдахъ горько, и отъ туги великія забыхся, лежахъ на земли, и видѣхъ тя предъ собою стояща, или ангела твоего, умиленна, подпершися подъ лице правою рукою. Азъ же возрадовахся, и начахъ тя лобызати и обымати со умиленными глаголы. И видѣхъ на брюхѣ твоємъ язву зѣло велику, исполнену гноя многа и убоявся вострепетахъ душею своею, и положихъ взнакъ на войлокъ свой, на немже молитвы и поклоны творю, и начавъ язву на брюхѣ твоємъ слезами моими покропляти, а руками сводити: и бысть цѣло брюхо и здраво, яко николиже болѣ. Душа же моя возрадовася о Господѣ и о здравіи твоємъ зѣло. И паки поворотихъ тя вверхъ спиною твоею, и видѣхъ спину твою згнившу паче брюха, и язва большіи первыя явися. Мнѣ же тако плакавшуся, руками своима сводящу язву твою спинную, и мало посопшася, и не вся исцѣлѣ. И очутихся отъ видѣнія того, не исцѣлихъ тя всего здрава до конца». Изъ этого видѣнія дѣлается такой выводъ: «нѣтъ, государь, болше покинуть о тебѣ плакать: вижу, не исцѣлитъ тебя», т. е. надежды на исправленіе царя уже нѣтъ, она свыше признана неосуществимой.

Заговоривши о чудесныхъ явленіяхъ, Аввакумъ рассказываетъ царю еще о двухъ своихъ видѣніяхъ: одно было во время заключенія Аввакума въ Угрѣшскомъ монастырѣ, и мы о немъ уже упоминали по поводу дѣла о сыновьяхъ Аввакума; другое — было въ Пустозерскѣ и представляется характернымъ, какъ по обстоятельствамъ, его сопровождавшимъ, такъ и по своему содержанію. Начиная съ понедѣльника первой недѣли великаго поста 1669 г., Аввакумъ ничего не ѣлъ въ теченіе 4 дней, а въ пятницу «прежде часовъ (говорить онъ) начахъ келейное правило, псалмы Давыдовы пѣти, и приде на мя озноба зѣло люта и на печи зубы мои разбило з дрожи. Мнѣ же лежащу на печи, умомъ моимъ глаголющу псалмы, понеже отъ Бога дана Псалтырь изустъ глаголати мнѣ». Несмотря на сильное изнуреніе, строгій постъ продолжался еще нѣсколько дней, и «отъ дрожи тоя нападе на мя мыть, и толико изнемогъ, яко отчаявшуся и жизни сея, уже всѣхъ дней десять не ядшу ми и болши». Наконецъ, въ ночь на пятницу второй недѣли Аввакуму представилось слѣдующее видѣніе: «Божіимъ благоволеніемъ распространися языкъ мой и бысть великъ зѣло, потомъ и зубы быша велики, а се и руки и ноги быша велики, потомъ весь широкъ и пространенъ подъ небесемъ и по всей земли распространился;

а потомъ Богъ вмѣстилъ въ меня небо, и землю и всю тварь. Мнѣ же молитвы непрестанно творящу и лѣтвицу перебирающую въ то время. И потомъ воставшу ми отъ одра легко, и поклонихся до земли Господеви». Этотъ рассказъ очень ярко характеризуетъ душевное состояніе Аввакума, и мы видимъ, что, кромѣ изнуренія вслѣдствіе продолжительнаго поста, подобныя видѣнія имѣли и чисто идейную подкладку: удрученный всевозможными бѣдствіями, не рассчитывая на какое-либо снисхожденіе со стороны властей, протопопъ ищетъ утѣшенія въ иллюзіяхъ, въ мысли о будущей своей силѣ, начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на какого-то избранника Божія, которому подвластны и небо, и земля. По крайней мѣрѣ, въ такомъ смыслѣ толкуетъ онъ самъ свое видѣніе: «Видиши ли, самодержавне?— обращается онъ къ царю,— ты владѣши, на свободѣ живучи, одною русскою землею; а мнѣ Сынъ Божій (покорилъ) за темничное сѣденіе небо и землю. Ты отъ здѣшняго своего царства въ вѣчной свой домъ пошедши, только возмешь гробъ и саванъ; азъ же присужденіемъ вашимъ не сподоблюся савана и гроба, но наги кости мои псами и птицами растерзаны будутъ и по землѣ влачимы. Такъ добро и любезно мнѣ на земли лежати, и свѣтомъ одѣяну и небомъ покрыту быть. Небо мое и земля моя, свѣтъ мой и вся тварь, — Богъ мнѣ далъ, якоже выше сего рекохъ». Эта мысль о своемъ избранничествѣ въ награду за страданія и стойкость въ вѣрѣ проявляется во многихъ сочиненіяхъ Аввакума, и даже его автобіографія, какъ увидимъ далѣе, должна отчасти служить подтвержденіемъ той же идеи.

Однако и эта идея, и самый фактъ чудеснаго видѣнія могли подвергнуться критикѣ со стороны враждебныхъ никоніанъ и, какъ бы предупреждая подобный скептицизмъ, Аввакумъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что ему «не первому показано снце», и ссылается на Палею, въ которой рассказывается, какъ «ангелъ великій Алтезъ древле восхитилъ Авраама выспръ, сирѣчь на высоту къ Богу, и показа ему отъ вѣка сотворенная вся Богу тако изволшу». Эта ссылка имѣетъ въ виду извѣстное апокрифическое «Откровеніе Авраама»¹³⁾, но въ этомъ памятникѣ мы напрасно стали бы искать литературный источникъ видѣнія Аввакума: вознесеніе Авраама на седьмое небо и открытіе ему небес-

¹³⁾ Тихонравовъ. Пам. отреч. литер. т. I, стр. 54—77.

ныхъ тайнъ только по общему своему символическому смыслу соответствуетъ Аввакумову видѣнію, по фактическому же содержанию и по всѣмъ подробностямъ оба эпизода не представляютъ ничего сходнаго. Боязнь никоніанской критики проявляется въ разбираемомъ посланіи и въ томъ, что Аввакумъ проситъ царя ничего не говорить никоніанамъ объ извѣстномъ уже намъ видѣніи въ Угрѣшскомъ монастырѣ, «да не поругаютъ Христа Ісуса Сына Божія и Бога. Глупы вѣтъ они дураки, блюютъ и на самого Бога нечестивыя глаголы».

Заканчивая свое посланіе, Аввакумъ еще разъ пытается обратиться къ царю съ увѣщаніемъ, хотя и въ очень слабой формѣ: «посемъ, говоритъ онъ, миръ ти и паки благословеніе, аще снабдиши, о немже молю твою царскую душу; аще ли же ни, буди воля твоя, якоже хочещи. Не хотѣлося было мнѣ въ тебѣ некрѣпкодушія того: вѣтъ то всячески всяко будемъ вмѣстѣ, — не нынѣ, ино тамо увидимся».

Конечно, подобное посланіе, заканчивавшееся къ тому же условной формой благословенія, не могло произвести благоприятнаго впечатлѣнія на царя; вѣроятно, таково же было впечатлѣніе и отъ другого «невеликаго посланія» Аввакума, которое до насъ не дошло ¹⁴⁾, и столь же отрицательно должны были по дѣйствовать на патриарха и высшее духовенство посланія Лазаря: во всѣхъ такихъ челобитьяхъ обнаруживалось, что расколоучители и не думаютъ унятьсь въ своихъ нападеніяхъ на православную церковь; вмѣстѣ съ тѣмъ могли возбуждать опасенія и тѣ слухи о чудесномъ исцѣленіи языковъ у Лазаря и Епифанія, которые доносились изъ Пустоверска. Какъ видно изъ показаній «Житія» Аввакума, казнь, къ которой были присуждены расколоучители, въ Москвѣ была исполнена не совсѣмъ аккуратно: языки были рѣзаны «легко», такъ что «осталось немного» ¹⁵⁾, и Епифаній и Лазарь могли говорить; это-то обстоятельство, конечно, и послужило мотивомъ къ созданію легенды о первомъ чудесномъ исцѣленіи, причемъ, вѣроятно, не обошлось безъ вліянія фактовъ изъ житій Іоанна Дамаскина и Максима Исповѣдника. Чтобы прекратить пропаганду расколоучителей и положить конецъ распространенію легенды, рѣшено было еще разъ прибѣгнуть къ увѣща-

¹⁴⁾ Хр. Чт. 1888 г. т. II, стр. 592.

¹⁵⁾ Мат. V, стр. 85, Хр. Чт. 1888, II, стр. 593.

нію, а въ случаѣ упорства усилить репрессивныя мѣры и про-
извести новую казнь надъ Лазаремъ, Елифаніемъ и Ѳеодоромъ.

Въ 1670 г. былъ присланъ изъ Москвы въ Пустозерскъ стрѣ-
лецкій полуголова Иванъ Елагинъ, который, какъ показываетъ
Елифаній въ своемъ «Житіи», вызвалъ расколуучителей и прочи-
талъ имъ слѣдующій царскій наказъ: «вѣруете ли вы в Символѣ
вѣры в Духа Святаго не истиннаго, а трема персты креститися
хочете ли по нынѣшнему изволу цареву? Аще приимѣте сіи двѣ
тайны, и царь васъ вельми пожалуетъ». По изложенію Елифа-
нія, отвѣтъ былъ такой: «мы вѣруемъ въ Духа Святаго истиннаго
и животворящаго, а трема персты креститися не хотимъ, нече-
ство то»; по словамъ Аввакума отвѣтъ былъ пространнѣе: «годъ
и мѣсяць, и паки мы святыхъ отецъ преданіе держимъ неизмѣн-
но, а палестинскаго патріарха Паисея (*Каз.*: Паисея Александр-
скаго патріарха) со товарищи еретическое соборище проклинаемъ.
И иное тамъ говорено много, и Никону, заводчику ересемъ
(*Каз.*: еретику) досталось небольшое мѣсто». Увѣщанія однако про-
должались, расколуучителей, какъ говоритъ Елифаній, «три дня
нудили всяко сіи двѣ отступныя вещи приняты», наконецъ при-
вели ихъ къ плахѣ и прочитали слѣдующій указъ (по изложенію
Аввакума): «изволилъ де государь и бояра приговорили: тебя,
Аввакума, вмѣсто смертныя казни учинить срубъ въ землю и сдѣ-
лавъ окошко, давать хлѣбъ и воду, а прочимъ товарищамъ рѣ-
зать безъ милости языки и сѣчь руки». Выслушавъ это повелѣ-
ніе, Аввакумъ сказалъ: «я плюю на ево кормлю, не едше умру,
а не предамъ благовѣрія». Заключенный въ срубъ, Аввакумъ въ
теченіе 10 дней отказывался отъ пищи, «да братья велѣли». Урѣзаніе
языковъ братіи было произведено вторично, Елифанію отсѣкли на
рукѣ 4 пальца, а Ѳеодору отсѣкли руку поперекъ ладони¹⁶⁾.

Въ это же время произведены были казни и въ другихъ мѣ-
стахъ: между прочимъ на Мезени казнили двухъ преданнѣйшихъ
учениковъ Аввакума, Ѳедора кородиваго и Луку Лаврентьевича,
юношу 25 лѣтъ; хотѣли также повѣсить двухъ сыновей Авва-
кума, Ивана и Прокопія, но они отреклись отъ раскола; все же

¹⁶⁾ Мат. V, стр. 82—87, Хр. Чт. 1888, II, стр. 592—594, 1889 г., I, стр. 230, 234.

ихъ не освободили, а посадили въ земляной срубъ вмѣстѣ съ матерью.

Сохранилось письмо Аввакума, посланное имъ женѣ и дѣтямъ вскорѣ послѣ этихъ казней. Ссылаясь на Священное Писаніе, Аввакумъ напоминаетъ, что нынѣшнее, земное существованіе суетно и потому не слѣдуетъ терять бодрости духа и надо положиться на Христа и Богородицу, которые защитятъ отъ всякихъ бѣдствій. Вспоминаетъ Аввакумъ и о Пашковѣ: «Помните, — звѣрь даурскій всяко распу по бѣднова, еже есть меня протопопа, умышлялъ погубить: а не явно ли Божія милость? На Москвѣ въ руки мнѣ Богъ его выдалъ, — ростеняся лежитъ предо мною, что мертвой! Помнишь, жена, какъ онъ мнѣ говорить: ты воленъ и со мною, что хочешь, то и сотворишь! А я постригъ его и посхимилъ, по воли Божіи и по доуки своей къ Нему, Свѣту. Помнишь ли въ Даурахъ казакамъ на поѣздѣ говорилъ, и въ Енисейскѣ Ржевскому и вездѣ по городамъ: мнѣ реку Пашкова постричь надобно! Да Богъ мнѣ тово и далъ. А то вы и не вѣдаете, какъ о томъ докучалъ Богу». Станнымъ представляется это сообщеніе Аввакума женѣ и дѣтямъ, людямъ, хорошо знавшимъ обстоятельства его жизни, о фактѣ, котораго не было. Въ 1682 году мы встрѣчаемъ Пашкова воеводой въ Нерчинскѣ¹⁷⁾, такъ что Аввакумъ не могъ не только «посхимить» его, но даже просто постричь. Неужели озлобленіе противъ Пашкова было такъ сильно, что Аввакуму пріятно было утѣшать себя иллюзіями о мести? Не явилось ли такое ложное сообщеніе вслѣдствіе намѣренія Аввакума приписать своему частному письму болѣе общій характеръ литературнаго произведенія, въ которомъ наказаніе притѣснителя представлялось бы весьма поучительнымъ? Упомянувъ объ этой мнимой мести, Аввакумъ успокаиваетъ жену увѣреніемъ, что такимъ же образомъ попадутъ на ихъ расправу и никоніане: «А нынѣшнюю зиму потерпите только маленько: силенъ Богъ, — уже собакъ — тѣхъ, перепутавъ огненнымъ ужемъ, отдастъ намъ въ руки».

Затѣмъ Аввакумъ обращается къ сыну своему Аонасію, хвалить его за твердость въ вѣрѣ, что онъ предъ воеводой не отрекся отъ раскола: «яко левъ рычи, живучи, обличая ихъ многообразную прелесть», наставляетъ онъ сына. Вмѣстѣ съ этимъ онъ

¹⁷⁾ Д. А. И. т. VIII, стр. 346.

просить его не гнушаться братьевъ, хотя они и «смалодушничали». Замѣчательно мягкое отношеніе Аввакума къ этому паденію сыновей. «Чтожь дѣлать? говорить онъ,—«и Петръ апостоль нѣкогда такъ здѣлалъ: слезъ ради прощенъ бысть. А онъ также Богу кающихся прощаетъ и припадающихъ къ нему приемлетъ. Разговаривай брати: не сѣтуйте де о паденіи своемъ выше мѣры,—простить васъ! Да и батюшка де, по воли Божіи, васъ прощаетъ и разрѣшаетъ, даетъ прощеніе въ сей вѣкъ и въ будущій! Впредь не падайте, стойте; задняя забывающе, на предняя простирающесе, живите! Единъ Богъ безъ грѣха и безъ извратѣ, а человѣчество немощно, падаетъ, яко глина, и востаетъ, яко ангель. Се тому не работаетъ грѣху, но присносущному Богу, Христу Сыну Божію Свѣту, со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Богъ проститъ всѣхъ смалодушествующихъ и паки (возвращшихся) на первое достояніе». Такое мягкое отношеніе къ кающимся, какъ мы уже видѣли изъ разсмотрѣнной нами формулы принятія кающагося, въ данномъ случаѣ не можетъ объясниться исключительно любовью къ своимъ сыновьямъ и происходило, какъ намъ кажется, изъ общаго принципа прощенія кающихся еретиковъ, принципа, сближающаго Аввакума съ послѣдователями Нила Сорскаго. Однако рѣзкимъ диссонансомъ къ такой мягкости являются замѣчанія о никоніанахъ, о той казни, которая имъ предстоитъ, о готовности Аввакума расправиться со своими врагами: такіа замѣчанія, къ которымъ далѣе мы укажемъ другія параллели изъ сочиненій Аввакума, скорѣе роднятъ Аввакума съ противоположнымъ направленіемъ осифлянъ.

ГЛАВА VI.

Столкновеніе Аввакума съ діакономъ Ѳеодоромъ по догматическимъ вопросамъ.— Сочиненія Аввакума истолковательнаго характера.— Посланія Аввакума къ нѣкоему Борису, къ боярыни Морозовой, къ Маремьянѣ Ѳеодоровнѣ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ.

Незадолго до описанныхъ казней между Аввакумомъ и Лазаремъ съ одной стороны и діакономъ Ѳеодоромъ съ другой относительно нѣкоторыхъ догматическихъ вопросовъ начались крупныя несогласія, сильно обострившіяся послѣ казней. Вполнѣ возстановить картину этихъ споровъ представляется чрезвычайно затруднительнымъ, такъ какъ почти всѣ свидѣтельства, какія мы о нихъ имѣемъ, принадлежатъ только одной изъ спорившихъ сторонъ, діакону Ѳеодору, подлинныхъ же сочиненій Аввакума намъ неизвѣстно въ цѣломъ ихъ составѣ, и объ ихъ содержаніи мы можемъ судить или по показаніямъ Ѳеодора, или по сообщеніямъ православныхъ полемистовъ, или по тѣмъ выпискамъ, которыя находятся въ сборникахъ Императорской Публичной Библиотеки и Черниговской духовной семинаріи, выпискамъ, сдѣланнымъ тоже съ полемической цѣлью обличить заблужденія Аввакума и его послѣдователей. Въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя несомнѣнно принадлежатъ Аввакуму, встрѣчаются только отрывочныя замѣчанія объ ихъ спорахъ.

Въ виду нѣкоторой запутанности этого вопроса, намъ представляется не безполезнымъ изложить его исторію. Изъ православныхъ писателей первые упоминаютъ о еретическихъ сочиненіяхъ Аввакума св. Дмитрій Ростовскій и Питиримъ, еп. Нижегородскій. Въ «Розыскѣ» обличенію Аввакумовыхъ заблужде-

ній посвящены въ первой части семь главъ второй статьи, и здѣсь мы находимъ слѣдующія выписки изъ спорныхъ писемъ Аввакума: 1) въ главѣ 17-й: «Зри, Игнатій Соловлянинъ, и вѣруй трисущную Троицу. Несѣкомую сѣки по равенству, не бойся, едино существо на три существа, тожде и естества. На трое течеть источникъ Божества, не рцы по Арію три естества неравные, а равные три естества или существа добрѣ, не шевели больше того. Комуждо особно сѣдѣніе, Отцу, и Сыну, и Духу Святому, не спрятався сѣдять три цари небесніи. Христось сѣдитъ на особномъ престолѣ, равно спарствуя Святѣй Троицѣ»; 2) въ главѣ 18-й: «Азъ, Аввакумъ, сице исповѣдую и вѣрую, свойство недвижимо, но изливъ себе Богъ слово во утробу Дѣвья силу существа естественную, сирѣчь благодать совершенную, припряжена бо къ Божію хотѣнію сила, восхотѣвъ бо и изливъ Себе неизреченно, а самое существо отнюдь непоступно. Соступивъ съ небеси силою благодати своя и къ намъ весь въ Пречистую Дѣву: тверди весь благодію, а существомъ весь горѣ съ Отцемъ бѣ несѣкомо»; 3) въ главѣ 19-й: «Христова душа отъ креста на небо ко Отцу пошла: воскресши же отъ гроба Христось сниде во адъ съ тѣломъ по воскресеніи отъ мертвыхъ»; 4) въ главѣ 24-й передается, что Аввакумъ назвалъ свою еретическую книгу «евангеліемъ вѣчнымъ: не мною де писано, но перстомъ Божіимъ»; 5) въ 25-й главѣ: «Федька, а Федька, по твоему кучею надобе, едино лицо и единъ образъ: охъ, блядинъ сынъ, собака косая, дуракъ страдникъ! коли не знаешь въ книгахъ силы, и ты вопроби бабы поселянки: скажи де государыня о Святѣй Троицѣ, Троица де что есть; такъ она тебѣ отвѣщаетъ и скажетъ; и ты су Федька, ну лбомъ, блядинъ сынъ, поселянкѣ той о землю. Таки и мнѣ грѣшному диво, каково хорошо старуха та отвѣщала. Вопросы-еще ея же, что есть существо Божіе, и она тебѣ отвѣщаетъ и скажетъ»; 6) въ главѣ 26-й: «А еще воскреснемъ изъ мертвыхъ, тогда меня Господь атаманомъ учинить»; 7) въ главѣ 27-й находимъ выписку изъ разобраннаго выше посланія къ царю о чудесномъ видѣніи, въ которомъ во власть Аввакума были отданы небо и земля; наконецъ 8) въ 18 и 21 главахъ сообщается, что послѣдователь Аввакума, Ерофей Андреевъ писалъ въ своихъ сочиненіяхъ: а) «Сынъ благодію и промысломъ воплотися кромѣ существа», и б) «поклонятися Евангелію повѣсти, написанному черниломъ, то татарской обычай».

Въ «Пращицѣ» еп. Питирима мы находимъ только краткое изложеніе мнѣній Аввакума: «колико погибоша въ мудрованіи зломъ Аввакумовѣ, иже мудрствоваль быти Троицу трисущную, Сына Божія воплотитися благодатию и промысломъ, Христа сидѣти на особомъ престолѣ близъ Святыя Троицы».

Современникъ Питирима и Димитрія Ростовскаго, основатель Саровской пустыни, іеросхимонахъ Іоаннъ сообщаетъ по вопросу о еретическихъ сочиненіяхъ Аввакума слѣдующее: «той бо проклятый Аввакумъ раздѣляетъ Святую Троицу на три существа, глаголетъ бо во своемъ безумномъ преданіи раскольниковскомъ сице: «сѣки, не бойся Святую Троицу на три существа», и паки на Господа нашего Іисуса Христа глаголетъ хульная, аки бы бездушна бывша Его, и съ плотію во адѣ бывша по воскресеніи, и прочая нелѣпая хуленія на святую церковь и на православную вѣру блядословяше, и всякій расколь творяше,—о семъ нелѣпо и писати. Его же ученицы нынѣшніе раскольницы заволжскіе, держаще таковое его блядимое преданіе зѣло похваляютъ, и къ похваленію тово дерзнуша окаянніи то проклятое его преданіе нарицати вѣчнымъ Евангелиемъ»¹⁾.

Въ рукописномъ сборникѣ Имп. Публ. Библіотеки № 1579 (Погод.)²⁾ на л. 79—84 об. имѣется статья подъ заглавіемъ: «Безумное умствование капитоновъ о Божествѣ», какъ видно изъ самаго заглавія, составленная какимъ-то православнымъ полемистомъ. Эта статья состоитъ изъ трехъ частей: въ первой излагаются еретическія мнѣнія Аввакума, причемъ они распределены по 18 пунктамъ, которые являются, за исключеніемъ 11 и 12 пунктовъ, буквальнымъ повтореніемъ приведенныхъ выше выписокъ св. Димитрія Ростовскаго; 11 и 12 пункты излагаются такъ: «Духъ Святой не существомъ сице въ день пятьдесятницы на святыхъ апостолы», и «душа человѣческая единосоставна, а не трисоставна, и прежде ума и слова сотворена». Вторая часть заключаетъ въ себѣ изложеніе «вѣры Ерооея Андреева съ единомышленники своими» и вошла цѣликомъ въ «Сказаніе о распряхъ на Керженцѣ», напечатанное г. Субботинымъ въ VIII т. «Матеріаловъ» (стр. 247—249). Третья часть состоитъ изъ различныхъ выписокъ изъ подлинныхъ сочиненій Аввакума,

¹⁾ Братское Слово, 1875, III, стр. 370—371.

²⁾ А. В. Бычковъ. Опис. ркп. сборн. И. П. Библ., стр. 9—10.

частью уже напечатанных г. Субботинимъ, частью же намъ неизвѣстныхъ, и по этимъ выпискамъ можно заключать, что составитель статьи имѣлъ подъ руками какой-то сборникъ подлинныхъ сочиненій Аввакума, Хотя нѣкоторые изъ этихъ выписокъ не имѣютъ никакого отношенія къ вопросу о еретичествѣ Аввакума, но въ виду того, что онѣ извлечены изъ не дошедшихъ до насъ сочиненій Аввакума, мы помѣщаемъ ихъ въ приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

Протоіерей Андрей Іоанновъ сообщаетъ, кромѣ приведеннаго въ «Розыскѣ» отрывка изъ письма къ Игнатію Соловлянину, слѣдующія двѣ выписки: 1) «Да слышите сынъ мой духовный Ѳедька отщепенець, отъ никоніанъ рукоположенецъ: блудишь сице пиша и глаголя о Святѣй Троицѣ: несѣкомо есть, и нераздѣльно лице коеждо другъ отъ друга; не такъ, не бляди: комуждо особно есть сѣдѣніе Отцу, и Сыну, и Духу Святому; не спрятавши сидятъ три Цари небесные»; 2) «Яко же бо слово отъ души рождается, и паки въ человѣка не возвращается, тако и Сынъ отъ Отца родился, а во чрево Отчее не возвратися. И о душѣ тою же слѣпотою говоришь, слушать нѣчего; глаголеши бо ее трисоставну; не такъ, не бляди; вси святіи научаютъ, яко душа единораствѣна и тѣлесовидна, умъ, слово и духъ, Ангель нѣкій, чистѣйшій духъ, душа, но плотовидна есть, единовидна, а не трисоставна³⁾».

Въ «Извѣщеніи праведномъ о расколѣ безпоповщины» бывшаго безпоповца Григорія Яковлева мы находимъ нѣкоторые существенныя дополненія къ приведеннымъ выпискамъ: 1) еретическое изложеніе догмата о Св. Троицѣ сопровождается слѣдующей ссылкой Аввакума: «Зри такъ на Палеи пишется въ лицахъ»; 2) догматъ о воплощеніи изложенъ подробнѣе, чѣмъ у Св. Димитрія Ростовскаго: «Азъ Аввакумъ сице исповѣдую и вѣрую: свойство недвижимо, но изліявъ себѣ все Слово во утробѣ Дѣвья, силу существа естественную, сирѣчь благодать совершенную. Припряженна бо къ Божію хотѣнію сила; восхотѣвъ и изліявъ себѣ неизреченно, а самое существо отнюдь не поступно. Соступивъ съ небесе силою благодати своя къ намъ весь въ Пречистую Дѣву. Тверди: весь благодатію, а существомъ весь горѣ со Отцемъ бѣ несѣкомо. Исповѣдую во утробѣ Дѣвья

³⁾ Полн. истор. извѣстіе о раскольникахъ, изд. 1855 г., стр. 62.

силу Божества, а не самое Божественное существо поступи отъ превыспреннихъ въ промыслѣ неизглаголаннѣй». 3) Къ выпискѣ о еретическихъ мнѣніяхъ Аввакума о Христовомъ воскресеніи сдѣланы слѣдующія добавленія: «Сугубо сошествіе во адъ Христово — Богъ и человѣкъ съ душою, а не одна душа безъ тѣла». — «Сугубствомъ по воскресеніи и во адъ сошелъ». — «Федоръ поганецъ, слышишь ли о еже слова ради по воскресеніи во адъ, и той сходи сугубо». — «Христосъ же отъ Святаго Духа зачатъ бѣ и чистѣ, за сіе и неповиненъ осужденію. Чистая душа на небо ко Отцу пошла. Аминь»⁴⁾.

Свѣдѣнія о еретическихъ мнѣніяхъ Аввакума, сообщенныя св. Димитріемъ Ростовскимъ и еп. Питиримомъ, были подвергнуты сомнѣнію Семеномъ Денисовымъ, который въ своемъ «Виноградѣ Россійскомъ», въ главѣ объ Аввакумѣ, прямо обвиняетъ православныхъ полемистовъ въ томъ, что они «неправедными наошенными неистинными баснословія спивати на вседоблаго тщатся». Свое сомнѣніе (относительно котораго трудно сказать, чтобы оно было искреннимъ, такъ какъ Денисовъ врядъ ли могъ не знать о несогласіяхъ Аввакума съ Федоромъ и особенно о спорахъ изъ-за Аввакумовыхъ писемъ въ средѣ раскольниковъ на Керженцѣ) Денисовъ основываетъ на томъ соображеніи, что ни патріархъ Никонъ, ни кто-либо изъ членовъ собора 1666—1667 гг., ни авторы «Жезла Правленія» и «Увѣта Духовнаго» не упоминаютъ о еретичествѣ Аввакума; кромѣ того Аввакумъ нисколько не колебался въ православномъ чтеніи Символа вѣры, въ старыхъ обрядахъ, которыми вполне правильно символизировались тѣ догматы, въ искаженіи которыхъ его обвиняютъ; наконецъ, отсутствіе споровъ доказывается, по мнѣнію Денисова, и тѣмъ обстоятельствомъ, что предъ смертю Федоръ просилъ у Аввакума благословенія⁵⁾.

Однако такое сомнѣніе Денисова въ существованіи еретическихъ мнѣній Аввакума и даже въ самомъ фактѣ споровъ между Пустозерскими расколоучителями⁶⁾ опровергается, какъ это

⁴⁾ Яковлевъ, стр. 19.

⁵⁾ См. главу изъ «Винограда» въ «Приложеніяхъ».

⁶⁾ Это сомнѣніе повторяется въ раскольническомъ обличеніи на книгу Андрея Іоаннова; здѣсь говорится, что спорныя письма сочинены «подъ именемъ протопопа Аввакума и Феодора діакона нѣкими внѣшними іезуиты на развратъ святой церкви». Хр. Чт. 1897 г. июль, стр. 87.

обстоятельно доказано авторомъ статьи «Протопопъ Аввакумъ, какъ вѣроучитель и законодатель раскола»⁷⁾ и П. С. Смирновымъ⁸⁾, тѣми данными, которыя находятся въ раскольническихъ источникахъ. Источники эти слѣдующіе:

1) «Сказаніе о распряхъ, происходившихъ на Керженцѣ изъ-за Аввакумовыхъ догматическихъ писемъ», напечатанное въ VIII т. «Матеріаловъ» г. Субботина, извлеченное изъ рукописи Имп. Публ. Библіотеки, № 1256 (Погод.), которою пользовался г. Есиповъ въ статьѣ «Керженцы въ царствованіе Петра Великаго»⁹⁾. «Сказаніе» это состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая историческая, а вторая полемическая. Въ первой части, цѣликомъ изданной г. Субботинымъ, мы находимъ краткое извлеченіе изъ «писемъ» Аввакума (стр. 219—223) и изъ посланія дьякона Ѳеодора къ его сыну Максиму (объ этомъ посланіи мы говоримъ далѣе) и подробное изложеніе распри, происходившей въ Керженскихъ скитахъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вв., причемъ защитниками еретическихъ мнѣній Аввакума являлись игуменъ Сергій, старецъ Онуфрій, Поликарпъ Петровъ, Ероеевъ Андреевъ и др. Вторая часть озаглавлена «Обличеніе отъ святаго писанія на несогласныя письма протопопа Аввакума и на заступниковъ тѣхъ писемъ, старца Онуфрія, Ероеева бѣльца и на единомышленниковъ ихъ» и напечатана г. Субботинымъ не въ полномъ составѣ, такъ какъ догматическія разсужденія представляютъ въ значительной степени повтореніе сказаннаго въ первой части; для насъ эти разсужденія не имѣютъ интереса, такъ какъ касаются позднѣйшей догматики раскола; въ этой же второй части имѣется «Сказаніе вкратцѣ о брани протопопа Аввакума съ Ѳеодоромъ діакономъ о вѣрѣ и о несогласныхъ писмахъ Аввакумовыхъ, ихже многая лѣта держалъ и вѣровалъ старецъ Онуфрій, и какъ потомъ отложилъ и похулилъ», — это «Сказаніе» дополняетъ нѣкоторыми подробностями свѣдѣнія, сообщаемыя въ первой части. Сочиненіе написано въ 1710 году противникомъ Аввакумовскихъ теорій.

2) «Собраніе отъ божественнаго писанія вкратцѣ, на обличеніе ложныхъ и нецерковныхъ, несогласныхъ съ божественнымъ

⁷⁾ Братское Слово, 1875 г. IV, отд. 2, стр. 265—275.

⁸⁾ Хр. Чт. 1897 г. іюль, стр. 60—94.

⁹⁾ Раск. дѣла XVIII ст., т. II, стр. 203—277.

писаніемъ святыхъ отецъ писемъ протопопа Аввакума, отложенныхъ христіанскимъ соборомъ въ лѣто отъ созданія міра 7217 мѣсяца ноября въ 28 день». Это обличеніе еретическихъ писемъ Аввакума, находящееся въ рукописи Черниговской духовной семинаріи (по описанію г. Лилеева № 135), представляетъ наиболѣе полныя изъ нихъ выписки, раздѣленныя на 16 статей, изъ которыхъ каждая опровергается отдѣльно. Это же обличеніе имѣется въ двухъ спискахъ въ рукописи № 136 той же библиотеки, причемъ варианты (иное раздѣленіе статей) существенной важности не представляютъ. Такъ какъ изъ «Сказанія о спорахъ на Керженцѣ» извѣстно, что распространявшій сперва Аввакумовы письма инокъ Сергій былъ впослѣдствіи ихъ обличителемъ, авторъ же настоящаго «Собранія» ссылается на отписки къ Сергію изъ Москвы, то П. С. Смирновъ съ нѣкоторою вѣроятностью предполагаетъ, что Сергій былъ именно авторомъ «Собранія». Относительно личности этого инока Сергія, котораго Аввакумъ называетъ также игуменомъ, г. Смирновъ доказалъ, что это былъ тотъ самый Симеонъ, близкій ученикъ Аввакума, посланія къ которому изданы г. Субботинимъ.

3) «Посланіе діакона Ѳедора изъ Пустозерска къ сыну Максиму и прочимъ сродникамъ и братьямъ по вѣрѣ», изданное г. Субботинимъ въ VI т. «Матеріаловъ», стр. 90—137. Источникъ этотъ очень важенъ, такъ какъ восстанавливаетъ намъ фактическія обстоятельства распри между Пустозерскими узниками и дополняетъ нѣкоторыми подробностями данныя другихъ источниковъ о содержаніи еретическихъ мнѣній Аввакума и Лазаря.

4) Нѣкоторыя собственныя сочиненія Аввакума, частью уже напечатанныя, частью находящіяся еще въ рукописяхъ, причемъ въ однихъ сочиненіяхъ мы видимъ вполне православное изложеніе спорныхъ догматовъ, въ другихъ же встрѣчаемся съ ересью. Изъ напечатанныхъ сочиненій къ этому вопросу относятся: а) второе посланіе къ боярынь Морозовой (т. V, стр. 175—176); б) бесѣда объ Авраамѣ (т. V, стр. 345—350); в) посланіе къ игумену Сергію (т. VIII, стр. 107—112); г) посланіе ко всѣмъ ученикамъ (т. VIII, стр. 81—87). Изъ рукописныхъ сочиненій по данному предмету мы можемъ указать: а) толкованіе пророчества Исаи, въ сборникѣ Имп. Публ. Библиотеки, О. I. № 339, и б) статью о сложеніи персть въ сборникѣ библиотеки Черниговской дух. семинаріи, № 134; оба эти сочиненія находятся въ

таких сборникахъ, въ которыхъ не замѣтно тенденціи полемизировать противъ мнѣній Аввакума, а потому въ особенности второе, какъ заключающее въ себѣ еретическое изложеніе догмата о св. Троицѣ, представляются чрезвычайно важными источниками; оба памятника, въ виду такого ихъ значенія помѣщаются нами въ «Приложеніяхъ».

Споры начались, какъ рассказываетъ диаконъ Ѳеодоръ, относительно одного стиха въ Псалтыри со возслѣдованіемъ, напечатанной при патриархѣ Іоасафѣ, экземпляръ которой былъ у Аввакума. Въ этой Псалтыри, въ тройческомъ канонѣ 6-го гласа, въ первой пѣсни было напечатано: «пресущный едине Господи и *трисіянные образы*, въ тождествѣ зрака сый», но въ послѣдующихъ изданіяхъ выраженіе «*трисіянные образы*» было замѣнено выраженіемъ «*трисіянные лица*». Ѳеодоръ отстаивалъ правильность этого измѣненія, такъ какъ Богъ «исповѣдуются въ трехъ лицахъ въ единомъ образѣ»; но Аввакумъ не соглашался съ нимъ, называя «свою Псалтырь правѣе всѣхъ тѣхъ книгъ», на которыя ссылался Ѳеодоръ. Споръ, конечно, былъ чисто внѣшняго свойства, хотя въ послѣдствіи, при неумѣннѣ спорившихъ, особенно же Аввакума, справляться съ отвлеченными догматическими вопросами, получилъ характеръ дагматическаго спора и привелъ Аввакума къ выраженіямъ, въ которыхъ заключалась ересь. О психологическомъ процессѣ возникновенія такихъ еретическихъ выраженій мы скажемъ далѣе, а теперь упомянемъ еще объ одномъ спорѣ, бывшемъ, вѣроятно, такъ же, какъ изложенный, до Пустозерскихъ казней. Въ той же Іоасафовской Псалтыри, въ 104 псалмѣ было ошибочно напечатано: *и видѣ Израиль во Египетѣ и возврати люди своя зѣло*, — вмѣсто: *возрасти люди своя зѣло*, какъ было исправлено въ послѣдствіи. Когда Ѳеодоръ указалъ на эту ошибку, Аввакумъ разсердился и «всяко браняще» его: «ты хулишь старыя книги, говорилъ онъ Ѳеодору, и переправливать мнѣ велишь, а я за нихъ мучуся отъ никоніянъ давно прежде тебя». Лазарь соглашался съ Аввакумомъ и тоже «брюжжалъ» на Ѳеодора. Споръ продолжался больше года, пока Аввакумъ не согласился исправить «опись» своей книги. «И не мудрая та рѣчь и не богословская, замѣчаетъ по этому поводу Ѳеодоръ, да и о той у него велика голка была». Споръ относительно перваго стиха тоже на время прекратился; Аввакумъ говорилъ Ѳеодору: «кое правѣе въ коихъ

книгахъ, тако и буди, а впредь покинемъ о томъ стязатися въ темницѣ сей»¹⁰⁾.

Однако вскорѣ послѣ Пустозерскихъ казней споръ о Троицѣ возобновился и принялъ уже острую форму, причемъ затронуты были и другіе церковные догматы. Первое по времени извѣстіе объ этомъ столкновеніи, относящееся приблизительно къ 1672 году, принадлежитъ самому Аввакуму, который такъ рассказываетъ объ этомъ въ посланіи (второмъ) къ боярынь Морозовой: «Увы мнѣ, грѣшному! Ей, слезамъ достойно есть: у меня здѣсь діаволь отъ десныхъ ссору положилъ,—въ догматахъ считались, да и разбилися. Молодой щенокъ, Ѳеодоръ дьяконъ, сынъ духовной мнѣ, учаль блудить надъ старыми книгами и о святой Троицѣ преткнулся, и о Христовѣ во адъ сошествіи и о иныхъ догматствуя цониконіянски, нелѣпотно. Въ книгѣ моеи написано и послано къ вамъ о Господѣ. Авъ же, не утергѣвъ безумію его, и слышати не могъ хулы на Господа Бога моего, отрѣзалъ его отъ себя и положилъ подъ клятвою, не ради внѣшнихъ досадъ,—ни, никакоже!—но ради безстудства его на Бога и хулы на старыхъ книгѣ. Буди онъ проклятъ врагъ Божій!»¹¹⁾.

Такимъ образомъ Аввакумъ обвиняетъ Ѳеодора въ еретическомъ ученіи о св. Троицѣ и о сошествіи Христовомъ во адъ, не объясняя, въ чемъ собственно состояло еретичество Ѳеодора въ этомъ случаѣ. Объясненіе это мы находимъ въ «Бесѣдѣ объ Авраамѣ». «Есть, говоритъ Аввакумъ, обрѣтаются нѣкоторые гады, изъ чрева своего гадятъ по челоуѣкообразію быти Бога, неслитенъ единъ образъ и единосіятеленъ, Сына же и Духа внутрь Отца злѣ глаголютъ быти безобразныхъ.—Да инья неподобныя догматы тѣжъ уста гадятъ: бытго Христоръ по востаніи изъ гроба не бысть тѣломъ обоженнымъ з душею во адѣ, но прежде тридневнаго востанія отъ креста взялъ діаволь¹²⁾ душу Христову и несе во адъ, и бывши де во адѣ Христова душа три дня, изведе Адама и вся праведники, и приде к тѣлу, и воскресе Христосъ, явися женомъ и ученикомъ»¹³⁾.

¹⁰⁾ Мат. V, стр. 119—129, 127.

¹¹⁾ Мат. V, стр. 175—176.

¹²⁾ Слова «діаволь» въ изданномъ текстѣ нѣтъ, но по смыслу его слѣдуетъ вставить, такъ какъ дальше говорится: «не діаволь снесе нагую душу»:—то же есть и въ Мат. VIII, стр. 107.

¹³⁾ Мат. V, стр. 346, 347.

Обращаясь къ первому вопросу, т. е. къ догмату о св. Троицѣ, мы видимъ, что Аввакумъ подозрѣваетъ Ѳедора въ стремленіи «слить» лица св. Троицы и противъ такого еретическаго представленія направляется вся его аргументація, какъ въ «Бесѣдѣ объ Авраамѣ», такъ и въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя извѣстны намъ только въ отрывкахъ, причѣмъ рядомъ съ православнымъ изложеніемъ догмата мы находимъ у самого Аввакума ересь, но только противоположную той, въ которой онъ обвиняетъ Ѳедора.

Православное изложеніе мы видимъ въ «Бесѣдѣ объ Авраамѣ», здѣсь говорится слѣдующее: «Вѣруемъ Божество и естество единосраслено, а не слитнѣ, тріипостасно и трисіятельно, равносильно. Отецъ нерожденъ, Сынъ отъ того же естества рожденъ, Духъ Святой отъ Отца исходящъ. Три солнца незаходящія, три свѣта присносіяющія, озаряюща концы. Едина имъ власть, едино господство. Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святой: не три Бози, но единъ Богъ. Вседержитель Отецъ, Вседержитель Сынъ, Вседержитель Духъ Святой: не три вседержителя, но единъ вседержитель. Подобнѣ и равнѣ и в сей святѣй Троицѣ ничтоже первое, или послѣднее, ничтоже болѣе, или менѣе, но цѣлы три составы и соприисносущны себѣ суть и равны». Одинаковое съ приведеннымъ изложеніе (за исключеніемъ незначительныхъ, чисто внѣшнихъ отличій) мы находимъ и въ «Житіи» Аввакума и въ его толкованіяхъ на 12 главу книги пророка Исаи¹⁴⁾.

Иначе выражается Аввакумъ въ недодешшихъ до насъ посланіяхъ къ діакону Ѳедору и къ Игнатію Соловлянину; здѣсь прежде всего бросается въ глаза рѣзкій полемическій тонъ словъ Аввакума, а кромѣ того изложеніе настолько сильно направляется противъ предполагаемаго Аввакумомъ еретическаго слиянія лицъ Св. Троицы, что получается прямо еретическое же разсѣченіе Св. Троицы. Видно, что для Аввакума понятія: «существо», «естество», «лицо», «образъ» представлялись вполне тождественными, и потому-то онъ и спрашиваетъ Ѳедора: «По твоему кучею надобѣ, едино лице и единъ образъ?» Игнатію онъ пишетъ слѣдующее: «Зри, Игнатій Соловьянинъ, и вѣруй трисущную Троицу. Существо *едино* на трое равно раздѣляй: на

¹⁴⁾ Мат. V, 345—6, 7—8, ркп. И. Публ. Биб. О. I. 339, см. «Приложенія».

трое течеть источникъ божества. По Арію не рцы — три существа не равныя, а равныя три существа добръ или естества. Не шевели больше того. *Несѣкомую* сѣки, небось, по равенству *едино* на три существа или естества. Якоже бо слово отъ души рождается и паки въ человекѣ не возвращается, тако и Сынъ отъ Отца родился и во чрево Отчее паки не возвратися. Якоже Спасъ рече: Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ,— волею, а *не существо въ существо*. Три пари небесные, три непостижимые, Комуждо особно сѣдѣние: Отцу и Сыну и Святому Духу. *Не спрятався* сѣдять три пари небесные: яко Петръ и Павелъ и Іоаннъ Богословъ, трое растоящи, тому прилично и божественное трое раздѣльшееся». Всѣ выраженія, которыя мы напечатали курсивомъ, служить, на нашъ взглядъ, достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ, что въ своихъ еретическихъ сочиненіяхъ Аввакумъ не имѣлъ въ виду проповѣдывать ереси, а стремился только рельефнѣе, образнѣе опровергнуть предполагавшуюся имъ ересь Ѳедора: Троицу онъ называетъ «несѣкомой», говоритъ о «единомъ существѣ», но, по его мнѣнію, Ѳедоръ «пряталъ существо въ существо», и онъ даже напоминаетъ Ѳедору, будто тотъ говорилъ: «Аввакумъ свинья, что знаешь? А я небесныя тайны вѣщаю; мнѣ дано; словомъ говорю Троицу, а умнѣ во Отцѣ Сына и Духа вѣрую»¹⁵).

Своему образному представленію лицъ Св. Троицы Аввакумъ думалъ найти подкрѣпленіе въ иконописномъ изображеніи явленія св. Троицы Аврааму. «Видали вы, братія, говоритъ онъ, на иконахъ пишется,—подъ дубомъ за столомъ три ангела сидятъ въ равенствѣ святыхъ образовъ, еже есть всѣмъ тремъ единъ образъ по равенству: яковъ первый, таковъ и второй и третій, неслитна лица святѣй Троицѣ, но въ тождествѣ зрака сый». По цитатѣ Яковлева, приведенной выше, Аввакумъ ссылался также и на лицевую Палею. Такое стремленіе къ образности привело единомышленника Аввакума, Лазаря, къ дальнѣйшему развитію еретическаго ученія о Св. Троицѣ. По словамъ діакона Ѳедора, Лазарь, препираясь съ нимъ, вопилъ: «Троица рядкомъ сѣдить,—

¹⁵) Мат. VIII, стр. 219 — 220, ркп. Черн. дух. сем. № 135, ст. 1—10. Погод. № 1579, л. 79, ст. 1—4. Къ ркп. Черниговской дух. сем. № 136, мы находимъ еще одну «статью», хорошо характеризующую стремленіе Аввакума къ образному представленію догмата: «Яко три солнышка единасвѣтны свѣтять три пари небесные, лица и образы равныя». Хр. Чт. 1897 г. іюль, стр. 70—71

Сынъ одесную, а Духъ Святыи опуюю Отца на небеси на разныхъ престолахъ,— яко царь з дѣтьми сѣдитъ Богъ Отець,— а Христось на четвертомъ престолѣ особномъ сѣдитъ предъ Отцемъ небеснымъ!»¹⁶⁾ За Лазаремъ и Аввакумъ началъ, по выраженію Федора, «четверить» Троицу, причемъ такое свое еретическое толкованіе онъ мотивировалъ опять же, какъ опроверженіе ереси Федора, который будто бы утверждалъ, что «Христось возшедь на небо сѣде во Отцѣ». Федоръ рѣшительно отрицаетъ справедливость подобнаго обвиненія, говоря, что Аввакумъ на него «лжетъ по' страсти гнѣвной». Однако опроверженіе этой мнимой ереси Федора является у Аввакума довольно пространнымъ, онъ пишетъ: «не скрывайте, еретики, и Христа тово, въ Троицу мѣсяще невѣдомъ... Сѣдитъ на особомъ престолѣ равно Святѣи Троицѣ спарствуя. Сѣдитъ Богъ и человекъ одесную Бога на престолѣ Своемъ царскомъ. Да и ладно такъ, дитятко' бѣшеное: не замай Его, на престолѣ томъ своемъ сѣдитъ, не пехай поганымъ своимъ языкомъ съ престола того царскаго къ ногамъ Отца. Помнишь ли, собака, лаешъ: существо де Божества внутрь Отца, а смотрѣніе подлѣ ногъ Отца близъ сѣдитъ. Такъ то ты говорилъ, громобитный врагъ»¹⁷⁾.

Какъ ни яростны эти нападки Аввакума на приписываемую имъ Федору ересь, въ собственномъ сочиненіи Федора мы находимъ вполне православное изложеніе догматическаго ученія о св. Троицѣ¹⁸⁾; однако намъ кажется, что на этомъ основаніи мы не можемъ вполне безапелляціонно обвинить Аввакума во лжи: очень можетъ быть, что въ устномъ спорѣ со своими противниками Федоръ выражался не совсѣмъ такъ точно, какъ онъ излагаетъ въ своемъ сочиненіи; а кромѣ того даже и въ письменномъ изложеніи мы находимъ такую фразу, которая отчасти можетъ намъ объяснить возникновеніе подозрѣній Аввакума, далеко не обладавшаго способностью и подготовкой къ отвлеченному богословскому мышленію. Вотъ эта фраза: «Авъ исповѣдую... единъ трисіяненъ образъ, *другъ въ другъ вмѣщеніе имуть* кромѣ всякаго размѣшенія и сліянія, по Богослову Григорьеву словеси». Весьма

¹⁶⁾ Мат. VI, стр. 107—108. Ссылка Аввакума на икону явленія Св. Троицы Аврааму была извѣстна и Федору. Мат. VI, стр. 126.

¹⁷⁾ Ркп. Черниг. сем. № 135, ст. 14 (Хр. Чт. *ibid.*, стр. 72).

¹⁸⁾ Мат. VI, стр. 97, 98, 108.

возможно, что выраженіе «другъ въ другѣ вмѣщеніе имуть», взятое внѣ связи съ остальной аргументаціей Ѳеодора, возбуждало въ Аввакумѣ и Лазарѣ подозрѣніе, что Ѳеодоръ «прячетъ существо въ существо», помѣщаетъ «существо Божества внутрь Отца», впадаетъ въ «единобожество»¹⁹⁾.

Приведенныя выше слова: «Христа того не скрываете, еретики, въ Троицу мѣсяще, недовѣдомѣ изліянія-того во Христѣ благодать, того же существа сѣдит на особномъ престолѣ, равно Святѣй Троицѣ спарствуя» мы нашли въ статьѣ «О сложеніи персты» въ сборникѣ Черниговской духовной семинаріи, № 134. Тамъ эти слова приписаны Мелетію, патр. Антіохійскому, и являются обличеніемъ троеперстнаго крестнаго знаменія. Это обстоятельство, на нашъ взглядъ, можно считать подтвержденіемъ предположенія, высказаннаго П. С. Смирновымъ, что еретическое ученіе о св. Троицѣ въ примѣненіи къ крестному знаменію могло явиться и при самой первой вспышкѣ протеста противъ Никоновыхъ исправленій, въ челобитной, поданной Аввакумомъ и Даниломъ Костромскимъ. Такимъ предположеніемъ г. Смирновъ объясняетъ вопросъ Никона восточнымъ патріархамъ: «Како разумѣти двѣма персты, указательнымъ и среднимъ, смотрѣнія таинство, яко да не возмнится кому четвертое лицо въ составѣхъ имѣти»; такимъ же образомъ объясняется и наставленіе «Скрижали»: «зрите убо, еда не впадете, аще и нехотящимъ вамъ, во еже мудрствовати двѣ ипостаси во единомъ Христѣ и раздѣляти по Несторію, глаголющему иного убо быти сына Бога Слова, иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ, другаго же Исуса иже изъ Назарета, человека проста нещечавшему, и по любви соединенна, а не Бога истинна воплощшася, якоже и вы нынѣ раздѣляете: первѣе въ трехъ перстѣхъ изображающихъ святую Троицу указываете быти Сыновню ипостась, таже особь отдѣливше ину повѣдаете быти, во указательномъ, глаголю, и великосреднемъ»²⁰⁾. Объясненіе г. Смирнова приобрятаетъ, по нашему мнѣнію, еще большую вѣроятность въ виду указаннаго нами примѣненія еретическаго ученія о Троицѣ къ вопросу о перстосложеніи. Тѣмъ не менѣе мы не рѣшимся пока утверждать, чтобы статья «о сложеніи персты», которую мы раз-

¹⁹⁾ Мат. VI, стр. 121.

²⁰⁾ Хр. Чт. *ibid.*, стр. 63—64.

смотримъ далѣе, была не дошедшей до насъ челобитной Аввакума и Данила.

Вторымъ пунктомъ, по которому вскорѣ послѣ Пустозерскихъ казней возникло разногласіе между Ѳедоромъ и Аввакумомъ, былъ, какъ мы видѣли, вопросъ о сошествіи Христа во адъ. Кратко свое ученіе по этому вопросу Аввакумъ, съ которымъ не соглашался въ этомъ случаѣ и Лазарь, излагаетъ въ «Бесѣдѣ объ Авраамѣ» слѣдующимъ образомъ: «обоженнымъ тѣломъ и душею по востаніи изъ гроба Христосъ тридневно сиде во адъ чловѣкъ обоженъ, еже есть тѣло и душа, и изведе вся святыя отцы и праотца Адама и со Еввою». Гораздо пространнѣе и съ подробностями реальнаго характера изложено то же ученіе въ отрывкахъ, находящихся въ рукописи № 135, Черниговской духовной семинаріи: «Прежде изъ гроба востаніе, а потомъ во адъ сошествіе. Понеже Господня душа, просто молыть, не была во адѣ, якоже прочихъ святыхъ души, но Христосъ послалъ ее къ Отцу съ кровію Своею, насъ выкупая, а не во адъ отъ креста поиде. Пречистой души во адъ сошедши съ тѣломъ неистлѣннымъ во гробъ лежащимъ, а не безъ души тѣло бысть во адѣ и душа бесъ плоти. Яко воста изъ гроба Христосъ и низложися во адъ, еже есть Богъ Слово плотію и душею сиде во адѣ. Каковъ родился, таковъ обоженною душею и плотію во адѣ былъ. А еже глаголете, яко не бысть Христосъ по востаніи изъ гроба тѣломъ и душею во адѣ, но единою-де душею ада плѣни, а тѣло-де въ то время мертво въ гробу лежа: пощади, Сынъ Божій, отъ сего безумія и нелѣпаго мудрованія! Проклять тако мудрствуя! Въ третій день воста Сынъ Божій, сиде тѣломъ и душею во адова жилища; ну, такъ чловѣкъ Христосъ и бысть во адѣ, а не душа безъ тѣла,—не плутай! Пресвятая душа во адъ сошедши, вода тѣло нетлѣнно во гробъ Избавителя—нашего свѣта. Во гробъ Богъ Слово, лежа чловѣчески, уничиженъ безславно, а егда воставше яко отъ сна, возьмъ душу той же Богъ Слово, лежай во гробѣ, яко левъ шатаніемъ разшатався плотію з душею во адъ Божески, и прилетѣвъ красненекъ отъ гроба, яко женихъ отъ чертога, да возми да понеси силы небесныя, воровъ—бѣсовъ души; яко левъ, пьянъ бывъ, реветъ да ломаетъ, шюмить у него въ головѣ—той,—употчивали любимыя дѣтшски, возлюбленный Израиль... А Ѳедька прелагатай со единомышленники проклять да есть, ей да будетъ и будетъ во вѣкъ. Собака,

бл... сынъ, адовъ песь! Вотъ тебѣ, отступникъ, пѣсни пѣснямъ Соломоновы: играй подь клятвою вѣчною! Да затворить тя Богъ въ противленіе истинѣ, погибай со своими, окаянный! Оедька поганецъ, слушай: умучи ада, сошедъ во адъ плотію, горе бысть аду отъ плоти, пресѣкло тѣло Христово чрево адово. «Слава Богу! подите, бѣдныя тюремщики изъ тюрьмы вонъ, Богъ простилъ Адама со адамленки»,—да и вышелъ со святыми изъ земли Христось и со всѣми бѣдными горемыками воскресшими, по апостолу, вото, въ третій день, по Писаніихъ, явился апостоломъ»²¹⁾.

Такъ излагаетъ Аввакумъ свое ученіе о сошествіи Христовомъ во адъ въ своихъ сочиненіяхъ, въ устной же полемикѣ съ Ѳедоромъ, вѣроятно, присоединялись и другія подробности образнаго, реальнаго характера. Такъ, по словамъ Ѳедора, онъ различалъ «востаніе» изъ гроба отъ воскресенія: первое было при схожденіи въ адъ, а «воскресъ Христось, какъ изъ ада вышелъ»; кромѣ того Аввакумъ, по словамъ Ѳедора, говорилъ, что «до востанія Христова душа въ рукахъ Отчихъ бысть на небеси: тамо ходила къ Богу Отцу и кровь Христову гостинца носила и на жидовъ била челомъ, еже они Христа убили напрасно»²²⁾; эта фраза является болѣе образнымъ выраженіемъ того, что говорится въ отрывкѣ, сохраненномъ Черниговской рукописью, что Христось со креста послалъ Свою душу къ Богу Отцу со Своею кровью, хотя очень можетъ быть, что Ѳедоръ, руководясь ироніей, не совсѣмъ точно передаетъ слова Аввакума. Однако, что касается различія между востаніемъ и воскресеніемъ, то на это можно видѣть нѣкоторый намекъ въ слѣдующихъ словахъ Аввакума: «Воста Христось: и низложися адъ; воста Христось: и падоша бѣсове (Виждь: воста Христось отъ гроба, и потомъ низложися адъ и падоша бѣсове; но востаніе изъ гроба разореніе аду бысть и праведнымъ изведеніе, и потомъ явился Христось женамъ и ученикамъ). Воскресе Христось: и радуются ангели; воскресе Христось: и жизнь живетъ во всемъ мірѣ»²³⁾. Можетъ быть, это отдѣльное комментированіе словъ

²¹⁾ Хр. Чт. *ibid*, стр. 77—78. Рзп. Черниг. дух. сем. № 134, ст. 13.

²²⁾ Мат. VI, стр. 97, 107.

²³⁾ Мат. V, стр. 348.

«воста Христось» и было поводомъ для Аввакума установить различіе между востаніемъ и воскресеніемъ.

Федоръ относительно этого пункта разногласій мыслить вполнѣ православно и ссылался на Священное писаніе (Евангеліе и Дѣянія апостоловъ) и на православное богослуженіе, говоря: «паче же святыи Дамаскинъ Іоаннь во Октаѣ, во всѣхъ осми гласѣхъ, по вся воскресныя дни, въ стихѣрахъ и канонѣхъ научаетъ, яко во адѣ бысть Христось до воскресенія Своего съ душою единою три дни и три ноци, по словеси Своему, якоже Іона въ китѣ, а во гробѣ съ плотію толико же лежа, погребенъ бѣ; а не послѣ востанія отъ гроба сходилъ съ плотію, — никакоже». Кромѣ этого Федоръ ссылался на Цвѣтную Тріодь и на сочиненія отцевъ церкви: Евсевія Самосатскаго, Іоанна Златоуста, Григорія Солунскаго и Епифанія Кипрскаго²⁴). Аввакумъ же въ свое оправданіе приводилъ слѣдующія свидѣтельства: 1) Слово Іоанна Златоуста на св. Пасху, въ которомъ говорится: «свободи насъ Спасова смерть, угаси бо ея, иже отъ нея держимый, умучи ада сошедый во адѣ, горе бысть ему вкусившу плоть его»; въ этихъ словахъ Аввакуму особенно убѣдительнымъ въ пользу его воззрѣній казалось выраженіе «вкусившу плоть», и онъ прибавлялъ въ поясненіе: «а не нагую душу», хотя цитата не имѣла никакого отношенія къ вопросу о сошествіи Христа во адѣ. 2) Изъ пророчества Исаіи приводятся слова: «адъ огорчися, срѣтъ тя долѣ, ибо поруганъ бысть; пріять тѣло, и Богу приразися» и т. д., причѣмъ выраженіе: «пріять тѣло» также толкуется въ буквальномъ смыслѣ, съ поясненіемъ «не нагую душу». 3) Изъ «Слова на иконоборцевъ» Іоанна Дамаскина въ Большомъ Соборникѣ дѣлается слѣдующая цитата, тоже не подходящая къ вопросу: «Но речеши мнѣ, противниче, всяко, яко Христось неописанъ есть, и недомыслимъ, и безстрастенъ, и непостижимъ; и азъ тебѣ глаголю тако: но плотію описуется, якоже явися на земли со страстьми ея. Но паки речеши ми, яко прочее разлучаеши плоть отъ Божества? Но послушай сопротивляйся, яко никогдаже разлучишася другъ отъ друга, ниже во утробѣ матери, ниже в крещеніи, ниже на крестѣ, ниже во адѣ». 4) Слова Епифанія Кипрскаго: «Предшествуютъ же ему архангели Михаилъ и Гавріиль и прочія силы ангельскія, гла-

²⁴) Мат. VI, стр. 106—107.

голюще: возмите врата князи ваша и прочая»; и 5) Слова Евсевія Самосатскаго: «Идуще предъ Спасителемъ силы вопіяху: возмите врата князи ваша».

Послѣднія двѣ цитаты, не имѣющія прямого отношенія къ вопросу о томъ, сходилъ ли Христосъ въ адъ тѣломъ и душой, или одною душею, явились у Аввакума для опроверженія мнѣнія, которое Ѳеодоръ высказалъ въ устныхъ спорахъ, о томъ, что «душа Христова была снесена въ адъ смертью и дьяволомъ». Доказывая это свѣе положеніе, Ѳеодоръ ссылаясь на одно выраженіе въ 4 словѣ «Просвѣтителя» Іосифа Волоцкаго ²⁵⁾ и на сочиненія Григорія Омиритскаго. Аввакумъ называлъ это мнѣніе «бреднями» и съ негодованіемъ восклицалъ: «статное ли дѣло, душу Божию дьяволамъ обладать? Смерть и тѣломъ не обладала, нежели душою! Какой то будетъ Богъ, что душу свою отъ разбойниковъ отнять не могъ?» Ссылка Ѳеодора на авторитетъ Іосифа Волоцкаго и Григорія Омиритскаго не удовлетворяла Аввакума, онъ высказывалъ сомнѣніе въ принадлежности такого взгляда этимъ святымъ: «святое-тъ бы насилу самъ написалъ бы такъ. Полно, воръ нѣкто такой же въ книгу ту его внесъ, что и Ѳеода отступникъ, въ тетрадкахъ подметныхъ чтути. На Григорья того Омиритскаго солгалъ нѣкто воръ, — именемъ ево бездѣлицу утверждаетъ». Интересны при этомъ нѣкоторыя общія критическія положенія, высказывавшіяся Аввакумомъ: «Сего ли дни воруютъ? Во-ся петь Климантовы-тѣ книги, и повыше Іосифа—того, не исказили-ль? Или и Григорія Низкова правила? Въ письменныхъ тѣхъ всячину найдешъ! Во псалтыряхъ тѣхъ толковыхъ есть всячина: толковщиковъ тѣхъ много!» Но даже, если тѣ свидѣтельства, на которыя опирался Ѳеодоръ, дѣйствительно принадлежать святымъ Іосифу и Григорію, то и въ такомъ случаѣ они, по мнѣнію Аввакума, не могутъ имѣть значенія: «Іосифъ Волоцкій ратуется съ писаніемъ, пишетъ не-ладно», «и тому не подобаетъ вѣрять». Поэтому правовѣрнымъ дается совѣтъ плюнуть въ то мѣсто, идѣже писано, «яко дьяволъ и смерть душу Христову безъ тѣла во адъ волочили» и даже

²⁵⁾ И сведена бысть смертію и дьяволомъ душа Его въ адъ, имущи въ себѣ потаено Божество, яко на удици лценія. «Просвѣтитель», 3-е изд., стр. 156.

одобряется, «если кто и всю книгу ту за Христово безчестіе во огонь кинеть» ²⁶).

Догматическій споръ о лицахъ Св. Троицы привелъ Пустозерскихъ расколоучителей къ вопросу объ общихъ свойствахъ Божества, и отсюда истекли два новыхъ заблужденія Аввакума, касавшіяся догматовъ воплощенія Христова и сошествія Св. Духа на апостоловъ. Разногласіе произошло, можетъ быть, прежде всего изъ-за вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ понимать вездѣ-присутствіе Божіе,—это вопросъ основной, отъ котораго зависѣло правильное пониманіе спорныхъ догматовъ, хотя, ставя этотъ вопросъ впередъ, мы не рѣшимся утверждать, чтобы и по времени онъ возникъ раньше; дѣйствительно, легко могло быть, что послѣ обнаруженія тѣхъ или другихъ еретическихъ мнѣній, противники рѣшили обратиться къ самому основанію этихъ мнѣній, а основаніе это въ «спорныхъ письмахъ» Аввакума являлось въ такой формѣ: «Исповѣдую всюду Божій промысль, всюду Божія сила, всюду обдержитъ неизреченно, всюду видѣть и слышитъ всевидящее Око, а свойства блаженнаго Существа въ вышнихъ пребываетъ, въ свѣтѣ живой неприступнѣмъ, а на землю и подъ землю непоступно» ²⁷). Такимъ образомъ существо Бога представлялось сознанію Аввакума съ нѣкоторымъ пространственнымъ ограниченіемъ, «пребывающимъ въ вышнихъ», «непоступнымъ»; подобное представленіе о «непоступности» Божества можно видѣть и въ приведенныхъ уподобленіяхъ Бога земному царю. Эта мысль заключается въ томъ положеніи, что Богъ «великъ не по существу состава, но великъ и всесилень властію державы, въ существѣ Его къ хотѣнію припряжена сила: что восхоцеть, то и сотворить». Величіе «властію державы» и «непоступность существа» тѣсно между собою связаны, и вѣроятно, первое положеніе предшествовало второму, а его источникъ опять-таки заключался въ стремленіи къ образности, которое выразилось въ уподобленіи Бога земному царю, «не великому, но вездѣ обладающему». Теорія «непоступности» Божества у нѣкоторыхъ сторонниковъ Аввакума, по словамъ діакона Федора, выражалась еще болѣе радикальнымъ образомъ; они го-

²⁶) Мат. VIII, стр. 108. 112 Ркл. Черниг. дух. сем. № 135, ст. 13 (См. Приложенія).

²⁷) Ркл. Черниговской дух. сем. № 135, ст. 7 (См. Приложенія).

ворили: «не сходятъ само Божество и существо съ неба на землю, не вездѣ есть Богъ существомъ» ²⁸⁾.

Но если существо Божіе отличается «непоступностью», то какъ согласовать съ этимъ свойствомъ ученіе о Христовомъ воплощеніи? Какъ допустить, чтобы Богъ, «непоступно существомъ пребывающій въ вышнихъ», могъ сойти «въ чрево Дѣвья», быть «во гробѣ съ плотію», «во адѣ душею нагою», «въ рай со разбойникомъ»? Не явится ли такимъ образомъ «разсѣченіе единороднаго Сына на четыре ипостаси»? И вотъ, чтобы избѣжать такого противорѣчія своему основному взгляду на свойство существа Божія, Аввакумъ сталъ проповѣдывать, что Богъ вочеловѣчился не существомъ, но благодатью. «Авъ исповѣдую, писалъ онъ къ Сергію, и вѣрую свойство недвижимо, но изливъ Себе Богъ Слово во утробу Дѣвья силу существа естественную, припряжена бо къ Божію хотѣнію Ему сила: восхотѣвъ бо, изливъ Себѣ неизреченно, а самое существо отнюдь, отнюдь непоступно. Отча нѣдра не оставь, сошедъ на землю *силою благодати* несказанно. Не самое Божественное существо поступи отъ превыспреннихъ, но *промыслъ* неизглаголанъ. Якоже пророцы видѣша, тако и вочеловѣчился Сынъ Божій дѣйствомъ Духа Святаго, а не самымъ существомъ, но *схожденіемъ*». Опять являлось новое матеріальное уподобленіе схождения Божества солнечному свѣту: «Якоже солнце луча своя на землю низпускаетъ, а самый кругъ огня выпрѣ при тверди, тако и о Бозѣ подобаетъ разумѣвати». Аввакуму казалось, что, допуская воплощеніе Бога существомъ, придется предположить «истощеніе Божественнаго существа»; поэтому онъ особенно настоятельно говорилъ, что Христось «вочеловѣчился неотлучнымъ Божествомъ существа Своего отъ нѣдръ Отчихъ», что «самое существо ипостаси не истощися и пребысть нераздѣльно и отъ Отца неотлучно», что «Христось существомъ весь горѣ со Отцемъ бысть несѣкомо» ²⁹⁾. Такимъ образомъ, источникъ этого новаго заблужденія Аввакума опять-таки заключается въ полемическомъ увлеченіи, въ стремленіи опровергнуть мнимую ересь Ѳедора, будто-бы разсѣ-

²⁸⁾ Мат. VI, стр. 110.

²⁹⁾ Ркп. Черниговской дух. сѣм. № 185, ст. 12. Это же ученіе о воплощеніи находится и въ посланіи Аввакума къ нѣкому Іонѣ, Хр. Чт. 1888, I, стр. 752 (См. также Приложенія къ настоящему изслѣдованію).

кающаго Божественное существо; а кромѣ того ясно, что отвлеченная высота христіанскаго догмата не была доступна пониманію Аввакума, привыкшаго мыслить конкретно, образно, прибивавшаго вслѣдствіе этого къ такимъ сравненіямъ, которыя еще болѣе укрѣпляли его въ его заблужденіяхъ.

Съ догматомъ о воплощеніи тѣсно связанъ былъ вопросъ о зачатіи Христовомъ. Каково было объ этомъ мнѣніе Ѳедора, мы изъ его собственныхъ сочиненій ничего не знаемъ; Аввакумъ же приписываетъ ему очень странный взглядъ: «ухомъ де Христость вниде въ Дѣву, и неизреченно бокомъ изыде». Насколько достоверно это показаніе, мы не можемъ сказать, но, опровергая заблужденіе Ѳедора, Аввакумъ пускается въ такія разсужденія, которыя представляются прямо неумѣстными. «Мы же, говорить онъ, о зачатіи Бога Слова по писанію вѣруемъ сице: пророку Іезекиилю показано на востоцѣ дверь заключена, ею же дверію никтоже пройде токмо единъ Богъ, и паки запечатлѣну остави. И Іосифъ творецъ канономъ пишетъ, святой, сице: не разверзе двери дѣвства въ воплощеніи, гробу не разверзе печати, Христость изыде. Сій стихъ писанъ на Пасху. И паки той же Іосифъ пишетъ въ канонѣ акаѣисту Богородицы 8-я глѣбни стихъ: ложесны Слово пріяла еси, и иже вся носящаго понесла еси. Видждь, слышателю, въ зачатіи Богъ Слово дверію естественною вниде, сирѣчь ложесны, а не ухомъ слуха, и примѣть кровь отъ пречистыхъ кровей ея, девятомѣсячно изыде тѣми же дверьми неизреченно, а не бокомъ, но ложесны изыде, и паки запечаталъ. Понеже прежде рождества и въ рождествѣ и по рождествѣ паки дѣвая» ³⁰⁾.

Эти споры волновали раскольниковъ, и, вѣроятно, образное изложеніе Аввакума привлекало на его сторону не мало людей, для которыхъ отвлеченная, хотя и вполне православная, рѣчь Ѳедора представлялась не совсѣмъ понятной. Являлись, по словамъ Ѳедора, разные «невѣжи, безумно толкующіе отъ своего нечистаго смысла и заблуженія»,—они приводили Ѳедору такое доказательство: «аще бы самое существо сошло въ дѣвицуту, Христову мать, такъ бы и сожгло ея чрево-то» ³¹⁾. Укоряли его и во всѣхъ другихъ его мнимыхъ заблужденіяхъ: «не буди

³⁰⁾ Мат. V, стр. 349—350.

³¹⁾ Мат. VI, стр. 114.

намъ, Феодоръ Ивановичъ, и помыслити по твоему, еже самое существо во Христѣ вѣровати, или безъ плоти Христу до воскресенія во адъ сходити съ душею единою, или Святому Духу самому существомъ снити на Апостолы тогда въ Пятидесятницу» ³²⁾).

Къ догматическому ученію о Святомъ Духѣ Аввакумъ примѣнили тотъ же самый принципъ «непоступности» Божества, и съ этой точки зрѣнія оказалось, что «самое существо Паракли-тово: отнюдь свойство недвижимо пребываетъ», или (какъ, по словамъ Феодора, выразился еще рельефнѣе какой-то ученикъ Аввакума, «слѣпой бѣдной бусловъ»), Богъ Духъ не посылается съ неба никуда, но благодать и сила отъ Духа посылается». Согласно съ такимъ взглядомъ, приходилось признавать, что въ день Пятидесятницы Духъ Святый сошелъ на апостоловъ не существомъ, а только благодатью, подобно тому, какъ Онъ дѣйствовалъ черезъ пророковъ. «Статное ли то дѣло, восклицалъ Аввакумъ, существомъ Духу Святому снити и раздавшѣ дары, паки горѣ взыти? Самый робячей розмыслъ! Якоже посулили Господь, тако и сотворилъ: въ десятый день по Вознесеніи посла Утѣшителя, сирѣчь благодать, а не самое существо, ниж тварно что, но благъ благодать прииде и вселися во ученики и неотлучно пребысть съ ними». Какъ передаетъ Феодоръ, и въ этомъ случаѣ не обошелся Аввакумъ безъ крайне реалистиче-скаго толкованія чудеснаго факта, сообщаемаго Священнымъ Пи-саніемъ: «тѣ убо языки на главахъ апостольскихъ не Духа Свя-таго сѣденіе глаголатъ онъ, но благодать пришедшую изъ апо-столовъ сквозѣ тѣмь: не вмѣстилася-де въ нихъ вся и на главы вышла!» Заблужденія относительно свойствъ Сына Божія и Свя-таго Духа были самыми упорными, и Аввакумъ продолжалъ ихъ держаться, даже примирившись съ Феодоромъ относительно дру-гихъ пунктовъ разногласій ³³⁾).

Коснулись въ спорѣ ученія о душѣ, причемъ изъ словъ Аввакума можно предполагать, что споръ этотъ возникъ вслѣд-ствие уподобленія души Божественному существу по ея безплот-ности и трисоставности, на что можно найти указанія у Отцевъ Церкви. Аввакумъ утверждалъ, что всѣ святые «научаютъ, яко душа единосраслена и тѣлесовидна: умъ, слово и духъ — силы

³²⁾ Мат. VI, стр. 101.

³³⁾ Рип. Черниговской дух. сем. № 185, ст. 15. Мат. VI, стр. 101, 120.

въ ней дѣйствѣнныя», т. е. не составныя части, а три вида проявленія душевной энергіи. Человѣкъ, по словамъ Аввакума, сообразенъ Богу; но душа «не по естеству божественному имать естество, но вещь тѣлесовидна, ангель нѣкій, чистѣйшій духъ—душа, но и плотна есть, единовидна и единосоставна, а не три-составна, прежде ума и слова сотворена». Названіе души три-составной, какъ указалъ П. С. Смирновъ, встрѣчается у Григорія Богослова, но есть ли въ этомъ названіи указаніе частей души, противъ котораго возстаеъ Аввакумъ, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ видно, что и здѣсь Аввакумъ вооружался противъ какой-то представлявшейся ему ереси Ѳеодора, можетъ быть, противъ разсѣченія души на три части, понимаемаго какъ-нибудь матеріально, хотя положительнаго свидѣтельства о такомъ взглядѣ мы не имѣемъ, такъ какъ самъ Ѳеодоръ объ этомъ пунктѣ разногласія ничего не говоритъ ³⁴⁾.

Кромѣ изложенныхъ вопросовъ, о которыхъ мы имѣемъ показанія самого Аввакума, мы знаемъ со словъ Ѳеодора еще о трехъ предметахъ, возбудившихъ споры между Пустозерскими союзниками. Прежде всего препирательство возникло между Ѳеодоромъ и Лазаремъ, къ которому присоединился и Аввакумъ; по вопросу о томъ, какъ надо себѣ представлять ангеловъ, причемъ Лазарь, какъ видно изъ словъ Ѳеодора, стремился къ человѣкообразному представленію ангеловъ, согласно съ тѣмъ, какъ они пишутся на иконахъ, и ссылаясь на Діонисія Ареопагита. «И у ангеловъ онъ, Лазарь, глаголаше власы быти, и торочки на главахъ, и зеркала въ рукахъ, и крыла у нихъ. Авъ же глаголахъ ему преко, яко ангели вси не имѣють плотскаго въ себѣ ничего, ни власовъ, ни крылъ, ни главъ, ни рукъ человѣческихъ: зане души суть. А пишутся они по плотскому виду того ради, понеже инако не возможно написать ангела и души, и Бога самого на иконѣ... И то они, батки, поставили въ хулу мнѣ по рвенію, Аввакумъ писалъ глухо, будто азъ Ѳбдной, такой и сякой, отъ сновъ прельстился и с ума сбрелъ. Не постави имъ, Господи, въ грѣхъ сего!» Ссылка на сочиненія св. Діонисія Ареопагита дѣлалась, вѣроятно, примѣнительно къ мнѣніямъ Аввакума и Лазаря о лицахъ св. Троицы, такъ какъ приводилось, по словамъ Ѳеодора, названіе Сына Божія и Духа Святаго «бо-

³⁴⁾ Ркп. Черниг. дух. сем. № 135, ст. 16. Хр. Чт. 1897 г., июль, стр. 80—81.

госадными отраслями», и при этомъ ссылались и на статьи Діонисія объ ангелахъ. Каковы были эти послѣднія ссылки, Федоръ не сообщаетъ, у Аввакума же въ его «Житіи» мы находимъ ссылки, не имѣющія отношенія къ излагаемому Федоромъ человѣкообразному ученію объ ангелахъ³⁵⁾.

По двумъ другимъ спорнымъ вопросамъ, о которыхъ мы знаемъ со словъ Федора, по вопросамъ о пресуществленіи св. даровъ на литургіи и объ основаніи церкви, Аввакумъ и Лазарь высказывали мнѣнія, также не принятыя православной церковью: относительно пресуществленія они думали, что оно совершается на проскомидіи, тогда какъ Федоръ тоже неправильно полагалъ, что оно совершается при произнесеніи словъ Спасителя: «примите и ядите, се есть тѣло мое»³⁶⁾; основаніемъ церкви Аввакумъ и Лазарь считали не Христа, но апостола Петра³⁷⁾. Это послѣднее показаніе Федора можетъ быть отчасти подтверждено тѣми неясными выраженіями, которыя мы находимъ въ разобранномъ нами Аввакумовомъ «посланіи къ неизвѣстному лицу», въ которомъ, говоря о четвероконечномъ и осьмиконечномъ крестахъ и приведя слова Спасителя: «Яко ты еси Петръ, и на семь камени созижду церковь мою», Аввакумъ замѣчаетъ: «Пускай, стереги церковь Христову, *на тебѣ церковь положена*, сирѣчь приказано тебѣ то дѣло вѣрному и доброму пастырю: стой в олтарѣ, пастырь, и гляди на всю церковь»³⁸⁾. Отмѣченныя курсивомъ слова, можетъ быть, въ устномъ изложеніи и вели къ предположенію, что основаніемъ церкви долженъ считаться апостоль Петръ, хотя въ приведенномъ отрывкѣ, а особенно въ другомъ сочиненіи Аввакума, въ «Книгѣ на крестоборную ересь» нельзя видѣть яснаго выраженія этого неправославнаго взгляда; и тамъ Аввакумъ, сравнивая формы крестовъ, выражается о крестѣ «Петровомъ» (четвероконечномъ) такимъ образомъ: «Гляди на престолъ и на церковь, и люди Христовы паси, по заповѣди Его, якоже приказано тебѣ стадо сіе противу отвѣта твоего»; а затѣмъ приведя относящееся сюда мѣсто изъ Евангелія, онъ говоритъ: «Да по заповѣди Господа Бога и Спаса нашего Ісуса

³⁵⁾ Мат. VI, стр. 117—118, V, стр. 6—7.

³⁶⁾ Мат. VI, стр. 128.

³⁷⁾ Мат. IV, стр. 97.

³⁸⁾ Мат. V, стр. 219.

Христа и намъ дана таже власть, архіереомъ и іереомъ, якоже и Петру, право правящимъ слово Господне,—вмѣстѣ сѣдимъ на горнемъ мѣстѣ подъ его Петровымъ крестомъ»³⁹⁾. Изъ этого можно видѣть, что въ спорѣ опять таки было какое-то недоразумѣніе, происходившее отъ неясности выраженій, которыхъ, къ сожалѣнію, мы не знаемъ.

Резюмируя наложенныя свѣдѣнія о еретическихъ мнѣніяхъ Аввакума, мы находимъ правильнымъ установить слѣдующія положенія:

1) Отвергать дѣйствительность споровъ, происходившихъ между Пустозерскими расколоучителями, и существованіе еретическихъ мнѣній Аввакума, какъ это дѣлаетъ Семенъ Денисовъ въ своемъ «Виноградѣ», не представляется возможнымъ,—и это уже доказано митр. Макаріемъ, Александромъ Б., авторомъ статьи «Протопопъ Аввакумъ, какъ вѣроучитель и законодатель раскола», и П. С. Смирновымъ.

2) Предметы, по которымъ произошелъ споръ между расколоучителями, точно опредѣляются нашими источниками, перечисленными выше.

3) Однако источники эти не полны или односторонни. Показанія Федора, несмотря на видимую его добросовѣстность, не могутъ быть принимаемы безъ всякихъ оговорокъ: въ нихъ передается вполнѣ, вѣроятно, точно самая сущность еретическихъ мнѣній Аввакума, но они не даютъ намъ ключа къ опредѣленію причинъ возникновенія этихъ мнѣній. Собственныя сочиненія Аввакума, относящіяся къ данному вопросу и сохранившіяся только въ отрывкахъ (за исключеніемъ «Бесѣды объ Авраамѣ». «Посланія къ нѣкому Іонѣ» и «Посланія къ Сергію»), именно благодаря этой отрывочности, не даютъ достаточно прочнаго основанія для сужденія о генезисѣ еретическихъ взглядовъ протопопа.

4) Но все же мы можемъ по нѣкоторымъ выраженіямъ, нами указаннымъ, предположить, что еретичество Аввакума, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ спора, имѣло источникомъ желаніе опровергнуть предполагаемое еретичество противника; опровергая такую ересь, Аввакумъ, благодаря неумѣнью отвлеченно мыслить, благодаря стремленію представлять свою мысль въ возможно образной, рельефной формѣ, увлекаясь полемиче-

³⁹⁾ Мат. V, стр. 281—282.

скимъ задоромъ, самъ впадалъ въ ересь, противоположную той, въ которой онъ заподозривалъ своего противника и въ которой тотъ былъ совсѣмъ неповиненъ.

Послѣ этихъ замѣчаній о содержаніи полемики между Аввакумомъ и Ѳеодоромъ скажемъ нѣсколько словъ и о ея характерѣ. Въ отрывкахъ сохранившихся «спорныхъ писемъ» Аввакума намъ бросается прежде всего въ глаза та бездоказательность, съ которой онъ выставляетъ свои еретическія мнѣнія. Однако, если мы сравнимъ эти отрывки съ Бесѣдой объ Авраамѣ» и съ «Посланиемъ къ Сергію», то мы замѣтимъ, что въ этихъ послѣднихъ произведеніяхъ Аввакумъ приводитъ разныя доказательства изъ Священнаго Писанія, твореній св. отцовъ и изъ бого-служебныхъ книгъ (мы ихъ указывали выше); о такихъ доказательствахъ упоминаетъ и Ѳеодоръ, говоря, что Аввакумъ неправильно толкуетъ писанія, и на этомъ основаніи мы можемъ предположить, что подобныя же доказательства могли быть и въ недошедшихъ до насъ «спорныхъ письмахъ»; эти доказательства не представляли интереса для составителей обличеній на «спорныя письма», для нихъ важно было, въ виду ихъ полемической цѣли, представить одну сущность Аввакумовыхъ заблужденій, и они свободно опускали его доказательства, приводя, впрочемъ, изъ нихъ такія, которыя являлись бы курьезомъ и по своему характеру говорили не въ пользу Аввакума. Таково, напримѣръ, слѣдующее наставленіе Аввакума, составляющее въ обличеніяхъ 9 и 10 статьи еретическихъ мудрованій Аввакума: «Федька, а Федька, коли не знаешь въ книгахъ силы, и ты вопросы бабы поселянки: заблудилъ де отъ гордости, государыня-матушка,.. помози моему сиротству,.. скажи-де, государыня о Святѣй Троице, Троица де что есть. Такъ она тебѣ отвѣщаетъ и скажетъ... Вопросы еще ея же, что есть существо Божіе, и она тебѣ отвѣщаетъ»⁴⁰⁾. По самому вступленію «коли не знаешь въ книгахъ силы», намъ кажется, можно предположить, что этому отрывку предшествовали какія-нибудь свидѣтельства отъ книгъ, такъ что совѣтъ обратиться къ бабѣ-поселянкѣ явился уже въ качествѣ послѣдняго ироническаго приема доказательства, какъ указаніе на очевидность подтверждаемой книгами правоты Аввакума даже для бабы-поселянки.

⁴⁰⁾ См. «Приложеніи».

Кромѣ этой бездоказательности, происходящей отъ неполноты источника, насъ поражаетъ въ «письмахъ» не знающій предѣла, ругательный тонъ, съ которымъ Аввакумъ обращается къ своему противнику. Дьяконъ все время называется уничижительно Фодькой и награждается всевозможными бранными эпитетами, какъ то: «еретичешко худой, ересникъ, прелогатай, отъ никоніанъ рукоположенецъ, поганецъ, собака косая, дуракъ страдникъ, адовъ песъ, блядинъ сынъ» и т. д. Аввакумъ предаетъ своего противника проклятiю въ слѣдующихъ выраженiяхъ: «А Федка прелогатай со единомысленники проклять да есть, ей да будетъ и будетъ в ѣкъ, собака, блядинъ сынъ, адовъ песъ. Вотъ тебѣ, отступникъ, Пѣсни пѣснямъ Соломоновы! Играй подъ клятвою вѣчною, затворилъ ты Богъ въ противленіе истинѣ, погибай со своими, окаянный!».

Если сравнить съ этими полемическими отрывками то, что писалъ Федоръ, то сразу замѣчается гораздо болѣе спокойный, мягкій тонъ и стремленіе обставить свое изложеніе по возможности систематическими доказательствами. Федоръ самъ указываетъ тотъ методъ, котораго слѣдуетъ держаться для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ; онъ пишетъ своему сыну: «И ты, чадо мое животное Максиме, аще знаеши тѣхъ мнящихся быти учителей и наставниковъ погибели и во тѣмъ невѣдѣніи шатающихся, вели имъ прочести трезвымъ умомъ и съ чистою совѣстію четыре Христова Евангелія, изряднѣ же Сына Громова богословіе, и прочихъ святыхъ апостоловъ проповѣдь вселенную, и святыхъ седми соборовъ и девяти помѣстныхъ дѣянiя и правила ихъ пройти, ксимже святыя учительныя слова прочести съ разумомъ и со извѣстнымъ испытанiемъ, да ктому же и вся службы на господскія двенадцатая праздники просмотрити, стихѣры и славники, и ирмосы, и каноны, богомудрыхъ творцовъ гранесiя» ⁴¹⁾.

Но кромѣ доказательствъ отъ книгъ Федоръ въ свое оправданіе разсказывалъ о разныхъ своихъ чудесныхъ видѣніяхъ, легко возникшихъ вслѣдствіе того удрученнаго состоянiя, въ которомъ онъ находился подъ влiянiемъ тяжелаго для него столновенiя со своимъ духовнымъ отцемъ и союзникомъ. Вотъ для примѣра одно такое видѣніе: «Въ постъ Филипповъ отпѣхъ за-

⁴¹⁾ Мат. VI, стр. 101.

утреню рано, и повалихся на скамейку, и начахъ размышляти въ себѣ, глаголя: что се, Господи, будетъ? тамо, на Москвѣ, клятвы вси власти налагають на мя за старую вѣру и на прочихъ вѣрныхъ, и здѣ у насъ между собою стали клятвы и свои друзи мене проклинаять за несогласіе с ними въ вѣрѣ же, во многихъ догматѣхъ болши и никоніанскихъ! И егда размышляюще ми о сихъ всѣхъ, абіе внезапно гласъ бысть, яко громъ, во узилици нашемъ. И яко войско велико аггеловъ или святыхъ прииде,—не видѣхъ лицъ ихъ,—и начаша согласно вси глаголати во едино слово, яко мнози ученицы у мастера, псаломское оно слово: оскверниша завѣтъ его, раздѣлишася отъ гнѣва лица его. И многожды се слово возглашаху они, и престаша. И паки начаша второе слово возглашати посемъ псаломское же, сіе оно: истинною твоею потреби ихъ. Къ Богу вопіяху на противящихся истинѣ Божіи. И сію рѣчь многожды же глаголаху соборнѣ. И посемъ ино не бысть ничтоже. И мнѣ грѣшному дано тѣ гласы слышати, а не сказано ничтоже, на ково они тѣ слова пояху,—на никоніанъ ли, или насъ, или мене научаху внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ тою молитвою потребляти. И въ недоумѣніи былъ великомъ о томъ. И своимъ клеветомъ сказахъ о томъ,—и они обругали то, и въ смѣхъ поставили, и не умилилися ни мало»⁴²⁾. Рядъ подобныхъ видѣній вызывалъ, какъ и въ этомъ случаѣ, только насмѣшки противниковъ Ѳеодора, которые увѣряли, что онъ отъ сновъ прельстился и съ ума сошелъ.

Вмѣстѣ съ этими видѣніями Ѳеодоръ приводитъ и другіе аргументы, тоже чудеснаго свойства, причемъ представлены посрамленными его противники. Говоря о незаконности того проклятiя, которое на него наложилъ Аввакумъ, Ѳеодоръ рассказываетъ о наказаніи, испытанномъ протопопомъ за свою несправедливость: «А здѣ уже бысть таковое знаменіе отъ Бога надъ нимъ, протопопомъ, за пустошную его клятву, еже на мя налагалъ,—вскорѣ было тогда по томъ развратѣ: придоша бѣси къ нему явно и связаша его, якоже и онаго попа, о немъ же писано въ житіи святаго Симеона Столпника, иже неправедно такоже клятву налагалъ на духовныхъ дѣтей. Онъ же начатъ плакати о томъ. И бѣси отступиша отъ него въ то время. А

⁴²⁾ Мат. VI, стр. 95—96.

послѣ паки тѣмже хвалится зломъ, и къ вамъ писа, еже подѣ правило свое мя положи по рвенію»⁴³).

Тонъ изложенія у Ѳедора гораздо болѣе сдержанный, чѣмъ у Аввакума, хотя и у него мы находимъ мѣстами грубыя выраженія, въ родѣ, напр.: «и сіе ваше зловѣріе и дуракъ узнаеть», или такое объясненіе: «А который человекъ во Христѣ Богѣ моему самаго существа и самыя невидимыя ипостаси не исповѣдуетъ въ немъ, таковой подобенъ есть мужу ругателю, или дураку, паче же бѣснующемуся, иже бы аще, видя царя земнаго лице, и вѣнецъ и багряницу на себѣ носяща; и вѣнецъ и ризы на царѣ почитаетъ и поклоняется, а лице само цареву безчеститъ, и ругается ему, и отметається его: и за буйство и бѣснованіе сподобляется милости отъ царя своего; аще ли отъ ума тако дурить таковой, лютой казни смертной предается въ правду»⁴⁴). Эта послѣдняя фраза, напоминающая о смертной казни, показываетъ намъ, что и Ѳедоръ далеко не особенно милостиво былъ настроенъ по отношенію къ своимъ противникамъ. Однако, въ концѣ посланія мы находимъ у него довольно безпристрастный о нихъ отзывъ: «Подвижники они и страстотерпцы великія, отъ никоніанъ за церковныя законы святыхъ отецъ доблественнѣ, и терпѣніе ихъ и скорби всякія многолѣтныя болши первыхъ мучениковъ мнятся ми воистинну. За таже вся и азъ с ними стражду и умираю купно. И еже бо новопривышшая ихъ оная мудрованія непріятна мнятся мнѣ зѣло, и та вся отлучаютъ мя отъ нихъ, и тѣми раздражаютъ мя вельми, и воспаляютъ присно»⁴⁵).

Нетерпимость, отмѣченная нами у Ѳедора на словахъ, со стороны его противника выразилась не одними ругательствами, не одними посланіями къ разнымъ его ученикамъ, Игнатію Соловецкому, игумену Сергію⁴⁶), но и крайне неприглядными дѣй-

⁴³) Мат. VI, стр. 125—126. Не есть ли этотъ эпизодъ тотъ же самый, о которомъ съ указаніемъ другихъ мотивовъ передаетъ самъ Аввакумъ въ посланіи къ Маремьянѣ Ѳедоровнѣ? Этимъ, можетъ быть, дается, какъ увидимъ далѣе, основаніе для опредѣленія даты посланія.

⁴⁴) Мат. VI, стр. 133.

⁴⁵) Мат. VI, стр. 137.

⁴⁶) Ѳедоръ говорить, будто Аввакумъ писалъ объ этихъ спорахъ царю и царевнамъ: «діаконъ-де во единобожество впалъ, прельстился», Мат. VI, 125; но насколько это достовѣрно, мы не знаемъ.

ствіями, о которыхъ мы имѣемъ разсказъ Ѳедора. О всѣхъ предметахъ своего разногласія съ Аввакумомъ Ѳедоръ составилъ «книжицу не малу листовъ съ полгораста». Эту рукопись онъ предлагалъ прочесть Аввакуму, но тотъ отказался, впоследствии же расправился со своимъ противникомъ слѣдующимъ образомъ: «Нѣкогда въ полночь выходилъ азъ изъ ямы вонъ окномъ, якоже и онъ, Аввакумъ, въ тынъ, и ихъ посѣщаль и прочихъ братію внѣ ограды. И то хоженіе мое нелюбо ему стало: и сотнику сказалъ онъ. Сотникъ же, Андрей именемъ, врагъ бысть, издоимецъ, и на мя гнѣвъ имѣлъ за нѣкое обличеніе. И въ то время велѣлъ меня ухватить стрѣльцамъ въ тыну, нага суща. И яша мя, и начаша бити зѣло безъ милости двѣма дубцы велики стоящаго, и все тѣло мое нагое избиша до крови. Азъ вопихъ: Господи, помилуй! И посемъ связаша руцѣ мои опако, и къ стѣнѣ привязали и знобили на снѣгу часа съ два. А друзи мои зряще мя и смѣющеся! А стрѣльцы, влѣзше въ мою темницу, по благословенію протопопову, и тѣ книжицы и выписки мои похитиша, и ему продаша. И онъ ис тѣхъ книжицъ моихъ лиска съ три токмо выдралъ лукавно и тѣ лиски послалъ на Русь братіямъ нашимъ, перепортя писаніе мое, еже бы мене обвинили, а его бы ученіе оправдали. Азъ убо ему тогда велѣлъ тѣ книжицы всѣ, не портя, послать къ вѣрнымъ: и онъ тако не восхотѣлъ по правдѣ Божіи сотворити... И сія вся писанія изгубилъ онъ у меня по зависти бѣсовской. И посемъ заковали окно мое решеткою: и нужно ми бысть в то время и горько зѣло» ⁴⁷⁾. Ѳедоръ говоритъ даже, что его противники готовы были его убить. Трудно сказать, насколько вѣрно все, что тутъ передаетъ Ѳедоръ, однако по невоздержному характеру его противниковъ нѣчто подобное разсказанному представляется весьма возможнымъ.

Споръ между Аввакумомъ и Ѳедоромъ тянулся почти все время ихъ Пустозерской жизни; по крайней мѣрѣ нѣкоторые памятники этого спора писаны не ранѣе 1678—1679 гг.: таково посланіе Ѳедора къ Максиму, излагающее подробности еще незаконченныхъ препирательствъ; таково и одно изъ посланій Аввакума, который жалуется, что его считаютъ еретикомъ. «Я, грѣшныи, говоритъ Аввакумъ, кромѣ писаннаго, не хочу собой за-

⁴⁷⁾ Мат. VI, стр. 181—182.

тѣвать: какъ написано, такъ и вѣрую; идѣже что свѣтыя написали, мнѣ такъ и добро. Иное же уже, окаянной, размѣюся: какъ то, реку, уже сатана-то надо мною не возится? никоніянн еретикомъ зовутъ, дѣти духовныя еретикомъ же зовутъ? Да тѣмъ, реку, ты меня, бѣсъ, не отлучишь отъ любви-той Христовы: аще Богъ по мнѣ, кто на ны? И тмы легеоновъ бѣсовъ и злыхъ челоуѣкъ со Христомъ Ісусомъ не боюся, нежели злословія пуста сосуудовъ бѣсовскихъ. Время имъ лаять, а мнѣ терпѣть за имя Господне, не умерши мучитися»⁴⁸⁾.

Однако пока продолжался изложенный догматическій споръ, литературная дѣятельность Аввакума широко развивалась, причемъ нѣкоторыя изъ его многочисленныхъ сочиненій, написанныхъ за это время, могутъ быть отчасти приурочены къ этому спору, другія явились, какъ отвѣтъ на различныя возникавшіе въ средѣ приверженцевъ старой вѣры вопросы практическаго и обрядоваго свойства, третья объясняются личными сношеніями Аввакума съ тѣми или другими его послѣдователями. Съ исторической точки зрѣнія самымъ правильнымъ представлялось бы разсмотрѣніе сочиненій Аввакума въ ихъ хронологической послѣдовательности: при этомъ можно было бы прослѣдить видоизмѣненія его взглядовъ на разные вопросы, нарождавшіеся въ средѣ его приверженцевъ, можно было бы лучше представить себѣ картину его душевной жизни во время Пустозерской ссылки... Но такое хронологическое распредѣленіе сочиненій Аввакума, несмотря на всю свою желательность, оказывается чрезвычайно затруднительнымъ: въ очень рѣдкихъ случаяхъ дата можетъ быть найдена прямо въ самомъ сочиненіи, большею же частью намъ приходится прибѣгать къ разнымъ конъектурамъ, которыя помогаютъ намъ установить то, что сочиненіе написано не ранѣе или не позднѣе извѣстнаго года; наконецъ, за исключеніемъ всѣхъ такихъ предположительныхъ выводовъ, все-таки остается третья категория, рядъ сочиненій, относительно которыхъ мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, написаны-ли они въ первые годы ссылки или подъ самый конецъ жизни Аввакума.

Всѣхъ сочиненій Аввакума, написанныхъ имъ послѣ Пустозерскихъ казней и потому нами до сихъ поръ не разсмотрѣнныхъ, насчитывается 42, если не считать издаваемыхъ нами въ

⁴⁸⁾ Мат. VIII, стр. 84—85.

приложеніяхъ къ настоящему изслѣдованію двухъ вариантовъ статьи «О сложеніи перстъ». Изъ этого числа 32 напечатаны Н. И. Субботинимъ въ V и VIII томахъ его «Матеріаловъ»⁴⁹⁾, а 10 изданы нами въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1888 г.⁵⁰⁾ и теперь перепечатываются въ «Приложеніяхъ», съ присоединеніемъ второго изъ указанныхъ вариантовъ статьи «О сложеніи перстъ» и новыхъ отрывковъ толкованій на псалмы и пареміи, отрывковъ, входившихъ, какъ можно думать, въ составъ цѣлаго сочиненія, часть котораго была раньше издана г. Субботинимъ въ VIII т. «Матеріаловъ».

Изъ всѣхъ этихъ сочиненій только самая незначительная часть можетъ быть отнесена въ указанную нами первую категорію, т. е. заключаютъ въ себѣ опредѣленные основанія для установленія ихъ даты. Это слѣдующія сочиненія:

1) «Списаніе и собраніе о божествѣ и о твари и како созда Богъ человѣка»,—по мнѣнію г. Субботина, это сочиненіе, есть, по всей вѣроятности, та «тетрадка на четырехъ листахъ, отъ божественнаго писанія собраніе протопопа Аввакума», которая была отобрана отъ Златоустовскаго игумена Θεоктиста въ 1665 году, и написано оно до 1653 года, судя по тому, что въ немъ не встрѣчается никакихъ нападеній на церковь и что вообще оно не имѣетъ такого раскольническаго характера, какимъ отличаются всѣ другія сочиненія Аввакума»⁵¹⁾. Но съ такимъ мнѣніемъ почтеннаго издателя намъ трудно согласиться по слѣдующимъ основаніямъ: во-первыхъ, одно совпаденіе слова «собраніе» въ заглавіи тетрадокъ Θεоктиста и настоящаго сочиненія еще нисколько не можетъ вести къ отождествленію этихъ сочиненій, такъ какъ «собраніе» есть довольно обычный терминъ. Во-вторыхъ, нельзя сказать, чтобы въ этомъ сочиненіи совсѣмъ отсутствовали нападки на православную церковь; такъ, послѣ разсказа о столпотвореніи Вавилонскомъ мы находимъ такое замѣчаніе: «Такъ то и нынѣшнія алманашники, слыхалъ я, мало покая имѣють себѣ: и ветхая испражнятъ поидеть, а въ книжку поглядить здорово ли испразднится. Бѣдныя, бѣдныя! Какъ вамъ

⁴⁹⁾ Въ V томѣ №№ 1, 2, 7, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 23, 24, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34 и 35; въ V т.—№ 1 и изъ № 2, а, б, в, г, д, е, ж, з.

⁵⁰⁾ Хр. Чт. № II, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI и XII (въ «Приложеніяхъ» нумерація другая).

⁵¹⁾ Мат. V, стр. XXXI.

не соромъ себя! Оставя промысль Творца своего, да діаволу работаете, невродяне безчинники! Уйдете ли на столць, какъ гнѣвъ Божій приидеть? *Отстрѣляетесь изъ пицалей и изъ мушкетовъ?* Знать по всему! Да вы, *пестрые рыси*, отмахаетесь накрестъ руками, воздухъ-тотъ осѣняя? Полно, терпитъ всевидящее око, ожидаетъ вашего покаянія! Свиньи и коровы болше васъ знаютъ,— предъ погодою вижжать, да ревуть, да подъ повѣти бѣгутъ: и послѣ того дождь бываетъ. А вы, разумные свиньи, лице небу и земли измѣряете, а времени своего не искушаете, како умереть. Горе только съ вами, *съ толстыми быками!* Покайтесь, бѣдныя, прибѣгните къ Богу, да проститъ и помилуетъ васъ, яко благъ и человеклоубецъ»⁵²). Подчеркнутыя нами выраженія «пестрые рыси» и «толстые быки» прямо относятся къ православнымъ епископамъ, которыхъ Аввакумъ не разъ награждаетъ подобными эпитетами. Фраза «отстрѣляетесь изъ пицалей и мушкетовъ» несомнѣнно заключаетъ въ себѣ намекъ на какую-то войну, и если тутъ не подразумевается Соловецкая осада (что менѣе вѣроятно), то, намъ кажется, этотъ намекъ можно отнести къ войнѣ съ турками 1671 года. Наконецъ, самое важное обстоятельство, опредѣляющее дату, есть собственное указаніе Аввакума: «отъ Христа до сѣхъ мѣстъ 1680 лѣтъ», а такъ какъ по раскольниковскому счету отъ сотворенія міра до Рождества Христова прошло 5500 лѣтъ, то дата Аввакума соотвѣтствуетъ нашему 1672 году, чѣмъ и объясняется намекъ на недавно бывшую турецкую войну.

2) Сочиненіе «О иноческомъ чинѣ» (Мат. V, стр. 282—291)—тоже должно быть отнесено къ 1672 году, такъ какъ въ этой статьѣ упоминается о томъ же нашествіи турокъ: «И на Русь было на прягъ (турской царь) въ мимошедшемъ году», т. 1671 г. Указаніе «тому времени 282 года, какъ бысть во Флоренцѣ соборъ»—должно быть исправлено 232 года; ошибка легко могла произойти при перепискѣ отъ смѣшенія славянскихъ цифръ для 30 и 80, а при исправленіи получается для этого сочиненія дата 1671 (1672) годъ. Имѣя въ виду эти соображенія, мы устраняемъ категорическое отрицаніе принадлежности настоящаго сочиненія Аввакуму, высказанное Влад. Карповымъ (Библиографъ, 1884 г. № 1).

⁵²) Мат. V, стр. 335.

3) Статя «О образѣхъ» (Мат. V, стр. 291—297) можетъ быть отнесена къ 1673—74 г., такъ какъ въ ней упоминается «въ Боровскѣ пещь халдѣйская, идѣже мучатся святїи отроцы, херувимомъ уподобившеса, трисвятую пѣснь возсылающе», т. е. боярыня Морозова, кн. Урусова и Марїя Данилова.

4) Къ тому же времени и по тѣмъ же мотивамъ слѣдуетъ отнести толкованїя Аввакума на псалмы и паремїи, помѣщенные въ VIII т. Матерїаловъ, стр. 1—16, и дополненїя къ нимъ, печатаемыя нами въ «Приложенїяхъ».

5) Годъ написанїя «Житїя» опредѣляется г. Жежеленко⁵³) на основанїи показанїя Аввакума «всего тридцать лѣтъ, какъ имѣю священство», и «совершенъ въ протопопы—тому минуло 20 лѣтъ». Изъ этихъ словъ г. Жежеленко выводитъ, что «Житїе» написано въ 1671 году, такъ какъ Аввакумъ поставленъ въ протопопы въ 1651 г. Г. Субботинъ (Мат. V, стр. XXXI) относитъ написанїе «Житїя» къ 1675 г., и въ первомъ изданїи настоящей книги мы принимали ту же дату, но теперь мы соглашаемся съ датой 1672—73 гг., установленной г. Смирновымъ (Внутреннїе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ, а также Журн. М. Н. П. 1899 г. кн. 1, стр. 263—265).

6) Книга на крестоборную ересь» (Мат. V, стр. 258—281) написана въ 1675 году, судя по тому, что Аввакумъ говоритъ «А Соловецкой монастырь в осадѣ 7 лѣтъ отъ никонїанъ сидитъ».

7) Къ тому же 1675 году относится частью и «Бесѣда объ Авраамѣ» (Мат. V, стр. 337—376), въ которой, вспоминая о своихъ страданїяхъ, Аввакумъ говоритъ: «22 лѣта плаваю такъ и сякъ, иногда нагъ, иногда гладенъ» и т. д.

8) Въ томъ же году написана «Книга всѣмъ горемыкамъ миленькимъ» (Мат. V, стр. 231—239). Въ ней мы находимъ такое показанїе: «А здѣсь Кїпрїяну голову отсѣкли 83, іюля въ 7 день въ среду». Точность этой записи можетъ служить для насъ доказательствомъ, что Аввакумъ упоминаетъ о фактѣ, случившемся недавно, такъ что самое посланїе могло быть писано осенью того же 1675 года.

9) «Посланїе ко всѣмъ ученикамъ» (Мат. VIII, стр. 81—87) относится приблизительно къ 1678 году; Аввакумъ говоритъ о «никонїаныхъ», «безпрестани лѣтъ съ полтретьятцать дѣлаютъ

⁵³) Страницы, 1883, августъ, стр. 580—581, примѣчанїе.

на хребтѣ моемъ»; если считать съ 1653 года, то получается 1678 годъ.

10) «Посланіе къ нѣкоему брату» (Мат. VIII, стр. 67—81) написано въ 1680 году, такъ какъ въ этомъ сочиненіи упоминается о смерти священника Дометіана, сжегшагося въ Сибири въ 1679 году.

11) Посланіе Аввакума къ царю Ѳеодору Алексѣевичу (Мат. V, стр. 155—161), было, какъ предполагаетъ П. С. Смирновъ, написано по полученіи въ Пустозерскѣ вѣсти о вступленіи на престолъ царя Ѳеодора Алексѣевича, т. е. въ 1676 году.

Ближе всего къ этой категоріи сочиненій съ точно опредѣляемой датой подходятъ посланія Аввакума къ боярынь Морозовой: за исключеніемъ перваго, разобраннаго нами въ предыдущей главѣ, всѣ они написаны въ 1673 и 1674 годахъ. Въ одномъ изъ этихъ посланій (пятомъ по изданію г. Субботина) есть указаніе, позволяющее точно сказать, когда оно написано; Аввакумъ говоритъ, что его «мучать 20 лѣтъ и единое лѣто», слѣдовательно это посланіе надо относить къ 1674 году. Во второмъ посланіи упоминается о смерти Ивана Морозова, такъ что оно могло быть написано въ 1672 году; третье же и четвертое посланія, какъ полагаетъ Н. И. Субботинъ, написаны Аввакумомъ послѣ полученія извѣстій о «страданіяхъ» Морозовой, такъ что ихъ можно относить къ 1673 или 1674 гг., но не позже, такъ какъ съ этого времени, вѣроятно, прекратились всякія сношенія съ Морозовой ея единомышленниковъ.

Почти съ такою же точностью можетъ быть опредѣлено и время написанія трехъ посланій къ нѣкоему Симеону; самымъ послѣднимъ, по нашему мнѣнію, надо считать то посланіе, которое г. Субботинъ называетъ первымъ; мы такъ думаемъ потому, что въ этомъ посланіи самъ Аввакумъ указываетъ, что со времени его отправленія въ первую ссылку прошло 23 года и 7 мѣсяцевъ;—слѣдовательно посланіе написано въ апрѣлѣ или въ маѣ 1677 года. Что касается второго и третьяго (по изданію г. Субботина) посланій, то они писаны раньше перваго, одно еще при жизни царя Алексѣя Михайловича: въ третьемъ Аввакумъ, говоря о стѣсненіяхъ, которыя ему приходится терпѣть въ Пустозерскомъ заключеніи, выражается такъ: «мнѣ видится, и у царя Алексѣя Михайловича нѣтъ такова покоя»; а кромѣ того въ этомъ посланіи есть обращеніе къ боярынь Морозовой; во вто-

ромъ же посланіи, обращаясь къ царю Максиміану, подъ которымъ, вѣроятно, разумѣется царь Алексѣй Михайловичъ, Аввакумъ говоритъ: «Ну, сквозь землю пропадай, блядинъ сынъ! Полно христіанъ-тѣ мучить!» Судя по этой фразѣ можно думать, что или Аввакумъ писалъ свое посланіе при жизни царя Алексѣя Михайловича, или только получилъ извѣстіе о его смерти. Такимъ образомъ всѣ три посланія могутъ быть отнесены къ промежутку между 1675—1677 гг.

Относительно хронологіи другихъ сочиненій Аввакума наши предположенія не могутъ быть особенно прочными и сводятся къ ихъ группировкѣ въ два разряда: одни написаны до «Житія» или въ царствованіе Алексѣя Михайловича, другія болѣе поздняго происхожденія, написаны уже при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Къ первому разряду можно отнести слѣдующія сочиненія:

1) Посланіе къ Маремьянѣ Ѳеодоровнѣ (Мат. V, стр. 195—200) и статья «О сложеніи персть» вошли въ составъ Казанскаго списка «Житія», и потому можно предположить, что они написаны ранѣе «Житія». Быть можетъ даже, что статья «О сложеніи персть», какъ мы скажемъ далѣе, представляетъ собою переработку той челобитной, которая была подана Аввакумомъ и Даниломъ Костромскимъ въ 1653 году. Конечно, наше предположеніе о томъ, что эти два сочиненія написаны ранѣе «Житія», можетъ подтвердиться тогда, если будетъ признано наше другое предположеніе, что Казанскій списокъ представляется наиболѣе близкимъ къ подлинному тексту «Житія». Впрочемъ относительно посланія къ Маремьянѣ мы полагаемъ возможнымъ принять исправленіе П. С. Смирнова, полагающаго, что оно могло быть писано около 1676 г. и позднѣе (Ж. М. Н. П. 1899, кн. 1, стр. 266 и Внутр. вопросы въ расколѣ, стр. LXII).

2) Къ первому періоду, думается намъ, слѣдуетъ отнести и статью «О дняхъ поста и мясоствія»; въ этой статьѣ Аввакумъ касается вопроса, возбужденнаго въ началѣ 1670-хъ годовъ, вопроса о постѣ въ субботу, а кромѣ того говоритъ о сошествіи Христовомъ во адъ, причемъ тонъ его спокойный, не полемическій, такъ что можно думать, что этотъ пунктъ изложенныхъ разногласій его съ Ѳеодоромъ еще не вызывалъ въ немъ страстнаго отношенія.

3) Статья «о ви́шней мудрости», по нѣкоторой близости со-

держанія съ статьей «объ иконномъ писаніи», можетъ быть отно- сима къ 1673—4 гг., хотя такое основаніе очень шатко.

Столь же шатки основанія для опредѣленія времени «по- сланія къ нѣкоему Іонѣ», которое также имѣетъ въ содержаніи нѣчто общее съ этими статьями.

Ко второму разряду можно отнести слѣдующія сочиненія:

1) «Бесѣду о наятыхъ дѣлателяхъ», въ которой находимъ такое мѣсто: «хотя много надосадить никоніанинѣ, да какъ при- шедъ (по другому списку: пришлетъ) съ лестью бывало: вѣдаю твое чистое и непорочное и богоподражательное житіе, помолись обо мнѣ, и о женѣ, и о дѣтяхъ, и благослови насъ!—такъ мнѣ жаль станеть, плачу предъ Богомъ о немъ. Да и нынѣ его жаль,—не знаю што. Завелъ ево собака Никонъ-то за мысь: а то онъ доброй человекъ былъ. Знаю я ево». Никоніанинѣ, о ко- торомъ здѣсь говорится, конечно, царь Алексѣй Михайловичъ, такъ какъ слова «вѣдаю твое чистое и непорочное и богоподра- жательное житіе» и т. д. были переданы Аввакуму, по разсказу «Житія», отъ лица царя Матвѣевымъ и Башмаковымъ. Судя по приведенному отрывку, можно думать, что эта бесѣда написана уже послѣ смерти царя, такъ какъ о немъ говорится въ про- шедшемъ времени; однако г. Смирновъ полагаетъ на основаніи тѣхъ же словъ, что «Бесѣда» писана при жизни царя Алексѣя Михайловича (Ж. М. Н. П. 1899, кн. 1, стр. 266); хотя г. Смир- новъ и говоритъ, что это «ясно видно», но мы такой ясности не замѣчаемъ.

2) «Посланіе къ Исидору» (Мат. VIII, стр. 100 — 102) отно- сится къ царствованію Феодора Алексѣевича и, можетъ быть, къ тому же времени надо отнести и второе посланіе къ Исидору, напечатанное вслѣдъ за этимъ.

3) «Посланіе къ Борису» можетъ быть отнесено тоже къ цар- ствованію Феодора Алексѣевича; такъ какъ въ этомъ посланіи упоминается игуменъ Сергій, лицо, тождественное съ ученикомъ Аввакума Симеономъ, а это переименованіе произошло уже въ царствованіе Феодора Алексѣевича. Кромѣ того, по весьма вѣ- роятному предположенію П. С. Смирнова, проектъ подачи царю челобитной, о которомъ здѣсь говорится, должно быть, явился не за долго до смерти самого Аввакума и былъ осуществленъ уже въ правленіе царевны Софіи, во время стрѣлецкихъ смуть.

Изложенными соображеніями ограничивается все, что мы мо-

жемъ сказать о времени написанія сочиненій Аввакума, и изъ этого видно, что покуда мы не имѣемъ возможности рассмотреть ихъ въ строгой хронологической связи, что дало бы намъ возможность возстановить картину душевнаго состоянія Аввакума и указать послѣдовательность возникновенія въ средѣ раскольниковъ тѣхъ или другихъ вопросовъ, а также очертить постепенное развитіе круга сношеній Аввакума съ его послѣдователями. Кромѣ того о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ мы можемъ сказать, что они представляютъ собою компиляцію изъ другихъ сочиненій Аввакума, произведенную не имъ самимъ: таково напечатанное нами «посланіе къ Сергію», состоящее изъ отрывковъ, причемъ отмѣтки: «писалъ Аввакумъ своею рукою» показываютъ, что это цитаты, сдѣланныя другимъ лицомъ, можетъ быть самимъ Сергіемъ; таково и компиляція «посланія къ вѣрнымъ объ антихристѣ», составленная изъ сочиненія дьякона Ѳедора и изъ отрывка, принадлежащаго, судя по стилю, Аввакуму и цѣликомъ ему приписанная въ рукописи Черниговской семинаріи, откуда мы ее извлекли. Поэтому при рассмотрѣніи сочиненій Аввакума по-неволѣ приходится прибѣгнуть къ другому порядку: отчасти придерживаясь ихъ хронологіи, группировать ихъ по содержанію.

Изъ такихъ группъ мы прежде всего выдѣлимъ сочиненія истолковательнаго характера, которыя и по времени распредѣляются довольно послѣдовательно. Это слѣдующія сочиненія: 1) Списание и собраніе о божествѣ и твари—1672 года; 2) Толкованія на псалмы и пареміи—1673—4 гг.; 3) Бесѣда объ Авраамѣ—1675 г., и 4) Бесѣда о наятыхъ дѣлателяхъ, написанная вскорѣ послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича. Судя по тому, что Аввакумъ въ этихъ своихъ сочиненіяхъ касается тѣхъ вопросовъ, которые послужили предметомъ его споровъ съ дьякономъ Ѳедоромъ, мы можемъ предположить, что эти споры были однимъ изъ мотивовъ, побудившихъ Аввакума заняться истолкованіемъ Священнаго Писанія: этихъ догматическихъ вопросовъ, какъ мы уже указывали выше, Аввакумъ касается въ «Бесѣдѣ объ Авраамѣ» и въ «Толкованіи 12 главы пророчества Исаіи». Однако возникновеніе истолковательныхъ сочиненій Аввакума не можетъ быть объяснено однимъ только этимъ мотивомъ: «Списание и собраніе о божествѣ и твари» написано въ опроверженіе апокрифической «Бесѣды трехъ святителей», и кромѣ

того всё указанная толкования заключаютъ въ себѣ рядъ полемическихъ выходовъ противъ ненавистныхъ Аввакуму никонианъ, такъ что болѣе общимъ побужденіемъ написанія этихъ истолковательныхъ сочиненій можно признать желаніе доказать свою правоту посредствомъ истолкованія Священнаго Писанія въ извѣстномъ направленіи.

Первое по времени изъ этихъ сочиненій «Списаніе и собраніе» является опроверженіемъ апокрифическаго памятника только въ началѣ, а затѣмъ Аввакумъ занимается толкованіемъ первыхъ трехъ главъ книги Бытія и излагаетъ кратко содержаніе послѣдующихъ пяти главъ. Разбирая «Бесѣду трехъ святителей», Аввакумъ прежде всего (нѣсколько ошибочно) указываетъ на историческую невозможность бесѣды между Василиемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ и Іоанномъ Златоустомъ, такъ какъ они жили въ разное время. Обращаясь къ содержанію «Бесѣды», Аввакумъ разсматриваетъ только нѣкоторые изъ первыхъ ея вопросовъ.

1) «Вопросъ Василіевъ: гдѣ бѣ Богъ, егда не бѣ свѣтъ? А Григорій будто протолковалъ сиче: есть на небеса три каморы, тамо бысть въ каморахъ Отець, Сынъ и Святыи Духъ» (Мат. V, стр. 311). Этотъ пунктъ представляетъ сокращеніе текста, имѣющагося въ изданіи А. Н. Пыпина, гдѣ эти вопросы и отвѣты являются въ слѣдующей формѣ: «Василій рече: гдѣ Богъ первѣе жилъ, иже не бысть свѣта? Іоаннъ рече: суть каморы три на воздухѣхъ, ту бже Господь въ трехъ каморехъ, агнцемъ, а свѣту тогда не бысть. Григорій рече: Протолкуй ми Троицу въ трехъ каморехъ. Іоаннъ рече: Отець, Сынъ и Святыи Духъ, единъ свѣтъ, а трое огнь»⁵⁵). Очень можетъ быть, что такое сокращеніе текста вопросовъ и отвѣтовъ было уже въ томъ спискѣ, который находился подъ руками Аввакума, хотя съ другой стороны мы можемъ предположить, что Аввакумъ не считалъ нужнымъ, цитируя опровергаемое мнѣніе, сохранять его форму: такъ, по крайней мѣрѣ, онъ поступилъ съ нѣсколькими послѣдующими вопросами, ограничившись краткой передачей ихъ смысла, что представлялось ему вполне достаточнымъ для его полемической цѣли. По этому первому вопросу Аввакумъ въ доказательство ложности той мысли, что «Богъ объемлется мѣ-

⁵⁵) Памят. стар. рус. лит. вып. III, стр. 169.

стомъ», ссылается на апостола Павла, Псалтырь, библейскія явленія Бога Аврааму, Моисею, Исаи, Іезекилю, Данилу, на Діонисія Ареопагита и на «Слово Василя Великаго на Рождество Богородицы».

2) Послѣ этого опровергается мнѣніе «Бесѣды» о сотвореніи ангеловъ: «Да въ ложныхъ же тетратяхъ пишеть, вопросъ Василюевъ, будто сице: протолкуйте ми, отъ чего взяты ангели быша? Толкъ лукавый: отъ Святаго Духа глаголетъ». Здѣсь опять находимъ незначительное измѣненіе текста, изданнаго А. Н. Пыпинымъ, опроверженіе же сопровождается ссылками на Псалтырь и каноны.

3) Далѣе излагаются суммарно космогоническія положенія «Бесѣды»: «Да у нихъ же писано: отъ чего солнце взято? Отвѣтъ: отъ честныя ризы Господня (а мѣсяць отъ духа и отъ престола Господня), а земля-де отъ пѣны морскія,—ангели-де по морю пѣну собирали, и отъ того-де Богъ землю сдѣлалъ, и на трехъ большихъ китахъ и на 35 малыхъ устроилъ, а море-де на желѣзныхъ столпахъ утвержено». Опровергнувъ кратко эти положенія, въ которыхъ не находится «церковнаго разума», Аввакумъ ссылается на книгу Бытія и «Толковый Гранографъ». Изъ Гранографа берется упоминаніе объ огненномъ небѣ. Земля взята, замѣчаетъ Аввакумъ, не изъ пѣны, а изъ воды, и лежитъ на водахъ, а не на китахъ. Опровергая заблужденія «Бесѣды», Аввакумъ старается говорить образно и «просто», непонятныя реченія объясняетъ, примѣняясь къ своей паствѣ: такъ, возражая противъ происхожденія земли изъ пѣны, онъ говорить: «пѣна легкое дѣло; а водное естество тяжело; потому и земля тяжела»; приведя слова псалма «основа землю на тверди своей», онъ поясняетъ: «просто молвить: сгустилися подъ нею воды, да на нихъ и плаваетъ лежа,—Богъ приказалъ». Уже въ этихъ мелкихъ замѣчаніяхъ можно замѣтить тотъ реализмъ, который съ такой силой проявляется при объясненіи грѣхопаденія первыхъ людей.

Разобравъ указанные вопросы «Бесѣды трехъ святителей», Аввакумъ обращается къ толкованію книги Бытія. Главный его источникъ при этомъ тотъ же «толковый Гранографъ» или Палея, на нихъ онъ иногда прямо указываетъ, иногда пользуется ими безъ указанія: такъ напримѣръ, изъ Палея или Хронографа взяты названія звѣздъ: «Аррисъ, Ермисъ, Афродита, Кронъ»,

оттуда же объясняются «вышнее» и «огненное» небеса. Кромѣ этого Аввакумъ обильно цитируетъ Маргаритъ, также не всегда указывая источникъ. Сотвореніе человѣка руками Божиими и сообщеніе ему души представляются по «Слову: и насади Богъ рай прямо востоку и введе человѣка ту, егоже сотвори»; при этомъ считаемъ не лишнимъ отмѣтить объясненіе простымъ выраженіемъ; «и сотвори человѣка, яко скудельникъ скуделу— просто молвить, горшешникъ горшокъ». Изъ «Слова о вочеловѣченіи» есть заимствованія буквальные, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія:

«Сотворимъ, рече, человѣка по образу нашему и по подобію: прикладно бѣ сіе и Сыну глаголати ко Отцу. Пожди до конца и не рцы, оболгуешь сей Бога, не сый съ тамошними, како вѣсть сія: аще конецъ не пристанеть къ мысли, яко оболгателя мя суди. Сотворимъ, рече, человѣка по образу нашему и по подобію, яко содѣтель глаголаше, и якоже предвѣдѣтель отвѣщеваше: аще согрѣшитъ Адамъ, согрѣшитъ бо, и похулится наше сотвореніе. Помысли сія глаголюща или Сына ко Отцу, или Отца къ Сыну, не разступень бо совѣтъ, ихже нераздѣльно существо: но согрѣшаетъ Адамъ, преступаетъ и умираетъ, и тѣмъ вси чело- вѣцы погибають: и оболжется наше созданіе, яко зло бывше. Паки совѣтъ: но прежде всѣхъ достоитъ уставити врачеваніе. Подобаеть бо, о Единородный Мой! О Сыне и Словѣ! О Сіяніе Моея славы, аще весма промышляеши созданіемъ, аже сами сотворихомъ: подобаеть ти въ тлимаго облещися человѣка, подо- баеть ти апостолы пріяти» ⁵⁶).

Говоря объ этомъ божественномъ совѣтѣ, Аввакумъ приво- дить почти тѣ же самыя слова:

«И рѣче Отецъ Сынови: сотворимъ человѣка по образу на- шему и по подобію. И отвѣща другій: сотворимъ, Отче, и пре- ступить бо. И рече: О, единородный мой! О, свѣте мой! О, Сыне и Словѣ! О сіяніе славы Моея! Аще промышляеши созданіемъ своимъ, подобаеть ти облещися въ тлимаго человѣка, подо- баеть ти по земли ходити, апостолы воспріяти, пострадати, вос- креснути и вся совершити. И отвѣща: буди, Отче, воля Твоя!» ⁵⁷).

⁵⁶) Маргаритъ, изд. 1783 г. М. л. 390.

⁵⁷) Мат. V, стр. 323.

Столь же близко совпаденіе и въ слѣдующихъ двухъ отрывкахъ.

МАРГАРИТЬ.

Прежде даже не создатися Адаму, провидѣ Богъ, яко немощно есть образу Его инако востати, не обновльшюся отъ Христа. Во Адаме бо зряше Богъ Павла, зряше и Петра, не зряше токмо Адама въ породѣ кормима и изгонима; но зряше въ немъ Павла, благочестіе проповѣдующа и въ рай восхищаема, Петра, ключи небесныя вѣрима, и вся въ первомъ чловѣцѣ зряше: въ корени бо бяху плоды.

АВВАКУМЪ.

И въ то время провидѣ Господь во Адамѣ Апостоловъ Петра и Павла: Петру ключа царствія небснаго вѣрима, Павлу же благочестіе проповѣдающу. И не зрять Господь Адама въ рай веселящася и ликовствующа, но внутрь его Апостоловъ зря, Богъ радуся глаголетъ: сїи мои двѣ маслины...

Общія черты можно указать и въ изображеніи смятенія въ природѣ послѣ изгнанія Адама изъ рая:

МАРГАРИТЬ.

Тварь же раздѣлїся, ова убо отступї, ова же пребысть работающї. Лвы навѣтоваху образу, змїи ханляху, все яко безсловесное естество на владыку возбѣсїся, понеже видѣ того преступивша Божїй законъ. Восхотѣ и другая тварь отбѣгнути господства, восхотѣ солнце не возсіавати преступнику, восхотѣ луна помрачити своя лучы, восхотѣша звѣзды не сіяти зданїю, восхотѣша источники отрещїся водѣ и рѣки теченїя, овощницы цвѣтїя, садовїя пищи, вся восхотѣша отрещїся чловѣка, понеже отвержеся своего Владыки... Но Богу повелѣвшу не досадитесь Божїю образу... и т. д.

АВВАКУМЪ.

Егда же изгнанъ бысть Адамъ, вся тварь вознегодова на преступника: солнце сожещи его хотѣло, луна и звѣзды примрачилися, небо протерто стояти не хотѣло, земля изъ воды хоцетъ побѣжати, море ис предѣль выступитъ тїцїтсїя и потопити законопреступныхъ, садовїе плодовитое уядають, трава и крїны красныя засыхають, звѣріе и скоти и птицы небесныя преступника растерзати ищуть, ангели на небеси плачуть и вся тварь съ ними рыдаеть. Не восхотѣли падшему служити. Но Владыка долготерпѣливый Господь Богъ рече боголѣпнымъ своимъ гласомъ ко всей твари: Азъ вамъ повелѣваю, — стерпите и т. д.

Послѣдній отрывокъ повторяется Аввакумомъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и въ толкованїи на 55 главу пророчества Исаїи, причемъ здѣсь прямо указываетъ источникъ: «Павель пишеть и Злагоустъ въ Маргарите по вышереченному разсуждаеть».

Занимствуя свои толкованїя изъ Палеи, Аввакумъ часто пользуется и тѣми апокрифическими сказанїями, которыя вошли въ

Палею или въ Хронографъ; а иногда у него встрѣчаются подробности, взятые изъ апокрифовъ, существовавшихъ отдѣльно отъ Палеи.

Вліяніе апокрифа прежде всего можно видѣть въ разсказѣ о грѣхопадѣніи первыхъ людей: какъ въ апокрифическомъ «Исповѣданіи Еввы», такъ и въ передачѣ Аввакума, змій сперва приходитъ къ Адаму, а когда тотъ отказывается послѣдовать его соблазнительному совѣту, обращается къ Евѣ; о змѣѣ говорится, что она была «хорошей звѣрь, красной, докажѣсть не своровала, ноги у нея и крылья были». Последняя подробность, можетъ быть, возникла подѣ вліяніемъ живописныхъ изображеній змиевъ (напр. змія, убиваемаго Георгіемъ Побѣдоносцемъ) и народныхъ поэтическихъ представленій. Въ апокрифической книгѣ Адама о змѣѣ говорится: «сколько онъ былъ прежде высокъ, столько же теперь онъ униженъ; прежде онъ былъ выше всѣхъ животныхъ, а теперь ползаетъ на своемъ чревѣ; прежде онъ былъ красивѣе всѣхъ животныхъ, а теперь отвратительнѣе». Можетъ быть, эта характеристика змѣи, довольно близко совпадающая съ библейскими данными, осложнилась изображеніемъ змѣи съ крыльями и ногами въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ намъ апокрифѣ, повліявшемъ на толкованіе Аввакума, хотя можетъ быть также, что мы имѣемъ въ этомъ случаѣ дѣло съ собственнымъ домысломъ Аввакума ⁵⁸⁾.

Изъ Палеи заимствованъ разсказъ о смерти и погребеніи Авеля: Каинъ убиваетъ своего брата «во главу каменемъ», АVELь «лежитъ непогребенъ», «Адамъ и Ева плакашася: не вѣдаютъ, камо дѣти его»; тогда прилетаютъ двѣ горщицы, изъ которыхъ одна убиваетъ другую и закапываетъ въ землю, послѣ чего и Адамъ «мертвеца своего въ землю закопалъ». Апокрифическій разсказъ, послужившій въ этомъ случаѣ матеріаломъ для Аввакума и вошедшій въ Палею, напечатанъ въ «Памятникахъ» А. Н. Пыпина и въ «Апокрифическихъ сказаніяхъ (по Соловецкимъ рукописямъ)» И. Я. Порфирьева ⁵⁹⁾.

Упомянутіе о двухъ дочеряхъ Адама и о занятіяхъ Сива

⁵⁸⁾ Порфирьевъ. Апокрифич. сказанія о ветхозав. лиц. и событіяхъ. Казань. 1872, стр. 183. Пам. стар. рус. лит. III, л. 1—3. Сборн. отд. рус. яз. и слов. т. XVII, стр. 91.

⁵⁹⁾ Пам. стар. рус. лит., т. III, л. 9, Сборн. отд. рус. яз. и слов., т. XVII, стр. 106.

астрономіей («имена нарече всѣмъ звѣздамъ небеснымъ, и изочте ихъ, и хитрость свою предаде по писанію») имѣеть источникомъ апокрифическія сказанія, отмѣченныя Порфирьевымъ во «Временникѣ Георгія Амартола»⁶⁰⁾.

Извѣстіе о гигантахъ заимствовано также, повидимому, изъ апокрифическихъ источниковъ, хотя, можетъ быть, дополненныхъ самимъ Аввакумомъ: послѣднее мы можемъ предположить, такъ какъ одна изъ подробностей этого упоминанія о гигантахъ не встрѣчается въ извѣстныхъ намъ сказаніяхъ «Еллинскаго Лѣтописца» и Палея. Въ «Еллинскомъ Лѣтописцѣ» говорится, что гиганты произошли черезъ 2102 года послѣ сотворенія міра, были «человѣки на змійныхъ ногахъ, елма же звѣринъ умъ имуть, а ничтоже Бога небеснаго на умѣ имуще, но имуще новѣ ходяща на земная злая дѣла и неправедная»; спустя 140 лѣтъ послѣ рожденія гигантовъ, былъ потопъ⁶¹⁾. Въ Палеѣ гиганты или волоты изображаются, какъ «человѣци отъ вѣка, Сифа ради велици, красьни, силни, Каина же ради лукави и несмыслени»; они исполнились «блуда и всякаго скарѣдія и убиства и зависти, чада беществоваху отца своя, жены отмѣтахуться мужии, а мужи не храняхуть совѣсти женамъ и унии блядяху на старыя, старыя ж уняхуся на уныя»⁶²⁾. Взявши изъ Хронографа (Еллинскаго Лѣтописца) хронологическое указаніе 2242 и изъ обоихъ отмѣченныхъ источниковъ краткое упоминаніе о правахъ гигантовъ, Аввакумъ дополняетъ эти данныя сообщеніемъ, что гиганты «обращались звѣрьми и птицами и летали по аеру диволимъ наученіемъ».

Разсказъ о построеніи Ноева ковчега и о собраніи въ ковчегъ звѣрей, причемъ Ной «ударяше въ било», также находится въ связи съ повѣствованіемъ Палея и со сказаніемъ Меѳодія Патарскаго⁶³⁾.

Наконецъ, вліяніе апокрифовъ (входившихъ въ Палею) можно видѣть и въ слѣдующемъ разсказѣ о столпотвореніи Вавилонскомъ: «Сію проклятую хитрость (т. е. астрологию) по потопѣ въ пятьсотное лѣто, при столпотвореніи, Невродъ исполинъ обрѣте,

⁶⁰⁾ Сборникъ, стр. 247—248.

⁶¹⁾ Поповъ. Обзоръ хронографовъ, I, 5; II, 77.

⁶²⁾ Толковая Палея, Коломенск. списка, стр. 100.

⁶³⁾ Ibid., стр. 103. Пам. стар. рус. лит. III, л. 17—18.

послѣ людей потопныхъ. Онѣ прежде потопа написали гадаю на дву столпахъ, на каменномъ, да на плинфеномъ: аще ли, рѣша, вода придетъ, ино-де останется послѣ воды каменной; аще ли огонь придетъ, ино де останется кирпичной. И Невродъ обрѣте на столпѣ каменномъ, и бысть врагъ таковой же Богу: умыслилъ столпъ здати. Собравъ людей, рече: аще придетъ паки вода, и мы со столпа вполчимся Богу небесному и брань сотворимъ. И вознесъ того вверхъ 10000 сажень, а шириною 3000. И видѣ Богъ безуміе ихъ, разсѣя всѣхъ по лицу земли; а столпъ двѣ доли разорилъ, а треть оставилъ. И оттолѣ начаша глаголати вси различными языки. Одинъ Еверь не присталъ совѣту и дѣлу ихъ: тотъ старымъ языкомъ и говорить,—сирскимъ, имже Адамъ и вси прежде говорили». Преданіе о происхожденіи астрологии отъ Немврода находится въ отрывкѣ изъ «Временника Георгія Амартола», изданномъ Порфирьевымъ; разсказъ же о столпотвореніи въ Палеѣ имѣетъ форму очень близкую къ перифразу Аввакума ⁶⁴).

Эти замѣтки объ источникахъ толкованій Аввакума на книгу Бытія дополнимъ однимъ не совсѣмъ точнымъ указаніемъ самаго Аввакума. Представивъ картину страшнаго суда на основаніи «Словъ» Ефрема Сирина и Палладія Мниха (изъ Сборника 1647 года), и не упоминая этихъ источниковъ, Аввакумъ говорить о будущихъ мукахъ грѣшниковъ: «А всѣхъ алѣйше мука въ тартарѣ будетъ: огонь и студень лютая будетъ. Тамо мучатся еллинстіи бози, тамо вси отступники будутъ, тамо и дьяволъ з бѣсы осужденъ будетъ, и мучени будутъ во вѣки вѣкомъ. Разумѣешь ли, слышателю, гдѣ писаніе возвѣщаетъ тартаръ? Патрикіи прусскіи пишеть сице: адъ убо сотворенъ в пустошныхъ земли, надъ твердію; низу же его, на тверди, тамо зодіи ходять, тамо планиты обтекають, и отъ того строится подъ твердію и въ тартарѣ преглубокомъ лютая студень; еще же и огонь негасимый тамо же будетъ». Эта ссылка на Патрикія Прусскаго дѣлается, вѣроятно, на память по тѣмъ словамъ, которыя приписаны этому святому въ Прологѣ, подъ 19 мая. Проложное изображеніе тартара, «идѣже бози еллинстіи приобрѣтоша жити», дополнено у Аввакума упоминаніемъ о «планитахъ и зодіяхъ».

⁶⁴) Сборникъ отд. рус. яз. и слов. XVII, стр. 110, 249.—Палея, стр. 114—115.

Таковы заимствованія Аввакума изъ его источниковъ, но разсматриваемое сочиненіе представляетъ важность преимущественно по тѣмъ оригинальнымъ своимъ чертамъ, которыя особенно ярко характеризуютъ истолковательные приемы Аввакума, постоянно имѣющаго въ виду свою паству и примѣняющагося къ ея житейскому и умственному складу. Въ этихъ оригинальныхъ толкованіяхъ можно видѣть, пожалуй, очень грубый реализмъ, граничащій съ цинизмомъ, но никакъ нельзя отказать имъ въ яркой образности и живенности, благодаря которой они должны были представляться вполнѣ понятными и производить сильное впечатлѣніе на тѣхъ, для кого они писались.

Подобное значеніе имѣетъ крайне своеобразная идея уподобить Адама и Еву послѣ ихъ грѣхопаденія пьянымъ людямъ. «Ева, послушавъ зми, приступи къ древу, возьмъ грезнь и озоба его, и Адаму даде: понеже древо красно видѣнемъ и добро в снѣдъ, — смоковъ красная, ягоды сладкіе, слова межю собою льстивыя! Онѣ упиваются, а дьяволъ въ то время смѣется. Увы невоздержанія! Увы небреженія заповѣди Господни! Отголи и до днесъ въ слабоумныхъ человѣкахъ такъ же дещь творится. Подчиваютъ другъ друга зеліемъ нераствореннымъ, сирѣчь зеленымъ виномъ процѣженнымъ и прочими питіи и сладкими брашны, а опослѣ и посмѣхаютъ другъ друга, упившагося допьяна! Слово в слово, что въ раю было при дьяволѣ и при Адамѣ. Паки Бытія: И вкусиста Адамъ и Евва отъ древа, отъ него же Богъ заповѣда; и обнажистася. О, миленькія! Приодѣти стало некому! Ввелъ дьяволъ въ бѣду, а самъ и встороню! Лукавый хозяйинъ накормилъ, напоилъ, да и в двора спехнулъ: пьяной валяется на улицѣ ограбленъ,—никто не помилуетъ! Паки Бытія: Адамъ же и Евва списта себѣ листвіе смоковишное отъ древа, отъ негоже вкусиста, и прикрыста срамоту свою, и скрыстася, подъ древо возлегоста. Проспалися бѣдныя с похмѣлья, ано и самимъ себя соромъ: борода и усъ въ блевотинѣ, а отъ г...на въ мотылѣхъ, со здоровныхъ чапъ кругомъ голова идетъ и на плечахъ не держится! А инъ отца и честнова сынъ, пропився на кабакѣ, подъ рогожею на печи валяется! Увы тогдашневна Адамова безумія и нынѣшнихъ адамленковъ!».

Столь же оригинальными представляются комментаріи Аввакума къ отвѣтамъ, которые даны были Богу Адамомъ и Еввой. Слова Адама: «жена, юже ми даде» объясняются слѣдующимъ

образомъ, приче́мъ да́лѣе развивается приведенная параллель съ пьянымъ челове́комъ: «Просто реши: на што-де мнѣ такую дуру сдѣлалъ? Самъ неправъ, да на Бога же пѣняеть! И нынѣ похмельныя тоже шпыняа говорятъ: нашто Богъ и сотворилъ хмель-егъ! Весь пропился и ѣсть нечего! Да меня же де избили всево! А иной говорить: Богъ де судить ево,—допьяна упоилъ. Правится бѣдной,—бу́тто отъ неволи такъ сдѣлалось!» По поводу отвѣта Евы, что ее прельстилъ змѣй, является опять такое замѣчаніе, которое обнаруживаетъ стремленіе Аввакума приноровиться къ реальности, окружающей его паству: «Дѣло кругомъ пошло, другъ на друга переводятъ: а всѣ заодно своровали! А змѣя говорить: дьяволъ научилъ мя. Бѣдные, бѣдные, всѣ правы, и виноватова нѣтъ, а полишное на шеѣ висить!»

Такія же своеобразныя подробности реального объясненія находимъ мы въ разсказѣ объ убіеніи Каиномъ Авеля: Каинъ принесъ въ жертву Богу «хлѣбенко худой, который негоденъ себѣ», Абель же—«борана лучшаго»; по поводу отвѣта Каина Богу Аввакумъ замѣчаетъ: «Своровавъ, да и запирается, бу́тто ни въ чемъ не бывалъ! А руки въ крови, полишнее на вороту!»

Отмѣтимъ подобную же черту въ разсказѣ о Вавилонскомъ столпотвореніи: «А работы тоя было, нужи тоя терпѣли дѣлаючи, мученики сатанины! И роженицѣ женѣ дни не дадутъ полежать,—оставя младенца, бѣдная, поволокись на столпъ съ кирпичемъ, или со извѣстью. И ребенокъ бѣдной трехъ годовъ потащись тудыжъ съ кирпичемъ на столпъ.»

Наконецъ, укажемъ оригинальное филологическое толкованіе, можетъ быть, заимствованное Аввакумомъ изъ какого-нибудь неизвѣстнаго намъ Азбуковника, а можетъ быть и составляющее плодъ его собственныхъ соображеній. Это — толкованіе слова «жидъ»: «Жидове словутъ потому, понеже жителіе земли обѣтованной».

Разсмотрѣнное сочиненіе является по своему характеру почти цѣликомъ истолковательнымъ, полемическихъ выходовъ противъ православной церкви въ немъ почти нѣтъ, что и подало поводъ Н. И. Субботину предположить, что оно написано Аввакумомъ до 1653 г., хотя, какъ мы указывали выше, это предположеніе опровергается данными, заключающимися въ самомъ сочиненіи. Единственный полемическій намекъ, встрѣчающійся

въ этомъ сочиненіи и отмѣченный нами выше, очень слабъ сравнительно съ яростными нападеніями на православную церковь, которыя мы находимъ въ другихъ сочиненіяхъ Аввакума, и изъ этого, намъ кажется, можно заключить, что отсутствіе нападокъ на церковь объясняется только тѣмъ обстоятельствомъ, что въ настоящемъ случаѣ желаніе истолковать библейскій текстъ взяло верхъ надъ полемическими увлеченіями Аввакума.

Значительно отличаются въ этомъ отношеніи отъ «Собранія и списанія» другія истолковательныя сочиненія Аввакума: тонъ ихъ уже не столь спокойный, и полемика съ православными почти цѣликомъ составляетъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ бесѣдъ. Слѣдуя установленному нами хронологическому порядку, мы разсмотримъ сперва тѣ сочиненія, которыя изданы г. Субботинымъ подъ заглавіемъ «Толкованія на нѣкоторыя псалмы и пареміи», дополненія къ которымъ, извлеченныя изъ сборника Имп. Публичной Библиотеки, № О. I. 339, мы помѣщаемъ въ «Приложеніяхъ». Считаемо здѣсь не лишнимъ сдѣлать небольшую оговорку къ данному нами выше опредѣленію даты этихъ толкованій: соглашаясь съ г. Субботинымъ, мы относимъ ихъ къ 1673—74 гг.; однако въ толкованіи главы 55-й пророчества Исаіи мы находимъ такое указаніе: «гѣніе въ Соловвахъ церковное и килейное по старому православію, и книги имѣють старопечатныя, вашимъ бл... противятся, того ради отъ васъ в осадѣ сидятъ *седмъ годовъ*»; изъ этого видно, что нѣкоторыя изъ этихъ толкованій писались и позже указанной даты, конечно, явились не всѣ сразу, и трудно опредѣленно сказать, представляютъ ли они собой отрывки исподволь писавшагося цѣльнаго сочиненія Аввакума, объединенныя впоследствии въ одномъ сборникѣ какимъ-нибудь почитателемъ Аввакума, или же такое объединеніе было произведено самимъ Аввакумомъ; въ пользу послѣдняго соображенія говоритъ одно мѣсто въ печатаемомъ нами сочиненіи Аввакума «Нравоученіе», о которомъ мы скажемъ далѣе.

Число и порядокъ толкованій на псалмы въ томъ Боровскомъ сборникѣ, по которому ихъ издалъ Н. И. Субботинъ, и въ Богдановскомъ сборникѣ Имп. Публичной Библиотеки (№ О. I, 339) почти совсѣмъ совпадаютъ; разница замѣчается лишь въ толкованіи псалма 44, которое въ сборникѣ Имп. Публ. Библ. разделено на двѣ части: отрывокъ толкованія, начинающійся въ «Матеріалахъ» словами: «О царю Алексѣе! покажу ти путь ко

спасенію», въ этомъ сборникѣ составляетъ особую статью. Оба сборника могутъ быть относимы къ началу XVIII вѣка, а Богдановскій даже къ концу XVII, и совпаденіе ихъ въ порядкѣ расположенія толкованій даетъ, намъ кажется, право предполагать, что они списывались съ оригинала, близкаго къ первоисточнику, если не съ Аввакумовскаго подлинника. Такое же значеніе имѣетъ и совпаденіе порядка двухъ толкованій на пареміи изъ книгъ Притчей и Премудрости Соломона, причѣмъ въ обоихъ сборникахъ первое толкованіе озаглавлено ошибочно: «Отъ Еккліаста, еже есть Премудрости Соломани». Сборникъ Боровскій хуже сохранился, чѣмъ Богдановскій: въ немъ нѣтъ нѣкоторыхъ толкованій, имѣющихся въ Богдановскомъ, да и тѣ, которыя сохранились, не имѣютъ иногда начала или конца⁶⁵). Тѣ толкованія, къ которымъ Богдановскій сборникъ даетъ значительныя дополненія (равно, какъ и неизданныя толкованія), помѣщены нами въ «Приложеніяхъ»; что же касается толкованія на псаломѣ 102, то оно въ «Матеріалахъ» не имѣетъ заглавія и начала, которое мы и приводимъ:

«Совѣтъ мужа грѣшна къ хотящимъ спастися. Псаломъ Давидовъ 102.

Благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя имя святое Его.

Толкъ. Видь, душа, Христа закалаема на божественнѣй трапезѣ и не бесѣдуй, окаян(ная), прилежно со друг(и) своими. Бога бо п(ро)гнѣваеши мног(огрѣ)шная, но благ(ослови) Господа внутренняя и имя Его пресвятое.

Псаломъ. Благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его.

Толкъ. Душе моя окаянна... и т. д., какъ въ «Матеріалахъ».

Здѣсь же приведенъ отрывокъ толкованія на псаломѣ 40-й, дополняющій текстъ, помѣщенный въ «Матеріалахъ». Объясненіе стиха 12-го заканчивается слѣдующими словами: «якоже. рыси звѣрю невозможно измѣнити пестрины свои или мѣдвѣдю звѣрю черность свою на себѣ, тако и никоніаномъ невозможно

⁶⁵) Къ сожалѣнію, Боровскаго сборника, принадлежащаго частному лицу, мы не могли видѣть сами, и свѣдѣнія о немъ даются, на основаніи сообщеній Н. И. Субботина въ предисловіи къ VIII т. «Матеріаловъ».

отъ блудни перестать⁶⁶⁾. Далѣе идутъ стихи 13 и 14 съ толкованіями:

Псаломъ. Мене же неалобіе пріять и утвердилъ мя еси предъ собою въ вѣкъ.

Толкъ. Възиде претерпѣвый за неалобіе на небеса и царствуетъ Со Отцемъ и Святымъ Духомъ в вѣкъ. Такоже и вси терпящіи по немъ утверждены будутъ в вѣкъ предъ Спасителемъ нашимъ Христомъ. Всѣ же псы и чародѣи извержены будутъ во тьму кромѣшную: ту будетъ плачь и скрежетъ зубовъ.

Псаломъ. Благословенъ Господь Богъ Израилевъ отъ века и до века будетъ, будетъ.

Толкъ. Подобаеть всякому страждущему сице благодарити Бога и неалобіемъ до конца терпѣти и вся на Бога полагати: яко годѣ Ему, тако и буди. Не станемъ и мы на никоніанъ тѣхъ гневатися, но на діавола, научившаго ихъ сему ремеслу. Сосуды онѣ Божія гнѣва, и безъ напева гнева будетъ имъ жарко. Якоже Павелъ апостоль пишетъ, зач. 329, волею бо согрѣшающимъ намъ по пріятію разума истины, к тому о грѣсехъ не обрѣтается жертва, страшно ж нѣкое чаяніе суда и огня ревность и т. д., какъ въ «Матеріалахъ».

Послѣ псалмовъ въ обоихъ указанныхъ сборникахъ идутъ толкованія на пареміи, причемъ Богдановскій сборникъ оказывается значительно полнѣе. Совпаденіе въ порядкѣ толкованій можно опять замѣтить по отношенію къ двумъ первымъ отрывкамъ: въ обоихъ сборникахъ послѣ псалмовъ истолковывается 9 глава Притчей Соломоновыхъ, причемъ заглавіе одинаковое: «Отъ Еккліаста, еже есть Премудрости Соломона»; а затѣмъ слѣдуетъ толкованіе 5-й главы «Премудрости Соломона». Дальше совпаденіе прекращается, и Богдановскій сборникъ даетъ слѣдующія толкованія, утраченныя въ Воровскомъ: «Премудрости Соломона», гл. 4, и пророчествъ Исаи, главъ 35, 55 и 12.

Къ толкованію 9 главы Притчей Соломоновыхъ приводимъ отрывокъ о второй просвирѣ, не находившейся въ оригиналѣ, съ котораго печаталъ свой текстъ г. Субботинъ:

«Тако и адѣсь бываетъ въ дѣйствѣ: агнецъ тѣло Христово, а вода кровь Христова преложеніемъ Святаго Духа. И покрывается пеленами обоя сія святая: яко древле Іосифъ с Никоди-

⁶⁶⁾ Напечатаннаго курсивомъ нѣтъ въ «Матеріалахъ».

момъ спрята тѣло Ісусово во гробъ, обвивъ ризами и со араматы. Еще же и потиръ покрываемъ, яко Іяковъ скры съ тайнствомъ в тыкови. Вторую же просвиру священникъ вынимаетъ в честь и в память Пресвятѣй, Пречистѣй и Преподобнословеннѣй Владычице нашей Богородицѣ и Приснодѣвѣй Маріи, приглашая празники ея, Рождество и Введение и Благовѣщеніе и Успеніе, и полагаеть часть одесную страны близ агньца: понеже она упование наше на небесѣх, близ Сына Своего предстоя, непрестанно о насъ молитъ, ходатайствуя наше спасеніе. А мы, бѣдныя, Ей докучаемъ, Заступницѣ нашей, и мили ся дѣемъ симъ приношеніемъ, принося Богу со агньцемъ, да милостивъ будетъ намъ Владыка Матере Своея ради. Таже священникъ третію просвиру поемлетъ и т. д., какъ въ «Матеріалахъ».

Сравнивая комментаріи Аввакума къ псалмамъ съ тѣми объясненіями, которыя находятся въ Хлудовской Толковой Псалтыри ⁶⁷⁾, мы можемъ замѣтить нѣкоторыя, правда, очень незначительныя черты сходства: въ псалмѣ 4-мъ стихи 7—10 толкуются согласно съ комментариемъ Аванасія Великаго; въ толкованіи стиховъ 6 и 7 видно вліяніе толкованій Исихія и Аполлинарія; въ псалмѣ 41-мъ толкованіе стиха 6 взято у Аполлинарія, а стиха 7 у Аванасія Великаго; въ псалмѣ 44-мъ къ стиху 4 толкованіе Исихія, къ стиху 11—Евсевія, къ стихамъ 12, 13 и 14—Аванасія Великаго и т. д. Однако надо замѣтить, что сходство заключается только въ общемъ смыслѣ толкованій и почти не распространяется на отдѣльныя выраженія. Для примѣра укажемъ нѣкоторыя параллели:

Псаломъ 41, ст. 6.—Толкованіе Аполлинаріево. Да не оскорбляютъ тебе, глаголетъ, настоящая, о душе, ни да смущаютъ, но надежа яже на Бога да утѣшитъ тя, зане получимъ благая благодаренію достойна и спасенія будемъ имѣти яже въ явленіи его, еже и по Павлу есть чаяти явленія Господня и царства Его. Сія же разумѣвай о будущихъ, яко выше восходящихъ, неже обѣщанія яже по закону, по реченному по сихъ от Павла пророческы, лучше разрѣшиться и со Христомъ быти, а яже по сему повѣданія суть оскорбляющихъ.

Толкованіе Аввакума. Подобаеть о житейскомъ не скорбѣти, ниже унывати и смущатися въ бѣдахъ и напастѣхъ, но на

⁶⁷⁾ Изд. Московской единовѣрч. типогр. въ 1897 году.

Бога уповати во всемъ: Той бо есть избавитель душамъ нашимъ. А иже смущается и колеблется, таковый удобъ разрушается: понеже не твердо уповаетъ на Бога и оставляетъ Его.

Псаломъ 41, ст. 7.—Толкованіе Аванасія Великаго: Понеже смутися, глаголетъ, душа моя, вспомянувшу ми себе о твоихъ чудесехъ, и яже во Иорданѣ намъ показалъ еси, и яже на горѣ Аермонстѣй, но и иная по сихъ много, утѣшу себе, яко таковъ буду во Иорданѣ, сирѣчь сподобихся святаго крещенія, тогда вспомяну тебе словомъ исповѣданія, помяну же и Ермонимъ, еже толкуется путь свѣтилника, яко святаго крещенія путь имъ отверзающу просвѣщенія.

Толкованіе Аввакума. Егда смутится душа, тогда поминай чудеса бывшая Божія въ пустыни Иорданьстѣй и на горѣ Синайстѣй отъ Христа Ісуса, егда преобразися по написанному: Фаворъ и Ермонъ о имени Твоемъ возрадовастся.

Псаломъ 44, ст. 11.—Толкованіе Ессеіево. Кояже отъ языкъ глаголетъ церкви, не убо речено было сущимъ отъ Израиля. Забуди люди твоя и домъ отца твоего, мы убо бѣхомъ преже безумніа чада гнѣва внимающе діаволу и бѣша намъ идолослужители людіе; аще древле и ко Аврааму глаголашеся: изыди отъ земли твоя и отъ сродства твоего и отъ дому отца твоего, и до нынѣ приступающей къ божественному просвѣщенію, обращени къ западу глаголють: отрицаемся тебе, сатана и т. д.

Толкованіе Аввакума. Приклони ухо твое ко Евангелію и ко апостольской проповѣди; и забуди люди твоя, еже есть бѣсовы и козни ихъ, и домъ отца твоего, сирѣчь кумирницы и идольское жреніе. Отложи блудни сія, душа окалянная!

Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ сходство толкованій въ сущности очень отдаленное, и если бы увеличить еще число параллелей, то мы нашли бы, что Аввакумъ вездѣ очень свободно обращается со своимъ источникомъ, заимствуя изъ него или только общее направленіе или отдѣльныя выраженія. Отношеніе Аввакума къ Толковымъ Псалтырямъ было далеко не особенно почтительное, онъ говорилъ, что въ нихъ «есть всячина», такъ какъ «толковщиковъ много». Въ виду этого, если и былъ у него подъ руками какой-нибудь экземпляръ Толковой Псалтыри, онъ считалъ себя въ правѣ обращаться съ нимъ вполне свободно, видоизмѣнять и сокращать текстъ его толкованій; но еще вѣроятнѣе намъ кажется предположеніе, что та-

кого списка у него не было и что свои толкованія, совпадающія съ комментаріями Отцовъ церкви, онъ приводитъ на память. Такое цитированіе на память несомнѣнно допускалось Аввакумомъ, причеъ иногда бывало и неправильно. Такъ, въ толкованіи псалма 44-го мы находимъ слѣдующую ссылку: «И Златоустый въ словѣ на Іудея отъ Христова лица такъ же говорить: Авъ есмь мать убилъ, сына ли не заколю? Ей, всяко упражню. Ищи въ Маргаритѣ, кому надобѣ?» Эта крайне неопредѣленная цитата вмѣстѣ съ тѣмъ и невѣрна, такъ какъ ни въ одномъ изъ 6 «словъ на Іудея» приведенной фразы не встрѣчается. При такомъ отношеніи къ почитаемой книгѣ (а ея безъ сомнѣнія былъ для Аввакума Маргаритѣ), ничего нѣтъ невѣроятнаго, что толкованія на псалмы тоже приводились на память, причеъ нигдѣ не указывается ихъ источникъ.

Весьма важнымъ пособіемъ для нѣкоторыхъ толкованій Аввакума былъ Азбуковникъ, который онъ называетъ Алфавитомъ или Алексикономъ. Изъ этого источника Аввакумъ бралъ комментаріи естественнонаучнаго характера, включенные въ Азбуковникъ изъ Физіолога, въ который они въ свою очередь внесены изъ Палеи. Въ виду немногочисленности этихъ цитатъ мы приведемъ ихъ всѣ параллельно съ текстомъ Физіолога и Азбуковника.

Толкованіе словъ псалма 102: «обновится, яко орлу, юность твоя», у Аввакума дается слѣдующее: «Чти Алфавитъ, да разумѣши, како обновляется орелъ. Аще внимаеши и азъ ти повѣмъ. Егда состарѣтся орелъ и обетшаетъ весь, тогда обрѣтаетъ источникъ воды чисты и возлетаетъ выспръ съ великимъ трудомъ, еже есть въ высоту, взимается къ небесному огню, сирѣчь близъ солнца подлетаетъ, и обгоритъ вся ветхость на немъ; онъ же паки возвращается на прежереченный источникъ чистыя воды и измывается довольно въ немъ и, паки опернатѣвъ, бываетъ юнъ вмѣсто ветха. Ну, душе, сотвори и ты такъ. Аще обетшала грѣхми, да обновится, яко орлу, юность твоя; такъ же прибѣжи къ огню небесному пополююще рукописаніе нашихъ грѣховъ. Съ Павломъ реку: Богъ нашъ огонь поядаяй есть. И измойся чистою водою естественною, еже есть крестися паки во второе, по писанію, понеже второе крещеніе грѣшнику — слезы и покаяніе. Да обновится, яко орлу, юность твоя» (Мат. VIII, стр. 2—3).

Текстъ Физиолога очень близокъ къ этому толкованію, и притомъ весьма характерно, что и въ Физиологѣ замѣчаніе объ орлѣ приурочено къ объясненію тѣхъ же самыхъ, что и у Аввакума, словъ псалма 102-го. Вотъ это объясненіе Физиолога:

«О орлѣ. Давыдъ глаголетъ. Обновиться, яко орля, юность твоя. Физиологъ рече о орлѣ яко еще състарѣется отяжѣчаета ему очи и ослѣпнеть, что убо створить? Взыщеть источника воды чисты и возлѣтитъ на въздухъ солнечный и изожжетъ крылѣ свои и тьму очію своею и снидетъ на землю, и погрузить въ водѣ трижды. И ты убо, жительне, аще ветхаго человѣка имаши одежду и очи разума твоего аще ослѣпе еста, взыщи разумнаго источника божественнаго словесе. Мене оставиша источника воды живыя, нѣ възлѣтаи на высоту солнца праведнаго Исусъ Христа, и съвлѣци ветхаго человѣка съ дѣлы его, погрузися трикраты въ приснотекущей водѣ во имя Отца и Сына и Святаго Духа и совлечеша ветхую одежду дьяволу, и облечешися въ новую богоданную, и скончается въ тебѣ прощество Давыдово, яко обновиться, яко орлу юность твоя» ⁶⁸).

Изъ сопоставленія этихъ двухъ отрывковъ видно, что и нравственное толкованіе текста псалма довольно близко совпадаетъ у Аввакума и въ Физиологѣ. Въ Азбуковникѣ это нравственное толкованіе отброшено и дается только описаніе свойствъ орла. Въ Азбуковникѣ, изданномъ Сахаровымъ, мы читаемъ это описаніе въ такой формѣ:

«Глаголятъ бо яко орель егда состарѣется, отягчаеа очи ему, и ослѣпнеть; обрѣтъ же источникъ воды чистыя, и возлетитъ высирь, на въздухъ солнечный, изжетъ крылѣ свои и мракоу очію своею, снидетъ долу, и погрузится въ источникѣ воднѣмъ трикраты и тако паки юность приѣмлетъ» ⁶⁹).

Въ толкованіи псалма 83 мы находимъ у Аввакума слѣдующее замѣчаніе о горлицѣ: «та птица печальная егда осиротѣетъ послѣ мужа своего—горличица, потомъ за иного не посягаетъ и на сыромъ дрѣвѣ не обитаеа, но на сухомъ садится, а и та гнѣздо имѣетъ къ воспитанію птенцовъ. Сія птица образъ носитъ хотящихъ наследовати спасеніе. Всякому правобѣрному печаловатися паче всего подобаеа о умершей грѣхми души

⁶⁸) Каргѣевъ. Физиологъ, стр. 196—197.

⁶⁹) Сахаровъ. Сказанія рус. народа, т. II, стр. 175.

своей и сырости опаятися, еже есть толстыхъ пищъ и питія, и ясти и пити толико, еде бы живу быти, токмо птенцы своя полагати всегда во гнѣздѣ, еже есть во царствіи Божіи умъ, и мысль, и желаніе не отложно имѣти, и расти и питатися словомъ Божіимъ (Мат. VIII, стр. 9).

Физиологъ даетъ намъ слѣдующее описаніе горлицы: «есть горлица мужелюбивная птица, всѣхъ птицъ превъсходящи. Идутъ обои мужескъ пол и женскъ и гнѣздо сътворивши чада родятъ; егда же разлучатся смертію, хранятъ единобрачіе до конца живота своего. Толкъ. И ты убо мысленни человекъ, егда испльниши беззаконно, любезно ти будетъ время еж покаятися, отврѣзи еже зло творити, и да не впаднеши въ другую скверну, сирѣчь въ другіи грѣхъ, но храни единобрачія твоего, сирѣчь предѣлы жены твоея, даже обрящещи обитель въ второе пришествіе» ⁷⁰⁾.

Въ этомъ случаѣ, при сходствѣ въ характеристикахъ горлицы, мы замѣчаемъ различіе въ нравоучительныхъ объясненіяхъ. Аввакумъ извлекаетъ изъ своего примѣра болѣе широкое нравоученіе, чѣмъ это дѣлается въ Физиологѣ.

Въ толкованіи псалма 41 Аввакумъ даетъ слѣдующую характеристику оленя: «Елень бо звѣрь легкій и быстрый, питается мохомъ, и зиму и лѣто щиплетъ подлѣ земли пищу свою, и по прилучаю пожираетъ змѣй и поглощаетъ живы во утробу свою; змѣя же, егда утробу терзати начнетъ, елень же течетъ быстро на источникъ водный и піюще текущую воду, умерщвляетъ въ себѣ змѣю, и паки здравъ и живъ бываетъ; аще ли не получить воды въ той часъ, змѣя его умерщвляетъ» (Мат. VIII, стр. 18—19).

Физиологъ даетъ намъ ту же характеристику оленя, что и Аввакумъ (за исключеніемъ, впрочемъ, подробности о томъ, что олень «питается мохомъ и зиму и лѣто щиплетъ подлѣ земли пищу свою» — подробности, которая могла явиться у Аввакума, какъ плодъ его личныхъ наблюдений надъ сѣвернымъ оленемъ); при этомъ опять характерно, что описаніе оленя, какъ и раньше описаніе орла въ Физиологѣ приурочено къ тому же псаломскому тексту, что и у Аввакума («якожъ желаетъ елень на источники водныя»), и объясненіе нравоучительное имѣетъ нѣкоторыя черты сходства. Вотъ текстъ Физиолога: «Елень живетъ 50 лѣтъ и

⁷⁰⁾ Каргѣевъ, стр. XXV.

по семь ходитъ по странах и во дрявгахъ горьскихъ обухаетъ змию да идеж налезеть ю облиявшую трижды обухаетъ ю и помѣтаетъ ю, и шедъ пьетъ воду. Аще ли не пьетъ, то умираетъ; аще испьетъ, да живетъ другую 50 лѣтъ. Да сего дѣля рече пророкъ: якожъ желаетъ елень на источники водныя, тако и ты человекъ, три обновленія имаша в собѣ: крещеніе, покоаніе и неистлѣніе, да егда согрѣшиши, тѣщи къ церкви и ко источнику живу книжну и на сказаніе пророческое и пи воды живы сиречь святое комканіе» ⁷¹⁾. Правоученіе Аввакума подѣ живой водой въ этомъ случаѣ подразумѣваетъ «Евангеліе и всѣ святыя писанія».

Наконецъ, съ Фیزیологомъ же имѣетъ связь описаніе птицы «Сирина», находящееся въ толкованіи на 35 главу пророчества Исаи (См. «Приложенія»), причѣмъ Аввакумъ ссылается на Алфавитъ ⁷²⁾.

Всѣ указанныя черты совпаденія толкованій Аввакума съ Фیزیологомъ даютъ нѣкоторое основаніе предположить, что Аввакумъ въ этомъ случаѣ цитировалъ свой источникъ не на память, и если не имѣлъ подѣ руками какого-нибудь списка Фیزیолога, то пользовался или Толковой Палеей, или, что вѣроятнѣе, если принять во вниманіе его собственныя указанія, такимъ Азбуковникомъ, который лучше сохранилъ первоначальный текстъ включенныхъ въ него изъ Фیزیолога объясненій.

Кромѣ этихъ источниковъ Аввакумъ при своихъ толкованіяхъ постоянно пользуется Священнымъ Писаніемъ и иногда ссылается на сочиненія отцовъ Церкви, Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Лѣствичника, Діонисія, хотя не обозначаетъ точно, изъ какого именно сочиненія беретъ ту или другую цитату; такъ напр. въ толкованіи 102 псалма онъ ссылается на Василія Великаго, говоря только: «якоже Василій Великій рече». Изъ этого можно также заключить, что такія цитаты изъ твореній отцовъ Церкви дѣлались большею частью на память.

Однако указаніе всѣхъ такихъ источниковъ, при разсмотрѣніи истолковательныхъ сочиненій Аввакума не имѣетъ особенно важнаго значенія въ виду того, что всѣ эти сочиненія, какъ мы

⁷¹⁾ Ibid, стр. V—VI.

⁷²⁾ См. Каргѣвъ, стр. 244 и В.

замѣтили выше, имѣютъ главнымъ образомъ цѣль полемическую, обличеніе никоніянъ: передъ нами въ этихъ толкованіяхъ выступаетъ не церковный экзегетъ, а скорѣе публицистъ, пользующійся текстомъ Священнаго Писанія, какъ орудіемъ для обличенія своихъ противниковъ, и потому часто отвлекающійся отъ задачи истолковательной. Такія отступленія иногда очень велики по объему, и одно изъ нихъ при толкованіи псалма 44-го въ сборникѣ Богдановскомъ составляетъ даже особую статью.

Но, прежде чѣмъ разсматривать эту полемическую сторону толкованій Аввакума, отмѣтимъ въ нихъ нѣсколько примѣровъ реализма, подобнаго тому, съ которымъ мы встрѣчались при разборѣ толкованій на книгу Бытія; такіе образцы, безъ полемическихъ выходовъ противъ православныхъ, весьма немногочисленны, ихъ всего три: 1) въ толкованіи стиха 2 псалма 40 значеніе милостыни на страшномъ судѣ сравнивается съ проѣзжей памятью: «гдѣ ни показать, ино не держать»; 2) говоря о томъ, что не слѣдуетъ предаваться унынію при смерти близкихъ людей (въ толкованіи стиховъ 14—15, IV главы Премудрости Соломона), Аввакумъ представляетъ слѣдующую картину поминанія умершихъ людьми нечестивыми: «у грѣшныхъ же поминаніе не тако, но наварятъ на поминки вина и пива и напьются пьяни и передерутся, а бабы по мертвыхъ кричатъ да вопятъ, яко невѣрніи иноземцы: кленуть зъ горя плачучи и небо, и землю, и тварь всю, и самому Творцу досаждаютъ»;—очевидно, въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ личными наблюденіями Аввакума надъ окружавшей его дѣйствительностью; 3) такая же жизненная черта проявляется и въ нѣсколько книжномъ толкованіи стиховъ 2—3 гл. 55 пророч. Исаіи: сказавъ о роскошной жизни себялюбивыхъ богачей, Аввакумъ замѣчаетъ: «а къ душевному строю претить діаволь въ церковь, и нищимъ подати не хоцеть, а что и подасть, ино смѣху достойно, денешку и полденешку, или кусокъ корки сухіе. А имѣеть тысящи серебра и злата, и на псахъ ожерелки шелковые и кольца серебряные». Наконецъ, укажемъ еще одинъ такой примѣръ, однако уже съ примѣсью полемической: въ толкованіи стиха 9, главы IV Премудрости Соломона никоніянне сравниваются, по своему увлеченію всякой новизной, съ ребенкомъ, который «по землѣ прилежай, и щепу и г...о поемля, въ ротъ себѣ пихаетъ,

и падая съ лавки и съ полатей, язвы себѣ отъ безумія прие-
леть».

Въ своихъ полемическихъ выходкахъ противъ православной церкви Аввакумъ даетъ намъ, конечно, со своей точки зрѣнія, какъ общую характеристику никоніянъ, такъ и характеристику отдѣльныхъ представителей ненавистнаго ему церковнаго на-
правленія, самаго патріарха Никона, Павла, митр. Крутицкаго, Іоны, митр. Ростовскаго и др.; говоритъ онъ о томъ, какъ надо относиться къ никоніанамъ, о будущей ихъ казни, высказы-
ваетъ свой взглядъ на царя, касается вопроса о пришествіи антихриста, разбираетъ нѣкоторые обрядовыя разногласія съ никоніанами и, наконецъ, затрогиваетъ нѣкоторые внутренніе вопросы, возникавшіе среди приверженцевъ старины, каковъ былъ напр. вопросъ о самосожженіи. Конечно, при такомъ разно-
образіи содержанія и благодаря избранной Аввакумомъ истолко-
вательной формѣ, изложеніе не можетъ отличаться послѣдова-
тельностью, и намъ приходится при разборѣ этихъ сочиненій группировать во едино отдѣльныя разбросанныя подробности Аввакумовой полемики.

На первомъ планѣ среди церковныхъ враговъ Аввакумъ ста-
вить, конечно, патріарха Никона и по отношенію къ нему ни-
сколько не стѣсняется въ самыхъ яростныхъ нападкахъ, при-
чемъ въ нихъ отражаются и впечатлѣнія личнаго его знаком-
ства съ патріархомъ. Никонъ называется «пресквернѣйшимъ»,
«блудодѣмъ», «новымъ Валаамомъ», «ближнимъ предотечей
антихриста». По своему характеру Никонъ настолько прибли-
жается въ представленіи Аввакума къ антихристу, что разница
почти исчезаетъ. Никонъ еще съ дѣтства научился чародѣйству,
и самое его происхожденіе представляется сомнительнымъ: «одва
не татарка его родила». Онъ сынъ діавола и «работаетъ отцу
своему, сатанѣ», говоритъ «надъ просвирой во время переноса»
какіе-то заклинательные стихи и «масломъ мажетъ причастни-
ковъ своей сквернѣ, прибѣгнувшихъ къ его милости. Самъ государь
трудится святитель: какъ лишиться такой святыни! Да такъ-то
міръ-отъ мажетъ и сквернитъ; да такая бѣда,—кого помажетъ,
тотъ и измѣнится умомъ-тѣмъ. Явно омрачаетъ. Или антидо-
ромъ-тѣмъ накормитъ, такъ и пошелъ по немъ. Есть протопопъ,
Ермиломъ зовуть, ярославской, доброй человекъ и мнѣ другъ
давной, да ум-отъ у него не крѣпокъ. Поборникъ былъ по цер-

квѣ, да омрачился отъ мазн-той и антидора-того! Нѣкогда пришли мы вмѣстѣ съ нимъ въ соборную церковь, такъ онъ бѣжить къ маслу-тому, и я ему браку: пошто ты идешь, Ермилъ! И онъ мнѣ: да какъ же, братецъ! Я не могу того учинить, чтобы мнѣ того не помазаться! Я его ухватилъ, чтобы не пустить,—и онъ дрожить, стоя. Я и пехнулъ: иди, реку, гори въ огнѣ съ ними заодно!»⁷³⁾ Поведеніе Никона въ то время, какъ онъ былъ архимандритомъ и митрополитомъ, еще болѣе заставляеть Аввакума сближать его съ антихристомъ, который такъ же («слово въ слово»), какъ и Никонъ, «исперва будетъ казаться людямъ вротокъ и смиренъ, и милостивъ и челоуѣколюбивъ». При этомъ Аввакумъ ссылается на свои собственные наблюденія и сообщаетъ крайне неприличную сплетню о Никонѣ: «Я его высмотрилъ с... с... до мору тово,—великой обманщикъ, бл.... сынъ! Какъ-то при духовникѣ-томъ Стефанѣ вздыхаетъ, какъ-то плачать, овчеобразный волкъ. Въ окно ис палаты нищимъ деньги бросаетъ, ѣдучи по пути нищимъ золотые мечеть! А мѣр-отъ слѣпой хвалить: государь такой-сякой, миленькой, не бывалъ такой отъ вѣка! А бабы молодые, простите Бога ради, и черницы, въ палатахъ-тѣхъ у него временницы, тѣшатъ его, великаго государя пресквернѣйшаго, а онъ ихъ холостить бл....; у меня жила Максимова попадья, молодая жонка, и не выходила отъ него; тогда сегда дома побываетъ, поруха! Всегда весела съ вотокъ да с меду; пришедъ, пѣсни поеть: у святителя государя въ ложницѣ была, вотьку пила! И иные рѣчи блазнено и говорить. Мочно вамъ знать и самимъ, что прилично блуду. Простите же меня за сіе. И больши тое бездѣлицы вѣдаю; да плюнуть на все. Слово въ слово, таковъ-то и антихристъ будетъ»⁷⁴⁾ Однако, какъ ни близко ставитъ Аввакумъ Никона къ антихристу, но признать опредѣленно его самого антихристомъ, какъ это дѣлали Ефремъ Потемкинъ и, можетъ быть, нѣкоторые другіе расколотители, онъ не рѣшается.

Такая нерѣшительность объясняется тѣмъ, что Аввакумъ полагаетъ, что время антихристово еще на наступило, «послѣднее чортъ не бывалъ еще», хотя приходъ его подготавливается, «тайна уже дѣется беззаконію». Антихристъ «зачнется отъ блуда,

⁷³⁾ Мат. VIII, стр. 34—35.

⁷⁴⁾ Мат. VIII, стр. 31—32. Реп. Имп. Публ. Библ. № 0. I. 889.

отъ жены жидовки, изъ колѣна Данова». При этомъ въ представленіи Аввакума рожденіе антихриста обличается съ народно-поэтическимъ образомъ происхожденія змѣвичей: «мнитися, самъ сатана облудить съ нею симъ подобіемъ, якоже змѣй нынѣ летаетъ къ женамъ; дьявольской же духъ, и дастся зачатому душа за плоть матерню» ⁷⁵⁾). При антихриствѣ начнется мучительство, подобное происходящему теперь на Москвѣ: «всяко постраждутъ миленькіе и отъ самого и отъ прикащиковъ его, какъ-то и нынѣ: на Москвѣ жгутъ, и по городомъ жгутъ митрополиты и воеводы». Такъ какъ антихриствѣ долженъ быть царемъ, то и Аввакума будущее отношеніе къ нему людей, какъ подданныхъ къ царю, изображается въ такихъ чертахъ, которыя опять таки сближаютъ антихристово время съ тѣмъ, что происходило при Аввакумѣ: «а люди-те омраченные, страха ради и прещенія, пуще величаютъ: благочестивѣйшій, тишайшій, самодержавнѣйшій, государь нашъ природной, праведной, буди здравъ на многа лѣта! Да и на обѣдняхъ—тѣхъ такъ же величаютъ. Обѣдни-тѣ у нихъ не по нашему будутъ: гдѣ прибрело, тутъ и обѣдня,—не въ церквѣ, у престола, предъ образомъ Пречистыя Богородицы, но литонъ разославше и въ заходѣ и вездѣ обѣдня, какъ никоніянцы напечатали нынѣ во своихъ книгахъ». Въ этихъ словахъ можно, пожалуй, видѣть намекъ на царя Алексѣя Михайловича, который далѣе представляется омраченнымъ лестью Никона: «цареть, петь, въ тѣ поры чаеть и мнится быт-то и впрямъ таковъ, святѣ ево нѣтъ!» ⁷⁶⁾). Однако нельзя думать, чтобы именно царь Алексѣй Михайловичъ приравнивался антихристу: всетаки отношеніе къ царю остается пока не совсѣмъ опредѣленнымъ, и въ разсматриваемыхъ толкованіяхъ проглядываетъ надежда склонить царя на свою сторону.

Эта неопредѣленность взгляда Аввакума на царя выражается съ одной стороны въ довольно рѣзкихъ обличеніяхъ царя, а съ другой въ попыткахъ обратить его на путь истины, привести къ покаянію. Такъ, въ толкованіи псалма 40-го мы находимъ слѣдующее разсужденіе о загробномъ мученіи нечестиваго чловека: «Ну, безумной, вотъ сталъ осужденъ! Кто пособить? Пи-

⁷⁵⁾ Мат. VIII, стр. 31. См. Халавскій. Южно-Слав. сказанія о крад. Маркѣ, стр. 178.

⁷⁶⁾ Мат. VII, стр. 32, 35.

санія не слушаль, заповѣдей Христовыхъ не хранилъ и милостыни не творилъ. День пришелъ лютой. Кто избавить? Господа не утѣшилъ: тото ради неутѣшимый плачь, обрѣте. Бѣдной, бѣдной! Пропаль душею и тѣломъ. А какъ бы жилъ бояся Бога, никоніанъ-тѣхъ шпыней не слушаль, и держаль старую вѣру, и жилъ бы такъ, какъ апостоли и святіи отцы научиша: такъ Господь бы тя избавилъ, и сохранилъ..... За что ты здѣсь отщепился отъ Христа, и пречестную икону Богородичну со престола согналъ и прочія ереси любезнѣ держаль, а правобѣрныхъ пекъ и огнемъ палилъ? Будеть ти и самому жарко въ день лютой отъ Господа; а печеные-те отъ вѣры живы будутъ тамъ». Хотя въ этомъ разсужденіи и не называется прямо царь Алексѣй Михайловичъ, но легко замѣтить, что рѣчь идетъ о лицѣ, имѣющемъ власть, поддерживающемъ еретиковъ-никоніанъ; а кромѣ того общій характеръ этого обличенія позволяеть его сблизить съ обращеніемъ Аввакума (во второмъ посланіи къ Симеону) къ царю Максиміану, подъ именемъ котораго можно разумѣть царя Алексѣя Михайловича.

Нѣсколько иное отношеніе къ царю мы видимъ въ толкованіи псалма 44-го: здѣсь отступленіе царя отъ истинной, старой вѣры извиняется тѣмъ, что онъ былъ соблазненъ Никономъ и его помощниками, причемъ опять является что-то въ родѣ чародѣйства, такъ какъ Никонъ «умъ отнялъ у милова, какъ близъ его былъ». «Я вѣтъ тогда тутъ былъ, все вѣдаю, поясняетъ Аввакумъ,—всему тому сваха Анна Ртищева со дьяволомъ. Какъ его причастилъ антидоромъ, такъ съ тѣхъ мѣстъ возми, да понеси, да ломай все старое, давай новую вѣру римскую, и протчая ереси клади въ книги; а кто обрящется противень, того осуждай въсылки и въ смерти, сажай живыхъ въ землю». Во всемъ виноваты архіереи, которые внушили царю, что онъ долженъ имъ «указывать», можетъ «владѣть церковью и измѣнять догматы». Называя православныхъ архіереевъ волками и душегубцами, Аввакумъ сравниваетъ ихъ съ «земскими ярыжками»: что имъ велеть, то и творять. Только у нихъ и вытвержено: а-се, государь, во-се, государь, добро, государь! Медвѣдя Никонъ смѣясь прислалъ Іонѣ Ростовскому на дворъ, и онъ челомъ медвѣдью,—митрополитицо, законоположникъ! А тутъ же въ сонмищѣ съ палестинскими сидитъ, бытто знаетъ! А о Павлѣ Крутицкомъ мерзко и говорить: тотъ явной любодѣй, церковной кровоядецъ

и навадникъ, убійца и душегубецъ: Анны Михайловны (т. е. Ртицевой) любимой владыка, подпазушной пещь борзой, готовъ зайцовъ Христовыхъ ловить и въ огонь сажать». Желая представить работѣпство архіереевъ, Аввакумъ приписываетъ имъ такія рѣчи: «жги, государь, христіанъ-гѣхъ, а намъ какъ прикажешь, такъ мы въ церкви и поемъ; во всемъ тебѣ, государю, не противны; хотя медвѣдя дай намъ въ олтарь, и мы рады тебя, государя, тѣшить, лише намъ погребы давай, да кормы со дворца» ⁷⁷⁾.

Такимъ образомъ, благодаря этимъ ожесточеннымъ нападкамъ на Никона и архіереевъ соблазнительей, вина самого царя Алексѣя Михайловича оказывается нѣсколько смягченной, вслѣдствіе чего Аввакумъ питаетъ надежду на его исправленіе и обращается къ нему отчасти съ нѣжнымъ увѣщаніемъ покаяться, отказаться отъ общенія съ еретиками-никоніанами, отчасти грозить ему такими же казнями, какія раньше постигали нечестивыхъ царей. Въ отношеніяхъ къ царю такимъ образомъ проявляется какая-то неопредѣленность, невыдержанность, особенно ярко замѣтная при сопоставленіи приведеннаго выше отрывка изъ толкованія на псаломъ 40-й съ пространнымъ разсужденіемъ о мучительствѣ и увѣщаніемъ царю, которое мы находимъ въ толкованіи псалма 44-го ⁷⁸⁾, причемъ весьма существеннымъ представляется то обстоятельство, что это увѣщаніе въ сборникѣ Имп. Публ. Библиотeki О. I. № 339 составляетъ особую статью, да и въ Боровскомъ сборникѣ оно прицѣплено къ толкованію

⁷⁷⁾ Въ чемъ состоятъ тотъ эпизодъ съ медвѣдемъ, который упоминаетъ Аввакумъ, и было ли что-либо подобное въ дѣйствительности, мы не знаемъ. Можетъ быть, это сплетня, возникшая значительно раньше, чтобы очернить Иону, митр. Ростовскаго, по всей вѣроятности, покорно повиновавшася Никону. Павелъ Крутицкій упоминается и въ толкованіи 9 главы Притчей Соломоновыхъ, какъ «зодійщикъ»: «со мною онъ, Павелъ безумной, ставался, глаголющи: велѣно де, протопопъ, научиться премудрости алъманашной и звѣздочетию, писано-де: възщите премудрость, да поживете». Не обратилось ли въ этомъ случаѣ требованіе научнаго образованія, предъявленное Павломъ, въ наставленіе заниматься астрологіей? Что касается Анны Михайловны Ртицевой, то въ этихъ же «толкованіяхъ» мы имѣемъ свидѣтельство Аввакума, что она пыталась увѣщевать его: «И Анна Ртицева мнѣ говорила: а и Аввакумъ протопопъ! Коли тебя изводъ возметь!» Мат. VIII, стр. 15, 29, 38, 48, 59.

⁷⁸⁾ Мат. VIII, стр. 35—52.

нѣсколько механически. Нельзя ли на этомъ основаніи предположить, что это увѣщаніе было какъ бы проектомъ новой попытки обратить царя на путь истины? Въ пользу такого предположенія, кромѣ общаго тона увѣщанія, говоритъ и самая форма непосредственнаго обращенія къ царю: «О, царю Алексѣе, покажу ти путь къ покаянію и спасенію твоему»; правда, подобное же обращеніе есть и въ предыдущей части толкованія, гдѣ Аввакумъ убѣждаетъ царя остановить преслѣдованія защитниковъ старины и, указавъ на примѣръ Манасіи, замѣчаетъ: «Виждь, начальныхъ согрѣшенія какову бѣду міру наносятъ. Скоро истпуть или яко быліе злака скоро отпадутъ. Престани же, государь, проливати крови неповинныхъ; пролей вмѣсто слезы; угаси печь палящую рабовъ Христовыхъ въ Боровскѣ и въ Казани; съ воздыханіемъ изъ глубины сердца расторгни узы сѣдящихъ въ темницахъ и изведи живыхъ закопанныхъ въ землю; припади къ колѣнома ихъ съ покаяніемъ, да умолятъ о тебѣ Бога, яко о Ѳеофилѣ иконоборцѣ Меѳодіи». Однако здѣсь это обращеніе является въ видѣ какой-то эпизодической вставки, въ виду того, что Аввакумъ говоритъ о царѣ въ этой части постоянно въ третьемъ лицѣ: такъ онъ высказываетъ желаніе «постричи» царя, который «много накудесилъ, горюнтъ, въ жизни сей»; упоминаетъ о томъ, что «житіе царя было и нарочито исперва, да рассказали собака Никонтъ», причемъ проводитъ параллель между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и императорами Львомъ Армяниномъ, Василиемъ Македоняниномъ и Ѳеодосіемъ, которыхъ также соблазняли разные еретики; намекъ явный на царя можно видѣть и въ упоминаніяхъ объ Озіи и Манасіи, тѣмъ болѣе что эти же примѣры приводятся и въ дальнѣйшей части, непосредственно обращенной къ царю; наконецъ, въ этой же первой части находимъ и довольно пространную молитву о томъ, чтобы Богъ «премѣнилъ отъ прелести царя Алексѣя бѣднаго отъ новаго злодѣя Никона съ дьяволомъ и далъ бы ему очищеніе и освященіе и душевное прозрѣніе». Вотъ это-то различіе въ формѣ двухъ частей толкованія и представляется намъ основаніемъ для предположенія о самостоятельномъ возникновеніи каждой изъ нихъ; объединеніе же ихъ въ одномъ сочиненіи, произведенное, можетъ быть, самимъ Аввакумомъ, явилось какъ результатъ близости ихъ по содержанию, такъ какъ въ

обѣихъ говорится о никоніанскомъ мучительствѣ, которому царь потворствуетъ ⁷⁹⁾).

Это мучительство составляетъ главный предметъ нападокъ Аввакума на никоніанъ, нападокъ, разсѣянныхъ по всѣмъ разсматриваемымъ «толкованіямъ», причемъ обвиняются больше всего Никонъ и архіереи. Уговаривая царя прекратить преслѣдованія приверженцевъ старины, Аввакумъ почему-то высказываетъ надежду на то, что лучшія времена настанутъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.—«Сынъ твой, говоритъ онъ, послѣ тебя распустишь же о Христѣ всѣхъ страждущихъ и вѣрныхъ по старымъ книгамъ въ Господа нашего Ісуса Христа! На шестомъ соборѣ бысть же сіе,—Константинъ Брадатый проклялъ же мучителя, отца своего, еретика, и всѣмъ вѣрнымъ и страждущимъ по Христѣ животь дарова. Тако глаголетъ Духъ Святыи мною, грѣшнымъ рабомъ своимъ: и здѣсь тоже будетъ послѣ тебя! И ты послушай меня, сдѣлай доброе при себѣ, дондеже еси въ животь. Егда пріидеть хищникъ и восхититъ тя, не успѣешь тогда: понеже судъ бываетъ безъ милости несотворившимъ милости. Вѣдь мы у тебя не отнимаемъ здѣсь царства-тово, ниже иныхъ возмущаемъ на тебя; но за вѣру свою стоимъ, боля о законѣ своемъ, преданнѣмъ отъ святыхъ отецъ. Что ти успѣеть въ грядущій вѣкъ? Грабишь насъ напрасно и обнажаешь отъ Христа. Время и тебѣ покаяться, понеже любить Господь Богъ кающихся». Въ этихъ словахъ видно только довольно умѣренное желаніе избавиться отъ преслѣдованій, и то же можно сказать и о слѣдующемъ увѣщаніи: «Вѣдаю разумъ твой; умѣешь многими языки говорить, да што въ томъ прибыли? Съ симъ вѣкомъ останется здѣсь, а о грядущемъ ничимже пользуется. Воздохни-тко по старому, какъ при Стефанѣ бывало, добренько, и рцы по русскому языку: Господи, помилуй мя, грѣшнаго! А киріелеисонъ-отъ отставъ; такъ ельнана говорятъ; плюнь на нихъ. Ты вѣдь, Михайловичъ, русакъ, а не грекъ. Говори своимъ природнымъ языкомъ; не уничижай его ни въ церкви, и ни въ дому, и ни въ пословицахъ. Какъ насъ Христосъ на-

⁷⁹⁾ Что касается обвиненій въ обрядовыхъ искаженіяхъ, то они дѣлаются какъ бы мимоходомъ, и только относительно седмипросфорія мы находимъ обширное разсужденіе, въ толкованіи на 9 главу Притчей Соломоновыхъ (Мат. VIII, стр. 58—58).

училь, такъ подобаеъ говорить. Любить насъ Богъ не меньше грековъ, предаль намъ и грамоту нашимъ языкомъ Кирилломъ святымъ и братомъ егю». Однако, такой мягкій тонъ увѣщаній не выдерживается Аввакумомъ до конца, и тутъ же мы встрѣчаемся съ требованіемъ казни никоніанамъ: «Перестань-ко ты насъ мучить-тово! Возми еретиковъ-тѣхъ, погубившихъ душу твою, и пережги ихъ скверныхъ собакъ, латынниковъ и жидовъ, а насъ распусти природныхъ своихъ».

Вообще отношеніе Аввакума къ своимъ врагамъ никоніанамъ, какъ мы указывали и раньше, не отличается послѣдовательностью, и такія же противорѣчія можно замѣтить и въ разсматриваемыхъ «Толкованіяхъ»: съ одной стороны мы встрѣчаемся здѣсь съ наставленіями, въ которыхъ можно видѣть проявленіе нѣкоторой религіозной терпимости, а съ другой стороны насъ поражаютъ угрозы никоніанамъ будущими загробными казнями и желаніе расправиться съ ними, отомстить имъ теперь же за ихъ мучительство. Такъ, въ толкованіи псалма 40-го мы находимъ приведенное нами выше (стр. 235) наставленіе не гнѣваться на еретика, такъ какъ никоніанамъ «и безъ нашего гнѣва будетъ жарко»; но рядомъ съ этимъ въ другихъ толкованіяхъ встрѣчаются такія поученія Аввакума своимъ единовѣрцамъ: «Съ еретикомъ какой миръ? Бранися съ нимъ и до смерти, и не повинуйся его уму развращенному. Своего врага люби, а не Божія, сирѣчь еретика и ненавистника душевнаго уклоняйся и ненавиди, отрицайся его и душею и тѣломъ» (Мат. VIII, стр. 60). «Бѣги отъ еретика и не говори ему ничего о правовѣрїи; токмо плюй на него. Аще онъ и мягко съ тобою говорить, отклоняйся его, понеже ловить тебя, да же наведеть бѣду душевную и тѣлесную.—Ей, собаки и свинѣ хуже еретикъ. Слово правое и истинное уничтожаетъ и хулить, а свою бл... утверждаетъ. Отступи отъ него» (Ibid., стр. 61—62). Особенно энергично Аввакумъ настаиваетъ на необходимости борьбы съ никоніанамъ въ толкованіи на 5-ю главу книги Премудрости Соломона; здѣсь праведники, т. е. сторонники Аввакума, представлены смѣло обличающими еретиковъ, несмотря ни на какія преслѣдованія: «грѣшники праведниковъ мучать, а они больши ихъ обличаютъ, не молчатъ небось, стрѣляютъ ихъ праведными словеса своими мѣтко; не обмишуются праведникъ-отъ,—ужь какъ пустить слово-то свое о Христѣ на собаку на никоніанина, тотъ

часть неправду-то въ еретикѣ заколетъ». Въ борьбѣ съ никоніанами помогаетъ самъ Христосъ: «Онъ имъ, надежа, силу-ту подаетъ; а то бы беззаконники-тѣ тотчасъ праведниковъ-тѣхъ перевертѣли; да Христосъ воли-той имъ не даетъ. Утѣшаетъ своихъ-тѣхъ Владыка бѣдненькихъ всяко. Собаки-тѣ огрызутъ нашему брату бѣдному руку, или языкъ, или иную кую пакость сотворять, а Христосъ и испѣлитъ; а ворами-тѣмъ горько да не знаютъ, какъ извѣсти праведника-того» (Мат. VIII, стр. 64—65, см. также Приложенія). Божественная помощь проявляется, какъ видно изъ этихъ словъ, въ разнаго рода знаменіяхъ, и къ числу подобныхъ чудесныхъ знаменій можно отнести и открытіе мощей Соловецкаго угодника, игумена Иринарха, «бывшаго древле въ православной вѣре при благочестивомъ царѣ Михайлѣ Ѳеодоричѣ»; этотъ фактъ, по мнѣнію Аввакума, долженъ служить яркимъ обличеніемъ никоніанъ: «Иринархъ по всей земли вѣрныхъ возвѣселить, а никоніанъ вѣсилъ и скорбь имъ наведе явленіемъ своимъ, понеже старыя нашія изгнанныя православныя вѣры кринъ процвѣтъ на обличеніе никоніаномъ, новолубцамъ, врагомъ и отступникомъ отъ Христа и отъ Пречистыя Богородицы и отъ Соловецкѣихъ чудотворцевъ» (см. Приложенія, стр. 68—69).

За всѣ свои прегрѣшенія, за отступничество и за преслѣдованіе правовѣрныхъ, никоніане будутъ жестоко наказаны при будущемъ судѣ Христовомъ: эта мысль подробно развивается, на основаніи апокалипсическихъ предсказаній, въ толкованіи на 5-ю главу Премудрости Соломона, причѣмъ дается такое предостереженіе: «Добро бы образумитца и, яко отъ сна, убудитися коемуждо отъ злобъ своихъ, пачеже сквернѣ любодѣянія церковнаго и догматнаго измѣненія престать» (Прилож. стр. 58). Такое же предсказаніе осужденія: «в печаль и в скорбь вѣчную со діаволомъ мучитися» и обѣщаніе, что при отсутствіи покаянія никоніанъ, «Богъ приидетъ скоро и брань сотворитъ съ ними мечемъ устъ своихъ и двигнетъ престолы ихъ и кости ихъ предасть псомъ на снѣденіе, якожъ Іезавелины», мы находимъ въ толкованіи на 12-ю главу пророчествъ Исаи (Прилож. стр. 71, 72).

Однако успокоиться одной этой мыслью о будущемъ возмездіи оказывается для Аввакума очень труднымъ, и онъ напоминаетъ для утѣшенія своей паствы, какъ были наказаны разные нечестивцы, Манасія, Валаамъ, Іезавель; откровенно заяв-

ляеть: «Воли мнѣ нѣтъ, да силы,—перерѣзалъ бы, что Илья пророкъ студныхъ и мерскихъ жерцовъ всѣхъ, что собакъ». Конечно, богѣ всего должна быть сурова расправа съ Никономъ: «Какъ бы добрый царь, повѣсилъ бы его на высокое древо, яко древле Артаксерксъ Амана, хотяще погубити Мардохея и родъ Израилевъ искоренити. Миленькой царь Иванъ Васильевичъ скоро бы указъ сдѣлалъ такой собакъ». Злобно общается Аввакумъ своимъ врагамъ расправиться съ ними: «Дайте только срокъ, собаки, не уйдете отъ меня въ рукахъ! выдавлю я изъ васъ сокъ-отъ! ⁷⁹⁾». Наконецъ, мы встрѣчаемся съ приведеннымъ уже нами выше требованіемъ, чтобы царь пережегъ всѣхъ никоніянъ. Всѣ такія проявленія нетерпимости, а въ особенности ссылки при этомъ на ветхозавѣтные примѣры сближаютъ Аввакума съ осифлянскими тенденціями, хотя признать его въ этомъ отношеніи вполне послѣдовательнымъ не представляется возможнымъ, въ виду указанныхъ нами и въ другихъ его сочиненіяхъ, и въ настоящихъ толкованіяхъ примѣровъ иного отношенія къ тѣмъ, кого онъ считалъ врагами церковными.

Отметимъ, наконецъ, еще двѣ весьма существенныя подробности въ разсматриваемыхъ толкованіяхъ: Это, во-первыхъ, упоминаніе о самосожженіи, а во-вторыхъ, двукратное обращеніе Аввакума къ Симеону. О самосожженіи говорится въ толкованіи псалма 44 въ такихъ выраженіяхъ: «Наипаче же въ нынѣшнее время въ нашей Россіи сами въ огонь идутъ отъ скорби великія, ревнуя по благочестію, яко древле апостоли; не жалѣютъ себя, но Христа ради и Богородицы въ смерть идутъ, да вѣчно живы будутъ. А какъ же не ити въ огонь роду христіанскому? Богородицу со престола согнали никоніянны-еретики, воры, бл... дѣти. Да еще бы не горько христіанину!» Въ этихъ словахъ можно видѣть указаніе причинъ для самосожженія независимо отъ преслѣдованія со стороны никоніянъ, однако строить на этомъ основаніи какія-нибудь опредѣленныя заключенія, какъ мы это объяснимъ далѣе, не представляется возможнымъ. Рядомъ съ приведеннымъ отрывкомъ о самосожженіи имѣетъ не малое значеніе упоминаніе въ той же самой статьѣ имени ученика Аввакума, Си-

⁷⁸⁾ Мат. VIII, стр. 29, 45, 56.

⁷⁹⁾ Ibid., стр. 28.

меона: какъ мы увидимъ далѣе, всего больше о самосожеженіи Аввакумъ писалъ этому Симеону (съ которымъ, какъ доказано П. С. Смирновымъ, тождественъ игумень Сергій), а то обстоятельство, что въ Богдановскомъ сборникѣ Имп. Публ. Библиотеки разсматриваемыя толкованія помѣщены вмѣстѣ съ двумя посланіями къ Симеону, наводитъ на мысль, что всѣ эти толкованія, между которыми есть связь, указываемая самимъ Аввакумомъ въ «Нравоученіи», писались именно для Симеона, который, можетъ быть, былъ главнымъ посредникомъ между Аввакумомъ и его паствою. Не лишено также значенія для подтвержденія мысли о тождествѣ Симеона и игумена Сергія и то обстоятельство, что въ разсматриваемыхъ толкованіяхъ и въ «Нравоученіи» Аввакумъ нѣсколько разъ мимоходомъ затрогиваетъ догматическіе вопросы, послужившіе предметомъ его спора съ діакономъ Ѳедоромъ и разбиравшіеся въ недошедшихъ до насъ его сочиненіяхъ, которыя распространялись среди раскольниковъ Сергіемъ.

По установленному нами хронологическому порядку за разобранными толкованіями слѣдуетъ обширное сочиненіе Аввакума, озаглавленное г. Субботиннымъ «Бесѣда объ Авраамѣ», хотя въ рукописи Е. В. Барсова (съ которой оно напечатано) не имѣющее никакого заглавія. Варианты въ изданіи г. Субботина приведены по спискамъ Хлудовской бібліотеки, №№ 257 и 273. Въ первомъ изъ списковъ нѣтъ начала, находящагося въ рукописи Е. В. Барсова, а второй состоитъ изъ отрывковъ. Такой же отрывочный характеръ имѣетъ списокъ бібліотеки В. Г. Дружинина, № 53, О. № 30, причемъ здѣсь это сочиненіе озаглавлено: «Слово 1 Аввакума протопopa къ своимъ отцамъ». Если разсмотрѣть составъ текста напечатаннаго, то и въ немъ замѣчается непослѣдовательность, отрывочность, происходящая, можетъ быть, оттого, что первоначальный текстъ вообще не сохранился, и въ одномъ сочиненіи были объединены отрывки изъ разныхъ другихъ; однако отрывочность могла быть и въ первоначальномъ текстѣ, такъ какъ послѣдовательностью изложенія далеко не всегда отличаются сочиненія Аввакума.

По формѣ «Бесѣда» представляется толкованіемъ нѣкоторыхъ частей изъ посланій апостола Павла къ Галатамъ (гл. 4, ст. 23—31, и гл. 5, ст. 1) и Римлянамъ (гл. 4, ст. 16—25 и гл.

5, ст. 1—5), но рядомъ съ толкованіемъ мы находимъ полемику противъ никоніанъ, и разсужденія объ антихристѣ, и разсмотрѣнныя нами выше опроверженія заблужденій дьякона Федора, и обширную статью объ Авраамѣ, которая, можетъ быть, служила продолженіемъ «Списанія и собранія о Божествѣ и твари». Такимъ образомъ составъ сочиненія представляется нѣсколько смѣшаннымъ, и всякія заключенія о его первоначальномъ видѣ пока могутъ быть только гадательными.

Эта непослѣдовательность изложенія особенно обнаруживается въ томъ обстоятельстве, что толкованіе стиховъ 22 и 23 гл. 4 посланія къ Галатамъ дается Аввакумомъ два раза, причѣмъ толкованіемъ въ собственномъ смыслѣ можно признать лишь то краткое поясненіе, которымъ начинается вторая часть «Бесѣды» (со стр. 358, т. V Мат.); все же предшествующее является дѣйствительно бесѣдой объ Авраамѣ, довольно обстоятельнымъ пересказомъ относящагося къ Аврааму текста книги Бытія и Палей или «Гранографа». Въ обѣихъ этихъ частяхъ мы находимъ опять, какъ и въ другихъ истолковательныхъ сочиненіяхъ Аввакума, обширныя отступленія, въ которыхъ онъ говоритъ о современныхъ церковныхъ несогласіяхъ и полемизируетъ со своими врагами.

Дополненія къ библейскому повѣствованію, заимствованныя изъ «Гранографа», состоятъ въ слѣдующемъ: 1) разсказывается объ идолопоклонствѣ Фары, о противодѣйствіи ему со стороны Авраама, о соженіи идоловъ и о смерти «Арама», младшаго брата Авраама, причѣмъ и замѣчаніе: «и отъ Адама до сего меншей прежде старшаго не умиралъ» подходитъ къ словамъ Палей: «предъ симъ бо не умиралъ сынъ предъ отцемъ»⁸¹); 2) статья «о Мелхиседецѣ» представляется сокращеннымъ изложеніемъ «Слова Аванасія архіеп. александрійскаго о Мелхиседеце»⁸²); 3) статья «о жертвѣ Авраамовѣ, егда принесе Богу» въ эпизодѣ о вознесеніи Авраама на небо ангеломъ Алтезомъ носитъ на себѣ слѣды вліянія апокрифическаго «Откровенія Авраама» (вошедшаго въ Палею); самый же разсказъ о жертвоприношеніи близокъ къ библейскому тексту.

Реальныя подробности толкованія, подобныя тѣмъ, которыя

⁸¹) Сборн. отд. рус. яз. и слов., т. XVII, стр. 117.

⁸²) Ibid., стр. 181—185. Памятн. стар. рус. лит. III, стр. 21—23.

мы указывали раньше, замѣтны какъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ Аввакума, такъ и въ параллеляхъ, проводимыхъ между библейскими событіями и фактами современной жизни. Примѣромъ первой категоріи могутъ служить слѣдующія «простыя» объясненія: «ему (Лоту) то мѣсто (Содомская земля) полюбилось, а опослѣ милой и мучился много з добрыми людьми», «Сарра пироговъ напекла» для Св. Троицы, Сарра отвѣчаетъ Богу на обѣщаніе, что у нея родится сынъ: «я-де баба лѣтъ девяносто, — како будетъ се?» Что касается припоровъ къ современной жизни, то здѣсь мы встрѣчаемся прежде всего, при разсказѣ объ аскетическомъ образѣ жизни Мельхиседека на Фаворской горѣ, со слѣдующимъ замѣчаніемъ: «прямой былъ священникъ, не искалъ ренскихъ и романей, и водокъ и винъ, процѣженныхъ, и пива съ кардамономъ, и медовъ лимоновыхъ и вишневыхъ и бѣлыхъ разныхъ крѣпкихъ». Послѣ этого Аввакумъ обращается къ Иларіону, архіепископу рязанскому, напоминаетъ ему о своемъ давнемъ, начинающемся съ юности, знакомствѣ, обличаетъ его роскошную и безнравственную жизнь: «въ корету сядетъ, растопоршится, что пузырь на водѣ, сѣдя на подушкѣ, расчесавъ волосы, что дѣвка, да ѣдетъ, выставя рожу, на площадѣ, чтобы черницы-волухи-унятки любили». Вмѣстѣ съ этимъ Аввакумъ обвиняетъ Иларіона въ мучительствѣ, говоря, что ни одинъ изъ православныхъ архіереевъ столько «не льститъ царя ухищреніемъ басней и пронырствомъ и люди Божія губить». Такое обвиненіе противъ Иларіона истекаетъ, вѣроятно, изъ того факта, что Иларіонъ занималъ въ православной іерархіи очень выдающееся положеніе и, можетъ быть, поэтому принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ расколомъ; во всякомъ случаѣ онъ представлялся защитникамъ старины однимъ изъ опаснѣйшихъ враговъ, и это можно хорошо видѣть, если сопоставить съ приведенными словами Аввакума то обстоятельство, что въ рисункѣ, приложенномъ къ Казанскому списку «Житія» Аввакума (какъ мы укажемъ далѣе), Иларіонъ помѣщенъ въ числѣ пяти главныхъ противниковъ церкви, рядомъ съ патриархами Пансіемъ Александрійскимъ, Макаріемъ Антиохійскимъ, Никономъ и Іоакимомъ.

Мучительство Иларіона и другихъ никоніянскихъ властей вызываетъ въ представленіи Аввакума сравненіе ихъ съ евреями, преслѣдовавшими пророковъ и апостоловъ, а также и съ

Магометомъ и съ Иродомъ: «Мнѣ сіе любо гораздо: освятилася русская земля кровію мученическою. Не гнѣвайтесь, бѣдныя, подвизайтесь гораздо, яко Махметъ подклоняйте мечемъ непокоряющихся въ свою вѣру, да и по смерти своей, яко Иродъ древле, прикажите владыкъ и старѣйшинъ галилейскихъ на память кончины своей побить».

Разсказъ о жертвоприношеніи Авраама и о терпѣніи и покорности Исаака приводитъ Аввакума къ нравоучительнымъ размышленіямъ о современныхъ обстоятельствахъ, о необходимости вѣрнѣе стоять за старое правовѣріе, несмотря ни на какія преслѣдованія, въ виду того, что въ будущемъ терпѣніе вознаградится: «нынѣ намъ отъ никоніанъ огонь и дрова, земля и топоръ, ножъ и висѣлицы: тамо же ангельскія пѣсни, и словословіе, и хвала и радованіе. Яра нынѣ зима, но тамо сладокъ рай; болѣзненно терпѣніе, но блаженно воскресеніе». Призывъ къ страданію за вѣру выражается въ такихъ словахъ, которыя могли быть истолкованы, какъ одобреніе самосожигательства: «Всякъ вѣрный не развѣшивай ушей-тѣхъ и не задумывайся: гряди со дерзновеніемъ во огонь, и с радостью Господа ради постражи, яко добръ воинъ Исусъ Христовъ, правости ради древнихъ книгъ святыхъ». Однако связь этихъ словъ съ приведенными раньше и съ послѣдующимъ разсужденіемъ, въ которомъ видно только желаніе укрѣпить своихъ послѣдователей въ стояніи за вѣру, не позволяетъ опредѣленно признать ихъ призывомъ къ самосожженію: тутъ говорится только о томъ огнѣ, которымъ дѣйствуютъ никоніане, — этого-то огня не слѣдуетъ бояться, такъ какъ не страшны вообще никакія муки. За мученіе ожидаетъ вѣрныхъ награда на небесахъ, въ грядущемъ положеніи измѣнится совсѣмъ въ противоположную сторону: «судити васъ стануть, говоритъ Аввакумъ никоніанамъ о своихъ послѣдователяхъ, и обладаютъ вами ворами; тогда что вамъ говорить съ ними будетъ, бѣшеные собаки, егда воцарится Господь въ нихъ во вѣки?» Рядомъ съ наказаніемъ загробнымъ предсказывается никоніанамъ возмездіе земное, какъ это мы видѣли и въ толкованіяхъ на псалмы и пріемія; здѣсь это возмездіе представляется въ болѣе опредѣленной формѣ, можетъ быть, подъ влияніемъ извѣстій о войнѣ съ турками: «Разумѣйте, братіе, вси страждущіе отъ никоніанъ и не скорбите: плотолюбцы бо то есть; гонятъ духовныхъ, якоже по плоти роди-

выйся Измаилъ Исаака духовнаго. И самымъ имъ быть прогнаннымъ отъ Духа в степь ко Измаилу, еже есть предасть Богъ, яко грековъ, *туркамъ и крымскимъ татаровямъ*, а въ будущій вѣкъ в преисподній тартаръ всѣхъ з жидами заодно».

Никоніане, какъ и всѣ еретики, по словамъ Аввакума, впадаютъ въ свои заблужденія отъ невѣжества, превратнаго пониманія Священнаго Писанія: «верхи у писанія того хватаютъ, что мыши углы у книгъ-тѣхъ угрызаютъ, а внутрь лежащаго праведнѣ нимало разсудятъ; и иное знаютъ, да ухищреніемъ заминаютъ, и всѣмъ хотящимъ спастися запинаютъ». Благодаря такимъ «ухищреніямъ», никоніане «всю невѣсту Христову разорили зѣло и обезчестили; кой что захватилъ, такъ то и потащилъ: иной за сердце-то ухватилъ, еже есть престолъ святыи четырестолпный перемѣнилъ,..... а иной воръ за голову-ту ухватилъ невѣсту Христову и вѣнецъ благоукрашенный сорвалъ, еже есть древо жизни и спасенія (т. е. четвероконечный крестъ),.... а иной кобель борзой антимишь сорвалъ съ престола,... а иной воръ церковной съ просвиръ крестъ схватилъ, да крыжъ римской положилъ». Особенно почему-то распространяется Аввакумъ относительно отиѣны седмипросфорія, видя въ этомъ первый шагъ къ латинству, къ принятію опрѣсноковъ, и при этомъ сообщаетъ оригинальное объясненіе, данное, по его словамъ, Спиридономъ Потемкинымъ тому, какъ появились въ римской церкви опрѣсноки: «Папа еретикъ,—забылъ имя! — Спиридонъ Потемкинъ покойникъ помнилъ,—такъ же откинулъ отъ семи двѣ просфоры: подобаеть-де надъ пятію просфирами служить в пять чувствъ человѣческихъ. А другой папа еще двѣ откинулъ: подобаеть-де надъ тремя служить во образъ святыя Троицы. А послѣ того третій папа еще двѣ откинулъ: подобаеть-де на одной служить во едино Божество. А иной папа: не подобаеть-де кислой просфирѣ в службѣ быть, но опрѣснокъ надобѣ Моисеова закона ветхаго».

Всѣми своими церковными исправленіями Никонъ и его сторонники готовятъ, «угладили» путь антихристу, который хотя еще и не пришелъ, но «скоро будетъ», такъ какъ никоніане печатаютъ всѣхъ его печатью. Подъ вліяніемъ апокалипсическихъ представленій Аввакумъ сообщаетъ даже, что онъ видѣлъ антихриста. «Нѣкогда мнѣ печальну бывшу и помышляющую, какъ придетъ антихристъ врагъ послѣдній и коимъ образомъ,

да сидя, молитвы говоря и забывша: понеже не могу стояти на ногахъ, — сидя молюся окаянной. А се на полѣ нечистомъ много множество людей вижу. И подлѣ меня нѣкто стоитъ. Я ему говорю: чего ради людей много въ собраніи? Онъ же отвѣща: антихристъ грядеть; стой, не ужасайся. Я подперся посохомъ своимъ двоерогимъ протопопскимъ, сталъ бодро: а во видѣньи ко мнѣ два в бѣлыхъ ризахъ нагово челоуѣка, — плоть-та у него вся смрадна, зѣло дурна, огнемъ дышитъ изъ рта и изъ ноздрей, и изъ ушей пламя смрадное исходитъ. За нимъ царь нашъ послѣдуетъ и власти со множествомъ народа. Егда ко мнѣ привели его: я на него закричалъ и посохомъ хочу его бить. Онъ же мнѣ отвѣщаль: что ты, протопопъ, на меня кричишь? Я нехотящихъ не могу обладати, но волею послѣдующихъ ми, сихъ во области держу. Да изговоря, палъ предо мною, поклонился на землю. Я плюнулъ на него да очутился; а самъ воздрогнулъ и поклонился Господеви. И дурно мнѣ сильно стало и ужасно; да нечего на то глядѣть. Знаю я по писанію о Христв безъ показанія: скоро ему быть».

Послѣднее по времени изъ истолковательныхъ сочиненій Аввакума есть «Бесѣда о наятыхъ дѣлателяхъ», напечатанная Н. И. Субботинимъ въ V томѣ «Матеріаловъ» по списку, принадлежавшему митр. Макарію и теперь принадлежащему Кіевской духовной Академіи⁸³⁾; варианты приведены по спискамъ библиотекъ Хлудова (№ 257) и Е. В. Варсова. Въ послѣднемъ спискѣ сочиненіе не имѣетъ никакого заглавія, въ двухъ же другихъ оно озаглавлено, какъ у г. Субботина, съ присоединеніемъ обычнаго возгласа, предшествующаго чтенію Евангелія. По своему составу «Бесѣда» въ этихъ трехъ спискахъ заключаетъ въ себѣ кромѣ толкованія притчи о виноградаряхъ комментарий къ притчѣ о богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ. Нѣсколько иной видъ имѣетъ «Бесѣда» въ спискѣ Имп. Публ. Библиотеки № 0, I. 339, гдѣ она включена въ составъ обширнаго сочиненія, озаглавленнаго «Нравоученіе» (см. Приложенія, № 30): здѣсь толкованія притчи о богатомъ и Лазарѣ нѣтъ, а текстъ перваго толкованія представляетъ нѣкоторыя отличія отъ напечатаннаго у г. Субботина. «Нравоученіе» по своему содержанію отличается логической цѣльностью: оно заключаетъ въ себѣ сперва раз-

⁸³⁾ Петровъ. Описаніе рукоп. собр., находящихся въ г. Кіевѣ, I, № 58.

сужденіе объ общихъ обязанностяхъ христіанскихъ, любви къ Богу и любви къ ближнему, приче́мъ разъясняется отличіе послѣдней отъ плотской любви и значеніе брака; здѣсь мы встрѣчаемся съ рядомъ реальныхъ подробностей о прелюбодѣянніи; а затѣмъ, сказавъ о своемъ учительствѣ, проведя параллель между собою и нищими, собирающимъ подаяніе «у богатыхъ людей, Аввакумъ обращается къ своей паствѣ со слѣдующими словами: «Хотите ли азъ вамъ образъ покаянія предложу изъ Евангелія? Выпросилъ я у Христа, цѣлая коврига мяхъкова хлѣба! Есть что кушать милостію Божіею: у Него, Свѣта, не скудно! Ту съедимъ, и другую подасть: не скупъ и не завѣстливъ Владыка, всѣхъ желаетъ, всѣхъ спасенія ищетъ, *старыхъ и молодыхъ, всякаго возраста, на всякъ часъ* собираетъ въ небесное царство. Подщимся, не обленимся и мы причастницы быти со святыми».

Послѣ этихъ словъ вполнѣ естественнымъ является переходъ къ толкованію притчи о наятыхъ дѣлателяхъ, которое и заканчивается объясненіемъ послѣдняго входящаго въ притчу стиха евангельскаго: «мнози бо суть званніи, мало же избранныхъ». Связь между этимъ толкованіемъ и первой частью «Нравоученія», кромѣ приведеннаго вступленія, видна и изъ слѣдующаго обращенія къ прелюбодѣю, о которомъ упоминалось въ первой части: «Каково помышляеши, прелюбодѣю, избыти адскихъ жилищъ? Во сластехъ всегда и в тѣмнѣи валяешися, заповедь Божію попирая и наруговая владычество Его. О окаянне и страстне, вниди в совесть свою, познай Господа; престани, покаяся, миленкой!» Послѣ же этого толкованія въ текстѣ «Нравоученія» непосредственно слѣдуетъ статья, напечатанная г. Субботинымъ въ V т. «Матеріаловъ» подъ заглавіемъ «Посланіе къ неизвѣстному обличительное за любострастіе», по тѣмъ же спискамъ библиотекъ Хлудова и митр. Макарія, гдѣ оно помѣщено отдѣльно отъ «Бесѣды». Разсматривая это «Посланіе», мы сразу замѣчаемъ, что оно представляетъ собою отрывокъ какого-то цѣльнаго сочиненія; это видно уже изъ самаго начала: «Слышаль ли еси милосердіе Божіе, о друже, гладкая глава и учесанья кудри, и ты, разумная, походка гладкая, умазанное лицо, добрая жена?» Упомянутіе «евангельскихъ словесъ» и приглашеніе отдать «старость поне Богу» сближаетъ «Посланіе» съ текстомъ «Бесѣды», включеннымъ въ «Нравоученіе»; а ссылка

на притчу о богатомъ и Лазарѣ ставитъ его въ связь съ текстомъ «Бесѣды», помѣщеннымъ въ «Матеріалахъ»; и изъ этого послѣдняго обстоятельства, намъ кажется, можно заключить съ нѣкоторой достовѣрностью, что для логической цѣльности текста «Нравоученія» долженъ быть дополненъ толкованіемъ притчи о богатомъ и Лазарѣ, если мы не предположимъ, что Аввакумъ, включая въ «Нравоученіе» ранѣе написанную «Бесѣду», самъ по какому-то недосмотру опустилъ это толкованіе. Наконецъ, для установленія связи между отдѣльными частями «Нравоученія» представляется очень важнымъ и тотъ фактъ, что приведенное выше обращеніе къ обличаемымъ въ «Посланіи» очень подходит къ слѣдующей яркой характеристикѣ прелюбодѣевъ въ первой части «Нравоученія»: «Кудри бѣдной разчесываетъ и усъ расправливаетъ посредѣ народа. Силно хорошо! И плюнуть не на ково! А прелюбодѣица белилами, румянами умазалася, брови и очи подсурмила, уста багряноносна, поклоны ниски, словеса гладки, вопросы тихи, отвѣты мямки, привѣты сладки, и взгляды благочинны, шествіе по пути изрядно, рубаха белая, ризы красныя, сапоги сафьянныя. Кака быть хороша! Вторая египтяныня Петерѣина жена или Самсонова Далида бл....! Посмотри-тко, дурка, на душу свою, какова она красна, и ты, кудрявецъ, чосаная голова!»

Такимъ образомъ «Нравоученіе» по своему составу отличается извѣстной стройностью, такъ какъ всѣ три его части имѣютъ между собой опредѣленную логическую связь, и если предположить указанный нами выше недосмотръ самого Аввакума, то мы имѣемъ дѣло съ такимъ текстомъ, который очень близокъ къ оригиналу ⁸⁴⁾.

Установивъ это положеніе о составѣ «Нравоученія», укажемъ тѣ основанія, которыя заставляютъ насъ думать, что «Бесѣда» возникла раньше «Нравоученія». Сличая оба текста «Бесѣды», мы замѣчаемъ въ ихъ строеніи значительную разницу,

⁸⁴⁾ Что касается текста «Посланія», то къ нему въ Богдановскомъ сборникѣ имѣется только одинъ незначительный вариантъ: послѣ словъ «вся наше яко сѣно, и яко цвѣтъ оцвѣте» и передъ словами «и яко трава посѣчена бысть» вставлены слова «и яко извергъ». Кромѣ того въ печатномъ текстѣ нужна слѣдующая поправка: предложенія «Свелъ ихъ въ приказъ воеводы. Тѣ къ тому дѣлу милостивы» слѣдуетъ читать: «Свелъ ихъ въ приказъ. Воеводы-тѣ къ тому дѣлу милостивы».

которая обнаруживается уже съ самаго начала, въ толкованіи первыхъ двухъ стиховъ евангельской притчи (Матѣ. гл. 20, ст. 1—2): въ «Нравоученіи» это толкованіе пространнѣе, чѣмъ въ отдѣльномъ текстѣ; добавлено упоминаніе о грѣхопадении Адама, а также и о спасеніи его и пришедшихъ въ первый часть, т. е. жившихъ до потопа, Авеля, Сива, Еноха и Ноя, тогда какъ послѣдняя подробность въ отдѣльномъ текстѣ отнесена къ толкованію двухъ непосредственно слѣдующихъ стиховъ притчи. Еще болѣе различаются комментаріи къ этимъ двумъ стихамъ: въ отдѣльномъ текстѣ къ нимъ относятся всѣ тѣ толкованія, которыя въ «Нравоученіи» отнесены къ дальнѣйшему (5-му) стиху Евангелія, причѣмъ самый этотъ стихъ въ отдѣльномъ текстѣ «Бесѣды» выпущенъ; кромѣ того сюда же отнесена часть толкованія къ стихамъ 6 и 7; наконецъ, важно и то, что въ отдѣльномъ текстѣ иносказательнымъ («преводнымъ») называется какъ разъ то объясненіе, которое въ «Нравоученіи» является въ качествѣ прямого. Къ послѣднимъ упомянутымъ стихамъ въ текстѣ «Матеріаловъ» дается болѣе пространное объясненіе, значительно отличающееся отъ текста «Нравоученія»; послѣ объясненія часовъ призванія, какъ символа возрастовъ чело-вѣческой жизни, которое, какъ мы сказали, отнесено въ «Бесѣдѣ» къ предъидущимъ стихамъ, «Бесѣда» и «Нравоученіе» совпадаютъ въ слѣдующемъ толкованіи (правда, выраженномъ въ «Бесѣдѣ» нѣсколько образнѣе):

БЕСѢДА.

Аще отдали дѣволу юность: дайте мнѣ, своему создателю и владыкѣ, поне старость! Что здѣ стоите весь день праздны? Приидите ко мнѣ своему владыкѣ, и припадите! Аще не можете труда, поста и поклоновъ принести ми: дайте мнѣ воздыханіе и слезы. Что здѣ стоите весь день праздны? Аще не можете странну и пищу послужити: дайте мнѣ жезлы и кресты, стояніе на молитвѣ. Что здѣ весь день стоите праздны? Аще не можете стоять, поне сице ^{*)} и лежа воззрѣніе на образъ мой принесите своему владыкѣ. Что здѣ

НРАВОУЧЕНІЕ.

Отдали есте юность свою дѣволу, дайте мнѣ, Владыцѣ своему, поне старость. Что здѣ стоите весь день праздны? отдали есте дѣволу крѣпость, дайте мнѣ, Владыке своему поне дряхлость, дайте мнѣ поне трясушіяся кости. Что здѣ стоите праздны?—приидѣте в мою церковь, принесите мивкупѣ кресты и жезлы, дряхлость свою подтверждая; приидѣте в церковь состарѣвшійся на играхъ и на плещ... многомятежнаго сего вѣка, ничтоже ино имый, токмо стоять у дверей, жезломъ подпершися и перстовъ сложить не умѣть,

*) Не слѣдуетъ ли здѣсь исправить: «сидя» вмѣсто «сице»?

стоите весь день праздны? Они же рѣша ему: яко никтоже насъ наять. Еже есть: старикъ бѣдной желтохонекъ въ церковь прибрель, плачетъ и въздыхаетъ, не разумѣетъ церковнаго ничтоже, жезломъ подпершиися стоять, и персты по преданію сложить не умѣетъ, а кланяться въ землю и подавно не можетъ, охая-вастъ себя, глаголя: яко никтоже насъ наять. Дни де своя с молода нерадѣніемъ изжилъ, а нынѣ не могу потрудиться, — старость постигла. Перекреститься не умѣю, въ перстахъ дряхлость, рука не сложить, колѣна на землю не могу преклонить, кости отерпли, болѣзненна спина! и т. д.

понеже плоть измождала, руки не гнутся, перекреститься не можетъ и поклониться плоть не служитъ: дрожать ноги, спина не гнется, услышавъ евангельское слово: по-кайтеся, приближбоса царство небесное, и къ сему токмо въздыхаетъ изможденный бѣдный, слезы ото очію изпущая, сокрушая свое сердце и т. д.

Конецъ толкованія этихъ стиховъ въ «Бесѣдѣ» и въ «Нравоученіи» сильно различается: въ «Бесѣдѣ» распространениѣ. Болѣе распространеннымъ является въ «Бесѣдѣ» и толкованіе слѣдующаго (8-го) стиха. Стихъ 9-й въ «Нравоученіи» толкуется отдѣльно отъ стиховъ 10—12, тогда какъ въ «Бесѣдѣ» дается имъ общее толкованіе, причѣмъ начало его отличается немного отъ толкованія, помѣщеннаго въ «Нравоученіи». Толкованіе стиховъ 13 и 14 въ «Нравоученіи» по смыслу близко къ «Бесѣдѣ», хотя отличается въ нѣсколькихъ частностяхъ. Кромѣ того конецъ стиха 14 объясняется въ «Бесѣдѣ» вмѣстѣ съ началомъ 15 стиха, а конецъ 15 имѣетъ отдѣльное толкованіе, тогда какъ въ «Нравоученіи» такого произвольнаго дробленія евангельскаго текста нѣтъ; къ тому же опять есть нѣкоторыя различія въ частностяхъ толкованій. Наконецъ толкованія послѣдняго (16-го) стиха представляются совершенно различными, причѣмъ важно, что въ «Матеріалахъ» это толкованіе заключается слѣдующимъ разсужденіемъ, составляющимъ естественный переходъ къ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ: «много ли ихъ избранныхъ, еже бы душа своя по Христѣ положити? Ни, ни, — не токмо душа, но и съ женою и дѣтьми разлучитися не хочетъ Господа ради; и не токмо съ женою и чады, но и двора своего и имѣнія лишитися не хочетъ правды ради; не токмо всего имѣнія, но и ризы единыя нагому жалѣть дати; и не токмо ризы, но и копѣйки цѣлыя нищему Христа ради жалѣть дати, но и денежки на смѣнѣ

просить! А инъ сто рублевъ имѣть, а нищему глаголетъ: Богъ пошлетъ! Какъ намъ себя не соромъ? Да пришедше въ церковь, ста на мѣстѣ обычномъ и глаголетъ, яко сущій християнинъ: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! или: Помяни мя, Господи, во царствіи си! А за што—Боже милостивъ буди тебѣ грѣшному? За то, что нищему ничево не дашъ? Лицемѣръ! Богатаго онаго исчадіе, иже облачашеся въ порфиру и виссонъ, веселяся на вся дни свѣтло!»

Всѣ отмѣченныя черты сходства и различія двухъ текстовъ толкованія притчи о виноградаряхъ приводятъ къ тому заключенію, что одинъ текстъ является переработкой другого; судя же по реализму, обнаруживающемуся въ обоихъ текстахъ, они должны быть признаны одинаково принадлежащими Аввакуму: наконецъ, включеніе въ тотъ текстъ, который вошелъ въ «Нравоученіе», приведенныхъ выше словъ, связывающихъ его съ другими частями «Нравоученія», служить, по нашему мнѣнію, доказательствомъ того, что «Бесѣда» возникла самостоятельно и только впоследствии была приноровлена къ общему строю болѣе поздняго «Нравоученія».

Разсматриваемое «Нравоученіе» представляется намъ особенно важнымъ потому, что въ немъ мы находимъ нѣкоторыя данныя для подтвержденія высказаннаго нами выше предположенія о первоначальномъ единствѣ тѣхъ истолковательныхъ сочиненій Аввакума, которыя вошли въ упомянутые Боровскій и Богдановскій сборники. Такое подтвержденіе можно видѣть прежде всего въ слѣдующемъ обращеніи Аввакума къ паствѣ, которую онъ призываетъ къ покаянію: «возрите на *вышереченное* Ниневитцкое покаяніе и Манасіино»; а объ этомъ покаяніи говорится въ толкованіи псалма 44-го, въ указанномъ выше увѣщаніи царю Алексѣю Михайловичу. Другимъ важнымъ аргументомъ, позволяющимъ объединить истолковательныя сочиненія Аввакума, является слѣдующее его сравненіе, имѣющее отдаленное сходство съ приступомъ Златоуста въ «словѣ о оглашеніи»⁸⁷⁾: «Подобенъ я нищему челоувѣку, ходящу по улицамъ града и по окошкѣмъ милостыню просящу. День той скончавъ и препитавъ домашнихъ своихъ, на утро паки поволокся. Тако и азъ, по вся дни волочасъ, собираю и вамъ, питомникамъ церковнымъ, пред-

⁸⁷⁾ Маргарить, л. 312.

лагаю: пускай ядше веселимся и живи будемъ. У богатова челоуѣка Христа изъ евангелія ломоть хлѣба выпрошу, у Павла апостола, у богатова гостя, ис посланей ево хлѣба крому выпрошу, у Златоуста, у торговаго челоуѣка, кусокъ словесъ ево получю, у Давида царя и у Исаи пророковъ, у посадкихъ людей, по четвертинѣ хлѣба выпросилъ; набравъ кошель, да и вамъ даю; жителямъ в дому Бога моего». Этотъ перечень источниковъ, которыми пользовался Аввакумъ для своихъ наставленій, въ особенности же упоминаніе царя Давида и пророка Исаи, связываетъ настоящее «Нравоученіе» съ толкованіями псалмовъ и пророчествъ Исаи, находящимися въ томъ же самомъ сборникѣ Имп. Публ. Библиотеки.

Обращаясь къ тѣмъ источникамъ, которыми пользовался Аввакумъ для своего «Нравоученія», мы замѣчаемъ, что кромѣ обширнѣйшихъ заимствованій изъ Священнаго Писанія, особенно Псалтыри и посланій апостола Павла (напр. Ефес. гл. 5, ст. 12—33, гл. 6, ст. 1—9, I Корине. гл. 7, ст. 3—4 и т. д.), причемъ указаніе не всегда бываетъ опредѣленнымъ, Аввакумъ постоянно прибѣгаетъ къ тѣмъ же двумъ главнымъ пособіямъ, которыя ему служили при другихъ его истолковательныхъ сочиненіяхъ, т. е. къ Палею и къ Маргариту. Къ этимъ двумъ источникамъ онъ присоединяетъ еще «Бесѣды апостольскія» Іоанна Златоуста и «Шестодневъ» Іоанна, экзарха Болгарскаго, заимствуя изъ послѣдняго нѣкоторыя космографическія замѣчанія о небѣ, солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ.

На Маргаритъ есть прямая ссылка, при сопоставленіи мнѣнія «Шестоднева» о томъ, что «солнце въ ноци въ водахъ измывся свѣтлѣйши просіяваетъ» со «словомъ объ умиленіи и слезахъ», причемъ Аввакумъ въ своей цитатѣ приводитъ текстъ Маргарита не буквально, но только передаетъ общій смыслъ словъ Іоанна Златоуста, какъ это видно изъ слѣдующей параллели:

АВВАКУМЪ.

Есть и Златоустъ сему согласуетъ в словѣ о умиленіи и слезахъ сице пишеть: не без ума бо солнце во акіянь сходитъ, но измывся луча просвѣти. Тамо (тако?) и праведное солнце Христось во Іордани.

МАРГАРИТЪ.

Не без дѣла же мнѣмъ сошествіе солнечное во окіянь, вѣсть бо праздно что бывающихъ и ничтоже туне отъ сотворенныхъ: ничтоже бо худа Богъ сотворилъ, но все предвѣднѣй... Егда убо узриши мыкущееся солнце во окіяне, то не прися о праведнѣмъ и разумнѣмъ измывшемся солнцѣ

Христъ во Іорданѣ: се бо измывся водою лучы просвѣти (Маргаритѣ, л. 453).

Болѣе всего въ Маргаритѣ Аввакумъ пользовался «словомъ о оглашеніи», такъ какъ оно является толкованіемъ той же самой притчи о виноградаряхъ, которой посвящена вторая часть «Нравоученія». Сходство темъ, конечно, привело Аввакума къ заимствованію толкованія у Златоуста: заимствованіе заключается и въ построеніи толкованія, и въ нѣкоторыхъ очень близкихъ къ тексту Маргарита цитатахъ, хотя вездѣ видна переработка цитируемаго текста, такое же реалистическое приуменьшеніе, какое встрѣчается и въ другихъ истолковательныхъ сочиненіяхъ Аввакума. Однако, при несомнѣнномъ заимствованіи, объ источникѣ Аввакумъ почти не упоминаетъ. Укажемъ нѣкоторыя изъ этихъ параллелей. Такъ, стихи 6-й и 7-й гл. 20 Мато. толкуются слѣдующимъ образомъ:

АВВАКУМЪ.

Глагола господинъ винограда: что здѣ стоите весь день праздны, еже есть: отдали есте юность свою дѣволу, дайте мнѣ, Владыце своему, поне старость. Что здѣ стоите весь день праздны? отдали есте дѣволу свою крѣпость, дайте мнѣ, Владыце своему, поне дряхлость, дайте мнѣ поне трясущіяся кости. Что здѣ стоите праздны?—прийдѣте в мою церковь, принесите мнѣ вкупѣ кресты и жезлы, дряхлость свою потвержая; прийдѣте в церковь составрѣввшися на играхъ и на плящ... многмятежнаго сего вѣка, ничтоже ино имый, токмо стоитъ у дверей, жезломъ подиершися, и перстовъ сложить не умѣетъ, понеже плоть измождала, руки не гнутся, перекреститися не можетъ и поклонитися плоть не служитъ: дрожать ноги, спина не гнется, услышавъ евангельское слово: покайтеся, приближивося царство небесное, и къ сему токмо въздыхаетъ изможденныи бѣдныи, слезы ото очію испущая, сокрушая свое сердце.

МАРГАРИТЪ.

Рече Спасъ: идите и вы въ виноградъ мой. Хочу бо и старцевъ дѣлати хотящихъ; хочу бо и сѣдины благочестіемъ цвѣтущія; хочу и трясущіяся составы вѣроу укрѣпляемы; сладцѣ бо зрю и старцы держащія жезлы, вкушѣ и кресты. Идите и вы въ виноградъ мой, иже убо дѣволу юность принесосте, мнѣ же поне старость даруйте, мнѣ поне изнемогшыя уды принесите (л. 315).

Вземше же роптаху на господина, глаголюще: снѣ послѣдній, снѣ составрѣввшися, снѣ иже колѣна едва преклонше къ твоему поклоненію, снѣ иже твое владычество едва позвавшии, иже трясущимися персты крестное знаменіе едва могуце на лицахъ своихъ сотворити (л. 317).

Къ стиху 8 даются слѣдующія толкованія:

АВВАКУМЪ.

Глагола же господи́нь винограда к приставнику своему: призови дѣлателя и даждь имъ мзду, — призови Авеля, перваго праведника, Мене ради кровь проли́явша, призови Сяѳа, призови Ёноха, вѣрна ми бывша и нещававша истинна Мя Бога, призови Ноя, спасаго миръ отъ потопа, призови Авраама и Исаака и Іакова и дванадесяте патриарха, призови пророки и праведники, угодившія в законѣ, призови апостолы и мученики, святители и преподобныхъ и праведныхъ и всѣхъ святыхъ отъ века угодившихъ, и давай имъ мзду, наченъ отъ послѣднихъ до первыхъ; отверзи Моя сокровища, открой сокровенныя дары и даждь имъ мзду, наченъ отъ послѣднихъ до первыхъ; первое обвесели послѣднихъ, таже воздаждь первымъ. Первое обвесели послѣднихъ, да не унываютьъ подожданіемъ замедленія ко пріятію неимущихъ благихъ дѣлъ, токмо поканіе; праведники же уповаютьъ ждуще, имуще предъ собою трудъ, свой подвигъ.

МАРГАРИТЬ.

Призови всѣхъ пже отъ Адама: призови Авеля, ради жертвы пожре́наго, и призови и Ёноха угодившаго и преставлшагося, призови Ноя, потопленаго естества добраго кормителя, призови вѣрнаго Авраама, боголюбиваго паче, нежели чадолюбиваго, воевавшего на свое чадо, мучившаго свое естество, призови Іосифа, цѣломудрія дѣлателя, призови вся патриархи, призови пророки, призови Ілію добръ вѣдывшаго и бывшаго всадника огненныхъ колесницъ, призови апостолы, новаго завѣта бывша свѣтила, призови мученики, подражавшыя мою за нихъ смерть, призови Стефана... Варлаама... призови вся добръ трудившыяся, призови мой виноградъ добръ дѣлавшихъ, и даждь мзду. Отверзи моя сокровища, открой сокровенная... даждь имъ мзду, наченъ отъ послѣднихъ даже и до первыхъ. Послѣднихъ первѣе обвесели дарованіемъ: сіи бо потребу моя имуть благности; они бо первіи от утра подвигъ наченше, того же дне и тѣхже часовъ и добродѣтелей подвигъ имуть свидѣтеля, послѣдніи же всѣхъ сихъ цусти быша и т. д. (л. 316).

Толкованіе слѣдующаго стиха у Аввакума подходит къ Златоустовскому, хотя представляется болѣе образнымъ и живымъ:

АВВАКУМЪ.

Получили старики милыя дары драгія и честныя и безцѣнныя, превращаютъ сѣмо и овамо в рукахъ своихъ, удивляяся, глаголюще: аще не быхомъ вѣровали, не быхомъ таковаго безцѣннаго дражайшаго бисере получихомъ; слава всѣхъ содѣтелю Богу нашему, приведшему насъ въ познаніе и отверзе намъ путь поканія. Ради бѣдненкія старикп.

МАРГАРИТЬ.

И пришедшии же во единый надесять часъ взяша по нѣнязю, и съ радостію въ своихъ рукахъ видяще глаголаху: аще бы не вѣровали быхомъ, погибнути имѣхомъ. Вѣдѣша бо дѣланіе свое, яко ничтоже достойно противо дарованію: видѣша даръ своими очесы и руками благодать держаще радовахуся, торжествоваху о безнадежныхъ благихъ (л. 316).

Таковы наиболѣ существенныя заимствованія Аввакума изъ Маргарита. Кромѣ нихъ можно указать и многія болѣ мелкія черты сходства его толкованій съ источникомъ, однако вездѣ, какъ и въ приведенныхъ образцахъ, видна переработка первоначальнаго текста, видно стремленіе Аввакума рядомъ съ буквальнымъ заимствованіемъ не совсѣмъ удобопонятно выраженнаго объясненія дать кое-что свое оригинальное.

Что касается заимствованій изъ другихъ указанныхъ источниковъ, то они по существу не представляютъ особаго значенія, и потому мы не будемъ разбирать ихъ въ подробностяхъ.

Сводя наши отдѣльныя замѣчанія объ истолковательныхъ сочиненіяхъ Аввакума, мы можемъ придти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Главными источниками толкованій Аввакума являются Маргаритъ, Палея или Хронографъ, какой-нибудь текстъ «Толковой Псалтыри» и Азбуковникъ.

2) Заимствованіе изъ источниковъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ бываетъ буквальное; почти всегда Аввакумъ передѣлываетъ тотъ текстъ, которымъ онъ пользуется: или сокращаетъ его, или упрощаетъ внесеніемъ реальныхъ подробностей, иногда почерпнутыхъ изъ личныхъ наблюдений и всегда приноровленныхъ къ умственному кругозору его паствы, причемъ порой такое реалистическое толкованіе, благодаря нравамъ эпохи, граничитъ съ цинизмомъ.

3) Такія приноровленія становятся особенно важными въ виду полемическаго направленія почти всѣхъ истолковательныхъ сочиненій Аввакума, причемъ сильнѣе всего полемика проявляется въ толкованіяхъ псалмовъ и паремій и въ «Бесѣдѣ объ Авраамѣ», почти отсутствуетъ въ «Списаніи и собраніи» и совсѣмъ незамѣтна въ «Правоученіи», хотя и есть въ одномъ намекѣ на царя Алексѣя Михайловича въ отдѣльномъ текстѣ «Бесѣды о нятыхъ дѣлателяхъ».

4) Кромѣ полемики противъ никоніянъ, рассмотрѣнныя сочиненія заключаютъ въ себѣ важныя данныя для сужденія о направленіи Аввакума въ вопросѣ религіозной терпимости, а также нѣкоторыя замѣчанія о внутреннихъ вопросахъ, занимавшихъ въ то время старообрядческую общину, каковы ученіе объ антихристовомъ царствѣ, о самосожженіи.

5) Можно думать, что «Толкованія псалмовъ и паремій» и

«Нравоученіе» были объединены самим Аввакумом и прислались для его ученика Симеона; что касается «Бесѣды объ Авраамѣ», то одна ея часть можетъ считаться продолженіемъ «Списанія и собранія».

6) Важно, что, цитируя свои источники, Аввакумъ далеко не всегда различаетъ въ нихъ принятое Церковью отъ подробностей апокрифическаго характера, хотя въ то же время и высказываетъ нѣкоторыя соображенія о критическомъ отношеніи къ книгамъ.

Послѣ разсмотрѣнныхъ истолковательныхъ сочиненій мы полагаемъ возможнымъ въ слѣдующей группѣ объединить тѣ произведенія Аввакума, которыя посвящены имъ различнымъ обрядовымъ вопросамъ, послужившимъ причиной его разногласія съ православною Церковью; а эти сочиненія въ свою очередь могутъ быть распределены въ два разряда: 1) касающіяся отдѣльныхъ обрядовъ, и 2) заключающія въ себѣ болѣе общія обличенія никоніанской ереси.

Къ первому разряду могутъ быть отнесены статьи «о сложеніи перстѣ», «объ иконномъ писаніи» и «объ иноческомъ чинѣ», хотя въ послѣдней есть довольно много замѣчаній общаго характера; ко второму разряду относятся изъ напечатанныхъ г. Субботинимъ статьи: «Книга на крестоборную ересь», «Книга всѣмъ горемыкамъ миленькимъ», «Посланіе ко всѣмъ вѣрнымъ», «Сказаніе о дняхъ поста и мясоестія», «О внѣшней мудрости», а изъ изданныхъ нами «Посланіе къ неизвѣстному («ко иному», Приложение № 4), «Посланіе къ нѣкому. Іонѣ», «Посланіе къ неизвѣстнымъ» (Приложенія, № 10 и 13).

Статья «о сложеніи перстѣ» издана Н. И. Субботинимъ въ V т. «Матеріаловъ» по списку Хлудовской бібліотеки, № 257, и въ VIII т. по списку той же бібліотеки, № 148 (по прибавл. къ каталогу); первый изъ этихъ списковъ есть отрывокъ, цѣликомъ входящій во второй, гдѣ эта статья составляетъ часть «посланія къ нѣкому брату»; кромѣ того списокъ № 257 не совсѣмъ исправенъ: предложеніе «объ тайны пребеззаконны» утратило всякій смыслъ, обратившись въ фразу «обитанный пребеззаконный»; въ виду всего этого гораздо важнѣе списокъ № 148. Эта же статья издается нами въ приложеніяхъ къ настоящему изслѣдованію (№ 15 и 22) по спискамъ Казанской духовной академіи, № 1679 (109), гдѣ она включена въ составъ «Житія»

Аввакума, и Черниговской духовной семинаріи, № 134. Первый изъ этихъ списковъ представляется интереснымъ потому, что въ немъ рядомъ съ вопросомъ о перстосложеніи затрогивается вопросъ о земныхъ поклонахъ, т. е. соединены тѣ два обряда, которые послужили предметомъ перваго протеста Аввакума и Даніила Костромскаго противъ патріарха Никона. Во второмъ списокѣ особенно любопытно, какъ мы уже раньше указывали (при разсмотрѣніи догматическаго спора Аввакума съ діакономъ Ѳедоромъ) то обстоятельство, что съ вопросомъ о перстосложеніи отчасти связывается еретическое мнѣніе Аввакума о Св. Троицѣ. Однако ни того, ни другого изъ этихъ списковъ мы не рѣшаемся признать совпадающимъ съ челобитною Аввакума и Даніила: списокъ Казанскій обращенъ къ какому-то «боголюбцу» противъ «нынѣшнихъ антихристовъ духа», а толковъ объ антихристѣ при первой вспышкѣ протеста мы не знаемъ, такъ что это замѣчаніе можетъ относиться только къ позднѣйшему времени, на что указываютъ также и упоминанія о неправославіи «Сербовъ, Албанасовъ, Волоховъ и Грековъ» и о мученіяхъ за вѣру («дома Вавилонъ»); въ Черниговскомъ списокѣ тоже говорится о никоніанскомъ мучительствѣ, котораго еще не было при подачѣ первой челобитной. Такимъ образомъ оба списка оказываются позднѣйшими, но, несмотря на это, общность ихъ содержанія съ челобитной Даніила и Аввакума и тотъ характеръ выписокъ изъ Писанія, который имѣетъ Черниговскій вариантъ, позволяютъ, намъ, кажется, построить такое предположеніе: въ основѣ всѣхъ четырехъ списковъ статьи «о сложеніи перствъ» лежитъ именно не дошедшая до насъ челобитная Аввакума и Даніила, и, касаясь вопроса о перстосложеніи впоследствии, Аввакумъ повторялъ тѣ же доводы, которые были имъ выставлены въ челобитной; отсюда и присоединеніе вопроса о поклонахъ и такая аргументація въ пользу двуперстія, которая подавала поводъ уже Никону заподозрить своихъ противниковъ въ еретичествѣ; съ другой стороны позднѣйшей переработкой текста объясняются указанныя черты, отсутствовавшія въ челобитной. Обыкновенно въ рукописныхъ сборникахъ сочиненій Аввакума послѣ этой статьи помѣщаются изображенія крестовъ четвероконечнаго, осмьмиконечнаго, но, какъ замѣтилъ г. Субботинъ, такое помѣщеніе этихъ рисунковъ является не совсѣмъ кстати, такъ какъ въ статьѣ о формѣ крестовъ ничего не говорится; а потому ри-

сувки слѣдуетъ относить или къ «Книгѣ на крестоборную ересь» или къ «Посланию къ неизвѣстному лицу» (Мат. V, стр. 217—223).

Сравнивая всѣ четыре списка по ихъ составу, мы замѣчаемъ, что два первые (т. е. Хлудовскіе) почти цѣликомъ, но съ раздѣленіемъ на двѣ части, включены въ списокъ Черниговскій, который представляется полумеханическимъ соединеніемъ этихъ отрывковъ съ выписками изъ Кирилловой книги (л. 183) и Малаго Катихизиса (л. 17), причѣмъ и рассказъ объ отсѣченіи трехъ перстовъ у папы Формоса является въ качествѣ выписки изъ «книги Бароніи», тогда какъ въ Хлудовскихъ спискахъ источникъ указывается немного иначе: «Писано сіе въ Лѣтописцѣ, и въ Книгѣ о вѣрѣ помянуто, листъ 160 (или 150)». Ссылка на Книгу о вѣрѣ не правильна, такъ какъ рассказъ о Формосѣ находится на листѣ 239 и въ Аввакумовой передачѣ онъ отличается большими подробностями, сравнительно съ текстомъ Книги о вѣрѣ; какъ это видно изъ слѣдующаго сопоставленія:

КНИГА О ВѢРѢ.

И ниже помяну мало Стефана седьмаго, иже Формоса папежа из гроба выкопати повелѣлъ и облачивши яко папежа на столицѣ посадити повелѣлъ, и поруганія и насмѣянія творяше надъ нимъ, и потомъ разоблачити повелѣлъ, и три персты, ими же благословлялъ отъщипи и тѣло его въ Тиверь рѣку воврещи.

АВВАКУМЪ.

А еже креститися тремя персты... се бо есть древняго Фармоса отступника и еретика, папы римскаго, мудрованіе его со діаволомъ: онъ тремя персты крестился и людей благословлялъ. И по немъ бывшій седмый папа Стефанъ, ревнуя по благочестіи, выкопавъ его, Фармоса, поругавъ, и повелѣлъ персть единъ отсѣщи и вергнуть на землю и разступися земля и бысть пропасть велія; таже другіи отсѣщи и вергнуть: и изыде огонь изъ бездны; таже и третій: и бысть смрадъ лють во градѣ. Онъ же повелѣлъ и тѣло Фармосово повергнути въ Тиверь рѣку. И сложа персты по преданію, мѣсто благословилъ: бысть земля по прежнему.

Ссылка на Книгу о вѣрѣ, сдѣланная, очевидно, на память, даетъ намъ возможность объяснить ссылку на Баронію, который указанъ именно въ Книгѣ о вѣрѣ и котораго Аввакумъ не имѣлъ подъ руками, какъ это можно видѣть изъ той формы, въ какой является настоящая ссылка въ Казанскомъ спискѣ: «О семъ писано въ лѣтописцѣ латынскомъ, о вѣрѣ книга указываетъ, лѣ-

тописецъ которой». Это различіе въ указаніяхъ источника цитаты, на нашъ взглядъ, объясняется слѣдующимъ образомъ: Черниговскій списокъ принадлежитъ не самому Аввакуму, что видно и изъ надписанія въ серединѣ текста «Отца Аввакума посланіе» и изъ раздробленія болѣе связнаго текста Хлудовскихъ списковъ; однако, не будучи прямо произведеніемъ Аввакума, Черниговскій списокъ весь составленъ изъ отрывковъ его сочиненій, причемъ въ него входятъ и тѣ слова изъ посланій Аввакума противъ діакона Федора, въ которыхъ выразилось еретическое «четвереніе» Св. Троицы; такимъ образомъ мы имѣемъ въ этомъ случаѣ дѣло съ компиляціей, составленной позднѣе какимъ-либо послѣдователемъ Аввакума, имѣвшимъ подъ руками тѣ выписки, которыя входили въ челобитную Аввакума и Даниїла, и уже отъ себя внесшимъ ссылку на Баронія.

Что касается трехъ остальныхъ списковъ, то изъ нихъ два почти тождественны между собой, такъ что существенно отличаются другъ отъ друга только два текста, Хлудовскій № 148 и Казанскій. Различіе заключается главнымъ образомъ въ построеніи статьи и замѣтно прежде всего въ самомъ приступѣ къ сочиненію, который въ Казанскомъ спискѣ пространнѣе, какъ это видно изъ слѣдующей параллели:

Казанскій списокъ.

Всякому убо правовѣрному подобаетъ крѣпко персты въ рукѣ слагая держати и креститися, а не дряхлою рукою знаменатися с верадѣніемъ и бѣсовъ тѣшити, но подобаетъ на главу и на брюхо и на плеча класть рука съ молитвою, еже бы тѣло слышало, и умомъ внимаю о сихъ тайнахъ крестися; тайны тайнамъ въ рукѣ образуютъ. Сиче разумѣю по преданію святыхъ отецъ: подобаетъ сложити персты великіи и т. д.

Хлудовскій списокъ.

Вѣрну убо сущу не подобаетъ колебатися и влаятися умомъ, но преданная отъ отецъ крѣпцѣ и извѣстнѣ держати. Якоже пріяхомъ креститися и благословляти, въ десницѣ слагая пять перстовъ: великій и т. д.

Послѣ этихъ вступительныхъ словъ мы находимъ въ обоихъ спискахъ почти одинаковое изложеніе символическаго смысла двуперстія; въ Хлудовскомъ спискѣ вслѣдъ за этимъ толкованіемъ говорится: «посемъ поклонитися на землю—являетъ Адамово паденіе; таже восклонитися—являетъ паки возстаніе Хри-

стовымъ смотрѣніемъ, сирѣчь вочеловѣченіемъ и воскресеніемъ», а затѣмъ перечисляются доказательства въ пользу двуперстія; этотъ перечень доказательствъ въ Казанскомъ спискѣ является въ нѣсколько иномъ видѣ. Приводимъ оба перечня:

Казанскій списокъ.

Тако научиша насъ персты слагати святіи отцы: Мелетій, архіепископъ Антіохійскій, и Феодоритъ блаженный, епископъ Киринейскій, и Петръ Дамаскинъ, и Максимъ Грекъ. Писано о семъ во многихъ книгахъ: во Псалтыряхъ, и въ «Киріловъ» и «о вѣрѣ» въ книгѣ и въ житіи Мелетіевѣ; вездѣ одинако святіи отцы сѣи по вышереченному толкують.

Хлудовскій списокъ.

Сице повелѣша персты слагати первіи пастырие, святіи отцы и учителя наши: Мелетій антіохійскій, и Феодоритъ блаженный, киринѣйскій епископъ, и Петръ Дамаскинъ и Максимъ Грекъ; еще же и бывшій на Москвѣ помѣстный соборъ при царѣ Иваннѣ, также повелѣваетъ креститися и благословляти по выше писанному. Тамъ при царѣ Иваннѣ, на соборѣ быша знаменосцы русскіе; наши святіи: Гурій смоленскій и Варсонофій тверскій, иже быша казанскіе чудотворцы, и Филиппъ соловецкій игумень, иже бысть митрополитъ въ Москвѣ градѣ: писано сіе въ Стоглавѣ царя Ивана.

Такимъ образомъ въ Хлудовскомъ спискѣ отсутствуетъ упоминаніе тѣхъ книгъ, которыя перечислены въ Казанскомъ; что же касается ссылки на Стоглавъ, то она въ Казанскомъ спискѣ отнесена къ концу, гдѣ снова повторяется перечень отцовъ, свидѣтельствующихъ въ пользу двуперстія.

Послѣ перечня доказательствъ мы находимъ въ Казанскомъ спискѣ замѣнъ приведеннаго выше краткаго упоминанія Хлудовскаго списка о земныхъ поклонахъ довольно обстоятельное разъясненіе необходимости «творить метаніе на колѣну, какъ церковь прежде держала», и это наставленіе заканчивается слѣдующимъ полемическимъ замѣчаніемъ противъ никоніантъ: «Видишь ли, боголюбче, какъ у святыхъ-тѣхъ положено разводно и спасительно, и покойно, не какъ у нынѣшнихъ антихрестова духа: и в великой постѣ метанія на колѣну класть окаянныя не захотѣли, гордыни и лѣности ради. Да что сему конецъ будетъ! Развѣ умерши станутъ кланятца прилежно, да мертвые уже на ногахъ не стоятъ и не кланяются, лежатъ всѣ и ожидаютъ общаго востанія и противъ дѣлъ воздаянія, а мнѣ видятся равныя

уже он мертвецамъ-тѣмъ, аще и живи суть, по исполу живи, но дѣла мертвечія творять,— срамно и глаголати о нихъ».

Загѣмъ Казанскій списокъ возвращается къ вопросу о перстосложеніи, и различіе обоихъ текстовъ выражается въ порядкѣ неложенія: начинается обличеніе православнаго перстосложенія съ его уподобленія апокалипсической троицѣ, «змію, звѣрю и лживому пророку», уподобленія, являющагося въ Хлудовскомъ списокѣ послѣ упоминанія о «безъимянномъ иподьяконѣ»; далѣе въ обоихъ спискахъ идетъ приведенный выше рассказъ о папѣ Формосѣ, послѣ чего является обличеніе именовсловаго благословенія, причеиъ формы этого обличенія нѣсколько различаются:

Казанскій списокъ.

Да тамъ же въ Грекахъ какой-то, сказываютъ, протопонгъ Малакса архіереомъ и іереомъ благословлять рукою повелѣваетъ нѣкакo странно, сложа персты Ісусъ Христомъ. Все дико: у давешняго врага вочеловѣченія нѣтъ, а у сего Малаксы Святыя Троицы нѣтъ; чему быть? время то пришло, нѣкимъ имъ играть, аже не Богомъ. Да что на нихъ и сердитовать. Писанное время пришло.

Хлудовскій списокъ.

А благословляютъ нѣкакo странно, пятію персты, развращенно, по преданію врага и адова пса, Малаксы протопона. Обѣ тайны пребеззаконны,— и три персты и пять перстовъ противны святыхъ отецъ преданію, — крестяся не неповѣдуютъ вочеловѣченіе, а благословля и все трипостасное Божество отменютъ.

Послѣ этого въ обоихъ спискахъ является ссылка на Св. Ипполита и Ефрема Сирина относительно того, что никоніане «скверный и мерзкій образъ на чела возлагаютъ» («печать антихрестову» (по Хлудов. сп.), и «идоль въ рукѣ слагая» (по Казанскому), и что «вслѣдствіе этого умъ у нихъ помраченъ, и они погибаютъ. Далѣе оцять видимъ различіе: въ Казанскомъ списокѣ мы находимъ проклятіе всѣмъ, приеилющимъ новое перстосложеніе, и послѣ упоминанія о Стоглавомъ соборѣ слѣдующее заключеніе: «и ты, правовѣрнѣ, безъ сомнѣнія держи преданія святыхъ, Богъ тебя благословитъ, умри за сіе, и я с тобою же долженъ. Станемъ добрѣ, не предадимъ благовѣрія, не по што намъ ходить въ Персиду мучитца, а то дома Вавилонъ нажили. Слава..... Аминь»⁸⁹); въ Хлудовскомъ списокѣ послѣ краткаго

⁸⁹) Упоминаніе Персиды и Вавилона встрѣчается въ сочиненіи объ иконоиъ писани: «Не по што въ Персы итти пещи огненные искать, но Богъ далъ дома Вавилонъ, въ Боровскѣ пещь халдѣйская...» Мат. V, стр. 296.

увѣщанія остерегаться «скверной печати», чтобы не подвергнуться осужденію «со діаволомъ въ тартарѣ преглубокомъ», слѣдуетъ разрѣшеніе отъ грѣха впавшимъ «въ никоніанскую ересь невѣдѣніемъ» и проклятіе тѣмъ, кто «сердцемъ прилежитъ къ триперстной ереси», входящее въ составъ «Отрывка посланія къ неизвѣстному», печатаемаго нами по списку Имп. Публ. Библиотеки, О. XVII, № 37; заканчивается же статья «О сложеніи персть» не совсѣмъ умѣло присоединеннымъ отрывкомъ изъ «Посланія къ нѣкому Іонѣ», отрывкомъ, въ которомъ три перста сравниваются съ апокалипсическими тремя «жабами или лягушками». Въ «Посланіи къ нѣкому Іонѣ» этотъ отрывокъ былъ умѣстенъ и начало его нѣсколько иное, чѣмъ въ Хлудовскомъ спискѣ статьи «О сложеніи персть»: сказавъ о символическомъ значеніи перстосложенія, Аввакумъ здѣсь говоритъ: «Такъ свято и праведно отъ святыхъ богословцевъ преданная держимъ, а не треперстная бл..., еже сиче слагаютъ. Явна бѣ во Апокалипсисѣ», изъ нея бо исходятъ три духа нечистыя» и т. д., тогда какъ въ Хлудовскомъ спискѣ отрывокъ начинается такъ: «А треперстная блядь, еже сиче слагаютъ, явна бѣ во Апокалипсисѣ», безъ связи съ предъидущимъ изложеніемъ.

Изъ этого сравненія двухъ текстовъ намъ представляется возможнымъ заключить, что Казанскій списокъ отличается большей цѣльностью содержанія, а потому можетъ быть признанъ окончательною редакціею статьи «О сложеніи персть», редакціей, сохранившей притомъ полнѣе доводы, приведенные въ защиту земныхъ поклоновъ, отмѣненныхъ патріархомъ Никомомъ, и это послѣднее обстоятельство болѣе всего сближаетъ, какъ мы это указали, статью «О сложеніи персть» съ недошедшей до насъ челобитной Аввакума и Данила, которою Аввакумъ, вѣроятно, пользовался, какъ матеріаломъ, при написаніи рассмотрѣнной статьи.

Сочиненіе «объ иконномъ писаніи» издано проф. Субботинимъ въ V т. «Матеріаловъ», на стр. 291—297, по списку библиотеки Е. В. Барсова, гдѣ оно озаглавлено «О образѣхъ»; варианты приведены по спискамъ Хлудовской библиотеки № 273 и 257, въ которыхъ статья не имѣетъ заглавія; также безъ заглавія она является въ рукописи Имп. Публ. Библиотеки (Богдановскаго собранія), № О. I. 1059, л. 23—28⁸⁹⁾. Наибольшую

⁸⁹⁾ Отчетъ Имп. Публ. за 1890 г. Приложенія, стр. 4.

полнотой отличается списокъ Е. В. Барсова, заключающій въ себѣ болѣе особенностей реального Аввакумовскаго стиля, которыя сглажены въ Хлудовскихъ спискахъ; ближе всего къ Барсовскому списку подходятъ Богдановскій и Хлудовскій № 257, въ Хлудовскомъ же списокѣ № 273 пропущенъ довольно большой отрывокъ, касающійся боярыни Морозовой и бывшихъ вмѣстѣ съ нею въ Боровскѣ княгини Урусовой и Маріи Даниловой.

По формѣ своей это сочиненіе представляется вполне цѣльнымъ и законченнымъ: есть и вступленіе «Паки и паки и еще къ вашей любви побесѣдую», есть и заключеніе «Богу нашему слава о всемъ, аминь», а самое изложеніе отличается извѣстной логическою послѣдовательностью. Возстаетъ Аввакумъ въ этомъ своемъ полемическомъ трактатѣ противъ новыхъ приемовъ православнаго иконописанія, въ которомъ проявляется излишнее стремленіе къ живости и естественности, и въ этомъ стремленіи онъ видитъ латинское вліяніе. «Есть же дѣло настоящее, говоритъ онъ, пишутъ Спасовъ образъ Еммануила, лицо одутловато, уста червонная, власы кудрявыя, руки и мыщцы толстыя, персты надутыя, такъ же и у ногъ бедра толстыя, и весь яко нѣмчинъ брюхатъ и толстъ учиненъ, лишю сабли-той при бедрѣ не написано. А то все писано по плотскому умыслу: понеже сами еретицы возлюбина толстоту плотскую и опровергоша долу горняя. Христосъ же Богъ нашъ тонкостны чувства имѣя вся, якоже и богословцы научаютъ насъ. Чти въ Маргаритѣ слово Златоустаго на Рождество Богородицы; въ немъ писано подобіе Христово и Богородично: ни близко не походило, какъ нынѣ еретицы умыслиша. А все то кобель борзой Никонъ врагъ умыслилъ будто живыя писать. А устрояетъ все по фряжскому, сирѣчь по нѣмецкому. Якоже пишутъ фрязи образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, чреватую, брюхо на колѣни виситъ,—во мгновеніи ока Христосъ совершенъ во чревѣ обрѣтется! А у насъ въ Москвѣ обрѣтется,—въ Жезлѣ написали слово въ слово противъ сего: въ зачатіи-де Христосъ обрѣтется въ дѣвицѣ совершенъ человекъ, яко да родится. А въ другомъ мѣстѣ яко тридцати лѣтъ. Вотъ смотрите-су, добрые люди: коли съ зубами человекъ родится! На васъ всѣхъ плюся отъ мала до велика: бывало ли то отъ вѣка? Пуще они фряговъ-тѣхъ напечатали враги Божіи». Въ своемъ обличеніи новаго иконописанія Аввакумъ прибѣгаетъ къ ироническому предположенію

тѣхъ абсурдовъ, до которыхъ можетъ довести никоніанъ ихъ стремленіе къ естественности. «Вотъ, говоритъ онъ, и никоніане учнутъ Христа въ Рождествѣ съ бороδοю писать, да и ссылаются на книгу-ту: такъ у нихъ и ладно стало. А Богородицу чреватую въ Благовѣщенье, яко и фрязи поганые. А Христа на крестѣ раздутова: толстехонекъ, миленкой, стоитъ, и ноги-те у него, что стулчики. Охъ, охъ, бѣдная Русь! Чего-то тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ поступковъ и обычаевъ!»

Подражаніе нѣмцамъ Аввакумъ видитъ въ измѣненіи именъ святыхъ: «А Николѣ чудотворцу дали имя нѣмецкое: Николай ⁹⁰⁾, а при апостолѣхъ еретикъ былъ Николай; а во святыхъ нѣтъ Николая». Это упоминаніе объ искаженіи именъ святыхъ является въ болѣе пространномъ видѣ въ «Посланіи къ неизвѣстнымъ», находящемся въ рукописи Черниговской духовной семинаріи, № 134 (см. Приложенія, № 14). Здѣсь, перечисляя заблужденія никоніанъ, Аввакумъ говоритъ: «Не токмо святыя книги измѣнили, но и ризы, и мірскія обычаи, и вещи, и пословицы, и имена преложили: глаголютъ бо Христа Ісуса Ісусомъ, а Николу чудотворца Николаемъ, — той бо Николай при апостолѣхъ еретикъ бысть, а великій чудотворецъ Никола бысть при царѣ Константинѣ. Еще же предлагатаи нарицають Иванны именемъ женскимъ, пишуще безъ титла Анною». Упомянувъ объ этихъ измѣненіяхъ, Аввакумъ заключаетъ: «вся бо Богови грубо: не подобаетъ бо своего языка уничижать, а странными языки украшати рѣчи». Въ этихъ словахъ выразился патріотизмъ Аввакума, постоянно утверждавшаго, что онъ любитъ свой языкъ русскій и «виршами философскими не обыкъ рѣчи красити».

Сказавши объ измѣненіи имени Св. Николая Чудотворца, Аввакумъ переходитъ къ общему вопросу объ отношеніяхъ къ православной церкви, и здѣсь опять проявляется его нетерпимость: «Толко суть стало съ ними Никола чудотворецъ терпитъ, говоритъ онъ, а мы немощни: хотя бы одному кобелю голову-ту назадъ рожею заворотилъ, да пускай бы по Москвѣ-той такъ походилъ! Что петь дѣлать? Христось имъ время то попустилъ... Слышателью, терпитъ имъ Богъ, яко бѣсомъ, до суднаго дня.

⁹⁰⁾ Не есть ли это Николай Нѣмчинъ, противъ котораго писалъ Максимъ Грекъ?

А нынѣ пускай ихъ поиграють съ бѣсами-тѣми заодно надъ Христомъ, и надъ Николою, и надъ всеми святыми съ Богородицею-тою свѣтомъ нашимъ — да и надъ нами бѣдными, что черти надъ попами возятся». Начавъ такимъ энергичнымъ пожеланіемъ казни своимъ врагамъ, Аввакумъ какъ бы смягчается и признаетъ допустимость временнаго торжества ненавистныхъ ему никоніанъ; онъ припоминаетъ страданія за вѣру прежнихъ праведниковъ, Іоанна Златоуста и митрополита Филиппа, и такимъ образомъ вполне естественно приходитъ къ призыву своихъ послѣдователей на страданія: «Кольми же за церковный извратъ всякъ православный и правовѣрный, много не разсуждая, поиди во огонь: Богъ благословитъ и наше благословеніе да есть съ тобою во вѣки». Однако въ этихъ словахъ нельзя видѣть еще призыва къ самосожженію, въ нихъ есть только поощреніе къ мученіямъ за вѣру, какъ это объясняется изъ дальнѣйшихъ словъ Аввакума. «Пещь халдейская» оказывается въ Боровскѣ, куда сосланы боярыня Морозова, ея сестра и Марія Данилова, которыя и уподобляются тремъ отрокамъ, вверженнымъ въ печь Навуходносоромъ, и ихъ-то примѣръ рекомендуется православнымъ: «Сіе дѣло предлежитъ во образъ за хотящихъ наслѣдовати спасеніе». Послѣ этого наставленія Аввакумъ вполне послѣдовательно возвращается къ вопросу о новомъ иконописаніи. «Не поклоняйся и ты, рабе Божій, убѣждаетъ Аввакумъ, неподобнымъ образомъ, писаннымъ по нѣмецкому преданію, якоже и тріе отроки въ Вавилонѣ тѣлу златому, поставленному на полѣ Деировѣ. Толсто же тѣлице-то тогда вылиго, что нынѣшнія образы, писанныя по нѣмецкому! Да и много уже у нихъ измѣненія во иконахъ-тѣхъ: власы расчесаны, и ризы измѣнены, и сложеніе персть,—малакса вмѣсто Христова знаменія! Малаксу поганую цѣлуй! Знаешь ли, что я говорю? А то руку-гу раскорякою пишуть тою. Не моги не цѣлуй ея: то антихристова печать. Плюнь на нея; побѣги прочь; не глади на нея: привяжется дурная мысль. Будетъ образа подобна написана не прилучится: и ты на небо на востокъ кланяйся, а такимъ образомъ не кланяйся».

Сочиненіе «Объ иносечскомъ чинѣ», изданное г. Субботинымъ по списку Хлудовской библіотеки № 257, съ вариантами по спискамъ той же библіотеки № 273 и библіотеки Е. В. Барсова, въ этихъ рукописяхъ заглавія не имѣетъ, и безъ заглавія же является

оно и въ другихъ спискахъ, намъ извѣстныхъ, въ сборникахъ Московскаго Румянцевскаго Музея, № 1808, л. 11—14 (только отрывки), № 2555, л. 102 об.—104, и № 2548, л. 38—41, Импер. Публичной Библиотеки (Богдановскаго собранія), № О. I. 1059, л. 18—23, Кіевской духовной академіи, собранія митр. Макарія, по описанію Н. И. Петрова, № 59, л. 71—77. Вездѣ это сочиненіе предшествуетъ статьѣ объ иконномъ писаніи и помѣщается или вслѣдъ за «Книгой на крестоборную ересь», или же отдѣлено отъ этой книги рассказомъ о видѣніи антихриста, включеннымъ въ «Бесѣду объ Авраамѣ»; такое постоянное расположеніе этихъ сочиненій въ извѣстномъ порядкѣ можетъ, по нашему мнѣнію, служить основаніемъ къ предположенію о нѣкоторой первоначальной между ними связи; можетъ быть, въ такомъ порядкѣ они явились уже въ самыхъ первыхъ сборникахъ сочиненій Аввакума.

Въ Хлудовскомъ спискѣ № 257, въ Барсовскомъ и въ Богдановскомъ статья начинается вступленіемъ: «Понеже убо мнози начаша чинити повѣсть о извѣствованныхъ въ насъ вещехъ» и т. д., вступленіемъ, представляющимъ почти буквальное заимствование изъ Евангелія отъ Луки, гл. I, ст. 1—3, и отсутствующимъ въ большинствѣ другихъ списковъ, въ которыхъ Аввакумъ сразу приступаетъ къ вопросу объ измѣненіи иноческой одежды, т. е. о введеніи «камилавокъ подклеекъ женскихъ и рогатыхъ клобукъ». Это нововведеніе, «сія пагуба», заимствовано «отъ костела римскаго», гдѣ починъ новой монашеской одежды принадлежалъ папѣ-женщинѣ, о которой Аввакумъ сообщаетъ слѣдующія подробности, заимствованныя изъ распространенныхъ уже издавна обличительныхъ рассказовъ о латинянахъ: «Бысть въ Римѣ прежде собора Флоренскаго на престолѣ въ папахъ баба еретица въ римской церкви, по попущенію Божию, устроила себѣ клобукъ на подклейкѣ, сипцевымъ образомъ, яко женской, что жены носятъ, якоже Никонтъ, иже носятъ и нынѣ прелщенніи тамо и здѣсь. Идущи любодѣицы за кресты въ ходу, родила на пути идущи младенца выблядка. Разумѣвши же и видѣвши римстїи людіе извергоша ю отъ сана святительства, яко на Москвѣ врага Божія патріарха Никона, клобукъ же ея и всяко мудрованіе и преданіе въ церкви неизриповенъ бысть. И оттогда въ церквѣ ихъ слабость велія бысть, жены и дѣвы во олтарь входяще, за престоломъ на горнѣмъ мѣстѣ саждахуся,

людіе же ослабѣша и небрегуще о семъ, понеже ересь одолѣ благочестіе. И егда умножися грѣхъ, ту избыточествова благодать». Окончательное утверждение «рогатыхъ клобуковъ» въ римской церкви приписывается папѣ Евгению, благодаря которому они, послѣ Флорентинскаго собора (о которомъ разсказывается съ неопредѣленной ссылкой на «лѣтописцевъ латынскихъ и русскихъ») были перенесены и въ восточную церковь: «Сія уставы и въ Царьградъ пришли: оттолѣ и греки развратилися, и клобуки такіе же вздѣли на себя, и иные догматы Флоренскаго собора учиниша въ церквахъ своихъ».

Воспоминаніе о бѣдствіяхъ, постигшихъ грековъ за отпаденіе отъ православія на Флорентинскомъ соборѣ, приводитъ Аввакума къ параллели съ современнымъ ему состояніемъ церковныхъ дѣлъ. «Видите-ли, вѣрніи, восклицаетъ онъ, римское-то дѣло родилося какво хорошо! А у насъ на Москвѣ не хуже того! Мнѣ царя-тово бѣднава жалъ пуще всѣхъ греческаго: здѣшняя и вѣчная все погубилъ! Послѣ брата дво роднова Константина царя предалъ Богъ за отступленіе Магмету турецкому царю, и все царство греческое съ нимъ. А на Русь было напрягъ въ мимошедшемъ году. Да еще удержали молитвы сѣдящихъ по темницамъ и тюрьмамъ, вопіющихъ къ Богу день и ночь». Однако такія знаменія Божія гнѣва нисколько не дѣйствуютъ на никоніанъ отрезвляющимъ образомъ: напротивъ, въ своемъ увлеченіи «обычаями и поступками римскаго костела» сторонники новшества не знаютъ границъ, «не свѣдятъ камо грядуть» и беспощадно преслѣдуютъ правовѣрныхъ: «Токмо жги да пали, сѣки, да руби, да вѣшай едиnorodныхъ своихъ! Слыши небо и внуши земле! Вы будите свидѣтели нашей крови изливающейся». Дѣло защитниковъ старины, конечно, вполне правое, такъ какъ они «держатъ неизмѣнно преданіе своихъ отецъ», и по этому поводу приводится обычный аргументъ, выставляемый противъ исправителей: «подобаетъ имъ извергнути отъ памяти прежде бывшихъ царей и патріарховъ и всѣхъ русскихъ святыхъ. За что они намъ послѣ себя оставили книги сія, за нихже мы полагаемъ душа своя! Аще ли ихъ памяти честнѣ творять и святыхъ русскихъ почитаютъ всѣхъ, ихже мы уставы и преданіе держимъ неизмѣнно: за что же насъ мучить и грабить?».

Въ церковь внесено смятеніе патріархомъ Никономъ и «римскими блюдолизамъ», которыхъ ожидаетъ за это кара свыше,

такъ какъ измѣненіе ризы запрещено пророкомъ Софоніей; и эта послѣдняя ссылка даетъ намъ основаніе думать, что сочиненіе «объ иноческомъ чинѣ» есть, можетъ быть, позднѣйшая переработка неизвѣстнаго намъ сочиненія, матеріалы для котораго были, какъ мы указывали ранѣе⁹¹⁾, отобраны у Благовѣщенскаго сторожа Андрея: въ этихъ матеріалахъ были между прочимъ и выписки изъ пророчествъ Софоніи о странныхъ одеждахъ... Кромѣ Софоніи Аввакумъ ссылается на Василия Великаго и на Діонисія Ареопагита, причѣмъ ссылки дѣлаются на память, особенно послѣдняя: «Почти Діонисія Ареопагита: онъ тебя научить. *Помнится мнѣ*, писано въ книгѣ его». Доказательства изъ божественныхъ писаній являются такимъ образомъ несущественными, а потому опять выдвигается обличительное, сатирическое изображеніе представителей православной іерархіи, причѣмъ вспоминается приведенное нами раньше подобное же изображеніе Иларіона, архіепископа Рязанскаго: «А то малое ли дѣло, Богомъ преданное скидали съ головы, и волосы расчесавъ, чтобы бабы блудницы любили ихъ, выставя рожу всю, да препояшется по титкамъ, вздѣвши на себя широкій жупанъ... Подобаешь истинному иноку дѣлы Христу подобиться, а не словесы глумными, и такъ творить, якоже святіи. Помнишь ли? Іоаннъ Предтеча подпоясывался по чресламъ, а не по титкамъ, поясомъ усменымъ, сирѣчь кожанымъ: чресла глаголются, подъ пупомъ опоясатися крѣпко, да же брюхо не толстѣетъ. А ты что чреватая женка, не извредить бы въ брюхѣ ребенка, подпоясываешься по титкамъ! Чему быть! И въ твоемъ брюхѣ-то не меньше ребенка бабья наложено бѣды-той,—ягодъ мигдалныхъ, и ренскова, и романей, и водокъ различныхъ съ виномъ процѣженнымъ налилъ: какъ ево подпоясать! Невозможное дѣло ядомое извредить въ немъ! А се и ремень надобе дологъ! Бѣдные, бѣдные!» Послѣ всѣхъ такихъ рѣзкихъ обличеній, весьма замѣчательными представляются тѣ слова, которыми Аввакумъ заканчиваетъ настоящую статью, слова, выражающія до нѣкоторой степени настроеніе миролюбивое, однако безъ желанія уступить въ чемъ-либо своимъ врагамъ: «Ну-су, полно браниться намъ! Примите вы первыя наши книги, ихже святіи предаша, и обычаи свои дурные отложите: мы станемъ предъ вами прощаться о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ».

⁹¹⁾ См. выше, стр. 128—4.

Резюмируя содержаніе этихъ трехъ статей, составляющихъ особый разрядъ въ группѣ обрядово-полемическихъ сочиненій Аввакума, мы замѣчаемъ, что доказательства въ пользу старыхъ обрядовъ приводятся Аввакумомъ изъ писанія сколько-нибудь обстоятельно только въ статьѣ «о сложеніи персть», а по существу дѣло сводится къ реалистическому обличенію своихъ противниковъ: мы встрѣчаемся здѣсь не столько съ послѣдовательнымъ богословскимъ разсужденіемъ, сколько съ памфлетомъ на современныхъ дѣятелей противоположнаго направленія и съ извѣстнымъ приѣмомъ ободрить свою паству, укрѣпить въ ней готовность къ защитѣ своей старой вѣры противъ врывающихся въ русскую жизнь иноземныхъ «поступковъ», латинскихъ, фряжскихъ и нѣмецкихъ обычаевъ, вводимыхъ со-вратившимися въ латинство греками и патріархомъ Никономъ. При этомъ однако слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя обвиненія Аввакума совершенно неправильно направляются противъ Никона: таково обвиненіе въ искаженіи иконнаго писанія, — извѣстно, что Никонъ самъ былъ противникомъ сильно распространенныхъ фряжскихъ иконъ, чѣмъ даже вызвалъ волненіе въ Москвѣ во время морового повѣтрія.

Такимъ же характеромъ отличаются и тѣ сочиненія, которыя мы выдѣлили во второй разрядъ. Изъ нихъ наиболѣе обширнымъ является «Книга на крестоборную ересь», названная такъ потому, что въ ней Аввакумъ обвиняетъ никоніанъ въ отверженіи истинной формы креста. Собственно этому спеціальному вопросу посвящена только вторая половина сочиненія, начиная со словъ: «Пребывайте, чада о Господѣ, пребывайте и крестъ Христовъ трисоставный почитайте»; первая же половина заключаетъ въ себѣ болѣе общее обличеніе никоніанскаго мучительства, причемъ кратко излагается исторія возникновенія разногласій въ церкви и преслѣдованій, которымъ подверглись защитники старины.

Послѣ пространнаго вступленія въ самоуничижительномъ духѣ, Аввакумъ поучаетъ свою паству, что наступило время плакать, такъ какъ «антихристъ приде ко вратамъ двора и народилось выблидковъ его полна поднебесная. И въ нашей Русской земли обрѣтесе чортъ большой, емуже мѣра высоты и глубины адъ преглубокій: помышляю, яко во адѣ стоя, главою и до облакъ достанетъ». Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ

нѣтъ опредѣленнаго утвержденія, что антихристъ уже явился, — онъ только пришелъ «ко вратомъ двора». Исторія Никонова исправленія излагается въ такихъ чертахъ: Никонъ «вирался на престолъ патриаршескій», оболъстивъ протопопа Стефана Вонифатьева, который и убѣдилъ царя поставить Никона на патриаршество. Челобитную въ этомъ смыслѣ подписалъ и самъ Аввакумъ (Какъ надо относиться къ этому извѣстію, мы говорили уже выше ²²). Первое распоряженіе патриарха о крестномъ знаменіи и о поклонахъ вызвало протестъ противъ него, какъ «еретика и предотечи съ антихристова», и вслѣдствіе этого начались гоненія. Въ слѣдующемъ за этимъ рассказомъ длинномъ перечнѣ Никоновыхъ мучительствъ, конечно, есть много преувеличеній, хотя фактическая его провѣрка врядъ-ли для насъ возможна. Хотя по Уложенію царя Алексѣя Михайловича смертная казнь могла примѣняться къ раскольникамъ, однако представляется нѣсколько страннымъ, почему были казнены второстепенные представители партіи, стоявшей за старину, главные же коноводы, а въ томъ числѣ и самъ Аввакумъ, подверглись только ссылкѣ и заточенію; совсѣмъ невѣроятными являются массовыя сожженія людей неизвѣстныхъ («въ Боровскѣ Поліевкта священника сожгли и съ нимъ 14 человекъ, въ Казани 30 человекъ»); извѣстіе о сожженіи Павла, епископа Коломенскаго, ничѣмъ не подтверждается; гиперболизмъ этого перечня особенно ярко виденъ въ заключительныхъ словахъ: «да по Волгѣ живущихъ въ градѣхъ и въ селѣхъ и въ деревенкахъ тысяща тысящами положено подъ мечъ, не хотящихъ принять печати антихристовы». Этотъ перечень пострадавшихъ за вѣру гораздо обширнѣе въ статьѣ «О обличеніи отступленія и казни и о лютомъ гоненіи и мученіи», вошедшей въ сборники Казанской духовной академіи №№ 1989 и 1733, описаніе которыхъ мы дали во введеніи къ настоящему изслѣдованію, причѣмъ на такое распространеніе, какъ мы указали, можно смотрѣть, какъ на позднѣйшую переработку Аввакумова текста.

Рассказъ объ этихъ преслѣдованіяхъ приводитъ Аввакума къ увѣщанію своихъ послѣдователей стоять за правду, причѣмъ онъ на этотъ разъ уже вполне опредѣленно высказывается въ пользу самосожженія. «А иные, говорить онъ, ревнители закона

²²) См. стр. 47—48, примѣчаніе 65.

суть, уразумѣвше леть отступленія, да не погибнуть злѣ духомъ, собирающесе во дворы съ женами и дѣтками, и сожигахуса огнемъ своею волею. Блаженъ изволь сей о Господѣ! Мы же оставшіи и еще дышущіи, о всѣхъ сихъ поминаніе творимъ жертвою со слезами изъ глубины въздыханіи неизглаголанними, воспѣваемъ радующесе, Христа славяще: упокой, Господи, душа рабъ своихъ, всѣхъ пострадавшихъ отъ никоніянъ на всякомъ мѣстѣ, и учини ихъ, идѣже присѣщаетъ свѣтъ лица твоего, въ селѣхъ со святыми избранными твоими, яко благъ и челоувѣколюбець. Рабомъ Божиимъ побіеннымъ вѣчная память 3-жды. Почивайте, миленкіе, до общаго воскресенія и о насъ молитесь, даже и мы ту же чашу испіемъ о Господѣ, которую вы испили и уснули вѣчнымъ сномъ». Въ приведенной похвалѣ самосожигающимся не указывается мотивъ преслѣдованія, а скорѣе рекомендуется въ самосожженіи средство избѣжать гибели духовной, такъ что эти слова могутъ быть хорошимъ мѣриломъ той степени, до которой доходилъ фанатизмъ защитниковъ старины: быть можетъ, на практикѣ всѣ случаи самосожженія объяснялись исключительно страхомъ отдаться въ руки еретической власти, но въ теоріи могло быть самоистребленіе и безъ этого вѣшняго побужденія. Ограничиваясь пока этими замѣчаніями, мы вернемся въ дальнѣйшемъ изложеніи къ вопросу о самосожженіи и объ отношеніи Аввакума къ этому любопытному явленію въ жизни нашего старообрядчества.

Призывая своихъ послѣдователей къ страданіямъ и смерти за вѣру, Аввакумъ указываетъ имъ на примѣръ боярыни Морозовой и ея двухъ единомышленницъ, которыя «живы закопаны въ землю»: боярыня была богата, «50 тысячъ крестьянъ имѣла, да домоваго доходу тысящъ болѣе дву сотъ было,—сына не пощаждѣла единородного, къ сему и другая такоже дѣтей». Въ виду такого примѣра, конечно, бѣднымъ людямъ не приходится колебаться: «А ты, душе, много ли имѣешь при нихъ? Развѣ мѣшокъ, да горшокъ, а третіе лапти на ногахъ». — Само царство небесное въ ротъ валится, а ты откладываешь, говоря: дѣти малы, жена молода, разориться не хочется! А тово не видишь, какую честь-то бросили боярынѣ-тѣ! Да еще жены суть. А ты мужикъ, да безумнѣе бабы, не имѣешь цѣла ума. Ну, дѣти-тѣ переженишь, и жену-ту утѣшишь; а затѣмъ что? не гробъ ли?»

Выраженіе «царство небесное въ ротъ валится» вызывало со

стороны нѣкоторыхъ духовныхъ нашихъ писателей упрекъ Аввакуму въ цинизмъ, однако врядъ-ли можно признать такой упрекъ справедливымъ, такъ какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло опять же съ тѣмъ самымъ стремленіемъ выразаться просто, на которое мы неоднократно указывали и которое составляло силу Аввакума, какъ вполне народнаго проповѣдника, свободно пользовавшагося народной образной рѣчью. И въ этомъ же самомъ сочиненіи мы рядомъ встрѣчаемся съ другимъ примѣромъ подобнаго образнаго выраженія мысли. Указавъ своей паствѣ на примѣръ боярыни Морозовой, Аввакумъ обращается къ доводамъ изъ божественныхъ писаній въ пользу спасительности страданій за вѣру, и здѣсь найденная имъ въ Евангелии отъ Іоанна параллель между радостнымъ состояніемъ жены, разрѣпившейся отъ бремени, и духовной радостью христіанъ, когда они узрятъ Христа, вызываетъ со стороны Аввакума слѣдующее толкованіе, являющееся собственно образно: реальнымъ перифразомъ евангельскаго текста: «Якоже и жена беременна передъ родинами день и ночь бѣдная печется, какъ бы разродиться, ожидаетъ, яко часа смертнаго, а егда родила робенка, такъ и все забыла: такъ то и христіанское Христа ради терпѣніе и мученіе скорбно нынѣ кажется, а тогда въ радости забудемъ все, егда надежа наша Христось явится намъ. Знаешь ли когда? Тогда, егда оживотворить мертвенная тѣлеса наша Духомъ Святымъ, что робенокъ изъ брюха, выльземъ паки изъ земли матери нашея».

Ссылка на писаніе нѣсколько отвлекаетъ Аввакума въ сторону отъ его разсужденія о терпѣніи за вѣру, и онъ высказываетъ похвалу «книжному поученію»; эта похвала довольно шаблоннаго характера, повторяется извѣстное изреченіе: «всякаго добра добрѣйши суть книжное поученіе», рекомендуется проводить время въ постѣ, молитвѣ и книжномъ поученіи, а затѣмъ Аввакумъ снова переходитъ къ страданіямъ за вѣру, даетъ своимъ послѣдователямъ слѣдующее замѣчательное наставленіе: «побѣждай благимъ злое, сирѣчь терпи», и въ подтвержденіе этой мысли ссылается на слова Спасителя «аще міръ васъ ненавидитъ, вѣдите, яко мене прежде васъ возненавидѣ». Это наставленіе Аввакума по своему характеру противорѣчитъ многимъ яростнымъ его нападкамъ на противниковъ и тѣмъ проявленіямъ мстительнаго настроенія, которыя намъ приходилось отмѣчать; однако, какъ мы уже указывали, такія противорѣчія очень часты

въ сочиненіяхъ Аввакума, и послѣдовательности въ его отношеніяхъ къ врагамъ почти нигдѣ не видно. Гоненія, которымъ подвергаются правобѣрующіе, представляются даже какъ нѣчто нормальное: «Мірѣ своихъ любить, а Христовыхъ гонить. А міру тому державецъ дїаволь; онъ такъ научаетъ дѣлать, Христовыхъ людей вяжетъ, да куетъ, да бѣды наводитъ, да и въ смерть загонить, потому что не любить Христа тово гораздо. Идѣже кѣмъ заповѣдь Христова соблюдается, ту благодать Духа Святаго приобилуетъ, а дїавола палить сила Божія; такъ онъ, что бѣшеная собака, бросается на человѣка того такъ и сякъ, ищетъ какъ бы развратити отъ вѣры и отъ дѣлъ добрыхъ, чтобы благодать та отгнати отъ человѣка, такъ бы ему не тѣсно было».

Дїаволь, конечно, врагъ креста Христова, и онъ-то научилъ никоніянъ «извреци крестъ Христовъ трисоставный и крыжъ латынской вмѣсто его вчинилъ», приготовивъ такимъ образомъ путь антихристу. Послѣ этого объясненія замѣны восьмиконечнаго креста четвероконечнымъ Аввакумъ естественно переходитъ ко второй части своего сочиненія, т. е. къ разсужденію о разныхъ формахъ креста, ихъ значеніи и происхожденіи. Истиннымъ «Христовымъ крестомъ» признается крестъ «трисоставный, отъ кипариса, и певга и кедра устроенъ»; въ доказательство приводятся не совсѣмъ подходящія слова пророка Исаіи: «приидеть къ тебѣ слава ливана отъ кипариса и певга и кедра», а затѣмъ сообщается разсказъ о чудѣ Моисея на водахъ Мерры, «якоже о томъ свидѣтельствуесть Библия». Однако въ послѣднемъ случаѣ источникъ указанъ невѣрно, такъ какъ въ Библии (Исходъ, гл. 15, ст. 25) нѣтъ тѣхъ подробностей, которыя приводятся Аввакумомъ, а взяты онѣ изъ Палея⁹³). Кромѣ этого, въ доказательство преимущества восьмиконечнаго креста предъ четвероконечнымъ, Аввакумъ ссылается на слова апостола Павла и на Псалтырь. «Не внимають, говоритъ онъ о своихъ противникахъ, Апостолу глаголющу: мнѣ, рече, не буди хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Ісуса Христа, на немъ же страдавъ, уби страсти. Того убо и мы держимся креста Господня, похвалы всѣхъ насъ. И индѣ Апостоль глаголетъ: долготя креста, и широта, и высота, и глубина небесемъ равна. Внимай же не о четверо-

⁹³) Сборникъ отд. рус. яз. и слов. XVII, стр. 196, 217, Толковая Палея (Козом.), ст. 512.

конечномъ Павелъ глаголетъ, но о тричастномъ Христовѣ крестѣ: долгота — долгое и протяженное древо, широта же прекое, высота и глубина — подножіе. И Псалмопѣвецъ учитъ: вознесите Господа Бога нашего и кланяйтесь подножію ногу его, яко свято есть. Сіе реченное о подножномъ дрѣвѣ». Наконецъ, въ качествѣ послѣдняго аргумента въ пользу превосходства осьмиконечнаго креста является ссылка на апокрифическое сочиненіе, приводимая на память; Аввакумъ передаетъ содержаніе апокрифа «о крестномъ дрѣвѣ», о принесеніи Лотомъ главень отъ вѣнца Адамова, изъ которыхъ впослѣдствіи былъ сдѣланъ крестъ Спасителя, и при этомъ указываетъ свой источникъ такимъ образомъ: «Я грѣшной читалъ сице, а не въ церковныхъ книгахъ, кои обносятся въ церкви свидѣтельствованы, но въ лежащихъ и несвидѣльствованныхъ. Аще сіе правда, или ни, Богъ вѣсть. Азъ вѣрую крѣпко пророкомъ и апостоломъ и богословцемъ всѣмъ. Они насъ научаютъ, яко тричастенъ крестъ Христовъ, сирѣчь отъ трехъ дрѣвъ сотворенъ». Цитированіемъ на память можно объяснить нѣкоторыя отличія разсказа Аввакума отъ извѣстныхъ намъ апокрифовъ «о крестномъ дрѣвѣ»⁹⁴).

Осьмиконечный крестъ, по разъясненіямъ Аввакума, долженъ быть «на престолѣ и на жертвѣ, еже есть на просфирѣ, и на главѣ церкви, и на иконахъ и повсюду вмѣстообразная, еже есть въ поклоненіе». Допускается, по преданію святыхъ отецъ, и четвероконечный крестъ, «но не вмѣстообразная, только на ризахъ, и на стихаряхъ, и патрахилыхъ, пеленахъ, идѣже положиша отцы. А иже кто его учинитъ на просфирахъ или напишетъ на немъ образъ распятаго Христа, и положитъ его на престолѣ вмѣсто тричастнаго: таковой мерзокъ есть и непотребенъ въ церкви, подобаетъ его изринуть. Почто на владычѣмъ мѣстѣ садится! Рабъ онъ Христову кресту или предотеца. Знай свое мѣсто, не восхидай Господскія чести!». Затѣмъ Аввакумъ перечисляетъ отдѣльные случаи изъ Ветхаго Завѣта, когда былъ «знаменоносенъ» четвероконечный крестъ: при исходѣ евреевъ изъ Египта, при переходѣ черезъ Чермное море, при побѣдѣ надъ Амаликитянами, при вступленіи Иисуса Навина въ обѣтованную землю, во время заключенія пророка Даниила во

⁹⁴) Пам. стар. рус. лит. III. л. 81—85. Тихонравовъ. Пам. отреч. рус. лит. I, стр. 306—308. Сборн. отд. рус. яз. и слов. XVII, стр. 216—220

рву, во время нахождения Іоны во чревѣ кита. Но всѣ эти при-
мѣры «быша знаменія къ плотскому избавленію, а не къ ду-
шевному спасенію, прообразуя и прописуя силу хотящую быти
креста Христова. Древняя бо мимоидоша: се быша нова. Тамо
жезль Моисеевъ образъ творя и распростертія рукъ къ плот-
скому избавленію: здѣ же животворящее и спасеное древо, крестъ
Христа Бога нашего, къ душевному нашему вѣчному спасенію
предлежитъ. Тамо образъ креста людей израильскихъ отъ Египта
избави и море проведе, и въ пустынь Амалика побѣди, и въ
землю обѣтованную введе и вся къ плотскому жительству устрои:
здѣ же сила Христова креста не отъ чувственнаго токмо Фара-
она избави и избавляетъ, но отъ мысленнаго Фараона, глаголю
дѣвола и бѣсовъ его, на всякъ часъ избавляетъ, и лютыя мы-
тарства воздушныхъ князей мирно и немятежно душа проводитъ,
и не въ землю обѣтованную вводитъ, но въ самое небо и въ
землю кроткихъ, на воду покойну, въ мѣсто свѣтло, въ мѣсто
злачно, въ мѣсто прохладно, отнюдуже отбѣже всяка болѣзнь
и печаль и всздыханіе, идѣже присѣщаетъ свѣтъ лица Господня,
тамо устрояетъ всѣхъ подъ кровъ его прибѣгшихъ».

Установивъ при помощи такихъ доводовъ первенство креста
осьмиконечнаго, Аввакумъ обвиняетъ православныхъ въ томъ,
что они сошратились въ латинство, «идутъ въ пагубу, возлюбивши
крестъ четвероконечный паче истиннаго креста Христова, и на
на немъ распятіе пишутъ Христово безъ подножія и на жертвѣ
почитаютъ крыжъ латынской, а Христовъ презираютъ. Такъ и
стало крыжъ польской, выблядокъ римскаго костела». Выражаясь
такъ о четвероконечномъ крестѣ, Аввакумъ не замѣчаетъ, что
онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, такъ какъ до-
пустилъ употребленіе этого креста въ нѣкоторыхъ случаяхъ и
въ православной церкви. Въ дальнѣйшемъ разсужденіи дѣлается
различеніе между крестами «четвероконечнымъ сѣновнымъ» и
«Петровымъ безъ возглавія»: послѣдній семиконечный, такъ какъ
при распятіи апостола Петра «распинатели поворотилиша вверхъ
ногами Петра и въ колоду вдолбиша верхней конецъ креста
его по прошенію его». Тутъ является новый оригинальный
образецъ филологическаго толкованія слова «костель», такъ какъ
«той стоитъ на костяхъ апостола Петра». Учредивъ этотъ ко-
стель, «римстїи людїе воспрїяша и крестъ съ колодкою Петровъ,
а Христовъ отринуша прочь, и стали писать распятіе Христово

на сѣновномъ, еже есть на четвероконечномъ крестѣ, и сіи двѣ вещи, Петровъ крестъ и четвероконечный, изринуша с одново Владыку своего, крестъ Христовъ».

Здѣсь снова Аввакумъ естественно приходитъ къ отрицанію четвероконечнаго и Петрова крестовъ, объявляя ихъ «мудрованіемъ римскаго костела и выблядковъ его, поляковъ и кіевскихъ уніятъ, еще же и нашихъ никоніанъ». Однако вслѣдъ за этимъ повторяется приведенное противорѣчіе въ попыткѣ указать, въ какихъ случаяхъ допускаются кресты Петровъ и четвероконечный. «Не отместемъ же, говоритъ Аввакумъ, отъ церкви и сѣновнаго четвероконечнаго, еще же и Петрова креста. Понеже четвероконечный образецъ и предотеча Христову кресту, да будетъ въ церкви на ризахъ и пеленахъ и прочая, идѣже положенъ. А Петровъ крестъ безъ верхняго возглавія..., якоже бысть, и нынѣ такоже да будетъ по преданію, неизмѣнно въ церкви, идѣже положиша его отцы... въ Потребникѣ назнаменанъ, какъ сдѣлать деревяной, по тому образу подпись на немъ учинить сице: освятися сей олтарь въ лѣта сія, индикта сего и мѣсяца день, и поставитъ деревяный водружальный крестъ во олтарѣ, за престоломъ на стѣнѣ стоитъ неподвижно. Гляди на престолъ и на церковь, и люди Христовы паси, по заповѣди его, якоже приказано тебѣ стадо сіе... «Въ заключеніе Аввакумъ говорить: «люби паче Христовъ крестъ, и бѣжитъ отъ тебя сатана, силою его гонимъ; а Петровъ и сѣновный не тяжель ему: не болно онъ боится тѣхъ крестовъ, понеже не владычни». Еще ярче непослѣдовательность во взглядѣ Аввакума на различныя формы крестовъ выражается въ слѣдующемъ его энергичномъ увѣщаніи своей паствѣ: «Ну, слышателью, рассуди: которая земля лучши,—Іерихонъ ли во обѣтованіе, или небо? временное ли житіе или вѣчное? Аще ли вѣчнаго житія не хочешь, но нынѣшнево, яко жидовинъ во обѣтованіи живешь и ищешь: и ты держиси четвероконечнаго креста, да съ ними же въ пекль пойдеси, во огонь неугасимый. Помянешь тогда наши нынѣшнія рѣчи, егда восплачутся вся племена земная и ты съ ними же, попиратель креста Христова, егда узритъ его всяко око грядуща съ силою многою на облацѣхъ небесныхъ». Такимъ образомъ въ этомъ полемическомъ трактатѣ Аввакума замѣчается рядъ противорѣчій, происхожденіе которыхъ можетъ быть объяснено только какъ результатъ упорнаго стремленія

обличить еретичество никоніянъ; отсюда же объясняется и неразборчивое пользованіе всякими источниками, даже и апокрифическаго свойства.

По своему содержанію, касаясь во второй части вопроса спеціального, а въ первой болѣе общаго, «Книга на крестоборную ересь» представляетъ переходъ отъ указаннаго нами перваго разряда обрядово-полемическихъ сочиненій Аввакума къ второму, хотя слѣдуетъ замѣтить, что рѣзкихъ разграниченій между отдѣльными группами сочиненій Аввакума установить невозможно, и что всякое такое дѣленіе чисто условно и объясняется только большими сравнительно внѣшними удобствами групповаго разсмотрѣнія.

Въ намѣченномъ нами второмъ разрядѣ наиболѣе общимъ характеромъ отличается «Посланіе ко всѣмъ вѣрнымъ», изданное проф. Субботинымъ по рукописи митр. Макарія, № 34, принадлежащей теперь Кіевской духовной академіи⁹⁵⁾; варианты приведены по Хлудовской рукописи № 257. Это же сочиненіе мы печатаемъ въ позднѣйшей передѣлкѣ по рукописи Московскаго Румянцевскаго Музея, № 592 (Приложенія № 23); переработка текста выразилась въ стилистическихъ распротраеніяхъ отдѣльныхъ его частей и внесеніемъ въ него большаго количества славянизмовъ, хотя и первоначальный текстъ (если такимъ считать изданный г. Субботинымъ) заключаетъ въ себѣ сравнительно мало особенностей реальнаго русскаго стиля, вообще свойственнаго сочиненіямъ Аввакума. Примѣръ такого стилистическаго распространенія мы находимъ уже въ самомъ началѣ посланія, гдѣ одно предложеніе: «стойте твердо въ вѣрѣ и неизбылемо» превращается въ слѣдующее обширное и витіеватое увѣщаніе:

«Стойте въ древле-преданной святыми апостолами и святыми седми вселенскими и девяти помѣстными соборами, святыми отцы, въ вѣрѣ Христовѣ твердо и неизбылемо, въ которой прародители и родители наши умроша и безчисленное множество отецъ святыхъ въ той же вѣрѣ спасошася и в негѣнныхъ тѣлесѣхъ, аки звѣзды небесныя просіяша, и паче свѣта убѣлишася, и на небеса возлетѣша, яко небопарніи орли, прекрасныя ихъ души, ихъ же и до днесь зримъ негѣнныя мощи честнаго ради житія ихъ и вѣры теплыя къ Богу. Въ той же и мы грѣшніи вѣрѣ древле-

⁹⁵⁾ Петровъ. Опис. кіев. рукоп. собраній, I, стр. 101.

православней пребудемъ до скончанія вѣка нашего непоколебимо и неподвижно, а нововодныхъ ересей, умышленныхъ отъ нынешнихъ учителей ~~отступникова~~ отъ святаго вѣры православныя и церкви святѣй сопротивныхъ, не ~~примайте~~, понеже многія злыя ереси, иже и нелѣтъ есть о нихъ и глаголати, в книгахъ ~~новыхъ~~ находятся, иже з древними книгами зѣло не сходны. Приемлющія же с нововодными ересми книги не точію спастіся по нихъ возмогутъ, но и снидутъ до ада».

Въ такомъ же родѣ переработано въ Румянцевскомъ спискѣ и все посланіе: характеръ этой передѣлки по своей витіеватости очень подходитъ къ тѣмъ приемамъ, которые установились въ раскольничьей литературѣ въ XVIII вѣкѣ, благодаря дѣятельности получившаго риторическое образованіе Андрея Денисова.

По своему содержанію «Посланіе къ вѣрнымъ» особенной важности не представляетъ; все оно состоитъ въ развитіи приведеннаго увѣщанія стоять твердо за вѣру, причемъ въ отношеніи къ противникамъ отличается замѣчательной мягкостью. Возбуждая въ своихъ послѣдователяхъ безстрашіе, Аввакумъ вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ имъ смиренномудріе, какъ средство побѣдить «всѣхъ противящихся»: «о Христовѣ дѣлѣ говори кротко и привѣтно, да же слово твое будетъ сладко, а не терпко. Аще и разгорится духъ огнемъ божественнымъ: слово къ человѣку говори, а умомъ ярость износи на діавола. А каюцагоси на всяко время прощай, и вся твори, не человѣкомъ показуяся, но Богови. Таже и молися за противнаго». Напоминая о необходимости имѣть во время гоненія «незлобіе голубино», Аввакумъ уговариваетъ свою паству не сѣтовать о потерѣ имѣнія и даже о лишеніи семейства и ссылается на свой собственный примѣръ: «Пускай діаволь емлетъ: онъ владыка сему вѣку. Христосъ заплатитъ въ будущій вѣкъ. А жену-ту и дѣтей Христосъ сохранить же въ нечестивыхъ рукахъ. У меня Марковна сидитъ себѣ въ землѣ съ дѣтьми, будто въ клѣткѣ, Божією благодатію снабждаема. А я пою Богу моему дондеже есмь». Защищая старое правовѣріе, слѣдуетъ ревностно исполнять слово Божіе и помнить о грядущемъ страшномъ судѣ, на которомъ должна обнаружиться всякая людская неправда. Всякій правовѣрный прежде всего долженъ думать о своихъ грѣхахъ и не долженъ «считать братнихъ паденія», а между тѣмъ современное положеніе дѣлъ наводитъ на грустныя размышленія: «у насъ и въ заводѣ тово нѣтъ, говорить Аввакумъ, — всюду ро-

потъ, да счетъ, да самогнѣніе съ гордостью, да укоризны другъ друга, да напыщеніе на искреннихъ, да всякъ учитель, а послушниковъ нѣтъ. Горе времени сему и намъ живущимъ». Особенно слѣдуетъ остерегаться «нынѣшнихъ духовныхъ», потому что они «дѣломъ бѣси» и легко могутъ прельстить въ свою ересь; поэтому Аввакумъ запрещаетъ всякое общеніе съ ними, однако тутъ же онъ приказываетъ ихъ обличать, причемъ обличеніе должно отличаться тѣмъ же мягкимъ характеромъ: «не гнѣвайся на него; аще и разгнѣваешься, но на діавола подобаетъ, а не на искреняго». Возмездіе отступникамъ неизбежно въ будущемъ, и тогда правовѣрные «натѣшатся» надъ ними: «егда Христосъ тебѣ ево отдасть, кто можетъ тогда отнять? Какъ захочешь, такъ осудишь его о Христѣ. А нынѣ терпи,— моли Бога о немъ, даже въ разумъ истинный ево приведетъ. А не станешь навѣтовъ терпѣть, такъ и самъ пропадешь». Для утѣшенія своихъ послѣдователей Аввакумъ рисуетъ слѣдующую апокалипсическую картину будущей казни никоніанъ: «выѣдетъ на конѣ бѣломъ и царя ихъ со лжепророкомъ въ огонь всадитъ живымъ. Потомъ и діавола за ними же. Измѣнить же ихъ, со бакъ, во мгновение ока, сирѣчь убіетъ, да и паки оживитъ, да ужъ въ огонь-етъ кинетъ. А прочихъ войско-то ихъ побито будетъ на мѣстѣ нѣкоемъ Армагеддонѣ. Тѣ до общаго воскресенія не оживутъ: тѣлеса ихъ птицы небесныя и звѣри земныя ѣсть стануть: тушны гораздо, брюхаты,—естъ надъ чѣмъ птицамъ и и звѣрямъ прохладжатыся. Пускай онѣ нынѣча бранять Христа, а насъ мучать и губять: отольются медвѣдю коровьи слезы».

Изъ приведенныхъ словъ Аввакума видно, что и въ этомъ сочиненіи его отношеніе къ никоніанамъ отличается тою же непослѣдовательностью, какую мы отмѣчали при разсмотрѣніи его истолковательныхъ сочиненій: покорность и безропотное перенесеніе преслѣдованій за вѣру и даже наставленіе не гнѣваться на еретиковъ парализуются наставленіемъ противоположнаго свойства, въ силу котораго еретиковъ надо чуждаться, а также и яркой картиной будущаго возмездія, когда правовѣрнымъ удастся «натѣшиться» надъ своими врагами; несмотря на все стараніе держаться мягкаго тона, обнаруживается та же страстная нетерпимость по отношенію къ своимъ противникамъ; разница между этимъ «Посланіемъ» и «Толкованіями псалмовъ» замѣчается только въ томъ, что въ «Посланіи» Аввакумъ не гово-

рять о расправѣ съ никоніанами въ настоящей жизни. Совпаденіе съ «Толкованіями» есть и въ взглядѣ на антихриста, который еще не явился, причѣмъ въ «Посланіи» повторяются даже нѣкоторыя выраженія «Толкованій», какъ напр.: «послѣдней чортъ не бывалъ», «тайна уже дѣется беззаконія»; повторяется и надежда на возвратъ старины: «еще послѣ никоніанъ чаемъ поправленія о Христѣ Іеусѣ Господѣ нашемъ». Правда, относительно этихъ словъ объ антихристѣ и поправленіи слѣдуетъ сказать, что они присоединены къ «Посланію» въ видѣ *post-scriptum*, уже послѣ заключительнаго благословенія всѣмъ вѣрнымъ, и потому, можетъ быть, они являются позднѣйшей прибавкой, тѣмъ болѣе, что ихъ нѣтъ въ Хлудовскомъ спискѣ; однако связь ихъ съ предшествующими замѣчаніями объ антихристѣ можетъ быть установлена.

Къ сказанному о внѣшнихъ особенностяхъ этого «Посланія» считаемъ нужнымъ добавить, что, несмотря на обиліе славянизмовъ, въ немъ все же встрѣчаются нѣкоторыя черты, свойственные вообще Аввакумовымъ произведеніямъ: есть пословица «отольются медвѣдю коровьи слезы», послѣ принадлежащаго «нѣкоему старцу» сравненія людскаго отношенія къ своимъ и чужимъ грѣхамъ съ двумя мѣшками, — «одинъ назади, а другій напереді, — и свои грѣхи въ задней мѣшокъ кладезь, а братніи въ передній, и безпрестанно на нихъ глядитъ, а своихъ назади не видитъ» — Аввакумъ обращается къ читателю съ вопросомъ: «Правдою ли старецъ рекъ? А чаю не солгалъ». Наконецъ характернымъ для Аввакумова стиля является объясненіе текста: «будьте мудры, яко зми, и чисти, яко голуби»; основой этого объясненія, вѣроятно, послужилъ какой-нибудь Азбуковникъ, въ который указаніе свойствъ змѣи вошло изъ «Физиолога», гдѣ оно является въ слѣдующемъ видѣ: «егда приступитъ человекъ къ зми, хотя ю оубити, все тѣло свое на смерть предасть, а главу змии крыеть; подобаетъ оубо намъ все тѣло свое предати Христа ради на смерть, а главу хранити о грѣсѣхъ и о дѣлехъ, якоже створиши пресвятіи мученици; всякому оубо мужю глава есть Христость, яко же пишеться»⁹⁶). Это толкованіе является въ одномъ изъ сочиненій патріарха Никона, считавшагося въ свое время образцовымъ проповѣдникомъ, а поэтому мы считаемъ не лиш-

⁹⁶) Карпѣевъ. Физиологъ, стр. 223.

нимъ привести оба толкованія, такъ какъ эта параллель указываетъ на отличіе пріемовъ рѣчи Аввакума отъ пріемовъ его современниковъ:

У НИКОНА.

Глаголетъ же, яко и мудру подобаетъ быти, и яко вѣдѣти, како подобаетъ пребывати посреди многихъ врагъ, якоже бо змій все тѣло свое предаеть на біеніе, главу же токмо соблюдаетъ, тако и христіанинъ вся имѣнія даеть тѣло свое поражающимъ, главу же, еже есть Христось и вѣра, яже къ Нему, и законъ и заповѣди, сохранена да будетъ даже до смерти⁹⁵⁾.

У АВВАКУМА.

Разумѣешь чево для Господь на змію-ту указываетъ? А то,—змію-ту какъ бьетъ кто, такъ она все тѣло предаеть біемо быти, главу же свою соблюдаетъ, елико возможно: свернется въ клубокъ, а голову-ту въ землю хоронить. Я ихъ бывалъ съ молода ума. Какъ главы не разобьешь, такъ и опять оживетъ; а голову-ту какъ разобьешь, такъ она и цѣла и мертва. Такъ и христіанинъ безъ головы умретъ смертію вѣчною, сирѣчь безъ вѣры Христовы непорочны. Хотя онъ и цѣлъ, не разоренъ и не убитъ, да безъ вѣры мертвъ. Кая бѣда въ немъ? Плюнуть на него! А аще разграбленъ и уязвенъ, глава непорочна, еже есть православная вѣра въ души его: живъ есть таковой животомъ вѣчнымъ.

Основа толкованія у обоихъ писателей одна и та же, но Аввакумъ умѣетъ оживить толкованіе болѣе образнымъ представленіемъ змѣи, свертывающейся въ клубокъ и хоронящей голову въ землю, а также и ссылкой на свой личный опытъ; наставленіе хранить вѣру тоже становится ярче, благодаря замѣчанію: «Кая бѣда въ немъ? Плюнуть на него!» Видно обычное для Аввакума стремленіе приноровиться къ языку и образу мышленія тѣхъ, къ кому онъ обращается. Та же самая черта видна въ толкованіи второй части евангельскаго текста: «Еще же и незлобіе во время гоненія подобаетъ имѣти голубино. По неже голубь, птенцовъ своихъ лишаемъ, не гнѣвается и отъ владыки своего не отлетаетъ, паки гнѣздо строить и иныхъ дѣтей заводитъ. Я ихъ смолода держалъ,—поповичъ я голубятникъ былъ. Какъ не хороши дѣтенки-тѣ, и лицаешъ отъ родителей; а онѣ бѣдныя свитаются, и другія стануть заводитъ».

«Посланіе къ нѣкоему Іонѣ» является послѣ «Книги на крестоборную ересь» самымъ обширнымъ изъ разсматриваемыхъ

⁹⁵⁾ Записки Отд. Слав. и Рус. Археологii, т. II, стр. 447—448.

сочиненій Аввакума. По своему содержанию оно отличается большим разнообразіемъ, касаясь весьма многихъ предметовъ, какъ пунктовъ разногласія съ православною церковью, такъ и разныхъ вопросовъ, возникавшихъ внутри общества сторонниковъ прежняго правобрія; въ виду такой многосторонности содержания, «Посланіе» по формѣ представляется какъ бы составленнымъ изъ отрывковъ, не совсемъ подходящихъ другъ къ другу; однако такая отрывочность не составляетъ исключительной особенности настоящаго сочиненія, она замѣчается во многихъ другихъ писаніяхъ Аввакума и можетъ объясняться и чисто внѣшними условіями ихъ происхожденія: они являлись часто отвѣтомъ на тѣ вопросы, которые ставились расколоучителямъ ихъ приверженцами, а въ виду отсутствія полной свободы сношеній, естественно было, что подобныхъ вопросовъ накопилось немало, пока не представлялся случай довести ихъ до свѣдѣнія Пустозерскихъ учителей; эти же въ свою очередь тоже не всегда могли придавать своимъ отвѣтамъ сколько-нибудь систематическую форму; Аввакумъ не особенно-то былъ вообще способенъ къ послѣдовательному изложенію, а кромѣ того, вѣроятно, приходилось писать урывками, такъ какъ не много имѣлось книгъ, да и въ бумагѣ ощущался недостатокъ.

Іона, личность котораго намъ неизвѣстна, обратился къ Аввакуму съ посланіемъ, въ которомъ указывалъ, что замѣтилъ «много въ челоуѣцехъ по градомъ раздѣленія во ученіи», и просилъ между прочимъ разрѣшить вопросъ о поклоненіи иконамъ, о единогласномъ пѣніи, о разныхъ другихъ обрядахъ, объ отношеніяхъ къ никоніанамъ, о молитвѣ за царя, объ антихристѣ. На нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ Аввакумъ отвѣчалъ уже раньше, а потому теперь онъ ссылается на свои прежнія сочиненія, ограничиваясь краткимъ ихъ изложеніемъ, хотя кое-что добавляетъ къ своей аргументаціи; нѣкоторые же вопросы потребовали болѣе обстоятельнаго разъясненія.

Вопросъ о поклоненіи иконамъ, какъ видно, возбуждалъ очень оживленные толки въ средѣ приверженцевъ старины: прежде всего затрудненіе возникло потому, что было много иконъ, неправильно написанныхъ; затѣмъ являлось недоумѣніе, слѣдуетъ ли поклоняться иконамъ, хотя и правильно написаннымъ, но находящимся въ никоніанскихъ домахъ и храмахъ, и наконецъ находились даже такіе люди, которые совершенно отвергали по-

клоненіе иконамъ;—такъ по крайней мѣрѣ можно заключить, судя по тому, что Аввакумъ считаетъ нужнымъ вообще защищать поклоненіе иконамъ. Его очень печалитъ возникшія разногласія, такъ какъ «старолюбцы, иже между собою несогласуются и спорами безумными или рещи правѣ высокомысліемъ падаютъ, кождо хотя своя поставити, а не яже суть Божія. И сія грядуть стезею неправою, понеже Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать. А иже держатъ Евангеліе и Апостоль, а святыя иконы отемщутъ, то явныя враги-есть, сирѣчь нѣмцы». Затѣмъ онъ излагаетъ нѣкоторые взгляды лютеранъ и «кальвинцовъ» и, возвращаясь къ вопросу объ иконахъ, повторяетъ: «А иже иконы укоряютъ и говорятъ: подобаетъ де знати Бога единого,—и то бляцкой глаголь. И бѣси вѣрують и трепещутъ, яко есть Богъ единъ, и вси еретицы глаголють такоже, да и мы иконъ не боготворимъ, но первообразное почитающе поклоняемся, а Бога единого вѣруемъ и исповѣдуемъ Отца и Сына и Святаго Духа, въ Троицы славимаго, и по Божѣ святымъ Божиимъ иконамъ поклоняемся, яко угодниковъ его почитающе, а не боготворимъ же». Это обличеніе «люторцевъ и кальвинцовъ» можно объяснить лучше всего при предположеніи, что среди старолюбцевъ находились люди, совсѣмъ отвергавшіе поклоненіе иконамъ. Что касается иконъ новаго писма, то о нихъ въ «Посланіи къ Іонѣ» говорится то же самое и приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и въ разсмотрѣнномъ нами сочиненіи «Объ иконномъ писаніи», хотя есть черты, которыя сближаютъ настоящее «Посланіе» съ «Посланіемъ къ священнику Стефану»; таковъ вопросъ о многогласномъ глѣніи, причемъ, настаивая на необходимости единогласія, Аввакумъ припоминаетъ, что онъ писалъ объ этомъ предметѣ «пространно въ Москву въ мимошедшая лѣта». Послѣдняя часть «Посланія къ Іонѣ» по содержанію есть сокращенное изложеніе статьи «о сложеніи перстѣ», но вопросъ о перстосложеніи соединяется здѣсь съ ученіемъ о молитвѣ Иисусовой: отстаивая двуперстіе, Аввакумъ защищается отъ выставяемаго никоніанами обвиненія въ еретичествѣ, будто двуперстіе есть символъ признанія «двухъ Сыновъ».

Въ этомъ же посланіи снова затронутъ важный вопросъ о священствѣ, такъ какъ въ средѣ старообрядцевъ находились люди, отвергавшіе авторитетъ простыхъ старцевъ и даже от-

странявшіеся отъ св. Причастія. Мысли, высказываемыя теперь Аввакумомъ по этому вопросу, являются дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ теорій безпоповства и бѣглопоповства, которыя намѣчались имъ уже раньше⁹⁸). Обѣ эти теоріи въ настоящемъ посланіи являются равноправными: Аввакумъ допускаетъ съ одной стороны совершеніе церковныхъ требъ простыми иноками, а съ другой стороны разрѣшаетъ принимать въ служеніе поповъ новопоставленныхъ. По отношенію къ первымъ дается такое разъясненіе: «А иже держатся крѣпко старыхъ книгъ, а новыхъ отнюдь не приѣмлютъ, и въ церковь къ новому пѣнію не ходятъ, и ходити не повелѣвають, и поповъ въ дома не пуцають, и отъ нихъ бѣгають, и младенцевъ имъ крестити не даютъ, а крестятъ простые иноки и постригають же иноки, а грамотѣ умѣющеи, и на духъ приймають простые жъ старцы,—и сіи челоувѣцы раби Бога вышняго, отмечающа скверны, хранятъ цѣло благочестіе. Аще они и прости, но дѣйство духовное, по неже и рукоположенцевъ тѣхъ не всѣхъ Духъ Святой рукополагаетъ, но всѣми дѣйствуетъ». Дальше Аввакумъ указываетъ, какія службы можетъ совершать такой простецъ: «простому иноку не подобаетъ глаголати: «Благословенъ Богъ нашъ» и «Боже, ущедри ны», но «За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ», та же трисвятное и прочая, и канонъ за единоумершаго, таже панихида, и кадитъ кадиломъ, такожъ поетъ и молебень, емужъ хоцетъ, говоритъ каноны съ Евангеліемъ, и кончатъ по трисвятномъ тропарь, и 40 «Господи помилуй или 100, ектеней же не глаголетъ, но «Честнѣйшую» и «Слава и нынѣ», «Господи помилуй» 3, да молитвою и кончатъ». Въ этихъ наставленіяхъ видны извѣстныя ограниченія, такъ сказать, богослужебной компетенціи простецовъ, однако въ этомъ же «Посланіи» мы встрѣчаемъ не совсѣмъ ясно выраженное правило, которое можно толковать въ смыслѣ крайняго расширенія этой компетенціи, какъ разрѣшеніе простецамъ совершать таинство причащенія: «Мощно иноку просцу и простолудию истиннымъ таинствомъ причащатися; есть Григорія Богослова правила о семъ, повелѣваетъ въ нужду причащати себя». Эти слова, встрѣчающіяся вслѣдъ за наставленіемъ о принятіи «новопоставленныхъ поповъ», могутъ объясняться, какъ указаніе способа обходиться

⁹⁸) См. выше, въ л. V.

безъ поповъ; а если можно причащаться самому, то отсюда не особенно затруднителенъ переходъ къ причащенію другихъ, который и дѣлается Аввакумомъ по отношенію къ младенцамъ въ «Книгѣ всеѣмъ горемыкамъ миленькимъ», гдѣ, какъ увидимъ, дается уже обстоятельное описаніе порядка причащенія безъ священника.

Наставленіе о принятіи новопоставленныхъ поповъ выражается тоже нѣсколько подробнѣе, чѣмъ это было раньше, какъ мы указывали при рассмотрѣніи сочиненія, озаглавленнаго «Аввакума отца разсужденіе»; въ настоящемъ посланіи Аввакумъ обстоятельно перечисляетъ тѣ требы, къ которымъ допускается «новичкъ» («да глаголетъ «Благословенъ Богъ» и возгласъ: «Яко твое есть царство», и служить вечерню, и утреню, и часы, и молитвы роженицамъ говорить и крестить»), относительно же совершенія литургіи ставитъ болѣе строгое условіе: въ «Разсужденіи» считается достаточнымъ, если «новичкъ оплатитъ себя стонавши, проклявши еретическое дѣйство, здѣсь же онъ получаетъ право «литорисать» только въ томъ случаѣ, если онъ «постраждетъ отъ мучителей и кровь свою изліетъ за старое благочестіе».

Вопросъ о причащеніи становился въ это время очень сложнымъ, такъ какъ нѣкоторые старолюбцы «отлучали себя отъ причастія», какъ передаетъ Аввакумъ, подъ тѣмъ предлогомъ, «яко не обрящещи святыхъ тайнъ». Такихъ крайнихъ представителей своей партіи Аввакумъ «не похваляетъ» и обращается къ нимъ съ такимъ увѣщаніемъ: «только то и людей святыхъ, что будто одни мы, а то все погубли! Миленькіе батюшки, добро ревность по Богѣ, да знать ей мѣра. Не блюдишь, до конца не упразднить жертвы той и самъ антихристъ; самъ бо рече Владыка: Азь есмь съ вами до скончанія вѣка».

Здѣсь Аввакуму естественно пришлось коснуться и вопроса объ антихристѣ, но какихъ-либо новыхъ мыслей онъ по этому поводу не высказываетъ, повторяетъ то же, что говоритъ въ «Толкованіяхъ на псалмы», т. е. отвергаетъ мнѣніе, будто антихристъ явился въ лицѣ патріарха Никона, мнѣніе, поддерживаемое тѣми людьми, «которые, въ зодійствѣмъ кружѣ увязше, по книгамъ смотрять, и дни и седмицы раздѣляюще, толкуютъ». Опять Аввакумъ, какъ и въ «Толкованіяхъ», ссылается на свое личное знакомство съ Никономъ, отецъ котораго былъ «череми-

синь, а мати русалка» (вѣроятно, въ рукописи это слово явилось въ замѣну слова «русачка»), послѣ Желтоводской обители, постепенно возвышаясь, Никонъ «попалъ къ чертямъ въ атаманы, а нынѣ, яко киноцъ волхвуй, уже пропадетъ скоро и память его съ шумомъ погибнетъ». Вообще приходъ антихриста еще не наступилъ, такъ что въ этомъ отношеніи Аввакумъ довольно послѣдовательно держится того же взгляда, который высказывается имъ въ другихъ его сочиненіяхъ.

Возникалъ между старолюбцами также споръ и о молитвѣ за царя, но Аввакумъ отзывается объ этомъ спорѣ, какъ о «суетномъ словопреніи», и наставляетъ, что, молясь за царя, не слѣдуетъ его называть благовѣрнымъ, «потомъ же и о обращеніи ихъ на просвиромисаніи и вездѣ, а буде совѣстію угнѣтаемъ, не можешъ на имя царя и патріарха просвиры выняти, понеже отекли отъ тѣлеси церкви, и ты о благовѣрныхъ князѣхъ вынимаи и о священствѣ безъимянно».

Важной подробностью «Посланія къ нѣкому Іонѣ» является похвала тѣмъ, которые себя сжигаютъ и «испоста умираютъ», — послѣднее указываетъ на новый способъ самоистребленія.

Близко по содержанию къ разсмотрѣнному сочиненію и «Посланіе къ неизвѣстному» («ко иному»), изданное нами по списку Имп. Публичной Библиотеки, О. XVII, № 37⁹⁹). Какъ видно изъ нашихъ подстрочныхъ примѣчаній къ этому тексту, онъ сплошь почти состоитъ изъ отрывковъ разныхъ Аввакумовыхъ сочиненій, такъ что весьма возможно, что былъ составленъ уже не самимъ Аввакумомъ, а какимъ-либо изъ его учениковъ. Любопытными здѣсь являются только нѣкоторыя дополненія къ тому, что говорится въ «Посланіи къ Іонѣ» о людяхъ, отлучающихся отъ причастія: изъ этихъ дополненій видно, что отрицаніе таинства причащенія было связано съ отрицаніемъ священства, такъ какъ «взята благодать», и съ ученіемъ о приходѣ антихриста. Интересенъ также и рассказъ о чудѣ съ просвирой, являющійся здѣсь въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ въ «Посланіи къ Маремьянѣ Федоровнѣ», но этотъ рассказъ вмѣстѣ съ другими его версіями мы разсмотримъ, когда будемъ говорить объ этомъ послѣднемъ посланіи.

«Посланіе къ неизвѣстному», издаваемое нами по списку

⁹⁹) Приложенія, № 4.

Черниговской духовной семинаріи, № 134 (Приложенія, № 13), является краткимъ обличеніемъ вообще всѣхъ никоніянскихъ новшествъ, особенно измѣненія именъ святыхъ и нѣкоторыхъ словъ въ молитвахъ, напр. «вѣковъ», вмѣсто «вѣкомъ», такъ какъ «малое слово великую ересь содѣваетъ». За извращеніе вѣры русскую землю постигли всякія наказанія, начиная съ морового повѣтрія; наказаній было такъ много, что «иныхъ пагубъ нѣсть времени исчести уму моему». Никонъ опять сравнивается съ Формосомъ за введеніе троеперстія, а про повинующихся его распоряженіямъ Аввакумъ говоритъ, что ими онъ (т. е. Никонъ) «обладаетъ яко кабальными: что они велеть, то и творять: «такъ де намъ государи патрархи указали, на нихъ де Богъ положилъ». Указавъ, что всѣ прежніе обряды были установлены въ церкви святыми, Аввакумъ по обыкновенію яростно нападаетъ на православныхъ іерарховъ. «Али ты чаешь, спрашиваетъ онъ, потому святы нынѣшнія законоположники власти, что брюха-те у нихъ толсты, что у коровъ: да о небесныхъ тайнахъ не смыслятъ, понеже живутъ по-скотски и ко всякому беззаконію поласки. Или на то глядишь, что они въздыхаютъ? Не гляди на вздохи-те ихъ! Воздыхаетъ чернецъ, что долго во власти не поставятъ, а какъ докупится великія степени, вотъ ужжо и въздыхать перестанетъ, а буде и въздохнетъ, а инъ ласкосердъствуетъ, лститъ мира, показуя себе свята, а внутрь дѣволь. Павелъ Крутицкій да Иларіонъ Резанскій горазды были сему руководѣлю, да и всѣ однако власти-те кромѣ избранныхъ, де лихо су избраннымъ тѣмъ и тѣсно бываетъ отъ нихъ».

Очень подходитъ по нападкамъ на православную іерархію къ этому послѣднему сочиненію статья «О внѣшней мудрости», изданная г. Субботинимъ по рукописи библиотеки Хлудова № 257, съ вариантами по рукописямъ той же библиотеки № 273 и библиотеки Е. В. Барсова, и во всѣхъ этихъ спискахъ не имѣющая заглавія. Она является толкованіемъ текста: «Погиблю премудрость премудрыхъ и разума разумныхъ отвергуся...» и, какъ почти всѣ толкованія Аввакума, должна быть признана памфлетомъ на современные ему церковные порядки. Внѣшняя мудрость есть наука «алманашниковъ и звѣздохетцевъ и всѣхъ зодѣйщиковъ», которые «осуетишася своими умышленными уподоблятися Богу своею мудростію начинающе, якоже первый бля-

дивый Невродъ, и по немъ Зевесъ прелагатай, блудодѣй, и Ермисъ пѣяница, и Артемида любодѣица, о нихже Гранографъ и всѣ кронники свидѣтельствуютъ, также по нихъ бывше Платонъ и Пифагоръ, Аристотель и Діогенъ, Иппократъ и Галинъ; вси сіи мудри быша и во адъ угодиша. Достигоша съ сатануо разумомъ своимъ небесныхъ твердей и звѣздное теченіе поразумѣвше, и оттолѣ пошествіе и движеніе смотряку небеснаго круга, гадающе къ людской жизни вѣка сего настоящаго,—или тщету, или гобзованіе, — и тою мудростію своею уподобляхуся Богу, мнящесе вся знати. «Плаголютъ: мы разумѣмъ небесная и земная, и кто намъ подобенъ! И взимахуся, блядины дѣти, выше облакъ,—слово въ слово яко и сатана древле». Спасеніе для людей заключается не въ этой еллинской внѣшней мудрости, но въ христіанскомъ смиреніи, такъ какъ память Платона и Пифагора погибла съ шумомъ, а самихъ ихъ, «яко свиней, вни съѣли». Современные зодійщики уподобляются древнимъ. «Токмо насыщатися и упиватися и бабѣ блудить ваше дѣло», говоритъ, обращаясь къ нимъ, Аввакумъ,—«прости, не судя глаголю, къ слову прилучилося. Не ваше то дѣло, но бѣсовское наученіе. Плакати о васъ подобаетъ, а не ругати: понеже плоть отъ плоти нашея, и кость отъ костей нашихъ, тѣла нашего и уди отчасти».

Послѣ этого обширнаго вступленія Аввакумъ обращается къ разнымъ новшествамъ никоніанскимъ и особенно нападаетъ на новое иконописаніе. «Воззри на святыя иконы и виждь угодившія Богу, како добрыя изуграфы подобіе ихъ описуютъ: лице и руки и нозѣ и вся чувства тончава и измождала отъ поста, и труда, и всякія имъ находящія скорби. А вы нынѣ подобіе ихъ перемѣнили, пишете таковыхъ же, яковы сами: толстобрюхихъ, толсторожихъ, и ноги и руки яко стулцы у кажнаго святаго. Спаси Богъ вамъ! Выправили вы у нихъ морщины-тѣ у бѣдныхъ: сами они въ животѣ своемъ не догадалися такъ сдѣлать, какъ вы ихъ учинили!» Укоряя своихъ противниковъ въ томъ, что они кичатся своей внѣшней мудростію, Аввакумъ обвиняетъ ихъ въ презрѣніи къ русскимъ святымъ и приводитъ, какъ мы раньше указывали, въ вольной передачѣ тотъ отвѣтъ, который данъ былъ ему на соборѣ 1666—1667 г. г. на его защиту старыхъ обрядовъ. Напоминая этотъ эпизодъ, онъ уже прямо выражается, что его «стали бить», хотя въ рассказѣ «Жи-

тія» онъ говоритъ только, что его собирались бить. Никоніянъ онъ называетъ «другими нѣмцами русскими» за измѣненіе «церковныхъ уставовъ и поступковъ», отъ котораго «горько милымъ христіанамъ». Это горькое положеніе представляется Аввакумомъ въ слѣдующемъ трогательномъ образѣ: «Онъ, бѣдной (т. е. христіанинъ), мается шесть-ту дней на трудахъ, а въ день воскресной прибѣжить въ церковь помолити Бога и труды своя освятити: ано и послушать нечево—полатынѣ поють, плясавицы скоморошья». Такое печальное искаженіе вѣры, совращеніе въ латинство, конечно, должно возбуждать въ защитникахъ старины готовность къ страданіямъ, а потому статья заканчивается оправданіемъ огненной смерти: «Да еще бы христіанинъ въ огонь не шолъ! Сгорятъ всѣ о Христѣ Ісусѣ, а васъ собакъ не послушаютъ. Да и надобѣ такъ правовѣрнымъ всѣмъ: то наша и вѣчная похвала, что за Христа своего и святыхъ отецъ преданія сгорѣти, да въ будущемъ живи будемъ». Какъ ни ярко восхваляется въ этихъ словахъ огненная смерть, однако въ нихъ нѣтъ прямого одобренія произвольному самосожженію; здѣсь огненная смерть является скорѣе, какъ орудіе дѣйствія никоніянскихъ властей. Этимъ мы не имѣемъ намѣренія утверждать, что Аввакумъ не наставлялъ своихъ послѣдователей самосожженію; мы только хотимъ точно разграничить тѣ слова Аввакума, которыя относятся къ самосожженію, отъ похвалъ огненной смерти, являющейся не въ видѣ произвольно избираемаго средства душевнаго спасенія.

«Сказаніе о дняхъ поста и мясоистія», изданное Н. И. Суботинимъ по списку бібліотеки Е. В. Барсова, гдѣ оно не имѣетъ никакого заглавія, начинается съ наставленія «о субботѣ, како должно есть праздновати по завѣщанію святыхъ Апостоль», и потому, можетъ быть, стоитъ въ нѣкоторой связи съ тѣмъ вопросомъ о постѣ въ субботу, который, какъ мы указывали, поднимался уже раньше среди приверженцевъ Аввакума. Особеннаго интереса литературнаго это сочиненіе не представляетъ, будучи пересказомъ церковныхъ правилъ о постахъ и праздникахъ; любопытными являются только двѣ подробности: 1) прямое выраженіе еретическихъ взглядовъ Аввакума на Христово воскресеніе («Христосъ же *воста* отъ мертвыхъ в третій день и во адъ сниде, изведе оттуду вся святыя отцы; таже явися ученикомъ и по воскресеніи ядѣ съ ними и пія» и т. д.),

а 2) проявленіе мстительности и нетерпимости по отношенію къ никоніянамъ. Картина страшнаго суда при этомъ рисуется такая же, съ какой мы встрѣчались въ истолковательныхъ сочиненіяхъ Аввакума; сказавъ о будущемъ наказаніи еретиковъ, Аввакумъ обращается къ своимъ врагамъ: «Ну-цѣть знайте, знайте себѣ римляне и никоніяне! Христа тово однако вы говорите за нѣкое погрѣшеніе распяли жидове: вотъ вамъ отъ грѣшнова тово указъ, враги, богоубійцы, бѣшеные собаки! Что то вамъ пособить другъ вашъ антихристъ, его же жадаете поуще... А насъ мучите, силою велите антихристу своему вѣровати. Возми—здорово—будетъ по вашему! Нѣтъ, друшки, не надѣйтесь! Жить намъ со своимъ надежею — Христомъ, Сыномъ Божіимъ, и умремъ с нимъ, и паки оживемъ с нимъ; а васъ собакъ всѣхъ намъ подъ начало отдасть. Дайте-тко строкъ, — я вамъ и лутчому тому стушлю на горло о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ».

Послѣднимъ намѣченнымъ нами изъ категоріи обрядово-полемическихъ сочиненій Аввакума является «Книга всѣмъ нашимъ горемыкамъ миленкимъ», изданная г. Субботинимъ по рукописи библиотеки митр. Макарія, № 34, съ вариантами по Хлудовскимъ спискамъ №№ 257 и 273. По формѣ это посланіе является отчасти подражаніемъ апостольскимъ посланіямъ: Аввакумъ именуется себя «рабомъ и посланникомъ Ісусъ Христовымъ» и обращается къ цѣлой «тысяци», къ «чадомъ святыхъ соборныхъ и апостольскія церкви». Изъ этой «тысяци» приводятся имена довольно многихъ лицъ, нѣкоторыя имена извѣстны изъ другихъ сочиненій Аввакума, другія принадлежатъ какимъ-то неизвѣстнымъ лицамъ, составлявшимъ, вѣроятно, тѣсно сплоченную общину. Имена Анны Амосовны, старицы Меланьи, Елены указываютъ на связь этой «тысяци» съ боярыней Морозовой; Маремьяна, вѣроятно, то же лицо, къ которому есть отдѣльное посланіе Аввакума.

Начавъ съ призыва твердо стоять за православную вѣру и поддерживать другъ друга, Аввакумъ даетъ нѣсколько наставленій въ отвѣтъ на недоумѣнія своихъ послѣдователей. Первый вопросъ касался отношенія къ памяти «сожженныхъ братій», слѣдуетъ ли ихъ признавать святыми и поклоняться ихъ иконамъ. Аввакумъ приказываетъ ихъ «почитати», но иконъ «не поставляти, дондеже Богъ коего прославить». Почитаніе выражается въ томъ, что кости сожженныхъ хранятся «въ честнѣ

мѣстѣ», имъ приносится «каженіе и цѣлованіе», при водоосвященіи они полагаются въ воду вмѣстѣ съ крестомъ; указаны и молитвы: «Боже, за молитвъ пострадавшихъ сего и сего спаси насъ, Господи, и ихъ помяни во царствіи небеснѣмъ. Да перекрестяся, Богу лбомъ въ землю. А мощи кадя, глаголи: отче мой, или брате, елико имаши дерзновеніе къ Богу, молися о мнѣ грѣшномъ. Да поцѣловавъ и покади, челомъ ему усердно,— просто. Аще и перекрестяся поцѣлуемъ, не согрѣшимъ. Добро, кого Богъ оправдять, а не мы человекѣи».

Послѣ этого дается наставленіе, какъ совершать таинство причащенія безъ священника; здѣсь мы встрѣчаемся съ подробнымъ описаніемъ безпоповскаго чина причащенія, которому должна предшествовать исповѣдь предъ «искуснымъ простолудиномъ», который лучше «невѣжи попа или еретика». Это наставленіе въ нѣсколько измѣненной формѣ находится и въ «Житіи» Аввакума, гдѣ оно помѣщено послѣ разсказа объ испѣленіи «бѣшеныхъ бабъ» (а въ Казанскомъ спискѣ послѣ разсказа о чудѣ съ просвирой). Приведемъ оба наставленія по текстамъ, изданнымъ Н. И. Субботинимъ:

КНИГА ГОРЕМЫКАМЪ.

Есть въ правилахъ писать, повелѣваетъ исповѣдаться искусному простолудину, нежели невѣжи попу, паче же еретіку. Аще нужда привлечетъ, и причастится бес пона можно святымъ комканіемъ. Аще мужескъ полъ или женескъ, в нынѣшнее настоящее огнепалное время со исповѣданіемъ и съ прощеніемъ другъ ко другу тѣла Христова и крови причащайтесь. Предъ образомъ Владычнимъ возжги свѣщу и на столцѣ устрой платъ, и на немъ поставъ сосудецъ съ виномъ и водою, и вложи часть тѣла Христова, взявше фиміамъ и кадило съ Исусовою молитвою покади образъ, и святая, и домъ весь, и потомъ цѣлуй святыя иконы и крестъ на себѣ носяй, и поклонився на землю глаголи полное прощеніе предъ образомъ Господнимъ. И возставъ глаголи: Владыко Господи Исусе Христе человекѣколюбче, да не во осужденіе ми

ЖИТІЕ.

Въ нашей православной вѣрѣ безъ исповѣди не причащаютъ: въ римской вѣрѣ творять такъ, — не брегуть о исповѣди, а намъ, православіе блюдущимъ, такъ не подобаетъ, но на всяко время покаяніе искати. Аще священника нужды ради не получишь: и ты своему брату искусному возвѣсти согрѣшеніе свое, и Богъ проститъ тя, покаяніе твое видѣвъ, и тогда съ правильномъ причащайся Святыхъ Таинъ. Держи при себѣ запасный агнецъ, аще въ пути, или на промыслу, или всяко прилучится кромѣ церкви, воздохни предъ Владыкою и, по вышереченному, ко брату исповѣдався, съ чистую совѣстію причастися святыни: такъ хорошо будетъ! По постѣ и по правилѣ, предъ образомъ Христовымъ на коробочку постели платокъ, и свѣчку зажги, и въ сосудцѣ водицы маленько, да на ложечку почерни, и часть тѣла Христова съ

будеть причастіе святыхъ ти тайнъ, но во очищеніе и во освященіе души и тѣлу, и во обрѣтеніе будущія жизни и царствія, яко благословенъ еси во вѣки, аминь. Таже и къ намъ прощеніе, изливая свою душу,—и Богъ тебя благословитъ, причастися святаго сокромента. И паки моли о себѣ и о насъ Бога; а мы о вашемъ благоприступаніи елико можемъ. А младенцевъ причащайте истиннымъ запасомъ. И мірянинъ причащай ребенка,—Богъ благословитъ!

молитвою въ воду на ложку положи, и кадиломъ вся покади, поплакавъ, глаголи: Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшники спасти (писано въ чинѣ причащенія). Потомъ падше на землю; предъ образомъ прощеніе проговори, и, возставъ, образы поцѣлуй, и перекрестясь, съ молитвою, причастися, и водицей запей, и паки Богу помолись. Ну, слава Христу! Хотя и умрешъ послѣ того, ино хорошо. (Мат. V, стр. 39).

Въ Казанскомъ спискѣ «Житія» молитва передъ причащеніемъ изложена нѣсколько иначе, а кромѣ того указаны поклоны предъ образами и прощеніе къ брату.

Этотъ чинъ причащенія нужно было установить, чтобы избавить «старолюбцевъ» отъ необходимости обращаться къ никоніанскимъ священникамъ; однако иногда трудно бывало избѣгнуть общенія съ никоніанами, «привлекала нужда», и для такихъ случаевъ Аввакумъ рекомендуетъ рядъ весьма неблаговидныхъ, казуистическихъ приемовъ, при помощи которыхъ наружно могли сохраняться хорошія отношенія съ православнымъ священникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не вредило благочестіе старолюбцевъ: такъ, на исповѣди Аввакумъ совѣтуетъ «сказывать сказки, какъ лисица у крестьянина куры крала» или повалиться на землю и лежать, «ногу вверхъ подымя»; войдя въ церковь, если «нужею затащатъ», не слѣдуетъ «слушать пѣнія», а «воздыхая» надо говорить «молитву Ісусову». Если православный священникъ придетъ «въ домъ твой съ водою, и въ дому бывъ, водою и намочить, и ты послѣ ево вымети метлою, а робятамъ вели по-за печью отъ него спрятатися, а самъ з женою ходи тутъ и виномъ ево пой, а самъ говори: прости, бачко, нечистъ,— з женою спать и не окачивались,—недостойны ко кресту. Онъ кропитъ, а ты рожо-ту в уголь вороти, или в мощну въ тѣ поры полѣзь, да деньги ему добывай; а жена за домашними дѣлами поди, да говори ему, раба Христова: бачко, — какой ты человекъ! Аль по своей попадѣ не разумѣешь?—Не время мнѣ! Да какъ нибудь что собаку отжените его. А хотя и омочить водою-тою: душа бы твоя не хотѣла!» Кромѣ такихъ лицемѣрно-

иезуитскихъ изворотовъ Аввакумъ одобряетъ по отношенію къ никоніанскимъ попамъ и болѣе крутыя мѣры: «А на молебны тѣ хотя и давайте имъ, а молебны-тѣ въ Москву рѣку сажайте. Хотя и поа-то врага Божія въ воду-ту посадишь, и ты не согрѣшиши. Левъ Катанскій въ огонь посадилъ же таково вора». Это наставленіе со ссылкой на примѣръ Льва Катанскаго очень важно, такъ какъ указываетъ на близость Аввакума къ осифлянскому направленію, въ которомъ подобная ссылка была однимъ изъ важнѣйшихъ аргументовъ въ пользу преслѣдованія еретиковъ. Заканчивается рядъ приведенныхъ наставленій іезуитскаго свойства слѣдующимъ характернымъ замѣчаніемъ: «А въ чемъ погрѣшишь: и ты кайся предъ Господемъ Богомъ! Гдѣ же дѣтца? *живыя могилы нѣтъ!*» Послѣднія слова являются очевиднымъ противорѣчіемъ призыву къ самосожженію, которое въ большинствѣ случаевъ одобряется, какъ послѣднее средство спастись отъ насилія.

Послѣ этихъ общихъ наставленій Аввакумъ обращается къ отдѣльнымъ представителямъ «тысящи», Борису, Досиею, Симеону и Маремьянѣ: Борису онъ посылаетъ разрѣшеніе отъ всѣхъ грѣховъ и совѣтуетъ «всегда прощенія говорить»¹⁰⁰⁾; у Досиея Аввакумъ проситъ благословенія, Симеону пишетъ: «Денги твоего привозу всѣ пропали: только три рубли пришло съ пустобородомъ, а то всѣ девяносто рублевъ съѣлъ дьяволъ. Феодосей привезъ къ намъ 11 рублевъ». Изъ этихъ словъ можно видѣть, насколько дѣятельно помогали Аввакуму его послѣдователи; они заботились и о его семьѣ, положеніе которой на Мезени было довольно тяжело: «Онѣ, бѣдныя, требуютъ и ко мнѣ приказываютъ, не вѣдома кой бѣды гладуютъ: живутъ большою неблагодарно». Маремьяна извѣщала протопопа, что отправила ему лѣствицу, и спрашивала наставленія относительно пищи по вторникамъ и четвергамъ, Аввакумъ благодаритъ за лѣствицу, даетъ просимое разрѣшеніе и приказываетъ Маремьянѣ быть въ послушаніи у какой-то дѣвицы Акилины Гавриловны, которую онъ называетъ игуменьей. Такимъ образомъ посланіе принимаетъ чисто личный характеръ и потому оно можетъ быть для

¹⁰⁰⁾ По справедливому замѣчанію проф. Ивановскаго, такіа заочныя прощенія, притомъ грѣховъ неповѣданныхъ, слишкомъ уже далеки отъ таинства исповѣди. Критич. разборъ ученія безпоповцевъ о церкви и таинствахъ, стр. 60.

насъ переходомъ къ слѣдующей группѣ Аввакумовыхъ сочиненій, заключающей въ себѣ такія поученія отдѣльнымъ лицамъ.

Къ этой категоріи относятся всѣ пока нами не разобранныя сочиненія Аввакума, за исключеніемъ его «Житія», но нѣкоторыя изъ нихъ, касающіяся главнымъ образомъ вопроса о самоожженіи и большею частію относящіяся къ послѣднимъ годамъ жизни Аввакума, мы рассмотримъ послѣ «Житія»; въ настоящей же главѣ мы скажемъ только о тѣхъ, которыя имѣютъ болѣе личный характеръ увѣщанія, направлены главнымъ образомъ къ поддержанію бодрости духа въ защитникахъ церковной старины.

Здѣсь прежде всего мы остановимся на четырехъ посланіяхъ¹⁰¹⁾ къ боярынь Морозовой, княгинѣ Урусовой и Маріи Даниловой (первое изъ пяти посланій къ этимъ лицамъ мы рассмотрѣли въ предыдущей главѣ). Отношенія Аввакума къ тремъ своимъ знатымъ ученицамъ отличаются замѣчательной нѣжностью: въ похвалахъ имъ онъ не знаетъ никакихъ границъ и доходитъ до такого же гиперболизма, какой въ противоположномъ направленіи обнаруживается у него по отношенію къ ненавистнымъ ему представителямъ православной церкви. Обращаясь къ боярынямъ и перечисляя ихъ добродѣтели, Аввакумъ говоритъ языкомъ акаѳистовъ и другихъ церковныхъ величаній. «Увы, Θεодосья! увы, Евдокея!—воскликаетъ онъ,—два супруга неразпряженная, двѣ ластовицы сладкоглаголивья, двѣ маслины и два свѣчника предъ Богомъ на земли стояще! Воистинну подобни есте Еноху и Иліи, женскую немощь отложыше, мужескую мудрость воспріавше, діавола побѣдиша, и мучителей посрамиша, вопіюще и глаголюще: приидите тѣлеса наша мечи сѣчите и огнемъ сожгите, мы бо радуяся идемъ къ жениху своему Христу. О, свѣтила великія, солнце и луна Рускія земли, Θεодосія и Евдокія, и чада вапа яко звѣзды сіяющія предъ Господемъ Богомъ! О, двѣ зарі, освѣщающія весь міръ на поднебеснѣй! Воистинну красота есте церкви и сіяніе присносущныя славы Господни по благодати! Вы забрала церковная и стражи дома Господня, возбра-

¹⁰¹⁾ Изданы проф. Субботинымъ по рукописи бібліотеки митр. Макарія. № 34 (Петровъ. Опис. кiev. рукоп. собр., I, № 58), съ вариантами по спискамъ бібл. Хлудова, № 257, и Е. В. Барсова, въ Мат. т. V, стр. 174—195. Раньше издавались неисправно Мельниковымъ и Тихонравовымъ.

няете волкамъ входъ во святая» и т. д. Аввакумъ прямо называетъ своихъ ученицъ святыми, уподобляетъ ихъ Аванасію Александрійскому, Іоанну Златоусту, Василию Великому, Григорію Богослову; величаетъ ихъ «херувимами многоочитыми, серафимами шестокрилными, воинствомъ небесныхъ силъ», доходитъ до примѣненія къ Морозовой эпитета «блаженной и треблаженной въ женахъ», а ко всѣмъ тремъ обращается, какъ къ «тричисленной единицѣ трисоставнаго Божества», наконецъ сравниваетъ Морозову съ Христомъ: «Какъ такъ, государыни, изволили съ такія высокія степени ступить и въ безчестіе вринутися? Воистину подобни Сыну Божію: отъ небесъ ступилъ, въ нищету нашу облеченъ и волею пострадалъ. Томужь и здѣсь прилично о васъ мнѣ разсудить».

Согласно съ этимъ тономъ величаній изображается и прошлая жизнь боярыни, и ея страданія. «Вѣмъ, другъ мой милой Феодосья Прокопьевна,—жена ты была боярская, Глѣба Ивановича Морозова, вдова честная, вверху чина царева, близъ царицы. Дома твоего тебѣ служащихъ было человекъ съ триста, у тебя жъ было крестьянъ 8000, имѣнія въ дому твоёмъ на 200,000, или на полтретьи. У тебя же былъ всему сему наслѣдникъ сынъ, Иванъ Глѣбовичъ Морозовъ. Друговъ и сродниковъ въ Москвѣ множество много. Ъздила къ нимъ на колесницѣ, еже есть въ коретѣ драгой, и устроенной мусією и серебромъ, и аргамаки многи, 6 или 12, з гремячими цѣпями. За тобою же слугъ, рабовъ и рабынь, грядущихъ 100, или 200, а иногда человекъ и триста оберегали честь твою и здоровье. Предъ ними же лѣпота лица твоего сіяла, яко древле во Израили святыя вдовы Іюдифы, побѣдившія навходоносорова князя Алоферна. И знаменита была въ Москвѣ предъ человекъ, яко древняя Деввора во Израили, Есфирь жена царя Артоксеркса». Въ такомъ же риторическомъ стилѣ передаетъ Аввакумъ и о благотворительности Морозовой, о ея аскетическихъ подвигахъ еще въ то время, когда она была богата и пользовалась почетомъ при дворѣ, и о ея мужественномъ стояніи за правое старое перстосложеніе: «Напослѣдокъ же сына своего Ивана въ жертву принесе, еже есть скончался скоро отрокъ отъ великія печали, егда отступники съ тобою разлучили. Ты же нимало отъ подвига уклонися, ни усумнѣся, но и паче простирашеся ко обличенію враговъ креста Христова

и раззорителей догматовъ святаго церкви. Они же ты, яко звѣрие дивіи, терзаху на пытки, руцѣ твои и плоть рваху» и т. д.

Однако рядомъ съ этой пышной риторикой въ письмахъ къ Морозовой видно и простое, чисто сердечное отношеніе наставника къ своимъ послѣдовательницамъ; оно замѣтно и въ отдѣльныхъ эпитетахъ, какъ напр. «другъ мой головной», «мати моя», «свѣты мои, сердечныя друзья», и въ такихъ обращеніяхъ, какое мы встрѣчаемъ въ пятомъ посланіи: «Свѣтъ моя! Еще ли ты дышишь? Другъ мой сердечной! Еще ли дышишь, или сожгли тебя, или удавили тебя? Не вѣмъ и не слышу; не вѣдаю—жива, не вѣдаю—скончали!» Послѣ витіевато-цвѣтистыхъ восклицаній по поводу смерти Ивана Морозова, Аввакумъ замѣчаетъ: «Уже ктому не печется о суетной многострастной плоти, и тебѣ неково чотками стегать, и не на ково поглядѣть, какъ на лошади поѣдетъ, и по головки неково погладить,—помнишь ли?—какъ бывало? Миленкой мой государь! Впослѣднее увидѣлся съ нимъ, егда причастилъ ево. Да пускай,—Богу надобно такъ! И ты не больно о немъ кручинься: хорошо право Христосъ изволилъ».

Эта живая нота простого отношенія къ своимъ ученицамъ слышится и въ тѣхъ суровыхъ наставленіяхъ, въ тѣхъ выговорахъ, съ которыми Аввакумъ обращается къ нимъ послѣ приведенныхъ изысканныхъ восхваленій. Боярыни жаловались на свое стѣсненное положеніе, присылали протопопу «свое оханье», печалилась и сама Морозова о смерти своего сына, а вмѣстѣ съ тѣмъ она, какъ выражается Аввакумъ, «во снѣ брусилла, говорила суторщину», что протопопъ ее забылъ. Между тѣмъ у Аввакума было и своего оханья много, и вотъ онъ строго поучаетъ свою вѣрную послѣдовательницу: «А что петь о Иванѣ-то болно сокрушаешся? Главы не сохранилъ! Какъ поразсудить-то дѣло твое: ино ужасъ возьметъ. Какъ то надежа — свѣтъ Христосъ изволилъ! То бы по твоему добро, какъ бы на лошадяхъ-те безъ тебя ѣздить сталъ, да бабъ-те воровать?—Привели бы онѣ на вся, ругаяся тебѣ, — и Христа бы отрекся, какъ и онѣ жъ! А то дорогое дѣло—по новому робенка причастили! Великая бѣда, куды! Онѣ и не знаетъ, ни вѣдаетъ въ печалѣхъ в то время, что надъ нимъ кудесили блядины они дѣти, и со всѣмъ умысломъ своимъ у Спаса—свѣта правда будетъ на судѣ. Толко бѣ онѣ ево надежа-свѣтъ не возлюбилъ: и онѣ бы ево в такую

нужную пору не взять къ себѣ. Я благодарю Бога о немъ,— причастилъ я ево помню: довлѣть ему сіе во вѣки вѣковъ: Не ислѣла въ немъ благодать. Я на твое плюсканье не гляжу. Тебѣ бы таки всякъ исповѣдникъ! Охъ, matka Божія,— не по Ѳеодосьину хотѣнью дѣлается! Плач-ко ты о себѣ болши; а о немъ слава Христу и безъ твоихъ возгрей! А што? Горе уже отъ безумія твоего стало мнѣ! Есть о немъ плачущихъ-те. Иной и одинъ вздохнетъ, ино адомъ потрясетъ; хотя бы и впрямь осужденъ былъ: ино выпустятъ. А то за что ево осудить? Въ мукахъ скончался робя. Григорей о Троянѣ о мучители помоллся; ино отдали. Сказалъ же ему Христось: опять де не моли мнѣ о таковыхъ, не стужай; а однако таки отдалъ милостивый Богъ. А Иванъ не мучитель былъ,— самъ покойникъ мучился и свѣта не видалъ вся дни житія своего. Да собаки опоганили при смерти, такъ у матушки и брюхо заболѣло: охти мнѣ,—сына опоганили! во адъ угодилъ! Не угодилъ,—не суетися. Для тебя такъ попущено, чтобъ ты не вознеслась. Блюдися себевозношенія, инока схимница! Дорога ты, что в черницы-те попала, грязь худая? А кто ты,—не Ѳеодосья ли дѣвица преподобно-мученица? Еще не дошла до тое версты! Ну, полно бранится. Прости,—согрѣшилъ. Не кручинься о Иванѣ: такъ и бранить не стану». Особенно строгъ Аввакумъ къ Морозовой потому, что она должна служить примѣромъ своимъ соузницамъ, а между тѣмъ ея слабость приводитъ къ тому, что и онѣ «глядя на нее кручинятся»: княгиня Урусова боится, какъ бы ея дѣти не «свалились въ грѣхи»,—но ее Аввакумъ наставляетъ мягче, чѣмъ Морозову, призывая ее къ упованію на Христа. Съ другой стороны онѣ настойчиво внушаютъ кн. Урусовой и Даниловой, что онѣ должны оказывать повиновеніе боярынь Морозовой: «не пререкуйте вы предъ старицею-тою,—она вѣдь ангельскій чинъ содержитъ, а вы простые бабы,—грѣхъ вамъ предъ нею пререковать». А пререканія, повидимому, происходили изъ-за разныхъ церковныхъ вопросовъ,—по крайней мѣрѣ въ томъ же посланіи Аввакумъ поучаетъ: «А у васъ, свѣты мои, какое догматство между собою? Женской быть одно говори: какъ в старопечатныхъ книгахъ напечатано, такъ я держю и вѣрую, съ тѣмъ и умираю. Да молитву Ісусову грызи, да и все тутъ».

Припоминаетъ Аввакумъ и юродиваго Ѳедора, который пе-

редь смертью жаловался ему на боярыню: «стала-де ты скупа быть, не стала милостыни творить и имъ-де на дорогу ничево не дала, и съ Москвы отъ твоей изгони съѣхалъ, и кое-што сказывалъ. Да уже Богъ васъ проститъ! Нечево старова помянать: меня не слушала, какъ я говорилъ; а послѣ пѣнянешъ мнѣ. Да што на тебя и дивить! У бабы волосы долги, а умъ коротокъ. Ну, прости же меня; а тебя Богъ проститъ во всемъ. Мучтеса за Христа хорошенко, не оглядывайтеса назадъ».

Во всѣхъ этихъ наставленіяхъ ярко выступаетъ задушевный, частный характеръ посланій къ Морозовой, и эта же черта проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда Аввакумъ говоритъ о своихъ личныхъ дѣлахъ. Такъ онъ благодаритъ боярыню за то, что она посылаетъ денегъ его женѣ, и сообщаетъ объ одномъ щекотливаго свойства домашнемъ дѣлѣ: «У меня в домишку дѣвка рабичицо робенка родила. Иныя говорятъ — Прокопей сынъ мой привалятъ; а Прокопей божится и запирается». Весьма характернымъ является слѣдующее замѣчаніе по этому поводу, замѣчаніе, рисующее способность Аввакума снисходить къ человѣческимъ слабостямъ, хотя не слѣдуетъ забывать, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ отношеніемъ отца къ сыну: «Въ лѣтахъ дѣтина, не дивно и ему привалятъ! Да сіе мнѣ скорбно, яко покаянія не могу получить. Въ иную пору совѣсть разсвирѣпѣеть, хощу анаемѣ предать и молить Владыку, да послетъ бѣса и умучить его, яко древле въ Коринфахъ соблудившаго съ мачехою; и паки посужу, какъ бы самому въ напастъ не впасть: аще толко не онъ, такъ горе мнѣ будетъ тогда,—мученика казни предамъ!»

Кромѣ этихъ личныхъ отношеній въ посланіяхъ къ Морозовой встрѣчаются замѣчанія болѣе общаго характера по вопросамъ церковно-обрядовымъ: такъ, въ третьемъ и четвертомъ посланіяхъ Аввакумъ яростно нападаетъ на никоніянъ за нѣкоторыя кажущіяся ему ихъ ереси, за стремленіе измѣнять во что бы то ни стало: «какъ бы нибудь, лише бы не по старому»; во второмъ посланіи онъ упоминаетъ, какъ мы уже говорили, о своей ссорѣ съ діакономъ Ѳеодоромъ.

Такимъ же характеромъ личныхъ отношеній отличается и посланіе Аввакума къ Маремьянѣ Ѳеодоровнѣ, изданное г. Субботинымъ также по списку библиотеки митр. Макарія, № 34, съ вариантами Хлудовскихъ списковъ, №№ 257 и 273, причемъ нигдѣ это сочиненіе заглавія не имѣетъ; также безъ заглавія

имѣется оно въ рукописи Имп. Публичной Библіотеки Q. I № 1075, почти ничѣмъ не отличающейся отъ печатнаго текста.

Въ посланіи этомъ Аввакумъ благодаритъ Маремьяну (которая, судя по упоминанію объ Аннѣ Амосовнѣ, имѣла какую-нибудь связь съ боярыней Морозовой) за то, что она помогаетъ протопопцѣ съ дѣтьми, проситъ сообщить свѣдѣнія о «братіи» и посылаетъ черезъ нее благословеніе Дмитрію, Козмѣ, Стефану и др. Послѣ призыва терпѣть за вѣру, желая доказать гнусность нынѣшняго гнѣнія, Аввакумъ передаетъ о томъ, какъ онъ подвергся нападенію бѣсовъ за просвиру, принятую отъ новопоставленнаго священника. Разсказъ объ этомъ чудѣ мы находимъ, кромѣ настоящаго посланія, въ Казанскомъ спискѣ «Житія» Аввакума, въ издаваемомъ нами, по списку библіотеки В. Г. Дружинина, «Словѣ святаго отца Аввакума о никоніянскомъ ереси» и въ «Посланіи ко иному». Въ послѣдней версіи разсказъ наиболѣе сжатъ, хотя есть подробность, отсутствующая въ другихъ вариантахъ: приведено имя попа Дмитрія, принесшаго просвиру. Изъ трехъ остальныхъ вариантовъ нѣсколько болѣе подробностей заключаетъ въ себѣ Дружининскій, представляющійся амплификаціей Казанскаго такъ же, какъ послѣдній есть распространеніе разсказа, включеннаго въ «Посланіе къ Маремьянѣ Ѳеодоровнѣ». Во всѣхъ трехъ вариантахъ одинаково говорится, что, получивъ просвиру, Аввакумъ положилъ ее въ уголку (или «на мѣстѣ») и, покадивъ, легъ спать; послѣ этого явились бѣсы, и одинъ изъ нихъ («цербать и чермень», по Казанскому и Дружининскому вар.) завернулъ ему голову; при этомъ, по списку «Посланія», бѣсъ сказалъ: «сѣмъ-ко ты сюды», по «Житію»: «семъ-ко ты сюды, попалъ ты въ мои руки»; въ Дружининскомъ же вариантѣ сообщается о разговорѣ бѣсовъ: «бѣсъ говоритъ: попалъ ты намъ въ руки. А другой говоритъ: не болно же. И той паки отвѣща: знаю, не указывай». Далѣе разница между тремя разсказами выражается только въ отдѣльныхъ словахъ, причемъ по языку проще всего текстъ «Посланія», какъ это, на примѣръ, видно изъ слѣдующаго сопоставленія:

Посланіе.

З доски сваяся на полъ, предъ образомъ, немощенъ плачючи Никона проклять и ересь ево. И паки в той часъ здравъ бысть. Видишь

Житіе.

С доски сваяся на полъ, моля Бога и каясь о своемъ безуміи, проклять отступника Никона с никоніяны и книги ихъ еретическія, и

ли, Маремьяна, какъ бы съѣлъ про-
свиру-ту, такъ бы что Исакія Печер-
скаго затомили.

жертвы ихъ, и всю службу ихъ, и
благодать Божія паки приде на мя,
и здравъ бысть. Видждь, человекѣ,
каково лѣшко бѣсовское дѣйство хри-
стіаномъ! А егда бы съѣтъ просвиру-
ту, такъ бы меня, чаю, и задавили
бѣси.

Заключительнаго нравоученія («виждь» или «видишь») въ Дружининскомъ спискѣ нѣтъ, и изложеніе болѣе подходитъ къ варианту «Житія». Сравнительная простота рассказа въ «Посланиі», на нашъ взглядъ, можетъ быть основаніемъ, чтобы признать его первоначальнымъ по отношенію къ двумъ другимъ текстамъ.

Можетъ быть, къ той же группѣ послѣдователей Аввакума, къ которой принадлежала Маремьяна, слѣдуетъ отнести и неизвѣстнаго, по другимъ источникамъ Алексѣя Копытовскаго, хотя основаніе для такого предположенія заключается единственно въ упоминаніи какого-то Максима какъ въ «Посланиі къ Маремьянѣ», такъ и въ «Посланиі къ Алексѣю Копытовскому», изданномъ г. Субботинымъ (Мат. VIII, стр. 98—100) по рукописи Хлудовской библіотеки № 149 (по прибавл. къ каталогу). Этотъ ученикъ Аввакума обратился къ нему съ утѣшительнымъ посланіемъ и спрашивалъ, вѣроятно, какъ слѣдуетъ относиться къ какому-то Лукьяну: за утѣшеніе Аввакумъ благодарить, а Лукьяна за что-то называетъ «треглавымъ змѣемъ», «собакой, дурой», лишаетъ его благословенія, Алексѣю же приказываетъ «побить его палкой». Въ заключеніе Аввакумъ даритъ Алексѣю свои четки.

Немного содержательнѣе предыдущаго «Посланіе къ отцамъ въ Поморье», напечатанное по той же рукописи въ Мат. VIII стр. 88—89. Изъ поморскихъ отцевъ называются здѣсь Савватій, Евфимій, Тимофей и Авксентій. Послѣ риторическаго обращенія къ этимъ отцамъ, обращенія, по стилю подходящаго къ витіеватымъ фразамъ посланій къ Морозовой, Аввакумъ просить ихъ молитвъ, которыя помогутъ ему въ борьбѣ съ еретиками: «Аще Богъ по насъ, кто на ны?—говорить онъ, измѣняя тонъ,— Со Христомъ и большому-тому волку, хохлатой-той собакѣ, глазъ вырву, нежели щенятамъ. Молитесь толко вы о насъ крѣпко и неослабно, Господа ради, отцы святін. Мнѣ вѣть неколи плакать: всегда играю съ человекѣ, таже со страсти и похотми бьюся окаянный». Просить Аввакумъ поморскихъ отцевъ молиться и

о своей женѣ и дѣтяхъ, просить писать и прислать «какой-нибудь гостинецъ: или лошку, или ставецъ, или ино што». «Али и у самихъ, спрашиваетъ Аввакумъ, нѣтъ ничего, бѣдные батюшки мои? Ну, терпите Христа ради! Ладно такъ. Я вѣтъ богатъ: рыбы и молока много у меня».

Тѣмъ же личнымъ характеромъ отличается «Посланіе къ нѣкому Аѳанасію», печатаемое въ «Приложеніяхъ», № 9. Кто этотъ Аѳанасій, также неизвѣстно; неизвѣстенъ и какой-то бояринъ Борисъ Аѳанасьевичъ, упоминаемый въ посланіи. Любопытно сѣтованіе Аввакума на слабость бояръ, измѣняющихъ старой вѣрѣ: «Чему бытъ! Не хотятъ отстать отъ Антиоха тово египетскаго; рафленые куры да крѣпкіе меды какъ покинуть?» Приступъ къ посланію: «Аѳанасій, не умеръ ли ты?» напоминаетъ подобныя обращенія въ посланіи къ Маремьянѣ Ѳедоровнѣ и пятомъ посланіи къ Морозовой.

Наконецъ, къ этой же категоріи личныхъ утѣшительныхъ сочиненій надо отнести два посланія къ неизвѣстнымъ (Приложенія, №№ 7 и 8), которыхъ Аввакумъ убѣждаетъ твердо стоять за вѣру и не бояться смерти. Стилъ посланій не отличается обычной яркостью, тѣмъ болѣе, что при краткомъ объемѣ они заключаютъ много выписокъ изъ Св. Писанія.

Къ этому обзору послѣдней категоріи посланій Аввакума¹⁰²⁾ считаемъ не лишнимъ добавить, что, поучая свою паству, Аввакумъ принимаетъ большею частью тонъ «раба и посланника Ісуса Христа», т. е. даетъ наставленія, какъ власть имущій, хотя иногда впадаетъ въ тонъ самоуничиженія, говоритъ о своихъ грѣхахъ.

¹⁰²⁾ Къ этому же разряду личныхъ увѣщаній, не имѣющихъ характера обрядово-догматическаго, слѣдуетъ отнести и посланіе Аввакума и «горемыкамъ миленькимъ на Соловахъ» (изданное миссіонеромъ Ст. Луванинымъ въ Русскомъ Трудѣ 1899 г. № 18). По характеру изложенія посланіе можетъ быть признано Аввакумовскимъ, хотя могутъ возбуждаться нѣкоторыя сомнѣнія тѣмъ обстоятельствомъ, что многія отдѣльныя мѣста этого посланія встрѣчаются въ другихъ сочиненіяхъ Аввакума. Вполнѣ оригинальныя, яркія выраженія (напр. обращеніе къ арх. Никанору, призывъ къ страданіямъ: «Сожгутъ одного изъ насъ, что золы-то выйдеть?» и т. д.) склоняютъ въ пользу признанія подлинности посланія; однако трудно дѣлать какія-нибудь опредѣленные заключенія, такъ какъ издатель, къ сожалѣнію, не сообщилъ никакихъ свѣдѣній о рукописи, изъ которой онъ извлекъ настоящій любопытный памятникъ.

Разсмотрѣніе какъ полемическихъ, такъ и лично-утѣшительныхъ произведеній Аввакума даетъ возможность опредѣлить слѣдующія ихъ особенности:

1) Доказательства правоты старыхъ обрядовъ приводятся Аввакумомъ далеко не обстоятельно, причемъ черпаются даже изъ источниковъ совсѣмъ не авторитетныхъ.

2) Сила полемики заключается не столько въ доказательствахъ, сколько въ образныхъ представленіяхъ и реальномъ стилѣ.

3) Стилъ посланій и полемическихъ сочиненій, отличаясь реализмомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ самимъ Аввакумомъ подгонялся къ извѣстнымъ риторическимъ формамъ, и въ этихъ случаяхъ являлось преобладаніе славянизмовъ надъ русскими оборотами рѣчи.

4) Нѣкоторыя сочиненія подверглись позднѣйшей переработкѣ, такъ что подлинный текстъ ихъ намъ неизвѣстенъ.

5) Отношеніе къ противникамъ отличается большею частью нетерпимостью, которая однако не вездѣ выдержана.

6) Ученіе объ антихристѣ довольно опредѣленно выражено въ томъ смыслѣ, что антихристъ еще не пришелъ, но близокъ, и есть его предтечи.

7) Изъ практическихъ наставленій Аввакума наиболѣе важными представляются тѣ, которыми опредѣлялись подробности безпоповской теоріи.

ГЛАВА VII.

«Житіе» протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное.—Посланія къ Симеону, Борису, Исидору и др.—Смерть Аввакума и его союзниковъ.

Среди сочиненій Аввакума самымъ важнымъ какъ по объему, такъ и по содержанію является его автобіографія. Она была, какъ мы указываемъ въ предисловіи, прежде всего издана Н. С. Тихонравовымъ по списку неисправному, причемъ издатель не указалъ, какого времени списокъ и какими внѣшними особенностями онъ отличается, такъ что изданіемъ Тихонравова приходилось пользоваться, какъ первоисточникомъ, до выхода въ свѣтъ V тома «Матеріаловъ» Н. И. Субботина. Здѣсь «Житіе» напечатано по списку Хлудовской бібліотеки № 258, варианты же приведены по спискамъ той же бібліотеки № 257 и 353 и по изданію Тихонравова. Важныя отличія представляетъ къ напечатаннымъ ранѣе текстамъ списокъ Казанской духовной академіи, подробно описанный нами въ «Христ. Чтеніи», 1888 г. № 9—10, и теперь печатаемый въ полномъ составѣ въ «Приложеніяхъ».

Отличія этого списка замѣчаются уже въ самомъ началѣ: къ нему есть предисловіе, отсутствующее въ другихъ спискахъ, но по своему содержанію имѣющее тѣсную связь съ «Житіемъ» и заключающее въ себѣ любопытную фактическую подробность. Въ другихъ спискахъ «Житіе» начинается какъ-то ex abrupto: «Аввакумъ протопопъ понужень бысть житіе свое написати инокомъ Епифаніемъ,—понеже отецъ ему духовный инокъ,—да не забвенію предано будетъ дѣло Божіе. И сего ради понужень бысть отцемъ духовнымъ на славу Христу Богу нашему, аминь». Этому приступу въ третьемъ лицѣ вполне соответствуетъ въ

Казанскомъ списокѣ аналогичная фраза, тоже въ третьемъ лицѣ, причемъ Аввакумъ называется «многострадальнымъ протопопомъ, темничнымъ горемыкой и нужетерпцемъ, исповѣдникомъ Христо-вымъ, священнопротопопомъ»; но этой фразѣ предшествуетъ небольшое вступленіе въ первомъ лицѣ, что «Житіе» писано, по благословенію Епифанія, собственноручно протопопомъ, который проситъ не заирать его «просторѣчю», такъ какъ онъ любитъ «свой русской природной языкъ и виршами философскими не обыкъ рѣчи красить»; вслѣдъ за этими словами идетъ, несомнѣнно по стилю принадлежащее Аввакуму, замѣчаніе: «Вотъ что много разсуждать; не латинскимъ языкомъ, ни греческимъ, ни еврейскимъ, ниже инымъ коимъ ищетъ отъ насъ говоры Господь, но любви съ прочими добродѣтелями хочеть; того ради я и не брегу о краснорѣчии, и не унижаю своего языка русскаго». Это замѣчаніе имѣетъ близкую связь съ «поученіемъ Аввы Дорофея о любви», отсутствующимъ въ другихъ спискахъ и являющимся поясненіемъ къ тому рисунку, который приложенъ къ Казанскому списку, и судя по изображеніямъ, въ немъ заключающимся, его оригиналъ не можетъ быть относимъ ко времени позднѣе конца XVII вѣка.

Послѣ этого поученія въ Казанскомъ списокѣ имѣется посвященіе «Житія» какому-то неизвѣстному лицу, причемъ Аввакумъ благословляетъ этого неизвѣстнаго, его жену Марью Пименовну и всѣхъ его родственниковъ. Это посвященіе интересно потому, что помогаетъ намъ понять, кто тотъ «рабъ Христовъ», къ которому вмѣстѣ съ инокомъ Епифаніемъ обращается Аввакумъ въ «Житіи» послѣ разсказа о спасеніи «замотая» (Старецъ да и рабъ Христовъ. Простите же меня, что я лгалъ тогда» и т. д.). Этотъ рабъ Христовъ является и послѣ разсказа о бѣшеномъ Федорѣ.

Весьма важно и хронологическое указаніе въ этомъ предисловіи Казанскаго списка: «Вотъ вамъ, питомникамъ церковнымъ, предлагаю житіе свое отъ юности и до лѣтъ пятьдесятъ пяти годовъ»; этому указанію соотвѣтствуетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи другое, тоже встрѣчающееся только въ Казанскомъ списокѣ: «а отъ роду на шестой десятокъ идетъ».

Какъ мы сказали, Казанскій списокъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя фактическія подробности, не встрѣчающіяся въ другихъ спискахъ: такъ, послѣ разсказа объ изгнаніи изъ Лопатицъ,

Аввакумъ сообщаетъ, что его провожали многіе прихожане (Прилож. стр. 78). Говоря о призваніи Никона на патріаршество, Аввакумъ замѣчаетъ: «царь его на патріаршество зоветъ, онъ быто не хочетъ, мрачилъ царя и людей, а со Анною по ночамъ укладывають, какъ чему быть, и много тружався взошелъ на патріаршество Божиимъ попущеніемъ»,—вѣроятно, здѣсь подразумѣвается особенно ненавистная Аввакуму сторонница Никоновыхъ исправленій Анна Ртищева. Упомянувъ о своей жизни въ Москвѣ при Нероновѣ, Аввакумъ передаетъ, что «поговорилъ о братіяхъ родныхъ духовнику, и онъ ихъ вверху у царевны, а инова при себѣ жить устроилъ попомъ въ церкви», — это извѣстіе касается, конечно, тѣхъ братьевъ Аввакума, которые умерли во время мороваго повѣтрія. Протопопъ Даніилъ Темниковскій называется Никольскимъ («другова тамъ, Никольскаго»). Въ разсказѣ о первомъ своемъ арестѣ Аввакумъ добавляетъ эпизодъ объ исцѣленіи бѣсноватаго «брата подначальнаго изъ Хамовниковъ». Приведя пророчество Неронова о бѣдствіяхъ, грозящихъ русской землѣ, Аввакумъ прибавляетъ: «а опослѣ и самъ милой принужденъ тремя персты креститца», и затѣмъ распространяется о дѣйствіяхъ антихристова духа.

Въ повѣствованіи о Даурской ссылкѣ опущены нѣкоторыя подробности относительно помощи, оказывавшейся семейству Аввакума женой и снохой Пашкова, на зато пространнѣе сказано о походѣ отъ озера Иргеня: вмѣсто предложенія: «одинъ бѣдной горемыка-протопопъ нарту сдѣлалъ и зиму всю волочилъ за волокъ» (Мат. V, стр. 34),—мы находимъ слѣдующій отрывокъ, болѣе рельефно представляющій положеніе: «Одинъ бѣдной протопопъ здѣлалъ нарту и зиму всю за волокъ бродилъ. У людей собаки въ подпяркахъ, а у меня не было; инова лишо двухъ сыновъ, маленьки еще были, Иванъ и Прокопей тащили со мною, что кобели, за волокъ нарту. Волокъ—верстъ за сто—насилу бѣдные и перебрели; а протопопица муку и младенца за плечами на себѣ тащила, а дочь Ографена брела, да на нарту и взвалилась, и братья ея по маленьку со мною тащили. И смѣхъ и горе, какъ помянутся дніе оны: робята-тѣ изнемогутъ и на снѣгъ повалятся, а мать по кусочку пряничка имъ даетъ, и они съѣвши опять ляжку потянутъ; и кое-какъ перебились волокъ, да подъ сосною и жить стали, что Авраамъ у дуба мамврійска. Не пустилъ насъ и въ засѣку Пашковъ сперва,

дондеже натѣшился, и мы недѣлю, другую мерзли подъ сосною съ робяты одны, кромѣ людей на бору, и потомъ въ засѣку пустиль и указаль мнѣ мѣсто. Такъ мы съ робята огородились и балаганецъ здѣлавъ, огонь курили, и какъ до воды домаялись,—весною на плотахъ поплыли на низъ по Ингодѣ рѣкѣ». При изображеніи бѣдственнаго положенія отряда Пашкова, является такое дополненіе: «и безъ битья насилу человѣкъ дышетъ, съ весны по одному мѣшку солоду дано на десять человѣкъ на все лѣто, да петь работай, никуды на промысель не ходи; и вербы бѣдной ущипать збродить, и за то палкой по лбу: не ходи, мужикъ, умри на работѣ. Шестьсотъ человѣкъ было, всѣхъ такъ то перестроилъ». Говоря о концѣ своихъ странствованій съ Пашковымъ, Аввакумъ приводитъ причину, почему онъ не поѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ воеводой: «а се и самъ я убоился съ нимъ плыть на поѣздѣ; говорилъ—здѣсь де земля не взяла, на дороге де вода у меня приберетъ; съ середи моря бы велѣлъ съ судна пехнуть, а сказалъ бы, бытто самъ ввалился».

Разсказъ о возвращеніи изъ Сибири въ Казанскомъ спискѣ заключаетъ менѣе подробностей: опущенъ эпизодъ о спасеніи замотая, опущены и нѣкоторыя вставочныя разсужденія. Повѣствованіе о «Московскомъ бытіи» тоже сокращено, такъ какъ нѣтъ разсказовъ о нѣкоторыхъ чудесахъ, да и фактическія обстоятельства въ печатныхъ изданіяхъ сообщаются полнѣе. Обстоятельства новаго ареста тоже изложены сокращеннѣе, хотя и есть нѣкоторыя черты, отсутствующія въ другихъ спискахъ; такъ, напримѣръ, о привозѣ въ Москву изъ Пафнутаева монастыря передается слѣдующее: «опять къ Москвѣ свезли томнова человѣка, посадя на старую лошадь, приставъ созади—побивай да побивай; иное вверхъ ногами лошадь въ грязи упадетъ, а я черезъ голову, и днемъ однимъ перемчали девяносто верстъ, еле живъ дотащился до Москвы». Послѣ собора сообщается о присылкѣ Дементія Башмакова на Угрюшу, о приѣздѣ туда царя Алексѣя Михайловича. О Ѳедорѣ юродивомъ говорится, что его отецъ богатый «мытоимецъ» изъ Новгорода. Интересны подробности объ увѣщаніяхъ послѣ собора 1667 года.

Всѣ эти фактическія отличія въ Казанскомъ текстѣ такого рода, что ихъ нельзя считать позднѣйшими дополненіями, не принадлежащими самому Аввакуму, а потому намъ представляется вѣроятнымъ предположить, что Казанскій списокъ бли-

зокъ къ первоначальному тексту «Житія», хотя съ другой стороны нѣкоторыя сокращенія, встрѣчающіяся въ немъ, могутъ вести къ предположенію, что измѣненія могли дѣлаться и самимъ Аввакумомъ, такъ что уже при немъ былъ не одинъ списокъ его «Житія»¹⁾.

Кромѣ фактическихъ особенностей Казанскій списокъ отличается и нѣкоторыми дополненіями чудесныхъ разсказовъ, присоединенными въ концѣ его; однако различіе въ количествѣ чудесъ могло тоже принадлежать самому Аввакуму, оно замѣчается и въ другихъ спискахъ; такъ разсказъ (Мат. I, стр. 108—110) объ исцѣленіи жены Мезенскаго воеводы, Алексѣя Цѣхановичкаго, встрѣчается только въ одномъ спискѣ, хотя по характеру изложенія не возбуждается никакихъ сомнѣній въ его принадлежности Аввакуму.

Отъ этихъ замѣчаній о спискахъ «Житія» перейдемъ къ его разбору. Уже въ самомъ началѣ видно, что оно не есть простая автобіографія, но написано съ тою цѣлью, «да не забвенію будетъ предано дѣло Божіе, и слѣдовательно должно подробно раскрыть и выяснитъ, въ чемъ состояло это дѣло Божіе. Такимъ образомъ автобіографія становится сразу житіемъ святого, характеризующимъ его борьбу съ отступниками, работу во славу Христа. Поэтому-то уже въ предисловіи Аввакумъ обращается къ главному заблужденію никоніанъ, къ опущенію въ Символѣ вѣры слова «истиннаго», причемъ, ссылаясь на Діонисія Ареопажита, старается доказать, что «истинный» есть присносущное имя Божіе, что «истины испаденіе сущаго отверженіе есть, отъ сущаго же Богъ испасти не можетъ, и еже не быти нѣсть». Ссылка на Діонисія Ареопажита сдѣлана довольно точно: пропущено только нѣсколько словъ, не имѣющихъ важнаго значенія²⁾. Отступничество никоніанъ указывается, по мнѣнію Аввакума небесными знаменіями, бывшими въ 1654 г. и 14 лѣтъ

¹⁾ Сохраняя эту формулировку, установленную нами и въ первомъ изданіи нашей книги, мы нисколько не противорѣчимъ заключеніямъ П. С. Смирнова. Принявъ, какъ мы сказали въ предыдущей главѣ, указанную имъ дату написанія «Житія» и признавая вмѣстѣ съ П. С. Смирновымъ древнѣйшимъ—списокъ Хлудовской бібліотеки № 257, мы видимъ въ Казанскомъ спискѣ другую, несомнѣнно Аввакумовскую редакцію «Житія», весьма цѣнную по фактическимъ подробностямъ и близкую по времени къ первой.

²⁾ Срав. Великія Четы-Минеи, октябрь 3, столб. 399, слѣд. 562, 564.

спустя и напоминающими ему знаменіе, явившееся Діонисію Ареопагиту во время крестныхъ страданій Спасителя. Оба эти момента важны въ жизни Аввакума: въ 1653 — 1654 г. началось на него гоненіе Никона, онъ былъ въ Тобольскѣ, и его притѣснялъ Струна, а черезъ 14 лѣтъ его разстригли и прокляли; въ первый разъ Никонъ «казилъ вѣру и законы церковные», во второй разъ то же дѣлали соборы темныхъ властей; оба раза за преступленіями и знаменіями слѣдовали казни Божіи, въ 1654 г.—морь, въ 1667—нестроеніе церковное. Далѣе Аввакумъ говоритъ о сугубой аллилуйи, ссылаясь на Діонисія Ареопагита и на житіе Евфросина Псковскаго, и исповѣдавъ свою вѣру, причемъ останавливается на тѣхъ вопросахъ, которые послужили поводомъ его разногласія съ дьякономъ Ѳеодоромъ, приступаетъ къ разсказу о своей жизни. Весь этотъ большой приступъ совсѣмъ не бессмыслица, какъ полагалъ Александръ Б.³⁾, и въ немъ ясно обнаруживается житійное направленіе автобіографіи.

Житійный характеръ сочиненія сказывается прежде всего въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ чертахъ. Мы замѣчаемъ въ немъ какую-то неопредѣленность мѣста, времени и дѣйствующихъ лицъ: точныхъ хронологическихъ данныхъ почти совсѣмъ нѣтъ, Аввакумъ говоритъ какъ-то смутно: «во ино время», «по малѣ времени», различно показываетъ онъ, сколько времени былъ съ Пашковымъ, то шесть или семь лѣтъ, то десять (Мат. V, стр. 36, 51); мѣсто и лица обозначаются такъ: «переселихся во ино мѣсто», «инъ начальникъ». Такъ какъ жизнь Аввакума представляется имъ какъ дѣло Божіе, то происходятъ частыя уклоненія отъ нити разсказа для защиты этого дѣла Божія и мы часто встрѣчаемся съ фразами «паки на первое возвратимся», «полно о семъ», послѣ которыхъ возобновляется прерванный разсказъ.

Дѣло Божіе подкрѣпляется чудесами, видѣніями и благочестивыми подвигами, о которыхъ должно быть много разсказовъ, но нельзя думать, чтобы Аввакумъ намѣренно выдумывалъ свои чудеса и явленія ему отъ Бога: онъ былъ искренно убѣжденъ, что все было такъ, какъ онъ передаетъ. Чудеса эти можно объяснить вполнѣ естественнымъ образомъ, или какъ факты дѣй-

³⁾ Опис. раск. рукоп. т. I, стр. 10. Также не совсѣмъ правильно мнѣніе Александра Б., что слова Діонисія Ареопагита «безъ сомнѣнія искажены».

ствительные, но получившіе въ глазахъ Аввакума сверхъестественную окраску, или какъ результатъ галлюцинацій, которыя были весьма возможны при его аскетическихъ упражненіяхъ и при постоянномъ нервномъ возбужденіи въ борьбѣ съ врагами, или литературнымъ заимствованіемъ, конечно, косвеннымъ, т. е. скорѣе вліяніемъ житійныхъ образовъ на фантазію, стремившуюся и въ дѣйствительности найти что-либо подобное этимъ образамъ. Замѣчательно, что Аввакумъ простодушно иногда самъ даетъ ключъ къ истолкованію своихъ чудесъ, иногда прямо указываетъ на реальное обстоятельство, ихъ объясняющее, а то даже обнаруживаетъ и литературный источникъ; напр., рассказывая, какъ онъ вылѣчилъ курь у боярыни Пашковой, онъ присовокупляетъ: «еще Козьма и Даміанъ чловѣкомъ и скотомъ благодѣйствовали и цѣлили о Христѣ» (Мат. V, 42). Большая часть чудесъ весьма обыкновенна: напримѣръ, рассказы объ исцѣленіяхъ отъ болѣзней, объ изгнаніи бѣсовъ составляютъ необходимую принадлежность всякаго житія, средство прогонять бѣсовъ и лѣчить болѣзни—крестъ, священное масло—тоже не новое. Весьма многія чудеса заимствованы изъ Дѣяній и посланій апостольскихъ, напр. освобожденіе отъ оковъ, принесеніе пищи ангеломъ; нѣкоторыя чудеса имѣютъ источникъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, напр. чудесная курочка Пашковой, несущая ежедневно по 2 яичка, показывающая неистощимость пищи, можетъ быть приравнена къ чуду пророка Елисея со вдовой пророческаго ученика (II Царствъ, IV, 1—7) и т. д.

Но не столько важно то или другое объясненіе чудесъ, сколько взглядъ на нихъ самого Аввакума, опредѣленіе ихъ внутренняго смысла, насколько они выражаютъ тѣ или иныя возрѣнія Аввакума. Сообщая въ изобиліи о своихъ чудесахъ и ожидая упрека въ нескромности, Аввакумъ оправдывается примѣромъ Павла и Варнавы, которые на соборѣ въ Іерусалимѣ рассказывали передъ всѣми, «елика сотвори Богъ знаменія и чудеса во языцѣхъ съ ними». Надо возвѣщать о чудесахъ не во славу себѣ, а для прославленія Божія. «Пускай рабъ Христовъ веселится чтучи». Никогда не слѣдуетъ забывать, что чудеса творятся силою Божіею: «надо помнить сіе не насъ ради, не намъ, но имени Своему славу Господь даетъ». Ради этого при чудесахъ не слѣдуетъ возноситься гордостью: «Іуда былъ тоже чудотворецъ, но сребролюбія ради ко діаволу попалъ. И самъ діаволь на небѣ былъ,

да высокоумія ради сверженъ бысть. Адамъ былъ въ раю, да сластолюбія ради изгнанъ бысть» (Мат. V, 111). Чудеса творить Богъ и черезъ недостойныхъ: «Древле благодать дѣйствоваше осломъ при Валаамѣ, и при Іулианѣ мученикѣ—рысью, и при Сисиніи—оленемъ; говорили человѣческимъ гласомъ... Чти житіе Ѳедора Едесскаго, тамо обрящещи, и блудница мертваго воскресила» (37). Какъ явное свидѣтельство въ пользу Божія дѣла, рассказы о чудесахъ составляютъ особенность всѣхъ житій раскольническихъ: о своихъ чудесахъ повѣствуютъ и Ѳеодоръ дьяконъ, и инокъ Епифаній, о чудесахъ Неронова много рассказывается въ его біографіи, написанной Ѳеоктистомъ, Златоустовскимъ игуменомъ.

Общій смыслъ всѣхъ чудесъ—проявленіе Божіей справедливости: Богъ стоитъ всегда за правыхъ и не даетъ ихъ въ обиду. Какой-то начальникъ сталъ притѣснять Аввакума, покушался даже на его жизнь, стрѣлялъ изъ пищалей, но «Божіею волею на полкъ порохъ пыхнулъ, а пицаль не стрѣлила», и это повторилось два раза. Когда Еремѣй, сынъ Пашкова, сталъ заступаться за Аввакума, воевода выстрѣлилъ въ сына три раза, но все была осѣчка, онъ кинулъ пистоль, казакъ выстрѣлилъ и осѣчки не было (Мат. V, 47). За обиду праведника Богъ строго караетъ. Начальникъ въ Лопатицахъ, послѣ одного нападенія на Аввакума, вдругъ сильно заболѣлъ, и за помощью пришлось обращаться къ тому же Аввакуму: «Воля Божія» смирила притѣснителя, заставила кланяться угнетенному,—«болше у Христа-тово остра шелепуга-та» (Ibid. 14—15). Доценникъ Пашкова послѣ наказанія Аввакума кнутомъ не могъ тронуться съ мѣста, пока Пашковъ не раскаялся въ своей несправедливости.

Особенно угодна Богу твердость въ вѣрѣ древле-православной: у Ѳедора юродиваго разсыпаются «желѣза», Аввакуму ангелъ приноситъ въ Андроньевомъ монастырѣ пищу. Характеренъ рассказъ, показывающій, что Богъ для того только, чтобы утолить жажду праведника, совершаетъ великія чудеса: «Егда въ Даурахъ я былъ», говоритъ Аввакумъ, «на рыбной промыслъ къ дѣтямъ по льду зимою по озеру бѣжалъ на безлукахъ: тамъ снѣгу не живетъ,—морозы велики живутъ и льды толсты намерзаютъ,—близко человѣка толщины. Пить мнѣ захотѣлось и, гораздо отъ жажды томимъ, итти не могу. Среди озера стало: воды добыть нельзя, озеро версть 8. Сталъ, на небо взирая, го-

ворить: Господи, источивый ис камени въ пустынѣ людемъ воду, жаждущему Израилю, тогда и днесь Ты еси, напои мене ими же вѣси судьбами, Владыко Боже мой! Охъ, горе! не знаю, какъ молвить! Простите Господа ради! Кто есмь азъ? Умерый пещь! Затрещаль ледъ предо мною и разступися чрезъ все озеро сюду и сюду и паки снидесе: гора велика льду стала! И дондеже уряженіе бысть, азъ стахъ на обычномъ мѣстѣ, и на востокъ зря поклонихся дважды или трижды, призывая имя Господне враткими глаголы изъ глубины сердца. Оставилъ мнѣ Богъ пролубку маленьку, и я, падше, насытился. И плачу, и радуюся, благодаря Бога. Потомъ и пролубка сдвинулася, и я, возставъ, поклоняся Господеви, и паки побѣжалъ по лду, куды мнѣ надобе къ дѣтямъ» (Ibid. 112).

Богъ ободряетъ вѣрныхъ своихъ слугъ въ ихъ борьбѣ за благочестіе, Онъ прославляетъ ихъ, черезъ другихъ людей возвѣщаетъ о ихъ правотѣ и о чести, которой они удостоиваются на небесахъ. Аввакумъ неоднократно получалъ чудесныя подтвержденія своей правоты при защитѣ старыхъ обрядовъ. Дочери его Аграфенѣ какой-то «свѣтленекъ» говорилъ въ Дауріи, чтобы онъ не покидалъ «правила», какъ выѣдетъ на Русь. Служанка Аввакума, кумычка Анна (вѣроятно, она и была черница-татарка, о которой упоминалось выше, на стр. 131) заснула на три дня, и во снѣ ей показали ангелы какія-то чудесныя палаты Аввакума. Жена Мезенскаго воеводы, совращенная Аввакумомъ въ расколъ, говорила ему, что ей показано Богомъ, что «худы затѣи новыя и мрачны зѣло», ихъ сторонникамъ «уготовано у Христа» что-то страшное, а его, т. е. Аввакума, «слушаетъ и любитъ Богъ».

Черезъ вѣрныхъ своихъ слугъ Богъ оказываетъ благодѣянія и другимъ людямъ: такъ напримѣръ, Пашкову былъ посланъ урожай, когда онъ послушался совѣтовъ Аввакума.

Награждая за добрыя дѣла, за исповѣданіе правой вѣры, Богъ не терпитъ нарушенія своихъ заповѣдей и караетъ преступниковъ. Но передъ казнью Онъ посылаетъ разныя знаменія, чтобы злые люди образумились; такъ, были знаменія предъ началомъ церковнаго нестроенія; являлись знаменія предъ несчастнымъ походомъ Еремѣя Пашкова за шаманское гаданье: «лошади подъ ними взоржали вдругъ, и коровы тутъ возревѣли, и овцы и козы заблѣяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, за-

выли: ужасъ на всѣхъ напалъ» (Мат. V, 46). Наказанія Божіи бывають весьма различны. Еремѣй Пашковъ за суевѣрное гаданіе потерпѣлъ неудачу въ походѣ, невѣстка Пашкова за обращеніе къ знахарю поплатилась усиленіемъ болѣзни ребенка. Строже всего наказывается нарушеніе церковныхъ правилъ, иногда чисто-мелочныхъ внѣшнихъ предписаній благочестія, за работу въ праздникъ, за лѣнь въ молитвѣ и т. д. За подобныя нарушенія закона насылаются на человѣка бѣсы. Бѣсы насылались на самого Аввакума: разъ за то, что онъ промѣнялъ на лошадь книгу, данную ему Стефаномъ Вонифатьевымъ, въ другой разъ за никоніанскую просвиру. Одинъ бѣшенный былъ наказанъ за то, что соблудилъ съ женою въ праздникъ. Служанка Анна подверглась мукамъ отъ бѣсовъ, влюбившись въ своего прежняго господина.

Такъ какъ всѣ наказанія, въ томъ числѣ и бѣсы, посылаются Богомъ за наши грѣхи, то необходимо покаяніе, которое имѣетъ великую силу, такъ какъ «не сегодня кающихся есть Богъ» (Ibid. 44). Общее наставленіе о дѣйствіяхъ противъ бѣса такое: «бойся бѣсъ креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бѣжить отъ тѣла Христова» (38). Личо, желающее бороться съ бѣсами, должно отличаться нравственной чистотой,—иначе бѣсы его не послушаютъ, какъ было съ Аввакумомъ послѣ того, какъ онъ побилъ свою жену и «домочадицу» Фотинью (98—100).

Такимъ образомъ рассказы Аввакума о чудесахъ имѣетъ важное значеніе для характеристики его міросозерпанія. Обратимся теперь къ фактической сторонѣ «Житія», которое заключаетъ обильный матеріалъ не только для біографіи самого Аввакума, но и для характеристики цѣлой эпохи, ея выдающихся дѣятелей; конечно, матеріалъ односторонній, пристрастный и потому требующій крайне осторожнаго отношенія; но этотъ недостатокъ объективности помогаетъ намъ узнать взгляды Аввакума на тѣ или другія событія и лица, и этимъ намъ болѣе уясняется его личность.

Посмотримъ прежде всего, какимъ представляетъ Аввакумъ самого себя. Онъ повсюду является помощникомъ угнетенныхъ и слабыхъ, защитникомъ ихъ противъ сильныхъ притѣснителей: таковъ онъ еще въ селѣ, когда возстаетъ противъ начальника, отнявшаго дочь у вдовы (12); таковъ онъ въ Тобольскѣ, гдѣ

защищаетъ отъ Струны дьячка Антона; въ Дауріи онъ заступаетъ за старухъ, которыхъ самодурствующій воевода хочетъ выдать замужъ, стоитъ на сторонѣ казаковъ, съ которыми Пашковъ поступаетъ жестоко и которые терпятъ страшную нужду. За все это его преслѣдуютъ разные начальники: одинъ «у руки огрызъ персты, яко песь, зубами», другой стрѣляетъ въ него изъ пищали, въ Tobольскѣ его хотятъ утопить, Пашковъ мучить его такъ, что онъ иногда доходитъ до отчаянія и ропщетъ на Бога (Ibid. 30). Аввакума «тѣшатъ» тѣ рѣчи изъ священнаго писанія, гдѣ заповѣдуются неослабное страданіе; онъ переноситъ всѣ преслѣдованія съ непоколебимой твердостью: «сила Божія возбраняетъ» ему просить у Пашкова снисхожденія. Старается онъ побѣждать своихъ гонителей кротостью и смиреніемъ: на ругательства одного отвѣчаетъ: «благодать во устнѣхъ твоихъ, Иванъ Родіоновичъ, да будетъ!»—другого вылъчиваетъ отъ болѣзни, даже Пашкова онъ смягчаетъ кротостью, и тотъ говоритъ: «спаси Богъ! отечески творишь,—нашево зла не помнишь»; люди, которыхъ онъ вывезъ изъ Сибири, были его враги. Однако иногда онъ дѣйствуетъ и сурово: ломаетъ домы и хари у скомороховъ, отказывается итти къ снохѣ Пашкова помочь ея ребенку, просить у Бога неудачи Еремею въ походѣ, бьетъ свою жену и домочадицу, «стегаетъ» Струну. Правда, иногда онъ спохватывается и кается въ такихъ дѣйствіяхъ: жену и Фотинью онъ умоляетъ о наказаніи за то, что ихъ оскорбилъ; вспоминая о молитвѣ противъ Еремея, онъ восклицаетъ: «Охъ души моей, тогда горко, и нынѣ не сладко! Пастырь худой погубилъ своя овцы, отъ горести забылъ реченное во Евангеліи, егда Зеведеевичи на поселянь жестокихъ совѣтовали и т. д. (45). Особенно сильно проявляется энергія Аввакума въ борьбѣ съ никоніанами, отъ старейшей вѣры его не могутъ отвратить ни мученія, ни заманчивыя обѣщанія въ родѣ «духовничества»; онъ неутомимый пропагандистъ: повсюду, куда онъ ни является,—въ Tobольскѣ, въ Москвѣ, на Мезени—онъ распространяетъ расколъ, «запустошаетъ» никоніанскія церкви. Весьма рѣдки случаи его слабости въ этомъ отношеніи,—но здѣсь его спасаютъ чудесныя видѣнія.

Несмотря на всю строгость нравственныхъ правилъ, иногда Аввакуму самому случается впасть въ искупленіе. Онъ рассказываетъ слѣдующій случай: когда онъ еще служилъ въ селѣ, къ нему пришла на исповѣдь дѣвица, «многими грѣхами обре-

менена, блудному дѣлу и малакія всякой повинна». Исповѣдуя ее, онъ почувствовалъ соблазнъ, «внутри жегомъ огнемъ блуднымъ». Но онъ употребилъ весьма сильное средство: «въ той часъ зажегъ три свѣщи и прилѣпилъ къ налою, и возложилъ руку на пламя и держалъ, дондеже во мнѣ угасло злое разженіе». Этотъ случай близко подходитъ къ разсказу, помѣщенному въ Прологѣ, подъ 27 декабря, какъ къ нѣкому старцу пришла блудница, и онъ, почувствовавъ разженіе, сжегъ свои пальцы. Трудно опредѣлить въ виду такого сходства, является ли разсказъ Аввакума простымъ литературнымъ заимствованіемъ, или съ нимъ былъ дѣйствительно такой случай, и онъ подражалъ древнему старцу въ средствѣ умирения блудной похоти.

Аввакуму приходилось въ его бурной и разнообразной включеніями жизни сталкиваться со многими лицами, и въ «Житіи» передъ нами выступаетъ длинный рядъ историческихъ дѣятелей. Конечно, всѣ симпатіи Аввакума на сторонѣ защитниковъ старины, которые исполнены огненной ревности и которымъ покровительствуетъ самъ Богъ, какъ это видно изъ всякихъ чудесъ, какъ напр. чуда съ рубашкой протопопа Логгина Муромскаго, съ урѣзаніемъ и чудеснымъ исцѣленіемъ языковъ Пустозерскихъ расколуучителей. Напротивъ, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ представляются ихъ утѣснители, патриархъ Никонъ и духовныя власти русскія и греческія. Благодаря имъ, Россія уподобляется Персидѣ, въ которой мучили христіанъ. «Чудо! какъ то въ познаніе не хотятъ прійти! восклицаетъ Аввакумъ, — огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостоли научили такъ?— Не знаю. Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, ежебы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить.. Волею зоветъ Христосъ, а не приказалъ апостоламъ непокоряющихся огнемъ жечь и на висѣлицахъ вѣшать. Татарскій богъ Махметъ написалъ въ своихъ книгахъ сиче: непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ ихъ главы мечемъ подклонити. А нашъ Христосъ ученикамъ своимъ никогда такъ не повелѣлъ. И тѣ учителя явны, яко шиши антихристовы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предають, по вѣрѣ своей и дѣла творять таковы же» (88). Это никоніанское мучительство не должно устрашать правовѣрныхъ, и Аввакумъ призываетъ своихъ послѣдователей къ открытому исповѣданію старой вѣры: «вотъ тебѣ

царство небесное дома родилось! Богъ благословить, мучься за сложеніе персть, не разсуждай много!»

Призывъ къ смерти и страданіямъ, къ постоянной открытой борьбѣ противъ Никоновыхъ новшествъ вдохновлялъ многихъ, и въ «Житіи» Аввакумъ выводитъ нѣкоторыхъ своихъ учениковъ, смѣло обличавшихъ исправленіе и не останавливавшихся ни передъ чѣмъ: такой ревностью «по Христѣ» отличались боярыня Морозова, княгиня Урусова, Марья Данилова и др. Особый разрядъ обличителей представляютъ собою юродивые, которые, пользуясь огромнымъ вліяніемъ на народъ, могли нисколько не стѣсняться въ своихъ противоцерковныхъ дѣйствіяхъ. Таковъ былъ юродивый Ѳедоръ, объ отношеніяхъ котораго къ Аввакуму намъ не разъ приходилось говорить; онъ даже самого Аввакума иногда побуждалъ къ дѣятельности: «зѣло у него во Христа горяча была вѣра!—говорилъ Аввакумъ,—всяко тѣится раззорити и обличити неправду». «Хорошъ» былъ, по отзыву Аввакума, и юродивый Аванасій, но этотъ былъ «Ѳедора» помирнѣе и въ подвигѣ малекнее покороче».

За борьбой старой и новой партіи внимательно слѣдило все русское общество, болѣе сочувствовавшее, по показаніямъ Аввакума, старолюбцамъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, человѣкъ мягкій до крайности, добрый, благочестивый, не рѣшается окончательно порвать связь со старыми преданіями и является заступникомъ ревнителей старины: онъ проситъ Никона не стричь Аввакума; когда послѣдній возвращается изъ Дауріи, онъ принимаетъ его очень милостиво, проситъ его благословенія, даже послѣ собора 1666—1667 гг. царь соболѣзнуетъ Аввакуму и предлагаетъ много стараній къ его увѣщанію, отношенія царя къ Аввакуму отличаются даже какою-то сентиментальностью, и тѣ мѣры, которыя царь принимаетъ противъ раскольниковъ, объясняются такъ же, какъ это дѣлается Аввакумомъ въ другихъ его сочиненіяхъ, дѣйствіемъ «лестчаго духа», проводниками котораго представляются Никонъ и другія духовныя власти. Однаково съ царемъ относятся къ раскольникамъ и бояре: «всѣ бояре-те до насъ добры», они даютъ Аввакуму денегъ, просятъ постоянно вслѣдъ за царемъ благословенія протопопа, принимаютъ его «яко ангела», но и они не въ силахъ противиться до конца «лестчему духу». Не всегда сочувствіе бояръ истекаетъ изъ подражанія царю, среди нихъ есть тайные и явные рас-

кольники: князь Хилковъ въ Tobольскѣ плачетъ, когда Аввакумъ рассказываетъ ему о своемъ видѣніи; кн. Воротынскій приходитъ къ окну темницы Аввакума въ Угрѣшскомъ монастырѣ, князя Ивана Хованскаго бьютъ батожемъ за пристрастіе къ старинѣ.

Въ сочувствіи царя и бояръ раскольникамъ сказывается отчасти и вліяніе терема, женской половины русскаго общества. Женщины у Аввакума вообще отличаются большею религіозностью и чувствительностью, чѣмъ мужчины, онѣ всегда являются заступницами сторонниковъ древняго благочестія, страданія которыхъ вызываютъ ихъ умиленіе. Аввакумъ постоянно находитъ поддержку въ женщинахъ: ему покровительствуютъ жена и невѣстка воеводы Пашкова, отношенія къ нему Цѣхановицкой доходятъ до высокой степени религіознаго экстаза, въ Москвѣ у него цѣлая большая группа ревностныхъ ученицъ изъ высшаго класса, во главѣ которыхъ стоитъ Морозова; его вліяніе проникаетъ въ теремъ царицы Марьи Ильиничны, такъ что у царя съ царицей происходитъ великое нестроеніе, когда Аввакума разстригаютъ.

Таковыми красками рисуются у Аввакума участники религіозно-національнаго движенія, совершавшагося у насъ въ половинѣ XVII вѣка. Какъ отдѣльный эпизодъ, не имѣющій тѣсной связи съ этимъ движеніемъ, является въ «Житіи» экспедиція Пашкова. Воевода изображается жестокимъ самодуромъ, его отношенія къ казакамъ и къ Аввакуму какимъ-то безтолковымъ и безцѣльнымъ притѣснительствомъ. Съ Аввакумомъ онъ обращается чисто по-звѣрски: «Пашковъ же, возведя очи свои на меня,—слово въ слово, что медвѣдь морской бѣлой, жива бы меня проглотилъ»; онъ ищетъ гибели протопопа, даже уѣзжая на Русь и разставаясь съ нимъ. Но и его беретъ иногда раскаяніе: такъ, когда его дощеникъ остановился на порогѣ Падунѣ, онъ «сѣлъ на стулъ, шпагою подперся, задумался и плакать сталъ, а самъ говоритъ: согрѣшилъ окоянной,—пролилъ кровь неповинну, напрасно протопопа билъ: за то меня наказуетъ Богъ». Однако, говоря о разставаніи съ Пашковымъ, Аввакумъ нѣсколько смягчаетъ мрачную картину отношеній воеводы такимъ замѣчаніемъ: «Десять лѣтъ онъ меня мучилъ, или я его,—не знаю: Богъ разберетъ въ день вѣка». Съ большой благодарностью Аввакумъ вспоминаетъ о своихъ покровительницахъ-боярыняхъ, женѣ и

снохъ Пашкова, о Еремѣѣ, своемъ «тайномъ другѣ», съ особенной похвалою отзываясь между прочимъ о почтительныхъ отношеніяхъ Еремѣя къ отцу. Ярко изображается бѣдственное положеніе казаковъ и отъ притѣсненій Пашкова, и отъ недостатка пищи, и отъ разныхъ климатическихъ условій. Въ разсказѣ о сибирскихъ скитаніяхъ мы находимъ два весьма художественныхъ описанія природы: одно мы уже приводили (стр. 73), въ другомъ изображается озеро Байкаль: «Егда къ берегу пристали, востала буря вѣтренная, и на берегу на силу мѣсто обрѣли отъ волнъ. Около ево горы высокія, утесы каменные и зѣло высокіе, — 20,000 верстъ и большіи волочился, а не видалъ такихъ нигдѣ! Наверху ихъ палатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы, — все богодѣланно. Лукъ на нихъ растеть и чеснокъ, — большіи романовскаго луковицы, и слатокъ зѣло. Тамъ же растуть и коноши богорасленные, а во дворахъ — травы красныя и цвѣты благовонны гораздо. Птицъ зѣло много, гусей и лебедей, — по морю яко снѣгъ плаваеть. Рыба въ немъ — осетры и таймени, стерледи, и омули, и сиги, и прочихъ родовъ много. Вода прѣсная, а нерпы и зайды великія въ немъ: во окіанѣ морѣ большомъ, живучи на Мезени, такихъ не видалъ. А рыбы зѣло густо въ немъ; осетры и таймени жирны гораздо, — нельзя жарить на сковородѣ: жиръ все будетъ».

Кромѣ автобіографическаго повѣствованія и разсказовъ о чудесахъ, «Житіе» заключаетъ въ себѣ не мало отступленій полемическаго свойства, которыми тоже должно поддерживаться «дѣло Божіе», составляющее главную цѣль сочиненія. Эти полемическія выходки по существу не представляютъ отличія отъ тѣхъ нападокъ на никоніанъ, съ которыми мы встрѣчались въ другихъ сочиненіяхъ Аввакума: никоніане обличаются за мучительство, за стремленіе къ новшествамъ, каковы бы они ни были, «лише бы не по старому». Указывали мы и на наставленіе о безпоповскомъ чинѣ причащенія. Этотъ обзоръ содержанія «Житія» приводитъ насъ къ заключенію, что считать его сочиненіемъ историческимъ нельзя: по самой своей основѣ, какъ защита «Божія дѣла», какъ «книга живота вѣчнаго» (см. Прилож.), оно является сочиненіемъ поучительно-полемическимъ, причемъ автобіографическій матеріалъ играетъ въ немъ служебную роль доказательства правоты дѣла старолюбцевъ. По своему стилю «Житіе» отличается тѣми же особенностями реализма и «просторѣчія», которыя видны въ другихъ сочиненіяхъ Аввакума.

Учительство продолжалось до послѣднихъ дней его жизни, а по указаннымъ нами ранѣе хронологическимъ соображеніямъ, ко второй половинѣ его жизни въ Пустозерскѣ относятся посланія къ Симеону (онъ же и Сергій игумень), къ Исидору, Борису и къ другимъ лицамъ, около нихъ группировавшимся, какъ это видно изъ посланій. Главный предметъ этихъ сочиненій страданія за вѣру, въ особенности же самосожженіе; кромѣ того во многихъ изъ этихъ посланій затрогиваются разные практическіе вопросы, возникавшіе въ средѣ послѣдователей Аввакума и зависѣвшіе отъ основного вопроса раскольнической доктрины, того затрудненія, которое истекало изъ невозможности устроиться со священствомъ и таинствами: безпоповство еще не достаточно развилось, какъ теорія, а между тѣмъ нарождались вопросы, естественные при отсутствіи законной іерархіи, такіе, которые вполнѣдствіи должны были вести къ дробленію раскола на всенческіе толки: таковъ былъ, напримѣръ, вопросъ о брактѣ.

Посланія къ Симеону изданы Н. И. Субботинымъ по списку библиотеки митр. Макарія, № 34, причемъ къ первому и ко второму изъ нихъ приведены варианты по рукоп. Хлудовской № 257; отрывокъ перваго посланія, пропущенный въ текстѣ «Матеріаловъ», печатается нами въ «Приложеніяхъ», № 29. Какъ мы уже говорили выше, порядокъ посланій долженъ быть измѣненъ: первое по счету г. Субботина слѣдуетъ признать послѣднимъ, — и въ этомъ порядкѣ мы будемъ ихъ разсматривать.

Первое посланіе написано Аввакумомъ по поводу дошедшихъ до него извѣстій о казни Паисія, патр. Александрійскаго и о бѣгствѣ въ Грузію Макарія, патр. Антіохійскаго. Слухъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ этихъ архипастырей, которые своимъ авторитетомъ утвердили Никоновы преобразованія, а потому въ глазахъ Аввакума уподобились Пилату и Каіафѣ, вызываетъ радостное замѣчаніе Аввакума: «правилѣ варваръ надъ ними творить. Яко Тиверій древле Пилата и Каіафу, первыхъ распинателей, а нынѣ Салтанъ Мегметовичъ. Подай, Господи». Змѣстѣ съ этимъ возбуждается надежда на торжество старолубцевъ: «Еще надѣюся Тита втораго Іусписіановича на весь новый Іорусалимъ, идѣже течеть Истра рѣка, и съ пригородкомъ, въ немже Неглинна течеть. Чаю, подвигнетъ Богъ того же турка на отмщеніе кровей мученическихъ». Однако эта надежда, пожалуй, представляется слишкомъ мало осуществимой, а потому Аввакумъ

Больше говорить о торжествѣ загробномъ, рисуя картину казни царя Максиміана (подъ которымъ, какъ мы указывали, можно подразумѣвать царя Алексѣя Михайловича), а своихъ послѣдователей призываетъ къ терпѣнію и къ неослабному стоянію за вѣру. При этомъ онъ распространяется объ огненной смерти: «А хотя и битъ стануть, или жець: ино и слава Господу Богу о семъ. Достоянъ бо есть дѣлатель мзды своея. На се бо изыдохомъ ис чрева матери своея. На что лучше сего? с мученики в чинъ, со апостолы въ полкъ, со святители в ликъ, побѣдный вѣнецъ, сообщникъ Христу... А во огнѣ-то здѣсь небольшое время потерпѣть,—аки окомъ мгнуть, такъ душа и выступить! Развѣ тебѣ не разумно? Бойсья печи-той? Дерзай, плюнь на нея, небось! До печи страхъ-отъ; а егда въ нея вошелъ, тогда и забылъ вся. Егда же загорится, а ты и видишь Христа и ангельскія силы съ нимъ, емлютъ души-тѣ отъ тѣлесъ, а Онь-надежа и благословляетъ и силу ей подаетъ божественную, не уже къ тому бываетъ тяжка, но яко восперенна, туды же со ангелы лѣтаетъ, ровно яко птичка попархиваетъ,—рада ис темницы-той вылетѣла».

Въ приведенныхъ словахъ восхваляется, поэтизируется огненная смерть, есть призывъ къ страданію, но нѣтъ никакого указанія на самосожженіе, такъ какъ огненная казнь есть дѣло никоніянъ. Такой же призывъ къ страданіямъ, но не къ самосожженію заключается во второмъ посланіи (по счету г. Субботина третьемъ). Никоніяне, говоритъ Аввакумъ, «кормятъ, кормятъ да въ лобъ палкой, да и на огонь жарить!» Этой смерти не слѣдуетъ бояться, а напротивъ должно «дерзать всенадежнымъ упованіемъ. Таки размахавъ, да и въ пламя! На ось, дьяволъ, еже мое тѣло; до души моей дѣла тебѣ нѣтъ!» Сопоставленіе этихъ отдѣльныхъ мѣстъ посланія не позволяетъ прямо относить ихъ къ самосожженію. Не такъ представляется дѣло въ первомъ (по нашему въ третьемъ) посланіи къ Симеону: здѣсь уже мы встрѣчаемся съ опредѣленно выраженнымъ одобреніемъ самосожигательства. Изложивъ по своему исторію Никонова мучительства и похваливъ «Христовыхъ исповѣдниковъ» ⁴⁾, Аввакумъ гово-

⁴⁾ Слово въ слово яко комары или мушцы. Елико ихъ болши подавляють, тогда болши пищать и въ глаза лѣзуть: такъ и русаки бѣдныя, пуская глупы, рады мучителя дождались,—полками в огонь дерзають за Христа Сына Божія-Свѣта. Мудры блядины дѣти греки, да с варваромъ турскимъ с одново блюда патріархи кушаютъ разеленые курки.

рить о Нижегородскихъ самоожженіяхъ⁵⁾: «овыхъ еретики по-жигаютъ, а иніи распалшеса любовію и плакавъ о благовѣріи, не дождався еретическаго осужденія сами во огнь дерзнувше, да цѣло и непорочно соблюдутъ правовѣріе, и сожегше своя тѣлеса, душа же в руцѣ Божіи предавше, ликовствуютъ со Христомъ во вѣки вѣкомъ, самовольныя мученики, Христовы рабы. Вѣчная имъ память во вѣки вѣкомъ. Добро дѣло содѣяли, чадо Симеоне,—надобно такъ! Разсуждали мы между собою и блажимъ кончину ихъ». Этотъ отрывокъ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ подробностей повторяется въ «Посланіи къ нѣкому брату» (Мат. VIII, стр. 67—81) и въ «Посланіи къ Сергію» (Приложенія, № 11).

По всей вѣроятности, приведенныя слова явились въ качествѣ отвѣта на вопросъ, предложенный Симеономъ (иначе Сергіемъ). Вопросъ этотъ, какъ видно изъ «Отразительнаго писанія» старца Евфросина, былъ поставленъ такъ, что дѣйствительная причина самоожженія была скрыта отъ Аввакума. «Сергіи, говоритъ Евфросинъ, видя бѣду и нелѣпоту в самоожигателехъ і бесчиніи и нестроение слыша, зазрѣ самъ себѣ и раскаяся рекъ: азъ де виновенъ вопросомъ своимъ протопопову отвѣту, слишкомъ возвѣстихъ бѣду и не такъ сказалъ есми, что сами самовольно збираются и бѣду на себя накликаютъ; но повѣдахъ, яко изъ рукъ мучительскихъ урываются и сожигаются»⁶⁾. Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ упоминалось о смерти мученицы Домнины съ двумя дочерьми и Софроніи, что и находимъ въ посланіяхъ «къ нѣкому брату» и къ Сергію. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, остановимся сперва на составѣ этихъ посланій, чтобы опредѣлить ихъ достовѣрность, такъ какъ изъ того же «Отразительнаго писанія» извѣстно, что были распространены многія поддѣлки Аввакумовыхъ сочиненій; нѣкій инокъ Іосифъ говорилъ: «егда гдѣ увидите какое писмо, надписаніе имый протопопа Аввакума, не вѣрте де тому: много де в тѣхъ писмахъ прелести; мнѣ, рече, не одинъ уже братъ покался: азъ де многихъ прелщаль, сложа писмо самъ, какъ знаю, и подписаль Аввакумово имя и нося прочитахъ и многу корысть собрахъ» (стр. 89).

⁵⁾ Записано нижегородскимъ лѣтописцемъ подъ 1672 г. См. П. С. Смирновъ. Происхождение самоистребленія въ русскомъ расколѣ, стр. 5.

⁶⁾ Отразительное писаніе, стр. 110.

«Послание къ нѣкому Сергію» состоитъ изъ отрывковъ «Толкованій на псалмы», «Книги на крестоборную ересь», «посланій къ Симеону» и въ одномъ отрывкѣ представляетъ сокращеніе «Посланія къ нѣкому брату»: при этомъ отрывки соединены совсѣмъ механически, такъ что сразу бросается въ глаза поддѣлка, какъ это указалъ П. С. Смирновъ. Однако почти то же самое можно сказать и относительно «посланія къ нѣкому брату», въ немъ также замѣтна склейка изъ разныхъ сочиненій Аввакума: такъ, въ него вставлена статья «О сложеніи персть», есть повторенія, послѣ статьи «о сложеніи персть» мы находимъ заглавіе «Того же свидѣтельство о жертвѣ», показывающее, что въ такомъ видѣ «посланіе» не могло выйти непосредственно изъ-подъ пера Аввакума. Сравнивая общія мѣста двухъ посланій, мы иногда должны отдать предпочтеніе тексту посланія къ Сергію: напр. «зналъ я покойника Дементіяна» болѣе умѣстно (если предположить, что «посланіе къ нѣкому брату» отправлялось къ Сибирь), чѣмъ «зналъ я нѣкогого Дементіяна священника»; «Григорій Нероновичъ писалъ» лучше чѣмъ «Григорію Неронову писалъ» (неизвѣстно, кто). Такимъ образомъ намъ кажется возможнымъ признать оба посланія поддѣлкой, составленной изъ подлинныхъ сочиненій Аввакума, причѣмъ однако въ «посланіи къ нѣкому брату» заключается отрывокъ такого сочиненія, которое до насъ не дошло и которое было отправлено въ отвѣтъ на запросъ Сибирскихъ старолюбцевъ, приславшихъ послѣ самосожженія Деметіана своихъ представителей въ Пустозерскъ ⁷⁾.

Возвращаясь къ отвѣту, данному Аввакумомъ на запросъ Симеона-Сергія, мы въ немъ видимъ, какъ мотивъ самосожженія, стремленіе «цѣло и непрочно соблюсти правовѣріе», предупредить «еретическое осужденіе», такъ что Аввакумъ одобрилъ самосожженіе, какъ средство не даться въ руки еретикамъ, на что именно и указывалъ въ своихъ вопросахъ Сергіи, скрывъ дѣйствительныя побужденія сторонниковъ «самоубійственныхъ смертей». Отсюда мы заключаемъ, сопоставляя приведенныя ранѣе замѣчанія Аввакума о самосожженіи съ отвѣтомъ Симеону-Сергію, что ученіе о необходимости самоистребленія, какъ оно вы-

⁷⁾ Отразит. писаніе, 19. Такой же поддѣлкой, какъ и эти сочиненія, слѣдуетъ считать печатаемое нами въ Приложеніяхъ «Посланіе къ вѣрнымъ объ антихристѣ», составленное изъ посланія дьякона Федора и отрывка Аввакумовскаго посланія и приписанное въ рукописи Аввакуму.

разилось въ тѣхъ толкахъ, противъ которыхъ писалъ старецъ Евфросинъ, въ сочиненіяхъ Аввакума прямого своего подтвержденія не находить, хотя на нихъ и ссылались такіе пропагандисты самосожженія, какъ Сергій и Поликарпъ.

Еще одна подробность въ отвѣтѣ Симеону заслуживаетъ вниманія: Аввакумъ пишетъ: «разсуждали между собою», но какъ указалъ П. С. Смирновъ, разсужденіе могло быть только съ инокомъ Епифаніемъ, такъ какъ съ діакономъ Ѳеодоромъ Аввакумъ въ это время былъ въ ссорѣ, а совѣщанія съ Лазаремъ не было, какъ объ этомъ, по словамъ Евфросина, сообщила впослѣдствіи вдова Лазаря⁸⁾.

Въ «Посланіи къ нѣкому брату», кромѣ указанныхъ подробностей, представляется любопытнымъ опроверженіе ученія о духовномъ приходѣ Иліи и Еноха предъ наступленіемъ антихристового царства; это ученіе распространялъ инокъ Трифилій, пользовавшійся, по показанію «Винограда Россійскаго», славою «провидца»⁹⁾ и ссылавшійся на какое-то странное видѣніе: «я де су былъ на небѣ, мнѣ показано, и ангель ко мнѣ приходитъ всегда и возвѣщаетъ Божіе хотѣніе». Смѣясь надъ разсказами Трифилія, Аввакумъ вспоминаетъ и о своихъ видѣніяхъ и указываетъ по отношенію къ нимъ такой критерій: «У насъ и самѣхъ много того живеть. Держатися подобаетъ писанныхъ. Есть иное и отъ Бога живеть, и то бываетъ за малодушіе мое. Я въ то не уповаю; но вѣрую по писаніихъ, а за то Богу поклоняюся, яко подтверждаетъ мя. И то поразумѣвъ, егда сходно съ писаніемъ, и въ себѣ измѣрю вину тому дѣлу, коея ради вины случится вещь та быть. И часто бывало,—во время молитвы окружить мя духъ, и распространится умъ, и радости неизглаголанная исполнится сердце, да и минется. И азъ поклонюся; а ополѣ поразумѣю, ано моего ради малодушія се бысть, егда о чемъ опечалюся, или чрезмѣрно разсуждаю что, и Богъ удержитъ мя отъ безумія моего. А егда что сблужу, тогда мнѣ и наказаніе живеть: духъ томитъ мя,—еле отдохну». Все это возраженіе противъ Трефилія, конечно, не имѣетъ связи съ вопросомъ о самоистребленіи и является еще однимъ признакомъ спайки посланія изъ разныхъ элементовъ.

⁸⁾ Смирновъ. Происх. самоистреб. 21—23. Отразит. пис. 19.

⁹⁾ Хр. Чт. 1897, іюнь, 878—879. Смирновъ. Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в. стр. LIII—LV.

«Послания къ Исидору съ братіей» (Mat. VIII, 100 — 102, 102 — 106) касаются двухъ сравнительно мелкихъ вопросовъ, возникавшихъ за это время среди «старолюбцевъ», о томъ, какъ рѣзать скоть, вопроса о единогласномъ пѣніи, и двухъ весьма существенныхъ предметовъ доктрины и быта раскольническаго, брака и моленія за царя. По первому вопросу, т. е. относительно брака, Аввакумъ рѣшительно возстаетъ противъ тѣхъ людей, которые отрицали бракъ, не признавая его возможности въ антихристовомъ царствѣ, законности его совершенія новопоставленнымъ попомъ. Этихъ отрицателей брака Аввакумъ называетъ суесловцами, говоритъ, что они «учатъ жить посодомски или заводятъ кваковскую ересь», и разрѣшаетъ дѣло такимъ образомъ: «А обвинчалъ гдѣ ни буди православно, оно и добро: коли ужъ нужда стала, изба по нужѣ церковь. Не стѣны, но законы церковь, Златоустъ пишетъ, ниже мѣсто, но нравъ. На всякомъ мѣстѣ владычество Его: благослови, душе моя, Господа! А буде не возможно обрѣсти церкви, а опоганено православное священіе: ино молитву проговорилъ, да водою покропилъ, да и ладно,—дѣйствуй! А послѣ тебя Богъ воленъ и съ нею. Есть и то писано: скверное святится, а святое скверно не бываетъ». Въ этихъ словахъ обнаруживается безразличное отношеніе Аввакума къ вопросу о томъ, кто совершаетъ бракъ, простецъ или священникъ; да и вообще посланія къ Исидору представляютъ извѣстную двойственность взгляда на значеніе священства: допускается совершеніе требъ и таинствъ, какъ новопоставленными попами, такъ и простыми людьми;— въ сущности разницы между тѣми и другими не особенно много, такъ какъ перешедшіе къ старолюбцамъ новики представляются не болѣе, какъ простецами, и, лишившись іерархіи, старолюбцамъ по-неволѣ пришлось признавать возможность обходиться безъ нея. Что касается царемоленія, то по этому вопросу Аввакумъ рѣшительно высказывается противъ отрицавшихъ молитву за царя: «А о Теодорѣ царѣ за что не молитте Бога, — спаси его Господи и помилуй и благій родъ его дѣда-прадѣда помини Господи!» Упомянутіе о дѣдѣ-прадѣдѣ и рядомъ съ нимъ умолчаніе объ отцѣ совпадаетъ съ наставленіемъ въ посланіи къ Іонѣ не молиться за умершаго царя еретика, а въ посланіи къ Исидору сюда же относится слѣдующее наставленіе: «а поминать мертвыхъ-тѣхъ, Григорей, не знаю какъ, емуже живу врагу Божию бывшу; а во

адѣ нѣсть покаянія», Затѣмъ въ обоихъ посланіяхъ Аввакумъ убѣждаетъ своихъ послѣдователей жить между собою въ мирѣ.

Съ этими посланіями стоитъ въ связи «Посланіе къ игумену Сергію съ братією»: тутъ Аввакумъ такъ же наставляетъ слушаться поповъ Стефана и Козьмы, какъ это онъ дѣлаетъ въ посланіяхъ къ Исидору, и говорить о томъ, какъ надо относиться къ еретическому крещенію. «Посланіе къ Сергію» заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя замѣчанія о сошествіи Христа во адъ и объ отношеніи къ толкованіямъ Писанія,—эти замѣчанія мы приводили, говоря о спорахъ Аввакума съ дьякономъ Ѳеодоромъ. Интересна подробность личнаго свойства: узнавъ, что дочь княгини Урусовой—царская невѣста, Аввакумъ вспоминаетъ съ любовью ея мать и тетку, а молодыхъ княженъ научаетъ жить такъ же, какъ жили ихъ мать и тетка.

Обширное посланіе къ Борису съ братіей касается главнымъ образомъ вопросовъ о бракѣ и о единогласіи, причемъ Аввакумъ сообщаетъ любопытныя подробности о томъ, какъ самъ обыкновенно совершалъ богослуженіе. По вопросу о бракѣ высказывается то же, что мы находимъ въ посланіяхъ къ Исидору; только здѣсь мы встрѣчаемся съ конкретныхъ примѣромъ, показывающимъ, какъ далеко шли отрицатели брака: старица Елена разлучила нѣкую Ксенію Гавриловну съ ея мужемъ. За это Аввакумъ налагаетъ на Елену строгую епитимію. Весьма важно въ заключеніи посланія благословеніе, которое Аввакумъ даетъ отцу Досіею «съ челобитными по жребію стужати царю о исправленіи вѣры». Это исправленіе, какъ выяснилъ П. С. Смирновъ, находится въ связи съ раскольнической смутой 1682 года, въ которой видными дѣятелями были Сергій и Досіеи.

Къ этому же послѣднему времени жизни Аввакума относится его «посланіе ко всѣмъ ученикамъ» (Мат. VIII, 81—87), проникнутое фанатизмомъ по отношенію къ никоніанамъ. Послѣдователей своихъ Аввакумъ убѣждаетъ стоять за вѣру и не мудрствовать несогласно съ писаніемъ, такъ какъ онъ слышалъ, что многіе развратились: «ови глаголють духомъ Бога познавати, кромѣ писанія, иніи же и писаніе толкують злѣ, развратно и противно истинѣ». Находились такіе люди, которые отвергали авторитетъ Аввакума, и онъ замѣчаетъ: «Иное же уже, окаянный, разсмѣюся: какъ то, реку, уже сатана-та надо мною не возится?»

никоніане еретикомъ зовутъ, дѣти доховныя еретикомъ же зовутъ».

Разсмотрѣніе сочиненій Аввакума указываетъ намъ, какъ обширенъ былъ кругъ тѣхъ вопросовъ, съ которыми обращались старолюбцы къ Пустозерскимъ расколуучителямъ: тутъ были и важные вопросы общаго міросозерцанія раскольниковъ, какъ, напримѣръ, ученіе объ антихристѣ, и болѣе мелкіе вопросы обрядовые, и вопросы о внутренней организаціи расколической общины, и объ отношеніяхъ къ православной церкви, и къ государственной власти, здѣсь обсуждались и проекты возстановленія «древняго православія». Какъ одна изъ послѣднихъ попытокъ самого Аввакума направить правительство на путь истины, можетъ разсматриваться посланіе, съ которымъ Аввакумъ обратился къ царю Θεодору Алексѣевичу. Послѣ обширнаго риторическаго вступленія, Аввакумъ проситъ царя возстановить старину и при этомъ обнаруживаетъ крайнее стремленіе отомстить своимъ врагамъ никоніанамъ. «А что, государь, говоритъ Аввакумъ, кабы ты мнѣ далъ волю, я бы ихъ, что Илія пророкъ всѣхъ перепласталъ во единъ день. Не осквернилъ бы рукъ своихъ, но освятилъ, чаю. Да воевода бы мнѣ крѣпко умной—Юрія Алексѣевичъ Долгорукой! Перво бы Никону собаку и разсѣкли начетверо, а потомъ бы никоніанъ». Вспоминаетъ Аввакумъ въ посланіи и о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ: «въ мукахъ онъ сидитъ, — слышалъ я отъ Спаса: то ему за свою правду» (Мат. V, стр. 157).

Это посланіе было послѣднимъ обращеніемъ къ власти, и, можетъ быть, за него (хотя и не вслѣдъ за нимъ) протопона постигла вмѣстѣ съ его союзниками окончательная кара. Патриархъ Іоакимъ, по предположенію П. И. Мельникова, сталъ настоятельно требовать казни расколуучителей, изъ дальняго Пустозерска поддерживавшихъ и распространявшихъ расколъ повсюду. Было повелѣно: «за великія на царскій домъ хулы сжечь ихъ». Это было исполнено въ Пустозерскѣ 1 апрѣля 1681 года. На площади построили срубъ изъ дровъ, на которомъ сгорѣли Аввакумъ, Лазарь, Елифаній и Никифоръ. Аввакумъ предвидѣлъ казнь и заблаговременно распорядился имуществомъ и роздалъ книги. На казнь собрался народъ и снялъ шапки... дрова подожгли — замолчали всѣ; Аввакумъ народу говорить началъ и крестъ сложилъ двуперстный: «вотъ будете этимъ крестомъ мо-

литься—во вѣкъ не погибнете; а оставите его,—городокъ вашъ погибнетъ; пескомъ занесетъ; а погибнетъ городокъ, настанетъ и свѣту конецъ!» Огонь охватилъ казнимыхъ и одинъ изъ нихъ закричалъ; Аввакумъ наклонился къ нему и сталъ увѣщевать... Такъ и сгорѣли. Въ Пустозерскѣ за дѣсомъ есть площадка: тамъ крестъ стоитъ и зовется Аввакумовымъ».

Такъ рассказываетъ о казни Аввакума Мельниковъ,—источники этого рассказа неизвѣстны: можетъ быть, всѣ эти подробности взяты изъ устныхъ раскольническихъ преданій, а можетъ быть ихъ надо признать, какъ полагаетъ П. С. Смирновъ, домысломъ беллетриста. Въ раскольнической повѣсти «О рожденіи, и воспитаніи, о житіи и кончинѣ патріарха Никона» дата смерти Аввакума сообщается другая: «въ лѣто 7190-е апрѣля 14 дня, въ день великаго пятка»¹⁰⁾, хотя въ «Виноградѣ Россійскомъ» дата та же, что и у Мельникова¹¹⁾. Существуетъ еще одно преданіе о смерти Аввакума, сообщенное крестьяниномъ Храмцовымъ, со словъ Пустозерскихъ жителей: «былъ де здѣсь протопопъ Аввакумъ, сосланный за вѣру, и онъ де, Аввакумъ, за твердость въ вѣрѣ сожженъ на кострѣ, и что когда горѣлъ Аввакумъ, то въ воздухѣ былъ виденъ голубь; когда его душа улетала на небо, то голубь парилъ въ воздухѣ. Во время же пытокъ Аввакуму была усѣчена рука и она чудесно исцѣлѣла. Въ память будущаго дня своей кончины Аввакумъ еще при жизни приготовилъ собственными руками крестъ и приказалъ поставить на извѣстномъ мѣстѣ». Однако, какъ видно изъ надписи на этомъ крестѣ, онъ сооруженъ какимъ-то купцомъ Протопоповымъ, фамилія котораго, можетъ быть, и послужила основаніемъ связать происхожденіе креста съ знаменитымъ протопопомъ¹²⁾.

Подводя итоги нашему изслѣдованію, мы можемъ формулировать слѣдующія заключенія:

1) Движеніе, выразившееся въ дѣятельности Аввакума, было чисто церковнаго характера, національный же и социальный эле-

¹⁰⁾ Ркп. Имп. Публ. Библиотеки, Q. I, № 1058.

¹¹⁾ Дата повѣсти о Никонѣ встрѣчается, какъ указалъ П. С. Смирновъ, и въ другихъ раскольническихъ источникахъ и должна быть признана истинною.

¹²⁾ «Церковный Вѣстникъ» 1880 г. № 35.

менты, значенія которыхъ нельзя отрицать, играютъ роль подчиненную. Національныя столкновения въ XVII вѣкѣ являлись причиною усиленія религіозныхъ опасеній, развивавшихся на почвѣ апокалипсическихъ представлений. Протестъ противъ царской власти, будучи самъ по себѣ явленіемъ не религіознымъ, истекалъ изъ религіозныхъ мотивовъ, такъ какъ власть отпала отъ православія.

2) Доктрина раскола въ главныхъ чертахъ выработалась въ самое первое время его существованія, уже до собора 1666 года.

3) Ученіе объ антихристѣ было въ это время особенно развито Спиридономъ Потемкинымъ, но уже тогда явились такіе взгляды, противъ которыхъ впослѣдствіи возражалъ Аввакумъ.

4) Всѣ сочиненія Аввакума по существу полемическія.

5) Полемикой объясняется рядъ противорѣчій въ сочиненіяхъ Аввакума.

6) Источники сочиненій не всегда выбирались Аввакумомъ осторожно.

7) Пользованіе источниками всегда свободное, обнаруживающее оригинальность Аввакума.

8) Оригинальность проявляется въ реализмѣ и яркости русскаго стиля Аввакума.

9) По вопросу объ отношеніяхъ къ еретикамъ Аввакумъ колеблется между двумя противоположными направленіями, существовавшими у насъ съ конца XV вѣка.

10) Аввакумъ разработалъ основы безпоповщины, исходя изъ безразличнаго отношенія къ простецамъ и новопоставленнымъ попамъ, переходящимъ въ расколъ.

11) Еретичество Аввакума объясняется, какъ результатъ полемическаго увлеченія и неумѣнія точно выразиться объ отвлеченныхъ богословскихъ предметахъ.

12) Самосожженіе одобрялось Аввакумомъ не какъ средство душевнаго спасенія, но какъ единственный въ нѣкоторыхъ случаяхъ способъ избѣжать рукъ противниковъ.

13) Многія сочиненія Аввакума подвергались его собственной переработкѣ, а также и передѣлкѣ его послѣдователей.

ПРИЛОЖЕНІЯ

№ 1. Списокъ съ отписокъ дѣтей духовныхъ отца Іоанна, Савина, Григорія, Андрея, Герасима Плещеевыхъ, ихже писаша отъ жалости ко отцу Іоанну въ Каменскій монастырь, слово въ слово ¹⁾.

Вышесестественному и равноангельному и въ послѣднемъ семъ и лютомъ времени по церкви Христовѣ крѣпкому поборнику, и страдалцу, государю священнопротопопу Іоанну Нероновичу. Грѣшный Савинъ благословенія отъ тебя, отца и пастыря, прошу и къ честнымъ твоимъ ногамъ припадаю, челомъ бью.

Скорбь, государь, не малу творять намъ нововведшіяся догматы, паче же раздоры отъ Духа Святаго преданнаго закона, непоклонническую ересь глаголю, и прочія и прочія нововведенныя догматы, иже отрѣваютъ Христово словесное стадо отъ тѣснаго и прискорбнаго пути, ведущаго въ животъ, паче же еже во исповѣданіи вѣры не исповѣдывати Духа Святаго истиннымъ. Таже и се входитъ въ слухи моя грѣшная, яко и иніи нѣщии раздоры внити хоцуть вскорѣ, и непокоряющимся бѣды и мученія навестися хоцуть; но о семъ, отче честный и страстотерпче святыи, извѣстно писати не могу, самъ бо еси вѣси, яко азъ своея ради грубости не имѣю достойна присвоенія къ могущимъ вѣдати таковая; обаче мню сбытиса нѣкимъ хотящимъ быти раздорами по прореченію Книги о вѣрѣ, въ немже ишетъ о отпаденіи Запада и о отступленіи и прельщеніи ювитовъ отъ свянныя восточныя церкви к Западному костелу, по числу еже от антихриста. Цовелѣ бо и намъ отъ таковыхъ же винъ опасеніе имѣти, егда исполнится отъ воплощенія Сына Божія 1666 лѣтъ. Се бо нынѣ таково число исполняется, и раздоры таковы, по прореченію предреченныя сея книги, вводятся.

Мы же не примати таковыя растлѣнныя догматы извѣствуемся отъ новаго святаго писанія, паче же отъ Христовой заповѣди, речено сице: внимайте отъ ложныхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ одеждами овчими — внутри же суть волцы и хищницы. Сіе же мѣсто толкуя, великій Іоаннъ

¹⁾ По рукописи Казан. дух. вѣд. № 1727 (182), л. 103 об. — 112 об. Эти же посланія имѣются въ другомъ сборникѣ той же бібліотеки, № 1986, л. 95 об. — 104 об. Оба сборника содержатъ сочиненія Неронова, писаны поморскимъ полууставомъ.

Златоустъ сія рече глагола: лжепророки здѣ не еретики повѣдаютъ, якоже мною, но житіе имущія растлѣнно, лицемъ же добродѣтели обложены; тѣмъ же и рече и глагола: отъ плодъ ихъ познаете ихъ. Сія же Златоглаголиваго сего словеса написана суть въ Прологѣ 24 числа октября мѣсяца. И по малѣ рече: тѣмъ убо и Павелъ являя глаголаше, яко благими словесы прельщаютъ сердца незлобивыхъ. И паки по малѣ рече: понеже бо мнози благихъ отъ злыхъ мнѣть, всяка убо лишая ихъ отвѣта. Сія реченія бо имаша рещи, яко предстихся и не домыслихся, убо извѣстно то предахъ, еже отъ дѣлъ увѣдѣніе. Сія же пишу къ тебѣ, о храбрый воинъ Христовъ, да не недовѣдомо ти будетъ, яко аще и самъ есмь широкаго и пространаго пути, ведущаго въ погибель, не удаляюся, обаче сего и не похваляю, и яко да познаетъ всякъ, яко азъ, аще и болязливъ есмь и нетерпѣливъ къ мученію же и бѣдамъ, обаче прошу отъ Бога помощи, во еже творити ми, и любити, и облобызати, и хвалити тѣсный и прискорбный путь, ведущій въ животь, и послѣдовати не нынѣшнимъ тцемудрецемъ, иже паче себе гречанину Арсенію, иже соблазнившемуся въ Латынѣ, нежели похвалной правдѣ Христовой вѣровати велятъ. Ибо Христосъ рече внимати, по Златоустову толкованію глагола, отъ растлѣнно житіе имущихъ.

Сія же, оставивъ всѣхъ святыхъ отецъ ученіе, паче же Христово предреченное сіе заповѣданіе, не точію скверное житіе имущихъ не блюдутся, но и вмѣсто наставниковъ и учителей ихъ имѣють, а ходящихъ тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ, ведущимъ въ животь, отрѣваютъ и гнушаются, и ненавидятъ, паче же и мучити и въ заточеніе посылати соизволяютъ. Къ нимъ же подобаетъ рещи сей глаголъ: не вѣсте ли, не слышасте ли, не возвѣсталися вамъ, како Христосъ, глава церкви поживе, украшался ли златокованными нѣкими одеждами и многоразличными и свѣтлыми нѣкими дароношеніи и иными житейскими предестями и царства земнаго прикрасами, не нищъ ли бѣ Спасъ, не страненъ ли, не бѣ ли въ гоненіихъ, въ бѣдахъ, въ униженіихъ, въ клятвахъ, въ поруганіихъ, въ тѣснотахъ, въ язвахъ, въ смерти, въ оклеветаніихъ, своимъ же здѣшнее ли царство обѣща или угодіе тѣлесное, или животь? Никако же, но скорбь, рече, въ мірѣ семъ имѣти будете.

Сія же пишу, о честный отче и воинъ Христовъ, отъ болѣзни сердца, купно же помышляю, еда како приключится кому малое сіе писанейцо чести, да не явленно будетъ ему нынѣшняго раздора церковнаго начинаніе въ нынѣшнихъ 161 и 162 лѣтахъ. Ты же здравъ буди о Христвѣ, о немже страждеша, и спасайся, помощію Его побѣждая видимыя и невидимыя враги, и моли Бога за мя грѣшнаго. Аминь.

Второе посланіе тѣхъ же.

Вышестественному и равноангельскому, и въ послѣднемъ семъ и лютомъ времени крѣпкому по истинѣ поборнику, изволившему и душу свою

положити за словесное стадо Христово, подражая того самаго добраго па-стыря, душу свою положившаго за овцы своя, государю священнопротопопу Иоанну Нероновичу. Грѣшныи Савинъ, Григорей, Герасимъ, Андрей Плетцеевы благословленія отъ тебя, отца нашего и пастыря, просимъ и, къ честнымъ твоимъ стопамъ припадаючи, челомъ бьемъ.

Ей, государь, ей в правду нынѣ люта зима и горько истопленіе, еже церковь объять: якоже бо море зримо, отъ самыя бездны глубинъ возмущившееся, тако и духъ антихристовъ широкимъ путемъ и пространнымъ, ведущимъ въ погибель, нача крѣпко возмущати истинный корабль Христовъ, и якоже пловцы его, руцѣ къ колѣнома сплетшихъ и къ невозможнѣю бурному недоумѣвающихъ, ни небо видящихъ, ни пучины, ни суши, но по полеганиихъ лежащихъ и плачущихъ и истерзающихся. Но нынѣ о церкви горшій мятежъ и множайшыя волны: есть бо мнози ревнители церкви Христовой, но къ возмущенію духа антихристова недоумѣваются, но якоже они въ корабли на полеганиихъ лежатъ и плачють и истерзаются, тако и сіи плачуть и скорбятъ, а какъ помощи, не домыслятся, занеже, мню, не хотятъ креста своего взяти, но не возьмъ креста своего мнятся послѣдовати Христу. Яковы же и мы есмы, забывше писаннаго, якоже никтоже приобщается Христу, питаяйся, и сѣяй, и лѣняйся, и мокрое сіе и распутное живуци житіе; но иже въ скорби сый и въ напасти, сей близъ Христа сталь есть, иже тѣснымъ шествуяй путемъ; ибо Христось симъ ходяше, тѣмже и глаголаше: Сынъ Человѣческій не имать, гдѣ главы подклонити. Но понеже, якоже пишетъ святыи апостолъ Павелъ въ посланіи своемъ къ Тимошею, яко въ послѣдняя дни настануть времена люта, будутъ бо человѣцы самолюбцы, и происходя наведе: сластолюбцы паче, нежели боголюбцы; — се таково бысть и предъ сими лѣты, а нынѣ и злѣю горше. Понеже тщатся ратующіи церковь Христову до конца низиовреци, и ересь непоклонническую ввести, къ сему же и во исповѣданіи православныи вѣры Духа Святаго Господа истиннаго истиннымъ не повелѣвають исповѣдывати; якоже и Сына Божіа истиннымъ не возбраняють же исповѣдывати; еже есть глаголати: вѣрую во единого Господа Исуса Христа, Сына Божіа едиnorodнаго, иже отъ отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, свѣта отъ свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, а Духа Святаго въ исповѣданіи вѣры уже не хотятъ исповѣдывати истиннымъ, но повелѣвають глаголати: и въ Духа Святаго Господа животворящаго, а истиннаго повелѣвають не глаголати.

Мы же не вѣмы, что сотворити въ таковое горькое и плачу достойное время, и утѣшенія ни откуду не имамы, но всегда отъ тебе благословеніе восприяхомъ. И юже грамоту прислать еси къ намъ съ сыномъ своимъ, Теофилактомъ Гавриловичемъ, ей, во истинну возрадовахомся, яко не забвени твоею святынею быхомъ. Обаче и въ печаль немагу впадохомъ, помышляюще прежнее свое пребываніе, зане егда видѣхомъ твое святое житіе, тогда поне мало въ доброе помышленіе приходихомъ; нынѣ же бѣдни

къ кому прибѣгнемъ, и отъ грѣхъ себе оставити у кого научимся, и отъ широкаго и пространнаго пути, ведущаго въ погибель, удалитися отъ кого навикнемъ, и узкими врата, и прискорбнымъ путемъ ходити, ведущимъ въ животъ, кому подражаемъ? Но молимъ твою святыню, да не лишени будемъ и въ прочее время твоего благословенія и душеполезнаго твоего учительнаго къ намъ писанія о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, его же благодатию здравъ буди, и побѣждай помощію Его видимыя и невидимыя враги, молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ, и о насъ грѣшныхъ воспоминаніе имѣй къ Богу. Аминь.

№ 2. Отвѣтъ Аввакума Андрею Плещееву ¹⁾.

Противже сего многокозненнаго и прелестнаго посланія Аввакумъ протопонъ восписуеъ, лъсти и худы исполненныя оуста заграждаетъ и посрамляетъ, и яко остріемъ меча посѣкаетъ вселукаваго языка глаголю. Спаситель же сему авва Спиридонъ.

Правду рекль еси воспомянуувъ дружество, еже по Христѣ, яко пользно есть, и азъ тебѣ глаголю, яко не точію полезно, но паче солвечныхъ лучъ просвѣщаетъ и согрѣваетъ друзей искреннихъ, иже о Христѣ, единомъ оучителѣ всего христіанства, а не кроимъ Христа, якоже глаголеши, повинутися мудрѣйшимъ, отъ нихъ же оутайтъ есть Господь танны благодати своея, а открылъ есть та младенцемъ, да боуиствомъ проповеди спасаетъ вѣрныхъ своихъ, а не мудрѣйшими, якоже ты глаголеши. Чти слово истиннаго оучителя Христа Спаса нашего, аще еще не отрекль си его всема, а еже оуслаждаеши моудрѣйшими исправленія въ церковныхъ догматехъ, то сія соуть исправленія отпадшихъ, сладка соуть отпадшимъ, а сыномъ сіонскимъ горка соуть. Церковь бо созда Христось сицѣ святу и крѣпку сицѣ, не преклонну и недвижиму, яко не токмо оуста еретическая, но и самая врата адова не одолѣють ея, по словеси Господню, въ неи бо Христось живетъ и въ неи царствуетъ и не даетъ ей погрѣшити ни малочто не токмо в вѣрѣ и догматехъ вѣры, но ни малѣйшеи чертицѣ божественныхъ церковныхъ догматъ, канонѣвъ и пѣсней. Вся бо церковная цѣла соуть и ничимъ же вредима. Отпадшии же отъ церкви, невѣроуютъ словесемъ Христовымъ, яко церкви Христовы врата адова не одолѣють, никакову исправленію не подлежитъ отъ начала вѣры даже до скончанія вѣка; по перваго звѣрѣ пестроту во всемъ приемиши, хулоу глаголютъ на Бога и на селеніе его, еже есть церковь и на вся живоущая, а себѣ самѣхъ нарицають церковию. Глаголютъ бо: поблудиша отцы наши в церковныхъ догматѣхъ и многа времена въ погруженіи пребысть, даже до насъ; мы же

¹⁾ Сборникъ Имп. Публ. Библ. Q. I. 486, л. 188 об. — 200. Варианты по сборнику той же Библиотеки Q. I. 476.

нынѣ ко исправленію оумудрившеса, погибшее обрѣтаемъ, а строцотная гладка сотворяемъ, а еже церкви Христовой врата ада не одолѣють, сего и вопросити стыдятся за великою моудростію. Но церковь святая соборная и апостольская, въ ней же Христосъ живетъ, глаголя: съ вами есть (?) по вся дни до скончанія вѣка, вѣсть проклинати отпадшихъ, и не первыя есте вы отторгшеса от единства церковныя вѣры. Мните себе исправляти и под титломъ исправляти, чемъ далѣе, тѣмъ глубѣе (вар. глушѣе) во адово дно себе низводите; и тому мнимому вашему исправленію конца не будетъ, дондеже не останется в васъ ни едина малѣйшая жилица христіанская. Тако бо отпадоша ариане от церкви Христовы і исправиша себе въ лютѣйшую гибель: тако македоніане ж пріяли, тако и прочіи вси, тако римляне, тако оуніаты, тако люторяне, тако алсовизниты (?), тако вси отметающіися Христа, и неприемлющія словесъ Христовыхъ, о нихъ же глаголетъ Богословъ, глаголя: всякъ преступаяи и не пребываяи во ученіи Христовѣ Бога не имать.

Твори еже хочещи, азъ же оуже сумнюся о твоємъ обращеніи, по словеси святаго апостола Павла, яко плотское мудрованіе вражда на Бога, закону бо Божію не повинуется, не можетъ бо оуже покоритися. А еже глаголеши о сложеніи перстовъ во еже знаменати лица христіаномъ, тако хоульно, яко глаголеши, то нѣсть дивно: во тмѣ бо затворенныя како можетъ свѣтъ видѣти? символъ бо православныя вѣры раздирая отъ словесъ Христовыхъ како можетъ о крестѣ Христовѣ добрѣ мудрствовати? Тѣмъ же бо святѣя тайны сокровенныя соуть в сложеніи перстовъ и во знаменіи креста Господня на лицахъ христіанскихъ, яже и во святомъ непорочномъ символѣ православныя христіанскія вѣры.

А еже намъ отсылаещи прочести въ писаниихъ подкрѣпленіемъ (sic!) словесемъ твоимъ, — тамо бо прочтохомъ и познахомъ нравъ твоего мудрованія, подобенъ чловѣку оутопляющему, емоу же аще бы кто и бритву подаль, и за ту хватается: тако и ты вездѣ смѣхъ себе сотворилъ еси. А понеже соуетныя сія глаголы издавъ не стыдишися, то азъ тя стыждоуся предъ людьми святыми, иже соуть столпы непоколебиміи во православной христіаньской вѣрѣ и во святой соборной апостольской церкви, еже никогда же врата ада не одолѣють, никакова исправленія не требуетъ. Аще бо и ангель с небеси восхотѣлъ исправляти, анаема да боудеть по писанію; не токмо нынѣшнихъ піяныхъ апостоловъ исправленіе, которыя всегда с похмелья моудрствуютъ, составляюще лукавыя догматы, еже изгнати отъ чреды церковь Христову и поставити мерзость заустѣнія во христіанехъ, да скорѣе речется в людѣхъ миръ и оутверженіе, по писанію и нападетъ на нихъ всегубительство внезапно. Ей не видеть, возлюбленне, благодать духовная в тѣ оуста, в няже входитъ вино кормчемое, аще и тмократъ наречеши ихъ моудрѣйшими: поведоуть тя с ними, идѣже аще хочещи, возопіеши: горѣ и оувы. Но не во время еще глаголеши, облыгая святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, якобы онѣ имѣли отлучати от Святыхъ

Троицы Отца и Сына и Духа Святаго тѣхъ, которыя не пріемлютъ вселукаваго римскаго догмата, в тѣхъ перстахъ сокровеннаго, и лѣстію хоулоу на Святыи Духъ наводящаго, о немъ же ты ниже слышалъ еси тогда. Сія ложь на святыхъ пастырей нашихъ, а не истина: вѣдать бо знати святѣйшія патріархи, яко сатана сокрывшеся прельсти прародителей нашихъ, тако же и нынѣ творить, ища потопити вѣрныхъ в непрощенномъ нечестіи, еже есть хула на Святыи Духъ истинный. Троицею бо кромѣ воплощенія Сына Божія и страстей Христовыхъ знаменати крестъ хоулно есть и нечестиво, развѣ аще кто продаетъ вѣру за 30 сребреникъ, سموже соудитъ Богъ.

А о яблоки: красенъ бѣ и добръ в снѣдъ иже Адама оумертвивый плодъ, его же вы нынѣ возжелѣете вкушати прежде времени, не вѣдуще силы въ словеса семъ: проси есте на яблокахъ предавія церкви Христовой. Не вашихъ пѣныхъ мудрецовъ разоумомъ, но всецѣлымъ россійскимъ соборомъ во время святаго священія пріятъ церковь россійская просвѣщати яблоки, за скоудость винограда, точію да не лишится молитва тая плода: во всемъ послѣдуетъ святой соборной и апостольской церкви греческаго закона. Тогда еще непорочна соуци, понеже нынѣ, егда расколъ творятъ книги еретическія от римлянъ, от парижанъ, от венетовъ и продаемыя грекомъ, (прочее оумолчи до время) и тѣмъ книгамъ зазорнымъ, сквозѣ еретическія роуки прошедшимъ, святѣйшія вселенскія патріархи ни в чемъ не послѣдуютъ, но еще и с великимъ трудомъ преписоуютъ себе книги с непорочныхъ книгъ писъменныхъ, и потомъ правятъ слово святыхъ истинны: имъ же во всѣхъ послѣдуютъ моуравы, болгары, сербы, малтани, волохи, оугрове. Тѣ все непорочныя книги печатаютъ словенскимъ языкомъ и по нихъ работаютъ, а не такъ, якоже ваши нынѣшнія дрожжами прокислыя мудрецы трясоуцимся роуками пишоутъ, ползающе по земли, яко гадове: что могутъ доброе начати. А ты ихъ моудрѣйшими нарицаешъ и мнѣ тѣмъ повинутися радѣшъ. От нихъ же ты самъ бѣжати долженъ еси, аще хочещи Христа видѣти в день суда: церкви бо Христовой и врата адова не одолѣють, в ней же аще бы и ангель дерзноуль что подвигнууть, анаема да будетъ. По писанію вашему, возлюбленне, церковь в ней же глаголеши погибшее обрѣтосте, косвенная отрѣваете, кривое правите, и стропотное гладка сотворяете, — како не одолѣша васъ врата адова, понеже та и таковая въ вашу церковь внидоша и много время в таковомъ блазненіи пребысть, то како тоу наречете Христову, то како ея врата адова не одолѣша по словеси Господню? Прииди в чувство, в кѣихъ обрѣтаешися, аще мощно ти есть познати истинну, да не погубиши себе во вѣки; припади къ ногамъ распятаго за ны истиннаго оучителя Христа Бога нашего; призови Духа истиннаго и наставитъ тя на всяку истинну. Того бо ради положи Господь во святомъ евангеліи притчу о блудномъ сынѣ, да познаемъ церковь Христову, и отступленіе в правду и блуженіе: что бо принесе блудныи, развѣ наготову свою, и пріятъ первоую одежду и наслажденіе въ дому милостиваго отца и паки сынъ наречеса въ дому отчемъ: не семуо спо-

добляемся, аще двоєдивно согрѣшаемъ, кромѣ хуленія на Святыи Духъ рекшему едино слово, ниже не подобаетъ нарицати въ символѣ истиннымъ. Аще и едино есть; сомнюся о его спасеніи: сей бо содержитъ истинну в неправдѣ; по писанію нѣсть бо мощно символъ прочитати без истиннаго. Кто сему повѣритъ: се бо есть истинна в неправде, на се открывается гнѣвъ Божиі, по писанію еретикъ несетъ гнѣвъ Божиі за ересь, а настѣдникъ за наслѣдіе, застоупникъ за застоупленіе, а молчай за молчаніе, а невѣжда за невѣжество свое. Гнѣвъ Божиі проливается по пророчеству Іезекііля пророка. Прочее оумолчу, да не гнѣваются людіе.

На новоумысленный чистецъ. Глав. 14, Вѣра л. 11. Лук. 83.

Пронасть велика между нами и вами утвердися, яко да хотящїи пренти отсюду къ вамъ не возмогутъ; ниже оттоуду к намъ переходятъ. Въ божественномъ писанїи два мѣста обрѣтаемъ: едино праведныхъ, а другое грѣшныхъ; два же и владыки господствуютъ: въ небесехъ Господь Богъ со своими святыми; во адѣ же діаволь со грѣшными; два же паки пути; по нихъ же человекъ по своему произволенію на семь свѣтѣ живоущїи переходятъ (Въ бесѣд. святаго Моисея съ Касіан.): единъ къ царствію божію, а другїи к царству діавольскому проводятъ,—и о третїемъ не вѣмы, кто владычествуетъ имъ и на коемъ мѣстѣ обрѣтается. О дѣтелехъ двоихъ для оувѣднїи правовѣрнымъ достоить воспомянути, яко да не надѣющеса на третїи, на слабое житїе уклонятся, но святыхъ наслѣдующе, на семь свѣтѣ терпѣнїи подвиги очищаются, и тамо неочищенїа ради, но упокоенїа ради отидуть. А сіе въ велицемъ оудивленїи есть намъ яко ни единъ отъ святыхъ не важна ся разумѣль, ниже отложи, яко да в боудущемъ вѣцѣ очистится, но здѣ вся сія исправивъ очистися, и намъ, аще хоцемъ тамо быти, наслѣдовати ихъ потреба. Христосъ Спаситель въ божественномъ своемъ евангелїи два пути, и два мѣста являетъ, глаголя (Мат. 21): тѣсенъ поуть вводяй в животь, а широкъ поуть, вводяй въ нагубу, и мнози соуть входящїи имъ. И на иномъ мѣстѣ (Мат. 12): буди отвѣщааяся с соперникомъ своимъ скоро, дондеже еси на пути съ нимъ, да не предасть тебе соперникъ соудїи и судїя тя предасть слузѣ и в темницу ввержень боудеши. Здѣ не чистителную разумѣвай, но вѣчную: святїи богословцы вси тако разумѣють, о чесомъ боудеть ниже: (Мѣ. 25. зач. 104, въ той же главѣ зач. 105) От притчи же, еже о десяти дѣвахъ можетъ всякъ рассуудити, яко пятїихъ дѣвъ за оскудѣнїа елея въ чистецъ не отосла. Тамо же и того, иже не оусоугоуби таланта, во тму кромѣшную, а не в чистецъ праведныи судїа ввержень повелѣтъ; и за сіе, еже кто алчущаго не накормилъ и иныхъ милости достойныхъ дѣлъ не сотворилъ и за самое праздноє слово, не в чистецъ, яко же в той главѣ, замыкаеть, и идуть, рече, сіи в моюку вѣчную, праведницы же въ животь вѣчныи; се оуже в божественномъ евангелїи о чистецѣ ни единого помяновенїа нѣсть.

Идемъ же до святыхъ апостоловъ. Святыи апостоль Петръ пишеть (во 2 посл. глав. 2, зач. 67): вѣсть Господь благочестивыя от напасти изба-

вляти, неправедники же в день соудныи моучимы бжюсти. Пространнѣ же о семъ во глав. 2 и 3 пишеть: яко все отложено страшныи день. Святый апостоль Павель (во 2-мъ къ Солун. глав. I, зач. 274) пишеть: не послушающимъ благовѣствованія Госюда Нашего Исуса Христа иже моуку примуть погибельну вѣчную; и от сихъ словесъ апостольскихъ в посланіи к Кориньфомъ (гл. 3, зач. 128) идѣже тако пишеть: аще ли кто назидаетъ на основаніи семъ злато, сребро, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе, коего же дѣло явленно будетъ, день бо явить, зане огнемъ открыеться; кіи же день той по святыхъ сказанію страшнаго суда (2 Кор. гл. 5, зач. 179), той же, всѣмъ намъ явитися подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да приметъ каждо, яже с тѣломъ содѣла, или блага, или злая. Святый Іоаннъ Златоустъ (Вѣсѣд. 9, глав. 3) на сія словеса пишеть: аще кто житіе злое имать с вѣрою правою, не застоупитъ его вѣра, во еже не моучитися дѣлу (?) стараемому, ниже той же спасеться тако же, яко же огнемъ; спасеться ничто же ино, развѣ протяженіе моуки назнаменована, яко аще бы глаголашь, той же боудеть непрестанно моучимъ, то есть, самъ не згоритъ тако, якоже дѣла, но боудеть пребывати во вѣки во огни. А иже святый Даниль пророкъ в видѣніи своемъ, о рѣце огненѣй воспоминаеть сія словеса: зрѣхъ, дондеже престолы поставишася, и ветхїи деньми сѣдише, рѣка же огненная течаше, исходящи предъ Нимъ. На сія словеса мнози от святыхъ писали, яко же и на словеса Давыдова: огонь предъ нимъ возгорится, въ толкованіи, ни одинаго помяновенія о чистыцѣ не творять. Святый же Амбросіи, сице о семъ пиша глаголетъ: по скончаніи свѣта сего, сіе боудеть крещеніе, егда огнемъ поалена боудеть злоба, яко да праведнии возсіяють, яко солнце в царствіи Отца ихъ, и аще кто бы Петръ былъ, или Іоаннъ, крестити сія боудуть тѣмъ огнемъ. И с нимъ согласнѣ святїи богословцы пишють, яко вси провожаеми боудуть сквозѣ огненую рѣку, яко и праведнии, овн на потопленіе (осужденіе), а овн на просвѣщеніе. Святый Василїи Великіи тако пишеть на псаломъ 28: гласъ Госюда пресѣцающаго пламень огня: огонь той гласомъ Госюднимъ пресѣченъ боудеть, яко да боудеть соугубѣй силѣ едина на страшное сожженіе тѣхъ, иже его себѣ заслужили; вторая же на веселіе и на просвѣщеніе праведнымъ. Ниже: а ихъ же дѣла палитися боудуть, достойны покажють, яко дрова сѣно, и солома с подобною си вещью равно вѣчнымъ временемъ горѣти боудуть. И пакы той же в главѣ, пишеть: вѣдати потреба, яко пакы бѣиень боудеть много, и иже бѣиень боудеть мало, не конецъ, но различіе моукъ являетъ. Тертуліанъ древнїи оучитель (в глав. 35), о томъ же пишеть: не боудеть отпоущень и малѣйшии грѣхъ, в воскресеніе боудеть явленъ той же о воскресеніи (о души, в глав. 52), яко да не познаеть ада, которое бы на немъ даже до малѣйшаго кодранта, пли мѣдницы избавленія потребуеть.

Ѳеодоритъ пакы пишеть і Екуменїи 13 день пришествія Госюдня, боудеть острое и сильное свидѣтельство, и тѣхъ, что добрѣ на семъ свѣтѣ по-

жиша, яко злато и сребро огнь свѣтлѣйшихъ явить, оныхъ же пакы, иже беззаконія плодствоваху, по подобію древа, сѣна и сламы пожжетъ и прочая и обойметъ во вѣки. С ними же всѣми и святыи Исаакъ Сиріанянь явленнѣйше о двоихъ мѣстѣхъ пишетъ: что безоумнѣйше или несмысленнѣйше глаголющихъ, яко довольно ми есть геены избѣжати, а еже въ царство внити, не брегомо ми есть; еже избѣжати геены самое се есть, еже внити въ царство; а еже сего отпадути, в геену есть внити; не бо науучи насъ божественное писаніе три вмѣщенія, но что, егда приидеть Сынъ Человѣческій в славу своей, и поставитъ оубо овцы о десную себе, козлища же о шоуюю. Ниже: не три бо чины рече, но едино о десною и едино о шоуюю и разлучитъ предѣлы селеніемъ ихъ рекъ, яко идуть сіи в моукоу вѣчноую: явѣ, яко грѣшницы; праведницы же просіяють тогда, яко солнце, въ царствіи. Отъ сихъ всѣхъ доводовъ и свидѣтельствъ показуется вельми явственнѣ, яко ни одинаго очистительнаго огня нѣсть, въ немъ же бы нынѣ души нагія бес тѣлесъ чистилися, и искушеніе имѣли: душа бо по разлученіи от тѣлесе, не тѣлеснымъ вѣществомъ бываетъ и не подобно, яко да видимымъ огнемъ моучитися имать, но здѣ на семъ свѣтѣ, якоже святыи Григоріи Богословъ пишетъ, искушается печальми и хлопотами, якоже и вси избранніи Божіи искоушаеми бѣша, заче тамо моученію, а не очищенію время приидеть, яко по святому Дамаскину душа ни добра ниже грѣха, здѣ пребываючи бес тѣла, творити не можаше, но вкоупѣ. Того ради и обое вкоупѣ мзду благоую или злоую примуть; сего ради и за оумернихъ молимся и милостыню творимъ, яко еще и малѣйшыя грѣхи несужены, яко да симъ прежде суда благаго умоляемъ судію и без чистця благодатію Божіею и изліяніемъ кровѣ Сына Божія можем ся очистити; а кто вѣрнѣ въ чистецъ, той боудеть в немъ чиститися во вѣки. Мы же пакы православніи вѣруемъ оправданію Господню, имъ же призва насъ и избави и освяти, и вѣчныя свѣтлости причастники сотвори, в сей истиннѣй вѣрѣ по Бозѣ живоуще да сподобитъ насъ вѣчныхъ благъ достигнути, Емоу же слава и поклоненіе, во вѣки вѣкомъ. Аминь.

№ 3. Аввакума отца разсужденіе ¹⁾.

Еже ми прислали поученіе отъ правилъ обравше ²⁾, и о семъ благодарю Бога, давшего ³⁾ вамъ таковую благодать и премудрость, яко храбро поведствуете стадо Христово. Но молю вы: посудите и на предняя дни разсмотрите: егда до конца истребятъ истинный уставъ крещенія, тогда по-

¹⁾ По списку Имп. П. В. № О. XVII. 37, л. 8—9. Варіан. по ркп. В. Г. Дружинина, № 39, л. 144—150.

²⁾ Собравше.

³⁾ Давшему.

добаеъ совершенно крестити; а дондеже отрицають и погружаютъ, сихъ догматъ передѣловати не подобаеъ, но токмо молитвы, и октеньи, и символъ, то дѣйствовать снова, и масломъ прежесвященнымъ помазати, и водою святою покронити, и обведше по уставу кругъ купѣли, цѣловавъ святыхъ иконы, причастити святыхъ тайнъ. А въ вѣнчаніи брака молитвы всѣ же подобаеъ говорить, а вѣнцы аще на главахъ быша и на рукахъ перстни, вдругорядъ не подобаеъ возлагати, а святіи молитвы ⁴⁾ пѣвше кругомъ въ посолонь водити подобаеъ.

И о понахъ судихомъ: аще и старои рукоположенецъ блудитъ, не подобаеъ отъ него ничтоже примати. Аще ли новикъ ревнитель крѣпкой, по нуждѣ принять его будетъ въ службу потребъ мирскихъ, но токмо ему не комкать. А егда мощно старое получитьи, добръ бы благо (было?). Но не всѣмъ вся возможна. Чаю, егда новикъ оплачетъ себя стонавше, призоветъ духовное дѣйство и въ комканіи, проклявше еретическое дѣйство. Понеже сіе время ис правилъ вышло; плуце мучителей еретическіе коби; святіи отцы правила узаконоложиша на тихое время, идѣже самовластіе бываетъ; а егда гонима церковь, по нуждѣ всяко бываетъ. И безъ воды и безъ дѣйства иной огнемъ и мукою крестится, исповѣдуя Христа Сына Божіа быти. И сіе могіи вмѣстити, да вмѣститъ. Есть, рече Господь къ Никодиму, аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царство небесное. Да и кровь-та въ мученіи судитъ воды купѣльныя. А и слезами-тѣми кто помоеъ свои недостатки, и сія вода добра бываетъ.

Вося при ⁵⁾ антихристѣ томъ испразднится всяко священство, но развѣ маліи въ разсѣлинахъ горскихъ, но Христа до конца не испразднить и благодать Духа. Помни въ писаніи на пути крещенъ пескомъ бысть по нуждѣ и пріято Богомъ. И дѣти, играюще на камени, пѣвше литоргію, и бысть жертва. Кольми жъ въ неимущее время плачущему послеть Богъ Духа Святаго освятити дары или въ крещеніи, и въ вѣнчаніи, или ино что отъ таковыхъ. И простолудинъ плачуще призоветъ Духа Святаго, и будетъ ему, аще речеть: всякъ бо просяи приметъ и ищай обрящетъ. Самъ рече Владыка. Нынѣ еще перебиваемся кое-какъ, а тогда нужно будетъ не токмо церкви, но и книгъ православныхъ; но и губами пошевелить нельзя, развѣ сердцемъ держатися Бога.

Ну, чадо, на васъ полагаю: какъ лутче и какъ мочно, такъ и добро. Не на никоніянъ гнѣваяся, подобаеъ тайны тѣ исправляти, но Бога блюдея. Что зло, то зло, а что нарочито, то и такъ пускай.

⁴⁾ «Святіи мученицы».

⁵⁾ Вся сія при...

№ 1. Того жъ посланіе ко иному ¹⁾.

Отвергли никоніяна вѣчную правду церковную, не восхотѣли пятію персты по преданію святыхъ отецъ креститися, но нѣкакo странно трема персты запечатлѣшася въ сокровища всегубителя, глаголю, печатію запечатлѣшася антихристовою, въ нейже тайна тайнамъ бѣ: зміи, звѣрь и лже-пророкъ. Всякъ, трема персты знаменуяся, не можетъ разумѣти истины: омрачаетъ бо у такового духъ противный умъ и сердце его. Подобаеть бо христіянину зѣлокъ сему опасну быти и о семъ нещися день и ношь въ молитвахъ и умиленіихъ пребывающу, да не преткнетъ яко о камень ногу свою и невѣденіемъ погубить однородную душу свою. Велія бо язва и неисцѣльна отъ трехъ перстовъ бываетъ души. Лучше бо человѣку не родитися, нежели трема персты знаменатися. Да и прочіихъ удалятися подобаеть преданій еретическихъ. Понеже и крещеніе еретическое нѣсть крещеніе, но оскверненіе. Аще никоніяне крестятъ дѣтей, подобаеть послѣ нихъ православному попу сызнава молитвы вся говорить, а не отрицать паки, ниже второе погружать, но токмо поставя въ купѣль, молитвы проговоря, и масломъ помазать, и мирою, и около купели обойти. Есть бо сицѣва правила, повелѣвають и престолюдину по нуждѣ крестить, и простому иноку: аще простой инокъ или престолюдинъ крестить по нуждѣ болящаго, и умереть крещеный, благодать такового совершить, умереть крещенъ; аще ли оздравѣеть, да несутъ его въ церковь, довершитъ его священникъ, поставя въ купѣль, и молитвы вся глаголетъ и прочая по выше-реченному ²⁾.

Отъ новопоставленныхъ вѣнчавшихся на духъ пріимать, и давать по силѣ имъ епитимью, а распуцатися имъ не вели. И въ вѣнчаніи кое новикъ не исправилъ, ино ты доверши, молитвы старья говори. Такожъ и младенцевъ, отъ новиковъ крещенныхъ, аще отрицать и погружалъ, не перекрещивай, токмо молитвы старья проговори, и масломъ помажь, и что новикъ не дѣйствовалъ, доверши. А будетъ отрицаніе и погруженіе не было, и ты сызнава крести совершенно. Такожъ отъ староставленнаго по новому Потребнику, — и надъ всѣми дѣйствуй также по прежереченному. А кои по старому Потребнику крещены отъ кого-нибудь, тѣ и такъ живутъ. А попы-тѣ старой или новой по новому дѣйствовать, одна бездѣлица; а буде по старому дѣйствовалъ новикъ или старой, (а служба по новому), кладу то въ дѣло и крещеніе и вѣнчаніе ³⁾.

О крещающихся младенцахъ. По старому Служебнику и новопоставленной пошъ, аще въ немъ духъ не богопротивенъ, да крестить ребенка. Гдѣ

¹⁾ По рук. И. П. В. № 0 XVII. 37, л. 9 об.—14 об. Вар. по списк. В. Г. Дружинина № 39, л. 150 обор.—160 обор.

²⁾ Мат. для ист. раск. т. VIII, стр. 68—69.

³⁾ Срав. Мат. для ист. раск. т. VIII, стр. 103—104.

же дѣтца: нужда стала. Аще и старой попь поновому Службенику, неприято. (Кой проклинаеть Никонову ересь да за Христа умереть тѣпится, за старую вѣру, того духъ не богопротивенъ). Есть шипеть въ правилѣхъ, не всѣхъ Духъ Святый рукополагаетъ, но всѣми дѣйствуетъ, кромѣ еретика. И я то помыпляю: иной станетъ въ попы-тѣ, а душею о старинѣ-той горить, таковыхъ по нуждѣ пріемлемъ; аще богоборствуетъ и старой чортъ, плюнь на него и съ паками ⁴⁾).

А которые люди въ никоніанскіе храмы не ходятъ и съ ними не соединяются и не молятся, тѣ добрѣ творятъ. Не подобаетъ благочестивому съ нечестивымъ соединяться, по писаному, каа часть вѣрному съ невѣрными, и кое общеніе свѣту со тмою, и Христу съ веліаромъ, и церкви Божіи со идолы ⁵⁾).

А иже въ православныхъ церквахъ, гдѣ иѣние безъ примѣса внутри алтаря и на крылосахъ, и попь новопоставленъ, о семь посудить. Аще онъ попь проклинаеть никоніанъ и службу ихъ и всею крѣпостию любить старину, по нуждѣ настоящаго ради времени, да будетъ попь. Какъ же міру быть бес поповъ? Къ тѣмъ церквамъ приходитъ. Будетъ же попь и старопоставленъ, блудитъ хотя мало вѣчто, бѣжать отъ него подобаетъ ⁶⁾).

А ижъ новопоставленный попь придетъ въ покаяніе, и прокленеть ересь никоніанскую, и чисто учнетъ хранить старое благочестіе, таковой да глаголетъ: «Благословенъ Богъ», и возгласъ «Яко Твое есть царство», и служить вечерню, и утреню, и часы, и молитвы роженицамъ говорятъ, и крестить, а литоргисать ему не повелѣваю: страшно дѣло се и чистыхъ рукополагаемыхъ. Аще ли постражетъ отъ мучителей, и кровь свою пзлеть за старое благочестіе, мню, тогда можетъ освятитися отъ вышняго рукоположеніемъ и будетъ оттолъ попь совершенъ, литоргисавъ, и причащаетъ невозбранно.

Прости, чадо, нынѣ еще первое горе, а во второмъ еще краше тово будетъ; а таки спасайся да спасется: меньше—петь спншь, да болше ре-вешъ, воставше ночью. А къ попамъ тѣмъ для чево не хотите итти къ православнымъ? Сіе, мнѣ мнится, гордость въ васъ воуетъ: я де и самъ болши Досифея и прочихъ знаю. Худо, нехорошо такъ; Досифей, слышу, человекъ добрый; аще бы мнѣ возможно, я бы и самъ литоргисаль съ нимъ.

Спаси Богъ чада церковныя, яко опасство ко лжебратіа имате; пріиметь Богъ ваше благоразуміе, но о священствѣ и о причастіи не по разуму мудрствуете. Глаголете: упражненіе, -- не бойтеса, свѣты, и по антихристѣ не упрания тѣло Христово составляемо быти до скончанія вѣка. Токмо раз-смотреть поповство то надобно: мнози бо лжепороцы и лжехристи преобразуются въ апостолы Христовы, сыны геенны. И вы веть душу разумичну

¹⁾ Мат. для ист. раск. т. V, стр. 234, пр. 1.

⁵⁾ Мат. для ист. раск. т. V, стр. 221.

⁶⁾ Мат. для ист. раск. т. V, стр. 221, примѣч. 1.

имате: аще учить право по старому православію, по книгамъ Филаретовымъ, приѣмлите такового, а иаустныхъ—тѣхъ гордоусовъ мочно вамъ разумѣть: языкомъ говорить, а дѣлы отмещется.

Не прелагай предѣлы, яже положиша отцы, и держи преданное неизмѣнно. Креститися подобаетъ, яко пріяхомъ, вѣровати жъ, яко крестихомся. А то воззвони во уши твои, сопостать, священство упражняешъ, да и таинство люторски и кальвински. Забрела ты, другъ, во глубину золь, восприяи; понеже ни самъ дьяволъ упражнити можетъ священнотаинства, нежели антихристъ съ чады. Рече ученикамъ своимъ Владыка: Азъ есмь съ вами до скончанія вѣка, аминь. Глава наша Христосъ, царь и архіерей сый. Коли уставъ (святыни) упразднить попуститъ, не блазнися, чадо: аще изгнано будетъ священство, но не до конца погнбнетъ.

А кои не причащаются люди, и онѣ дѣлають не гораздо, своимъ умысломъ говорятъ: взята де благодать. И послѣ антихриста, послѣднева чорта, благодать та не покинетъ вѣрныхъ своихъ. Самъ Господь во евангеліи на учаеть: се Азъ съ вами есмь до скончанія вѣка, аминь. А о главѣ что тужить или о мѣстѣ, по жидовски о Іерусалимѣ, да у насъ на всякомъ мѣстѣ владычество есть. Благослови душа моя Господа. Тогда жреніе во одному Іерусалимѣ бысть, а отроки въ чужен странѣ въ Вавилонѣ тако рекоша. А опослѣ и паки по седмидесяти лѣтахъ возвратися плѣнъ и взыде Немя, градъ паки и храмъ воздвиге высокъ и остѣненъ. Златоустъ научаеть, Маргарить, Слово на Юдея. Чти и Библѣю. И паки до Антіоха жрали служба. Антіохъ пришель, паки разорилъ градъ и осквернилъ святая, полчетверта лѣта кумирѣ его стоялъ на мѣстѣ святе, во образъ антихриста по всему. Да послѣ ево до Христа лѣтъ съ триста и болши и паки служили. Христосъ пришедъ упразднилъ вся. По вознесеніи лѣтъ 40 минувъ, римская власть и градъ, и храмъ, и люди вся разсѣяше. Иосифъ Евреинъ пишеть, и Златоустъ, и иніи мнози. Тако и здѣсь разумѣй: до втораго пришествія Христова будетъ служба, полно нужно въ горахъ и въ вертенахъ укрывающесея. Разумѣй, дѣти коли и на камени обѣдную сдѣлали, огонь съ небесе приде.

А иже отъ причастія себя отлучають, а мочно толко получить сокramenta святаго, чистыя святыя службы, и я того не похваляю. Рече бо самъ Господь: ядый мою плоть, и пійяй мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ. Какъ то такъ дерзо глаголють, яко не обрящени святыхъ таинъ. Только то и людей святыхъ, что бытто одны мы, а то всѣ погнбли! Миленкіе батюшки, добро ревность по Бозѣ, да знать ей мѣра. Не блюдися ¹⁾, до конца не упразднить жертвы-той и самъ антихристъ. Самъ бо рече Владыка: Азъ есмь съ вами до скончанія вѣка.

А Дмитрей понъ сперва не разумѣя по новому служилъ, и я тогда отъ него пострадалъ. Приѣхавъ съ Москвы, почаль по старому служить, и ко мнѣ просевру присталь, и я принялъ просто, не развѣдавъ о томъ. И чайлъ

¹⁾ Не блазнися.

онъ о первой-той блудни покаялся, а онъ бес покаенія служилъ. Просвиру ту принявъ и положилъ до завтра, а въ ноци той вскочили бѣси и умучили меня, еле-еле молитву назнаменовалъ,—такъ отскочили. На силу всталъ, исполу живъ, не вѣмъ коея ради вины, а се въспала та-то просвира на умъ. Я не знаю, что съ нею дѣлать, а крестъ на ней Христовъ. Выложилъ ея за окно. Другая ноць пришла, дрожу, боюсь,—послѣ правила также взвалился, и не сплю. Ано вскочили опять бѣси з домами и гутками, да сѣлъ у нихъ хорошее-гъ врагъ на томъ мѣстѣ, гдѣ просвира-та прежде была, да почать играть, а меня ужъ не замаютъ. Игравъ, псезди. Я догадався, да затопя избу, да и въ печь просвиру-то, да и пенелъ за окно,—поди къ черту все,—да и здоровъ сталъ. А до тово не могъ отъ бѣсовъ-тѣхъ. Да много тово розказывать, Дмитрею—тому отписалъ, такъ онъ покаялся и бысть мнѣ сынъ духовной. Велѣлъ я оиать прислатъ просвиру и просилъ Бога недостойнствомъ своимъ. Въ ноци вижу: солнце возсіяло на церковь-ту, гдѣ онъ служить, а онъ тутъ оскорбяся бродить, ино мнѣ на просвиру-ту, яко перстомъ указало. Духу Святому осѣнившу мя, я ухвати и поцеловалъ ея, да на обѣдѣ и сѣлъ, да и сталъ отъ него святяню принимать, и нынѣ служить по старому ⁹⁾).

№ 5. Посланіе къ какимъ-то черницамъ, безъименное ¹⁾).

Бабушки чернушечки, вонмите глаголемая: тогда бо тогда нынѣшній нравъ добродѣтельный во ангела претворить, или влый нравъ въ бѣса претворить. Приклоните уши ваши во глаголемое: не риза спасетъ, но нравъ; не мѣсто пустынное, но обычай благий. Слушайте жъ совѣта моего к вамъ любезнымъ моимъ: повинуйтесь наставникамъ вашимъ и покоряйтесь и, яко отъ устъ Божіихъ, заповѣданная отъ нихъ храните. Есть во Отечницѣ писано: приде Иванъ Лѣствичникъ во обитель ко Иванну Великому, и рече Великій ко Лѣствичнику: хоцещи ли, да покажу ти раба Божія? И отвѣща Лѣствичникъ: хощу, честнѣйшій отче. И сѣдшемъ имъ ясти за трапезою, возва Иванъ Великій ветха денми и сѣдинами украшена дьякона Лаврентія: изъ-за стола гряди сѣмо, Лаврентій. Онъ же скоро восприянувъ, не ядше предста у трапезы игуменовы, зря на пгумна Иванна, аки на Христа, не смѣя воспросити, чего для возва. Иванъ же, съ Лѣствичникомъ бесѣдуя, ничто же Лаврентію не рече во весь обѣдъ и егда же отъиде столъ, посла Иванъ Лаврентія не ядна ко Исидору осужденному желѣзному, повелѣ псаломъ 34 изглаголати. Удиви же ся Лѣствичникъ таковымъ сѣдинамъ послу-

⁹⁾ Срав. Мат. для ист. раск. т. V, стр. 197—199. Отсюда по списку Дружинина до конца идетъ отрывокъ изъ «Посланія къ нѣкому Юанну», т. V, стр. 225 и т. VI, стр. 62—63. Со словъ: «Да и старыя ставленники, коснувшися агньца неправеднаго».. до словъ: и прочая тамъ пространно.

¹⁾ По рукописи Н. П. В. № О. XVII. 37, л. 14 об.—15 обор.

шанія. И потомъ скончася Лаврентій и испиѣ миро изъ ногъ его въ показаніе послушникамъ, и нетлѣнно яви Богъ тѣло его трудолюбное. Видите ли, матушки, каковы плоды растутъ отъ послушанія. Вонми: прежде же избери себѣ наставницу руководства небеснаго неблазненну, и егда подклониши главу свою, не моги таяти отъ нея дѣлъ своихъ и помышлений; аще заповѣсть ти что и во мнящихся злыхъ тобою, должна еси послушати, развѣ ереси и блуда, и цѣнства вина неразтвореннаго. Сего не подобаеъ послушати, а аще мясо велить, искушая тя, ясти, яждь: аще и спать велить, спи; аще и бѣгать ты, терпи; аще и не кормить, терпи; аще и злословить, молчи; послала, побѣги; не велѣла, возвратись; дала что, приими; отняла, поклонись. Да та вся приеми Христа ради безъ ропоту, служба, яко Богу, а не человѣку, о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ.

№ 6. Посланіе къ неизвѣстнымъ ²⁾.

Благословите, отцы святіи, благословите, преподобныя матки. Како пребываете и все ли по здорову? Дерзнулъ ногой грѣшникъ изъ земли пріитти въ нѣдра ваша. Освятите мя молитвами своими, понеже приплещь есмь изъ сквернаго мира. Ну, творите же о мнѣ молитву: благослови благословящая тя, Господи, и спаси уповающая на тя, и прочая. Спаси Богъ, миленькіе батюшки, очистники всего мира, и меня очистили поганца. Ей, право, отъ грѣхъ оскверненъ есмь. Вѣдаете ли, отцы и матки, есть ли любовь между вами? Скажите ми кратко: скажемъ ти, отче Аввакумъ, яко Богу, люблю брата, яко оусточку, себя жъ вмѣняю предъ нимъ, яко онучку. Оле, чудо! наполь достоянія нашего образъ, Христа превѣчнаго Бога. Ей, добро такъ! Всякъ бо возносяся смирится, а смиряяся вознесется; смиреніе бо побѣждаетъ всякъ грѣхъ, отцы святіи; понеже Христосъ смирилъ себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти жъ крестнѣй, тѣмъ же и Богъ Ево превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имени.

Простите, батки, пополь я къ маткамъ старицамъ въ кѣльи. Благословите, преподобныя, небесныхъ красоть смотрящи. Како труждаете, со страстьми и похотьми бравшеся и молящеся о благостояніи, святыхъ Божіихъ церквахъ и о царѣ Ѳеодорѣ и иже съ нимъ некущихся о исправленіи православныхъ вѣра? Рдыти ми, по здорову ли душа и тѣлеса ваша о Христѣ Исусѣ: здравъ буди, отецъ Аввакумъ, со всеми православными христіяны, мы живемъ десницею Божіею покровени, взирающе на начальника вѣрѣ и совершителя Исуса, ходяще по заповѣдехъ Божіихъ и оправданіихъ Господнихъ безпорочно. Слава Господу Богу. Веселитесь о Господѣ и радуйтесь, праведніи, хвалитесь, вси правіи сердцемъ. Простите и молитесь о мнѣ Бога Миръ вамъ всемъ и благословеніе со гражданы. Повидался съ вами.

²⁾ По рук. И. П. В. № О. XVII, 37 л. 29—30.

№ 7. Посланіе къ неизвѣстной ¹⁾).

Возлюбленной нашей о Христѣ радоватися, стоящей въ пути благочестія. Свѣтъ наша, буди благодарна въ скорбяхъ, помани Христа рекшаго; многими скорбьми подобаеъ намъ внити въ царствіе небесное. Отъ дней бо Ивана Крестителя царство небесное нужно есть, и нуждницы восхищаютъ. Милуя тебя, Богъ посылаетъ скорби и напасти, и озлобленія, да единокупно работай ему въ напастехъ, Бога своего и прославляй, яко Іовъ. Въ нихъ бо и възвыши всѣмъ разумомъ волю и возлюби скорби, да примѣши свѣтъ въ сердечныя очи. Богъ, любя твою душу, посылаетъ скорби, да прибѣгаеши къ нему. Нѣдѣи прибѣгоша, спасеніе получиша. Пишетъ бо ся: призови мя въ день печали твоея и избавлю тя. Сиди, Бога ради, не мятися; двоедущія Богъ не приемлетъ. Пишетъ бо ся: исправите сердца ваша, двоедущіи; его же бо любитъ Богъ, того и наказуетъ; скорбящихъ вопль плачевный восходитъ къ Богу и умножается благодать. Другъ нашъ, не отрадъ тебѣ будетъ, но и паче на скорбь. Проси отъ Христа милости и помощи, заступи ты Пресвятая Царица Богородица и всѣ святіи. Миръ тебѣ о Господѣ и спасеніе.

№ 8. Посланіе къ неизвѣстному ²⁾).

Брату любезному нашему о Христѣ радоватися въ вѣрѣ Христа Спасителя нашего. Миръ тебѣ отъ Господа, и святыхъ отецъ благословеніе, и молитва ко Господу Богу и Пречистой Его Богородици и отъ меня грѣшнаго. Буди надъ тобою милость Сына Вожія, осѣни ты Духъ Святыи истинный въ часъ искушенія, укрѣпи ты сила крестная, заступи ты Пресвятая Царица Богородица, сохрани ты ангель хранитель души твоея. Терпи, братецъ, возложи упованіе на Бога; уповающаго на Бога милость обидеть, рече бо Господь: прославляющаго мя преславилю; предъ владыки же и цари ведени будете мене ради, претерпѣвшій до конца, той спасенъ будетъ. Положи на сердце своемъ Христово слово. Не бойтеса отъ убивающихъ тѣло, души же коснутися не могутъ, не бойтеса, не оставлю васъ сирыхъ; Азъ есмь съ вами до скончанія вѣка, да еще и власть зъ главы вашея не погнѣнетъ безъ воли Отца Моего; въ терпѣніи вашемъ стяжите и душа ваша. Положись весь на Христа, выше силы не попуститъ быть искушенію. Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе, приметъ вѣнецъ отъ Христа Бога. Молися о насъ, Господа ради, а ты у насъ у всѣхъ въ сердце лежиши и молимся о тебѣ.

¹⁾ По рукоп. И. Публ. Виб. № 0. XVII, 37, л. 32 об.

²⁾ По рук. И. П. Виб. № 0. XVII. 37, л. 32 об.—33.

№ 9. Посланіе къ нѣкоему Аѳонасію ¹⁾.

Аѳонасій не умеръ ли ты? Да какъ умереть? Аѳонасій безсмертіе толкуется. Носи гораздо пироги-тѣ по тюрьмамъ тѣмъ. А Борисъ Аѳонасьевичъ еще ли Троицу ту страха ради не принялъ? Жюри ему: бояринъ де су одинаво умирать, хотя бы то де тебя скать по г . . . у тому плетми темн и побили, инобы некакая диковина, — не Христова бы кровь пролилась; человѣчья. А Хованской князь Иванъ Большой изнемогъ же. Чему бытъ! не хотять отстать отъ Антиоха тово египетскаго; раеленые куры да крѣпкіе меды какъ покинуть? Бѣдненкіе увязаютъ въ совѣтѣхъ, яже умышляють грѣшніи, да покинуть будетъ и не хотя, егда повелитъ Господь расторгнути душу съ тѣломъ. Аще и Илія и Енохъ не вкусили смерти плотски, по при антихристѣ и тѣ плотію постраждютъ и, на стогнахъ убиты полежавъ три дни и нощь, отъ живущихъ паки на небо въздутъ. Видишь ли, толикія свѣтила смерть плотски вкусятъ, а мы когда безсмертни будемъ? Ну, Аѳонасей, прости. Спаси Богъ тя за пироги; моли Бога о мнѣ. Миръ ти и благословеніе отъ всѣхъ насъ, а отъ меня и поклонъ съ любезнымъ цѣлованіемъ.

№ 10. Посланіе къ нѣкоему Іонѣ ²⁾.

Господи Ісусе Христе, помогай намъ, Сыне Божій, помилуй насъ.

Чадо церковное и господине отецъ святыи Іона, вопросилъ мя еси грубаго Богу и человѣкомъ, стараго, грѣшнаго протопопа Аввакума, ей, во грѣсехъ обветшавшаго. Отъ чрева матери моея работаю сластемъ вѣка сего, не мое дѣло то дѣло, еже сѣдѣти на Моисеовѣ сѣдалище, но то разумныхъ естъ и жизнь свою въ церкви изнуряющихъ, азъ же человѣкъ волокита и некниженъ сый, и гдѣ что возму, и вижу, и слышу. Словеса писанія обдержатъ мя по человѣку . . . ³⁾ рыкающе.

Развѣ ради послушанія, за молитвъ святыхъ Божіихъ, отвѣщаю малая. Господу помогающе, благослови, отче, и моли о мнѣ, да дастъ ми ся проглаголати слово къ полезному себѣ и вамъ. Вонмемъ реченая. Еже бо видѣхъ ты много въ человѣцехъ по градомъ раздѣленія во ученіи, и сему не дивлюся азъ: чреда бо имъ, по поущенію Божію; ови возсіяютъ, а ини погибають, и вѣрныхъ по писанію четвертая часть спасается. А обтекшихъ (?) никоніанехъ слова мнѣ нѣсть, тѣ явно грядутъ въ пагубу, по бесѣдую о старолубцахъ, иже между собою несогласуются и спорами

¹⁾ По рук. И. П. В. № 0. XVII, 37, л. 33—33 об.

²⁾ По рук. И. П. В. № 0. XVII, 37, л. 56—75 об.

³⁾ Слово стерлось.

безумными или речи правде высокомыслиемъ падаютъ, каждо своя хотя поставити, а не яже суть Божія. И сія грядуть стезею неправою, понеже Госнодь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать. А иже держатъ Евангеліе и Апостоль, а святыя иконы отменютъ, то явныя враги есть, сиречь нѣмцы. И ихъ есть вѣра такова: не приѣмлютъ святыхъ 7 соборъ, ниже словесъ святыхъ отецъ, ни иконнаго поклоненія, но токмо Апостоль и Евангеліе, и евангелики глаголются, такожъ люторцы и калвинцы. Священническій чинъ иноческій отринувше: и баба, и робя, умѣюще грамотъ, то и поиъ у нихъ. А иже глаголють, подобаеъ де намъ не подѣ клятвы законныя востати, и сего словесе, акибъ не разумѣюще, не по правдѣ толкуютъ писма сіе, но козненно. Есть такъ: Христось избавиль ны отъ клятвы закона ветхаго, той бо законъ плотянь бѣ, проклятъ тогда всякъ, вися на древѣ и праведно и неправедно: егдажъ распятея на древѣ Сынъ Божій, отголъ упразднилъ клятву законную, и бысть то древо проклятое — намъ благословеніе, сирѣчь: совостахомъ бо со Христомъ, отъ ветхія клятвы избавиль ны есть. И потомъ собравшимся боговидцамъ и слугамъ, апостоломъ и по нихъ соборомъ вселенскимъ седми, наложивша правила; не плотска суть, но Духъ Святый приде на апостолы во огненѣ видѣннй. Со Духомъ Святымъ правила располагающе и не хранящихъ подѣ клятву подагающе, глаголаша: иже кто не пребываетъ во ученіи словесъ Господнихъ и во всѣхъ писанныхъ, да будетъ проклятъ. И не соблюдающа среды и янтка и прочихъ постовъ, да будетъ проклятъ, и прочая причина тому, сирѣчь епитимій отъ апостоль и отецъ, или просто речи: отлучаетъ слово се отъ Бога и отъ лица церкви и посылаетъ во осужденіе ада всеядца. Сію бо власть самъ Христось предать апостолу Петру и прочимъ по немъ, рече бо: егоже аще свяжеша на земли, будетъ связанъ на небеси, и егоже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшенъ на небеси. Да по заповѣди Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа всякъ архіерей вяжетъ и разрѣшаеъ, по правдѣ суди; не по правдѣ судъ Божій не послѣдуетъ, но себя вяжетъ глупой, и или еретикъ патріархъ, судя по гнѣву, а не по правиломъ. А еже иконы укоряютъ и говорятъ: подобаеъ де знати Бога единаго, — и то бляцкой глаголь. И бѣся вѣрують и трещутъ, яко есть Богъ единъ, и вси ерегицы глаголють такоже, да и мы иконъ не боготворимъ, но первообразное почитающе поклоняемъ, а Бога единаго вѣруемъ и исповѣдуемъ Отца и Сына, и Святаго Духа, въ Троицы славимаго, и по Бозѣ святымъ Божіимъ иконамъ поклоняемъ, яко угодниковъ его почитающе, а не боготворимъ же. Богъ есть единъ сотворивый небо и землю и вся, яже суть въ нихъ, тажъ сотворивый отъ единой крови весь языкъ чловѣчь областію своею, и вѣсть инъ Богъ, развѣ Его. На послѣдокъ же дѣтъ посла Сына своего Спасителя миру; Онъ же пострада и воскресъ, възде на небеса и сѣде о десную Бога Отца и сѣдитъ, дондеже подложитъ вся враги подѣ ногами своимъ. Послѣдній же врагъ егда не праздитъся смертью, и тогда будетъ пожерто мертвенное животомъ, сирѣчь

воскресеніемъ вси лежащєи во гробѣхъ, и иже съдѣи о десную Отца прїидеть судити и воздати комуждо по дѣломъ его.

А иже держатся крѣпко старыхъ книгъ, а новыхъ отнюдь не прїемлютъ, и въ церковь къ новому ибнїю не ходять, и ходити не повелѣвають, и пошовъ въ дома не пушають, и отъ нихъ бѣгають, и младенцевъ имъ крестити не дають, а крестятъ простые иноки и постригаютъ простые же ивоки, а грамотѣ умѣющєи, и на духъ прїимають простые жъ старцы, — и си чѣловѣцы раби Бога вышняго, отмѣтающєея скверны, хранять цѣло благочестїе. Аще они и простїи, но дѣйство духовное, понеже и рукоположенцовъ тѣхъ не всѣхъ Духъ Святый рукополагаетъ, но всѣми дѣйствуетъ. Есть такъ писано въ правилѣхъ, вѣси писанное. Апостоль рече: кое прїобщенїе свѣту ко тмѣ, и кая часть вѣрному съ невѣрными, и кое согласїе Христу съ велїаромъ и церкви Божїи со идолы. Хорошо творять, къ попомъ любодѣиваго соборнїца, къ новїкамъ не ходять, да не осквернятся, но да хранять чистоту, отъ нихъ бѣгал, тому же да и вныхъ научають, добрѣ такъ творять, и отъ нашихъ худости имъ миръ и благословенїе.

А иже мужи и жоны съ чады своими утекають отъ соблазнъ, стригутся, выходя въ пустыни, и помирають гладомъ, постыся до смерти, а наставниковъ имѣють простыхъ старцовъ, а не священныхъ рукоположенїемъ, и стригутъ они и схимятъ и на духъ прїимають, и на подвигъ укрѣпляютъ, и тѣ люди творять доброе, благодать ихъ соблюдаетъ и совершаетъ по усердству и ревности сердецъ ихъ, отходятъ въ вѣчное блаженство. Благословенъ Богъ, соблюдая рабы своя отъ непрїязни и отъ отступническаго навѣта. И егда тѣхъ людей пмають звѣри никонїяныя кровососы, и во грады и въ приказы приводятъ, и отъ мучителей искушаеми бывають, велить имъ рабомъ Божїимъ во церквахъ и въ приказахъ поклонятися иконамъ, они же дїавола и ихъ, угодниковъ дїавольскихъ, никонїянъ не тѣшатъ, не кланяются иконамъ и твердо стоять до смерти мучими и бїеми, сице зѣло творя добрѣ и правлїнѣ. Есть бо правила сице: да не молится со еретики вкупѣ во церкви или въ домѣхъ ихъ, но развѣ безъ нихъ. Аще и въ еретическомъ храмѣ обряцѣши святую икону, навѣ предъ нею, поклонися, а на соборѣ еретикъ никакоже съ ними молитися не подобаетъ: злохулять бо, сходяся, Вожеству досаждая. И си исповѣдницы и сущїи хрїстіяне чистоту и опрятство чинно держать, и по ихъ пустынямъ своимъ имъ иконамъ (sic) не кланяются предъ еретики и слѣпымъ народомъ, ниже крестятся, за сіе добрѣ умирають и враговъ Божїихъ не тѣшатъ, а что ихъ потязаютъ отступники пошы и дїаконы и воеводы, и сему не двися: чреда бо ихъ погибели прїиде. Пускай насъ съ ними со хрїстіяны мучать и вѣнцедавцы намъ бывають, предавшє смерти. Рече апостоль: вси бо де хотящєи о Христѣ благочестно жити, гоними будутъ, лукави же чєловѣцы и чародѣи преуспѣвають, на горшая прелщаеми, прелщающе. А еже которое лице предъ мучители, не стерпѣвъ муки, и угодная имъ сотворитъ отступникамъ, помолится съ ними, и потомъ уте-

четь ко своимъ въ пустыни, они же пустынянцы смиряютъ такового, епитимію налагающе по разсмотрѣнію, очищая его, яко прокаженнаго отъ проказы. Хорошо такъ и добръ творять отцы святіи, спаси ихъ Господи, яко праздно не отпускаютъ, изъявленнаго испѣлываютъ. Любо Богу, и я по Возѣ люблю такъ же, да пни научатся не ослабѣвати.

А иже по новымъ книгамъ служатъ и на совершенныхъ Христовыхъ крестахъ или мало прибавлено, или отъято, не подобаетъ того компанія причащаться. А иже новоставленной попъ придетъ въ покаяніе и прокленеть ересь никоніанскую и чисто учнетъ хранить старое благочестіе, таковыи да глаголетъ: «Благословенъ Богъ» и возгласъ: «Яко твое есть царство», и служить вечерню, и утреню, и часы, и молитвы роженицамъ говорить и крестить, а литургисать ему не повелѣваю, страшно бо дѣло сіе и чистыхъ рукополагаемыхъ; аще ли постраждетъ отъ мучителей и кровь свою изліетъ за старое благочестіе, мно, тогда можетъ освятитися отъ вышняго рукоположеніемъ, и будетъ отголѣ попъ совершенъ: литургисавъ, и причащаетъ невозбранно. Мощно иноку просцу и простоліудину истиннымъ таинствомъ причащаться; есть Григорія Богослова правила о семъ, повелѣваетъ въ нужду причащати себя ⁴⁾.

А иже въ тропарѣ кресту: «Побѣды благовѣрному царю даруй на сопротивныя», и о семъ суетное словопрѣніе: которой благовѣренъ, о томъ церковь и молить, а которой зловѣренъ, тому и ничего. А молитися и о зловѣрномъ надобно; Златоустъ повелѣваетъ въ Бесѣдахъ Апостольскихъ и Маргаритѣ, на Юдея въ Словѣ; молитися объ обращеніи и всѣхъ никоніанъ не согрѣшиши. Я бы хотѣлъ и діаволу въ чувство притти, да не можетъ старая мерзость быти нова; а никоніаня братія наша были, и украдъ ихъ такъ діаволъ. Проси Бога, да отъиметь у него плоть и душу одушевленную и сочetaетъ ко святѣй церкви своей. Егда же умретъ въ нечестіи, тогда не стужати о немъ Божеству, пускай ево къ чертямъ поидетъ, а о живыхъ молись и уповай, яко силенъ Богъ всѣхъ спасти. Егда и о царѣ отщепенцѣ молися, благовѣрнымъ его не нарицай, но просто имя рцы: «Спаси Господи царя имрка», или «Побѣды царю, имрку, на сопротивныя даруй», сирѣчь на бѣсовы и на діаволы, да и прочая. Потомъ же о обращеніи ихъ на просвиромисаніи и вездѣ, а бѣде совѣстію угвѣтаемъ не можешъ на имя царя и патріарха просвиры выняти, понеже отгекли отъ тѣлеси церкви, и ты о благовѣрныхъ князѣхъ вынимаи и о священствѣ безъимянно.

Посемъ и сіе буди ти разумно: простому иноку не подобаетъ глаголати: «Благословенъ Богъ нашъ», и «Воже, ущедри ны», но «За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ», таже трисвятое и прочая, и канонъ за единоумершаго, таже панихида, и кадитъ кадиломъ, таже поетъ и молебень, емужъ хочеть, говорить каноны со Евангелиемъ, и кончаетъ по трисвятому тро-

⁴⁾ См. выше, № 4.

парь, п 40 «Господи помилуй» или 100, ектеней же не глаголетъ, но «Честнѣйшую» и «Слава и нынѣ», «Господи помилуй» 3, да молитвою и кончаетъ.

А иже сами ся сожигаютъ, хранятъ цѣло благочестіе, тому же прилично, яко испоста умираютъ, добръ творятъ.

А иже отъ причастія себя отлучаютъ, а мочно только получить сокращения святаго, чистыя, святаыя службы, и я того не похваляю; рече бо самъ Господь: ядый мою плоть и пійяй мою кровь, во мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ. Какъ то такъ дерзко глаголетъ, яко не обрящещи конечно святаыхъ таинъ; только то и людей святаыхъ, что будто одни мы, а то все погибли! Миденькіе батюшки, добро ревность по Богѣ, да знат ей мѣра. Не блюдишь, до конца не упразнить жертвы той и самъ антихристъ; самъ бо рече Владыка: Азъ есмь съ вами до скончанія вѣка ⁵⁾).

А Никонъ веть не послѣдней антихристъ, такъ шишь антихристовъ, бабо...бъ, плутишко, изникъ въ земли нашей. А которые, въ зодѣйствѣхъ крузѣ увязше, по книгамъ смотрятъ, и дни, седмицы раздѣляюще, толкуютъ, антихристомъ послѣднимъ Никона называютъ, то все плутня, а не Святымъ Духомъ разсужденіе. Аванасій Великій пишеть: идѣже новѣ Спасителя нашего Христа походиша, отголѣ отъ Галилеи и антихристъ изникнетъ; а не отъ нашей Русіи. Я Никона знаю: недалеко отъ мене родины родился, между Мурашкина и Лыскова, въ деревнѣ; отецъ у него черемсинъ, а мати русалка, Мина да Манька, а онъ Никитка колдунъ учинился, да бабѣ блудить научился, да въ Желтоводіе съ книгою поводился, да выше, да выше да и къ чертямъ попалъ въ атамаы, а нынѣ, яко кинось волхвуя, уже пропадетъ скоро и память его съ шумомъ погибнетъ. Потрясы церковью тою не хуже послѣдняго чорта антихриста, и часть его съ нимъ во огни негасимомъ.

А инія глаголютъ, яко Илія и Енохъ были на земли, и людямъ проповѣдаютъ; и то не ложно, и я говорю: были, да не купно — Енохъ прежде потопа седьмый отъ Адама, а Илія во Израили при Ахавѣ. На послѣдокъ же придутъ наки Илія и Енохъ, со Иваномъ, чювственно чловѣцы, плоть и кровь одушевленна, понеже еще не вкусиша смерти, въ пищномъ раю пребываютъ, къ тому времени Богомъ блюдоми. Тогда бо тогда, егда времена и лѣта, яко бревно з горы низпущено на равнину прикатится, такъ и тварь вся въ скончаніе придетъ. И преже мучителю родъ чловѣческой искусити подобаетъ, родится антихристъ отъ Галилеи, отъ колѣна Данова, отъ жены жидовски. Чти о семѣ Ефрема, Ипполита, тамо обрящещи пространно. Пророцы ж Енохъ и Илія съ Иваномъ послани будутъ проповѣдати людемъ, яко той есть льстецъ погубляяй останки, не русскую токмо землю, но и всю подъ небесемъ землю, идѣже елико солнце сіяетъ. Онъ же ихъ убіетъ чювственно и повержетъ на стогнахъ града Іеросалима.

⁵⁾ См. выше, № 4.

Аще и воцарится антихристъ въ Римѣ, но препдетъ мучительно и до Іерусалима, истнѣвая и сокрушая человѣческій родъ, вѣрныхъ во Христа Іеуса. Такъ оживотворитъ Богъ мертвенная тѣлеса Духомъ Святымъ, пророковъ, въ день четвертый въздуть на небо во очію всѣхъ человѣкъ, ту бывшихъ. Чти Апокалипсисъ, глава 11, тамъ писано пространно, и вѣруй писавію, а не бабіямъ баснямъ, яко будутъ пророцы на утверженіе людей и на обличеніе мучителю злодѣю.

А что спорять между собою, заблудя отъ писанія, и тому дивитися не подобаетъ; моя совѣсть спороватися не хочетъ, но нуждѣ ворчу, понеже докучаютъ; а какъ бы не спрашивали, я бы и молчалъ больше.

Отче Іоно, зайца ясти правила возбраняють, понеже трехдневное, яко и вельбудъ, избрысуеть (sic!), и вельбудъ по тому же чину, аще на кого осердится, трехдневную ядь на него выблюеть; за сіе Второзаконіе (sic) писано, и во благодати не указано его ясти, аще и разохатъ и пазвокни имать, но изнутри нечистъ сый. А заяць и по двоимъ винамъ нечистъ есть: первое, яко и вельбудъ, тридневное отрыгаеть, а второе не имуть ноги его копыта разохата, но песья лапа, и посему поганъ же. А въ поведѣльники мірянамъ мяса ясти правила повелѣвають, развѣ кто самъ изволитъ не ясти мяса и рыбы въ поведѣльники, и яко средѣ и пятокъ соблюдати изволитъ, или по заповѣди отца духовнаго епитимію понесутъ за своя согрѣшенія; и то все доброе дѣло: во всяко время приятель есть постъ Богу.

А единоголаснаго пѣнія и нарѣчнаго кто не любитъ, тотъ смущенъ, и молитва его суетна есть, и не совершенъ то есть боголюбець, но крадетъ душу свою слабдуміемъ, не хотя новинутися вѣчной правдѣ. Праведно бо есть пѣти и славити Святую Троицу единоголасно и на рѣчь, глаголати противъ печати: Богъ, а не Бого, Спасъ, а не Сопасо, рождается, а не раждается, грядетъ же, и не идете же ко крещенію. Кая польза многобожіе вводите: ражаетеся въ знаменныхъ, али не единъ Христъ родися? Единъ Богъ Спасъ міру Христъ, а не два, ни три. Прочитай Аванасія Великаго «Слово къ Маркелину», тамъ уразумѣешь о измѣненіи глаголь тѣхъ. Красноглаголаніемъ тѣмъ погубляеши разумъ, прибывши (sic!) души разумѣти тонкости глагола. Да и Павелъ апостолъ научаетъ разумно въ церкви пѣти и прочитати, указуетъ на трубы бездушныя и сопѣли. Зачало 155: аще де прииду къ вамъ, языки глаголя, кую вамъ пользу сотворю аще не глаголю откровенно, или въ разумѣ; обаче бездушная, гласъ дающа: аще сопѣль, аще гусли разньствія писканіемъ не дадутъ, како будетъ разумное писканіе или гудѣніе; ибо аще безвѣстенъ гласъ труба дастъ, кто уготовится на брань? Тако и вы, аще не благоразумно слово дадите языкомъ, како разумѣется глаголемое? будете бо въ воздухъ глаголюще. Да и все зачало то прочти разумно, да и еще зачало, и еще зачало. Вся глаголетъ, о разумѣ глаголя.

А во многоглаголаніи пѣніе и не на рѣчь, какъ, разумъ глаголя, разу

мень будетъ? И самъ пѣвецъ, поюще не разумѣть, токмо лише знамя украшаютъ ревуци; крюки имъ надобны, а не сила, глаголя. Не ново су единоголасное пѣіе и на рѣчь, но старая то вѣчная правда. И Златоустъ во яравоученіи бѣсѣдуетъ, да и въ Прологу, помнится, есть тоже ево слово, сие глаголетъ: егда пѣвецъ поеть, тогда епископъ молчитъ, епископъ глаголетъ, пѣвецъ молчитъ. Да много той ево бесѣды. Заслѣшилъ полно дѣволъ косноуміемъ истину разумѣти, а то всѣмъ знать мочно: одно одново лутче, какъ напечатано, такъ и пѣти подобасть и говорити во единъ гласъ, хотя бы пять словъ, во единъ гласъ, речи не портя, изрекль ко Владыцѣ: полезнѣ бо ему всего торжества, сопасы тѣ на енты распѣвая. Естъ о семь писалъ пространно въ Москву въ мимошедшая лѣта ⁶⁾, а нынѣ и сего довлѣетъ: разумному боголюбцу и едино довлѣетъ ко исправленію, а сопротивоборцу и тѣма словъ не полезно.

А еже вопрошаеши меня о иконномъ писаніи, аще иновѣрецъ напишетъ подобно, подобасть поклоняться. Но не мно новолубцамъ правостъ чинить, святыя иконы писать. Видалъ я ихъ рукодѣль; не то испорчено, ино иное, похабствомъ вся чинять, и въ лицахъ бѣлость, а не румянство, и въ ризахъ скудость, а инде прибавлена небылица, власы простерты или у святителя и у преподобнаго, яко у нѣмчина, и у самаго Спаса косы и браду неподобно пишуть, а благословляющая рука малакса, сирѣчь оттеня мизинецъ, и подишь Иисусъ. Еще и распятіе Господне пишуть по-латыньски, со креста тѣло все по длинному древу стаща низу, вверхъ руками написують. И всякой иконѣ, написанной не подобно, кланяться не подобасть. А еже на бумагѣ или на холстѣ образъ Спасовъ или Пречистые Богородицы написанъ подобно, подобасть кланяться. Златоустъ Великій пишеть, и Дамаскинъ и иніи богословцы. И восколіятельному образу кланяться повелѣвають Христову, и Богородичну и святыхъ всѣхъ, лише бы подобно вылить, а мѣдному, и серебряному, и на дрѣвѣ рѣзному и паки подобасть. Аще негѣпо вылить или вырѣзанъ, такому кланяться не подобасть, а безчестити и укоряти не подобасть же, велѣть разумно передѣлать.

Да уже то, отче Іоно, со фряжскихъ книгъ книги печатають, таковы и иконы дѣлають. Нѣмцы вѣдь иконамъ не кланяются, токмо свои образины пишуть, каковы сами волосаты, таковы и образы пишуть да и въ нихъ не однако разъ ихъ всякъ дѣволъ (sic!). Иные Христовъ образъ и Богородиченъ пишуть неподобно, но тѣло бо и тучно, и волосатъ, и яко нѣмчинъ, Христовъ образъ написанъ. А Благовѣщеніе образъ Богородиченъ, стоитъ со архангеломъ чревата; такъ-то и въ Жезлѣ безбожномъ соборище у насъ напечатали: къ зачатію же Дѣвы растворися утроба и паки затворися; и пониж тоя рѣчи блядъ другая, и совершенъ младенецъ обрѣтесе во утробѣ, и еще блядъ, яко 30 лѣтъ мужъ. Видиши ли, съ усомъ и з бородою. А во

⁶⁾ Вѣроятно, здѣсь упоминается «Посланіе къ священнику Стефану», помѣщенное въ Мат. для ист. раскола, т. V, стр. 214—217.

иной книгѣ въ Богословѣ Григорія и протчихъ Ивана Дамаскина слово и рѣчь евангелія о Іосифѣ: я не знаяше ея, дондеже роди сына своего первенца. И никоніяныя протолковали: посему же знать, яко не пресекается дѣвтороженіе ея и по Христѣ. Видишь ли, какая бѣда? По жидовски, будто со Іосифомъ послѣ Христа дѣтей родила Богородица. Коли ужъ лають въ книгахъ, а на иконахъ коли велють истину писать? Пропала, чадо, правда, нѣгдѣ сыскать стало, развѣ въ огонь совѣстью собрався или въ тюрьму по нашему. Кому охота Христа поддержатся, какъ правда молвить, и молитва ихъ, и книги, и образы все подобають, собравъ съ просвирами въ мѣшокъ да въ воду съ каменемъ,—такъ слава Богу, а трудящемуся побѣдный вѣнецъ отъ Христа Ісуса ⁷⁾.

А еже никоніяныя записали (sic!) на сложеніе перстовъ стараго нашего православія, и глаголють, два Сына будто въ рукѣ слагаемъ и крестимся, и тому дивитися не подобають; не можетъ бо діаволь со ученики своими ни видѣти, ни слышати правды, понеже ложь есть самъ и своими ложь глаголетъ. Мы въ сложеніи перстовъ не глаголемъ двухъ Сыновъ быти, но единъ Сынъ, сый прежде сложенія міра со Отцемъ и Духомъ. Той же на послѣдокъ нашего ради спасенія возсія отъ Дѣвы. Отца нѣдра не оставль, сошедъ на землю, Слово присносущное Отцу и Духу, еже есть силою своею благодати, а существо самое бысть непустуно вездѣ, въ нижнихъ силою своею, а существомъ никакоже отступль вышнихъ. Разумѣй реченное Дамаскинымъ Иванномъ. По пріятіи убо бесѣдъ отъ ангела Святѣй Дѣвицѣ, оуби ю Духъ Святѣй, и тогда присѣти къ ней Бога вышняго ипостасная премудрость и сила, Сынъ Божій во своемъ составѣ. Зри. И мы также глаголемъ: ипостасная премудрость и сила Сынъ Божій, а не существо самое снуде, но сила сущная Бога Слова вселися во утробу дѣвичю; вочеловѣчився, пострада и воскресе, взыде на небеса, и сѣдѣ о десную Бога на своемъ царствѣмъ, огнесрачнѣмъ престолѣ, и сѣдѣти во двою естеству, Богъ и человекъ со душею, славится именемъ земнымъ, Богъ и человекъ единъ Сынъ Божій, а не два по Несторію, но единъ, единъ Сынъ. Аще и два во Христѣ естества познаваемъ несмѣсно, но имя едино Богу и челоуѣку. Сынъ бѣ едиnorodный, свѣтъ отъ свѣта велика пришедъ, и въ нищетную плоть нашу облещился и, зовомъ Богъ и человекъ, единочаденъ бѣ начальному великому Отцу Свѣту. Зри.

На персты вото истина сіяеть: указательный и великосредній во Христа Ісуса, великій же и два послѣднихъ во образъ Святыхъ Троицы и во Святую Троицу. Во Христѣ же силу единосущную Богу Словоу помышляяй быти Святыхъ Троицы, а не отдѣляя въ вочеловѣченіи силы отъ Святыхъ Троицы. Такъ свято и праведно отъ святыхъ богословцевъ преданная держимъ, а не тренерстная блядь, еже сице слагають. Явна бѣ во Апокалипсисѣ, изъ нея бо исходятъ три духи нечистыя и вселяются въ поганую

⁷⁾ Срав. Мат. для ист. раскола, т. V, стр. 292—293.

душу, преводне реици, три жабы или три лягуши, оскверняютъ чловѣка: всякъ бо крестяйся тремя персты, кланяется первому звѣрю, напежу и второму русскому, творять ихъ волю, а не Божію, или реици, кланяясь жертвуетъ душею тайно антихристу и самому діаволу. Въ ней же бо цениоти тайна тайнамъ сокровенная: змій, звѣрь, джепророкъ, сирѣчь змій діаволь, а звѣрь царь лукавой, яко бо пророкъ напежь римской, и по немъ патерь русскій и протчіи подобни имъ. Полно о томъ бесѣдовать, возми ихъ діаволь, Христу и намъ онѣ не надобны.

Разумно ти да будетъ и о молитвѣ Ісусовѣ. Ся бо правость отеческая, сія истинна церковная: егда глаголемъ: «За молитвѣ отецъ нашихъ», тогда кончаемъ: «Сыне Божій, помилуй насъ»; еда же глаголемъ: «За молитвѣ Пречистыя Ти Матере», тогда кончаемъ: «Боже нашъ, помилуй насъ». Аще глаголеши наго: «Господи Ісусе Христе», тогда глаголи: «Сыне Божій, помилуй насъ»; но идѣже Отчее имя или Матернее, тутъ «Боже нашъ» глаголется, понеже свойство сыновства при Отцѣ и при Матери; а идѣже наго въ домѣхъ, и на пути, и на правилѣ, и вездѣ, тамо «Сыне Божій» подобаетъ глаголати,—такъ бо держимъ отъ отецъ предано.

Никоніяня бо, взявся на Христа, Сына Божія, искоревяють имя Его въ сложеніи перстахъ, и въ молитвѣ, и на жертвѣ, полагають сѣнь, латиньской крыжь. Новые бо то жицы, не хотять единочадаго Сына Божія славы ни слышати, ни глаголати, ниже именовемъ Его страшнымъ и славнымъ знаменатися. Не Троица бо пострада по насъ, но Сынъ Божій, вочеловѣчився, имже приведени бѣхомъ Богу и Отцу; сего ради именовемъ Сына Божія украшаемъ и, слагая персты по преданію, полагаемъ на чело и на нупъ и на оба плеча, тайну бывшую смотрѣнія его образующе, якожъ учить церковный учитель блаженный Теодоритъ Киринейскій, и Мелетій Антиохійскій, и Петръ Дамаскинъ, и Грекъ Максимъ, возсіавый въ нашей руской земли. Еще же и помѣстный соборъ Московскій, бывшій при Иванѣ царѣ, тамо засѣдатель бывъ Макарій, митрополитъ Московскій и съ нимъ Гурій, епископъ Смоленскій и Варсоноій Тверскій, и Филиппъ, игуменъ Соловецкій, еже нынѣ въ Москвѣ нетлѣнно лежить тѣло его, а Гурій и Варсоноій въ Казани нетлѣнно ж опочивають. Чти сто главъ правилъ изложенія ихъ, свидѣтельство ихъ о всемъ истинно. Никоніяня бо бабо. . . мы злохулятъ ихъ всѣхъ, а русскихъ называютъ неуками, понеже праведное солнце не возсія имъ и свѣтъ правды не обліста ихъ; грядуть, другъ друга ведуще вси въ пагубу, но немъ же пути и древніи шествовали еретицы. Мы же проповѣдуемъ Христа Ісуса, Сына Божія, и якоже свѣщникъ, свѣщу нося, просвѣщается, такъ и мы именовемъ Сына Божія украшаемъ: Никоніянамъ соблазнъ, а намъ христіянамъ исправленіе, никоніянамъ камень преткнанія, а намъ камень утвержденія, никоніянамъ наденіе, а намъ востаніе о Христвѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ, емуже слава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и ва вѣки вѣкомъ. Аминь.

№ 11. Посланіе къ нѣкоему Сергію ¹⁾.

Тѣло наше безъ души есть какъ, и пенель и прахъ, а вы ужъ другъ друга гнушаетесь и хлѣба не ядите вмѣстѣ, глушцы, гордитесь другъ другомъ, а все одна земля и пенель. Ну, да полно тово, живите хорошенько иново отъ ереси тоя челоувѣка уведи, Богу работать добро будетъ, а грѣхъ-отъ тотъ возложи на мою выю, не кайся, что добро здѣлалъ. А иконамъ святымъ честь воздавай, а не по подобію написаннымъ тѣмъ не ругайся, но просто отъиди отъ нихъ или вели переписать сызнова.

Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, аминь. Псаломъ: помяну имя Твое во всякомъ родѣ и родѣ, сего ради людѣ исповѣдятся тебѣ въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка. Толкъ. Зри, и намъ поминаетъ имя Господне великимъ и малымъ во всякомъ родѣ и родѣ, и апостольски по Христѣ жить. Да и есть въ нашемъ родѣ; на нихъ зря, людѣ исповѣдятся людѣ Богу въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка непрестанно. Наипаче же въ нынѣшнее время въ нашей Россіи сами въ огонь пдугъ отъ скорби великія, ревнуя по благочестію, яко и древле апостоли; не жалѣють себя, но Христа ради и Богородицы въ смерть идутъ ²⁾. Бысть оныхъ еретики пожигаютъ, а инѣ распальшеся любовію и плакавъ о благовѣрїи, не дождався еретическаго осужденія, сами въ огонь дерзнувшіе, да цѣло и непорочно соблюдутъ правовѣрїе, и сожегше своя тѣлеса, душа въ руцѣ Божїи предаша. Ликовствуютъ со Христомъ во вѣки вѣкомъ, самовольныя мученики, рабы Христовы, вѣчная имъ память во вѣки вѣкомъ. Добро дѣло содѣяли, чадо Сергій, надобно такъ разсуждать: мы между собою блажимъ кончину ихъ, аминь. Аввакумъ писалъ своею рукою здѣсь.

Брате, брате, дорогое дѣло, что въ огонь посадятъ; помнишь ли, въ Нижегородскихъ предѣлѣхъ, гдѣ я родяся живаль, тысячи з двѣ и сами маленькіе отъ лукавыхъ тѣхъ духовъ забѣжали въ огонь; разумно онѣ здѣлали, тепло себѣ обрѣли, симъ искушеніемъ тамошняго искуса утекли. Да не всѣмъ то такъ: званой на пиръ ходитъ. А ты, любезный мой, поплачь преже, нынѣ живучи, да и меня поминай въ молитвахъ своихъ, да и нарядися хорошенько въ одежду брачную, яко мученикъ Филиппъ, медвѣдю въ глаза зашедъ плюнь, такъ онъ и взбѣсится да изгрызетъ, яко мяконкой пирожокъ. Ну, а то слава страстемъ Твоимъ, Господи. А иже сами ся сожигаютъ, хранятъ цѣло благочестіе, тому ж прилично, яко не поста умирають, добрѣ творятъ. Зналъ я покойника Доментїяна, простъ былъ челоувѣкъ, но вѣра тепла и несумнѣнна, а конецъ добро сотворилъ, отъ отступниковъ утекая, сожегся. А иныя ревнители закона суть, уразумѣвши леств отступленія, да не погибнуть злѣ духомъ своимъ, собирающеса во дворы з женами и дѣтми и сожигаютъ огнемъ своею волею. Блаженъ есть сей

¹⁾ По рук. И. П. В. О. XVII, 37, л. 76—82 об.

²⁾ Мат. для ист. раскола, т. VIII, стр. 28.

изволь о Господѣ ³⁾. Згорять су всё о Христѣ Исусѣ, а васъ собакъ не послушаютъ. Да и надобѣ такъ правовѣрнымъ всёмъ; то наша и похвала, что за Христа и за святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, до во оноу будущею вѣцъ жить будемъ съ ними во вѣки. Что ты задумался? Не задумывайся, не размышляй много, поиди въ огонь,—Богъ благословит. Добро тѣ здѣлали, кои въ огонь забѣжали. Мы же разсуждали сами меж собою: кажется, не худо онѣ здѣлали, да не осквернятъ ризъ своихъ, еже есть святаго крещенія, и во огонь себя ринули, якож и оныя жены отъ варварскихъ рукъ въ воды. Благословенъ буди о нихъ Господи. Вѣчная имъ память. Пишетъ Григорій Нероновичъ: отскочи отъ прелести, да спасешия, лучше во огнѣ згорѣть или въ водѣ утопитися, неж по новымъ Служебникамъ причаститися жертвѣ никоніанской.

Мѣсяца октября 4. Святыя мученицы Домнины и двухъ дочерей. Зри тамъ: мѣсяца марта 22, о мученикахъ, бывшихъ при Троянѣ царѣ и дщери его Фросидѣ. Зри тамъ: мѣсяца ноябрю 13 день, святыя мученицы Манеонъ дѣвицы,—мучена ж бысть и по многихъ мукахъ освобождена бысть, и многія чудеса сотвори, послѣди же въ ражженную пещъ сама вниде въ ню, тако скончася. Мѣсяца августа 1. Святыя мученицы Соломоніи, послѣ мученія дѣтей своихъ держима и на отдаваніе чистоты ея соизволяюща, и рече, иже поно отъ мучителя придоша: «пождите ми, азъ же уряжуся, яко достоитъ», и отпедъ къ храмину, воздѣвъ къ Богу рущъ, да сохранити чи стоту ея, моляше и, воспримше ножъ, удари сама себя въ перси, въ послѣдняя словеса, и притекшу ту мучителю, приказуа: тако християне по мнѣ угодны мучителю да явятся, и тако скончася. Книга Библия, Судей израильскихъ, г. 11, зри тамъ. Писано есть въ житіи святаго мученика Ареы: нѣкая жена воспріяте во время мученія ея со младенцемъ 4 лѣтъ, послѣ сынъ ея самъ во огонь бросился и згорѣ смертію ⁴⁾.

Правовѣніе. Поученіе послушайте се, чада, да скажу вамъ, что есть гайна христіанская и какъ жити. Слушай-ко! меня Аввакума протопопа въ заточеніе сослали въ Сибирь, потомъ въ Дауры. Прочихъ же отецъ и братій нашихъ безчисленно погуби душъ еретики никоніяни, возми такихъ отъ земли: не подобаетъ имъ жити. И оттолѣ и по се время безпрестаяно жгутъ и вѣшаютъ исповѣдниковъ Христовыхъ. Онѣ миленкіе ради Пресвѣтлыя, и честныя, и вседѣтельныя, пренеисчетныя Троица несытно пуци въ глаза лѣзутъ, слово въ слово яко комары или мушцы. Елико ихъ болши подавляють, тогда болши пищатъ и въ глаза лѣзутъ. Такожъ и русаки бѣдныя, пускай глупы, ради, мучителя дождались, полками въ огонь дерзають за Христа Сына Божія Свѣта. Мудры блядины дѣти греки, да съ варваромъ турецкимъ съ одново блюда патріархи кушаютъ раделеныя курки. Русачки же миленкіе не такъ,—въ огонь лѣзутъ, а благовѣрія не преда,

³⁾ Мат. для ист. раскола, т. V, стр. 264—265.

⁴⁾ Сравни съ начала до этого мѣста съ Мат. для ист. раскола, т. VIII, стр. 75—78.

ють³⁾. А въ огнѣ томъ здѣсь не болшее время потерпѣть, — аки окомъ зинуть, такъ душа и выскочитъ. Развѣ тебѣ не разумно. Боишься печи той? Дерзай, плюнь на нея, не бойся! До печи той страхъ; а егда въ нея вошегъ, тогда и забылъ вся. Егда же загорится, а ты и увидишь Христа и ангельскія силы съ Нимъ, емлютъ душу-гу отъ тѣлесь, да и приносятъ ко Христу: а Онъ надежда благословляетъ и силу ей даетъ божественную, не уже къ тому бываетъ тяжка, но яко восперенна, туды же со ангелы лѣтаегъ, равно яко птичка попорхиваетъ, — рада, ис темницы той вылетѣла! Вотъ пѣла до того плачуще: Изведи ис темницы душу мою, исповѣдатися имени Твоему. Мене ждуть праведницы дондеже воздаси ми. Ну, а то выплакала! Темница горитъ въ печи; а душа, яко бисеръ и яко злато чисто, взимается со ангелы высерь⁴⁾. Чти Бесѣды. Не некись о родителяхъ, не брехших своего спасенія, но дерзай за истиннаго Параклита подъ топоръ, и во огнь, и на висѣлицу. Утѣшитъ Онъ, Свѣтъ нашъ, утѣшитель истинный, вѣчнымъ утѣшеніемъ въ вѣки грядущія. А жену и дѣтей предай Владычицѣ Богородицѣ, крѣпкой стѣнѣ и огражденію: печется бо и промышляетъ о стадѣ своимъ маніемъ неизреченно, строя человѣчскій родъ. Аще, любимиче, не нынѣ, потомъ умремъ жѣ всяко. Красный и свѣтлый праздникъ отъ никоніанъ скончатся: во 100 и въ 1000 лѣтъ трудившеся постомъ и молитвами, толкія мзды не получиши, якож дерзнувъ въ печь огненную, во временнѣ часѣ примешь. Рече Господь: аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ. И прочая чти. Писаль Аввакумъ протопопъ своей рукою.

Чадо, не буди тѣшко, но встанливъ, а не лѣнивъ и къ церкви Божіи почаству приходи, да не бреди со слѣпыхъ тѣхъ въ никоніанскую костель и сонницу. И будетъ небо ново и земля нова, и земляная вся обновятся, еже есть рай будетъ вся земля та. Иніи праведницы въ рай томъ учинитъ Богъ, а иніи на небесѣхъ, а иніи въ свѣтъ неизреченнѣмъ близъ Святыя Троицы, а грѣшницы прогнани будутъ подъ землю во адъ, а иніи съ дьяволомъ въ тартаръ глубокой, еже есть низу ада подъ твердію. Ревете медвѣдемъ подъ водами тамо.

А на павечерницѣ и полунощницѣ предъ образомъ молитва говори: «Ослаби» или «Прости мя, Владыко, Христе Боже, еже согрѣшихъ», и прочая вся до конца.

Вѣруй въ мя несумнѣнно, не собираетъ, коею смертію скончается: или отъ человекъ, или отъ звѣрей, или голодомъ, или отъ нужныхъ великихъ трудовъ. Двухъ же смертей не будетъ, а единыя никтоже избѣжати можетъ. Единою бо возложивыйся на Бога, во всѣхъ нуждахъ, царствія ради небеснаго и умрыи мірови, къ тому не ищетъ, како скончается, къ тому не печется собою. Единою возложивыйся на Бога, елика творить, успѣетъ и вездѣ обрящетъ полезное души своей, но вѣсть точію, яко Бога ради на вся скорби

³⁾ Мат. для ист. раскола, т. V, стр. 203.

⁴⁾ Мат. для ист. раскола, т. V, стр. 207—208.

предается, и на всякомъ мѣстѣ спасеніе обращеть; по вѣрѣ нашей и благодать Божія намъ дается: мала вѣра, мала и дается, болши вѣруени, болши и благодать дается.

№ 12. Отрывокъ посланія къ неизвѣстному ¹⁾.

А иже невѣдѣніемъ впалъ въ сію проклятую ересь никоніянскую, или страха ради, и мукъ бояся, таковой да кается предъ Богомъ плачася паденія своего, и впредь да опасается отъ треперстныя ереси, и Богъ проститъ его въ сій вѣкъ и въ будущій, и наше на немъ благословеніе да будетъ во вѣки, и въ будущемъ вѣцѣ часть наша съ таковымъ да будетъ равна у Христа Сына Божія, свѣта нашего. А еще кто любитъ сію ересь триперстную и всѣмъ сердцемъ къ ней прилежитъ, живъ уловленъ въ волю діаволу, а отстать не ищетъ и каятися не хочетъ, таковой седмію соборы вселенскими и мною грѣшнымъ да будетъ проклятъ. Правовѣрныхъ же да помилуетъ Господь Богъ и спасетъ, яко благъ и челоувѣколюбець ²⁾. Аминь, аминь, ей, ей, буди тако въ вѣкъ. Да и азъ многогрѣшный молю и прошу именемъ Ісусъ Христовымъ аще еси палъ, воставай ради Христа, Сына Божія, свѣта нашего, и ради Пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ небесныхъ силъ и ради святыхъ апостолъ и пророкъ и всѣхъ святыхъ. Не отчайся, но покайся и плачися, якожъ Петръ, и яко мытарь, и блудный, и Манасія, и блудница. Милостивъ бо Господь нашъ, пріемлетъ грѣшныхъ покаяніе и падшихъ воздвигаетъ. Аминь.

Что ты стужаешь мнѣ въ дохматехъ, или забылъ писаніе: аще и мало отъято будетъ отъ преданія намъ святыхъ отецъ вѣры, поврежено все бысть, такожъ и прилогъ судится равно. А у никоніянъ (или не разумно ти?), и вся разрушено суть: вмѣсто Христова трисоставнаго креста сѣнь ветхую или рещи крыжъ еретической на жертву возложили, сирѣчь раба на Владычнѣ устроили мѣстѣ, — погана жертва и агнецъ учинился неправеденъ. Такожъ и въ сложеніи перстовъ, и три перста и малакса — рать на Христа Ісуса и души оскверненіе. Толковати ж времени ми нынѣ нѣсть, а иже нечистому причащаются агнцу и просвиры круты, и тѣ за скудость ума скверняютъ своя души. По Апостолу, всякъ пріобщаяся Господу, единъ духъ съ Господомъ, и прикасяся прелюбодѣицѣ едино тѣло есть съ прелюбодѣицею. Писано есть: еретическое крещеніе нѣсть, но паче оскверненіе. Или ти мнится, не еретики никоніяни? Эй, еретики! Духа Святаго не глаголютъ истинна, Сына Божія отменются. Да въ краткой бесѣдѣ сей гдѣ петь все изговорить? Едино, едино: христіянину суцу подобаетъ удалятися

¹⁾ По рук. И. Н. В. № 0. XVII, 37 л. 82 обр. — 84 об., гдѣ это посланіе озаглавлено: Выписано изъ книги отца Аввакума протопопа, житія его.

²⁾ Сравни. Мат. для ист. раск., т. VIII, стр. 72—73.

не токмо жертвы, но и селенія ихъ: поганцы суть и древнихъ еретиковъ поганѣе. А иже которые причащались тайнамъ ихъ и, познавшѣ, притекли въ покаяніе, таковыхъ Богъ проститъ, токмо бы впродъ отъ блудни сея хранилися. Понеже невѣдая согрѣшитъ, бѣнъ бываетъ мало, а вѣдая, — много. А за первое ихъ безуміе, правило имъ противу лица комуждо: молодому менше, а старому болше, 3 лѣта...

№ 13. Посланіе къ неизвѣстнымъ ¹⁾).

О измѣненіи пишетъ в книгѣ о вѣрѣ листъ 248: Измѣнять бо времена законъ беззаконующи, завѣтъ наведуть съ прелестію, и оскверняютъ ивященія, и представляютъ учащеніе, и дадутъ вне огнушеніе искажено. И ты смотри, всякъ православный, и внимай, что творится въ нашей Россіи, измѣненіе вѣщемъ отъ Бога и отъ отецъ положеннымъ. Не токмо святыя книги измѣнили, но и ризы, и мирскія обычаи, и вещи, и пословицы, и имена предложили: глаголютъ бо Христа Ісуса Іисусомъ, а Николу чудотворца Николаемъ, — той бо Николай при апостолахъ еретикъ бысть, а великій чудотворецъ Никола бысть при царѣ Константинѣ. Еще же предлага тая нарицають Иванны именемъ женскимъ, пишуще безъ титла Анною. Вся бо Богови грубо; не подобаетъ бо своего языка уничижать, а странными языки украшати рѣчи. Въ старопечатныхъ книгахъ: во имя, а въ новыхъ: во имя; въ старыхъ: Израиль, а в новыхъ: Исраиль; въ старыхъ: вѣкомъ, а въ новыхъ: вѣковъ; в старыхъ: аминь, а в новыхъ: аминъ. Малое бо се слово велику ересь содѣваетъ; Кирилъ святой пишетъ: Посмотри же, любимице, на просодіи, и на запятыхъ, и точки. И вся силы измѣнили на странныя пословицы, противны святымъ отцемъ нашимъ: не обрѣтохомъ бо во ученіи апостоль и пророкъ, еже бы измѣнити пословицы и ризы всему миру, но токмо нравы богопротивныя судиша апостоли отлагати, сирѣчь тщеславіе и гордыни, буести и зависти, объяденія, пьянства, блуда и лихоуманія, татбы и сребролюбія, клеветы и убійства и прочихъ злыхъ; вскрай того удалятися повелѣша, яже вреждають наша душа. О нихже правила възбраняють, того стрещися недреманнымъ окомъ подобаетъ; а никоніана, увы! предложина истину во лжу и почтоша беззаконіе въ законъ. Зѣло бо огорчиша церковь Божію и общюю матеръ нашу оскверниша догматы незаконными, вся бо отъ вѣка ереси внесоша въ ню, о нихже ми не достанеть лѣто повѣствующу: заколають бо агнецъ неправедный, еже есть дѣйствольсти литургійное. Отнюд бо православному христіанину ихъ служенія не подобаетъ причащатися, суетно бо ихъ кадило и мерзко приношеніе, понеже бѣсомъ жрутъ никоніане, а не Богови. Страшно бо нѣкое чаяніе суда и огня ревность понести хочеть сопротивныя; писано бо есть: отвергся кто

¹⁾ Рукоп. Черниговской духовной семинаріи, № 134 л. 43—46 об.

закона Моисеова, безъ милосердія умираеть при двою или тріехъ свидѣ-телехъ; колицей же мнится сподобитися муѣ горшей, яже Сына Божія поправый, и кровь завѣтную скверну возмнѣвъ, в нейже освятися, и духъ благодати укоривъ. Вѣмъ бо рекшаго: Мнѣ отмщеніе, азъ воздамъ, глаголетъ Господь; страшно есть внасти въ руцѣ Бога жива.

Слышалъ ли сіе страшное прещеніе, о Юдею новый? И что шарпаешия со Христомъ Ісусомъ, низлагая благодать и воставляя ветхая? Яко древній Іуліанъ царь покушаешия низложить Христовъ крестъ трисоставный и сѣнь законную, четвероконечный крестъ почитаеши паче истины, пачеже реци не сѣнь, но крыжъ латынскій, умысль дьявольскій. Аще вещь и такова же образомъ, якову церковь держитъ на ризахъ и челенахъ, но разньство веліе, и заблуженіе въ вашемъ разумѣ. Примете без зазора промыслъ и о костелѣ томъ, яко Іуліанъ царь о святая святыхъ. Приде ваша година и область темная, даже той же огонь искочитъ и пожжетъ ваша душа и тѣлеса, яко и при Уліане отступнице на отцы ваши, на жидовы.

Видите ли, не меньше днесъ тогдашнева наказанія за извращеніе вѣры православныя? Сначала бляди сея нововводныя погуба была всемирная при нашемъ зрѣніи: моромъ во всю землю рускую во 162 и третьемъ году во градѣхъ и селѣхъ пусто здѣлалъ Богъ, таже кровопролитіе полскимп, таже междоусобіе с Рязинымъ; и иныхъ пагубъ нѣсть времени исчести уму моему: по се число, яко звѣздъ небесныхъ и яко капель дождевыхъ, толпко пало главъ человѣческихъ. Еще же за ваши прилоги колика зла въ Руси нашей учинишася: пожары и иныя без числа гнѣвы, и тренеть, и ужась, ожидающе кончины и с прилогами своими, далече отъ Бога отриновени быша, яко изверги, понеже приступили к римскому костелу и къ Фармосову преданію римскаго папы. Такой же былъ воръ церковной, что и Никонъ предлагатъ: весь западъ обольстилъ, тремя персты креститися научилъ и прочія догматы развратилъ также. Адовы псы, однако ходатаи пагубъ вѣчной гибнущими, яко кабальными, обладали; что они велятъ, то и творять: «такъ де намъ государи патреархи указали, на нихъ де Богъ положилъ то дѣло». А которой Богъ? скажитко, простолюдинъ, развѣ богъ тмы сего ослѣпилъ сердца вашы, еже не возсіяти вамъ истинны и правды? Прозри, безумне! Волишь слѣпотою неразумія! Преданіе вѣры не отъ чловѣкъ, но отъ Ісуса Христа, Сына Божія и отъ Святаго Параклита, и рѣчь осѣненіемъ Святаго Духа глаголаша Божіи святіи чловѣцы, свидѣтельствовавшие истинну, не чревобожники, ни блудодѣи и не піяницы, не убійцы и не сребролюбцы, но равноангельно живущіи въ постѣ и молитвѣ со слезами, любящей правду, — таковыми дѣйствоваше благодать Духа Святаго.

Али ты чаешь, потому святы нынѣшнія законоположники власти, что брюха-те у нихъ толсты, что у коровъ; да о небесныхъ тайнахъ не смыслятъ, понеже живутъ по скотски и ко всякому беззаконію ползски. Или на то глядишь, что они въздыхаютъ? Не гляди на въздохи-те ихъ? Воздыхаетъ черпецъ, что долго во власти не поставятъ, а какъ докучитъ ве

ликія степени, вотъ ужжо и въздыхать перестанеть; а буде и въздохнеть, и онъ ласкосердъствуеть, лститъ мира, показуя себе свята, а внутрь діяволь. Павель Крутицкій да Иларіонъ Резанскій горазды были сему рукодѣлію, да и всѣ однако власти-те кромѣ избранныхъ, да лихо су избраннымъ тѣмъ и тѣсно бѣднымъ бываетъ отъ нихъ. Повертится, что порплица, да и онъ туды же склонится бѣдной: «воля де Божія, не одинъ де я по сей колесницѣ їду; гдѣ же де дѣтца?» А чортъ ли билъ в зашей? Ино было и не искать величества да жить понпже, такъ бы душѣ здорovie было. Вотъ меня и въ духовники звали, да какъ о Христѣ Ісусѣ не захотѣлъ, да не захотѣлъ же, да живу себѣ въ ямѣ з братією о Христѣ Ісусѣ; вертепъ сей лутче мнѣ Синайскія горы о Святѣмъ Дусѣ. Амннь.

№ 14. Посланіе къ вѣрнымъ объ антихристѣ ¹⁾.

Неключимый рабъ Пресвятыя и Животворящія Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, единого истиннаго Бога, юзникъ по вѣрѣ и церкви Христовѣ возлюбленнымъ святымъ братіямъ, сіонскимъ чадомъ, всѣмъ православнымъ христіяномъ афетороссійскаго рода радоватися, утвержатися, вкупѣ же и здравствовать въ непорочнѣй вѣрѣ Спасителя нашего Господа Ісуса Христа Сына Божія, и воспитоватися и возрастати во святыхъ благочестивыхъ отеческихъ догматахъ, кромѣ всякія еретическія скверны и порока.

Да вопрошаваютъ насъ нѣдци о словеси избраннаго сосуда Павла, Христова апостола, еже къ Солуняномъ глаголетъ, благовѣствуя во второмъ посланіи 2 главы в зач. 275-мъ о антихристѣ сіе: Да никто же васъ, рече, прельститъ ни по единому образу: яко еще не придетъ отступленіе прежде и открыеться челоуѣкъ грѣха, сынъ погибели, противникъ и прочая. И азъ вамъ отвѣщаю о семъ по дарованію Святаго Духа, елика дадемися. Тогда при апостолѣ процвѣте Христова вѣра въ Солунѣ отъ сихъ проповѣдниковъ истинныхъ Христовыхъ, и діяволь воздвигъ своихъ нѣкнхъ безчинниковъ и лестцовъ развратныхъ, якож и здѣ окрестъ Костромы и Павлова перевоза, о нихже глаголете многая блядущихъ лживая и нечистивая ученія діяволя, — гатко и слышати намъ. И тако они Солуняне обхождаху братію и прельщаху, глаголюще, яко уже пришествію Христову второму наставшу, и слышавшихъ ужасаху и смущаху, и Павла апостола облыгающе и тѣмъ сказующе, яко отъ него слышаше, еще же и отъ Духа глаголюще сицевая слышати, яко Христось грядеть уже на судъ. О сатанина духа прелести! Утро благочестія токмо нача свѣтити еще по вселеннѣй, а сотонинъ духъ сказуя, слѣпымъ глаголя: солнце уже на западѣ! И сіе увѣдавъ, апостоль отъ Рима посла к нимъ в Солунъ посланіе сіе, моля ихъ и глаголя, чтобы

¹⁾ Рукоп. Черниговской духовной семинаріи № 134, л. 75—82 об.

не внимали прелестникомъ, глаголющимъ, яко уже настойтъ день Христовъ. Отнюдь, рече, не будетъ пришествія Христова на судъ, дондеже проповѣстся благовѣстіе Христово по вселеннѣй вѣмъ языкомъ. И потомъ по временахъ будетъ, рече, отступленіе отъ вѣры во всѣхъ языкѣхъ. И потомъ открыеться въ миру человекъ беззаконія, еже есть противный врагъ Богу антихристъ, и быти ему, рече, во свое время: тайна бо уже дѣется беззаконія, сирѣчь Христови апостоли сѣяху благочестіе по земли, а лживіи апостоли діаволи злочестіе свое, якоже быша при нихъ Симонъ волхвъ, Филиппа діакона крестникъ, Николай отступникъ, Киноусъ и прочіи. И до соборовъ такъ все брася церковь Христова со враги, и межъ соборами, и по соборахъ и до нынѣ: Христова часть святое дѣло творить и дѣйствуетъ Христовымъ духомъ, а антихристова часть свое тайное беззаконіе дѣетъ въ мирѣ непріязненнымъ духомъ. Чада Божія есть, по Іоанну Богослову, и чада непріязненная. Къ тому рече Павелъ апостоль: уже дѣется беззаконіе, точію держай нынѣ, дондеже отъ среды будетъ ¹⁾.

Сіе о римской власти рече, въ Римѣ бо писа. И тогда явится беззаконный, егоже Господь убіетъ духомъ устъ своихъ и упразднитъ явленіемъ пришествия своего; егоже есть пришествіе по дѣйству сатанину во знаменіихъ и чудесѣхъ ложныхъ и прочая. И священный Златоустъ и благоумный Ипполитъ согласно вѣщаютъ, яко римская держава и власть антихриста разорится, и тамо быти ему, а не здѣ. Не смущайтесь, братіе! Іаковъ Жидовинъ пишетъ въ своей книгѣ, яко по престатіи царства греческаго быти десяти рогомъ антихристовымъ. Се 10 царей вкунѣ будутъ со антихристомъ; — роги цари суть. И паче Іакова Іоаннъ Богословъ во Откровеніи (гл. 17) пишетъ: ангель толкова ему о блудницѣ, сѣдѣщей на звѣри красномъ, иже иматъ главъ 7 и роговъ десять. Тѣ-то 10 рогъ, сирѣчь царей, соберутся и предлюбодѣицу возненавидятъ и разорятъ, и власть свою всю и силу дадутъ антихристу, и поклонятся ему вси купно со Іудеи и возвеличатъ его и великимъ царемъ нарекутъ себѣ и во Іерусалимѣ престоль ему велій устроятъ, идѣже прежде жидовскія цари бяху великія. И онъ царство ихъ обновитъ, и вознесетъ окаянный, и Богомъ себя назоветъ, и ту великихъ свидѣтелей Ілію и Еноха и Іоанна Богослова убіетъ, идѣже и Господь нашъ распятъ бысть. А о Богословѣ въ Книгѣ о вѣрѣ пишетъ, яко и Богословъ вкунѣ антихриста обличати будетъ со Ілією и Енохомъ. Ипполитъ пишетъ въ словѣ своемъ о Богословѣ, яко быти ему с ними же.

И самого еще антихриста ятъ, не видимъ и не слышимъ, — не ужасайтесь, — предотечи же его быша мнози, и нынѣ есть, и по сихъ еще и иніи будутъ до сына погибельнаго. И ждите того: егда станеть римская власть разорится и обстоимъ будетъ Римъ вой отовсюду, и тогда разу мѣйте, яко приближися заустѣтъ ему и антихристово царство прииде, по Ипполиту и Златоусту. И Божію и человѣческую власть содержитъ нынѣ

¹⁾ Книга о вѣрѣ глав. 30.

папа римской, спрѣчь обѣма начальствы владѣеть, и духовнымъ и градскимъ. А не о Никонѣ здѣшномъ то писаніе збытсѣя, но о римскомъ папѣ-жп; а не антихристъ самъ Никонъ бысть, но предотеца его ближней, и послѣдующіи его развращенію предотеци суть. А еже по временамъ отступленіе преже прїидеть, по Павлову глаголу къ Солуняномъ, и о томъ число звѣрино указываетъ, еже есть 666; и о семь добръ протолковано въ Книгѣ о вѣрѣ печати московскія. И болѣ того не ищите, и о себѣ ничего не мудрствуйте; горе мудрымъ о себѣ! писаніе сказуеть.

И вы того, возлюбленіи, бойтесѣ и не вся тщитесѣ собою испытовати и прoderзїемъ злѣ толковати недовѣдомыя тайны, глаголы Божїя. Егда прїидеть коей вещи время, тогда ту тайну и открываетъ Христосъ и немудрымъ младенцемъ; егда же сице не у время исполнитсѣя чему, тогда и премудрымъ и богословцемъ недовѣдомо бываетъ и закрыто Святымъ Духомъ; не вся бо вѣдѣять и святїи богословцы: вся бо Богъ единъ вѣсть, а святымъ своимъ коемуждо даеть явленіе духа на ползу: кой сосудъ что можетъ понести, и не разбитисѣя, и не разсыпатисѣя. О ономъ числѣ звѣринѣ преже многихъ лѣтъ и до перваго отступленїа римскаго, пиша, святой Ипполитъ, главнѣйшїй отецъ и пастырь поднебесной, егоже Златоустъ похваляетъ велики въ «Словѣ о лжеучителяхъ», — гдѣ бо, рече, Ипполитъ сладкій и благоумный, — но и той рече о числѣ томъ: не бо рече опасно свѣтъ сего писанїа. И святой Андрей, архїепископъ Кесарїи Каппадокіѣйскїй толковалъ Апокалипсисъ сице и, егда дойде до числа того же, и рече: сіе бо время открыть. А егда тѣмъ тайнамъ прїидеть время, тогда благовѣрнымъ и познано бысть и писанїа предано, а въ гибнущихъ и нынѣ покровено есть, в нихже богъ вѣка сего ослѣпїи разумы невѣрныхъ, по апостолу Павлу.

А о трехъ царехъ, ихже убиеть антихристъ во вощаренїи своемъ, о нихже пишетъ Ипполитъ, мѣсто сказуя, а лицъ не указа: и нынѣ о васъ, братїе, толкують нѣщїи о тѣхъ царехъ нестрообразно и отнюдь неподобно, да не реку и еретическо. Аще святой лицъ не указа преже времени, а они всеу мятутсѣя, и не дарованное имъ разумѣніе восхищаютъ, и мудрѣйши себя святыхъ показуютъ. А не вѣмы, кто есмы. И еже 17 главу Откровенїа Богословїа седмоглавіе звѣря толкують о патриарсѣхъ московскихъ, и то ихъ толкованіе ложно и соблазнено. Малымъ таковыхъ любовїю духа не мудрствовать, но мудрствовать въ цѣломудрїи, по апостолу, якоже подасть Богъ. И мы бо о себѣ, братїе, не хоцѣмъ ничтоже вамъ предавати, и уставляти, и неподобная толковати, наче Богомъ преданныхъ святыхъ и непорочныхъ дохматовъ древнихъ отеческихъ, за нихже сподоби насъ Христосъ и пострадати до крови и знаменїа на насъ явити дивная, о нихже не вѣсте нещюку и не по нашему то достоинству есть, но васъ ради избранныхъ спасенїа, да и вы отъ ложныхъ ересей не прельщени будете, и православїа ризу на себѣ носяще и непорочно сохранїе, да не осуждени, и не назїи и не постыдни явитесѣя и со всѣми станете на страшномъ судѣ одесную Царя славы, великаго Бога и Спаса нашего Ісуса Христа

1) А еже глаголете о Никонѣ, бывшемъ патріархѣ, иже святую церковь разодралъ, и развратилъ и симъ расколѣмъ всю святорусскую землю возмутитъ, рождшася его отъ нечистыя дѣвки татарки, и сего ради мните его самого антихриста быти, — ни, братіе, ни! Аще и тако сущъ рождшася, о семъ извѣстно не вѣмъ азъ самъ, но подобаетъ и о вразѣ правду свидѣтельствовати. Татарове не Данова племени и колѣна сущъ, но отъ Агары сущъ пошли и отъ сына ея Измаила, его же роди Авраамъ отъ сея Агары рабыни своея, и сего ради татарове словутъ агаряне и измаильтяне. А антихристъ будетъ отъ жидовскаго колѣна Данова, его же роди Іаковъ Израиль отъ Валлы, рабыни Рахилины, и отъ сего колѣна Данова антихристъ будетъ, а не отъ татарскаго рода. А антихристъ будетъ царь, а не патріархъ. Испытайте писанія съ великимъ опасствомъ, прочитайте съ разумомъ и со вниманіемъ прилѣжнымъ, да не прельщени будете отъ лжесловесниковъ и бабьихъ басней; ибо велія бѣда отъ невѣдѣнія святыхъ писанійхъ (sic) рождается: отъ сего и ереси вси, отъ сего и расколы церковныя, и мятежи, и брани и пагубы душевныя. Не увѣдѣша бо, ниже разумѣша, во тмѣ ходятъ.

А что люди-те называютъ Никона послѣднимъ антихристомъ, плюнь бартъ (sic). Какой послѣдней такой блудяга, блядивый сынъ, бабоблудиска! Послѣднесть не на тѣхъ саняхъ поѣдетъ, но постенъ будетъ и милостивъ, а сія брюханы блудодѣи жрутъ и блудятъ, сколько хотятъ. Послѣднесть су-исперва чистоту возлюбитъ. Помнишь, Кипріяна подле себя посадилъ и говоритъ ему: «блаженъ еси, Кипріяне, яко чистоты ради и дѣвства твоего второй еси Амврій». Знаешь-ли Амврія-того? А то Моисею что противилися Анній и Амврій, живы во адѣ, не умирявали; у фараона-того египетскаго не ходили онѣ за бабами, одно знали, чары творили и волхвованія. А Кипріянь-отъ свѣтъ не зналъ, чаялъ яко Бога діавола-того, докажетъ Іустина ево дѣвица научила, служилъ ему въ правду по простосердію. И ты себѣ смечай: и діаволъ-отъ любить чистоту, и антихристъ-отъ все его дѣйство воспріялъ, аще и человекъ грѣха будетъ, сынъ погибели, человекъ, а преисполненъ лести и лукавства. Всяко потщится отъ Бога людей тѣхъ отвести и подъ дьявола подклонити, да дастъ ему дьяволъ силу свою и мочь чудеса творить мрачная, не истинная, во обманъ. И кто поклонится ему, той не уразумеетъ силы кознямъ его, затмится въ умѣ его; а иже кто отъ сердца любитъ Сына Божія Христа, той вся разумѣетъ кознованія его и лести, не глядитъ на прелесть его, одно знаетъ, вѣру по писанію держитъ. А то су-у него будетъ догадокъ-тѣхъ не с Никоново. Ни! Говоришь единороднаго исно вѣдаетъ, а тотъ самъ назовется: «я отъ небесъ пришелъ по писанію спасти люди вся, я Сынъ Божій, и нѣсть иного Бога развѣ мене; вѣруйте въ мя». Да чудо сотворитъ. А миръ-отъ слѣпой и з женами и з дѣтми: «ты еси Богъ нангъ, и нѣсть Бога развѣ тебѣ; о тебѣ Моисей рече, ты еси истинный Мессія, царь Израилевъ». Обманщикъ лютой будетъ: сперва-того смиренъ

1) Отсюда до конца сравни выше, № 10.

и милостивъ покажется, а какъ уже воцарится, такъ возглаголетъ прегордая на Бога богомъ. Возми да понеси, какъ и нынѣ бояря сво творять. Насъ же да избавитъ Богъ отъ прелести сея, о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ.

№ 15. О сложеніи персты ¹⁾.

Всякому убо правовѣрну подобаеъ крѣико персты въ рукѣ слагая держати и креститися, а не дряхлою рукою знаменатися с нерадѣніемъ и бѣсовъ тѣшить, но подобаеъ на главу, и на брюхо и на плеча класть рука с молитвою, еже бы тѣло слышало, и умомъ внимая о сихъ тайнахъ крестися; тайны тайнамъ в руке персты образуютъ. Сяце разумѣй, по преданію святыхъ отецъ подобаеъ сложити три персты: великіи, и мизинецъ и третій подлѣ мизиннаго, всѣхъ трехъ концы вкупуъ, — се являетъ триипостасное божество Отца и Сына и Святаго Духа. Таже указательный и великосредній два сія сложити и единъ от двухъ великосредній мало наклонити, — се являетъ Христово смотреніе Божества и челоуѣчества; таже вознести на главу являетъ умъ нерожденный: Отецъ роди Сына превѣчнаго Бога, преже вѣкъ вѣчныхъ; таже на пупъ положить — являетъ воплощеніе Христа Сына Божія от святыя Богоотроковицы Маріи; таже вознести на правое плечо—являетъ Христово вознесеніе и о десную Отца сѣдѣніе и праведныхъ стояніе; таже на лѣвое плечо положить являетъ грѣшныхъ от праведныхъ отлученіе и в муки прогнаніе и вѣчное осужденіе. Тако научиша насъ персты слагати святіи отцы: Мелетій, архіепископъ Антиохійскій, и Феодоритъ блаженный, епископъ Киринейскій, и Петръ Дамаскинъ, и Максимъ Грекъ. Писано о семъ во многихъ книгахъ: во Псалтыряхъ, и въ «Кириловѣ» и «о вѣрѣ» въ книгѣ, и въ Максимовѣ книгѣ, и Петра Дамаскина въ книгѣ, и в житѣ Мелетіевѣ; вездѣ одинако святіи о тайнѣ сей по вышереченному толкуютъ. И ты правовѣрно, назидая себя страхомъ Господнимъ, перекрестися и падъ, поклонися главою въ землю (се являетъ Адамово паденіе, егда же восклонися—се являетъ Христовымъ смотреніемъ всѣхъ насъ востаніе). Глаголи молитву, сокрушая свое сердце: Господи Исусе Христе, Сыне Божіи, помилуй мя грѣшнаго. Таже твори по уставу и метаніе на колѣну, какъ церковь прежде держала: опирайся руками и колѣньми, а главу до земли не доводи—такъ Никонъ Черныя Горы игуменъ повелѣваеъ в своей книгѣ творити метанія; всякому своя плоть пометати пред Богомъ подобаеъ без лѣности и без гордыни — во церкви и в дому и на всякомъ мѣстѣ. Изряднѣ еже в великіи постъ томимъ плоть своя по уставу, да не воюеъ ны духъ, въ праздники же и в суботы и в недѣли просто молимся стояще, поклоны по уставу творимъ поясные и в церкви и в келье изравняюще главу противъ пояса, по-

¹⁾ Рук. Казанской духовной академіи, № 1679 (109), л. 88—93.

неже праздника ради не томимъ плоти метаніемъ, а главу наклоняемъ в поясъ без лѣности и без гордыни Господу Богу и Творцу нашему. Субота бо есть упокоенія день, в онъ же Господь почи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, а недѣля—всѣхъ насъ востаніе воскресенія ради. Тако же и праздники радостно и духовно веселящися торжествуемъ. Видишь ли, боголюбче, какъ у святыхъ тѣхъ положено розводно, и спасительно, и покойно, не какъ у нынѣшнихъ антихристовъ духа: и в великой постѣ метанія на колѣну класть окаянныя не захотѣли, гордыни и лѣности ради. Да что сему конецъ будетъ! Развѣ умерши станутъ кланятца прилежно, да мертвые уже на ногахъ не стоятъ и не кланяются, лежатъ всѣ и ожидаютъ общаго востанія и противу дѣлъ воздаянія, а мнѣ видятся равны уже онѣ мертвецамъ тѣмъ, аще и живи суть, но исполу живи, но дѣла мертвечія творятъ—срамно и глаголати о нихъ. Онѣ же бѣдныя мудрствуютъ трема персты крестится—большой и указательный и великосредній, слагая в Троицу, а не вѣдомо в какую, болшо в ту, что во Апокалепсисѣ пишеть Иванъ Богословъ—змѣи, звѣрь, лживый пророкъ (Толкованіе: змѣи — глаголется дѣяволъ, а лживый пророкъ учитель ложный, папа или патріархъ, а звѣрь—царь лукавый, любяи лѣсть и неправду). Си три перста предасть Фармосъ, папа римской, благословляя и крестился ими, и по немъ бывши Стефанъ, седмий папа, выкопавъ, поругалъ его, перстъ отсѣкше бросилъ на землю, и разступилася земля и пожре перстъ; таже отсѣкше другіи, бросилъ, и бысть пропасть велика; потомъ и третій отсѣкше бросилъ, изыде изъ земли смрадъ лютъ и начаша люди отъ смрада издыхати. Стефанъ же велѣлъ и тѣло Фармосово в Тиверь рѣку кинуть и, сложа персты своя, по преданію благословилъ пропасть и снидеша земля по прежнему наки (о семъ писано в лѣтописце латынскомъ, о вѣрѣ книги указуетъ, лѣтонисецъ которой). Но аще ревнитель Стефанъ и облчилъ сію триперстную ересь, а однако Римляне и до нынѣ трема персты крестятся, потомъ и Польшу прельстили и вси окрестныя рѣши — Немець, и Серби, и Албанасы, и Волохи, и Греки вси оболстались, а нынѣ и наша Русь тѣже три перста возлюбила—преданіе Никона отступника со дьяволомъ и с Фармосомъ. Еще и новый адовъ-песъ выскочилъ изъ бездны в Грекахъ Дамаскинъ иподьяконъ безъимянникъ, и предасть безумнымъ Грекамъ тѣже три перста, толкуеть за Троицу, отсѣкая вочеловѣченіе Христово. Чему бытъ! Выблядокъ того же римскаго костела, братъ Никону патріарху! Да тамъ же въ Грекахъ какой-то, сказываютъ, протопопъ Малакса архіереомъ и іереомъ благословлять рукою повелѣваетъ нѣкакo странно, сложа персты Ісусъ Христомъ. Все дико: у давешняго врага вочеловѣченія нѣтъ, а у сего Малаксы Святыя Троицы нѣтъ; чему бытъ? время то пришло, нѣкимъ имъ играть, аже не Богомъ. Да что на нихъ и сердитовать. Писанное время пришло. Ипполитъ святыи и Еѳремъ Сиринъ, издавеча уразумѣвъ о семъ времени, написали сице: и дасть имъ скверныи печать свою за знаменіе Спасителево; се о трехъ перстахъ реченно —

егда самъ себя волею своею печатаеть тремя персты, такового умъ темень бываетъ и не разумѣваетъ правая, всегда помраченъ, печати ради сея скверныя. Еще же и другое писаніе: и возложитъ имъ скверный и мерскій образъ на чело (се писано о архіерейскомъ благословеніи, еже Малакса предалъ); отъ разумѣющихъ толкуется: идолъ въ рукѣ слагая на чело возлагають, еже есть мерскій образъ. Да будутъ онѣ прокляты со своимъ мудрованіемъ развращеннымъ; тотъ—такъ, другой—иначе,—сами в себѣ несогласны враги креста Христова. Мы же держимъ святыхъ отецъ преданіе—Мелетія и прочихъ неизмѣнно, — якоже знаменуемъся пятью персты, также и благословляемъ пятью персты во Христа и во Святую Троицу, слагая по вышереченному, какъ святіи предаша, и при царѣ Иванѣ бывши в Москвѣ помѣстный соборъ такъ же персты повелѣвають слагати, якоже Ѳеодоритъ, и Мелетіи, и Петръ Дамаскинъ, и Максимъ Грекъ научиша пятью персты креститися и благословляти. Тамо на соборѣ быша знаменосцы Гуріи, и Ворсонофіи и Филиппъ, русскія чудотворцы, и ты правовѣрнѣ безъ сомнѣнія держи преданія святыхъ, Богъ тебя благословитъ, умри за сіе и я съ тобою же долженъ. Станемъ добръ, не предадимъ благовѣрія, не по што намъ ходить в Персиду мучитца, а то дома Вавилонъ нажили. Слава о семъ Христу Сыну Божию со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

№ 16. Толкованіе псалма 83 ¹⁾.

Коль возлюбленна села Твоя, Господи сить.

(Толкъ). Села она, въ нихъ же святіи веселятся, кому разумѣти. Павелъ апостоль не исповѣдалъ, егда восхищенъ бысть въ рай и слыша глаголы неизреченны, ихъ же нелѣтъ есть языки человѣческими глаголати: а инъ кто исповѣдати можетъ оно веселіе и радость? токмо любовію и желаніемъ достигати села она.

(Псаломъ). Желаетъ и скончается душа моя во двory Господа.

(Толкъ). Слыши псалмопѣвца рекша, не просто желаетъ, но и скончается отъ желанія великаго, умою въперяся въ жилища она водворитися, идѣже гласъ неизреченный и неисповедимо веселіе.

(Псаломъ). Сердце мое и плоть моя возрадовашеся о Бозѣ живѣ.

(Толкъ). Всякъ праведникъ радуется и веселится упованіемъ будущихъ благъ, залогъ имѣя въ себѣ Духа Святаго благодать: аще и скорби тернѣтъ, не смущается, не зрѣтъ видима, но невидимая осязаетъ умою и веселится, всегда царство небесное имѣя въ себѣ.

(Псаломъ). Ибо птица обрѣте себѣ хранину и горлица гнездо себѣ, идѣже положи птенца своя.

¹⁾ По рукоп. Имп. Публ. Библ. (собранія Богданова) № 0. I, 339, л. 20—33 об.

(Толкъ). На итенцы указывает пророкъ, изряднѣ же на горлицу, ибо та птица печальная: егда оспрѣетъ после мужа своего горличнища, потомъ за пнаго не посягаетъ и на сыромъ дровѣ не обитаетъ, но на сухомъ садится; а и та де гнездо имѣетъ къ воснѣтанію итенцовъ. Сія птица образъ носитъ хотящихъ наслѣдовати спасеніе: всякому правовѣрному печалованію наче всего подобаетъ о умершей грѣхми души своей и сырости опасатися, еже есть толстыхъ нищъ и питія, и ясти и нити толико, ело живу быти, токмо итенцы своя полагаѣти всегда во гнездѣ, еже есть въ церкви Божіи умъ и смыслъ и желаніе неотложно имѣти и расти и питатися словомъ Божиимъ (0 горлицѣ во Алексиковѣ писано).

(Псаломъ). Олтаря Твоя, Господи Боже силъ, Царю мой и Боже мой. Блаженіи живуеще въ дому твоемъ въ вѣкъ вѣка восхоятъ (sic) тя.

(Толкъ). Разумѣй по вышереченному, яко же горлица и прочая птицы обрѣтаютъ себѣ ко успокоенію храмину, тако и намъ ко олтарю прибегать и вѣчнова покоя искать. Блаженъ будетъ живящій въ дому Божіи въ вѣкъ вѣка, еже есть нынѣ и во грядущемъ таковой восхвалитъ Христа Сына Божія.

(Псаломъ). Блаженъ мужъ, ему же есть заступленіе его отъ Тебе.

(Толкъ). Какъ цетъ таковой не блаженъ, ему же вездѣ заступникъ Богъ и помощникъ во всемъ; противу добраго смысла его, и ходитъ и сидитъ, а то на умѣ, какъ угодная Богу сотворить.

(Псаломъ). Возхожденія въ сердце своемъ положи во удоли плачевнѣ, въ мѣстѣ, идѣже положи.

(Толкъ). Вотъ, какъ за сіе не будетъ блаженъ! Безпрестанно помышляетъ, какъ муки грѣшникомъ будутъ, какъ праведнымъ небесное царство; разсуждаетъ во удоли плачевной бѣдвенкой, какъ бы отъ нея избытъ. Разумѣй о ней, -- мы тебѣ побесѣдуемъ о Христе: есть во Иеросалимѣ подъ домою Давидовымъ потокъ сухъ и глубоокъ, пронасть несвѣдомая; тамо плачевныя гласы безпрестанно воютъ дне и ноць гласы умиленными и неисповедимыми. Есть и другая удоля Савина близъ обителя Савы Освященнаго, отъ Иеросалима пять верстъ ея же устіе внало въ море Черное. Въ тѣхъ удоляхъ исполнить Христось огня негасимаго на мученіе грѣшникомъ, яко же Иванъ Дамаскинъ поетъ: въ дому Давидовѣ страшная совершается, огонь бо тамо палящъ всякъ сраменъ умъ. Еше же и другій стихъ: въ дому Давидовѣ страхъ великъ, ту бо престоломъ поставленнымъ судятся всяка племена земная и языцы. Блаженъ мужъ, иже о семъ въ сердце своемъ помышляетъ всегда, о судѣ Христовѣ и о воздаяніи грѣшнымъ и праведнымъ.

(Псаломъ). Ибо благословенія дастъ законъ даий. Пондугъ отъ силы въ силу: явится Богъ богомъ въ Сионѣ.

(Толкъ). Праведнымъ тогда благословеніе дастъ законъ даий Ісусъ Христось и учинитъ ихъ сильныхъ во вѣки, егда явится во святомъ Сионѣ Богъ богомъ, еже есть Христось святымъ своимъ. Сионъ бо тогда будетъ

пресвятый градъ вышній, жилище святымъ вѣчное, со агнецемъ пречистымъ Христомъ не престанное веселіе. Сіонъ бо глаголется мѣсто покойное; глаголется и церковь Сіонъ: упокояетъ насъ отъ житейскихъ волягъ; и гора сіонская — Сіонъ глаголется, въ ней же водворяшеся Христосъ и Пречистая Богомати его со апостолы. Издалена уразумѣль пророкъ и свидѣтельствуя о Христовѣ житіи въ Сіонѣ семъ со апостолы. Еще же водворяшеся въ горѣ Елеонстей часто и на небо съ нея же по воскресеніи вьзде. Древета на ней масличная растутъ и прочая. Въ ней же всегда моляшеся Господь и Пречистая Богородица также постѣ Ево на камени мраморнѣ, яко же Андрей Критскій свидѣтельствуетъ; тутъ и погребена бысть отъ апостоловъ; любимое мѣсто у нея въ саду томъ было молитися у надежи нашія, и у Христа Бога нашего, намъ образъ дая къ молитвѣ искати затишія.

(Псаломъ). Господи Боже силъ, услыши молитву мою, внуши, Боже Іаковль, защитниче нашъ, виждь, Боже и призири на лице Христа твоего.

(Толкъ). Виждь и разумѣй молитву пророчю: тако Іеусъ моляшеся Отцу своему, яко же древле пророкъ Давидъ, понеже и онъ Христосъ бысть, сирѣчь помазанецъ: и призири на лице помазаннаго твоего, глаголя: но не истинный Христосъ, токмо надъ человѣки царствова. Царь же истинный Христосъ Богъ нашъ, понеже воцарися надъ грѣхомъ, помазанъ не масломъ отъ рога, полагаемаго на главу, но Духомъ Святымъ. Моляшеся Отцу за плотское смиреніе: и призири на лице помазаннаго Своего.

(Псаломъ). Яко лутче день единъ во дворѣхъ Твоихъ наче тысящъ.

(Толкъ). Во пророкъ Духъ Святый тако глаголя, свидѣтельствуя о тамошней жизни, яко лутче день единъ въ будущемъ, наче тысящи вѣковъ здѣшнихъ. Христосъ же Самъ вѣсть вся, понеже Творецъ всему и Зидитель, глаголя тако ко Отцу Своему, насъ вразумляя.

(Псаломъ). Изволихъ приметатися въ дому Бога моего наче, неже жити ми въ селѣхъ грѣшничихъ.

(Толкъ). Села праведныхъ церкви Божія, села грѣшници мытарства и мытницы, въ нихъ же пребываютъ со человѣки бѣсове, а въ церкви съ правовѣрными ангели Божіи.

(Псаломъ). Яко милость и истинну любить Господь Богъ, благодать и славу дастъ.

(Толкъ). Всякому приметающемуся въ дому Господни съ вѣрою и истинною Богъ милость свою посылаетъ и благодать Святаго Духа и любя Его прославляетъ здѣсь, а наипаче прославить въ вѣде будущемъ.

(Псаломъ). Господь не лишитъ блага ходящихъ незлобимъ.

(Толкъ). Ей воздастъ сторицею, понеже любить Богъ беззлобивыхъ; всѣмъ добродѣтелемъ верхъ кротость и незлобіе; аще и вся сотворитъ человѣкъ добродѣтели ¹⁾, постъ, молитву и прочая, а злобенъ и не милостивъ,

¹⁾ До сихъ поръ напечатано въ Мат. т. VIII, стр. 8—13.

ничто же есть таковой предъ Богомъ: нигдѣ не писано, Господь не лишитъ блага ходящихъ злобою, но незлобіемъ.

(*Псаломъ*). Господи Боже силь, блаженъ человекъ уповаяй на Тя.

(*Толкъ*). Блаженъ и треблаженъ, понеже уповающаго на Господа милость обидеть, упованіе во грядущемъ не посрамить; уповаяй, яко левъ рыкая ходитъ, вси отъ него боятся, яко ото льва, повсюду страшенъ и удивителенъ предъ всѣми уповаяй на Бога о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ. Чюдень и удивителенъ левъ и страшенъ предъ всѣми зверми и брашна стараго не естъ: аще онъ и самъ поималъ вчера или въ мимошедшее время п дни, но питается на всякъ день новымъ брашномъ и свѣжими мясы; ему же возревѣвшу, и притекають къ нему Богомъ послани звѣрие на день. Тако и праведникъ старое брашно, Адамово сластолюбіе, отрываетъ отъ себя и питается слезами и постомъ, исполняяся Духомъ Святымъ, крѣпко предъ Богомъ реветъ, ѣсть прося, хотя наследити вѣчныхъ благъ о Христѣ Исусѣ: Аминь.

№ 17. Тоя же Премудрости Соломони чтение ¹⁾ (гл. V).

Праведницы во вѣки живутъ и отъ Господа мзда ихъ и промышленіе ихъ отъ Вышняго.

(*Толкъ*). Являетъ безконечную будущую жизнь и отъ Господа мзда, венцы и слава неизреченна, напромышляли миленькія здѣсь живучи помощію Христовою.

(*Сущее*) (ст. 16). Сего ради примутъ царствія благолѣпіе и венецъ доброты отъ руки Господня; яко десницею покрываетъ ихъ и мышцею защититъ ихъ.

(*Толкъ*). Того де ради сподобятся пріяти красоту царствія велелѣннаго на небесѣхъ, яко десница Божія здѣсь покрывала ихъ и мышца Сынъ, Слово Божіе, защищаль и ограждалъ ихъ отъ находящихъ золъ, живущихъ въ заповѣдѣхъ его и вѣрующихъ несумнѣнно и уповающихъ на Божественный промыслъ Его.

(*Сущее*) (ст. 17). Приметь всеоружіе ревности Его и вооружено сотворитъ созданіе въ мечь врагомъ.

(*Толкъ*). Егда увидитъ Богъ ревность праведную по правдѣ Его, тогда приподастъ ему божественныя силы своей, еже есть исполняетъ въ немъ благодатію своею премудрость и разумъ, и дасть ему разумѣвати козни сатанины, и устроитъ его созданіе свое на отмщеніе врагомъ, сирѣчь, яко победителя оруженосна сотворитъ.

¹⁾ По рукоп. Имп. Публ. Вибл., собранія Богданова, № 0. I. 339, л. 153 об.—166. Обозначенія стиховъ слѣданы нами и приводятся въ скобкахъ.

(*Суице*) (ст. 18—19). И облечетъ я во броня правды и возложитъ шлемъ, судъ не лицемѣренъ, и примъ щитъ непобѣдимъ, преподобіе.

(*Толкъ*). Вижьдъ, слышателью, каковоо оружіе имѣють праведніи, еже есть правду, нелицѣмѣріе, преподобіе; Христось, надежа наша, противъ ратниковъ видимыхъ и невидимыхъ облагаетъ, яко въ латы, въ правду и возлагаетъ на главу, яко шоломъ, нелицѣмѣріе всаждаетъ въ душу праведничю. Онъ же, примъ отъ Господа, яко щитъ, преподобіество, еже есть достоинство, службы его Господни воуетъ, подвизаяся на враги, воеводу имѣя у себя Христа и Пречистую Богородицу помощницу. Сечетъ ¹⁾ миленькой на всѣ стороны, никто его не побѣдитъ, силенъ словомъ и дѣломъ предъ Богомъ и всѣми людьми. О миленькая ты правда! Надобна ты мнѣ, бѣдному горюну.

(*Суице*). (ст. 20). Поостритъ же напрасенъ гнѣвъ во оружіи и споборетъ съ нимъ миръ на безумныя.

(*Толкъ*). Гневливи праведники ²⁾ на неправду и zelo не терпятъ видети и слышати ея; разжигаются острогою на неправду, ни мало не молча обличаютъ и изгоняютъ отъ безумныхъ чловѣкъ дерзновеніемъ своимъ и ревностію, яже по Христѣ.

(*Суице*) (ст. 21—22). И пойдутъ праволучнѣ стрѣлы молненны, яко отъ блага круга лука облаковъ на намѣрѣніе летятъ и о пращъ каменныхъ, ярости исполнь.

(*Толкъ*). Вижьдъ, праведники те какъ ходять, — яко стрела изъ лука въ примѣту ³⁾ летитъ, или же яко пращъ каменной, ярости исполнь, убивая дьявола и козни его. Яко Давидъ Голиада камнемъ изъ ремня ушибъ, тако и праведникъ гордаго дьявола и сосуды его, сирѣчь лукавыхъ чловѣкъ, ревностію по Христѣ шествуя, яко стрѣла на намереніе ея, убиваетъ въ нихъ лукавую всякую кознь; да и въ будущемъ онъ же полетитъ, яко стрѣла, молніеносенъ по облакомъ на встретеніе небснаго царя Христа.

(*Суице*) (ст. 22). Падутъ грады, вознегодуетъ на нихъ вода морская, рѣки же потекутъ жесточае.

(*Толкъ*). Глаголетъ: падутъ грады — отъ Бога отступятъ люди; а вознегодуетъ вода морская — грѣшныя праведныхъ изгоняютъ; рѣки же потекутъ жесточае — еже есть праведники нуще ихъ воровство обличаютъ; грѣшники праведниковъ мучатъ, а онѣ болши ихъ обличаютъ, не молчатъ, не боясь ⁴⁾ стреляютъ ихъ праведными словесы своими мѣтко; не обмешулитса праведникъ отъ, — ужъ какъ пустить слово-то свое о Христѣ на собаку никоніанина, тотъ часъ неправду-ту въ еретикъ то заколетъ.

(*Суице*) (ст. 23—24). Сопротивъ станеть имъ духъ силы и яко вихоръ

¹⁾ Отсюда и до словъ: «Слышите, царіе, и князи и судіи земстїи, и внушите, на кажитса...» напечатано въ Мат. т. VIII, стр. 64—66.

²⁾ Въ Мат.: гнѣвливи праведникъ.

³⁾ Въ Мат. этого слова нѣтъ.

⁴⁾ Мат.: «не молчатъ небось».

развѣтъ я, и опуститъ всю землю беззаконія и злодѣянія превратитъ престолы сильныхъ.

(Толкъ). Супротивъ станетъ Христось съ праведными на воровъ тѣхъ ¹⁾. Онъ имъ, надежа, силу ту подаеть, а то бы беззаконники тѣ тотъ часъ праведныхъ тѣхъ перевертѣли, да Христось воли той имъ вовсе не даетъ. Утѣшаетъ своихъ тѣхъ Владыка бѣдненькихъ всяко. Собаки тѣ огрызутъ нашему брату бѣдному руку, или языкъ, или иную кую пакость сотворять, а Христось исцелить; а ворами тѣми горько, да не знаютъ, какъ извести праведника тово. А которова Христось изволить венчать и къ себѣ взять, и отдасть его имъ, дѣлателямъ спасенія нашего, такъ онѣ что волки, съ сердца тово въ ключе изорвутъ раба тово Христова; изжегше, и кости те несутъ бердышами да и опять дровъ наваляютъ, да потомъ собрався на радостяхъ пировать стануть: перевели обличителя, не мешаетъ тотъ, слава Богу седмиглавому! помогъ милостию своею, изъ бездны пришедь; раба Христова скончатъ! Да и сядетъ дѣволъ то посреде ихъ на шире томъ съ ними же, научаетъ еще на инова Христова раба. А Христось терпитъ свѣтъ—попускаетъ имъ, даже соберетъ своихъ повсюду, яко кокошь подъ крылѣ итенцы своя. И егда совершится тайна писанія, тогда, яко вихоръ, развѣтъ я, беззаконниковъ, и пугну всю землю сотворитъ, и злодѣйство ихъ перемѣнитъ, и престолы ихъ и все подъ гору поидетъ, по видѣнью Юанна Богослова, глава 18, егда видѣ ангель сходящъ съ небеси, и муцъ область велию, и земля просветися отъ славы его и возони въ крѣпости гласомъ велиимъ, глаголя: паде, паде Вавилонъ великій! и бысть жилище бесомъ и хранитель духу нечистому всякому и хранилище всѣхъ птицъ нечистыхъ, и ненавидимо: яко отъ вина ярости и любодѣянія ея напои вся языки и царни земстїи съ нею любы дѣяше и купцы земстїи отъ силы пища ея разбогатѣша, и прочая по ряду,—чти въ Апокалипсисе, что женѣ той пьяной воздасть Богъ за игрушки тѣ нынѣшнія. Жена—градъ есть великій, Богослову ангель сказалъ и протолковалъ въ 14 главѣ. На что лутче толку сего ангельскаго.

(Сущее) (гл. 6, ст. 1—3). Слышите убо, царіе, и разумѣйте и накажи-теся судїи концемъ земли, внушите содержащїи множество и гордящїися о народѣхъ языкъ, яко дана бысть отъ Господа держава вамъ и сила отъ Вышняго.

(Толкъ). Слышите, царіе, и князи, и судїи земстїи, внушите, накажи-теся ²⁾ гордящїися: на время вамъ дана власть и сила отъ Вышняго; аще не покаетесь скоро, погибнете. Слышите, что Богослову сказано, во осмой на десять главѣ: и слышахъ гласъ инъ съ небесе глаголющъ: изыдите из нея, люди мои, да не причаститесь грѣха ея, и отъ язвы ея да не вредитесь, яко прилѣпѣлася грѣси ея; воздадите ей, яко и та воздасть вамъ, и усугубите ей по дѣломъ ея сугубо, чашею, ею же черпа вамъ, черпните ей

¹⁾ Мат.: «на воротѣхъ».

²⁾ Здѣсь обрывается текстъ въ Мат.

сугубо. Елико прославися и расвирѣше, талико дадите ей и мукъ п рыданіи, яко въ сердци своємъ глаголи, яко сѣжу царицею, и вдова нѣсмь, и рыданія не имамъ видѣти; сего ради во единъ день приидуть язвы ей: смерть, и плачь, и гладь, и огнемъ сожжена будетъ, яко крѣпокъ Господь Богъ, судяи ей. И возрыдають и восплачутся ея цари земстїи, любы дѣявше съ нею и расвирѣшевше, егда узрятъ дымъ запаленія ея, издалеча стояще за страхъ мукъ ея, глаголюще: горе, горе! градъ великій Вавилонъ, градъ крѣпкій! яко во единъ часъ прииде судъ твой. И купцы земстїи возрыдають и восплачутся о немъ, яко бременъ ихъ никто же купуетъ, къ тому бременъ злата и сребра и каменія драгаго и бисера и висса и порфиры, и шика и червени и всякаго древа финна, и всякаго сосуда слонова, и всякаго сосуда отъ древа честнаго, и мѣяна и желѣзна, и мраморна, и корица, и амїяна, и мира, и ливана, и вина, и елея, и семидалинъ, и пшеница, и скота, и овецъ, и конь, и колесницъ, и телесъ и душъ чловѣческихъ. И овоца похотїи душа твоя отъиде отъ тебя и вся тучная и свѣтлая отъидоша отъ тебе и къ тому не имѣша обрѣсти ихъ. Купцы твои, симъ обогащѣшеса, издалеча стануть за страхъ мученія ея, рыдающе, и плачущесе, и глаголюще: горе, горе, градъ великій, облеченный въ висонъ и цоренію и червленицею, и позлащенный златомъ и каменіемъ драгимъ и бисеромъ, яко во единъ часъ погибе толико богатства. И всякъ кормчїи и всякъ плаваѣи въ кораблехъ, и всякъ сликъ въ мори дѣлаѣи издалеча сташа и вопїяху, видяще дымъ ражженія его,—глаголюще: кто подобенъ граду великому? И положиша персть на главахъ своихъ и возопиша, плачущесе и рыдающе, глаголюще: горе, горе, градъ великій, въ немъ же обогатишася вси имущи корабля въ мори отъ чести его, яко единемъ часомъ запусѣ. И веселся о семъ небо и святїи апостоли и пророцы, яже суди Богъ вашъ отъ него. И взятъ единъ ангель камень крѣпокъ, великъ, яко жерновъ, и верже въ море, глаголя: тако стремленіемъ вверженъ будетъ Вавилонъ градъ великій и не имать обрѣстися, къ тому и гласъ гудецъ и мусикїи и пискъ трубъ не имать слышатися ктому въ тебе, и всякъ хитрецъ всякія хитрости не обрящется къ тому въ тебѣ, и шумъ жерновный не имать быти слышанъ въ тебѣ, и свѣтъ свѣтильника не свѣтитъ въ тебѣ, къ тому и гласъ жениха и невѣсты не имать слышанъ быти въ тебѣ, къ тому яко купцы твои бѣша вельможи земстїи, яко волхвованїи твоими прелїчени быша вси языцы, и въ немъ кровь пророческая и святыхъ обрѣтесе и всѣхъ избїенныхъ на земли. Слышите, царіе и разумѣйте и накажитесь, судїя концемъ земли, внушите, содержащїи множество и гордящїися о народѣхъ языкъ, яко дана бысть отъ Господа держава вамъ и сила отъ Вышняго, плачите, бѣдныя, грѣхъ своихъ, яко приближается на вы запусѣніе на ваше беззаконіе и неправедныя суды. Добро бы образумитца и, яко отъ сна, убудитсе коемуждо отъ злобъ своихъ, шачеже сквернъ любодѣянія церковнаго и догматнаго измененія престать Христа Ісуса Господа ради.

№ 18. Тоя же Премудрости Соломони чтеніе¹⁾.

Праведникъ аще постигнетъ скончатися, въ покой будетъ (гл. IV, ст. 7).

(Толкъ). Здѣсь праведнымъ навѣтно и суетно отъ бесовъ и отъ злыхъ чловѣкъ и зело безпокойно и томительно: не имать бо часа единого, еже бы не мучился; отовсюду запинанія душевная и телѣсная пакости отъ враговъ и отъ друговъ, отъ чюждихъ и отъ своихъ, на улицѣ и въ дому; ей! по словеси Христову и врази чловѣку домашніи его. Егда же постигнетъ скончатися, въ покой пойдетъ миленькой, слава Богу, добрель до краю, старикъ бѣдной!

(Сущее) (ст. 8). Старость бо честна не многолѣтна, ни въ числѣ лѣтъ изочтена.

(Толкъ). Не сей бо старъ, иже много лѣтъ живеть, но аще кто благочестно и боголюбезно пребываетъ, сей старъ и предъ Господемъ честенъ: не числомъ бо лѣтъ сія бываетъ старость, но во изволѣ сердца добродѣтели творящу; аще и столѣтенъ сый, неправедне живый, и кромѣ заповѣди Господни, младъ есть таковой и подобенъ робяти. Яко же и Павелъ апостоль пишетъ: егда бѣ младенецъ, яко младенецъ смыпляхъ и яко младенецъ мудрствовахъ, егда же бысть мужъ, отвергохъ младенческая. Спрѣчь младенчество глаголетъ первое свое житіе при ногу Гамалиилову, егда же живяше кромѣ Христовы вѣры. Грядущу же ему въ Дамаскъ мучити христіанъ, явися ему Господь отъ небесе и призва его. Павелъ же отвергохъ безуміе, яко младенчество и бысть мужъ исполненъ духа и разума Божія. Оттоля нача проповѣдати имя Ісусово, въ Дамаскъ и во всей поднебѣсней. Тако и нынѣ кто проповѣдъ Павлову дѣлы проходить, сей старъ и разуменъ по реченному.

(Сущее) (ст. 9). Седина же есть мудрость чловѣкомъ, и возрастъ старости житіе нескверное.

(Толкъ). Зри житіе чистое и нескверное и безгрѣшное, мудрость и честность, и слава и старость честная чловѣку. Всѣхъ богатыхъ богатѣйши и славныхъ славнѣйше во всемъ мирѣ обносится имя его, живуцаго въ вѣре Христовѣ и въ делѣхъ Господнихъ. Блаженъ есть таковой и треблаженъ, иже не ульсти языкомъ своимъ, и не сотвори искреннему своему зла, и поношенія не пріять на ближнія своя. Окаянне же и безумне же оттекать отъ вѣры Христовы истинныя старыя премудрости и прилеплѣтся бесомъ молодой вѣрѣ, глупостію младенческою одержимъ. Таковыи и дѣлтъ благихъ не имать, — тако глупъ, яко робенокъ: по землѣ прилѣжаи, и щепу и говно поемля, въ ротъ себѣ пихаетъ, и падая съ лавки и съ полатей, язвы себѣ отъ безумія приемлетъ. Тако любии никоніянскія книги спадають съ высоты разума старопечатныхъ книгъ московскихъ и язвить себя по внутреннему чловѣку: яко щепу и каль, пихаетъ въ ротъ, научаяся лжи

¹⁾ По рукоп. И. И. Вибл., собранія Богданова, № 0. 1, 339, л. 166 об.—175 об.

и неправдѣ отъ блядивыхъ книгъ никоніанскихъ; таковой, аще и съдѣ и многолѣтенъ, но младенецъ сый неразумія ради.

(*Сушес*) (ст. 10—11). Благоугоденъ бывъ и возлюбленъ бысть и живыи посредѣ грѣшникъ преставися, восхищенъ бысть, да не злоба изменить разума его или лесть прельститъ душу его.

(*Толкъ*). Не оболстится, любяи правду и истинну Христову, и не изменить разума благого и въ мукахъ и въ самой смерти Христовъ рабъ, понеже твердо вѣренъ, аще по средѣ грѣшникъ, яко чловѣкъ, и умираеть бесчестно и поносно, но десницею Божіею восхищенъ бываетъ ко престолу Царя славы, понеже угодникъ Божій и возлюбленъ Сыну Божію; преставися отъ злаго во благое, идѣже свѣтъ живота и радость безъ конца.

(*Сушес*) (ст. 12). Раченіе бо злое губить добрая и желаніе похоти пременяеть умъ незлобивъ.

(*Толкъ*). Аще кто возлюбитъ злыя никоніанскія книги и иныя поступки, нарѣчія и одежды и прочія бляди, нововводныя коби, таковой вся своя добрая погубляеть и отъ Бога чуждъ бываетъ, понеже желаніе дурное перемѣнить его бѣднава, ко всему нестроень учинится: умъ-отъ у него омрачится отъ погани той новой, и бываетъ милостивый не милостивъ, и незлобивый злобенъ, и праведный живый учинится. Такова то ихъ новая та благодать проклятая, губить людей тѣхъ добрыхъ. Того ради подобаеть неослабно прибѣгати къ Богу и милости просити: всякъ бо, правости ища и вѣры правыя, не погибнетъ, но имать по словеси Христову животъ вѣчный, а прилежай настоящей блазни, всяко погрязнетъ.

(*Сушес*) (ст. 13). Скончався въ малѣ исполнить лѣта долга.

(*Толкъ*). Виждь пременение обоихъ и праведныхъ и грѣшныхъ: вмаѣ житіе се поживуть, а тамъ надолгая безконечная лѣта отходятъ грѣшникъ мучитися, а праведникъ веселитися.

(*Сушес*) (ст. 14—15). Угодна бо бѣ Господеви душа его, сего ради потщався отъ среды лукавствія, люди едаже видѣвши, неразумѣвши, ни положиша въ помышленіи такового, яко благодать и милость на пренедобныхъ Его и посещение во избранныхъ Его.

(*Толкъ*). Единаче умирають и праведнии и грѣшнии: разбоиниковъ вѣшаютъ и исповѣдниковъ вѣшаютъ, еретиковъ жгутъ и исповѣдниковъ жгутъ. Люди, еже видѣвши не разумѣвши, сирѣчь прилѣпившіися земнымъ не разумѣють ниже помышляютъ, яко благодать Божія и милость надъ тѣмъ, иже правости ради жренъ бываетъ, но только говорятъ неразумни: грѣшника казнятъ, или жгутъ или вѣшаютъ. Оселени бо ихъ суетіе вѣка сего. Правовѣрнии же не тако, но разумѣють духовнии отъ дѣлъ кончину праведныхъ и грѣшныхъ и, благодаря Бога, радуются и веселятся о скончаніи праведныхъ, о грѣшныхъ же тужать и втаи предъ Богомъ плачють, даже отградить ему Богъ въ вѣкъ вѣка. Яко же и Андрей юродивый видѣ богатаго ко гробу несомъ и водою смрадною отъ бѣсовъ кропяща, плакавъ о немъ святыи ноцъ всю неутѣшно, яко и очи ему отъ слезъ опухли, и

получивъ умерый за молитвъ святаго отраду,— тако и нынѣ у святыхъ бываетъ. У грѣшныхъ же поминаніе не тако, но наваряютъ на поминки вина и пива и напьются пьяни и передерутся, а бабы по мертвыхъ кричатъ да вопятъ, яко невѣрніи иноземцы: кленуть зъ горя плачючи и небо, и землю, и тварь всю, и самому Творцу досаждаютъ. Горе тако творящимъ и мертвымъ бѣднымъ не полезно: суетно спасеніе грѣшныхъ бѣдныхъ. Дѣло добро, еже поминати мертвыхъ, да не добре въ нихъ творимо бываетъ. Благоразумніи же о мертвыхъ во умиленіи изливаютьъ слезы, безъ крику и безъ вопля прося имъ у Владыки милости,— и се бо есть добро и благопріятно,— Богу любезно, а мертвымъ полезно, а плачущимъ мздовоздательно, отъ всюду хорошо воспоминаніе творимъ о мертвыхъ. Плака Магдалины Марія, плачущися о умершемъ Ісусѣ: плачу, рече, яко взяша Господа моего отъ гроба и не вѣмъ, гдѣ положиша Его. Слезы проливала, а не кричала, не вошла. Еще же и самъ Ісусъ въ Виоаніи прослезися надъ Лазаремъ, наки претя въ себѣ, приде ко гробу, идѣ же бѣ умерый лежа, гласомъ великимъ возва: Лазаре, гряди вонъ,— а прежде возванія хвалу Отцу воздая, научая насъ, даже и мы отъ небесе просимъ умершимъ милости со умирнымъ плаканіемъ, а не съ бесчиннымъ воплемъ и кличемъ по язычески, яко же невѣрніи творять, неимущи упованія мертвымъ воскреснути, и помышляютъ яко погибшихъ ихъ, а не преставльшихся. Мы же съ Павломъ речемъ, аще бо вѣруемъ, яко Ісусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершая о Ісусѣ приведетъ съ нимъ, еже есть (оживотворить). Сіе бо вамъ глаголемъ словесемъ Господнимъ, яко мы живуци, оставшии въ пришествіе Господне, не имамы предварити умершихъ (сирѣчь всѣмъ вкупе востаніе будетъ, аще и живи кон при кончинѣ будутъ, но изменятъ же ся въ мгновеніи ока въ послѣдней трубѣ). Апостоль: яко самъ Господь въ повелѣніи, во гласѣ архангеловъ и по трубѣ Божіи, свидеть съ небеси и мертви о Христѣ воскреснуть прежде, потомъ же мы живуци оставшии купно съ ними восхищени будемъ на облацѣхъ въ стретеніе Господне на воздусѣ и тако всегда съ Господемъ будемъ. Слыши Павла глаголюща радость неизреченную зъ Богомъ бытіе. На что же ревѣтъ, яко изгбшимъ? Но радоватися подобасть о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава нынѣ и присно и во вѣки векомъ.

№ 19. Отъ пророчества Исаина глава 35 ¹⁾.

(Ст. 1). Тако глаголетъ Господь, да возвеселится пустыни жаждущія, да возрадуется пустыни и процвѣте, яко кринъ и оцвѣтет и вся возвеселится.

(Толкъ). До пришествія Христова пуста вся земля благодати бысть,

¹⁾ По рукописи Имп. Публ. Библ., собранія Богданова, № 0. I, 339.

понеже отъ Адама царствова грѣхъ и не на согрѣшившихъ не бысть хваленія и славы Богу во челоуѣцехъ, но оплеташеся весь родъ челоуѣческіи сластми и похотми телесными, и дебелимъ умомъ не могоша достизати красоту на небеса, яже уготова Богъ любящимъ его, токмо маліи познаваху тонце отъ твари вразумляхуса: Авель, Сивъ, Енохъ, Енось, Ное, Авраамъ, и Исаакъ и Иаковъ, Мельхиседекъ, и Іовъ, Моисей же и Аронъ и Самуилъ и прочіи въ законѣ пророцы. Сіи знаменито познаша Бога, но не тако, якоже апостоли, исполнивша Духа Свята. По вчелоуѣченіи же Сына Божія Господа нашего Ісуса Христа разумно бысть небо всѣмъ живущимъ. Ученіемъ апостольскимъ и вразумленіемъ Святаго Духа подвигшеся по благочестіи мужи, и жены, отроки и отроковицы всякаго чина, и исполнишася грады и пустыни пѣніи и молитвы, яже къ Богу, и бысть веселіе душевное на всякомъ мѣсте, и яко крини, обители монастырей процвѣтоша въ пустыхъ мѣстехъ и въ тѣсныхъ дебряхъ пустынники и пустынницы, жестокое житіе Христа ради терпяще, упованіемъ будущихъ веселятся.

(*Сушце*) (ст. 2). И да возрадуется пустыни Іерданова, и слава Ливанова дана бысть ей, и честь Кормилова.

(*Толкъ*). Ливанъ гаголется ладанъ, — повсюду каженія въ церквахъ и въ скитахъ во славу Богу. Множество же много во Іерданстей пустыни работающихъ Господеви и честни быша въ концехъ земныхъ добродѣтелей ради, яко гора Кармилъская житія ради Іліи пророка. Чаю, всякому разумно житіе Египетскія Маріи, живущей въ пустыни Іорданстей. І Анофрей Великій 60 лѣтъ и Тимофѣй 40, иныхъ неисчетно, безъ одеждъ наги, и безъ нищи челоуѣческіи работали Богу, вся земная презрѣвше. Миленькіе голубчики! со зверми витали.

(*Сушце*) (ст. 2). Людіе мои узрятъ славу Господню и высоту Божію.

(*Толкъ*). Егда крестился Христосъ на Іорданѣ, всѣмъ бысть видима людемъ слава Господня, стоящимъ на Іорданѣ, понеже Духъ Святыи отъ Отца приде надъ Него голубинымъ видомъ, и гласъ съ небеси глаголя: сей есть Сынъ мой возлюбленый, о немъ же благопозволихъ. Разумна бысть всѣмъ сія слава Господня отъ высоты Божія.

(*Сушце*) (ст. 3). Укрепитеся руки ослабленныи и калѣна разслабленнаи утешитеся.

(*Толкъ*). Раслабленъ бысть отъ дьявола рода челоуѣчъ, но и паче азыцы жруще Богомъ бездушнымъ, на всякую грѣховную слабость со острою текуще, яко во тмѣ, въ невѣденіи живуще и детей съ печалію бѣсомъ жруще, пророкъ же возвѣщаетъ пришествіе Сына Божія и утѣшителя Святаго Духа.

(*Сушце*) (ст. 4). И рцѣте малодушнымъ мыслію: укрѣпитеся, и не бойтеся. Се Богъ нашъ судъ воздастъ и воздастъ, той приидеть и спасеть насъ.

(*Толкъ*). Укрѣпившимся Христомъ и силою Духа Святаго велитъ поуждаты и малодушныхъ на тоже дѣло безъ боязни, яко всѣхъ спасаяи

грядеть. Приступити къ нему и просвѣтитесь и лица ваша не постыдятся, Се Богъ нашъ судъ воздаеть, сирѣчь грѣхъ осуждаеть вочеловѣченіемъ своимъ, еще же и воздасть во второе пришествіе свое комуждо по дѣломъ. Тои приидеть и спасеть насъ, — оба прихода являетъ Христова и первой и второй за спасеніе наше.

(*Сущее*) (ст. 5—6). Тогда отверзутся очеса слепымъ, и уши глухихъ услышатъ, тогда скочить, яко елень, хромый и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ.

(*Толкъ*). Не явлено ли во святомъ евангеліи, колики очеса слепыхъ Христось просвѣтилъ, и отверзъ уши глухихъ, и хромыхъ востави, разслабленныхъ стягнувъ, и гугнивыхъ ясно глаголати устрои, изрядніе же рещи слѣпотою невѣрія болящихъ. весь родъ человѣческій просвѣти и въ богоразуміе приведе смотреніемъ вочеловѣченія своего и проповѣдію не мудрыхъ и гугнивыхъ апостолъ всю вселенную удовль. На ноги подняли свѣты наши бѣдныхъ насъ, яко хромыхъ.

(*Сущее*) (ст. 6—7) Яко проразися въ пустыни вода и дѣбрь въ земли жаждающей, и будутъ безводная въ блата и въ жаждающей земли источникъ воды будетъ.

(*Толкъ*). Въ пустыни проразися вода, еже есть во всей земли святое крещеніе во имя Отца и Сына и Святаго Духа, въ купели погруженіе на омовеніе сквернъ грѣховныхъ, яко же Деонисіи Арсепагитъ шипеть: егда сводимъ бываетъ крещающійся въ воды, тогда вся скверны грѣховныя съ собою сносятъ и чистъ отъ воды восходитъ; тремъ погруженни и возгруженни образуетъ Святую Троицу: Отца и Сына и Святаго Духа. И будутъ безводная въ блата и въ жаждающей земли источникъ воды будетъ. Земля жаждающая — мы языцы, иссохшая земля, яко болото наводнилася, яко источники вездѣ потекли хорошіе ключи купѣльные на оцщеніе грѣховъ, въ древнемъ Моисѣове законѣ къ плотстѣй чистотѣ омывахуся водою и отираху ризы своя, просто рещи, и на торгу походитъ, аще не покуплется; хлѣба не ясть, и во церкви на всяко время входяще измывахуся водою предъ дверми церковными, по обою страну по пяти сосудовъ каменныхъ, исполненныхъ воды отъ моря Соломаня, и во всѣхъ сосудѣхъ хотяи въ церковь внити, измываяся и чистъ бывъ, дары приносить Господеву на весоуженіе; всегда очищавуся и кровію жремыхъ покропахуся; здѣ же во благодати единожды измоеся, крестившеса, и чисти бываемъ во вѣки, и не уже къ тому кровію покропляемъ, но причащаемъ тѣла и крови непорочнаго и пречистаго агньца Христа, единою о насъ принесшаго себе и заклавшемуся въ жертву Богу и Отцу, и не уже къ тому плачемъ со Еввою, лишившеса рая, но паки въ рай, ино на небо восходимъ, омывшеса надежею Христомъ.

(*Сущее*) (ст. 7). И ту будетъ вселеніе птицамъ и водвореніе сприномъ и тростіе и стебліе.

(Толкъ). Много птицъ поющихъ по пустыни сей пѣтичье житіе проходятъ, многіе святыя отцы, и яко сиринны, со умиленіемъ и со слезами пѣснь Богу поютъ. Сиринъ бо есть птица краснопѣснивая, — писано во Алаавите о ней—обрѣтается къ востоку близъ рая, во аравитцкихъ странахъ, въ райскихъ селеніяхъ живетъ и, егда излѣтаетъ изъ рая, поетъ пѣсни красныя и зело неизреченны и не вмѣстимыя человѣчю уму; егда же обрящетъ ея человѣкъ и она узритъ его, тогда и паче прилагаетъ сладость пѣнія своего. Человѣкъ же слышавше забываетъ отъ радости вся видимая и настоящая вѣка сего и вѣѣ бываетъ себя, мнози же и умирають слышавше, шествуя по ней, понеже красно и сладко пѣніе; и есть не захочеть горюнь отъ желанія своего. Было также и при Христѣ Возѣ нашемъ, яко же и евангеліе повѣствуетъ о семъ: егда хождаше въ пустыни Ісусъ, а за нимъ народа пять тысящъ и пакы 4 зъ бабами и съ робята волочатся, слышавше, яко сиринна, пѣсенъ его и не ядше, бѣдныя приседаютъ: сладки гараздо пѣсни. Онъ же умилосердився о нихъ и хлѣбомъ чудеснымъ и рыбою ихъ накормилъ, после ученія пречистаго своего. Да плуты люди-те сія забыли все, и пѣсни и чудеса идоша вспять отъ Него. Кто ихъ похвалить, дураки, начали, а не совершили. Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ, не начный блаженъ, но скончавый. Тако и нынѣ: кто сириновъ тѣхъ свѣтовъ слушаетъ, сирѣчь ученія святыхъ отецъ и тщится дѣломъ совершить, блаженъ будетъ и треблаженъ, понеже, яко иудѣи не отступаютъ вспять отъ Христа, но умереть за истинну готовъ, уповая на Господа, яко трость вкорененъ крѣпко, и яко стебель у кореня Христа прицепился неотлучно.

(Суице) (ст. 8). И тамо будетъ путь чистъ и путь святъ наречется, и не мимо идеть тамо нечистъ, ниже будетъ тамо путь нечистыхъ, расъбянии же пойдутъ по нему и не заблудятъ.

(Толкъ). Путь чистъ и путь святъ заповеди Божія глаголетъ, въ нихъ же ходять святїи, чистое и непорочное живуще житіе о Христѣ Ісусѣ; а нечистїи сими путями не ходять, еже есть еретики, не соблюдаютъ заповедей Господнихъ, но и текущимъ по нихъ возбраняють, не любятъ по Возѣ живущихъ, понеже стыдно имъ глядеть на постника многоядцемъ и блуднымъ на цѣломудрыхъ и пьянымъ на трезвыхъ. Праведникъ, яко светилникъ, неугасая светить, и люди о немъ веселятся, по писанію, похваляему праведнику, возвеселятся людїе. А богоотступнику досадно: ево такъ не хвалятъ, да ищеть, какъ бы праведника уловить или погубить. Расъбяни же пойдутъ по нему и не заблудятъ, сирѣчь, аще еретикъ праведника изгоняетъ въ сылки, въ расъбяніе посылаетъ во страны дальнія, яко же Никонъ отступникъ дѣлалъ съ никонїяны, отецъ и братїю мою въ острогы, и въ Новгородъ, и въ Сибирь, и въ Дауры, и въ Пустозерье, вездѣ расъбяни по лицу всей земли, а онъ миленькіе не заблуждаютъ, единаче ходять по пути Господни.

(Суице) (ст. 9). И не будетъ тамо льва, ниже звѣрей лукавыхъ взы-

детъ пань, ниже обряцетса въ немъ, но поддутъ по нему собраніи избавленіи отъ Господа.

(Толкъ). Левъ—дьяволъ, звѣри—лукавыя бѣси, не входятъ въ душу праведничу, но Христосъ пребываетъ въ немъ, благодатию своею соблюдаетъ его. Левъ же дьяволъ и звѣри лукавыя бѣси, живутъ въ душахъ грѣшничихъ и еретическихъ и яко свиньи, питаютца рожцами, грѣхами ихъ; приводиѣ же рещи и грѣхолобцы, за соединство съ бесами, звѣрие глаголются: не ходять по сему пути, еже есть по заповедямъ на собраніи и избавленіи отъ Господа, ходять по нему, еже есть твердо соблюдаютъ Христовы заповеди. Ихъ же призва Христосъ, сихъ и оправда; а ихъ же оправда, сихъ и прослави,—апостоль рече.

(Сущее) (ст. 10). И обратятса и приидутъ въ Сіонъ съ веселіемъ и радостию, и веселіе вѣчное, надъ главою ихъ хвала и радованіе и веселіе постигнетъ ихъ, отъбеже болѣзнь и печаль и воздыханіе.

(Толкъ). И обратятса и приидутъ въ Сіонъ, еже есть по воскресеніи въ превзятый горніи Сіонъ съ веселіемъ и радостию великою; и веселіе вѣчное надъ главою ихъ—венцы и почестъ даровъ; хвала и радованіе и веселіе постигнетъ ихъ, спрѣчь ангельское утешеніе и съ ними ликовствованіе,—еже есть здѣся осталася вся скорбная и болѣзненная находящая имъ. Тогда забудутъ праведніи здѣшныя темницы и воздыханіе и печаль, ушли миленькія отъ хлопотъ тѣхъ, покинули насъ! Не забывайте же насъ въ молитвахъ своихъ предъ Господемъ Богомъ и Отцемъ и предъ едиnorodнымъ Сыномъ Его Спасителемъ нашимъ Іесусъ Христомъ и предъ покровителемъ нашимъ истиннымъ Духомъ Святымъ, во вѣки вѣкомъ. Аминь.

№ 20. Того же пророка Исаиі глава 55 ¹⁾.

(Сущее) (ст. 1). Тако глаголетъ Господь: жаждущіи на воду грядите и елици не имате сребра, шедше купите безъ сребра и цены вино и масло.

(Толкъ). Алка челоувѣчество и жаждю томимо до вочелоувѣченія Христа Бога нашего; а егда достигохомъ до лѣтъ устроенія, не уже къ тому гладни и жадны, но насыщаемся благодати Господни, измывшеся во святой купѣли и прочихъ сподобляемса святынь довольно. Вино же глаголетъ и масло ученіе Христово и апостольская проповѣдь. Иногда Христосъ поливаше виномъ, иногда мазаше масломъ. Егда глаголаше: приидѣте ко Мнѣ вси труждающіися и обремененіи, и азъ покою вы, се глаголетса масло, егда же глагола: горе вамъ насыщеніи, яко взалчете и прочая таковая, се глаголетса вино. Еще же вино и вода во святомъ причастіи и масло въ помазаніи.

¹⁾ По рукоп. Имп. Публ. Библ., собранія Богданова, № 0. I. 339. л. 189 об.—207.

(*Сущес*) (ст. 2—3). Почто цените сребро не въ хлѣбъ и трудъ вашъ не въ сытость; послушайте мене и съѣсте благая, и насытитесь во благихъ душа ваша; внимайте слухомъ вашимъ и послѣдуйте путемъ моимъ, и жива будетъ во благихъ душа ваша.

(*Толкъ*). Развративъ ся Израиль тогда отъ закона и заповѣдей Божіихъ, ослабѣли имѣнія ваша, изживаху внеподобство, яко же и у насъ въ новомъ Израили бываетъ; также по жидовски украшаютъ плоть, а душу же презирають, а иніи строятъ многоцѣнные ризы, иніи вознаграють дома красныя и различныя жилища, а иніи конѣ и колесницы, и иная неказанная; а къ душевному строю претить діаволь въ церковь и нищій подати не хоцетъ, а что и подастъ, ино смѣху достойно, денешку и полденешку, или кусокъ корки сухіе. А имѣеть тысячи сребра и злата, и на псахъ ожерелки шелковыя и кольца серебряныя. Охъ! увы ценившимъ сребро не въ хлѣбъ и трудъ не въ посты! гладъ себѣ вѣчной немилостивіи собирають, изживая въ непотребство и въ блудню, вѣчныхъ благихъ не желаютъ, уши не слушаютъ и сердцемъ не внимають Господу, зовущу: внимайте слухомъ вашимъ и послѣдуйте путемъ Моимъ и жива будетъ во благихъ душа ваша. А сребролюбцы немилостивіи пуще изощряются на злая, тогда во іудѣяхъ, и нынѣ въ нашихъ; единаче недугуетъ чловѣчь родъ пнымъ недугомъ смертоноснымъ необратно.

(*Сущес*) (ст. 3—4). И завѣщаю вамъ завѣтъ вѣченъ преподобная Давидова вѣрная, се свидѣтельство во языцѣхъ дахъ и князя и повелителя во языцѣхъ.

(*Толкъ*). Се глаголаше пророкъ о Христѣ Исусѣ. Онъ надежа и повелитель царемъ и княземъ земнымъ и обладатель аду и смерти и завѣща намъ завѣтъ вѣченъ всѣмъ языкомъ. Родився Сынъ Слово Божье отъ безневѣстныхъ дѣвы, отъ корене Давидова и отъ вифліомскія веси, и настави насъ на путь спасенія всѣхъ языковъ. Имъ, Свѣтомъ, Отца небснаго увѣдохомъ и познахомъ и призывающе имя Его, къ Нему прибѣгаемъ.

(*Сущес*) (ст. 5). Се языцы, иже невѣдаше тя, призовуть тя и людіе, иже не познаша тя, къ тебѣ прибѣгнутъ, Господа ради, Бога твоего святаго Израилева, яко прославилъ ты ешь.

(*Толкъ*). Разумѣй, яко познаніе наше Бога и Отца Христомъ Исусомъ Господомъ Богомъ и святымъ Израилевымъ, понеже прославилъ бывъ на земли Бога и Отца своего, сего ради и языцы славятъ Святую Троицу, увѣдеша отъ Христа; и прибѣгаетъ къ Богу ходатаемъ спасенія нашего имя Владыкою Исусъ Христомъ.

(*Сущес*) (ст. 6—7). Взыщите Бога и ввсегда вамъ обрѣсти Его, призовите; ввсегдаж аще приблизится вамъ, да оставитъ беззаконный пути своя и мужъ нечестивъ совѣты своя.

(*Толкъ*). Тогда глагола пророкъ іудеомъ: взыщите Бога, и нынѣ намъ глаголетъ: взыщи Бога, понеже приблизися спасеніе наше, обрѣтохомъ Исуса Сына Божія, пачеже Онъ насъ обрѣтъ и вознесе на первое блажен-

ство, отнюдуже иснадохомъ; да оставить беззаконный пути своя: блудъ, нечистоту и всякую злу вещь и мужъ нечестивъ совѣты своя, сирѣчь ниже помышляй на злая.

(*Суше*) (ст. 7). И обратитесь ко Господу Богу вашему и помиловани будете, яко по многу оставить вамъ грѣхи ваша.

(*Толкъ*). Разумѣй милость Божію, яко не противъ дѣлъ нашихъ милосердіе Его бываетъ. Давидъ преподобный разбойникъ былъ и, егда въ покаяніе прииде, чудотворецъ бысть; и Никита Столпникъ Переславскій разбойникъ былъ, а преже смертиж чудотворецъ бысть, и много того въ писаніи сыщешь, что нашему уму невмѣстимо. То творить Богъ чрезъ человекъ грѣшна, въ покаяніи приведша; въ житіи Феодора Едесскаго писано: блудница мертваго воскресила. Какъ не чудо!

(*Суше*) (ст. 8—9). Не суть бо совѣти мои, яко ж совѣти ваши, ни яко же путіе ваши, путіе мое, глаголетъ Господь, но яко же отстоятъ небо отъ земли, тако отстоятъ путь мой отъ путіи вашихъ и размышленія ваши отъ мысли моея.

(*Толкъ*). Съ Павломъ рцемъ: о глубина богатства, премудрости и разума Божія! яко неиспытани судьбы Его ниже изслѣдовани путіе Его! Кто разумъ умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть? Ей, яко отстоятъ небо отъ земли, тако Ево Божій путь въ праведникахъ лежащъ, не познанъ умы грѣшными, и дебелы суть и толсты размышленія грѣшныхъ о небесныхъ красотахъ, не достигаютъ умомъ своимъ тонце духовнаго житія. Вся творятъ не по воли Божіей и не по уставу, плотолюбцы праздници празднуютъ объяденіемъ и пьянствомъ и праздными бесѣдами, юродовство имъ вмѣняется путь духовной, и святыхъ наказаніе въ посмѣхъ бываетъ. Праведни жъ разумѣютъ путь Господень и въ немъ ходятъ на всякъ часъ, соблюдая заповѣди и повелѣнія Господня. Сего ради исполнясь благодати, совѣтъ Божій знаютъ и грѣшнымъ возвѣщаютъ, повелѣвая сотворити, иже угодно Богу.

(*Суше*) (ст. 10—11). Яко жъ бо аще снидеть дождь или снѣгъ съ небесе и не возвратитсѣ отнюду, дондеже упоитъ землю и родитъ и прозябнетъ и дастъ сѣющему сѣмя и хлѣбъ въ снѣдъ, тако будетъ глаголь мой, иже аще изыдетъ изо устъ моихъ и не обратитсѣ ко мнѣ тощъ, дондеже скончаеть вся елика восхотѣхъ.

(*Толкъ*). Се глагола Духъ Святыи пророкомъ о вочеловѣченіи Бога Слова: Онъ надежа наша, яко дождь съ небесе на руно сниде, и воплотися насъ ради, бывъ убо человекъ безначаленъ и не возвратился тощъ, дондеже сконча благоволеніе Отче, напоилъ землю иссохшую ученіемъ своимъ пречистымъ и апостольскою проповедію, и родила плодъ изряденъ сѣявшему сѣмя и хлѣбъ въ снѣдъ принесеса, спасеніе наше. Святыи Троице слава, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

(*Суше*) (ст. 12). И совершу пути моя и повелѣнія моя, веселиемъ бо изыдѣте и радостию научитесь.

(*Толкъ*). Егда кто придетъ въ совершенство пути Господня и повелѣнія Его чисто и непорочно сохранить, соблюдая заповѣди Его пречистыя, въ веселіи таковой исходитъ и въ радости неизреченной, научаяся премудрости духовной, вечеръ и утро и полудне; утѣшаетъ бо его утѣшитель истинный, Духъ Святой. Всегда веселится, залогъ имѣя въ себѣ упованіе вѣчнаго живота грядущихъ благъ.

(*Суше*) (ст. 12 — 13). Горы бо и холми изменятся, чающе васъ въ радости, и вся дерева дубравная восилещуть вѣтвми, и вмѣсто прута взыдетъ кипарисъ, вмѣсто же праха взыдетъ мирсина и будетъ имя Господне во знаменіе вѣчно и не оскудѣетъ, рече Господь.

(*Толкъ*). Горы бо и холми—царіе языкъ и власти земстїи изменяются ученіемъ Христовымъ и святыми Его, приходятъ въ благоразуміе, чающе радости небесныя со святыми; и вся дерева дубравная восилещуть, и люди всѣ вѣрны бывше во Христа, возрадуются; прежде бывше, яко голая лоза и яко пруть сухой, процветутъ во благоволенный кипарисъ вѣрою во Христа, израстутъ дерева чюдная по всей земли, воня благоуханія чудесь наполнена святыхъ. И нынѣ явился новой святой Иларихъ во Соловецкомъ монастырѣ. Вмѣсто же праха взыдетъ мирсина,—зрите и разумѣйте, не прахъ ли былъ Иларихъ-отъ? въ землѣ лежалъ,—кто его зналъ? земля ино земля, а нынѣ яко мирсина возполъ, зѣло завоняетъ во всю русскую землю. Мирсина бо есть древо райское, обрѣтается къ восточнымъ странамъ посреде кедровъ и кипарисовъ, и зело древо уханно, еже есть воня исполнено благой: пздалеча приходящаго обвеселитъ. Тако и Иларихъ по всей земли вѣрныхъ воздеселитъ, а никоніанъ вбесилъ и скорбь имъ наведе явленіемъ своимъ, понеже старыя нашя изгнанныя православныя вѣры кринъ процвѣте на обличеніе никоніаномъ, новолубцамъ, врагомъ и отступникомъ отъ Христа и отъ Пречистой Богородицы и отъ Соловецкихъ чудотворцовъ. Какъ вы, никоніане, скрыть чюдо сіе умыслите, али сице рпете, яко вашего ради достоянія земля Илариха отца изведе и изъ нѣдръ своихъ ради вашихъ новыхъ блядивыхъ молитвъ? Гордоусы объмшупилились! не такъ, не такъ, не лгите на истинну! пѣніе во Соловкахъ церковное и килейное по старому православію, и книги имѣють старопечатныя, вашимъ блядямъ противятся, того ради отъ васъ в осадѣ сидятъ семь годовъ. Милые альчни и жадни, наги и боси, терпятъ всякую нужду ради вѣры православныя. Того ради утешая ихъ Богъ, изведе изъ земля стараго игумна Илариха, бывшаго древле въ православной вѣре при благочестивомъ царѣ Мххиле Федоровиче всеа Руси и будетъ имя Господне во знаменіе вѣчно, рече Господь, еще же и не оскудѣетъ, по словеси Божію, старое наше православіе молитвами святыхъ отецъ, а ваше нконіанское собачье умышленіе скоро изводъ возметъ: не будетъ яко мирсина и кипарисъ, но яко невѣрія наки въ пруть иссохнеть и въ прахъ разы-

дегся и провоняеть яко мертвой пещь. Всякъ любяи въру иконіанскою, не будетъ яко мирепна; никако, но яко Фармосъ папа, законоположникъ римскаго стола, по смерти провонялъ и смрадомъ своимъ весь градъ огну-силъ и ко издохновенію приведе, дондеже Стеѡанъ папа въ Тиверь реку смрадноє тѣло ввергъ. Тако и нынѣшнихъ московскихъ законоположни-ковъ новыхъ съ Никономъ врагомъ ввержетъ послѣдній родъ въ Москву реку, и прахъ ихъ лопатами згребутъ блядиныхъ дѣтой, провонялыхъ душъ. Адомъ воняютъ всѣ, не лгу ни какъ, я ихъ знаю, водился съ ними! Что вы, раби Христовы, не имѣте вѣры? право такъ, не затеваю! Приводяъ же речи: горы и холми изменятся чающе васъ въ радости и вся дребеса дубравная восплещутъ вѣтвymi, глаголетъ пророкъ, покажетъ обновле-ніе всей твари распятіемъ Христовымъ и погребеніемъ и воскресеніемъ Его. Егда сотворилъ Богъ небо и землю и рай во едемъ насади, и Адама сотворилъ, тогда исперва до преступленія бысть земля, яко Божіи отъ едемскаго рая рай облагоухалась и вся тварь въ радости служаще первозданному Адаму. Егда же заповедь преступни, вознегодова вся тварь на преступника, не восхотѣ ему служить, звѣріе и игицы и гады сокрушити хотѣли Адама, воды потопити и земля пожрати хотяще Адама и прочая потому же вся восплакала и возрыдала, — крини селныя и дребеса дубравная оскорбѣша, не возхотѣша преступнику служить. Къ нимъ же Вла-дыка и Господь рече благогѣшнымъ гласомъ: стерпите и не выступайте изъ предѣлъ своихъ, дондеже паки обновлю падшіи мой образъ. Отголе бо суете повинуется тварь не волею, но за повинувшаго ю о надежди, яко и сама тварь свободитися отъ работы тлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ. Павель пишеть и Златоустъ въ Маргарите по вышереченному раз-суждаеть. Егда же исполнися время и приближися спасеніе наше, Сынъ Божіи вочеловѣчпвся и пострадалъ насъ ради, воскресъ изъ гроба и узы растерзавъ Адамли и вся съ нимъ святыя отца изведе изъ ада, глаголя ангеломъ: срадунтемися яко обрѣтохъ изгибшую драхму, пже вся мудрѣ устроеный, Господи, слава Тебѣ. Таже съ нимъ обновилъ и всю тварь и примирилъ паки чловѣка къ себѣ Христосъ, яко же апостоль пишеть Колосасемъ, зачало 251, и той есть глава тѣлу церкви пже есть начатокъ, перворожденъ изъ мертвыхъ, яко да будетъ во всѣхъ той первенствую, яко въ немъ благоизволи все исполненіе вселитися и таже примирити вся-ческая къ себѣ, умиривъ кровію креста своего Собою, аще земная, аще ли небесная. Внимай Павлу, глаголющу: вездѣ глава Христосъ, еже есть начатокъ, и изъ мертвыхъ воста отъ гроба первой, потомъ же и прочихъ совоскресивъ съ собою, яко да будетъ во всѣхъ той первенствую вездѣ въ первыхъ. Христосъ глава наша и въ земномъ строеніи и въ небесномъ, яко въ немъ благоизволи все исполненіе вселитися и тѣмъ примирити всяческая къ себѣ. Премудро сотворилъ Сынъ Божіи: одѣлся въ плоть и смиреннымъ образомъ вся уморилъ (sic!) и обновилъ паки истлѣвшее есте-

ство наше и на небо вознесе и съ нимъ всю тварь обновитъ кровію креста Своего, оттоле вся возрадовашася и восплескала, яко же Псаія рече. Богу нашему слава нынѣ и причесно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

№ 21. Того же пророка Исаіи, глава 12¹⁾.

Тако глаголетъ Господь, почерпните воду с веселіемъ от источниковъ спасенныхъ.

(Толкъ). Многія источники в церкви Божіей текутъ на спасеніе намъ: купѣльное порожденіе и во вселѣтномъ времени воды святія освященіе и поученіе словесъ Божіихъ святаго писанія— вода глаголется, якоже рече Господь: ис чрева его потекутъ воды живы, еже дѣйство Духа Святаго властію Своею даетъ, раздѣляя по мѣре коемуждо, якоже хочетъ; и от православныхъ учителей и истинныхъ пастырей, яко от источниковъ спасенныхъ испивати вода и насыщаться здраваго ученія с веселіемъ и радостію мноюю, а от гнилыхъ источниковъ подобаеъ бежать, своя ищущихъ, а не яже суть Божія, понеже развращенніи тлятъ благочестивыхъ душа.

(Сущес). И речени в день онъ: пойте Господа, воспойте имя Его, возвеселите во языцѣхъ славная Его.

(Толкъ). Ей, напившіися воды от источника спасеннаго, истиннаго учителя научившеся, рекутъ: пойте имя Его, воспойте Бога (Когда то бысть). Явѣ есть, отъ Духа научившеся, апостоли возвестиша во языцѣхъ славная Его, во всѣхъ людехъ чюдеса Его, и преминуша от тмы во свѣтъ благоразумія Его. Оттогѣ вси языцы поють Господа, воспѣвающе и поюще в сердцыхъ своихъ имя Его. Во дни сія и во веки векомъ, дондеже солнце сіяетъ, не пресякнетъ вода сія, евангельская проповѣдь и святыхъ апостолъ и отецъ ученіе, аще еретицы и оскверняютъ воды сія, злыми ересми навѣтъ творя церкви святой, да не могутъ заглушить: единаче чисто текутъ, обличая безбожіе ихъ. Много ихъ послѣ Христа Бога нашего умысловъ было со діаволомъ, да что пыль или паучину приносятъ и без вѣсти творить ангель Господень, пребываетъ непорочна во веки.

(Сущес). Помяните, яко вознесетъ имя Его, яко высокая сотвори, возвеститъ сія по всей земли.

(Толкъ). Ко Иудеомъ непокоривымъ глаголаше пророкъ, припомяна бывшая чюдеса во Египтѣ, и в мори, и на горѣ Синаистѣй, и в пустыни. Велитъ имъ поминать, они же не разумѣша, но единаче беззаконію прилежа, яко плоть суть. Истинна же глагола сего о Христѣ Бозѣ нашемъ, яко вознесетъ имя Его на земли и на небеси. Нѣсть таковаго имени славнаго под небесемъ, якоже Христосъ. Павелъ пишетъ. Смирилъ себѣ, по-

¹⁾ Ркп. Имп. Публ. Библ., № 0. I. 339 (Вогданов.), л. 207 об.—225.

слушавъ бывъ даже до смерти, смерти же крестнѣй; тѣмъ же и Богъ Его превознесе и дарова Ему имя, еже наче всякаго имени, да о имени Ісусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и прензподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Ісусъ Христосъ в славу Богу Отцу. Аминь. Возвѣщаніемъ апостольскимъ вси языцы поклонилися Ему, Богу нашему, сотворшему высокая и дивная чюдеса, яже Евангеліе свидѣтельствуеть, и возносятъ имя Его по всей земли: аще и в ересяхъ кои лежать, и тѣ христіянѣ ся зовуть, не отринуть имени сего, но заблудивше от пути истинны, неправо исповѣдуютъ мудрствуя о Христѣ. За сіе осуждени будутъ в печаль и в скорбь вѣчную со діаволомъ мучитися, мы же, православніи, радостію радуемся и веселіемъ веселимся, вси живущіи и вѣрующіи во Христа, право мудрствуя, по писанію здраво, отрѣцаемъ коби ихъ о душѣ (sic!) нашихъ и проклинаемъ всѣхъ еретикъ первыхъ и нынѣшнихъ никоніанъ послѣднихъ. Аминь.

(*Сущес*). Радуйтеся и веселитесь вси живущей в Сіонѣ, яко вознесесе посрѣдѣ его святыи Израилевъ.

(*Толкъ*). Сіонъ бо глаголется гора Сіонская, на ней древа растутъ масличная. Во время вочеловѣченія Своего всегда Христосъ на ней со ученики водворяшеса. И от горы Елеонскія на небо Христу вознесшуся—свѣту Израилеву, якоже Лука въ Дѣяніи свидѣтельствуеть: бѣ же в то время именитыхъ народу яко сто и двадесять, а прочихъ чловѣкъ и много было. Видѣвши вознесеніе Его на небеса, возрадовашася радостію великою зѣло и навше поклонилася Ему, Онъ же поуча ихъ и благословя взятея, и облакъ подъяте Его отъ очію ихъ. И яко зриюще бяху на небо идущу Ему, Епифаній Кицѣрьскій пишеть, от горы, яко чловѣкъ поиде, а еже выше восходя, то болше распространяшеса; егда възде ко тверди небеснѣй, тамо распространися по всему небеси. Таже сташа два ангела предъ ними во одежди бѣлой, учаще ихъ, глаголюще: мужіе Галилѣйстѣи, что стоите зряще на небо? Се Ісусъ вознесыйся от васъ на небо; такоже пріидеть, пмже образомъ видистѣ Его идуща на небо. Егда же Христосъ проиде твердь небесную, възде на небо небесное и сѣде одесную Бога Отца во двою естеству, Богъ и чловѣкъ, проповѣдуетъ и о насъ; въ девять же дней покловяхуся ангельскія силы обоженной Пречистой сѣдящей на престолѣ одесную Отца плоти Его; девять чиновъ ангельскихъ, — девять дней и поклоненіе бысть. Въ девятый же день посла Богъ на апостолы своя Святыи Духъ; и егда скончавашеса день пятидесятницы, бѣша вси апостоли единодушно вкупѣ, и бысть внезапно с небесе шумъ, яко носиму дыханію бурному, и исполни весь домъ, идѣже бяху сѣдяще, и явишася имъ раздѣлени языцы, яко огненни; сѣдѣ же на единомъ кождо ихъ; исполнишася вси Духа Свята и начаша глаголати инѣми языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати. Посемъ въ радости вси по поднебеснѣй проповѣдати разыдошася, благовѣствующи Христа вознесшася, и пакн хотяше (sic!) приити судити и воздати комуждо по дѣломъ его. Якоже Па-

вель рече, къ римляномъ зач. 114, на се бо Христосъ и умре и воскресъ и оживе, да мертвыми и живыми обладасть; ты почто осуждаеши брата своего или ты почто уничижаеши брата своего? Все бо предстанемъ судищу Христову. Писано бо есть (Исаія, в 45 главѣ): Живу азъ, глаголетъ Господь, яко Мнѣ поклонится всяко колѣно, и всякъ языкъ исповѣсться Господеви. И выше рекохомъ Павловъ приводъ въ Филиппійскомъ посланіи, зач. 240, о поклоненіи всѣхъ колѣнъ небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ.

Нынѣ Христу поклоняются, познавши и вѣровавши въ Него, а во второе пришествіе и нехотя поклонятся вси, и жидове, распявшеи Его, с преисподними и рекутъ: благословенъ грядый во имя Господне Царь Израилевъ. Посемъ восплачутся и возрыдаютъ своего невѣрія, и вси еретицы восплачутся своего безумія, яко не вѣроваша истиннѣ, но благоволиша о неправдѣ. И никоніянѣ безумніи восплачутся, укрившеи Духъ Святыи истинный и похулившеи книги старопечатанныя православныя и послѣдовавши пути Ваалову и Валаамову и Васорову, иже учаше Валака положить соблазнъ предъ сынами Израилевыми, ясти жертвы идольскія и любы творити. (Кн. 4 Моис. гл. 24).

Тако и нынѣ творять души никоніанстін, держаще ученіе никоніанское, егоже ненавидитъ Богъ, но терпитъ и ожидаетъ ихъ на покаяніе. Аще ли же ни, прїдетъ скоро и брань сотворитъ съ ними мечемъ устъ Своихъ и двинетъ престолы ихъ и кости ихъ предасть псомъ на снѣденіе, якоже Іезавелины, Царства 3, глава 16, глаголющейся быти пророчица, иже учила и лстыла рабы Божія любодѣйствовати и снѣсти жертву идольскую Ваалову. И дахъ (sic) ей Господь время, да покается (sic) отъ любодѣйства своего, и не покается. Сего ради положилъ ю Богъ и любодѣющія на одрѣ с нею в скорбь велію, сирѣчь асіріяны разорили Израилѣ и Іезовель в палатахъ застрѣлили, пси ухвата кости ея, да и волочить начали. Илія пророка пророчество збытсѣя и на Ахавѣ, муже ея, и на ней: обонхъ убиша, и Ахавову кровь пси полизаша, и блудницы в крови его измывшесѣ (якоже Ілія прорече) сирѣчь, егда застрѣлили ево на бою, п текущи крови его по пути, лизаху пси, и блудныя по обычаю своему жены исхода по утреннимъ росамъ отирающе скверну свою травами с кровію Ахавовою (пространно въ Царствахъ писано о томъ). Того ради не жри жертвы Ваалу и не оттекай от Бога живаго, но вѣру держи праву: а палъ и заблудилъ, и ты предъ Господемъ Богомъ кайся: милостивъ Господь кающимся, простишь безуміе твое. Аминь.

Приводнѣ же рещи, Сіонъ и церковь глаголется, и дщи Сіоня, в нейже возносится имя Христа Бога нашего, святаго Израилева, отъ всѣхъ живущихъ въ ней и твердо держащихъ православіе. Радостію радующесѣя и веселіемъ веселящесѣя, поютъ Господа, возносящесѣя гласы непрестанными и немолчными славословеніи, на всяко время, вечеръ и утро и полудне славяще Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣль-

ную, равно блаженную, равно сильную, сообразную в трех образах по равенству, триипостасную, сопрестольную; исповѣдуемъ единицу неслиянную, существо и божество, власть и царство едино в трехъ собствѣхъ, Отца нерожденна, Сына же рожденна, а Духа Святаго исходяща. Подобнѣ: Бога Отца, Бога и Сына, Бога и Духа Святаго, — не три Бози, но единъ Богъ. Равнѣ: Вседержителя Отца, Вседержителя и Сына, Вседержителя и Духа Святаго; не три вседержители, но единъ Вседержитель. Непостижимъ Отець, непостижимъ и Сынъ, непостижимъ и Духъ Святой; вѣченъ Отець, вѣченъ Сынъ, вѣченъ и Духъ Святой, — не три вѣчнїи, но единъ вѣчный, не три непостижимїи, но единъ непостижимый. Яковъ Отець, таковъ Сынъ, таковъ и Духъ Святой. И в Святой Троицѣ ничтоже первое или послѣднее, ничтоже более, или мѣе, но цѣлы три составы и соприисносущны суть себѣ и равны: едина сила, единъ образъ, якоже выше рекохомъ по равенству неслиянне. Отмещемъ Савелісво слияніе, еще проклинаемъ и Аріево расщѣненіе, но вѣруемъ и исповѣдуемъ, якоже намъ богословцы предаша и научиша, елико возможно намъ, понеже святїи о семъ возвѣстиша, а еже не вмѣсно уму человѣчу, о семъ умолчаша. Иже выше кто ихъ испытуеть о Божествѣ, да будетъ проклятъ. Мы же правовѣрнїи послѣдуемъ святому писанію и держимъ неизмѣнно, какъ старопечатныя книги научаютъ о Божествѣ и о прочихъ догматахъ, цѣлости ума ищемъ въ старыхъ книгахъ Московскихъ печатей бывшихъ благочестивыхъ царей Михаила и выше его: сія добрыя книги. А при царѣ Алексѣѣ и по Іосифовыхъ пророчїяхъ же с таковымъ (Шестаковымъ) всячина найдется, а въ Кїевскихъ и давно кое чеву много, — съ разумомъ сія подобаетъ читати книги. Чисты и хороши Филаретовы, Іоасафовы, не хулю Іосифовыхъ, но есть кое-чему перемѣнна, не ерестью кладено, но высокоуміемъ Шестаковымъ. Всакъ бо ищай правая, самъ обрящетъ горкое, и сладкое, и полезное и вредное о Христѣ Іесусѣ Господѣ нашемъ, Емуже слава со Отцемъ и с Святымъ Духомъ и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

№ 22. О сложенїи персты ¹⁾.

О крестномъ знаменїи и о сложенїи перстовъ изъ книги Баронїи, сирѣчь лѣтописца.

Быст в Галатѣхъ и Антіохїи при Мелетїи триперстная ересь, слагающе еретицы не по правиломъ персты, знаменающе большимъ и двема послѣдними, указательный же и великосредній подъ большїи и два меньшіи подогнувше, в Троицу же крестящеса и глаголюще: глава де наша Христос

¹⁾ Ркп. Черниговской духовной семинаріи, № 134, л. 53—58.

обратися ко Отцу Своему, взыде на небеса и поклонив главу Свою Богу Отцу, к тому с нами не пребывает; не подобает-де во Христова два естества креститися, но Троицею. Егда во Антіохіи бысть Мелетіи патріархъ, взыде на амбонъ, народъ уча, сирѣчь располагая по правиламъ, богословствуя о Святѣй Троицѣ, и о воплощеніи Христа Бога нашего, словесы увѣряя и дѣлы: показа три перста по аріански сложа, якоже и галатяне мудрствуют, подклоня два перста подъ триех, и не бысть знаменія. Егда же из под триех взявъ два перста во Христова естества и совокуя ихъ, единъ великій пригнувъ к меншимъ, и осѣнив люди и изыде огонь от руки и посрами еретики. Святый же испусти гласъ, рече: три убо ипостаси разумѣвающе о единомъ существѣ бесѣдуемъ. Сирѣчь и Христа того де не скрываете еретики, в Троицу месяще, недовѣдомъ изліянія то, во Христѣ благодать того же существа сѣдят на особомъ престолѣ, равно Святѣи Троицѣ съцарствуя: да тако учить Мелетіи святый.

Тамже. Егда же бысть в Римѣ от тѣх же Галатъ папа Фармосъ, благословляше люди тремя персты, и по смерти его Стефанъ, 7-й папа по немъ повелѣ умершаго Фармоса персть отсѣщи, повергъ на землю, и пропасть бысть; та ж другіи персть отсѣщи, повергъ, и изыде огонь ис пропасти, потом же повелѣ третіи персть отсѣщи, тут же повергъ, и изыде срадь ис пропасти, и от тѣлица Фармосова. Стефанъ же повелѣ тѣло Фармосово вринуть в Тиверь рѣку; и сложа своя персты по преданію, осѣни пропасть злосрадную, и свидеся земля, бысть по прежнему.

Отца Аввакума посланіе. Вѣрну убо суцу не подобаетъ колебаться и влаться умомъ, но преданія от отецъ крѣпцѣ держати и извѣстнѣ, и якоже пріяхомъ креститися, тако и благословляти, в десницѣ слагая 5 перстовъ, великій и мизинецъ со среднимъ сложити концы вкуупѣ, являютъ тріипостасное божество Отца и Сына и Святаго Духа; указательный же и великосредній сложити и единъ мало наклонити являетъ смотреніе Христова божества и человечества. Таже на главу возложить являетъ умъ нерожденный, Отецъ роди Сына прежде вѣкъ вѣчныхъ. Таж на пунъ положить—являетъ сошествіе Его во утробу Дѣвичю. Таже на десное плечо являетъ вознесеніе и со Отцемъ сѣдѣніе и праведныхъ одесную стояніе. Таж положить на лѣвое плечо являетъ грѣшнымъ осужденіе и вѣчное мученіе. Посемъ поклонитися на землю являетъ Адамово паденіе, таж восклонитися являетъ наки востаніе Христовымъ смотрѣніемъ, сирѣчь вочеловѣченіемъ и страданіемъ и воскресеніемъ. Сице повелѣша персты слагати первіи пастыріе, святіи отцы и учителя наши, Мелетіи Антіохійскій и Феодоритъ блаженный, Клиринѣскій епископъ, Петръ Дамаскинъ, и Максимъ Грекъ; еще и бывшій на Москвѣ помѣстный соборъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ такъ же повелѣваетъ креститися и благословляти 5-ю персты по вышеписанному. Тамо при царѣ Иванѣ Васильевичѣ на соборѣ быша знаменосцы русскіе наши, святые, Гурии Казанскіи, и Варсонофій Тверскій иже быша казанскіи чудотворцы, и Филиппъ, Соловецкій игумень,

еже бысть митрополитомъ в Москвѣ градѣ: писано сіе въ Стоглавѣ царя Ивана Васильевича.

Кат. Мал. л. 17. *О крестномъ знаменіи, како подобаетъ знаменатися и поклонятися православнымъ христіаномъ. Вопросъ.* Коимъ образомъ знаменіе святаго креста имама на себѣ полагати? *Отвѣтъ.* Совокупити три персты правыя руки, сирѣчь великаго и малаго, и третьяго что подде малаго, в них же исповѣдаемъ таинство божественныхъ тріехъ ипостасей Отца и Сына и Святаго Духа, единаго Бога в тріехъ лицѣхъ, два же перста протягнути, вышніи и средніи; симъ показуемъ тайну самого Господа нашего, Иуса Христа, яко совершенъ Богъ и совершенъ человекъ бысть, нашего ради спасенія. И тако сложивше персты, полагаемъ первое руку на чело, исповѣдующе, яко едина истинная и вѣчная наша глава Христосъ есть, якоже глаголетъ апостолъ Господа нашего: Богъ Отець даде главу всѣхъ выше церквей, еже есть тѣло Его. Потомъ же кладемъ руку на животъ исповѣдающе снитіе Его на землю и еже въ пречистѣмъ чревѣ Богоматере безсѣменное Его зачатіе; той бо пройде утробу ея, яко солнце стекло, не вредивъ ключа дѣвы рождествомъ своимъ. Потомъ же кладемъ на правое плечо, исповѣдающе, яко съдѣтъ одесную Бога Отца, протчее ожидая, дондеже положатся врази Его подъ нозѣ Его. Потомъ же кладемъ на лѣвое плечо, образующе яко прїидетъ паки второе на судѣ, и воздасть ошуюю сущимъ муку вѣчную, а о десную сущимъ вѣчный животъ. И тако прекрестивше лице свое знаменіемъ крестнымъ, глаголюще молитву: Господи Иусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго, скончавая, аминь. Поклоняемся Богу, яко да шуяго стоянія избавитъ насъ и благословеніе свое подасть намъ.

О крестномъ знаменіи и благословеніи. Вопросъ. Како подобаетъ архіереомъ рукою благословити и знаменатися, и прочимъ православнымъ христіаномъ знаменатися и поклонятися. *Отвѣтъ.* Якоже предаша святіи отцы воображати на себѣ крестное знаменіе крестообразно и по чину, и правую руку, сирѣчь десницу уставляти ко крестному воображенію, большей палець да два меньшія нижнія персты во едино сокупуивъ, а верхній персть со среднимъ сокупуивъ, простеръ и мало нагнувъ, тако благословляти святителемъ и іереомъ. И на себя крестное знаменіе возлагати двѣма персты. Аще ли кто двѣма персты не благословляетъ, якоже и Христосъ, или не воображаетъ двема персты крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ, якоже святіи отцы рекоша. Протчее же о крестномъ знаменіи извѣстно и достохвально списаніемъ преподобныхъ отецъ нашихъ Мелетія и Феодорита, сиде возвѣщаютъ с прочимъ толкованіемъ, како рукою благословляти и креститися и всѣмъ православнымъ христіаномъ, иже крестъ не знаменуютъ двема персты, якоже и Христосъ, да есть проклятъ.

А еже гречаномъ, слабымъ и безумнымъ похотолобцемъ, предаль воръ безъимянной иподіаконъ, ему же и имени нѣтъ, годовъ ему съ 70 еще, написалъ креститися тремя персты въ Троицу прѣбездзаконную, о ней же

свидѣтельствуеть Иванъ Богословъ во Апокалипсисѣ: змій, звѣрь, и лживый пророкъ, сирѣчь: змій дѣволъ, звѣрь антихристъ, а лживый пророкъ учитель лукавый, какъ Никонъ отступникъ или древній Фармосъ, на па римскій; сію Троицу исповѣдаютъ в трех перстахъ греки и наша Русь бѣдная. А благословляють нѣкако странно, пятію персты развращенно, по преданію врага и адова пса Малаксы протопопа. Обѣ тайны пребеззаконны, и три персты и пять перстовъ, противны святыхъ отецъ преданію: крестяся не исповѣдуютъ вочеловѣченіе Христово, а благословляя и все трипостасное божество отменютъ. По Ипполиту и Ефрему Сирину скверный мерзкій образъ на чело возлагають: скверныи три перста, а мерекіи пять перстовъ, словожь молвить, печать антихристова на главѣ стала и на брѹхе и на плечахъ, и у запечатлѣвшагося бываетъ умъ темень и мраченъ; не разумѣеть таковыи истинны церковной и омрачяся злѣ погибаетъ. Того ради блюдитесь, правовѣрніи, сея скверныи печати, да не со дѣволемъ осуждени будете въ тартаръ преглубокій.

А иже невѣдніемъ впалъ въ сію проклятую никоніянскую ересь или страха ради и мукъ бояся, таковый да кается пред Богомъ, плачяся наденія своего ради и впередъ да опасается от треперстныа ереси, и Богъ проститъ таковаго въ сін вѣкъ и в будущій, и наше благословеніе на таковомъ буди во вѣки и въ будущемъ вѣцѣ часть наша с таковымъ да будетъ равна у Христа, Сына Божія Свѣта. Аще ли кто любитъ сію треперстную ересь и всѣмъ сердцемъ прилежитъ к ней, таковый живъ уловленъ во дѣволю волю, а отстать и покаяться не шцеть и не хощеть, — таковый седмію вселенскими соборы и мною грѣшнымъ да будетъ проклятъ. Правовѣрныа же да помилуетъ Господь Богъ и спасеть насъ, яко благъ и челолюбцецъ.

Увы! заблудиша никоніяне, от чрева глаголаша лжу, ярость ихъ по подобію змїину. Едино смышляютъ о правовѣрныхъ, како убіють и погубятъ, и блазняще другъ друга на горшая, отвергли вѣчную правду церковную, не восхотѣша пятію персты по преданію святыхъ отецъ креститься, но нѣкако странно тремя персты запечатлѣвшася в сокровище всегубителя, глаголю печатью запечатлѣвшася антихрестовою, въ ней же тайны тайнажь бѣ: змій, звѣрь, лжепророкъ. Всякъ, кто крестяся тремя персты по Никонову треклятому мудрованію, таковый отметникъ есть Христовъ; не исповѣдаяй Христа; воплотившагося насъ ради, совершена Бога и совершенна челоубка, въ сложеніи своемъ по церковному преданію, — есть таковыи богострастникъ, еретикъ, Троицу ко кресту притвождаая, армянинъ и Фармоса папы еретика ученикъ, и со Евтихіемъ и Діоскоромъ, отметающими вочеловѣченіе Сына Божія единомудренъ, и едину волю во Христвѣ Возѣ нашемъ блядословящемъ, Сергію и Пиру и Павлу еретикомъ единовѣренъ и от всѣхъ святыхъ проклятъ; иже не знаменается двема персты, якоже и Христовъ, рѣша святін отцы да будетъ проклятъ.

№ 23. Посланіе многострадалнаго о Христвѣ и ревнителя древле-православныя вѣры Христовы Аввакума протопопя, яже писаше ко всѣмъ правовѣрнымъ христіяномъ, иже на лицы всея земли ¹⁾).

Братія моя возлюбленная и вождѣльная, яже о Христвѣ Ісусѣ на всемъ лицѣ земномъ! Стойте въ древле преданной святыми апостолами и святыми седми вселенскими и девяти помѣстными соборами, святыми отцы, в вѣрѣ Христовѣ твердо и незыблемо, въ которой прародители и родители наши умроша и безчисленное множество отецъ святыхъ въ той же вѣре спасающа и в нетѣльныхъ тѣлесѣхъ, аки звѣзды небесныя просияша, и паче снѣга убѣлишася, и на небеса возлетѣша, яко небопарніи орли, прекрасныя ихъ души, ихъ же и доднесь зримъ нетѣльные мощи честнаго ради житія ихъ и вѣры теплыя къ Богу. Въ той же и мы грѣшніи вѣрѣ древле-православней пребудемъ до скончанія нашего непоколеблемо и неподвижно, а нововодныхъ ересей, умышленныхъ отъ нынешнихъ учителей отступниковъ отъ святыхъ вѣры православныя и церкви святѣи сопротивныхъ, не приемлете, понеже многія злыя ереси, иже и нелѣтъ есть о нихъ и глаголати, в книгахъ новыхъ находятъся, иже зъ древними книгами зѣло не сходны. Приемлющїи же с нововодными ересми книги не точїю спастїся по нихъ возмогутъ, но и снидуть до ада.

Сего ради слышавше сїя, о возлюбленїи, убоимся таковыя ереси отступниковъ прїяти, иже претяютъ намъ разными муками и юзами темничными, но и самою смертію. Но не убойтеся, ни ужасайтеся страха челоувѣческаго, не убойтеся убо отъ убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убити; но ревнуйте древле церковному преданїю святѣй вѣре Христовѣ и святымъ отцемъ, угодившимъ Богу, ихъ же аки звѣздъ небесныхъ быша по вселеннѣй. Господа же Бога светите в сердцахъ вашихъ, и той будетъ намъ во освященїе, яко с нами Богъ; услышите и до послѣднихъ земли, яко с нами Богъ. Аще кто вѣруеть и разумѣеть реченное пророкомъ, сей истиненъ (есть?) есмь; аще ли кто смущается и колеблется, яко трость и яко вѣтви деревесъ зыблются отъ мала вѣтра, тако суть и маловѣрніи, сирѣчь малоумніи челоувѣцы, отъ слова убоявшїяся страха челоувѣческаго, предають древлеотеческое правовѣрїе, и приступаютъ къ многимъ ересямъ: таковыи суть нагъ и чюжь бываетъ евангельскаго ученїя: понеже Христосъ научаетъ четыремъ добродѣтелямъ: мужеству, мудрости, правдѣ и цѣломудрїю.

Слышите, страшливїи, евангельскаго подвига мужества, в немъ же писано, не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убити; и о семъ непрестанно подобаетъ намъ поучатися, даже страхомъ не коле-

¹⁾ По рукоп. Моск. Румянцевскаго Музея № 592 (собр. Пискарева, № 157) л. 6—23.

блемся, но яко младыи птенець, оперѣвши, возлѣтаетъ высирь, тако и человекъ священнымъ писаніемъ исправляется, и дерзаетъ всенадежнымъ упованіемъ по Христѣ пострадади, но не отщещетъ Его и ревнуетъ святымъ заповедемъ Исусъ Христовымъ; страха же человѣческаго ниже смерти да не убоится: содержитъ бо вѣру Христову твердо и непоколебимо и не отрицается ей, и о земныхъ маловременныхъ тлѣющихъ не печалитца, сія суть вся презираетъ, и съ любовію вся напасти Христа ради терпитъ, помня Господемъ реченное: никто же бо толстою плотію и пространнымъ путемъ входитъ в царство небесное, нужно бо есть царство небесное, и нужници восхищаютъ е.

И паки: будете бо рече мудри, яко змя, и цѣлы, яко голубіе. Подвигнитесь убо, возлюбленніи, кротостію и смиренномудріемъ по Христѣ Исусѣ и за святую вѣру православную подвигнемся о правдѣ евангельской! Тогда бо Господь Богъ поможетъ ти во благо: не ници бо глаголь высокословныхъ, но смиренномудрія, симъ бо побѣдиши вся противящаяся тебѣ: гордымъ же Господь противитъ, смиреннымъ же даетъ благодать; близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его во истиннѣ. Во всякомъ бо дѣле Христовѣ буди кротокъ и смиренномудръ; к людямъ бо что речеши, умомъ ярость износи на диявола, а кающагося на всяко время прощай, и вся твори, не къ человекомъ бо показуяся, но к Богу. А за противныя и досаждающыя тебѣ молися, якоже и самъ Господь Спаситель нашъ о Иерусалимѣ плакаше, и Стефанъ первомученикъ о убивающихъ его молящеся (шеся?) сице: Господи, не постави имъ грѣха сего, невѣдятъ бо, что творятъ. Тако же и Моисей глаголаше: Господи, аще люди сія погубляещи, истреби и мене от книги животныя. Тако и ты твори, глаголя сице: Господи, накажи сопротивлящихся святому Имени Твоему, и привлецы ихъ ко истиннѣй Твоей вѣрѣ, ими же вѣси судбами своими праведными; пресѣки жизнь нечестивыхъ, да не протязается во грѣсѣхъ своихъ. Бей главу свою о землю пред Богомъ и плачи со слезами, и паки вставше, рцы сице: да будетъ проклято еретическое новое мудрованіе и всякое тѣхъ самосмышленное блядословіе, но спаси, Господи, православныя христіяны и подаждь имъ, Господи, крѣпость и утверженіе правовѣрнымъ рабамъ твоимъ, повсюду страждущимъ за святую соборную и апостольскую церковь твою и за святую вѣру православную, отцемъ и братіямъ нашимъ, озлобляемымъ и томимымъ гладомъ, и жаждою, и юзами темничными, и всякою тѣсною и скорбьми, ранами же и биениемъ утесяемымъ.

Плачи же непрестанно день и ночь и проливай слезы предъ Господомъ Исусъ Христомъ, прося всему миру спасенія. Разумѣй же мудрость змінну, а цѣлость голубину имѣй, ибо Господь на змію и голубя указываетъ. Понеже змія все тѣло свое предастъ биемо быти, а главу свою соблюдаетъ, елико возможно: аще убьютъ ю з главою, такъ она і умретъ; аще же з главою не убьютъ, такъ она оживетъ. Такожде и христіянинъ безъ главы умретъ смертію вѣчною, сирѣчь безъ вѣры Христовы непороч-

ния; хотя онъ и живъ, а безъ вѣры Христовы мертвъ есть; аще же и биемъ и узвѣненъ раны многими, а глава непорочна, еже есть вѣра православная в души его, сей животомъ вѣчнымъ живъ есть. Еще же и беззлѣбїе во время гоненїя подобаетъ имѣти голубино: понеже голубъ во время гоненїя птенцовъ своихъ лишаемъ есмь (?) не гнѣвается, и от владыки своего не отлетаетъ, паки гнѣздо свое строитъ и иныхъ детей заводитъ. Тако и христіянину безгнѣвно подобаетъ жити і многи напасти и скорби терпѣти Христа ради. Онъ бо есть владыка, Христосъ воздастъ тебѣ за сіе въ будущій вѣкъ. Кая полза есмь (?) человѣку, аще и весь миръ приобращаетъ, душу же свою погубитъ: или что дастъ чловѣкъ измѣну на души своей. Не бывайте убо несмыслени, но разумѣвающе, что есть воля Божїа і что благоугодно Господеви. Молю вы азъ, возникъ о Господѣ, и колѣнамъ вашимъ касаюся всѣмъ вѣрнымъ о Господѣ Ісусѣ: поживете вси право во отеческомъ преданїи, исправляюще слово Божїе, еже речено во святомъ евангелїи и в прочихъ святыхъ книгахъ, еже сохранити и непреступнати заповѣди Божїа; но не отлагаете убо, молю вы, братїя, подвига спасительнаго лѣнностію і небреженїемъ, и не приемлете нововодныхъ ересей отъ нынешнихъ учителей, прельщающихъ и блазнящихъ васъ о развращенїи инако о вѣре Христовѣ, въ ней же прародители и родители наши быша. Како держаемъ святыхъ отецъ преданїя развращати, яко житїе сіе маловременно есть: не вѣмы бо, доколѣ животь нашъ здѣ; яко тать бо в нощи, смерть приходитъ комуждо насъ і неготовы похищаетъ ны. Убоимся сего, о любимицы, и како речемъ тогда, яко неготовы есмь і напутная не уготовиша, сирѣчь добрая дѣянїя. Соблюдемъ вѣру Христову непорочно в насъ, и сохранимъ святыхъ Его заповѣди, и преданїя святыхъ отецъ, иже седми вселенскими и девяти помѣстными соборы оутверженная, твердо и неподвижно соблюдемъ; а не соблюдеши вѣры Христовы и святыхъ Его заповѣдей, что речемъ или кїи отвѣтъ дадимъ на страшнѣмъ судѣ Христовѣ: егда бо увидимъ иныхъ вѣнчаемыхъ, себе же осужаемыхъ отъ праведнаго судїи, Христа Бога нашего. Страшенъ бо той день и грозенъ, братїе; писанїе свидѣтельствуетъ о семъ, яко день той зѣло страшенъ і исполнь ярости и гнѣва, о немъ же азъ, помышляя, трепещу и оужасаюся во умѣ своемъ, како стати и что отвѣдати судїи страшному и велицѣмърному. Побежалъ бы и скрылся отъ всевидящаго ока, да нѣкуда; отперся бы отъ дѣлъ злыхъ моихъ, да окрестъ мене клеветницы злы кричать, держаще рукописанїя грѣховъ моихъ, глаголюще: сія ты сотворилъ еси, живущи на земли, і нынѣ тайная твоя вся обличена суть, какъ на земли творилъ и пронырствовалъ, людемъ казался благъ, а внутрь врагъ, предъ чловѣки постыжъ и воздержникъ, внутрь же блудникъ і соблазнитель; къ людемъ сладкоглаголивъ, внутрь же яда смертоноснаго исполненъ; къ людемъ являяся трезвъ, а заочно безпрестанно пьянь; предъ чловѣки являяся цѣломудръ, а внутрь прелюбодѣй; иныхъ о подвизѣ оучу, а самъ не творю; о любви людемъ совѣтую, а самъ всѣхъ ненавижу і не

ворю, якоже самъ Господь глаголетъ: любите оубо враги ваша и добро творите имъ, яко будетъ мзда ваша многа на небесѣхъ.

Помыслите кождо о себѣ правду, ибо сатана заслѣпляетъ очи наши, не дасть намъ грѣховъ нашихъ видѣти: всегда злая творяще, не престаемъ, и день за день покаянія себѣ отлагаемъ и грѣхи ко грѣхомъ прилагаемъ; како и мамы стати на судѣ Христовѣ и что отвѣщаемъ судии страшному и величественному, Христу Богу нашему? Мнимся, яко Бога любимъ, а словеса и святыя заповѣди Его презираемъ во всемъ и пребываемъ во всѣхъ козняхъ дьявольскихъ, въ житіи семъ суетнѣмъ, кромѣ развѣ малыхъ избранныхъ Божіихъ. Воспринемъ убо, братія моя возлюбленная, здѣ, даже не зайдетъ свѣтъ и не постигнетъ насъ ночь темная и тяжкая тма, даже не приидетъ кончина смертная і не похититъ насъ неготовы. Убудимся отъ сна грѣховнаго и отъ страстей, къ животу притечемъ, еже есть камени краеугольному Христу: зоветь бо насъ непрестанно въ животъ вѣчный, ждетъ бо покаянія нашего и обращенія, зоветь ны самъ Спаситель Христовъ. Приидѣте ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи и азъ покою вы. Якоже и Павелъ, сосудъ избранный, глаголетъ: облещѣтеся, яко избранныи Божіи святіи, въ милость щедротъ и благодать, въ смиренномудріе и кротость и долготерпѣніе, приемлюще другъ друга: и протчая.

Горѣ, горе, братія, времени сему і намъ живущимъ, яко нынѣшніи духовни учителя немилосердіи, злы, иныицы и гордіи, творять развращенная и церковь Христову возмутили, и насъ правовѣрныхъ оскорбляютъ и мучатъ злѣ юзами темничными і всякими ранами и биеніемъ и морятъ голодомъ заключены, аки злодѣевъ въ темницахъ — за самую истинну и за вѣру Ісусъ Христову, предають намъ пнако вѣровати, новыя законы, новыя книги со многими ихъ умышленными ересыми на пагубу роду христіанскому; предстлѣ бо ихъ и обманулъ сатана, оставили бо свѣтъ, возлюбили тму и вся святыя догматы развратили по своему умышленію, и церковь святую разрушили, и насъ правовѣрныхъ возмутили, и самовольно приступили ко антихристу. Явѣ есть, яко уготовають путь къ пришествію его: и се духовное пришествіе его, по писанію утаено неразумѣющимъ, оказалось и есть. А намъ правовѣрнымъ и чувственнымъ (ѣ?) яснѣ видимо есть (м?) по писанію: яко злѣю утаенно сіе безумцемъ. О семъ пространнѣ чти въ Книгѣ о вѣре, о паденіи вѣры Христовы въ Римѣ и въ юнитахъ, и о духовномъ антихристовѣ приходѣ. Можно намъ, братіе, разумѣть реченная писанія, яко по всей земли распространися ересь антихристова и дошла до насъ есмь (?). О горе, горе и оувы! братіе, яко время зло наступило на ны, и горе приемлющимъ отъ нынѣшнихъ иныныхъ учителей и споспѣшниковъ антихристовыхъ новыя законы, новыя книги. Отъ сего сохрани насъ Христосъ, Сынъ Божій! Якоже видимъ нынѣшніи мнимыя духовники пастыри, яко аспиды глухія, заткнуша уши свои, не хотятъ слышати о истиннѣ, ухищряють и прелцають своими ересыми сердца несмысленныхъ, и влекутъ с собою во адъ преисподній и во огнь геенскій. Блуди-

геся, молю вы, от таковых, и не сообщайтесь неподобнымъ и темнымъ дѣломъ ихъ. Но паче же ихъ обличайте, яко всяко являемое свѣтъ ѣсть, и ходяи во свѣтъ не потъкнется. Гоненія же сія и скорби и юзы с радостію терните о Христъ Ісусъ Господъ нашемъ, якоже и Господъ рече: претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ. Ибо здѣ скорби, напасти, гоненія, муки, юзы темничныя, наводимыя от злыхъ ехидновъ, о Христъ скончаеши, да в будущемъ вѣчѣ животь вѣчный обрящещи, идѣже радость и веселіе, свѣтъ и покой, и животь, честь и слава, и велѣленота во вѣки вѣкомъ святымъ, угодившимъ Христу бесъ конца, его же до сподобитъ і насъ Христосъ, Сынъ Божіи, иже пострадавыи за насъ, и воскресъ из мертвыхъ, и вознесыйся на небеса, і сѣде о десную Бога и Отца, и наки приидеть судити живымъ и мертвымъ и воздасть комуждо по дѣломъ его: праведнымъ царство небесное, а грѣшнымъ муку вѣчную. Его же царствію нѣсть конца, аще и глаголють мельхиседекіане еретицы сице, яко възыде Христосъ на небо ко Отцу, поклонивъ главу свою, і к тому не пребываетъ съ нами, ни царствуетъ совершенно до суднаго дни, но по судномъ дни воцарится и царствію его не будетъ конца. Да они жъ оправданіе себѣ положили апостолскую рѣчь (9 Кор. зач. 180): тѣмъ же и мы отнынѣ ни одинаго вѣмы по плоти, аще бо и разумѣхомъ по плоти Христа, но і нынѣ к тому разумѣемъ. Тако бо і нынѣ разумѣемъ, братіе, о нынѣшнихъ отступниціхъ, духовныхъ властей, Никоновыхъ единомысленниковъ; такъ же глаголють: Его же царствію не будетъ конца, согласно со оными мельхиседекіаны еретицы за одно. Да и толкують в Скрыжалѣхъ ихъ, яко Христосъ царствуетъ токмо вѣрными и покоряющимися ему, а невѣрными-де не царствуетъ, а по судномъ дни воцарится совершенно и царствію его не будетъ конца. Явѣ се есть, яко другія мельхиседекіане, еретицы, слово въ слово сія рѣчь. Азъ с ними никоніяны говорилъ о семъ, откуду, рече, вы сіе взяли, глаголете царству Христову пресеченіе? Они на се никакихъ доводовъ не предложили. Азъ привелъ во свидѣтельство имъ глаголь апостола Павла сице: (зач. 160) егда предасть царство Богу и Отцу, егда упразднить всяко начальство и силу, подобаеть бо Ему царствовать, дондеже положитъ вся враги под ногама своима, послѣдніи же врагъ испразднится смерть, і всяко покори под нозѣ Его. А святыи Златоустъ толкуеть: двѣ бо царствіи Христовѣ глаголемъ: едино по созданію, а другое по присвоенію; не пресекаеться (?) царствіе Христово: обладаетъ бо и царствуетъ Христосъ вѣрными и невѣрными, еллинами і юдеями, и просто рещи всѣмъ языки. Виждь, противниче, якоже и апостоль глаголетъ сице: подобаеть бо Ему царствовать, дондеже вся испразднить и царство предасть Богу и Отцу. Также и святыи Златоустъ глаголетъ: непрекъскается бо царство Его и царствію Его нѣсть конца, но всѣмъ Господъ царь единъ, вѣрнымъ і невѣрнымъ и бѣсомъ царь, и наки намъ вѣрнымъ царь, ибо Царь царемъ и Господъ господемъ Богъ нашъ. А нынѣшніи новыи учителя, Никоновы согласницы за одно съ еретики говорятъ: царь-

ствуеть бо нынѣ Господь, но по судном дни воцарится и тогда царствію его не будетъ конца. В одной бо части нынѣшнія никоніаны с прочими еретики лежать. Мы же, правовѣрніи, глаголемъ, яко царствуетъ Христосъ совершенно нынѣ і во вѣки, и царствію его вѣсть конца со Отцемъ и съ Святымъ Духомъ. А никоніаномъ не царь: ждуть бо они себѣ царя антихриста, иже готовятъ ему путь. О семъ бо во Апокалипсисѣ яснѣе о антихристѣ пишеть, яко преже царя антихриста предотечи его будутъ уготovati ему путь, еже есть духовныи приходъ антихристовъ на всю землю. На скончаніе вѣку сеи лстець и дияволъ антихристъ пріити имать во вселенную, и горе, реку, тогда будетъ человѣкомъ на земли, и многи прелстить, и чудеса ложна имать творити, подобая Христу, Спасителю нашему. Егоже убить Господь духомъ усть своихъ и прочихъ с нимъ и ввергнетъ я съ дияволомъ во огонь негасимый. Да и вси суть, иже творять развращенная сопротивно отеческому преданію, антихриста суть. Пущай нынѣшнія отступницы, духовныя власти браняють Христа, а насъ мучать и губяють здѣ: отольются медвѣдью ослины слезы. Потершимъ убо сія, братіе, і не скорбимъ о семъ Господа ради, о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ, Емуже слава во вѣки. Аминь.

№ 24. Умствование расколническое отъ писемъ Аввакумовыхъ ¹⁾.

Ну, слышатель, которая земля лучши, Іерихонъ ли по обѣтованіи, или небо, временное ли житіе, или вѣчное? Аще ли вѣчнаго не хочешь, но здѣшняго, яко жидовинъ, по обѣтованію ищешь, и ты держися четвероконечнаго креста, да с нимъ же поидеши во огонь неугашаемый; помянешь наши нынѣшнія рѣчи, а егда восплачутся племена земная, и ты с ними же, попираетель крѣста Христова, егда узришь Его всякояко грядуща с силою и славою многою на облацѣхъ небесныхъ.

Здѣйши же суть и паче всѣхъ еретиковъ и жидовъ нынѣшнія новыя жида никоніане. Скорблю за невѣжество ихъ! Какъ такъ? обмануль дияволъ русскихъ людей бѣдныхъ, явно идутъ въ пагубу: римскую блядь возлюбили, крестъ четвероконечный, да на немъ же пишутъ распятіе Христова. Такъ и сталъ крыжъ полской, выблядокъ римскаго костела. Увы! не внимають апостолю, глаголющу: мнѣ рече да не буди хвалитися точию о крестѣ Господа нашего Ісуса Христа, на немъ же страдавъ убивъ страсти; того убо и мы извѣстно держимся креста Господня похвалы всѣхъ.

А да онъ же (*Аввакумъ зри*) пишеть своею рукою: не яль-де я въ постъ великій 40 дней и видѣль себѣ велика, руки, ноги и зубы велики и весь распространился по всему небеси, и Богъ вмѣстилъ в мя небо и

¹⁾ Ркп. Имп. Публ. Вибл. (Погод.) № 1579. л. 83—84 об.

землю и всю тварь. Да еще пишеть: егда-де воскреснемъ во второе пришествіе Христово, а меня-де Господь атаманомъ учинить; а егда-де восхитимся на облацѣхъ, и я закричу Господу: Господи, Сергій мой, да царя-де турскаго патрахилію свяжу, в Москву притащу, а предъ царя поставлю, яко пса; а егда в Вавилонъ възйду да (sic) Святую Троицу; тогда-де бить бичемъ станемъ пестряковъ-те воровъ, старухъ заставимъ бить, бабье то дѣло, до смерти не убьютъ, а глаза выстегаютъ, да и в рѣку побрасаем.

Да онъ же пишеть. Такъ-де глаголетъ Духъ Святыи: послѣ царя Алексія Михайловича будетъ старая вѣра, и егда-де пестряки-те переведутся, тогда-де и я зажмурюся.

Да онъ же пишеть: жида глаголаху на Христа, да распнемъ Его и ругающеся ему глаголаху: аще снидеть-со креста, да видимъ и вѣруемъ ему; а нынѣшніи жида въ огонь сажаютъ православныхъ христіянъ да тоже ругаяся говорятъ: аще праведенъ, инъ-де не згорить, а кто и не згорить, и они иссѣкше да въ щепель правовѣрныхъ жгутъ, яко на крестѣ *Христа мертва мужикъ стрелецъ рогатиною пырнулъ*: выслужился, блядинъ сынъ, пять рублевъ взялъ, жалованья дадутъ ему да сукно, да жалованья, да погребъ, понеже радѣеть намъ, великому государю. Охъ, охъ! бѣдныя!

Да онъ же написалъ, велика Бога нарицая не по существу состава, да и в приводѣ сказалъ: левъ-де звѣрь силнѣе осляти и велбуда, такожде орелъ и соколъ силнѣе лебеди и гуся, а ималъ сія приклады изъ книгъ латинскихъ мудрецовъ, Езопы, Франскаго баснослогателя, и иныхъ таковыхъ же, а святіи богословцы вси глаголютъ, яко непостижимо Божество.

А сію книжку написалъ Евангеліемъ вѣчнымъ, не мною-де грѣшнымъ писана, но самымъ перстомъ Божиимъ, а сему лживому писму Аввакумову, монахъ Онуфрій прелщенныи со единомысленники своими послѣдуетъ.

№ 25. Житіе протопопа Авванума ¹⁾.

По благословенію отца моего старца Епифанія писано моею рукою грѣшною протопопа Аввакума, и аще что речено просто и вы, Господа ради чтущіи и слышашіи, не позазрите просторѣчію нашему, понеже люблю свой русской природной языкъ, виршами философскими не обыкъ рѣчи красить, понеже не словесъ красныхъ Богъ слушаетъ, но дѣлъ нашихъ хочеть. И Павелъ пишеть: аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любви же не имамъ—ничто же есть. Вотъ что много разсуждать; не латинскимъ языкомъ, ни греческимъ, ни еврейскимъ, ниже

¹⁾ По ркп. Казанской духовной академіи, № 1679 (106), л. 1—93.

пнымъ копмъ пщеть отъ насъ говоры Господь, но любви съ прочими добродѣтельми хошетъ; того ради я и не брегу о краснорѣчїи, и не уничаю своего языка русскаго, но простите же меня грѣшнаго, а насъ всѣхъ рабовъ Христовыхъ Богъ проститъ и благословитъ. Аминь.

Крестъ всѣмъ воскресеніе.

Крестъ падшимъ исправленіе, страстемъ умерщвленіе и плоти пригвожденіе. Крестъ душамъ слава, и свѣтъ вѣчный, аминь.

Многострадальный юзникъ, темничной горемыка и нужетерпецъ, исповѣдникъ Христовъ священнопротопопъ Аввакумъ понуженъ бысть житіе свое написать отцемъ его духовнымъ инокомъ Епифаніемъ, да не забвенію будетъ предано дѣло Божіе, аминь.

Поученіе преподобнаго отца нашего Аввы Дорофея о любви.

Потщитесь соединитесь другъ другу: елико бо соединяется кто искреннему, толико соединяется Богови, и реку вамъ прикладъ отъ отецъ, да познаете силу слова.

Положи ми кругъ быти на земли, якоже начертаніе нѣкое обло, отъ прехожденія остна, глаголетъ жеся свойственнѣ остень, еже посреднее круга, даже до остна положите убо умъ вашъ во глаголемое; сеи кругъ разумѣйте ми быти миръ—самое же еже посредѣ круга Бога, стезя же, яже отъ круга идущая и до среды путія, сирѣчь житія человѣческаго, поелику убо входятъ святїи къ средѣ, желающе приблизитися Богу, по равенству входа близъ бывають и Бога, и другъ другу, и елико приближаются другъ другу, приближаются и Богови. Такжеже разумѣйте и отлученіе: еда бо отставятъ себе отъ Бога и возвратятся на внѣшняя, явѣ есть яко елико исходятъ и удаляютъ себе отъ Бога, толико удаляются другъ отъ друга, и елико удаляются другъ отъ друга, толико удаляются и отъ Бога; се таково есть естество любве, поелику убо есмы внѣ и не любимъ Бога, толику имамы отстояніе кождо ко искреннему. Аще ли же возлюбимъ Бога, елико приближаемся къ Богу любовію яже къ нему, толико соединѣваемся любовію къ ближнему, и елико соединѣваемся искреннему, толико соединяемся Богу. Богъ да сподобитъ послушать полезная намъ и творити я, а не гнѣватися другъ на друга, ниже яритися.

Богъ любви есть и пребываая въ любви—въ Возѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ. Апостолъ рече: «сообщайся Богу—прилежитъ и о братѣ; ненавидай брата—чуждъ Бога и жилище бѣсомъ. Богъ вселяется въ любовнова чловѣка чувствомъ небеснымъ, и таковое тѣло домъ Божїи бываетъ. По святому Ефрему: а идѣже Господь Богъ, ту и чини святыхъ ангеловъ служатъ Владыки; живемъ, братїя, угодно Богу, да со ангелы Христосъ Богъ въ насъ обитаетъ. Аще криво живу—исправте мя, аще по воли Божїи—благодать Богу о несповѣдимѣмъ Его дарѣ. Вотъ, вамъ, питомникамъ церковнымъ, предлагаю житіе свое отъ юности и до лѣтъ пятьдесятъ пяти годовъ. Авва Дорофей описалъ же свое житіе ученикамъ своимъ, понуждая ихъ на таяжде, поученіе 4, листъ 49, и я такжеже,

убѣждая вашу любовь о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, сказываю вамъ дѣлая мною ненотребнымъ рабомъ Божиимъ о Святѣмъ Дусѣ со Отцемъ и Сыномъ. Богу благодареніе во вѣки.

Вотъ тебѣ, чадо мое возлюбленное, книга живота вѣчнаго; поминай мя въ молитвахъ своихъ и старца не забывай Епифанія. Я писалъ, а онъ мнѣ молитвами помогаль; надъ всѣмъ же симъ, благословить тя Господь и Марію твою Пиминовну, и чадъ вашихъ, и снохъ, и внучатокъ, и сродниковъ, и знаемыхъ и други, и другиня, и вся вась любящія; еще же да будетъ всякъ благословляяй тя—благословенъ, и проклинаяй—тя проклять; и да подасть ти Господь отъ влаги земныя, и отъ росы небесныя свыше, и множа да умножитъ въ дому твоемъ всякія красоты и благодати, и да ясте ветхая ветхихъ, и ветхая отъ лица новыхъ изрините, сирѣчь всего изобильно и съ остатками; дай вамъ Господи и хлѣба, и мяса, и рыбы, отъ женъ да ядятъ сія хлѣбы священныя. Виждь, архіерей сестру чистоту и еросу назнаменована, и ясти брашно священническо повелѣ по нуждѣ алчущимъ отрокомъ Давидовымъ. Давидъ же яде, благодаря яко повъ. Колми же нынѣшняя наша нужда належитъ хотящимъ спастися, нужно намъ таинство то получить истинное, а прочія тайны мощно и простолюдину совершить. Есть и писано: не всѣхъ рукополагаетъ Духъ Святый, но всѣми дѣйствуетъ о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

Господи Ісусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ. Всесвятая Троице, Боже и Содѣтелю всего мира, поспѣши и направи сердце мое начати с разумомъ и кончати дѣлы благими, ихъ же нынѣ хощу глаголати азъ недостойный. Разумѣя же свое невѣжество, припадая молотися, и еже от Тебе помощи прося: Господи, управи умъ мой и утверди сердце мое не о глаголаніи устенъ стужатися, но приготовитися на твореніе добрыхъ дѣлъ, яже глаголю, да добрыми дѣлы просвѣщенъ, на судици десныя Тп страны причастникъ буду со всѣми избранными Твоими. И нынѣ, Владыко, благоволви, да вздохнувъ отъ сердца, и языкомъ возглаголю.

Діонисія Ареопагита о Божественныхъ именованъ, что есть Тебѣ, Богу, присносущныя имена истинныя, еже есть близостныя и что виновныя, сирѣчь похвальныя. Сія суть суще: сынъ, свѣтъ, истинна, животь, — только свойственныхъ четыре, а виновныхъ много. Сія суть—Господь, Вседержитель, непостижимъ, неприступенъ, тріпостасенъ, Царь славы, непостояненъ, огонь, Духъ, Богъ, и прочая по сему разумѣвай. Того же Діонисія о истиннѣ: себе бо отверженіе истины испаденіе: истина бо суще есть; аще бо истина суще есть, истины испаденіе сущаго отверженіе есть. От сущаго же Богъ спасти не можетъ и еже не быти нѣсть.

Мы же речемъ: потеряли новолюбцы существо Божіе испаденіемъ отъ истиннаго Господа Святаго и животворящаго Духа; но Діонисію, коли ужъ истины иснали, тутъ и сущаго отверглись. Богъ же отъ существа своего испастися не можетъ, и еже не быти нѣсть того въ Немъ: присносущенъ

истинныи Богъ напгъ. Лучше бы имъ в символѣ вѣры не глаголати Господа, виновнаго имени, а нежели истиннаго отсѣкати, въ немъ же существо Божіе содержится. Мы же, правовѣрніи, обоя имена исповѣдуемъ и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго Свѣта нашего вѣруемъ, со Отцемъ и Сыномъ покланяемаго, за него же стражемъ и умираемъ помощію Его Владычнюю.

Тѣшитъ насъ той же Діонисій Ареопагитъ, въ книгѣ его писано: сей убо есть во истинну истинный христіанинъ, зане истинною разумѣвъ Христа и тѣмъ богоразуміе стяжавъ, иступивъ убо себе, не сми въ мирскомъ ихъ нравѣ и прелести, себя же вѣсть трезвляцася и измѣнена всякаго прелестнаго невѣрія, не токмо даже до смерти бѣдствующе истинны ради, но и невѣденіемъ скончewaющася всегда, разумомъ же живуще, и христіане суть свидѣтельствуемы.

Сей Діонисій наученъ вѣрѣ Христовѣ отъ Павла апостола, живый во Афинѣхъ, прежде даже не пріити въ вѣру Христову, хитрость имыи исчитати бѣги небесныя; егда же вѣрова Христови, вся сія вмѣнихъ быти яко уметы, къ Тимофею пишетъ в книгѣ своей сице глаголя: дитя, али не разумѣешь, яко вся сія вѣшняя блядь ничтоже суть, но токмо прелестъ и тля и пагуба. Азъ проидохъ дѣломъ и ничтоже обрѣтохъ токмо тщету; чти да разумѣеть. Исчитати бѣги небѣсныя любятъ погибающіи, понеже любви истинныя не пріяша, во еже спастися имъ, и сего ради послеть имъ Богъ дѣйство лъсти, во еже вѣровати имъ лжи, да судъ пріимуть не вѣровавшіи истиннѣ, но благоволиша о неправдѣ. Чти о семъ Апостолѣ, 275.

Сей Діонисій еще не пріиде въ вѣру Христову, со ученикомъ своимъ во время распятія Господня бывъ въ солнечнѣмъ градѣ и видѣ: солнце во тьму преложися и луна въ кровь, звѣзды въ полудне на небеси явились черныя видомъ; онъ же ко ученику глаголя: «Или кончина вѣку пріиде или Богъ Слово плотію стражетъ. Понеже не по обычаю тварь видѣ измѣнену. И сего ради бысть въ недоумѣніи. Той же Діонисій пишетъ о солнечнемъ знаменіи когда затмится: есть на небеси пять звѣздъ заблудныхъ, еже именуются луны. Сіи луны Богъ положилъ не въ предѣлахъ, яко же и прочіи звѣзды, но обтекають по всему небу, знаменіе творя или во гнѣвъ или въ милость. Егда заблудница, еже есть луна, подтечетъ отъ запада подъ солнце и закроетъ свѣтъ солнечный, и то затмѣніе солнцу за гнѣвъ Божій къ людямъ бываеть. Егда же бываеть, отъ востока луна подтекаетъ, и то по обычаю шествіе творяще, закрываетъ солнце. А въ нашей Россіи бысть затмѣніе въ 162-мъ году, предъ моромъ: плыль Волгой рѣкой архіепископъ Сумеонъ сибирской и въ полудне тьма бысть предъ Петровымъ днемъ недѣли за двѣ; часа съ три плачущи у берега стояли. Солнце померче, отъ запада луна подтекала, являя Богъ гнѣвъ свой къ людямъ. Въ то время Никонъ отступникъ вѣру казилъ и законы церковныя, и сего ради Богъ изліялъ фіяль гнѣва ярости своея на русскую землю: зѣло моръ великъ былъ, нѣколи еще забыть, вси помнимъ. Паки по-

томъ минувъ годовъ съ четырнатцеть, въ другой рядъ затмѣніе солнцу было въ Петровъ постъ въ пятокъ, въ часъ шестой тма бысть. Солнце померче, луна отъ запада же подтекала, гнѣвъ Божій являя. Протопопа Аввакума, бѣднаго горемыку, въ то время съ прочими въ соборной церкви власти остригли и на Угрѣше въ темницу, проклинавъ, бросили. Вѣрный да разумѣеть, что дѣлается въ земли нашей за нестроение церковное и разорение вѣры и закона. Говорить о томъ престанемъ, въ день вѣка познано будетъ всѣми,—потерпимъ до тѣхъ мѣстъ.

Той же Діонисій пишетъ о знаменіи солнца, како бысть при Ісусѣ Наввинѣ во Израили. Егда Ісусъ сѣкій иноплеменики, то бысть солнце противу Гаваона, еже есть на поддняхъ, — ста Ісусъ крестообразно, сирѣчь распростре руке свои, и ста солнечное теченіе, дондеже враги погуби. Возвратилося солнце къ востоку, сирѣчь назадъ и паки потече и бысть во дни томъ 34 часа, понеже в десятый часъ назадъ отбѣжало, такъ въ суткахъ десять часовъ прибыло. И при Езекии царѣ бысть знаменіе. Оттече солнце назадъ во второй на десятъ часъ дня и бысть во дни и въ ноци тридесять шесть часовъ. Чти книгу Діонисіеву, тамъ пространно уразумѣешь.

Онъ же Діонисій пишетъ о небесныхъ силахъ возвѣщая, какъ хвалу приносятъ Богу, раздѣляяся девять чиновъ на три троицы. Престоли, Херувими и Серафими, освященіе отъ Бога приѣмля, сице восклицаютъ: благословена слава отъ мѣста Господня. И чрезъ ихъ переходитъ освященіе на вторую троицу, еже есть Господства, Начала, Власти. Сія троица, славословя Бога, восклицаютъ: аллилуія, аллилуія, аллилуія, по Алфавиту аль Отцу, иль Сыну, уія Духу Святому. Григорій Низскій толкуеть: «аллилуія—хвала Богу», а Василиій Великій пишетъ: «аллилуія—ангельская рѣчь, человѣчески рещи—слава тебѣ, Боже». До Василія пояху во церквнн angelьскія рѣчи «аллилуія, аллилуія, аллилуія». Егда же бысть Василій, и новелѣ пѣть двѣ angelьскія рѣчи, а третью человѣческую, сице: «аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже». У святыхъ согласно, у Діонисія и у Василія трижды воспѣвающе, со ангелы славимъ Бога, а не четырежды по римской бляди: мерско Богу четверичное воспѣваніе сицевое: «аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже». Да будетъ проклять сице поюще съ Никономъ и съ костеломъ римскимъ. Паки на первое возвратимся. Третья троица: Силы, Архангелы, Ангелы. Чрезъ среднюю Троицу освященіе приѣмля, поють: «святъ, святъ, святъ Господь Саваофъ, исполнь небо и земля славы Его». Зри: тричисленно и се воспѣваніе. Пространно Пречистая Богородица протолковала о аллилуіи. Явилась Василію, ученику Ефросина Псковскаго.

Велика во аллилуіи хвала Богу, а отъ зломудрствующихъ досада велика: по-римски Троицу Святую въ четверицу глаголють, Духу и отъ Сына исхождение являютъ. Зло и проклято сіе мудрованіе Богомъ и святыми,

правовѣрныхъ избави Боже сего начинанія злаго о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Афанасій Великій рече: «иже хоцетъ спастися, прежде всѣхъ подобаетъ ему держати католическая вѣра, ея же аще кто цѣлы и непорочны не соблюдаетъ, кромѣ всякаго недоумѣнія, во вѣки погибнетъ. Вѣра же католическая сія есть. Да единого Бога въ Троицѣ и Троицу во Единицѣ почитаемъ, ниже сливающе составы, ниже существо раздѣляюще: инъ бо есть составъ Отець, инъ — Сынъ, инъ Святаго Духа, но Отчее и Сыннее и Святаго Духа едино божество, равна слава, соприисносущно величество. Яковъ Отець, таковъ Сынъ, таковъ и Духъ Святыи. Вѣченъ Отець, вѣченъ Сынъ, вѣченъ и Духъ Святыи. Не созданъ Отець, не созданъ Сынъ, не созданъ и Духъ Святыи. Не три бози, но единъ Богъ, не три несозданія, но единъ Несозданныи. Равнѣ вседержитель Отець, вседержитель Сынъ, вседержитель и Духъ Святыи. Подобнѣ непостижимъ Отець, непостижимъ Сынъ, непостижимъ и Духъ Святыи. Не три вседержители, но единъ вседержитель, единъ непостижимый. И въ сей Святѣй Троицѣ ничтоже первое или послѣднее, ничтоже болѣе или менѣе, но цѣлы три составы и соприисносущны суть себѣ и равны. Особно бо есть Отцу нерожденіе, Сыну же рожденіе, а Духу Святому исхожденіе; обще же имъ Божество и царство.

Нужно бо есть побесѣдовати и о вочеловѣченіи Бога Слова къ вашему спасенію. За благодать щедротъ излія себе отъ отеческихъ нѣдръ Сынъ — Слово Божіе въ Дѣву чисту Богоотроковицу, егда время наставало, и воплотился отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы вочеловѣчився, насъ ради пострадавъ, и воскресе въ третій день, и на небо вознесся и сѣде одесную величествія на высокихъ, и хоцетъ паки пріяти судити и воздати комуждо по дѣломъ его, Его же царствію нѣсть конца. И сіе смотрѣніе въ Возѣ бысть прежде, даже не создатися Адаму, прежде даже не вообразитися. Рече Отець Сынови: сотворимъ челоуѣка по образу нашему и по подобію. И отвѣща другій: сотворимъ, Отче, и преступитъ бо. И пакы рече: о, едиnorodный мой! о, свѣте мой! о, Сыне и Слове! о, сіяніе славы моя! аще промышляешъ созданіемъ моимъ, подобаетъ ти облещися въ тлимаго челоуѣка, подобаетъ ти по земли ходити, апостолы воспріяти, пострадати и вся совершити. И отвѣща другій: буди, Отче, воля твоя! Посемъ создася Адамъ и прочая. Аще хоцешъ пространно разумѣти, чты Маргаритъ, слово о вочеловѣченіи: тамо обрящешъ. Азъ кратко помянухъ, смотрѣніе показуя. Сице всякъ вѣрующій въ Онъ не постыдится, а не вѣрующій осужденъ будетъ и во вѣки погибнетъ, по вышереченому Афанасію. Сице азъ, протопонъ Аввакумъ, вѣрую, сице исповѣдую, съ симъ живу и умираю.

Рожденіе же мое въ Нижегородскихъ предѣлахъ, за Кудмою рѣкою, въ селѣ Григоровѣ. Отець мой бысть священникъ Петръ, мати Марія, няка Марфа. Отець мой прилѣжаше житія хмельнова, мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаще мя страху Божію. Азъ же нѣкогда видѣвъ у сосѣда скотину умершу, и въ той ноци воставши предъ образомъ,

плакался довольно о души своей, поминая смерть, яко и мнѣ умерти: и съ тѣхъ мѣсть обыкохъ во вся дни молитися. Потомъ мати моя овдовѣла, а я осиротѣлъ молодъ, и отъ своихъ соплеменникъ во изгнаніи быхомъ Изволила мати меня женить. Азъ же Пресвятѣй Богородице молихся, да дастъ ми жену помощницу ко спасенію. И въ томъ же селѣ дѣвица сиротина же, безпрестанно во церковь ходила—имя ей Анастасія. Отець ея былъ кузнецъ, именовъ Марко, богатъ горазно, а егда умре, послѣ его вся истощилося. Она же въ скудости живяше и моляшеся Богу, даже сочетается за меня совокупленіемъ брачнымъ. И бысть, по воли Божіи, тако. Посемъ мати моя отъиде къ Богу въ подвиже велице. Азъ же отъ изгнанія переселихся въ ино мѣсто. Рукоположенъ во діаконы двадцети лѣтъ з годома; и по дву лѣтѣхъ въ попы поставленъ; живый въ попѣхъ осьмъ лѣтъ и потомъ совершенъ въ протопопы православными епископы. Тому дватцетъ лѣтъ минуло, и всего тритцетъ лѣтъ, какъ священство имѣю, а отъ роду на шестой десятокъ идетъ.

А егда азъ въ попѣхъ былъ, тогда имѣлъ у себе дѣтей духовныхъ много, по се время сотъ съ пять или съ шесть будетъ. Не почивая азъ грѣшный прилѣжа, во церквахъ, и въ домѣхъ, и на распутияхъ, по градомъ и селомъ, еще же и во царствующемъ градѣ, и во странѣ Сибирской, проповѣдуя и уча слову Божію, годовъ будетъ тому съ полтретятцетъ. А егда еще былъ въ попѣхъ, приде ко мнѣ исповѣдатися дѣвица, многими грѣхами обременена, блудному дѣлу и малакіи всякой повинна; нача мнѣ плакавшися, подробну возвѣщати во церкви предъ Евангеліемъ стоя. Азъ же трекаянный врачъ, слышавши отъ нея, самъ разболѣвсел, внутрь жегома огнемъ блуднымъ. И горко мнѣ бысть. Въ той часъ зажегъ три свѣщи и прилѣпилъ къ налою и возложилъ правую руку на пламя и держалъ, дондеже во мнѣ не угасло злое разженіе. И отпустя дѣвицу, сложа съ себя ризы, помолясь, пошелъ въ домъ свой зѣло скорбенъ. Время, яко полунощи, и пришедъ въ свою избу, плакался предъ образомъ Господнимъ яко и очи опухли, и моляся прилѣжно, да же отлучитъ мя Богъ отъ дѣтей духовныхъ: понеже время тяжко, не могу носити. И падохъ на землю на лица своема, рыдая горце, и забыхся лежа, не вѣмъ, какъ плачу, а очи сердечніи прирѣкъ Волгѣ. Вижу плывутъ стройно два корабля златы, и весла на нихъ златы и все злато. По единному кормицику на нихъ сидѣльцовъ. И я спросилъ: чіе корабли? И они отвѣщали: Лукинъ и Лаврентіевъ. Сін быша ми духовныя дѣти, меня и домъ мой настави на путь спасенія, и скончались богоугодѣ. А се потомъ вижу третій корабль не златомъ украшенъ, но разными красотама испещренъ—красно, и бѣло, и сине, и черно, и пепелесо,—его же умъ человекъ невмѣститъ красоты его и доброты. Юноша свѣтелъ, на кормѣ сѣдя, править, бѣжить ко мнѣ изъ за Волги, яко пожрети меня хочеть. И я вскричалъ: чей корабль? И сѣдя на немъ отвѣщаль: твой корабль, на! плавай на немъ, коли докучашь, и з женою, и з

дѣтьми. И я вострепеталь, и сѣдни разсуждаю: что се видимое? и что будетъ плаваніе?

И се по малѣ времени, по писанному, обяша мя болѣзни смертныя, бѣды адовы обыдоша мя: скорьбь и болѣзнь обрѣтохъ. У вдовы начальникъ отнялъ дочерь. И азъ молихъ его, да же сиротину возвратитъ къ матери. І онъ, презрѣвъ моленіе наше, воздвигъ на меня бурю, и у церкви, пришедъ сонмомъ, до смерти меня задавши. И азъ лежалъ въ забытіи полчаса и болши, паки оживе Божіимъ мановеніемъ. Онъ же, усташася, отступилъ мнѣ дѣвицы. Потомъ научилъ его діаволь: пришедъ во церковь, билъ и волочилъ меня за ноги по землѣ въ ризахъ, а я молитву говорю въ то время.

Таже инъ начальникъ въ оно время на мя разсвиригѣлъ, — прибѣжавъ ко мнѣ въ домъ, бивъ меня и у руки, яко песъ, огрызъ персты. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда испустилъ изъ зубовъ своихъ мою руку и, меня покинувъ, пошелъ въ домъ свой. Азъ же, поблагодаря Бога, завертѣвъ руку платомъ, пошелъ къ вечернѣ. И на пути онъ же наскочилъ на меня паки со двема пистольми и запалилъ ихъ пистолы. И Божіимъ мановеніемъ на полкѣ пороховъ пыхнулъ, а пистоль не стрѣлила. Онъ же бросилъ ея на землю и изъ другія запалилъ паки. Божія же воля такъ же учинила, пистоль и та не стрелила. Азъ же прилѣжно, идучи, молюсь Богу, освѣнилъ ево больною рукою и поклонился ему. Онъ меня даетъ, а я ему говорю: благодать въ устнѣхъ твоихъ, Иванъ Родіоновичъ, да будетъ. Посемъ дворъ у меня отнялъ, а меня выбилъ, всево ограбъ, и на дорогу хлѣба не далъ. Въ то время родился сынъ мой Прокопей, что нынѣ сидитъ съ матерью и зъ братомъ въ землѣ закопанъ; азъ же, взявъ клюку, а мать некрещенова младенца, пошли зъ братъею и зъ домочадцы, аможе Богъ наставитъ, а сами пошедъ заплѣли божественныя пѣсни, евангельскую стихѣру большимъ распѣвомъ: «на гору ученикомъ, идущимъ за земное вознесеніе предста Господь и поклонися ему» всю до конца, а предъ нами образъ несли. Пѣвцовъ въ дому моемъ было много, поюще со слезами на небозираемъ, а провождающіи жители того мѣста, мужи и жены, и отрочата, множество народа съ рыданіемъ плачуще и сокрушающе мое сердце, — далече насъ провожали въ поле. Азъ же на обычномъ мѣстѣ ставъ и хвалу Богу воздавъ, поученіе прочелъ и, благословя, насилу въ домъ ихъ возвратилъ, а зъ домашними впредъ побрели, и на пути Прокопья крестили, яко каженика Филиппъ древле.

Егда же азъ приобрѣлъ къ Москвѣ, къ духовнику цареву, протопопу Стефану и къ другому протопопу, къ Неронову Ивану, они же обо мнѣ царю извѣстиша и съ тѣхъ мѣстъ государь меня звать началъ. Отцы же з грамотою паки послали меня на старое мѣсто и я притащился: аю и стѣны разорены моихъ храминъ. И я паки позавелся, а діаволь и паки воздвигъ бурю. Придоша въ село мое плясовые медвѣди з бубнами и з домрами, и я, грѣшникъ, по Христѣ ревнуя изгналъ ихъ, и хари и бубны

изломалъ на полѣ, единъ у многихъ; и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ, одново ушибъ и паки ожилъ, а другова отпустилъ въ поле. И за сіе меня, бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ, едучи въ Казань на воеводство, въ суднѣ браня много, и велѣлъ благословить сына своего брадобритца. Азъ же не благословилъ, видя любодѣйной образъ. И онъ велѣлъ меня въ Волгу кинуть и, ругавъ много, столкали съ судна.

Таже инъ начальникъ, на мя развирѣпѣвъ, приѣхавъ с людьми къ двору моему, стрелялъ изъ луковъ и ис пищалей съ приступомъ. А я въ то время запершися молился ко Владыкѣ: Господи, укроти ево и примири, имижѣ вѣси судбами. Онъ же побѣжалъ отъ двора, гонимъ Святымъ Духомъ. Таже въ ночь ту, прибѣжали отъ него, зовутъ меня къ нему, со слезами: батюшко, государь! Евѣимей Стефановичъ при кончинѣ и кричить не удобно, бьетъ себя и охаеть, а самъ говоритъ: дайте батька Аввакума! за него меня Богъ наказуетъ! И я чаялъ, обманываютъ меня, ужасеся духъ мой во мнѣ, а се помолилъ Бога сице: Ты, Господи, изведи мя ис чрева матери моея и отъ небытія въ бытіе мя устроишь. Аще мя задушатъ, причти мя съ митрополитомъ Филипомъ Московскимъ; аще ли зарѣжутъ, и Ты, Господи, причти мя зъ Захарією пророкомъ; аще ли посадятъ въ воду и Ты, Владыко, яко и Стефана Пермскаго, паки свободиши мя. И молясь, побѣжалъ въ домъ къ нему, Евфимію. Егда же привезоша мя на дворъ, выбѣжала жена ево, Неонила, ухватила меня подъ руку, а сама говоритъ: поди-тко, государь нашъ батюшко, поди-тко, свѣтъ нашъ кормилецъ! И я сопротивъ: чюдно! давеча былъ блядинъ сынъ, а топерва батюшко миленькой. Волшо у Христа-тово остра шелѣпуга та, скоро повинился мужъ твой! Ввела меня въ горницу, вскочилъ съ перины Евфимей, палъ предъ ногами моима, вопить неизреченно: прости, государь, согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою, а самъ дрожитъ весь. И я ему сопротивъ: хочещи ли впредъ цель быти? Онъ же лежа отвѣщаль: ей, честный отче. И я реклъ: востани, Богъ проститъ тя. Онъ же, наказанъ гораздо, не могъ самъ востати. И я поднялъ и положилъ ево на постелю, и исповѣдалъ, и масломъ священнымъ помазалъ: и бысть здравъ. Такъ Христось изволилъ. И зъ женою быша мнѣ дѣти духовныя, изрядныя раби Христови. Такъ-то Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.

Помалѣ иніи паки изгнаша мя отъ мѣста того. Азъ же сволокся къ Москвѣ и, Божією волею, государь меня велѣлъ поставить въ Юрьевецъ-Поволской въ протопоны. И тутъ пожилъ немного, — только осмь недѣль. Діаволь научилъ поповъ и мужиковъ и бабъ, — пришли къ патриархову приказу, гдѣ я духовныя дѣла дѣлалъ, и вытаща меня ис приказу собраніемъ, — человекъ съ тысящу и с полторы ихъ было, — среди улицы били батожемъ и топтали, и бабы были с рычагами. Грѣхъ ради моихъ убили замертва и бросили подъ избной уголъ. Воевода съ пушкарями прибѣжалъ и, ухватя меня, на лошади умчалъ въ мое домишко и пушкарей около двора поставилъ. Людѣ же ко двору приступаютъ и по граду молва ве-

лика. Наипаче же попы и бабы, которыхъ унималъ отъ блудни, волятъ: убить вора, блядина сына, да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ. Азъ же, отдохня, по трехъ днехъ ноцію, покиня жену и дѣти по Волге, самъ-третьей ушелъ къ Москвѣ. На Кострому прибѣжалъ, аво и тутъ протопопа же Данила изгнали. Охъ! горе! вездѣ отъ дѣвола житія нѣтъ! Пріѣхалъ къ Москвѣ, духовнику показался; и онъ на меня учинился печалень: нашто церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ другое горе! Таже царь пришелъ ночью къ духовнику благословитися, меня увидѣлъ тутъ—опять—кручина: на што городъ покинулъ? А жена, и дѣти, и домочадцы,—з дватцеть,—въ Юрьевцѣ остались,—невѣдомо живы, невѣдомо побиты! Тутъ наки горе!

Посемъ Никонъ, другъ нашъ, привезъ из Соловковъ мощи Филиппа митрополита. А прежде его пріезду Стефанъ духовникъ моля Бога и постяся седмицу з братією—и я съ ними тутъ же—о патріархѣ, да же дастъ Богъ пастыря ко спасенію душъ нашихъ. И съ митрополитомъ Корнидіемъ Казанскимъ написавъ челобитную за руками, подали царю и царицѣ о духовникѣ Стефанѣ, чтобъ ему быть въ патріархахъ. Онъ же не восхотѣлъ самъ и указалъ на Никона митрополита. Царь его и послушалъ, и пишеть къ нему посланіе на встрѣчу: Преосвященному Никону, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому и всея Россіи—радоватися и прочая. Егда же пріехалъ, съ нами, яко лисъ—челомъ, да здорово. Вѣдаетъ, что быть ему въ патріархахъ, и чтобъ откуля помѣшка какова не учинилась. Много о тѣхъ козняхъ говорить.

Царь его на патріаршество зоветъ, онъ бытто не хочетъ, мрачить царя и людей, а со Анною по ночамъ укладывають, какъ чему быть, и много тружався со діаволомъ, взошелъ на патріаршество Божиимъ поущеніемъ, укрѣпя царя своимъ кознованіемъ и клятвою лукавою. Егда бысть патріархомъ, такъ насъ и въ крестовую не сталъ пускать, а се и ядъ отрыгнулъ. Въ постъ великой прислалъ память Казанскому протопопу Иванну Неронову, а мнѣ былъ отецъ духовной; я все у него и жилъ въ церкви; егда куда отлучится, ино я вѣдаю церковь; и къ мѣсту говорили на дворецъ ко Спасу, да я не пораждѣлъ или Богъ не изволилъ. Народу много приходило къ Казанской; такъ мнѣ любо—поученіе читалъ безпрестанно, лише о братіяхъ родныхъ духовнику поговорилъ, и онъ ихъ вверху у царевны, а инова при себѣ жить устроилъ попомъ въ церквѣ; а я самъ, идѣже людіе снемлются, тамъ слово Божіе проповѣдалъ, да при духовниковѣ благословеніи и Неронова Иванна тѣшилъ надъ книгами свою грѣшную душу о Христѣ Ісусѣ.

Таже Никонъ въ памяти пишеть: Годъ и число. По преданію святыхъ Отецъ и Апостолъ, не подобаетъ метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ класть поклоны, еще же и тремя персты бы есте крестились. Мы, сошедшея со отцы, задумалися, видимъ, яко зима хочетъ быти: сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ мнѣ приказалъ церковь, а самъ скрылся въ Чюдовъ—седмицу единъ въ палаткѣ молился. И тамъ ему отъ образа

длась бысть во время молитвы: Время присиѣ страданія! Подобаетъ вамъ неослабно страдати! Онъ же мнѣ, плачущи, сказалъ; таже епископу Коломенскому Павлу, его же Никонъ на послѣдокъ въ Новогородскихъ предѣлахъ огнемъ сжегъ; потомъ Даниилу, Костромскому протопопу, и всей сказалъ брати. Мы же з Даниломъ ис книгъ написавъ выписки о сложеніи перстовъ и о поклонѣхъ, и подали государю: много писано было; онъ же невѣмъ, гдѣ скрытъ ихъ, мнитмися Никону отдалъ.

Послѣ того вскорѣ, схвативъ Никонъ Данила, остригъ при царѣ, за Тверскими вороты и, содравъ однорядку, ругавъ, отвелъ въ Чудовъ, въ хлѣбню: и, муча много, сослалъ въ Астрахань. Возложя на главу тамъ ему вѣнецъ терновъ, въ земляной тюрьмѣ и уморили. Таже другова тамъ, Никольскаго протопопа Данила, посадилъ у Спаса на Новомъ. Таже Неронова Иванна въ церкви скуфью снялъ и посадилъ въ монастырь Симановъ, опослѣ на Вологду сослалъ въ Спасовъ каменной монастырь, потомъ въ Кольской островъ.

Посемъ меня взяли отъ всенощнаго Борисъ Нелединской со стрѣльцами, человекъ со мною съ шестьдесятъ взяли: ихъ въ тюрьму отвели, а меня на патриарховъ дворѣ на чепъ посадили ночью. Егда же росвѣтало, въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу, ростеня руки, и везли отъ патриархова двора до Андроньева монастыря. И тутъ на чеппи кинули въ темную палатку; ушла вся въ землю. И сидѣлъ три дни, ни елъ, ни пилъ, — во тмѣ сѣдя, кланялся на чеппи, не знаю—на востокъ, не знаю—на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ, — токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ довольно. Таже во исходѣ третьихъ сутокъ захотѣлося есть мнѣ; послѣ вечерни ста передъ мною, невѣмъ—человекъ, невѣмъ ангелъ, — и по се время не знаю. Токмо въ потемкахъ сотворя молитву и взявъ меня за плечо съ чепью, къ лавкѣ привелъ, и посадилъ, и лошку въ руки далъ и хлѣбца немношко и штець далъ похлебать, — зѣло прикусны, хороши! — и рекъ мнѣ: полно, довлѣетъ ти ко укрѣпленію! И не стало его: двери не отворялись, а ево не стало. Чудно только человекъ, а что же! ангелу ино вездѣ не загорожено! На утро архимаритъ з братією вывели меня, журуютъ мнѣ, что патрарху не покорился. И я отъ писанія ево браню! Сняли большую чепъ и малую наложили. Отдали чернцу подъ начало, велѣли въ церковь волочить. У церкви за волосы деруть и под бока толкають, и за чепъ торгають, и въ глаза плюють. Богъ ихъ проститъ въ сій вѣкъ и въ будущій: не ихъ то дѣло, но дѣвольское.

Тутъ же въ церкви у нихъ былъ нашъ братъ подначальной ис Хамовниковъ, пьянства ради предать бѣсомъ и гораздо бѣсился томимъ отъ бѣсовъ. Азъ же зжалихся грѣшныи объ немъ, во обѣдню стоя на чени Христа Свѣта и Пречистую Богородицу помолилъ, чтобъ ево избавили отъ бѣсовъ. Господь же ево бѣднова и простилъ, бѣсовъ отгналъ. Онъ же дѣлоумень сталъ заплакавъ и ко мнѣ поклонился до земли; я ему заказалъ,

чтобъ про меня не сказалъ никому; люди же догадались о семъ, учили звонить и молебень пѣть. Сидѣлъ я тутъ четыре недѣли.

Послѣ меня взяли Логина протопопа Муромскаго: въ соборной церкви при царѣ остригъ ево овчеобразный волкъ въ обѣдню, во время переноса. Егда снялъ у архидіакона со главы дискосъ и поставилъ на престолъ тѣло Христово, а съ чашею архимарить Чюдовской Ѳерапонтъ внѣ олтаря при дверехъ царскихъ стоялъ. Увы разсѣченія тѣлу и крови Владыки Христа! Пуще жидовскаго дѣйства игрушка сія! Остригше, содрали съ Логина однорятку и кафтанъ. Онъ же разжегся ревностію божественнаго огня, Никона порицая, и черезъ порогъ олтарной въ глаза ему плевалъ, и распоясався, схватя съ себя рубашку, в олтарь Никону въ глаза бросилъ. Чюдно! растопоряся рубашка покрыла дискосъ съ тѣломъ Христовымъ и престолъ. А въ то время и царица въ церкви была. На Логина же возложачея и потаща ис церкви, били мстлами и шелепами до Богоявленскаго монастыря. И тутъ кинули нагова въ податку, и стрельцовъ на карауле накрѣпко учинили. Ему же Богъ въ ту ночь далъ новую шубу да шапку. И на утро Никону сказали. Онъ же разсмѣявся, говорить: знаю-су пусто-святость тѣхъ! И шапку у него отнялъ, а шубу ему оставилъ.

Посемъ паки меня изъ монастыря водили пѣшева на патриарховъ дворъ, по прежнему ростяня руки. И стязався много со мною, паки отвели такъ же. Таже въ Никитинъ день со кресты ходъ, а меня паки противъ крестовъ везли на телѣге и привезли къ соборной церкви стричъ меня такъ же. И держали на порогѣ въ обѣдню долго. Государь сошелъ съ мѣста и приступя къ патреарху упросилъ у него. Не стригше, отвели въ Приказъ Сибирской, отдали дьяку Третьяку Башмаку, что нынѣ съ нами стражетъ же за православную вѣру, старецъ Саватѣй,—сидитъ въ земляной тюрьмѣ у Спаса на Новомъ. Спаси ево, Господи! и тогда мнѣ добро дѣлалъ.

Таже послали меня въ Сибирь въ ссылку з женою и дѣтьми. И колико дорогою было нужды, тово всево говорить много, развѣ малое помянуть. Протопопица родила младенца, большую въ телѣге и потащили! До Тоболска три тысящи верстъ, недѣль съ тринатцетъ волокли телѣгами, и водою, и санми половину пути. Архіепископъ Симеонъ Сибирской (тогда добръ былъ, а нынѣ учинился отступникъ) устроилъ меня въ Тоболске къ мѣсту. Тутъ живучи у церкви великія бѣды постигоша мя. Пятю слова государевы сказывали на меня въ полтора года. И единъ нѣкто, двора архіепископля дьякъ, Иванъ Струна, тотъ и душею моею (потрясъ) сице. Владыка съехалъ къ Москвѣ, а онъ безъ него наученіемъ бѣсовскимъ и кознями напалъ на меня. Церкви моя дьяка Антонія захотѣлъ мучить напрасно. Онъ же Антоній утече у него и прибѣжалъ ко мнѣ въ церковь. Иванъ же Струна собрався съ людьми во инъ день, приде ко мнѣ въ церковь, ухватилъ Антона на крылосѣ за бороду. А я въ то время затворилъ двери и замкнулъ: никою не пустилъ въ церковь. Одинъ онъ, Струна вертится, что бѣсъ, въ церковѣ. И я покниа вечерню, со Антономъ, посадя

ево на полу, и за мятежъ церковной постегалъ ремнемъ нарочито-таки; а прочіи, человекъ зъ двадцеть, вси побѣгоша гоними Духомъ. И покаяніе принявъ отъ Струны, къ себѣ отпустилъ ево паки. Сродницы же ево, поны и чернцы, весь градъ возмутили, како бы меня погубить. И въ полъ нощи привезли сани ко двору моему, ломилися вызбу, хотя меня, взявъ, въ воду свести. И Вожимъ страхомъ отгнани быша и вспяты побѣгоша. Мучился я отъ нихъ, бѣгаючи съ мѣсець тайно: иное въ церквѣ ночую, иное уйду къ воеводѣ. Княгиня меня въ сундукъ посылала, я де, батюшко, надъ тобою сяду; какъ де придуть тебя искать къ намъ; и воевода отъ нихъ мятежниковъ боялся, лишь плачетъ, на меня глядя. Я уже и въ тюрьму просился — ино не пустятъ. Таково то время было. Провожалъ меня много Матеей Ломковъ, иже и Митрофанъ въ чернцахъ именуемъ, — на Москвѣ у Павла митрополита ризничимъ былъ, какъ стригъ меня зъ дьякономъ Аванасьемъ. Тогда въ Сибири при мнѣ добръ былъ, а опослѣ проглотилъ ево дьяволъ, отступилъ же отъ вѣры.

Таже пріѣхалъ съ Москвы архіепископъ и мнѣ мало-мало легче стало. Правильною виною посадилъ ево, Струну, на цепь за сіе: человекъ нѣкій зъ дочерью кровосмѣшеніе сотворилъ, а онъ, Струна, взявъ съ мужика полтину, не наказавъ, отпустилъ. И владыка ево за сіе сковать приказалъ, и мое дѣло тутъ же помянувъ. Онъ же, Струна, ушелъ къ воеводамъ въ Приказъ и сказалъ слово и дѣло государево на меня. Отдали ево сыну боярскому лутчему Петру Бекѣтову, за приставъ. Увы, Петру погибель пришла! Подумавъ, архіепископъ, по правиламъ за вину кровосмѣшенія, сталъ Струну проклинать въ церквѣ. Петръ же Бекѣтовъ въ то время браня архіепископа и меня, изшедъ изъ церкви, взбѣсился, идучи ко двору и падъ издше, горкою смертію умре. Мы же со владыкой приказали ево среди улицы вергнути псомъ на снѣдѣніе, да же граждане оплачють ево согрѣшеніе. И сами три дни прилѣжнѣ Божеству стужали объ немъ, да же отпустится ему въ день вѣка отъ Господа. Жалѣя Струны, таковую пагубу пріялъ. И по трехъ днехъ тѣло его сами честнѣ погребли. Полно тово говорить, плачевнова дѣла.

Посемъ указъ пришелъ: велѣно меня ис Тоболска на Лѣну вести за сіе, что браню отъ писанія и укорю Никона еретика. Въ тоже время пришла съ Москвы грамотка ко мнѣ. Два брата, жили кои у царя вверху, умерли зъ женами и дѣтьми. И многіе друзья и сродники померли же въ моръ. Издѣялъ Богъ фіялъ гнѣва ярости своея на всю русскую землю за расколъ церковный! Да не захотѣли образумица.

Говорилъ прежде мора Нероновъ царю и прорицалъ три пагубы: моръ, мечъ, раздѣленіе. Вся сія збылось во дни наша, а опослѣ и самъ милой принужденъ тремя персты креститца. Таково то попущено дѣйствовати антихристову духу. По Господню реченію, аще возможно ему прельстити и избранныя, и всякъ, мняйся стояти, да блюдется да ся не падеть. Што тово много и говорить! того ради неослабно ища правды, всякъ молися

Христу, а не дряхлою душею о вѣрѣ прилѣжи, такъ не покинетъ Богъ. Писанное внимай—се полагаю въ Сіонѣ камень претыканію и камень соблазну; вси бо не сходящіяся съ нами о немъ претыкаются или соблазняются. Разумѣш ли сіе, камень—Христось, а Сіонъ—церковь, а блзняящіяся похотолюбцы и вси отступницы, временныхъ ради о вѣчномъ не брегуть, просто молвятъ—діаволу волю творять, а о Христовѣ повелѣніи не радятъ. Но аще кто преткнется—о камень сей сокрушится, а на немъ же камень падеть—сотреть его. Внимай-ко гораздо и слушай, что пророкъ говоритъ со апостоломъ: что жорновъ дурака въ муку перемелеть, тогда узнаеть всякъ высокосердечный, какъ скакать по холмамъ, перестанеть, сирѣчь отъ всѣхъ сихъ упразднится. Полно тово.

Наки стану говорить: какъ меня ис Тобольска привезли на Лѣну, а егда въ Енисѣйскъ привезли—другой указъ пришелъ.

Велено въ Дауры вести, тысящъ з дватцеть отъ Москвы и больши будетъ. Отдали меня Афонасію Пашкову: онъ туды воеводою посланъ, и грѣхъ ради моихъ суровъ и безчеловѣченъ человекъ, біеть безпрестанно людей, и мучить, и жжетъ. И я много разговариваль ему, да и самъ въ руки попалъ. А съ Москвы отъ Никона ему приказано мучить меня. Поехали изъ Енисейска. Егда будемъ въ Тунгускѣ рѣкѣ, бурей дощеникъ мой въ воду загрузило: налилса средѣ рѣки полонъ воды, и парусъ изорвало, одны налубы на верху, а то все въ воду ушло. Жена моя робятъ кос-какъ вытаскала на верхъ, а сама ходить простоволоса, въ забытіи ума, а я на небо глядя, кричу: Господи, спаси! Господи, помози! И Вожіею волею прибило къ берегу насъ. Много о томъ говорить! На другомъ дощеникъ двухъ человекъ сорвало и утонули въ водѣ. Оправяся, мы цаки поехали впредь.

Егда приехали на Шаманской порогъ, на встрѣчу намъ приплыли люди, а съ ними двѣ вдовы, — одна лѣтъ въ 60, а другая и болши. Пловуть пострициса въ монастырь. А онъ, Пашковъ, сталъ ихъ ворочать и хочеть замужъ отдать. И я ему сталъ говорить: по правиламъ не подобаеть таковыхъ замужъ давать. Онъ же, осердясь на меня, на другомъ порогѣ сталъ меня изъ дощеника выбивать: еретикъ-де ты: для тебя дощеникъ худо идетъ! поди-де по горамъ, а съ казаками не ходи!

Горе стало! Горы высокія, дебри непроходимыя: утесъ каменной, яко стѣна стоитъ и поглядеть — заламя голову. Въ горахъ тѣхъ обрѣтаются змеи великіе, въ нихъ же витають гуси и утицы. — періе красное; тамо же вороны черныя, а галки сѣрыя, измѣнены при русскихъ итицахъ имѣють періе. Тамо же орлы, и соколы и кречета и курята индійскія, и бабы, и лебеди, и пные дикіи, — многое множество, — итицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляють звѣри дикіе: козы, и олени, и зубри, и лоси, и кабаны, волки и бараны дикіе: во очію нашу, а взять нельзя. На тѣ же горы Пашковъ выбиваль меня со звѣрми витать. И азъ ему малое писанейце написалъ. Спце начало: человекъ, убойся Бога, сѣдищаго на херувимѣхъ и

призрающаго въ бездны, Его же трепещуть небо и земля со человѣки и вся тварь,—токмо ты единъ презираешъ и неудобство къ нему показуешъ. И прочая тамъ многонько писано. А се бегуть человѣкъ съ пятьдесятъ, и взяли мой дощеникъ и помчали къ нему,—версты съ три отъ него стоялъ. Я казакомъ каши съ масломъ наварилъ, да кормлю ихъ и оны, бѣдные, ядятъ и дрожать, а пные плачуть, глядя на меня, жалѣя по мнѣ. Егда дощеникъ привели, взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ же и стоять и дрожитъ, шпагою подпершись. Началъ мнѣ говорить: погъ ли ты, али распонъ? И я отвѣщаль: азъ есмь Аввакумъ протопонъ; что тебѣ дѣло до меня? Онъ же, рыкнувъ, аки дивій звѣрь и ударилъ меня по щокъ и паки по другой, и въ голову еще; и збилъ меня съ ногъ, ухватилъ у слуги своего чеканъ и трижды по спинѣ лежачева зашибъ, и разболочши, по той же спинѣ семьдесятъ два удара кнутомъ. Палачъ бьетъ, а я говорю: Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помогай мнѣ. Да тожь говорю,—такъ ему горко, что не говорю: пощади! Ко всякому удару, Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помогай мнѣ. Да о срединѣ той вскричалъ я: полно бить тово! Такъ онъ велѣлъ перестать, и я промолвилъ ему: за что ты меня бьешь? Вѣдаешь ли? И онъ паки велѣлъ бить по бокамъ. Спустили. Я задрожалъ, да и упалъ. И онъ велѣлъ въ казенной дощеникъ оттащить. Сковали руки и ноги и кинули на беть.

Осень была: дождь на меня шелъ и въ побои и въ ночь. Какъ били, такъ не болно было съ молитвою тою, а лежа на умъ взбрело: за что ты, Сыне Божій, понустилъ таково болно убить тово меня? Я веть за вдовы твои сталъ! Кто дастъ судію между мною и тобою? Когда вороваль, и ты меня такъ не оскорблялъ, а нынѣ не вѣмъ, что согрѣшилъ! Бытто добрый человѣкъ! Другой фарисей, погибельный сынъ, съ г...ною рожею праведникомъ себя наменилъ, да со Владыкою, что Іевъ непорочной на судъ, да Іевъ хотя бъ и грѣшенъ, ино нельзя на него подивить: внѣ закона живый, писанія не разумѣлъ, въ варварской землѣ жпвля; аще и того же рода Авраамля, но поганова колѣна. Внимай: Исаакъ Авраамовичъ роди сквернова Исавъ, Исавъ роди Рагула, Рагуль роди Зара, Зара же праведнаго Іева—вотъ смотри у ково Іеву добру научитца. Всеи прадѣды идолопоклонники и блудники были, но отъ твари Бога уразумѣвъ, живъ праведный непорочно; и въ язвѣ лежа изнесе глаголь отъ недоразумѣнія и простоты сердца: изведый мя изъ чрева матере моея, кто дастъ судію между мною и Тобою, яко тако наказуеши мя; ни азъ презрѣхъ спроты и вдовщцы, отъ острига овецъ моихъ плещи нищихъ одѣвахуся, и сниде Богъ къ нему и прочая. А я таковая же дерзнухъ отъ коего разума? родился въ церквѣ, на законѣ почиваю, писаніемъ ветхаго и новаго закона огражденъ, вождя себя помышляю быти слѣпымъ, а самъ ослѣпъ извнутри; какъ дощеникъ-отъ не погрязъ со мною!

Стало у меня въ тѣ поры кости те щемить, жилы те тянуть, и сердце зашло, а и умирать сталъ. Воды мнѣ въ ротъ плеснули: такъ вдохнулъ,

да покался передъ Владыкою, да и опять перестало все болѣть. На утро кинули меня въ лотку и напередъ повезли. Егда прѣѣхали къ порогу Падуну Большому: рѣка о томъ мѣстѣ шириною съ версту. Три залавка гораздо круты: аще не воротами что поплыветь, ино въ щелы изломаеть. Меня привезли подъ порогъ. Сверху дождь и снѣгъ. На плечахъ одно кафтаншко накинута просто, — льетъ по спинѣ и по брюху вода. Нужно было гораздо. Изъ лотки вытащили, по каменью около порога тово тащили. Да ужъ къ тому не пеняю на Спасителя своего, но Пророкомъ и Апостоломъ утѣшаюся, въ себѣ говоря: сыне, не пренемай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣй, отъ него обличаемъ. Его же любить Богъ, того наказуетъ. Виетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ. Аще наказаніе терпите, тогда яко сыномъ обрѣтается вамъ Богъ. Аще ли безъ наказанія пріобщаетеся ему, то выблядки, а не сынове есте.

Таже привезли въ Брацкой острогъ и кинули въ студеную тюрьму, соломки дали немношко. Сидѣть до Филипова въ студеной башнѣ: тамъ зима въ тѣ поры живеть, да Богъ грѣлъ и безъ платья всяко. Что собачка, въ соломе лежу на брюхе: на синѣ той нельзя было. Коли покормятъ, коли нѣтъ. Есть тово послѣ побой тѣхъ хочеться, да веть су не воля то есть: какъ пожалуютъ, дадутъ; да безчинники ругались надо мною: иногда одново хлѣбца дадутъ, а иногда ветчинки одное не вареной, иногда масла коровья безъ хлѣба же. Я таки что собака, такъ и емъ, не умывался веть, да помолитвую. Караульщики по пяти человекъ одоль стоятъ, щелка на стенѣ была, собачка ко мнѣ по вся дни приходила, да поглядитъ на меня; яко Лазаря во гною у вратѣхъ богатаго пси облизашу гной его, отраду ему чинили, такъ и я со своею собачкою разговоривалъ, а человекы далече окрестъ меня ходятъ и поглядѣтъ на тюрьму не смѣютъ. Мышей много у меня было, я ихъ скуфьею билъ, я батожка не дали; блохъ, да вшей было много. Хотѣлъ на Пашкова кричать: прости! да сила Божія возбранила, велѣно терпѣть. Въ шестую недѣлю послѣ побой перевелъ меня въ теплую избу, и я тутъ с аманатами и съ собаками зимовалъ скванъ, а жена з дѣтми верстъ з двадцеть была сослана отъ меня. Баба ея Ксеенья мучи браня зиму ту тамъ въ мѣстѣ пустомъ. Сынъ Иванъ еще не великъ былъ, прибралъ ко мнѣ побывать послѣ Христова Рожества и Пашковъ велѣлъ кинуть въ студеную тюрьму, гдѣ я прежде сидѣлъ, да и опять велѣлъ к матери протолкать, я сво и не видалъ; приволокъ, руки и ноги ознобилъ.

На весну паки поехали впередъ; все разорено: запасъ, и одежда, и книги все растащено. На Байкаловѣ морѣ паки тонуть, по рѣкѣ по Хилку заставилъ меня ляжку тянуть, зѣло нуженъ ходъ ею былъ, и поестъ нѣколи было, нежели стать; цѣлое лѣто бились противъ воды. Отъ тяготы водиныя въ осень у людей стали и у меня ноги пухнуть, и животъ посинѣтъ, а на другоз лѣто и умирать стали отъ воды. Два лѣта бродилъ въ водѣ, а зимами волочился за волоки, чрезъ хренги; на томъ же Хилке въ

третье тонуль: барку отъ берегу оторвало, людскіе стоятъ, а меня понесло; жена и дѣти остались на берегу, а меня самъ другъ съ кормщикомъ понесло, вода быстрая переворачиваетъ барку вверхъ дномъ и паки полубами, а я на ней ползаю и кричу: Владычице, помози, упованіе, не погрузи! Иное ноги въ водѣ, а иное вышолзу на верхъ; несло съ версту и болши, да переняли; все розмыло до крохи. Изъ воды вышедъ смеюсь, а люди-те охаютъ глядя на меня; платье-то по кустамъ развѣшаютъ; шубы шелковыя и кое-какія бездѣлицы той было много еще въ чемоданахъ, да въ сумахъ, съ тѣхъ поръ все перегнило, наги стали; а Пашковъ меня же хотѣлъ бить: ты-де надъ собою дѣлаешь на смѣхъ. И я су въ кустъ зашедь, ко Богородицѣ припалъ: Владычице моя, Пресвятая Богородице, уйми дурака тово, и такъ спина болитъ! Такъ Богородица свѣтъ и уняла—сталь по мнѣ тужить.

Доехали до Иргеня озера, волокъ тутъ, стали волочитца, а у меня работниковъ отнять; инымъ нанятца не велить, а дѣти были маленьки, таскать не съ кѣмъ. Одинъ бѣдной протопопъ здѣлалъ нарту и зиму всю за волокъ бродилъ. У людей собаки въ подпиряшкахъ, а у меня не было; одинова лишо двухъ сыновъ, маленьки еще были, Иванъ и Прокопей тащили со мною, что кобелки за волокъ нарту. Волокъ — версть со сто — насилу бѣдные и перебрели; а протопопица муку и младенца за плечами на себѣ тащила, а дочь Огрофена брела, да на нарту и взвалилась, и братья ея со мною по маленьку тащили. И смѣхъ и горе, какъ помянутся дніе оны: робята-тѣ изнемогутъ и на снѣгъ повалятся, а мать по кусочку пряничка имъ дастъ и онѣ съѣвши оная ляжку потянутъ; и кое-какъ перебились волокъ, да подъ сосною и жить стали, что Авраамъ у дуба мамврійска. Не пустилъ насъ и въ засѣку Пашковъ, сперва дондеже натѣшилъ, и мы недѣлю, другую мерали подъ сосною съ робятами одни, кромѣ людей на бору, и потомъ въ засѣку пустилъ и указалъ мнѣ мѣсто. Такъ мы съ робятами огородились, балаганецъ здѣлавъ, огонь курили, и какъ до воды домаялись—весною на шлотахъ поплыли на низъ по Ингодѣ рѣкѣ; отъ Тобольска четвертое лѣто. Лѣсъ гнали городской и хоромной, есть стало нѣчева, люди стали мереть зъ голоду и отъ водяныя бродни, рѣка песчаная, засыпная, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большіе, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокіе, огонь, да встряска. Люди голодные, лишо стануть бить, ано и умереть, и безъ битья насилу человекъ дышитъ, съ весны по одному мѣшку солоду дано на десять человекъ на все лѣто, да петь работай, никуды на промыселъ не ходи; и вербы бѣдной въ кашу ущипать збродитъ—и за то палкою по лбу: не ходи мужикъ, умри на работѣ. Шестьсотъ человекъ было, всѣхъ такъ то перестроилъ. Охъ, времени тому, не знаю, какъ умъ у него изступилъ!

Однорятка московская жены моя не згнила, по рускому рублевъ въ полтретьятцеть, а по тамошнему и болши. Даль намъ четыре мешка ржи за нея, а мы с травою перебивались. На Нерче рѣкѣ всѣ люди з голоду

померзли, осталось небольшое мѣсто. По стѣнямъ скитаяся и по лѣсу, траву и кореніе конали, а мы съ ними же, а зимою сосну. Иное кобылятины Богъ дастъ, а иное отъ волковъ пораженныхъ звѣрей кости находилъ,—и что у волка осталось, то мы глодали, а иные и самыхъ озяблыхъ волковъ и лисицъ ели. Два у меня сына въ тѣхъ умерли нуждахъ. Не велики были, да однако дѣтки, пускай ихъ, не гдѣ ся дѣнуть, а, съ прочими скитающеся, наги и босы по горамъ и остроуму каменію траву и кореніемъ перебивались. И самъ я грѣшиной причастенъ мясамъ кобыльимъ и мертвечьимъ по нуждѣ, но помогала намъ по Христъ боярыня воеводская сноха Евдокѣя Кириловна, да жена ево, Афонасьева, Фекла Симоновна. Онѣ намъ отъ смерти, Христа ради, отраду давали тайно, чтобъ онѣ не свѣдалъ,—иногда пришлютъ кусокъ мяса, иногда колобокъ, иногда мучки и овсеца, колко сойдется,—четверть пудика и гривенку другую, а иногда и полпудика и пудикъ передастъ, наконя, а иногда у куровъ корму нагребеть.

И тое великіе нужды было годовъ съ шесть и болши, а въ иные годы Богъ отрадиль, а онѣ, Афонасій, навѣтуя, мнѣ безпрестанно смерть ищеть. Въ той же нуждѣ прислалъ ко мнѣ двѣ вдовы—сѣнныя любимыя его были—Марія да Софья, одержимыя духомъ нечистымъ. Ворожа и колдудя много надъ ними, и видить, яко ничтоже усилваеть, но наче молва бываетъ,—зѣло жестоко ихъ бѣси мучать, кричать и біются,—призвавъ меня, и говоритъ поклоняся: пожалуй, возми ихъ ты и попекися объ нихъ, Бога моля: послушаетъ тебя Богъ. И я ему отвѣщаль: Выше, реку, государь, мѣры прошеніе; но за молитвъ святыхъ отецъ нашихъ вся возможна суть Богу. Взялъ ихъ бѣдныхъ. Простите, Бога ради! Во искусь то на Русь бывало,—человѣка три, четыре бѣшенныхъ въ дому моемъ бывало приведшихъ, и, за молитвъ святыхъ отецъ, исхождаху отъ нихъ бѣси дѣйствомъ и повелѣніемъ Бога живаго и Господа нашего Ісуса Христа Сына Божія—Свѣта. Слезами и водой покроплю, и масломъ помажу, во имя Христова молебная пѣвше. И сила Божія отгоняше отъ человѣкъ бѣсы и здрави бываху, не по моему достоинству, но по вѣрѣ приходящихъ. Древле благодать дѣйствоваше осломъ при Валаамѣ, и при Уліанѣ мученикѣ рысью, а при Сисипіи оленемъ: говорили человѣческимъ гласомъ. Богъ идеже хочетъ, побѣждается естества чинъ. Чти житіе Федора Едесскаго, тамъ обрящши: и блудница мертваго воскресила. Въ Кормчей писано: не всѣхъ Духъ Святыи рукополагаетъ, но всѣми дѣйствуетъ, кромѣ еретика.

Таже привели ко мнѣ бабъ бѣшенныхъ. Я, по обычаю, самъ постился и пмъ не давалъ есть, молебствовалъ и масломъ мазалъ, и, како знаю, дѣйствовалъ. И бабы о Христвѣ целомудны стали. Христось избавиль ихъ бѣдныхъ отъ бѣсовъ. Я ихъ исповѣдалъ и причастилъ. Живутъ у меня и молятся Богу: любятъ меня и домой не идутъ. Свѣдалъ онѣ, что мнѣ учнился дочери духовныя, осердился на меня опять пуци и старова, хотѣлъ меня въ огнѣ жжещи: ты-де вывѣдываешъ мои тайны. А ихъ домой взялъ.

Онъ чайль Христось просто покпнетъ, ано п старова пушп стали бѣсятца. Заперъ ихъ въ пустую избу, ино никому приступу пѣтъ къ нимъ. Призвалъ къ нимъ чернова пона: п онъ въ него полѣниемъ бросають. Я дома плачу, а дѣлатъ не вѣдаю что. И преступить ко двору не смѣю: больно сердить на меня. Тайно послалъ къ нимъ воды святяга, велѣлъ ихъ умыти и напоить: і имъ, бѣднымъ далъ Богъ лехче. Прибтели ко мнѣ сами тайно. И я ихъ помазалъ во имя Христово масломъ: такъ опять стали, далъ Богъ, по старому здоровы и опять домой сошли. Да по ночамъ ко мнѣ прибѣгали Богу молитца. Ну-су, всякъ правовѣрный разсуди прежде Христова суда, какъ было мнѣ ихъ причастить, не исповѣдавъ; а не причастивъ, бѣсовъ совершенно не отгонишь. Я инова оружія на бѣсовъ не имѣю, токмо крестъ Христовъ, и священное масло, и вода святая, да коли сондется, слезъ каню, другую тутъ же прибавлю. А совершенно исцѣленіе бѣсному,—исповѣдаю и причащу тѣла Христова. Такъ даетъ Богъ и здравъ бываетъ. За што было за то гнѣватися! явно въ немъ бѣсъ дѣйствовалъ, навѣтуя ево спасенію, да уже Богъ ево простить.

Постригъ я его и поскимилъ; въ Москвѣ пріѣхавъ, царь мнѣ ево голову выдалъ—Богъ такъ изволилъ. Много о томъ Христу доуки было, да слава о немъ Богу; давалъ мнѣ на Москвѣ и денегъ много, да я не взялъ; мнѣ, реку, спасеніе твое тощно надобно, а не деньги; постригись реку, такъ и Богъ простить. Видить бѣду неминучую, прислалъ ко мнѣ со слезами. Я къ нему на дворъ пришелъ, и онъ палъ предо мною, говоритъ: воленъ Богъ, да ты и со мною. Я, простя ево съ черньцами съ чудовскими, постригъ ево и поскимилъ, а Богъ ему же еще трудовъ прибавилъ, потому доуки моей объ немъ ко Христу было, чтобъ ево къ себѣ присвоилъ. Рука и нога у него же отсохли въ Чудовѣ, ис кельи не исходитъ, да любо мнѣ ильно, чтобъ ево Богъ царствію небесному сподобилъ; докучаю и нынѣ объ немъ, да и надѣюся на Христову милость, чаю помилуетъ насъ съ нимъ бѣдныхъ. Полно тово! стану паки говорить про Даурское бытіе.

Таже съ Неръчи рѣки назадъ возвратился къ Руси. Пять недѣль по льду голому ехали на нартахъ. Мнѣ подъ робяты и подъ рухлишко далъ двѣ клячи; а самъ и протопоица брели пѣши, убивающеса о ледъ. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадми итти не поспѣемъ, голодные и томные люди. Въ иную пору протопоица бѣдная брела, брела, да и повалилась и встать не можетъ. А иной томной же тутъ же взвалился: оба карабкаются, а встать не смогутъ. Опослѣ на меня бѣдная пеняеть: долго-ль, протопопъ, сего мученія будетъ? И я ей сказалъ: Марковна, до самыя до смерти. Она же противъ: добро, Петровичъ, и мы еще побредемъ впередъ.

Курочка у насъ была черненъка, по два яичька на всякъ день приносила. Богъ такъ строилъ робяты на пищу. По грѣхомъ, въ то время везучи на нартѣ, удавили. Ни курочка, ништо—чюдо была, по два яичька на день давала. А не просто намъ и досталась. У боярыни куры всѣ занемогли и

переслѣпли и пропадать стали. Она же, собравъ ихъ въ коробъ, прислала ко мнѣ, велѣла объ нихъ молитца. И я грѣшной молебень пѣлъ, и воду святилъ, и куры кропилъ, и въ лѣсъ сходя, корыто имъ здѣлалъ, и отослалъ паки. Богъ же, по вѣрѣ ея, исцелилъ ихъ. Отъ того то племяни и наша курочка была.

Паки приволоклись на Иргень озеро. Боярыня прислала, пожаловала сковородку ишеницы и мы кутьи наелись. Кормилица моя была боярыня та Евдокья Кириловна, а и съ нею дѣволъ ссорилъ, сице: сынъ у нея былъ Симеонъ, тамъ родился: я молитву давалъ и крестилъ. На всякъ день присылала ко благословенію ко мнѣ: я, крестомъ благословя, и водою покрошю; поцеловавъ его и паки отпущу. Дитя наше здорово и хорошо! Не прилучилося меня дома: занемогъ младенецъ. Смалодушничавъ, она, осердясь на меня, послала робенка къ шептуну мужику. И я, свѣдавъ, осердился же на нея, и межъ нами прѣ велика стала быть. Младенецъ пуци занемогъ: рука и ноги засохли, что батошки. Въ зазоръ пришла; не знаетъ, дѣлать что, а Богъ пуци угнетаетъ. Робеночекъ на кончину пришелъ. Пѣстуны, приходя, плачють ко мнѣ; а я говорю: коли баба лиха, живи же себѣ одна! А ожидаю покаянія ея. Вижу, яко ожесточилъ дѣволъ сердце ея; припалъ ко Владыки, чтобъ образумилъ ея. Господь же, премилостивый Богъ, умягчилъ ниву сердца ея: прислала на утро Иванна сына своего со слезами прощенія просить. Онъ же кланяется, ходя около печи моя. А я на печи нагъ подъ берестомъ лежу; а протопица въ печи; а дѣти кое-гдѣ перебиваются: прилучилось въ дождь; одежды не стало, а зимовье каплетъ,—всяко мотаемся. И я, смпряя, приказываю ей: вели матери прощенія просить у Арефы колдуна. Потомъ и болнова принесли и положили предъ меня, плача и кланяся. Азъ же, воставъ, добылъ въ грязи потрахѣль и масло священное нашедъ. Помоля Бога и покадя, помазалъ масломъ во имя Христова и крестомъ благословилъ. Младенецъ же и здоровъ паки по старому сталъ,—съ рукою и съ ногою, маниемъ божественнымъ. Я, напою водою, и къ матери послалъ. На утро прислала боярыня пироговъ да рыбы. И съ тѣхъ мѣстъ помирились. Выехавъ зъ Дауръ, умерла, миленькая, на Москвѣ: я и погребалъ ея въ Вознесенскомъ монастырѣ. Свѣдалъ про младенца Пашковъ и самъ (она сказала ему). Я къ нему пришелъ. И онъ поклонился низенько мнѣ, а самъ говоритъ: Господь тебѣ воздастъ! Спаси Богъ, что отчески творишь,—не помнишь нашева зла. И въ тотъ день пищи довольно прислалъ.

А послѣ того вскорѣ маленько не сталъ меня пытать. Послушай-ко за что! Отпускалъ онъ сына своего Еремѣя въ Мунгальское царство воевать,—казаковъ съ нимъ 72 человекъ, да тунгусовъ 20 человекъ. И заставилъ иноземца шаманить, сирѣчь гадать, удастся ли имъ походъ и з добычею ли будутъ домой? Волхвъ же той мужикъ, близъ моего зимовья, привелъ живова борана въ вечеръ и учалъ надъ нимъ волхвовать, отвертя голову прочь. И началъ скакать и плясать, и бѣсовъ призывать, крича много. О

землю ударился и пѣна изо рта пошла. Бѣси его давили, а онъ спрашивалъ ихъ: удастся ли походъ? И бѣси сказали: съ побѣдою великою и з богатствомъ большимъ будете назадъ. Охъ, души моей! отъ горести погубилъ овцы своя, забылъ въ Евангеліи писанное, егда Зеведевичи на поселянъ жестокихъ совѣтовали: Господи, аще хоцещи, речевѣ, да огонь снидетъ съ небесе и потребитъ ихъ, яко же и Илія сотвори. Обращъжесе Ісусъ и рече имъ: не вѣста, коего духа еста вы: Сынъ бо Человѣческій не приде душъ человѣческихъ погубити, но спасти. И идоша въ ину весъ. А я окаянной здѣлалъ не такъ. Во хлѣвинѣ своей съ воплемъ Бога молилъ, да не возвратится вспять ни единъ, да же не збудетъ пророчество дѣвольское. И много молился о томъ. И сказали ему, что я молюся такъ: и онъ лише излаялъ въ тѣ поры меня. Отпустилъ сына съ войскомъ. Поѣхали ночью по звѣздамъ. Жаль мнѣ ихъ стало! Видитъ душа моя, что имъ побитымъ быть: а самъ таки молю погибели на нихъ. Иные, приходя ко мнѣ, прощаются, а я говорю имъ: погибнете тамъ! Какъ поехали, такъ лошади подъ ними взоржали вдругъ, и коровы такъ взревѣли, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли: ужасъ напалъ на всѣхъ. Еремѣй прислалъ ко мнѣ вѣсть: чтобъ, батюшко-государь, помолился за меня.

И мнѣ его сильно жаль: другъ мнѣ тайной былъ и страдалъ за меня. Какъ меня отецъ его кнутомъ билъ, сталъ разговаривать отцу: такъ кинулся со шпагой за нимъ. И какъ на другой порогъ пріехали на Падунъ: 40 дощениковъ всѣ въ ворота прошли безъ вреда, а его, Афонасъевъ, дощеникъ снасть добрая была и казаки всѣ шестьсотъ промышляли о немъ, а не могли взвести, — взяла вода силу, — паче же рецци, Богъ наказалъ. Стащило всѣхъ людей въ воду, а дощеникъ на камень бросила вода: черезъ ево лется, а въ него нейдетъ. Чудо, какъ Богъ безумныхъ тѣхъ учитъ! Боярыня въ дощеникъ, а онъ самъ на берегу. Еремѣй сталъ ему говорить: за грѣхъ, батюшко, наказуетъ Богъ! напрасно ты протопопа тово кнутомъ тѣмъ избилъ: пора покаятца, государь! Онъ же рыкнулъ на него, яко звѣрь. І Еремѣй, отклонясь къ соснѣ, прижавъ руки стоя, Господи помилуй! говорить. Пашковъ, ухватя у малова колешчатую пищаль, — николи не жлетъ, — приложась на Еремѣя, спустилъ курокъ: осѣклася и не стрелила пищаль. Онъ же, поправя порохъ, опять спустилъ: и паки осѣклася. Онъ и въ третій разъ сотворилъ такъ же: не стрелила. И онъ и бросилъ на землю ея. Малой, поднявъ, на сторону спустилъ пищаль и выстрелила! А дощеникъ единаче на камени, подъ водою лежитъ. Потомъ Пашковъ сѣлъ на стулъ и шпагою подперся, задумался. А самъ плакать сталъ и, плакавъ, говорилъ: согрѣшилъ, окаянный, — пролилъ невинную кровь! напрасно протопопа билъ: за то меня наказуетъ Богъ! Чудно! По писанію: яко косенъ Богъ во гнѣвъ и скоръ на послушаніе. Дощеникъ самъ, покаянія ради, съ камени сплылъ и сталъ носомъ противъ воды. Потянули: а онъ и взбежалъ на тихое мѣсто. Тогда Пашковъ, сына своего призвавъ,

промовилъ ему: прости барятъ Еремѣй, — правду ты говоришь. Онъ же приступя и поклонился отцу. А мнѣ сказывалъ дощепка ево кормщикъ, Григорѣй Телной тутъ былъ. Зри, не страдалъ-ли Еремѣй ради меня? Паче же ради Христа, внимай.

Паки на первое возвратимся; Поехали на войну. Жаль мнѣ стало Еремѣя! Сталъ Владыкѣ докучать, чтобъ ево поцадилъ. Ждали ихъ и не бывали на срокъ. А въ тѣ поры Пашковъ меня къ себѣ и на глаза не пускалъ! Во единъ отъ двей учредилъ застѣнокъ и огонь росклатъ — хотеть меня пытать. Я, свѣдавъ, ко исходу души и молитвы проговорилъ: вѣдаю стряпанье ево — послѣ огня тово мало у него житье. А самъ жду по себя и, сидя, женѣ плачущей и дѣтямъ говорю: воля Господня да будетъ! Аще живемъ, Господеви живемъ; аще умираемъ, Господеви умираемъ. А се и бегутъ по меня два палача. Чюдно! Еремѣй самъ другъ дорошкою идетъ мимо пзбы моея. И ихъ вскрикать и воротилъ, Пашковъ же, оставя застѣнокъ, къ сыну своему съ кручины, яко пьяной пришелъ. Таже Еремѣй со отцомъ своимъ, поклоняся, вся подробну росказалъ: какъ безъ остатку войско побили у него, и какъ его увелъ иноземецъ пустынь мѣстомъ раненова отъ мунгальскихъ людей, и какъ по каменнымъ горамъ въ лесу семь дней блудилъ, не ядше, — одну бѣлку съель, — и какъ моимъ образомъ человекъ ему явился, во свѣ благословилъ, и путь указалъ, въ которую сторону итти. Онъ же, вскочя, обрадовался и выбрелъ на путь. Егда отцу рассказываетъ, а я въ то время пришелъ поклонился имъ. Пашковъ же, возведъ очи свои на меня, вздохня, говоритъ: такъ-то ты дѣлаешь! людей тѣхъ столько погубилъ! А Еремѣй мнѣ говоритъ: батюшко! подя, государь, домою! И я пошелъ.

Десять лѣтъ онъ меня мучилъ, или я ево — Богъ разбереть. Пережѣна ему пришла, и мнѣ грамота пришла: велѣно ехать на Русь. Онъ поехалъ, а меня не взялъ съ собою, умышлялъ во умѣ, чаялъ, меня безъ него и не вынесетъ Богъ, а се и самъ я убоился съ нимъ плыть на поѣздѣ; говориль — здѣсь де земля не взяла, на дороге де вода у меня прибереть; съ среди моря бы велѣлъ съ судна пехнуть, а сказалъ бы, бытто самъ ввалился; того ради и самъ я съ нимъ не порадѣлъ; онъ въ дощеникахъ поплылъ съ людьми и съ ружьемъ, а я мѣсяцъ спустя послѣ ево набралъ старыхъ, и раненыхъ и больныхъ, коп тамъ негодны, человекъ з десятокъ, да я съ семьею — семнатцетъ человекъ, въ лотку сѣдше, уповая на Христа и крестъ поставя на носу, поехали ничего не боясь; а во иную пору и боялись, человекы бо есмы, да гдѣ же стало дѣтца. Однако смерть бывало то и на Павла апостола; самъ о себѣ свидѣтельствуеетъ сице: «внутрь убо страхъ, а внѣ убо боязнь», а въ мномя мѣсты: «уже бо де не надѣяхомся и живи быти, но Господь избавилъ мя есть и избавляетъ». Такъ то и наша бѣдность: аще не Господь помогаль бы, въ малѣ, вселися бы во адъ душа моя. И Давидъ глаголетъ: яко аще не бы Господь въ насъ, внигда востати человекомъ на ны, убо живы пожерли быша насъ, но Господь всяко изба-

вить мя есть и до нынѣ избавляетъ, мотаюсь, яко плевель посредѣ пшеницы, посредѣ добрыхъ людей, а индѣ посредѣ волковъ, яко овечка, или посредѣ псовъ, яко заяцъ, всяко перебиваюсь о Христѣ Ісусѣ; но грызутся еретики, что собаки, а безъ Божіи воли проглотити не могутъ; да воля Господня—что Богъ дастъ, то и будетъ. Безъ смерти и мы не будемъ; надобно бы что доброе то здѣлать, и с чѣмъ бы появится предъ Владыку, а то умремъ всяко.

Полно о семь. Егда поехали изъ Дауръ, кормчію книгу прикащику далъ и онъ мнѣ мужика кормщика далъ. Прикащикъ же далъ мучьки гривенокъ съ тритцетъ, да коровку, да овечекъ. Мясо иссуша и плѣвучи, тѣмъ лѣто питалсь. Стало нищи скудать, и мы зъ братьею Бога помолили. И Христосъ намъ далъ изубря, болшова звѣря,—тѣмъ и до Байкалова моря доплыли. У моря русскихъ людей наехали,—рыбу промышляютъ и соболи. Ради намъ миленькіе. Терентьюшко зъ братьею, упокая насъ, всево надавали много. Лотку починя и шарусъ скропавъ, пошли чрезъ море. Окинула насъ на морѣ погода, и мы гребми перегреблися: не больно широко о томъ мѣстѣ, или со сто, или съ восьмьдесятъ верстъ. Чѣмъ къ берегу пристали, востала буря вѣтренная. Насилу и на берегу мѣсто обрѣли отъ волнъ восходящихъ. Около его горы высокія, утесы каменныя и зѣло высокія,—дватцетъ тысящъ верстъ и болши волочился, а не видаль нигдѣ такихъ горъ! На верху ихъ палатки и повалуши, врата и столпы, и ограда—все богодѣланное. Чеснокъ на нихъ и лукъ растетъ болши романовскаго и слатокъ добръ. Тамъ же растутъ и коноши богорасленные, а въ дворахъ травы красны, и цвѣтны и благовонны зѣло. Птицъ зѣло много,—гусей и лебедей; по морю, яко снѣгъ, плаваеть. Рыба въ немъ—осетры и таймени, стерляди, омули, и сига, и прочихъ родовъ много. И зѣло жирна гораздо—на сковородѣ жарить нельзя осетрины: все жиръ будетъ. Вода прѣсная, а неры и заиды великіе въ немъ—во акіанѣ, на Мезени живучи, такихъ не видаль. А все то у Христа надѣлано человекъ ради, чтобъ упокоятся, хвалу Богу воздавалъ. А человекъ, суетъ которой уподобится, діе его, яко снѣгъ, преходять; скачетъ, яко козель; раздуваеться, яко пузырь; гнѣваеться, яко рысь; съестъ хочеть, яко змія; ржетъ, зря на чужую красоту, яко жребя; лукавствуетъ, яко бѣсъ; насыщаяся певоздержно, безъ правила спить, Бога не молитъ; покаяніе отлагаеть на старость, и потомъ исчезаетъ и невѣмъ, камо отходитъ: или во свѣтъ, или во тму,—день судный явить коеждо. Простите мя: азъ согрѣшилъ паче всѣхъ человекъ.

Таже въ рускіе грады приплыли. Въ Енисейске зимоваль и, плынше лѣто, въ Тобольске зимоваль. Грѣхъ ради нашихъ, война въ то время въ Сибири была и на Оби реке предо мною нашихъ человекъ зъ дватцетъ иноземцы побили. А и я у нихъ былъ въ рукахъ. Подержавъ у берега, да и отпустили: Богъ изволилъ. Паки на Иртыше скопомъ стоятъ иноземцы: ждуть березовскихъ нашихъ побити. А я къ нимъ и привалилъ къ берегу. Онѣ меня и онступили. И я, не судна вышедъ, съ ними кланяясь, говорю:

Христось съ нами уставися. Варвари же Христа ради умягчилися и ничево мнѣ зла не сотворили: Богъ тако изволилъ. Торговали со мною и отпустили меня мирно. Я, въ Tobолскъ пріѣхавъ, сказываю: и люди всѣ дивятся.

Потомъ и къ Москвѣ пріѣхалъ. Три года изъ Дауръ ехалъ, а туды пять лѣтъ волокъся противъ воды на востокъ: все ехалъ промежду ордъ и жилищъ иноземскихъ. И назадъ и впредь едучи, по градамъ, и по селамъ, и въ пустыхъ мѣстахъ слово Божіе проповѣдалъ и не обинуяся обличалъ никоніанскую ересь, свидѣтельствую истину и правую вѣру о Христѣ Ісусѣ. Егда же къ Москвѣ пріѣхалъ, государь велѣлъ поставить меня къ рукѣ и слова милостивыя были. Казалось, что въ правду говорено было: здорово ли де, протопопъ, живешь? Еще де велѣлъ Богъ видатца. И я сопротивъ того рекъ: молитвами святыхъ отецъ нашихъ еще живъ, грѣшникъ. Дай Господи, ты царь-государь, здравъ былъ на многа лѣта. И поцеловалъ руку, пожалъ въ рукахъ своихъ, да же бы и впредь меня помнилъ. Онъ же вздохнулъ и иное говорилъ кое-што. И велѣлъ меня поставить въ Кремлѣ на монастырское подворье. Въ походъ ходя мимо двора моего, благословляяся и кланяяся со мною, самъ о здоровье меня спрашивалъ часто. Въ иную пору миленькій и шапку уронилъ поклоняся со мною. И давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ, и въ духовники звали, чтобъ я съ ними въ вѣрѣ соединился. Азъ же вся сія, Христа ради, вмѣнилъ яко уметы, поминая смерть, яко вся сія мимо идетъ.

А се мнѣ въ Tobолске въ тонце снѣ страшно возвѣщено было. Ходилъ въ церковь болшую и смотрилъ въ олтарь у нихъ дѣйства, какъ просвиры вынимають, что тараканы просвиру испилють. И я имъ говорилъ отъ писанія и ругался ихъ бездѣлю. А егда привыкъ ходить, такъ и говорить пересталъ, — что жаломъ ужалило: молчать было захотѣлъ. Въ царевнины именины отъ заутрени пришедъ, взвалился. Такъ мнѣ сказано: «аль-де и ты по толикѣхъ бѣдахъ и напастѣхъ единяешься съ ними! Блюдися, да не полма растесанъ будешь». Я вскочилъ въ ужасѣ велицѣ и палъ предъ иконою. Говорю: Господи, не стану ходить, гдѣ по новому покутъ. Да и не пошелъ къ обѣднѣ къ той церквѣ. Къ инымъ ходилъ церквамъ, гдѣ православное пѣніе, и народы училъ, обличая ихъ злобѣсовное и прелестное мудрованіе!

Да я жъ еще, егда былъ въ Даурахъ, на рыбной промыслъ къ дѣтямъ шелъ по льду, зимой по озеру бѣжалъ на базлукахъ: тамъ снѣгу не живеть, — тамъ морозы велики и льды толсты, — близко человекъ намерзають. Среди озера стало. Воды не знаю, гдѣ взять; отъ жажды итти не могу; озеро вереть съ восемь; до людей далеко. Бреду потихоньку, а самъ, взирая на небо, говорю: Господи, источникъ Израилю, въ пустыни жаждущему, воду, тогда и днесъ, Ты же напои меня, ими же вѣси судбами. Простите Бога ради! затрещалъ ледъ, яко громъ, предо мною. На высоту стало кидать, и яко рѣка разступился сюду и сюду, и паки снидеса въ мѣсто, и бысть гора льду велика. А мнѣ оставилъ Богъ пролубку. И дондеже строе-

ніе Божіе бысть, азъ на востокъ кланялся Богу, и со слезами припалъ къ пролубке и напился воды до сыта. Потомъ и пролубка содвинулась. И я, воставши и поклоняся Господеви, паки побѣжалъ по льду, куда мнѣ надобе къ дѣтямъ. И мнѣ столько забывать много для прелести сего вѣка. На первое возвратимся.

Видятъ онѣ, что я не соединяюся съ ними. Приказалъ государь уговаривать меня Стрешневу Родіону, окольникему. И я потѣшилъ ево: царь то есть отъ Бога учиненъ. Помолчалъ маленько,—такъ меня поманиваютъ: денегъ мнѣ десять рублевъ отъ царя милостыни, отъ царицы десять же рублевъ, отъ Лукіяна духовника десять рублевъ, а старой другъ—Феодоромъ зовутъ Михаиловичъ Ртищевъ—тотъ и 60 рублевъ, горкая сиротина далъ; Родіонъ Стрешневъ 10 же рублевъ, Прокопей Кузмичь Елизаровъ 10 же рублей. Всѣ глядятъ, всѣ добры, всякой бояринъ въ гости зоветъ. Тако же и власти, пестрые и черные,—кормъ ко мнѣ везуть да тащуть: полну клѣтъ наволокли. Да мнѣ же сказано было, съ Симеонова дни на печатной дворъ хотѣли посадить. Тутъ было душа моя возжелала да дьяволь не пустилъ.

Помолчалъ я немного, да вижу, что неладно колесница течеть; одержалъ ее сице, написавъ, подалъ царю: царь государь и прочая, какъ ведется, подобаеть ти пастыря смиренномудра матери нашей общей—церкви взыскать, а не просто смиренна и потаковника ересемъ. Таковыхъ же надобно избирать во епископство и прочихъ властей. Бодрствуй, государь, а не дремли, понеже супостатъ дьяволь хочеть царство твое проглотить; да тамъ многонько написано было. Спина у меня въ то время заболѣла, не смогъ самъ выбрестъ и подать выслалъ на переѣздъ съ Феодоромъ юридымъ. Онъ же дерзо къ корѣте приступилъ и кромѣ царя письма не далъ никому; самъ у него, протяня руку ис кореты, доставалъ, да въ тѣснотѣ людской не досталъ. Осердясь велѣлъ Феодора взять и совсѣмъ подѣ Красное крыльцо посадить; потомъ, къ обѣднѣ пришедь, велѣлъ Феодора къ церкви привести и взялъ у него письмо, велѣлъ его отпустить. Онъ же покойникъ побывалъ у меня, сказалъ—царь де тебя зоветъ, да и меня въ церковь потащилъ; пришедь предѣ царя сталъ предѣ нимъ юродствомъ шаловать, такъ ево велѣлъ въ Чюдовъ отвести. Я предѣ царемъ стою, поклоняся на него гляжу, ничего не говорю, а царь мнѣ поклоняся, на меня стоя глядитъ, ничего жъ не говоритъ, да такъ и разошлись; съ тѣхъ поръ и дружбы только, онъ на меня за письмо кручиненъ сталъ, а я осердился же за то, что Феодора моего подѣ начало послалъ; да и комнатные на меня жъ: «ты не слушаешь царя», да и власти на меня жъ: «ты насъ оглашаешь царю и въ писмѣ своемъ бранишь и людей учишь къ церквамъ, къ ибѣнию нашему не ходить». Ди оиать стали думать въ ссылку меня послать. Феодора сковали въ Чюдове монастыре, Божією волею и желѣза разсыпалися на ногахъ. Онъ же влѣзъ послѣ хлѣбовъ въ жаркую печь, на голомъ гузнѣ ползая на полу—крохи побиралъ. Чернцы же видѣвъ бѣгше, архимариту

сказали, что нынѣ Павелъ митрополить, онъ же и царю пзвѣстил; царь, пришедь въ монастырь, честно Феодора приказаль отпустить: гдѣ хочеть, тамъ и живетъ. Онъ ко мнѣ и пришелъ. Я ево отвелъ къ дочери своей духовной, къ боярыньѣ къ Федосьи Морозовѣ жить.

Таже меня въ ссылку сослали на Мезень; надавали было добрые люди кое чево, все осталось тутъ, токмо з женою и дѣтьми повезли; а я по городамъ паки ихъ, пестрообразныхъ звѣрей, обличал, привезли на Мезень и полтора года державъ, паки одново къ Москвѣ поволокли. Токмо два сына со мною съехали, а прочія на Мезень остались вси. И привезше къ Москвѣ, подержавъ отвезли въ Паонутьевъ монастырь. И туды присылка была, тожь, да тожь говорятъ: долго ли тебѣ мучить насъ?—соединись съ нами. Я отрицаюся что отъ бѣсовъ, а онѣ дѣзуть въ глаза; скаску цмъ тутъ написалъ з болшою укоризною и бранью и послалъ съ посланникомъ ихъ. Козма дьяконъ ярославской пріежжалъ съ подъячимъ патриарша двора. Козма то не знаю, коего духа человекъ: въ явѣ уговариваетъ меня, а втай подкрѣпляетъ, сице говоря: протопопъ, не отступай ты старова тово благочестія! Великъ ты будешь у Христа человекъ, какъ до конца потерпишь! Не гляди ты на насъ, что погибаемъ мы! И я ему говорилъ, чтобъ онъ паки приступилъ ко Христу. И онъ говоритъ: нельзя, Никонъ опуталь меня! Просто молвить: отрекся предъ Никономъ Христа, какъ уже, бѣдной, не сможетъ встать. Я, заплакавъ, благословилъ ево, горюна: болши тово нечево мнѣ дѣлать; то вѣдаетъ съ нимъ Богъ.

Таже державъ меня въ Паонутьевѣ на чеи десять недѣль, опять въ Москвѣ свезли томнова человекъ, посадя на старую лошадь, приставъ созади—побивай, да побивай; иное вверхъ ногами лошадь въ грязи упадетъ, а я черезъ голову, и днемъ однимъ перемчали девяносто верстъ, еле живъ дотащился до Москвы. На утро ввели меня въ крестовую, и стязався власти со мною много, потомъ ввели въ соборную церковь; по херувимской въ обѣдню, стригли и проклинали меня, а я сопротивно ихъ, враговъ Божіихъ, проклиналъ, послѣ меня въ ту же обѣдню и дьякона Феодора стригли и проклинали,—мятежно силно въ обѣдню ту было. И подержавъ на патриарховѣ дворѣ, вывели меня ночью къ спальному крыльцу, голова досмотрилъ и послалъ въ тайнишныя водяныя ворота; я чайлъ, въ рѣку посадятъ, ано отъ тайныхъ дѣлъ пишъ антихристовъ стоитъ. Дементей Башмаковъ дожидается меня, учаль мнѣ говорить: «протопопъ, велѣлъ тебѣ государь сказать: не бойся ты никоно, надѣйся на меня». И я ему поклонясь,—а самъ говорю: челомъ, реку, бью на ево жалованье, какая онъ надежа мнѣ! надежа моя Христось! Да и повели меня по мосту за рѣку; я идучи говорю: не надѣйтесь на князя, на сыны человеческія—въ нихъ же нѣсть спасенія п прочая.

Таже полуголова Осипъ Саловъ со стрельцами повезъ меня къ Николѣ на Угрѣшу въ монастырь; посмотрю, ано предо мною и дьякона тащатъ, везли болотами, а не дорогою до монастыря, и привезше въ полатку сту-

деную надъ ледникомъ посадили, и прочихъ—дьякона и попа Никиту Суздальскаго въ полаткахъ во иныхъ посадили, и стрельцовъ челоѣкъ з дватцеть съ полуголовою стояли. Я сидѣлъ семнатцеть недѣль, а онѣ, бѣдныя, изнемогли и повинились, сидя пятнадцать недѣль; такъ ихъ въ Москву взяли опять, а меня паки въ Паонутьевъ перевезли и тамъ въ полатке сковавъ держали близко з годъ.

А какъ на Угрѣше былъ, тамо и царь приходилъ, и посмотря около полатки вздыхая, а ко мнѣ не вошелъ; и дорогу было приготовили, насыпали песку, да подумалъ, подумалъ, да и не вошел, полуголову взять, и съ нимъ кое што говоря про меня, да и поехалъ домой. Кажется, и жалъ ему меня, да видить Богу уш-то надобно такъ. Опослѣ и Воротынскоя князь Ивана в монастырь прѣзжалъ и просился ко мнѣ, такъ не смѣли пуститъ; денегъ бѣдной громаду въ листу подавалъ и денегъ не приняли. Послѣ въ другое лѣто на Паонутьевѣ подворье, въ Москвѣ я скованъ сидѣлъ, такъ онъ ехалъ въ корѣте нарокомъ мимо меня, и благословилъ я ево миленькова. И всѣ бояря те добры до меня, да дьяволъ лихъ. Хованскова князь Ивана и батогами за благочестіе били вверху, а дочь ту мою духовную, Θεодосью Морозову и совсѣмъ разорили, и сына ея, Ивана Глѣбовича уморили, и сестру ея, княгиню Евдокью Прокопьевну, дочь же мою духовную съ мужемъ и з дѣтьми бивше розвели, и нынѣ мучать всѣхъ, не ведягъ вѣровать въ старова Сына Вожія Снаса Христа, но къ новому богу антихристу зовуть. Послушай ихъ, кому охота жупела и огня, соединись съ ними въ преисподніи ада. Полно тово.

Въ Никольскомъ же монастырѣ мнѣ было в полатке въ Вознесеневъ день Божіе присѣщеніе; въ царевѣ посланіи писано о томъ—тамо обрящяши. А егда меня свезли въ Паонутьевъ монастырь, тутъ келарь Никодимъ сперва до меня былъ добръ въ первомъ году, а въ другой привозъ ожесточалъ горюнь, задушилъ было меня, заваялъ и окошка и дверь, и дыму нѣгдѣ было итти,—тошнѣ мнѣ было земляныя тюрьмы: гдѣ сижу и емъ, тутъ и ветхая вся с...ніе и с...ніе; прокурить откутають, да и опять задушать. Доброй челоѣкъ, дворянинъ другъ, Иваномъ зовуть, Богдановичъ Камынинъ (вкладчикъ въ монастырѣ) и ко мнѣ зашелъ, да на келаря покричалъ, и лубье, и все безъ указу разломалъ, такъ мнѣ съ тѣхъ поръ окошко стало и отдухъ. Да что на него келаря дивить—всѣ перепилися табаку тово, что у Газскаго митрополита 60 пудъ выняли на послѣдокъ, да дому, да иные монастырскіе тайныя вещи, что игравше творять. Согрѣшилъ,—простите, не мое то дѣло: то вѣдають онѣ, своему владыке стоять или падаютъ. То у нихъ были законоучителіе и любимые руторы.

У сего же я Никодима келаря на великъ день попросился для праздника отдохнуть, чтобъ велѣлъ, двери отворя, посидѣть. И онъ меня, наругавъ, отказалъ жестоко, какъ захотѣлось ему. Таже пришедъ въ кѣлью, разболѣлся: и масломъ соборовали и причащали: тогда, сегда дохнетъ. То было въ понедѣльникъ свѣтлой. Въ ночь же ту противъ вторника пришедъ

ко мнѣ съ Тимофеемъ келейникомъ своимъ, онъ келарь, идучи въ темницу, говорить: «блаженна обитель, блаженна и темница, таковыхъ имѣеть въ себѣ страдальцовъ! Блаженны и юзы!» И пагъ предо мною, ухватился за чепъ, говорить: прости, Господа ради, прости! Согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою; оскорбилъ тебя, — и за сіе наказалъ меня Богъ. И я говорю: какъ наказалъ? повѣждь ми. И онъ паки: а ты де самъ, приходи и покуда, меня пожаловалъ, поднялъ, что де запираешься! Ризы де на тебѣ свѣтло-блещащіяся и зѣло красны были! А келейникъ ево, тутъ же стоя, говоритъ: Я, батюшко — государь, тебя подъ руку велъ, ис кельи провода, и поклонился тебѣ. И я, уразумѣвъ, сталъ ему говорить, чтобъ онъ инымъ людямъ не сказывалъ про сіе. Онъ же со мною спрашивался, какъ ему жить впредь по Христу, иль де мнѣ велишь покинуть все и въ пустыню пойти. И я ево понаказалъ, не велѣлъ ему келарства покидать, токмо бы, хотя втайнѣ, старое благочестіе держалъ. Онъ же, поклоняся отъиде къ себѣ, а на утро за трапезою всей братѣ сказалъ. Людіе же безстрашно и дерзновенно ко мнѣ побрели, благословенія просяще и молитвы отъ меня; а я ихъ словомъ Божиимъ ползую и учю. Въ то время и враги кои были, и тѣ тутъ примирились. Увы мнѣ! Коли оставлю суетный сей вѣкъ! Писано: горе ему же рекутъ добръ вси челоувѣци. Во истинну не знаю, какъ до краю доживать. Добрыхъ дѣлъ нѣтъ, а прославилъ Богъ! Да то вѣдаетъ Онъ, — воля Ево!

Тутъ же приѣзжалъ и Феодоръ покойникъ з дѣтьми ко мнѣ побывать, и спрашивался со мной, какъ ему жить, — въ рубашке ль де ходить, али платье вдѣтъ; еретики де ищутъ меня. Былъ-де я на Резани у архіепископа Ларіона, скованъ сидѣлъ, и зѣло де жестоко мучили меня. Рѣткой день плетъми не бивше пройдетъ, а нудили де къ причастію своему; и я де уже изнемогъ и не вѣдаю, что сотворю. Въ ноци з горестію великою молихся Христу, да же бы меня избавилъ отъ нихъ. И всяко много стужалъ. А се де, чепъ вдругъ грянула съ меня и двери де отворились. Я де, Богу поклоняся, и побрелъ, ис полаты вонъ, къ воротамъ пришелъ, ано и ворота отворены! Я де и управился путемъ; къ свѣту де ужъ далеконько дорогою бреду, а се двое на лошадахъ погонею за мною бегутъ! Я де таки подле стороны дороги бреду: онъ ее и пробѣжали меня. А се де розсвѣтало. Едутъ противъ меня назадъ, а сами меня бранятъ: ушелъ де, блядинъ сынъ! гдѣ де ево возмѣшъ? Да опять де проехали, не видали меня. Я де помаленьку и къ Москвѣ прибѣлъ. Какъ нынѣ мнѣ велишь: туды ль де паки мучитца итти или де здѣсь таятца отъ нихъ? Какъ бы де Бога не прогнѣвять? Я, подумавъ, велѣлъ ему платье носить и посредѣ людей таяся жить. А однако не утаилъ: нашелъ дьяволъ и въ платье и велѣлъ задавить. Миленкой мой, храбрый воинъ Христовъ былъ. Зѣло вѣра и ревность тепла ко Христу была; не видалъ инова подвижника и слезоточца такова. Поклоновъ тысящу откладеть, да сядеть на полу, и плачетъ часа два или три! Жилъ со мной лѣто въ одной избѣ. Бывало, покою не дастъ. Мнѣ еще не моглось въ то время, въ комнаткѣ двое насъ. И много — часа

три полежить, да и встанетъ на правило. Я лежу или сплю, а онъ, молясь и плачючи, приступитъ ко мнѣ и станетъ говорить: какъ тебѣ сороманѣтъ? Ветъ ты протопопъ. Чемъ было тебѣ насъ понуждать, а ты и самъ лѣнивъ! Да и роскачаетъ меня. Онъ кланяется за меня и я, спдя, молитвы говорю: спина у меня болѣла гораздо. Онъ и самъ, миленкой, скорбенъ былъ: черевъ изъ него вышло три аршина, а въ другой рядъ пять аршинъ—отъ тяготы земныя и отъ побой. Бродилъ въ одной рубашке и босикомъ, на Устюге годовъ съ пять зѣло велику нужду терпѣлъ отъ мраза и отъ побой. Сказывалъ мнѣ: ногами теми, что коченіемъ мералымъ, по каменію де тому бью, а какъ де въ тепло войду, зѣло рветъ и болитъ, какъ сперва учалъ странствовать, а се де лехче, да не стало и болѣть. Отець у него въ Новѣгородѣ богатъ гораздо, сказывалъ мнѣ, мытоимецъ де, Феодоромъ же зовутъ, а онъ уроженецъ Мезеньской, и баба у него, и дядя и вся родня на Мезени. Богъ изволилъ и удавили его на висѣлице отступники у родни на Мезени. И уродствовать тово какъ обѣщался Богу, да солгалъ—такъ моремъ ездилъ на ладѣ къ городу съ Мезени, и погодою било насъ, и не вѣдаю какъ упалъ в море, а ногами зацепился за петлю и долго висѣлъ голова въ водѣ, а ноги вверху. И на умъ взбрело обѣщаніе: яко не солгу, аще от потопленія мя Богъ избавитъ, и не вѣмъ, кто силенъ бы пехнуть меня изъ воды на полубы,—съ тѣхъ мѣстъ сталъ странствовать. Домой пріехавъ, житіе свое дѣвствомъ прошелъ, Богъ изволилъ. Многіе борьбы блудныя бывали, да всяко сохранилъ Владыко; слава Богу о немъ, и умеръ за христіанскую вѣру! Добро онъ скончалъ свой подвигъ.

Какъ то еще мы до пристанища доедемъ? Во глубинѣ еще плоемъ, берегу не видѣтъ, грести надобно прилежно, чтобъ здорово за дружиною въ пристанище достигнуть. Старецъ, не ставемъ много спать: дьяволъ около темницъ нашихъ бодро зѣло ходитъ, хочеться ему насъ гораздо, да силенъ Христосъ и насъ не покинуть. Я дьявола не боюсь, боюсь Господа своего Творца и Содѣтеля и Владыки; а дьяволъ—какая диковина, чово ево боятца! Боятца подобаетъ Бога и заповѣди его соблюдать, такъ и мы со Христомъ ладно до пристанища доедемъ.

И Аeonасій уродивый крѣпко же житѣе проходилъ покойникъ, сынъ же мнѣ бысть духовной, во иноцѣхъ Авраамій, ревнивъ же о Христѣ и сей былъ гораздо, но нравомъ Феодора смиреннѣе. Слезъ рѣка же отъ очію истекла, такъ же босъ и въ одной рубашки ходилъ зиму и лѣту, и много же терпѣлъ дождя и мраза, постригшися и въ пустыни пожилъ, да отступники и тово много муча и сожгли въ огнѣ на Москвѣ на болотѣ; пускай ево испекли—хлѣбъ сладокъ Святѣй Троицѣ. Навель Крутицкой за бороду ево дралъ и по щокамъ билъ своими руками, а онъ не тиха писаніемъ обличалъ ихъ отступленіе; таже и плетьми били и муча всяко кончали въ огнѣ за старую нашу христіанскую вѣру; онъ же скончался о Христѣ Ісусѣ, послѣ Феодорова удавленія два года сиустя.

И Лука Лаврентіевичъ, сынъ же мнѣ былъ духовной—что на Мезени— вмѣстѣ съ Феодоромъ удавили тѣ же отступники на виселице повѣся; смиренъ нравъ имѣлъ покойникъ: говорилъ, яко плакалъ, Москвитянинъ родомъ, у матери вдовы сынъ былъ одиночный, сапожникъ чиномъ, молодѣтѣтъ—годовъ въ полтретьятцеть, да умъ столѣтень; когда вопроса его Пилать, — «какъ ты мужикъ креститься?» — онъ же отвѣща: «какъ батюшка мой, протопопъ Аввакумъ, такъ и я крещуся». И много говоря, предаде его въ темницу, потомъ съ Москвы указали удавить, такъ же что и Феодора на висѣлице повѣся; онъ же и скончался о Христвѣ Ісусѣ.

Милые мои, сердечные друзья, помогайте и намъ бѣднымъ молитвами своими, даже бы и намъ о Христе подвиговъ сей мирно скончати. Полно мнѣ про дѣтей тѣхъ говорить, стану про себя сказывать. Какъ ис Паонутьева монастыря привезли меня къ Москвѣ и, на подворье поставя, многогажды водили въ Чюдоевъ, грызлися, что собаки, со мною власти. Таже передъ вселенскихъ привели меня патріарховъ, и всѣ тутъ же сидятъ, что лисы. Много отъ писанія говорилъ съ патріархами: Богъ отверзъ уста мои грѣшныя, и посрамилъ ихъ Христосъ устами моими. Последнее слово со мною говорили: что ты де упрямъ, Аввакумъ! вся де наша Палестина, и серби, и албанасы, и волохи, и римляне, и ляхи,—всѣ де тремя персты крестятся, одинъ де ты стоишь во своемъ упорствѣ и крестисся пятью персты! такъ де не подобаетъ. И я имъ отвѣщаль о Христе сице: Вселенскіи учителя! Римъ давно упалъ и лежитъ невсклонно, а ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ. А у васъ православіе пестро стало отъ насилія турскаго Магмета, да и дивить на васъ нельзя: немощни есте стали. И впредь приезжайте къ намъ учитца: у насъ Божіею благодатію самодержество. До Никона отступника у нашихъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно, и церковь была немятежна. Никонъ волкъ со дьяволомъ предали тремя персты креститца; а первые наши пастыри, яко же сами пятію персты крестились, тако же пятію персты и благословляли по преданію Святыхъ Отецъ: Мелетія Антиохійскаго, и Феодорита Блаженнаго, Петра Дамаскина и Максима Грека. Еще же и Московскій помѣстный бывшій соборъ при царѣ Иванѣ такъ же слагати персты, и креститися и благословляти повелѣваетъ, яко же и прежніи святіи отцы; Мелетій и прочіи, научиша. Тогда при царѣ Иванѣ на соборѣ быша и знаменосцы: Гурій, Смоленскій епископъ, и Варсанофій Тверскій, иже и быша Казанскіе чудотворцы, и Филиппъ, Соловецкій игумень, иже и митрополитъ Московской, и иные отъ святыхъ русскихъ. И патріарси, выслушавъ, задумалися; а наши, что волчонки, вскоча, завывли и блевать стали на отцовъ своихъ, говоря: глупы де были и не смыслили наши святые: неучоны люди были и грамотѣ не умѣли,—чему де имъ вѣрять? О, Боже Святый! Како претерпѣ святыхъ своихъ толикая досажденія! Мнѣ бѣдному горко, а дѣлать нечево стало. Побранилъ ихъ, колько могъ, и послѣднее рекъ слово: чистъ есмь азъ и прахъ прилѣпшій

отъ ногъ своихъ оттрясаю предъ вами, по писанному: лутче единъ творяй волю Божію, нежели тмы беззаконныхъ! Такъ на меня и пуще закричали: возми, возми его—всѣхъ насъ обезчестить. Да толкать и бить меня стали; и патріархи сами на меня бросились грудю: человѣкъ ихъ съ сорокъ, чаю, было. Всѣ кричатъ, что татарова. Ухватилъ дьякъ Иванъ Уаровъ, да и потащилъ. И я закричалъ: постой, не бейте! Такъ онъ всѣ отскочили. И я толмачю архимариту Денису сталъ говорить: говори, Денисъ, патріархамъ: апостолъ Павелъ пишетъ: таковъ намъ подобаше архіерей, преподобенъ, незлобивъ и прочая; а вы, убивше человѣка неповинна, какъ литоргисать станете? Такъ онъ сѣли. А я отпедъ ко дверямъ, да на бокъ повалился, а самъ говорю: посидите вы, а я полежу. Такъ онъ смѣются: дуракъ-де протопопъ! и патріарховъ не почитаетъ. И я говорю: мы уроди Христа ради! вы славни, мы же безчестни! вы силни, мы же немощни. Потому паки ко мнѣ пришли власти и про аллилуія стали говорить со мною. И мнѣ Христось подалъ, — Діонисіемъ Ареоагитомъ римскую ту блядь посрамилъ въ нихъ. І Евфимей, чудовской келарь, молвилъ; правъ де ты, — вѣчева де намъ болши тово говорить съ тобою. И повели меня на цепь.

Потомъ полу-голову царь прислалъ со стрелцами. И повезли меня на Воробьевы горы. Тутъ же священника Лазаря и старца Епифанія (обруганы и острижены, какъ и я былъ прежде). Поставили насъ по разнымъ дворамъ; неотступно 20 человѣкъ стрельцовъ, да полуголова, да сотникъ надъ нами стояли—берегли, жаловали и по ночамъ с огнемъ сидѣли, и на дворъ с..тъ провожали. Помилуй ихъ Христось! прямые добрые стрельцы—те люди, и дѣти таковы не будутъ, мучатся туды же съ нами возяся, нужица та какова прилучится, и онъ всяко миленькіе радѣютъ. Да што много разсуждать; у Спаса онъ лучше чернцовъ тѣхъ, которые клобуки тѣ рогатые ставцамъ тѣми носятъ. Полно, онъ горюны испиваютъ до шьяна, да матерны бранятся, а то бы онъ и с мучениками равны были, да што же дѣлать, и такъ ихъ не покинетъ Богъ.

Таже насъ привезли на Ондрѣевское подворье, и тутъ прѣзжалъ ко мнѣ шпынять отъ тайныхъ дѣлъ Дементей Вашмаковъ, бытто безъ царева вѣдома былъ, а опослѣ бывше у меня сказалъ—по цареву велѣнію былъ. Всяко бѣдныя умышляютъ, какъ бы имъ меня прельстить, да Богъ не выдастъ, за молитвъ Пречистые Богородицы: она меня, помощница, обороняетъ отъ нихъ. А на Воробьевыхъ горахъ дьякъ конюшей Тимофей Марковъ отъ царя присыланъ и у всѣхъ былъ. Много кое что говоря, съ крикомъ разошлись и со стыдомъ болшимъ. Я послѣ ево написалъ посланіе и с сотникомъ Иваномъ Лобковымъ к царю послалъ: кое о чемъ много поговоря и благословеніе ему и царице и дѣтямъ приписалъ.

Потомъ державъ на Воробьевыхъ горахъ и на Ондрѣевскомъ подворье и в Савинне слободке, къ Николѣ на Угрѣшу перевезли. Тутъ голову Юрья Лутохина ко мнѣ опять царь прислалъ и за посланіе спаси Богъ с покло-

номъ большое сказалъ, и благословенія себѣ, и царице и дѣтямъ прося, молитве о себѣ приказалъ. Таже оиашъ насъ въ Москву свезли на Никольское подворье и взяли о правовѣрїи еще скаски у насъ, потомъ многожды ко мнѣ присланы были Артемонъ и Дементей — ближніе его и говорили царевымъ глаголомъ: протопопъ, вѣдаю де я твое чистое, и непорочное, и богоподражательное житіе, прошу де благословенія твоего съ царицею и дѣтьми, — помолися о насъ! Кланяючиси, посланникъ говоритъ. Я су и нынѣ по немъ тужу: силно мнѣ ево жаль. И наки онъ же: пожалуй де, послушай меня: соединишь съ вселенскими тѣми, хотя чемъ неболшимъ! И я говорю: аще мнѣ и умереть, со отступниками не соединюсь! Ты реку, царь мой; а имъ какое дѣло до тебя. Потеряли, реку, своево царя латыши безвѣрїемъ своимъ, да и тебя сюды приехали проглотить! Не сведу рукъ съ высоты, дондеже отдасть тебя мнѣ Богъ. И много тѣхъ присылокъ было. Говорено кое о чемъ не мало. День судный явитъ, послѣднее слово рекъ, гдѣ ты ни будешь, не забывай насъ въ молитвахъ своихъ! Я и нынѣ, грѣшный, елико могу молюся о немъ, аще и мучить мя, но царь бо то есть; бывало время и впрямъ добръ до насъ бывалъ. До Никона злодѣя, прежде мору х Казанской пришедь, у руки мы были, яицами насъ дѣлилъ, и сынъ мой Иванъ маленокъ еще былъ и не прилучился подде меня, а онъ, государь, знаетъ гораздо ево, пошлать брата моего роднова сыскивать робенка, а самъ долго стои ждалъ, докамѣсть братъ на улице робенка сыскалъ; руку ему даетъ целовать, и робенокъ глушь, не смыслить, видить, что не пошъ — такъ не хочеть целовать; и государь самъ руку губамъ робенка привнесъ, два яица ему далъ и погладилъ по голове. Ино су и сіе намъ надобе не забывать, не отъ царя намъ мука сія, но грѣхъ ради нашихъ, отъ Бога дяволу поупущеніе озлобити насъ, даже искусяся нынѣ вѣчнаго искушенія уйдемъ. Слава Богу о всемъ.

Таже братію, Лазаря и старца казня, вырѣзавъ языки, а меня и Никифора протопопа не казня, сослали насъ въ Пустозерье, а двоихъ сыновъ моихъ — Ивана и Прокопья оставили на Москвѣ за поруками, и онѣ бѣдныя мучались годы с три, уклоняся от смерти властелинскаго навѣта: гдѣ день, гдѣ ночь, никто держать несмѣеть, и кое какъ на Мезень к матери прибрели. — не пожили и з годъ, ано и въ землю попали. Да пускай! лутче пустые бродни, чемъ по улицамъ бродить. Я безпрестанно Бога о томъ молю: Господи, аще хотимъ, аще и не хотимъ, спаси насъ! И Господь и промышляетъ о нашемъ спасенїи помаленку; пускай потерпимъ токо (sic!), а то пригодится нѣвкую пору; тогда слюбится, какъ время будетъ.

Азъ же изъ Пустозера послалъ къ царю два посланія. — одно невелико, а другое болше; говорилъ кое о чемъ ему много, въ посланїи ему сказалъ и богознаменія показанная мнѣ не въ одно время, тамо чтый, да разумѣеть. Еще же отъ меня и отъ братъи дяконово снисканіе послано въ Москву правовѣрнымъ гостинца: книга — «отвѣтъ православныхъ», и

от Лазаря священника два посланія: царю и патриарху. И за вся сія присланы к намъ гостинцы: повѣсили в дому моемъ на Мезени на висѣлице двухъ человекъ дѣтей моихъ духовныхъ—Феодора преждедеченнаго юрдиваго, да Луку Лаврентьевича (рабы Христовы, свѣты мой, были), и сыновъ моихъ двоихъ Ивана и Прокопья велѣно повѣсить, и онѣ бѣдныя, испужався смерти, повинились: виноваты предъ Богомъ и предъ великимъ государемъ, а невѣдомо что своровали. Такъ ихъ и с матерью троихъ закопали въ землю, да по правиламъ такъ онѣ здѣлали,—спаси Богъ: того ради, ребята, не бойтесь смерти, держите старое благочестіе крѣпко и не поползновенно! А мать за то сидитъ с ними, чтобъ впредь дѣтей подкрѣпляла Христа ради умирати, и жила бы, не развѣшавъ уши, а то баба бывало нищихъ кормить, сторонныхъ научаетъ, какъ слагать персты, и креститца, и творить молитва, а дѣтей своихъ и забыла подкрепить, чтобъ на висельницу пошли и з доброю дружиною умерли за одно Христа ради. Ну да Богъ васъ простить,—не дивно, что такъ здѣлали,—и Петръ апостолъ нѣкогда убоялся смерти и Христа отрекся, и о семь плакася горько, тоже помилованъ и прощенъ бысть.

А и о васъ нѣкогда молящумися тощю, и видѣвъ вашу пред собою темницу и васъ троихъ на молитвѣ стоящихъ в вашей темницѣ, а от васъ три столпа огнены к небесамъ стоять простерты, а с тѣхъ мѣстъ обрадовался и лехче мнѣ стало, яко покаяніе ваше пріялъ Богъ, слава о семь Богу.

Таже тотъ же Пилать полуголова Иванъ Елагинъ былъ у насъ в Пустоверье и взялъ у насъ скаску, сице, реченно: годъ и мѣсяцъ, и паки мы святыхъ отецъ преданіе держимъ неизмѣнно, а Паисея Александрскаго патриарха с товарищи еретическое соборище проклинаемъ, и иное тамъ говорено многонко и Никону еретику досталось. Посемъ привели насъ к влахе и прочтали наказъ «изволилъ де государь и бояра приговорили, тебя, Аввакума, вмѣсто смертныя казни, учинить струбъ въ землю и здѣлавъ окошко давать хлѣбъ и воду, а прочимъ товарищамъ рѣзать без милости языки и сѣчь руки». И я, плюнувъ на землю, говорилъ: я, реку, плюю на ево кормлю, не едше умру, а не предамъ благовѣрїя. И потомъ повели меня въ темницу, и не ель дней съ десятокъ, да братья велѣли.

Таже священника Лазаря взяли и вырѣзали языкъ изъ горла. кровь пошла, да и перестала; онъ в то время без языка и паки говорить сталъ; таже положи правую руку на плаху по запястье отсѣкли, и рука отсѣченая, лежа на земли, сложила сама по преданію персты и долго лежала пред народы, исповѣдала бѣдная и по смерти знаменіе Спасителя неизмѣнно; мнѣ и самому сіе чудно—бездушная одушевленныхъ обличаетъ. Я на третій день у Лазаря во рѣтъ рукою моею гладилъ, ино гладко, языка нѣтъ, а не болитъ, далъ Богъ; и говоритъ яко и прежде, играетъ надо мной: «щупай протопощъ, забей руку въ горло-то, небось

не откушу». — И смѣхъ с нимъ и горе! Я говорю: «чево щупать, на улице языкъ бросили». Онъ же сопротивъ: «собаки онѣ, вражьи дѣти! пускай мои едятъ языки». Первой у него лехче, и у старца на Москвѣ рѣзаны были (а нынѣ жестоко гораздо), а по дву годахъ и опять иной языкъ выросъ, чудно, съ первой же величиною, лишь моленко тупенекъ.

Таже взяли соловецкаго пустынника, старца Енифанія; онъ же моливъ Пилата тощѣ и зѣло умилнѣ, даже поведить отсѣщи главу его по плеча, вѣры ради и правости закона. Пилатъ же отвѣща ему, глаголя: «батюшко, тебя упокоить, а самому мнѣ гдѣ дѣтца! Не смѣю, государь, такъ здѣлать». И не послушавъ полуголова старцова моленія, не отсѣче главы его, но поведѣ языкъ его вырѣзать весь же. Старецъ же, прекрестя лице свое, и рече, на небо взирая: «Господи, не остави мя грѣшнаго, помози ми». И въ то время Божиимъ промысломъ прииде на него нѣкое забвение, яко сонъ, а не почувъ рѣзанія языка своего, только в малѣ в малѣ нѣкакъ ощутилъ, яко во снѣ рѣзаніе языка своего безболѣзнено, богатію Христовою осѣняемо. Палачъ же — пожалѣя старца, хотя ево руку по суставамъ рѣзать, даже бы зажило впредь скорѣе; старецъ же ница себѣ смерти, поперегъ костей велѣлъ остсѣщи, и отсѣкоша четыре перста, и сперва говорилъ гугниво. Таже молилъ Пречистую Богоматерь, и показаны ему оба языки, Московской и Пустозерской, на воздухе; онъ же единъ взявъ, положилъ въ ротъ свой, и с тѣхъ мѣстъ сталъ говорить чисто и ясно, а языкъ совершенъ обрѣтесе во ртѣ.

Посемъ взяли дьякона Феодора и языкъ вырѣзали весь же, остался кусочикъ в горлѣ маленекъ, на кось рѣзанъ, немилость показуя, но руки не послужили — отъ дрожи и трепета ножъ изъ рукъ валился. Тогда на той мѣрѣ и зажилъ, а оносѣ и паки с прежней выросъ, лише маленько тупенекъ; во знаменіе Богъ такъ устроилъ, даже разумно невѣрному яко рѣзанъ. Мы вѣрни суть и без знаменія вѣруемъ старому Христу Ісусу Сыну Божию Свѣту, и преданное отъ святыхъ отецъ старобытное въ церкви держимъ неизмѣнно; а иже кому недоразумно, тотъ смотри на знаменіе и подкрѣпляйся. У него же дьякона отсѣкли руку поперегъ ладони, и все далъ Богъ здорово стало; по прежнему говорить ясно и чисто, и у него въ другорядѣ же языкъ рѣзанъ. На Москвѣ менши нынѣшняго рѣзано было. Пускай никоніана бѣдные кровію нашею питаются, яко медъ испивая.

Таже осыпали насъ землею; струбъ въ землѣ, и паки около земли другой струбъ, и паки около всѣхъ общая ограда за четырьми замками; стражіе же, десятеро съ чловѣкомъ строжаху темницу. Мы же, здѣ, и на Мезени, и повсюду сидящии въ темницахъ, поемъ передъ Владыкою Христомъ Сыномъ Божиимъ, пѣсни пѣснямъ, ихъ же Соломонъ воспѣтъ, зря на матеръ Вирсавію: се еси добра, прекрасная моя, се еси добра любимая! Очи твои горятъ, яко пламень огня; зубы твои были паче млека; зракъъ

лица твоего паче солнечных лучь и все въ красотѣ сіяетъ, яко день въ силѣ своей. Аминь (хвала о церквѣ).

Посемъ у всякаго правовѣрна прощенія прошу. Иное было, кажется, и не надобно говорить; да прочтохъ Дѣянія Апостольская и Посланія Павлова, — Апостоли о себѣ возвѣщали же, егда Богъ содѣлаетъ въ нихъ. Не намъ, Богу нашему слава! А я ничтоже есмь. Рекохъ и паки реку: азъ есмь грѣшникъ, блудникъ и хищникъ, тать и убійца, другъ мытаремъ и грѣшникамъ, и всякому человѣку окаянной лицемѣрецъ. Простите же и молитесь о мнѣ, а я о васъ, чтущихъ сіе и послушающихъ. Неука я человѣкъ и несмысленъ, гораздо болши тово жить не умѣю; а что здѣлаю я, то людемъ и сказываю: пускай Богу молятся о мнѣ. Въ день вѣка вси же познають содѣланная мною, или добрая или злая. Но аще и неученъ словомъ, но не разумомъ; не ученъ діалектики и риторики и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ, якоже и Апостолъ глаголетъ: аще и невѣжда словомъ, но не разумомъ.

Еще вамъ про невѣжество свое скажу: зглупалъ, отца своего заповѣдь преступилъ: и сего ради домъ мой наказанъ бысть. Внимай Бога ради и молися о мнѣ. Егда еще я былъ попомъ, духовникъ царевъ Стефанъ Ванифанъевичъ благословилъ меня образомъ Филиппа митрополита, да книгу Еврема Сирина, себя пользовать, прочитая, и людемъ. А я, окаянный, презрѣвъ благословеніе отеческое и приказъ, ту книгу брату двоюродному, но докуке ево, на лошедь промѣнялъ. У меня же въ дому былъ братъ мой родной, именемъ Евфимей, зѣло грамотъ былъ гораздъ и о церкви велико прилежаніе имѣлъ: напоследокъ былъ взятъ къ большой царевнѣ вверху, а въ моръ и з жевою преставилса. Сей Евфимей лошедь сію поилъ и кормилъ, и гораздо объ ней прилѣжалъ, презирая и правило многожды. И видѣ Богъ неправду з братомъ въ насъ, яко неправо ходимъ по истиннѣ, — я книгу променялъ, отцову зановѣдь преступилъ, а братъ, правило презирая, о скотинѣ прилѣжалъ, — изволилъ насъ Владыко сице наказати: лошедь ту по ночамъ и въ день стали бѣси мучить, — всегда заезжена, мокра, и еле стала жива. Я недоумѣюся, коея ради вины бѣсъ озлобляетъ насъ такъ, И въ день недѣльный послѣ ужины въ келейномъ правилѣ, на полунощницѣ, братъ мой Евфимей говорилъ каѣзису непорочную и завопилъ высокимъ голосомъ: призри на мя и помилуй мя! — и, испустя книгу изъ рукъ, ударился о землю, отъ бѣсовъ бысть пораженъ, — началъ неудобно кричать и вопить, понеже бѣси жестоко мучиша его. Въ дому же моемъ иные родные два брата, — Козма и Герасимъ, — болши ево, а не смѣли ево держать; и всѣхъ домашнихъ, человѣкъ съ тритцетъ, держа его, плачють предъ Христомъ и, моляся, кричатъ: Господи, помилуй! Согрѣшили предъ Тобою, прогнѣвали благость Твою! За молитвъ Святыхъ Отецъ Нашихъ помилуй юношу сего. А онъ пуци бѣсится, и бѣется, и кричитъ, и дрожитъ. Азъ же, помощію Божіею, въ то время не смутился отъ голки бѣсовскія тоя. Скончавше правило обычное, наки начахъ Христу и Богородице мо-

литися, со слезами глаголя: Всегосподованная Госпоже, Владычице моя, Пресвятая Богородице! покажи ми, за которое мое согрѣшеніе такое бысть ми наказаніе, да, уразумѣвъ, каюся предъ Сыномъ Твоимъ и предъ Тобою, впредъ тово не стану дѣлать! И плачючи, послалъ въ церковь по Потребникъ и по Святую воду сына моего духовнаго Сумеона, юношу лѣтъ въ четырнатцеть, —таковъ же, что и Евфимей: дружно межъ себя живуще Сумеонъ со Евфиміемъ, книгами и правиломъ другъ друга подкрѣпляютъ и веселящися, оба въ подвиге живуще крѣпко, въ постѣ и молитвѣ. Той же Сумеонъ, по друге своемъ плакавъ, сходилъ въ церковь и принесъ книгу и святую воду. И начахъ азъ дѣйствовать надъ обуреваемымъ молитвы Великаго Василия. Онъ мнѣ, Сумеонъ, кадило и свѣщи подносилъ и воду святую, а прочіи бѣснующагося держать. И егда въ молитвѣ дошла рѣчь:—Азъ ти о имени Господни повелѣваю, душе нѣмой и глухой, изыди отъ созданія сего и ктому не вниди въ него, но иди на пустое мѣсто, идѣже человекъ не живеть, но токмо Богъ призираетъ,—бѣсъ же не слушаетъ, нейдетъ изъ брата. И я паки ту же рѣчь въ другой рядъ: и бѣсъ еще не слушаетъ, пуци мучить брата. Охъ, горе! Какъ молвить?—И соромъ, и не смѣю; но по повелѣнію старца Епифанія говорю, коли ужъ о семъ онъ приказалъ написать. Сиче было: взялъ я кадило, и покадилъ образъ и бѣснова, и потомъ ударился о лавку, рыдавъ на многъ часъ. Воставше, въ третье ту же Василіеву рѣчь закричалъ къ бѣсу: изыди отъ созданія сего. Бѣсъ же скорчилъ въ колцо брата и, пружався, изыде, и сѣлъ на окошке. Братъ же бывъ яко мертвъ. Азъ же покропилъ ево святою водою: онъ же, очхнясь, перстомъ мнѣ на окошко, на бѣса сидящаго указываетъ, а самъ не говоритъ, связавшуся языку его. Азъ же покропилъ водою окошко: и бѣсъ сошелъ въ жерновый уголь. Братъ же паки за нимъ перстомъ указываетъ. Азъ же и тамъ покропилъ водою: бѣсъ же оттоля пошелъ на печь. Братъ же и тамъ ево указываетъ. Азъ же и тамъ тою же водою. Братъ же указалъ подъ печь, а самъ перекрестился. И я не пошелъ за бѣсомъ, но наполнилъ брата во имя Господне святою водою. Онъ же, вздохня изъ глубины сердца, ко мнѣ проглагола сиче: спаси Богъ тебя, батюшко, что ты меня отнял у царевича и у двухъ князей бѣсовскихъ! Будеть тебѣ бить челомъ братъ мой Аввакумъ за твою доброту. Да и малчику тому спаси Богъ, которой ходилъ въ церковь по книгу и по воду ту святую, пособлялъ тебѣ съ ними битца. Подобіемъ онъ, что и Сумеонъ другъ мой. Подтѣ реки Сундовика меня водили и били, а сами говорятъ: намъ де ты отдаи за то, что братъ твой на лошедь променялъ книгу, а ты ея любишь; такъ де мнѣ надобе поговорить Аввакуму брату, чтобъ книгу ту назадъ взялъ, а за нея бы далъ денги двоюродному брату. И я ему говорю: я, реку, свѣтъ, братъ твой Аввакумъ! И онъ отвѣщалъ: какой ты мнѣ братъ? Ты мнѣ батько! отнял ты меня у царевича и у князей; а братъ мой на Лопатищахъ живеть—будеть тебѣ бить челомъ. Вотъ вы здѣ съ нами же на Лопатищахъ, а кажется ему подле реки Сундовика. А Сундовикъ верстъ с пятнатцеть отъ

насъ подь Мурашкинымъ да подь Лысковымъ течеть. Азъ же паки ему далъ святія воды: онъ же и судно у меня отнимаетъ и съестъ хочеть, — сладка ему бысть вода! Изошла вода, и я пополоскалъ и давать сталъ; онъ и не сталъ пить. Ночь всю зимнюю простряпалъ. Маленько полежавъ съ нимъ, пошелъ въ церковь заутреню пѣть. И безъ меня паки бѣси на него напали, но лехче прежнева. Азъ же, пришедъ отъ церкви, освятилъ его масломъ, и паки бѣси отъидоша, и умъ цель сталъ. Но дряхлъ бысть: отъ бѣсовъ изломанъ. На печь поглядываетъ и оттолъ боится. Егда куды отлучюся, а бѣси и навѣтовать стануть. Бился я з бѣсами, что с собаками, недѣли съ три за грѣхъ мой, дондеже книгу взялъ и деньги за нея далъ. И ездилъ ко другу своему Иларіону игумну. Онъ просвиру вынялъ за брата. Тогда добро жилъ, — что нынѣ архіепископъ резаньской, мучитель сталъ христіанской. И инымъ друзьямъ духовнымъ билъ челомъ о братѣ. И умолили о насъ Бога. Таково то зло преступленіе заповѣди отеческой! Что же будетъ за преступленіе заповѣди Господни? Охъ, да толко огонь да мука! Не знаю, какъ коротать дни? Слабоуміемъ объять, и лицемѣріемъ, и лжею покрытъ есмь, братоненавидѣніемъ и самолюбіемъ одѣянъ, во отчужденіи всѣхъ человекъ погибаю. И мняся нѣчто быти, а калъ и гной есмь, окаанной, — прямо г.но. Отсюду воняю и душею и тѣломъ. Хорошо мнѣ житъ съ собаками и со свиными въ конурахъ: такъ же і онѣ воняютъ. Да пси и свины по естеству, а я чрезъ естество отъ грѣхъ воняю, яко песь мертвой, поверженъ на улице града. Спаси Богъ властей тѣхъ, что землю меня закрыли! Себѣ уже воняю, злая дѣла творяще, да иныхъ не соблажняю. Ей, добро такъ!

Да и въ темницу ко мнѣ бѣшаной зашелъ, Кирилушко звали, московскій стрелець, караульщикъ мой. Остригъ ево азъ, и платье переменялъ, — зѣло вшей было много. Замкнуты двое насъ съ нимъ живемъ, да Христосъ съ нами и Пречистая Богородица. Онъ, миленкой, бывало с.тъ подь себя и с.тъ, а я ево очищаю. Есть и пить просить, а безъ благословенія взять не смѣеть. У правила стоять не захочеть, — дьяволъ сонъ ему наводитъ: и я чотками постегаяю, такъ и молитву творить станеть и кланяется, за мной стоя. И егда правило скончаю, онъ и паки бѣсноватися станеть. При мнѣ бѣснуется и шалуеть, а егда пойду къ старцу посидѣть въ ево темницу, а Кирила положу на лавке, и не велю вставать ему, и благословлю его. И докамѣсть у старца сижу, лежитъ, а не встанеть, за молитвъ старцовыхъ Богомъ привязанъ, — лежа бѣснуется. А въ годахъ у него образы, и книги, и хлѣбъ, и квасъ, и прочая, а ничево безъ меня не тронеть. Какъ приду, такъ встанеть, и дьяволъ мнѣ досаждая, блудитъ заставляетъ. Я закричу, такъ и сядеть. Егда стряпаю, въ то время есть просить и украсть тщится до времени обѣда; а егда предъ обѣдомъ Отче нашъ проговорю и ястіе благословлю, такъ тово брашна и не есть, — неблагословеннова просить. И я ему напехаю силою въ ротъ: такъ и плачетъ и глотаеть. И какъ рыбою покормлю, такъ бѣсъ въ немъ вздивіачится, а

самъ изъ него говорить: ты же де меня ослабилъ. И я, плакавъ, предъ Владыкою, опять стягну постомъ и окрочу ево Христомъ. Таже масломъ ево освятилъ, и отъ бѣса отрадило ему. Жилъ со мною съ мѣсяць и боляшн. Предъ смертію образумися. Я исповедалъ ево и причастилъ: онъ же и представися. Потомъ я, гробъ и саванъ купя, велѣлъ у церкви погребсти и сорокоустъ по немъ даль. Лежалъ у меня мертвый сутки въ тюрьмѣ: и я ночью, вставъ, Бога помоля и ево мертвова благословя, поцеловався съ нимъ, опять лягу подлѣ нѣво спать. Товарищъ мой миленькой былъ! Слава Богу о семъ! Нынѣ онъ, а завтра я такъ же умру.

Да у меня жъ былъ на Москвѣ бѣшаной,—Филиппомъ звали, какъ я ис Сибири выехалъ. Въ углу в избѣ прикованъ къ стѣнѣ: понеже въ немъ былъ бѣсъ суровъ и жестокъ, бился и дрался, и не смѣли домашніе ладить съ нимъ. Егда же азъ грѣшный и со крестомъ и съ водою прииду, повиненъ бываетъ, и яко мертвъ падаетъ предъ крестомъ, и ничево не смѣеть дѣлать надо мною. И молитвами святыхъ отецъ, сила Божія отгнала бѣса отъ него; но токмо умъ еще былъ не совершенъ. Феодоръ юродивый былъ приставленъ надъ нимъ, что на Мезени отступники удавили вѣры ради старья, еже во Христа,—псалтырь надъ Филиппомъ говорилъ и училъ молитву говорить. А я самъ во дни отлучашеся дому своего, токмо въ нощи дѣйствовалъ надъ нимъ. По нѣкоемъ времени пришелъ я отъ Феодора Ртищева зѣло печаленъ, понеже съ еретиками бранился и шумѣлъ въ дому ево о вѣрѣ и о законѣ. А въ дому моемъ въ то время учинилося нестройство: протопопица з домочадицею Фетиніею побранились,—дьяволъ ссорилъ не за што. И я пришелъ; не утерпя, билъ ихъ обѣихъ и оскорбилъ гораздо въ печали своей. Да и всегда такой я, окаянной, сердитъ, драцца лихой. Горе мнѣ за сіе: согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ ними. Таже бѣсъ въ Филиппѣ вздвѣялъ и началъ кричать и вопить и чепъ ломать, бѣсясь. На всѣхъ домашнихъ ужасъ нападе и голка бысть велика зѣло. Азъ безъ исправленія приступилъ къ нему, хотя ево укрѣпить, но бысть не по прежнему. Ухватилъ меня и учалъ бить и драть всяко; яко паучину, терзаетъ меня, а самъ говорить: попалъ ты въ рѣки мнѣ! Я токмо молитву говорю, да безъ дѣлъ и молитва не пользуетъ ничто. Домашніе не могутъ отнять, а я самъ ему отдался. Вижу, что согрѣшилъ: пускай меня бьетъ. Но,—чюденъ Господь!—бьетъ, а ничто не болитъ. Потомъ бросилъ меня отъ себя, а самъ говорить: не боюсь я тебя! Такъ мнѣ стало горько зѣло: бѣсъ, реку, надо мною волю взялъ. Полежавъ маленко, собрался съ совѣстію, вставше, жену свою сыскалъ и предъ нею прощатца сталъ. А самъ ей, кланяяся въ землю, говорю: согрѣшилъ, Настасья Марковна, прости мя грѣшнаго. Она мнѣ также кланяется. Посемъ и съ Фетиніею тѣмъ же подобіемъ прощался. Таже средъ горницы легъ и велѣлъ всякому челоуѣку себя бить по пяти ударовъ плетью по окаянной спинѣ: челоуѣкъ было десятокъ, другой,—и жена, и дѣти стегали за шитимію. И плачють бѣдные и бьютъ, а я говорю: аще меня кто не бьетъ, да не

имать со мною части и жребія въ будущемъ вѣце. И онѣ нехотя бьютъ, а я ко всякому удару по молитвѣ Исусовой говорю. Егда же отбили всѣ, и я, вставъ, прощеніе предъ ними жъ сотворилъ. Бѣсъ же, видѣвъ бѣду немилучую, онять ис Филиппа выпелъ вонъ. Я Филиппа крестомъ благословилъ, и онъ по старому хорошъ сталъ. И потомъ Божіею благодатію и исцелель о Христѣ Исусѣ Господѣ напемъ, Ему же слава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ.

А егда я въ Сибири, въ Тоболске былъ—туда еще везли,—привели ко мнѣ бѣшанова—Феодоромъ звали. Жестокъ же былъ бѣсъ въ немъ. Соблудилъ въ великъ день, праздникъ наругая, да и взбѣсился,—жена ево сказывала. И я въ дому своемъ держалъ мѣсяца з два, стужалъ объ немъ Божеству, въ церковь вводилъ и масломъ освятилъ,—и помиловалъ Богъ: здравъ бысть и умъ исцелъ. И сталъ со мною на крылосѣ пѣтъ, а грамотѣ неучень, и досадилъ мнѣ въ литоргію во время переноса. Азъ же ево въ то время на крылосѣ побивъ и въ притворѣ пономарю велѣлъ къ стѣнѣ приковать. Онъ же, вышатавъ пробой, взбѣсился и старова болши. И ушедъ къ большому воеводѣ на дворъ, людей разгонявъ и сундукъ разломавъ, платья княгинино на себя вдѣлъ; вверху у нихъ празднуетъ бытто добрый человекъ. Князь же отъ церкви пришедъ и, осердясь, велѣлъ многими людьми въ тюрьму его оттащить. Онъ же въ тюрьмѣ юзниковъ бѣдныхъ перебилъ и печь разломалъ. Князь же велѣлъ въ село ко своимъ ево отслать, гдѣ онъ живалъ. Онъ же, ходя въ деревняхъ, пакости многія творилъ. Всякъ бѣгаетъ отъ него, а мнѣ не дадутъ воевода (sic!) осердясь. Я по немъ передъ Владыкою на всякъ день плакалъ: Богъ было исцелилъ, да я самъ погубилъ. Посемъ пришла грамота съ Москвы,—велѣно меня на Лѣну ис Тоболска сослать. Егда я на рѣку въ Петровъ день въ дощенику собрался, пришелъ ко мнѣ бѣшаной мой Феодоръ целоумень, на дощеникѣ при народѣ кланяется на ноги мои, а самъ говоритъ: Спаси Богъ, батюшко, за милость твою, что пожаловалъ—помиловалъ мя. Бѣжалъ де я по пустыни третьева дни, а ты де мнѣ явился и благословилъ меня крестомъ: бѣси де и отбѣжали отъ меня. И я и нынѣ пришедъ, паки отъ тебя молитвы и благословенія прошу. Азъ же, окаянный, поплакалъ, глядя на него, и возрадовался о величїи Бога моего, понеже о всѣхъ печется и промышляетъ Господь,—его исцелилъ, а меня возвеселилъ. И поучя ево и благословя, отпустилъ къ женѣ ево въ домъ. А самъ поплылъ въ сылку, моля о немъ Свѣта—Христа, да сохранить ево отъ непрїязни впредъ. Богу нашему слава! Простите меня, старецъ, съ рабомъ тѣмъ Христовымъ: вы мя понудите сіе говорить.

Однако ужъ развякался,—еще вамъ повѣсть скажу. Еще въ попахъ былъ; тамъ же, гдѣ брата бѣси мучили, была у меня въ дому молодая вдова,—давно ужъ, и имя ей забылъ! помнится, Евфиміею звали,—ходитъ и стряпаецъ—все дѣлаетъ хорошо. Какъ станемъ въ вечеръ правило начинать, такъ ея бѣсъ ударитъ о землю, омертвѣетъ вся и яко камень ста-

нетъ, кажется, и не дышетъ,—растянетъ ея на полу и руки и ноги,—лежитъ яко мертва. Я о всебѣтую проговоря, кадиломъ покажу, потомъ крестъ положу ей на голову и молитвы Великаго Василія въ то время говорю: такъ голова подъ крестомъ свободна станетъ, баба и заговорить: а руки, и ноги, и тѣло еще каменно. Я по рукѣ поглажу крестомъ: такъ и рука свободна станетъ; я также по другой: и другая освободится такъ же; и я по животу: такъ баба и сядетъ. Ноги еще каменны. Не смѣю туды гладить крестомъ. Думаю, думаю, да и ноги поглажу: баба и вся свободна станетъ. Воставше, Богу помолясь, да и мнѣ челомъ. Прокуда таки не бѣсъ ништо въ ней былъ, много время такъ въ ней игралъ. Масломъ ея освятить, такъ вовсе отшелъ: исцелѣла, далъ Богъ. А иное два Василія бѣшаные бывали у меня прикованы,—странно и говорить про нихъ.

А еще сказать ли, старецъ, повѣсть тебѣ! Блазновато, кажется, да уже сказать—не пособить. Въ Tobолске была дѣвица у меня, Анною звали, какъ впредъ еще ехалъ. Маленька ис полону ис Кумыковъ привезена. Дѣвство свое непорочно соблюла. Въ совершенствѣ возраста отпустилъ ея хозяинъ ко мнѣ. Зѣло правилнѣ и богоугоднѣ жила. Позавидѣ дьяволъ добродѣтели ея, наведе ей печаль о Елизарѣ, о первомъ хозяинѣ ея. И стала илкать по немъ, таже и правило презирать; и мнѣ учинилась противна во всемъ, а дочь мнѣ духовная. Многожды въ правило, и не молясь, простоить, дремлетъ прижавъ руки. Благодитрый же Богъ, наказуя ея, попустилъ бѣса на нея: стоя лѣвостію въ правило, да и взбѣсится. Азъ же, грѣшнѣйшій, жалѣя по ней, крестомъ благословлю и водою кроплю: и бѣсъ отступитъ отъ нея. И тово было многожды. Таже, въ правило задремавъ и повалилася на лавку и уснула и пробудилась три дни и три ноци: тогда сегда дохнетъ. Азъ же по временамъ кажу ея. Чаю, умереть. И въ четвертый день встала и, сѣдши, плачетъ; есть дають; не есть, и не говоритъ. Того жъ дня въ вечеръ, проговоря правило и распустя всѣхъ, во тмѣ началъ я правило поклонное, по обычаю моему. Она же, приступя ко мнѣ, падъ поклонилась до земли. Азъ же отъ нея отшелъ за столъ, бояся искусу дьявольскова, и сѣлъ на лавкѣ, молитвы говоря. Она же, къ столу приступя, говоритъ: послушай, государь! Велѣно тебѣ сказать. Я и слушать сталъ. Она же, плачущи, говоритъ: Егда де я, батюшко, на лавку повалилася, приступили два ангела и взяли меня и вели зѣло тѣснымъ путемъ. На лѣвой сторонѣ слышала плачь съ рыданіемъ и гласы умильны. Таже привели меня во свѣтлое мѣсто; жилища и полаты стоятъ, и едина полата всѣхъ болши и паче всѣхъ сіяетъ красно. Ввели де меня въ нея, а въ ней де стоятъ столы, а на нихъ послано бѣло. И блюда з брашнами стоятъ; по конецъ де стола древо многовѣтвенно повѣваетъ и гораздо красно, а въ немъ гласы итичпн умильны зѣло—не могу про нихъ нынѣ сказать. Потомъ де меня вывели изъ нея. Идучи, спрашиваютъ: знаешь ли, чья полата сія? И я де отвѣщала: не знаю; пустите меня въ нея. И онѣ мнѣ отвѣщали сопротивъ: отца твоего Аввакума полата сія. Слушай ево—такъ де

и ты будешь съ нимъ. Крестися, слагая персты такъ, и кланяйся Богу, какъ тебѣ онъ наказываетъ. А не станешь слушать, такъ будешь въ давешнемъ мѣстѣ, гдѣ слышала плаканіе то. Скажи же отцу своему. Мы не бѣси, мы ангели; смотри— у насъ папарты. И я де, батюшко, смотрѣла: бѣло у ушей тѣхъ ихъ. Потомъ, испрося прощеніе, исправилася благочинно по прежнему жить. Также ис Тоболска сослали меня въ Дауры. Азъ же у сына духовнаго оставилъ ея тутъ. А дѣволъ опять здѣлалъ по своему: пошла за Елизара замужъ и дѣтокъ прижила. Егда услышала, что я еду назадъ, отпросясь у мужа, постриглась за мѣсяць до меня. А егда за мужемъ была, по временамъ бѣсъ мучилъ ея. Егда же азъ въ Тоболскъ пріехалъ, пришла ко мнѣ и робятншекъ двоихъ положила предъ меня. Кающися, плачетъ и рыдаетъ. Азъ же предъ челоуѣки кричу на нея. Потомъ къ обѣдни за мною въ церковь пришла и во время переноса наналъ на нея бѣсъ,—учала кричать, кокушкою и собакою и козою блекотать. Азъ же ажалихся, покниа херувимскую пѣснь, взявъ крестъ отъ олтаря и на бѣса закричалъ: за-прещаю ти именемъ Господнимъ. Изыди отъ нея и къ тому не вниди въ нея! Бѣсъ и покинулъ ея. Она же припаде ко мнѣ за нюже вину. Азъ же простилъ и крестомъ ея благословилъ: и бысть здрава душою и тѣломъ. Потомъ и на Русь я вывезъ ея. Имя ей во иноцехъ Агафья. Страдала много вѣры ради з дѣтми моими на Москвѣ съ Иваномъ и Прокопьемъ. За поруками ихъ всѣхъ въ мѣстѣ Павелъ митрополитъ волочилъ.

Ко мнѣ же, отче, въ домъ принашивали матери дѣтокъ своихъ маленькихъ, скорбію одержимы грыжною. И мои дѣтки, егда скорбѣли въ младенчествѣ грыжною жъ болѣзнію, и я масломъ помажу священнымъ съ молитвою презвитерскою чюства вся и, на руку масла положи, вытру скорбящему спину и шулнятка. И Вожію благодатію, грыжная болѣзнь и минуется. И аще у коего младенца также отрыгнетъ скорбь, а я такъ же сотворю: и Богъ совершенно исцеляетъ по своему челоуѣколюбію.

А егда еще я попомъ былъ, съ первыхъ временъ, егда къ подвигу сталъ касатися, тогда бѣсъ меня пуживалъ сице. Изнемогла у меня жена гораздо, и пріехалъ къ ней отецъ духовной; азъ же из двора пошелъ въ церковь по книгу съ вечера глубоко ноци, по чему исповедывать болную. И егда пришелъ на паперть, столикъ маленькой тутъ поставленъ поскакиваетъ и дрожитъ бѣсовскимъ дѣйствомъ. И я, не утрашася, помолясь предъ образомъ, осѣнилъ ево рукою, и пришедъ поставилъ ево на мѣстѣ. Такъ и пересталъ скакать. И егда я вошелъ въ трапезу, тутъ иная бѣсовская игрушка. Мертвецъ на лавке стоялъ въ трапезѣ, непогребеной; и бѣсовскимъ дѣйствомъ верхняя доска раскрылась, и саванъ сталъ псевелитца на мертвомъ, меня утрашая. Азъ же, помолясь Богу, осѣнилъ мертваго рукою и бысть по прежнему пакл. Егда же вошелъ въ олтарь, а во ризы и стихари шумять и летаютъ съ мѣста на мѣсто: дѣволъ дѣйствуетъ, меня утрашая. Азъ же, помоляся и престолъ поцеловавъ, благословилъ ризы рукою, и, приступивъ, ихъ пощупалъ: а онѣ висятъ по старому на

мѣстѣ. Азъ же, взявъ книгу, и вышелъ ис церкви с миромъ. Таково то бѣсовское ухищреніе къ человѣкомъ.

Еще скажу вамъ о жертвѣ никоніанской: сѣдящу ми в темнице, принесоша ми просвиру вынутую со крестомъ Христовымъ. Азъ же облазился, взявъ ея и хотѣлъ потребить на утро, чаялъ — чистая православная над нею была служба, понеже попъ старопоставленной служил над нею (а до того онъ попъ по новымъ служилъ книгамъ и паки сталъ служить по старому, не покался о своей блудне). Положа я просвиру в углу на мѣстѣ и кадилъ в правило в вечеръ, егда же возлежъ въ ночь ту и умолкоша уста моя от молитвы, прискочиша ко мнѣ бѣсовъ полкъ, и единъ щербать чермень взялъ меня за голову и говорить: «семъ ко-ты сюды, поналъ ты в мои руки», и завернулъ мою голову. Азъ же томяся еле, еле назнаменовалъ Ісусову молитву и отскочиша и исчезоша бѣси; азъ же стоя и охая недоумѣюся — за что меня бѣсъ мучилъ? Помоля Бога опять повалился, егда же забыхся вижу на нѣкоемъ мѣстѣ церковь и образъ Спасовъ и крестъ по латынѣ написанъ, и латинники инымъ образомъ приклякивая молятся по латынски. Мнѣ же нѣкто от предстоящихъ велѣлъ крестъ той поцѣловати. Азъ же егда поцеловахъ, нападоша на мя паки бѣси и зѣло мя утрудиха; азъ же послѣ ихъ встацился зѣло расслабленъ и разломанъ, не могу и сидѣть. Уразумѣлъ, яко просвиры ради, от бѣсовъ обруганъ, выложилъ ея за окошко, и ночь ту и день препроводилъ в трудѣ и немоществуя разсуждая, что сотворю над просвирою. Егда же приде ночь другая, по правилѣ возлегу ми, и не сна молитвы говорю. Вскочиша бѣсовъ полкъ в кѣлью мою з домами и з гутками, и единъ сѣлъ на мѣстѣ, идѣже просвира лежала, и начаша играти въ гутки и в домы, — а я у нихъ слушаю, лежа — меня ужъ не тронули и исчезоша. Азъ же послѣ ихъ воставъ моля Бога со слезами, обѣщался жжечь просвиру ту, и приде на мя благодать Духа Святаго, яко искры во очію моею блестяхуся огня невестественнаго, и самъ я в той часъ оздравѣлъ, — благодатію духовною сердце мое наполнилося радости. Затопя печь и жжегше просвиру, выкинулъ и пепель за окошко, рекохъ: вотю, бѣсъ, твоя от твоихъ тебѣ в глаза бросаю. И на ину ночь единъ бѣсъ в хижю мою вопелъ, походя и ничево не обрѣте, токмо чотки изъ рукъ моихъ вышибъ и исчезе. Азъ же, поднявъ чотки, паки началъ молитвы говорити; и во ино время среди дня на полу в подыменье лежа опечалихся креста ради, что на просвири жжегъ, и от печали заиѣлъ стихъ на гласъ третій: «и печаль мою предъ нимъ возвѣщу», а бѣсъ в то время на меня вскричалъ зѣло жестоко болно, азъ же ужасяся и паки начахъ молитвы говорити. Таже во ину ночь забытїемъ ума о крестѣ томъ паки опечалихся и уснухъ и нападоша на мя бѣси и паки умучиха мя, яко и прежде, азъ же расслабленъ и изломанъ, насилу живъ, с доски свалися на полъ, моля Бога и кааяся о своемъ безуміи, проклялъ отступника Никона с никоніаны и книги ихъ еретическія, и жертвы ихъ, и всю службу ихъ, и благодать

Вожія паки прііде на мя и здравъ бысть. Виждь, человекѣ, какво дѣико бѣсовское дѣйство христіаномъ! А егда бы съель просвяру ту, такъ бы меня, чаю, и задавили бѣси. От малаго ихъ никоніанскаго священія такъ-вая бѣда, а отъ большаго агньца причастія — что получимъ?.. — развѣ вѣчную муку. Лутче умереть не причастія, нежели причастія осуждену быти.

О причастіи святыхъ Христовыхъ непорочныхъ тайнъ. Всякому убо въ нынѣшнее время подобаетъ опасно жити и не безъ разсмотрѣнія причащатися тайнамъ. Аще ли гоненія ради не получишь священника православна, и ты имѣй у себя священное служеніе отъ православныхъ (запасный агнецъ), и обрѣтше брата духовна, аще и не священника, исповѣждься ему предъ Богомъ, каея и по правилѣ утренинѣмъ на коробочку постели платочикъ, предъ образомъ, зажги свѣчку и на ложечку водицы устрой на коробке и в нея положи часть тайны, покадя кадиломъ, пристуя со слезами, глаголя: се приступаю къ божественному причащенію, Владыко, да не опалиши мя пріобщеніемъ, но очисти мя отъ всякія скверны, огонь бо реклъ еси недостойныхъ опалая, — се предлежитъ Христось на лицу въемъ, мнѣ же прикрѣплятися Богови — благо есть и полагати на Господа упованіе спасенія моего, аминь. И потомъ причастія сокрушеннымъ сердцемъ, и паки воспой благодарная къ Богу и поклонцы по силѣ, прощеніе ко брату; аще единъ, и ты ко образу надъ надъ землею глаголи: прости мя, Владыко, Христе Боже, елико согрѣшихъ, — весь до конца говоря, и потомъ образъ целуй и крестъ на себѣ. А прежде причастія надобе же образъ целовать. Ну, простите и меня, а тебя Богъ проститъ и благословитъ. Вотъ хорошъ и умереть готовъ, сице видалъ въ правилахъ указано: твори такъ, не блюдишь.

Еще тебѣ скажу, старецъ, новѣсть: какъ я былъ в Даурахъ с Пашковымъ с Афанасьемъ на озерѣ Ир҃генѣ — гладны гораздо, а рыби никто и добыть не можетъ, а инова и нечево нѣтъ; от глада исчезаемъ. Помоля я Бога, взявъ двѣ сѣти, въ протокѣ перекидалъ, на утро припелъ, ано мнѣ Богъ далъ шесть язей, да двѣ щуки, ино во всѣхъ людяхъ дивно, потому никто ничево не можетъ добыть. На другіе сутки рыбъ здеся мнѣ Богъ далъ. Тутъ же свѣдавъ Пашковъ и исполняся зависти збилъ меня с тово мѣста и свои ловушки на томъ мѣстѣ велѣлъ поставить, а мнѣ на смѣхъ и ругаясь указалъ мѣсто на броду, гдѣ коровы и козы бродятъ. Человекѣ воды по лодышку, — какая рыба! и лягушекъ нѣтъ! Тутъ мнѣ зѣло было горко, а се подумавъ рече: «Владыко человекѣлюбче, не вода даетъ рыбу, — Ты вся промысломъ своимъ, Спасе нашъ, строишь на пользу нашу. Дай мнѣ рыбки той на безводномъ томъ мѣстѣ, посрами дурака тово, прослави имя Твое святое, да не рекутъ невѣрніи, гдѣ есть Богъ ихъ». И помоляся, взявъ сѣти, в водѣ з дѣтьми бродя, положили сѣти. Дѣти на меня бѣдные кручиняся говорятъ: «Ватюшко, к чему гноить сѣти те? видишь-ли, и воды нѣту? какой быть рыбе?». Азъ же не послушавъ ихъ совѣту, на

Христа уповая здѣлалъ такъ, какъ захотѣлось. И на утро посылаю дѣтей к сѣтямъ. Онѣ же отвѣщали: «батюшко государь, пошто итти, какая в сѣтяхъ рыба? Благослови насъ, и мы по дрова лутче збродимъ». Меня же духъ подвизаетъ, чаю въ сѣтяхъ рыбу. Огорчась на большова сына Ивана, послалъ ево одново по дрова, а с меншимъ потащилъ къ сѣтямъ самъ, гораздо о томъ Христу докучаю. Егда пришли, ино и чудно, и радостно обрѣли: полны сѣти напехалъ Богъ рыбы, свившиися клубомъ, и лежать с рыбою о' середке. И сынъ мой Прокопей закричалъ: «батюшко государь, рыба, рыба!» И азъ ему отвѣщаль: «постой, чадо, не тако подобаеть, но прежде поклонимся Господу Богу и тогда пойдемъ в воду». И помоляся вытацили на берегъ рыбу, хвалу возсылаа Христу Богу, и паки построа сѣти на томъ же мѣстѣ, рыбу на силу домой оттащили. На утро пришли опять, столко же рыбы, и на третій день паки столко же рыбы; и слезно, и чудно то было время, а на прежнемъ нашемъ мѣстѣ ничево Пашкову не дастъ Богъ рыбы. Онъ же, исполняя зависти, паки послалъ ночью и велѣлъ сѣти в клочки изорвати. Что петь з дуракомъ дѣлаешъ. Мы собравъ равные сѣти, в тай на инемъ мѣстѣ промышляя рыбу, кормились, от него таяся и здѣлали езь. Богъ же и тамъ сталъ рыбы давать, а дѣволъ ево научилъ и езь велѣлъ в тай раскопать. Мы, терпя Христа ради, опять починили и много тово было. Богу нашему слава нынѣ, и присно и во вѣки вѣкомъ. Терпѣніе убогихъ не погибаетъ до конца.

Слушайко, старецъ: еще ходилъ я на Шакшу озеро к дѣтямъ по рыбу (отъ двора вереть с пятнадцеть), тамъ с людьми промышляли, в то время какъ ледъ трѣснулъ, и меня напоналъ Богъ, и у дѣтей покладше рыбы нарту большую и домой потащилъ маленькимъ дѣтямъ (иослѣ Рождества Христова), и егда буду наскреде дороги — изнемогъ таща по землѣ рыбу, понеже снѣгу тамъ не бываеть, токмо морозы велики; ни огня, ничево нѣтъ, ночь постигла, выбился из силы, вспотѣлъ и ногинеслужать. Вереть с восемь до двора: рыба покннуть и такъ побрести — ино лисицы разѣдять и домашніе гладны; все стало горе, а тащить не могу, потаща гоны мѣста, ноги задрожать да и паду в лямке среди пути ниць лицемъ что цыной; и озябше вставъ еще попойду столко жъ и паки упаду, бжся такъ много блиско полуночи, скиня с себя мокрое платье, вздѣлъ на мокрую рубаху сухую, тонкую тафтяную бѣлую шубу и валѣзь на вершину древа — уснулъ поваляся. Пробудилъся, — ино все замерзло: и безлуки на ногахъ замерзли, шубенко тонко, и жпвотъ озябъ весь. Аввакумъ, бѣдная сирота, яко искра огня угасаеть и яко неплодное древо посѣкаемо бываеть, тако смерть пришла. Взпраю на небо и на сіяющія звѣзды, тамо помышляю Владыку, а самъ и прекреститися не могу, весь замерзъ; помышляю лежа: «Христе, свѣте истинный, аще не Ты меня от безгоднаго сего и нечаемаго времени избавиш, нѣчева мнѣ стало дѣлать, яко червь исчезаю». А се согрѣяся сердце мое во мнѣ, ринулся с мѣста паки к нартѣ и на шею, не помню какъ, взложилъ лямку, опять потащилъ, ино нѣтъ

силки, еще версты с четырь до двора покинулъ, и нехотя все побрелъ одинъ, тащился с версту, да и повалился, толко не смогу; полежавъ еще хочу побрести, ино ноги обмерали: не смогу подымать, ножа нѣтъ, базлуковъ отрѣзать от ногъ нѣчемъ; на колѣнѣхъ и на рукахъ ползъ с версту, колѣни озябли: не могу владѣть, опять легъ, уже дворъ и не само далеко, да и не могу попасть, на г...ѣ по маленьку ползу кое-какъ и доползъ до своєю конуры; у дверей лежу, промолвить не могу же. Ко утру уже встали, уразумѣвъ, протопопица втащила меня бытто мертвова в ызу; жажда мнѣ велика — напоила меня водою, разболукши. Два ей горя бѣдной в избѣ стало: я, да корова немощная, — толко у насъ и животовъ было, — упала на водѣ под ледъ, изломався умираетъ, в избѣ лежа; в двадцети в пяти рубляхъ сія намъ пришла корова, робяткамъ молочка давала. Царевна Ирина Михайловна ризы мнѣ с Москвы и всю службу в Тоболескъ прислала, и Пашковъ на церковный обиходъ взявъ, мнѣ в то число корову ту было даль, кормила с робяты годъ, другой; бывало и с сосною и с травою молочка тово хлебнешъ, такъ лехче на брюхѣ. Плакавъ женѣ бѣдная с робяты, зарѣзала корову и истекшую кровь ис коровы дала найму козаку, и онъ приволокъ мою с рыбою нарту. На обѣдѣ я, едше, грѣхъ ради моихъ, подавился (другая мнѣ смерть), с полчаса не дышалъ, наклонясь, прижавъ руки сидя, а не кусомъ подавился, но крошечку рыбки недожа в ротъ, — вздохнуть, вспомянувъ смерть, яко ничтоже человекъ в житіи семъ, а крошка в горло и бросилась, да и задавила. Колотили много въ спину, да и покинули, не вижу ужъ и людей, и памяти не стало, зѣло горко, горко в то время было; ей, горка смерть грѣшному человекъ! Дочь моя Агренѣна была невелика, плакавъ на меня глядя много, и нитко ее не училъ, — робенокъ разбѣжався, лохтишками своими ударила въ мою спину и крови печенье из горла рыгнуло и дышать сталъ. Волшіе промышляли надо мною много и без воли Божіи не могли ничево здѣлать, а приказалъ Богъ робенку, и онъ, Богомъ подвизаемъ, пророка от смерти избавилъ (гораздо невелика была), — промышляетъ около меня бытто большая, яко древняя Іюдиѣ о Израили, или яко Есвиръ о Мардохѣ своемъ дядѣ, или Девора мужеумная о Вараце. Чюдно гораздо сіе, старецъ, — промыслъ Божій робенка наставилъ, пророка от смерти избавилъ. Дни с три у меня зелень горкая из горла текла, не могъ ни есть, ни говорить: сіе мнѣ наказаніе за то, чтобъ я не величался пред Богомъ совѣстію своею, что напоилъ меня среди озера водою, а то смотри, Аввакумъ, и робенка ты хуже. И дорогою было идучи исчезнулъ, — не величайся, дуракъ, тѣмъ, что Богъ сотворилъ во славу свою чрезъ тебя какое дѣло, прославляя свое пресвятое имя; Ему слава подобаетъ Господу нашему Богу, а не тебѣ берному худому человекъ. Есть писано во пророцехъ, тако глаголетъ Господь: «славы своєю иному не дамъ». (Сіе реченно о лжехристахъ, нарицающихся Богомъ и на жида неисповѣдающія Христа Сыномъ Божіимъ). А индѣ писано: «славяція мя — прославлю». Сіе реченно

о святыхъ Божиихъ; его же хочетъ Богъ, того прославляетъ. Вотъ смотри; безумне, не самъ себя величай, но Бога ожидай, какъ Богъ хочетъ, такъ и стройтъ; а ты су какой святой? из моря напился, а крошкой подавился! толко бѣ Божиимъ повелѣніемъ не ребенокъ от смерти избавилъ, и ты бы что червь—былъ, да и нѣтъ; и величается грязь худая: я су бѣсовъ изгонялъ, то, се дѣлалъ, а себѣ не могъ помощи, толко бы не ребенокъ. Ну помни же себя, что пѣтъ тебя ни со што, аще не Господь что сотворить по милости своей, Ему же слава.

Затѣмъ въ рукописи идетъ напечатанная нами выше подъ № 15, статья «о сложении перстѣ», а послѣ нея мы находимъ слѣдующее заключеніе:
«Житія»:

Ну, старецъ, моего вяканья много ветъ ты слышалъ! О имени Господни повелѣваю ти, напиши и ты рабу тому Христову, какъ Богородица бѣсатово в рукахъ тѣхъ мяла и тебѣ отдала, и какъ муравьи-те тебя за тайной удѣ ѣли, и какъ бѣс-отъ дрова-те сожегъ, и какъ кѣлья та обгорѣла, а в ней все цѣло, и какъ ты кричалъ на небо-то, да и иное, что помнишь. Слушай же, что говорю! Не ставешь писать, такъ я осержусь: у меня любилъ слушать! чево соромитца! Скажи же хотя немношко. Апостоли Павелъ и Варнава на соборѣ сказывали же во Иеросалимѣ предъ всѣми, слика сотворилъ Богъ знаменія и чудеса во языцѣхъ с ними (в Дѣяніихъ зачало 30 и 42). И величашеся имя Господа Исуса. Мнози же от вѣровавшихъ прихождаху исповѣдующе и сказующе дѣла своя. Да и много тово найдется во Апостолѣ и въ Дѣяніи. Сказывай, небось, лише совѣсть крѣнку держи, не себѣ славы ница, говори, но Христу и Богородице. Пускай, рабъ Христовъ веселится, чтучи, а мы за чтущихъ и послушающихъ станемъ Бога молить: какъ умремъ, такъ онѣ помянуть насъ, а мы ихъ тамъ помянемъ. Наши нынѣ онѣ люди будутъ тамъ у Христа, а мы ихъ во вѣки вѣкомъ. Аминь.

№ 26. Челобитная Симеона, архіепископа сибирскаго и тобольскаго царю Алексѣю Михайловичу о злоупотребленіяхъ даурскаго воеводы Аванасія Филипповича Пашкова. 1658 года ¹⁾.

Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи самодержцу бьетъ челомъ твой государевъ богомолецъ Симеонъ архіепископъ сибирской и тобольской. Въ прошломъ, госу-

¹⁾ Московскаго архива Мин. Юстиціи, столбцы Сибирскаго приказа, № 6564—509.

дарь, во 165 году писалъ ко мнѣ, твоему государеву богомолцу, Аѳонасей Пашковъ, что въ Дауры посланъ восводою, чтобы мнѣ, твоему богомолцу, послать въ Дауры пона бѣлова да дьякона, потому что дьякона бѣлова въ Вратскомъ острогѣ чудомъ Божиимъ не стало. А въ прошломъ, государь, во 164 году, по твоему государеву указу послать я ис Тоболска пона чернова да дьякона бѣлово, а Аввакумъ протопопъ, по твоему государеву указу, посланъ быть вмѣсто бѣлово пона изъ Енисѣйскаго острогу съ нимъ, Аѳонасьемъ Пашковымъ, а всѣмъ имъ троимъ, по твоему государеву указу, давъ быть подмогъ, твое государево денежное и хлѣбное жалованье. А попамъ, государь, съ женами и съ дѣтми ѣхать не мочно безъ твоего государева денежного и хлѣбного жалованья, потому что путь дальнѣ. А съ Лѣны, государь, и съ Байкалова озера и изъ иныхъ дальнихъ мѣстъ о понахъ бьютъ челомъ, чтобы мнѣ, твоему государеву богомолцу, ихъ поповъ посылать въ тѣ дальнѣ мѣста, и имъ попамъ такожде безъ твоего государева денежного и хлѣбного жалованья собою подняться не мочно, а въ прежнѣе, государь, времена при прежнѣхъ архіепископехъ посланы были поны съ Москвы въ Сибирь, въ Тоболескъ, и имъ, попомъ, даванъ былъ былъ болшеи подмогъ, твое государево денежное и хлѣбное жалованье. А въ Дауры, государь, къ Аѳонасью Пашкову поповъ и дьяконовъ посылать не смѣю, потому что онъ нравомъ озорникъ великой: посланъ былъ изъ Тоболска на Лѣну къ церквѣ Божіи служить попъ Яковъ, а Аѳонасей Пашковъ былъ еще во Енисѣйскомъ при Иванѣ Акинѳовѣ, и онъ, Аѳонасей Пашковъ, зазвалъ того Якова пона къ себѣ на судно, и билъ ево на смерть своими руками, и онъ, попъ Яковъ отъ ево Аѳонасьевыхъ побои лежалъ недѣль съ шесть при смерти; два ожилъ. Да вѣдомо мнѣ учинилось твоему государеву богомолцу: какъ онъ, Аѳонасей Пашковъ, поѣхалъ изъ Енисѣйскаго острогу въ Дауры, и протопопа Аввакума билъ чеканомъ самъ своими руками, а после того ево Аввакума протопопа тотъ Аѳонасей велѣлъ бить кнутомъ на козлѣ, а было ему протопопу на козлѣ ударовъ съ шездесять, да въ тожь время билъ его чеканомъ по головѣ, и голову у него всю испроломалъ, и Аввакумъ протопопъ отъ того убіиства на многое время омертвѣлъ, а послѣ того велѣлъ его вкинуть въ студеную тюрьму, и сидѣлъ онъ, протопопъ Аввакумъ, въ тюрьмѣ съ Покрова Пречистыя Богородицы всю зиму по ево поѣздѣ, какъ онъ, Аѳонасей, и поѣхалъ изъ Вратского острогу въ Дауры, а нынѣча, государь, тотъ протопопъ Аввакумъ живъ или нѣтъ, того не вѣдаю, и я къ такому озорнику поповъ и дьяконовъ посылать не смѣю. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи самодержецъ, пожалуй вели, государь, попомъ и дьякономъ, которые посылаютца въ Дауры и на Лѣну и на Байкалово и въ нныя дальнѣя стороны давать свой государевъ подмогъ, денежное и хлѣбное жалованье, чтобы имъ попомъ мочно было съ женами и съ дѣтми своими до тѣхъ дальнихъ мѣстъ доѣзжать и велѣ, государь, о

томъ прислать свою государеву грамоту въ Тоболескъ въ городъ, въ сѣвѣжную пѣзу и ко мнѣ, твоему государеву богомолцу. Царь государь смилуйся.

Грамота писана на двухъ столбцахъ, на обратной сторонѣ перваго столбца написано: Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Бѣлыя и Малыя Русіи самодержцу; нѣсколько ниже: приказалъ бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой писати къ архіепископу, послати попа и дьякона съ Дмитріемъ Зиновьевымъ въ Дауры: назади втораго столбца: 166 г. генваря въ 11 день. Съ тоболскимъ Соѣвнскаго собору протопопомъ съ Меоодиємъ.

**№ 27. Черновой отпускъ царской грамоты архіепископу Симеону.
11 февраля 1858 года ¹⁾.**

Отъ царя и великого князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца въ Тоболескъ богомолцу нашему Семиону архіепископу Сибирскому и Тоболскому. Писалъ ты къ намъ, великому государю: писалъ де тебѣ, богомолцу нашему изъ Дауръ Аѳонасей Пашковъ, чтобъ тебѣ послать къ нему въ Дауры бѣлого попа да дьякона, и ты де, богомолецъ нашъ, въ Дауры къ нему, Аѳонасью, попа и дьякона послать не смѣешь, потому что Аѳонасей Пашковъ поповъ бьетъ и протопопа Аввакума билъ чеканомъ и кнутѣмъ, да и безъ нашего де денежнаго и хлѣбнаго жалованья попа и дьякона послать неслѣ въ мѣсто далее и сытымъ имъ быть нечѣмъ (*на оборотѣ вставка*; и нынѣ по нашему великого государя указу посланъ въ Даурскую землю Дмитрен Зиновевъ, а Аѳонасья Пашкова отъ Даурскіе службы велено отставити). И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ велѣлъ послать попа и дьякона (*вставка на оборотѣ*: къ столнику нашему и къ воеводѣ ко князю Алексѣю Ивановичу Буйносову-Ростовскому да дьякомъ нашимъ къ Ивану Михайлову, къ Григорью Углеву, а отъ насъ великого государя къ нимъ писано, велено тому попу и дьякону дати) наше жалованье деньги и хлѣбъ и соль на нынѣшней на 166 и впередъ на 167 годъ имъ дати въ Енисѣйскомъ остроге воеводе Максиму Ртищеву по ихъ окладомъ сполна. (*Вставка на оборотѣ*: а какъ отъ тебя къ столнику нашему и воеводе ко князю Алексѣю Буйносову-Ростовскому и къ дьяку Григорью Углеву пошъ и дьяконъ присланы будутъ, и велѣно послати ихъ на Даурскую землю къ Дмитрею Зиновьеву тотчасъ). Писанъ на Москвѣ лѣта 7166 февраля въ 10 день.

¹⁾ Московскаго архива Мин. Юстиціи, столбцы Сибирскаго приказа, № 6564—509.

№ 28. Статьи ложных писемъ Аввакума ¹⁾.

1. Зри, Игнатій Соловьянинъ, и вѣруй трисущную Троицу, существо едино на трое раздѣляй. На трое течетъ источникъ Божества. По Арію не рцы: три существа не равныя, а равныя три существа добръ или естества. Не шевели болши того (л. 1).

2. Несѣкомую сѣки, небось, по равенству, едино на три существа и естества (л. 7 об.).

3. Образы три равны (л. 9 об.).

4. Якоже бо слово от души раждается и паки в человекѣ не возвращается, тако и Сынь отъ Отца родися и во чрево Отчее паки не возвратится (л. 12).

5. Якоже Спасъ рече: Азъ во Отцѣ и Отецъ во мнѣ (толкованіе Аввакумово) волею, а не существо въ существѣ (л. 14 об.).

6. Три цари небесныя, три непостижимыя, еще же комуждо особно сѣдніе Отцу и Сыну и Святому Духу; не спрятався сѣдять три цари небесныя; яко Петръ и Павель и Іоаннъ Богословъ трое растояща, тому прилично и Божественное трое раздѣльшееся (л. 16 об.).

7. Исповѣдуй всюду Божій промыслъ, всюду Божія сила, всюду обдержитъ неизреченно, всюду видить и слышитъ всевидящее Око, а свойства блаженнаго существа вышнихъ пребываетъ, во свѣтѣ живый непреступнѣмъ, а на землю и под землю неоступно (л. 20).

8. Великъ Богъ и силенъ не по величеству вещи, нами зримой. И здѣ зри, малая вещь сильнѣе болшіе: левъ звѣрь сильнѣе осляти и вельбуда; такоже и орелъ и соколъ сильнѣе лебеда и гуся. Да и много того есть в видимѣй сей твари: малая вещь сильнѣе болшіе Писаніе велика Бога нарицае не по существу состава, но великъ и всесиленъ властію державы; въ существѣ его къ хотѣнію припряжена сила; что восхоцетъ, то и сотворить. По образу Божію реку тебѣ въ прикладъ: царствуетъ на земли царь, составомъ не великъ, а вездѣ обладаетъ. Тако и о блаженномъ ономъ существѣ подобаетъ помышляти, а не вещь помышляти велика (л. 21 об.—22 ²⁾).

9. Федка, а Федка, по твоему кучею надобе, едино лице и единъ составъ и образъ! Охъ! блядинъ сынъ, собака косая, дуракъ страдникъ! Коли не знаешь въ книгахъ силы, и ты вопросы бабы поселянки: заблудилъ де от гордости, государыня матушка, на водахъ пустыни и не знаю праваго пути к Богу, а со отцемъ духовнымъ діаволь спроситца претить

¹⁾ По ркп. Черниговской духовной семинаріи, № 135.

²⁾ Здѣсь въ ркп. № 136, той же бібліотеки, на л. 3, находимъ такое дополненіе: «яко три солныша единосвѣтны свѣтятъ три цари небесныя, лица и образы равны».

ми, и отъ него де за воровство учинился проклять. Помогн-де, матушка, моему сиротству, исправь мою душу косою, и весь де мой органъ по души катигца косо, с трудомъ великимъ, не путемъ ѣду. Скажи-де, государыня, о Святой Троицѣ, Троица де что есть. Такъ она тебѣ скажетъ и отвѣщаетъ (л. 24 об.—25).

10. Федка, ну лбомъ, блядинъ сынъ, поселянкѣ той о землю! Таки су и мнѣ грѣшному диво, какво хорошо старуха та отвѣщала. Гордоусъ, алхмѣй, собака! Богъ тебя навель на жену-ту. Вопросы еще еяже, что есть существо Божіе, и она тебѣ отвѣщаетъ (л. 26).

11. Въ существѣ Божіи къ хотѣнію Его припряжена сила (л. 27).

12. По апостолу, люта времена настали: яко грибы гнѣють, челоувѣцы отъ вѣры отпадающе, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ. Есть писано: не по писанію вѣрующія еретицы суть, — якоже и мой худой еретичишко Федка: глаголетъ бо самымъ существомъ воплотившагося Бога Слова.

Азъ же исповѣдую и вѣрую свойство недвижимо, но изливъ Себе Богъ Слово во утробу Дѣвья силу существа естественную, припряженна бо къ Волю хотѣнію Ему сила: восхотѣвъ бо, изливъ себе неизреченно, а самое существо отнюдь, отнюдъ непоступно.

Отча нѣдра не оставль существомъ, сошедъ на землю силою благодати несказанно, якоже солнце луча своя на землю низпускаетъ, а самый кругъ огня выспрь при тверди, тако и о Бозѣ подобаетъ разумѣвати.

Исповѣдуетъ, во утробѣ Дѣвья силу Божества, а не самое Божественное существо поступи отъ превыспреннихъ, но промысль неизглаголанъ. Ветхой и новой законъ номинаетъ и новую благодать: видѣ и тамо и здѣ схожденіе, а самое блаженное чистое существо видѣ пророкъ. Якоже пророцы видѣша, тако и вочеловѣчился Сынъ Божій дѣйствомъ Духа Святаго, а не самымъ существомъ, но схожденіемъ.

Да ты же еще мудртвуетъ нѣкако дико и сѣчешъ Единороднаго на четыре ипостаси. Охъ! яко беззаконный Юда, не восхотѣ разумѣти: глаголешъ бо, окаянный, ниша въ тетраткахъ: самымъ де существомъ Сынъ Слово на землю сниде во чрево Дѣвья; И егда пострада, во гробѣ с плотию Божество существомъ бѣ. Въ то же время, егда во гробѣ лежа, яко спя, во адѣ Божество с душею нагою без плоти существомъ бѣ. Въ то де время и в рай с разбойникомъ Божество существомъ бѣ, и на престолѣ со Отцемъ существомъ же. И о семъ твоёмъ изумленіи безумніи играютъ, а разумніи рыдаютъ. Какъ такъ? недвижимое существо Божіе разсѣкъ на четверо, не разумѣя писанія, ни силы его, надувая свое чрево и вѣжди гнилымъ умомъ; изливаешъ вою по воздуху, не хотя о недомѣхъ вопрошится со старцы, и гордяся, ѣдешъ по своей дорогѣ. Богъ бо, не преложа существа Своего, сниде на землю, вочеловѣчился за мірскій животъ и спасеніе, неотлучнымъ Божествомъ существа Своего отъ

нѣдръ Отчихъ; сирѣчь, благодати сила изляся, якоже Онъ вѣсть, а самое существо ипостаси не ястоицися и пребысть нераздѣльно и отъ Отца существомъ неотлучно. Соступивъ с небесе силою благодати Своя к намъ весь в чистую Дѣву, тверди, весь благостию, а существомъ весь горѣ со Отцемъ бысть несѣкомо, тверди. А то схожденіемъ вмѣщается неизмѣнно, а не существомъ свойства.

Да ты ж пипешъ: самъ Богъ Слово самымъ существомъ Божества Своего бысть во чревѣ Дѣвья, а не благодатию и промысломъ, кромѣ существа, но весь невмѣстимый вмѣстися в Дѣвичю утробу существомъ по своему хотѣнію, а не благодатию и устроеніемъ и силою несказанно, но яко Божественное Его Христово самое существо с плотію бѣ на крестѣ, и во едино время во гробѣ с плотію бѣ, и во адѣ с душею, и в рай с разбойникомъ, в пятокъ, в онже распятыя, вездѣ существомъ бѣ, тоже Слово Отчее, Христось Богъ нашъ. Да и много того блядословія въ тетраткахъ твоихъ писано (л. 28—30 об.).

13. Прежде изъ гроба востаніе и потомъ во адѣ схожденіе, понеже Господня душа, просто молить, не была во адѣ, якоже прочихъ святыхъ души, но Христось послалъ ея ко Отцу с кровію своею, нас выкупаю, а не во адѣ отъ креста поиде. Пречистѣй души во адѣ сошедши с тѣломъ неистлѣннымъ, во гробѣ лежащимъ, а не без души тѣло бысть во адѣ и душа безъ плоти, яко воста изъ гроба Христось и низложися во адѣ, еже есть Богъ Слово плотію и душею сниде во адѣ. Каковъ родился, таковъ обоженою душею и плотію во адѣ былъ. А еже глаголете, яко не бысть Христось по востаніи изъ гроба тѣломъ и душею во адѣ, но единою де душею ада плѣни, а тѣло-де въ то время мертво въ гробѣ лежа, пощади Сынъ Божій от сего безумія и нелѣпаго мудрованія! Проклятъ тако мудрствуя! Яко сниде Христось во адѣ плотію одушевленною, а не яко Федка отступникъ блядословить глаголя неподобно: душа Христова безъ тѣла от креста во адѣ снесена діаволомъ и смертію. И такіе же бредни обрѣтаются в книгахъ Григорія Омирискаго и Іосифа Волоцкаго. Врѣдни, брѣдни! правовѣрне, плкунъ в то мѣсто, пдѣже писано увидишь, яко діаволь и смерть душу Христову без тѣла во адѣ волочили. Аще бо и сами Григорій и Іосифъ написали, и тому не подобаетъ вѣрять. А блядословцы глаголють, смертію и діаволомъ сведена душа Его во адѣ, и прочія басни ихъ во Амиритовѣ книгѣ. Не согрѣшитъ, кто и всю книгу ту за Христово безчестіе въ огонь кинетъ. И добра была, да от еретикъ испоганена стала. Ну, дитятко проклятое, слушай-ко еще: слава Господу Богу нашему, спасшему насъ отъ діавола и от сыновъ діаволихъ, кон глаголють: Христову душу смерть и діаволь во адѣ снесли. Въ третій день воста Слово Божій, сниде тѣломъ и душею во адова жилища. Ну, такъ! человекъ Христось и былъ во адѣ, а не душа без тѣла. Не плутай! Пресвятая душа во адѣ сошедши, вода тѣло нетлѣнное во гробѣ

Избавителя нашего—Свѣта ¹⁾, а егда воставши, яко от сна взем душу той же Богъ Слово лежай во гробѣ. Яко левъ шатаиємъ, разпатавса плотію з душою во адъ Божески и прилетѣвъ красненекъ отъ гроба, яко женихъ от чертога, да возми, да понеси силы небесныя, воровъ бѣсовъ души. Яко левъ, пьянъ бывъ, реветъ да ломаетъ: шюмитъ у него въ головѣ-той, употчивали любимыя дѣтушки, возлюбленный Израиль. Пречистѣй души сошедши во адъ с тѣломъ по воскресеніи из мертвыхъ, яко сила благодати Божества во гробѣ тѣло Господское соблюдающе от тлѣнія, таяжде и с разбойникомъ въ раи: неописанно бо Божество, но веадѣ благодать дѣйствуетъ, преестественнѣ же самымъ существомъ на небеси со Отцемъ и Духомъ. Силу же Его Божественную и всеобъятную кто исповѣдати можетъ! Во гробѣ лежалъ, тоже во адѣ потомъ воевалъ, а всемогущая сила Его и въ раи повсюду бѣ, и на престолѣ существомъ со Отцемъ Онъ же сѣдитъ, вся исполняя неописанный.

А Федка прелагатай со единомысленники проклять да есть, ей да будетъ и будетъ в вѣкъ, собака, блядинъ сынъ, адовъ песъ. Вотъ тебѣ, отступникъ Пѣсни пѣснямъ Соломоновы! Играй подѣ клятвою вѣчною, затворилъ ты Богъ въ противленіе истинѣ, погибай с своими окаянныи! Федка поганецъ, слушай: умучи ада сошедый во адъ плотію, горе бысть аду от плоти (во гробѣ Богъ Слово лежа человѣчески уничиженно, безславно, а егда воставъ, яко от сна), пресѣкло тѣло Христово чрево адово. Слава Богу! Пойдите, бѣдные тюремщики, ис тюрьмы вон! Богъ простилъ Адама со адамленки, да и вышелъ со святыми из земли Христосъ, и всѣмъ бѣднымъ горемыкамъ воскресшимъ, по апостолу вотю, в третій день по нисаниихъ, явися апостоломъ и прочая (л. 38—40 об.).

14. Не скривайте, еретики, и Христа тово в Троицу мѣсяще недовѣдомѣ. Благодать во Христѣ того ж существа сѣдитъ на особомъ престолѣ, равно Святѣй Троицѣ спарствуя. Сѣдитъ Богъ и человѣкъ о десную Бога на престолѣ своемъ царскомъ. Да и ладно такъ, дитятко бѣшеное, не замай Его: на престолѣ томъ своемъ сѣдитъ. Не нехай поганымъ своимъ языкомъ с престола тово царьскова къ ногамъ Отца. Помнишь ли, собака, блядинъ сынъ, лаешъ: существо де Божества внутрь Отца, асмотреніе подле ногъ Отца близъ сѣдитъ. Такъ-то ты говорилъ, громобитной врагъ (л. 45).

15. Пишетъ Аввакумъ в писаніи своемъ ложно на Феодора діакона, укоряя его исповѣданіе о Святѣ Душѣ. Да онъ же, Федка, окаянной ересникъ, запсаялъ Духа утѣшителя—благодать зоветъ тварію, а не Богомъ. Въ Пятдесятницу (Феод. рѣчь) самымъ существомъ пришедъ, апостоломъ разданъ дары, и паки существо горѣ възде, апостоломъ благодать оставилъ. *Аввакумъ*. Азъ отъ святыя купѣли пріяхъ и вѣрую Духа Святаго благодать Бога истинна, отъ истиннаго Параклита самая исходящая сила,

¹⁾ Здѣсь пропускъ, который дополняемъ изъ Мат. VIII, стр. 222: «Во гробѣ Богъ Слово, лежа человѣчески, уничиженъ безславно», и т. д.

излившаяся в мою душу по мѣре моего органа, а не втораго свѣта изліяніе тварію. Також и на апостолы изліяся огненными языки совершенна благодать Духа Святаго. А самое существо Параклитово отнюдь свойство недвижимо пребываетъ. И въ церковныхъ книгахъ нѣсть сего разума, иже бы самому существу поступити, въ пророцѣхъ и апостолѣхъ и во всѣхъ святыхъ, вездѣ Богъ дѣйствуяй благодатію, по глаголющему пророку, в неже самъ глаголя: азъ видѣнія умножихъ и в руку пророкъ уподобихся не существомъ, но благодатію во всѣхъ Богъ дѣйствуяй. И статное ли то дѣло, существомъ Духу Святому снити и раздавши дары, паки горѣ възити! Самой робчей розмысли! (sic!) Якоже посулилъ Господь, тако и сотворилъ: в десятый день по вознесеніи посла Утѣшителя, истиннаго Духа силу, сирѣчь благодать, а не самое существо, ниж тварно что, но благъ благодать приде и вселися во ученики и неотлучно пребысть с ними (л. 47—48 об.).

16. И о душѣ той слѣпотою говоришь, слушать нѣчево, глаголешь бо ея трисоставну. Не тако, не бляди: вси святіи научають, яко душа единославна и тѣлесовидна: умъ, слово и духъ—силы в ней дѣйственныя. Сими силами зряше к Богу, о кротости и о правдѣ пекущися. Сообразенъ Богу бываеъ человекъ, не по естеству Божественному душа имать естество, но вещь тѣлесовидна, ангелъ нѣкій, чистѣйшій духъ.—душа, но и плотна есть, единовидна и. единосоставна, а не трисоставна, прежде ума и слова сотворена (л. 50 об.).

№ 29. Отрывокъ, пропущенный въ первомъ посланіи къ Симеону¹⁾.

Отрадніе, чадо, Лоту в Содоме и Гоморе житіе было, нежели мнѣ в волокитахъ тѣхъ. Безпрестанно душевное плаваніе и неуспыння навѣты и беды: яко со зверми по человекъку со искусителя брахся. Внѣ убо страхъ, а внутрь такожде боязнь: и во церковь иду, а тово и гляжу, какъ нападуть; а в церквѣ стою, паки внутренняя бѣда: безчинства в ней не могу претерпѣть, безпрестанно ратуюся с попами пьяными и съ крылошаны и с прихожаны. Моя чадь робята в церкви играютъ, и тѣ душу мою возмущають. Иное хочу и промолчать, ино невозможное дѣло: горить во утробѣ моей, яко пламя цалить; и плачу и ратуюся! А егда въ литоргію нищія по церквѣ бродятъ и не могу ихъ унять, и я имъ кланяюся и денегъ посулю, веду на одномъ мѣстѣ стоять, а послѣ обѣдни и заплачу. А которые бродятъ и мятежатъ людми, не послушаютъ совѣта моего, с тѣми ратуюся, понеже совѣсть нудить, претерпѣть не могу.

Еще же и Златоустомъ реченное воспоминаю о души моей. Есть писано въ Бесѣдахъ апостольскихъ, во нравоученіи; вселенныя учитель рече:

¹⁾ Ркп. Имп. Публ. Библ. О. I. № 339, л. 229 об.—303 об.

аще бы де варваръ, или скифъ, в церковь вшедъ, начат во олтарѣ престолъ разорять и трапезу опровергъ, наругавъ святая святыхъ, еже есть, святыи сокроментъ долу опровергъ (тѣло Христово), не вси ли бы прилучившіися тутъ рудъ свои возложили на него и уязвльше, яко бѣшенаго пса, далече отгнавше, восплакали и возрыдали погибели его? Здѣ же не трапезу разоряють, ниже святая опровергають, но самый Духъ Святыи оскорбляють и досажаютъ Богу паче, нежели оный раззоритель трапезы. Вошедъ въ церковь, овъ смиеся, инъ празнословить и плищъ счиняеть во время соборнаго моленія, инъ же разгордѣвся уставъ церковный пременяеть, а инъ иная неотребства. Стоящии же в церкви, яко изумлени, и нѣми, и глуши, и слѣпни: слышавше не слышать и видявше не разумѣють, ни болѣзнують о разрушеніи церковнаго устава. Вси бѣгуну, вси покаявшики, вси своя си ищутъ, а не яже суть Божія. Азъ глаголю и повелѣваю на мятежника церковнаго всѣмъ вѣрнымъ руки возложити и далече от церкви отгнати паче онаго варвара; и дондѣже в покаяніи приидеть, ни на прагъ церковный допущу такому возступити. Церковь бо есть небо, церковь Духу Святому жилище: херувимомъ Владыка возсѣжитъ на престолѣ, Господъ серафимомъ почиваетъ на дискосѣ. Егда возступилъ еси на прагъ церковный, помышлай, яко на небо възде равно со ангелы послужити Богу, Богу живому истинному, Богу животворящему мертвыя и разрѣшающему от грѣховныя смерти къ вѣчной нестарѣющейся жизни, ея же да улучимъ вси о Христѣ Ісусѣ.

№ 30. Слово святаго отца Аввакума протопопо о никоніанскомъ ереси ¹⁾.

Въ памяти Никонъ иишетъ: Годъ и число. По преданію святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ не подобаетъ мѣчтанія (sic) въ церкви творить; еще же тремя персты бы есте крестился. Мы же сошедшеся со отцы задумалися, видимъ, яко зима хоцеть быти: сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ мнѣ приказалъ, а самъ и скрылся въ Чюдовъ, седмицу едину въ полаткѣ молился, и тамъ ему от образа глас бысть во время молитвы сице: врѣмя присиѣ страдаія.

О жертвѣ никоніанской и службѣ ихъ мѣрской мало побесѣдуемъ отчасти. Въ новой ихъ службѣ литургіиной агнецъ закаляется неправедны, стихи и молитвы и ектѣиіи измѣны, иной жертвѣ образъ сквѣрной, сиречь крыкъ латынскій, а не Христовъ крестъ на просвирѣ устроиъ, и на дѣйствѣ не исповѣдують смотренія Христова вочеловѣченія и воскресенія и царствія со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, и Духа Святаго неистинна глаголють, и вся измѣнена и противна Богу. Зѣло гнушается Богъ сея неправедныя жертвы. Аще который поупъ старой рукоположенія и служба по новому и

¹⁾ Ркп. библиотеки В. Г. Дружинина, № 53, Q. № 30, л. 87—90.

начнетъ безъ покоянія служить по старому, той Богъ гнушается жертвы, развѣ покается со слезами о первой своей блуднѣ и тогда прощенъ Богомъ будѣтъ.

Азъ, грѣшны протопопъ Аввакумъ, самъ во искусе над собою то видѣлъ. Попъ нѣкогда старой служилъ по новому, и безъ покаянія служилъ по старому. Азъ же облазился служенія его, взя просвиру вынятую со крестомъ Христовымъ, а не крыжемъ, хотѣлъ во инъ день потребити и положилъ ея на мѣстѣ в правило и кадиломъ пакадилъ. В ночь же ту по правилѣ возлегъ и, егда умолкоша уста моя от молитвы, нападоша на мя бѣси, и единъ бѣсъ щербать и чермень, ухватя меня за голову, и завѣрнулъ шею, а самъ говоритъ: «попалъ ты намъ в руки». А другой говоритъ: «не болно же». И той паки отвѣща: «знаю, не указывай». Азъ же въ рукахъ бѣсовыхъ тогда сегда дохну, насилу живъ, и еле еле молитву Ісусову проговорилъ. И отскочиша от мене бѣсове. Азъ же утомлѣнъ зѣло и вставъ, не могу, молитву лежа говорю, а самъ отдыхаю. И кое-какъ встаюся, помолитвовавъ и поплакавъ, опять повалился и задрѣмавъ вижду себѣ: у церкви образъ Спасовъ и крестъ Христовъ полатыни написанъ стоять у церккви, и многіе латынскіи образомъ кланеются, и нѣкто от престоющихъ велѣлъ и мнѣ той крестъ поцѣловать. И егда поцеловахъ, нападоша на мя паки бесове и зѣло мя утомиша. А очнуса, и мучать мя, потомъ оставша и изчезоша. Азъ же разумѣвша (sic) просвѣры ради бѣси же мучать, стонавъ и плакавъ кое-какъ встащился и выложилъ ея за окошко. И ночь ту проводилъ бѣсна до утра плакався, и день весь разсуждалъ, что сотворить надъ просвирою: крестъ Христовъ на нѣй напечатанъ. И во вторую ночь по правилѣ молитвы лѣжа початкомъ (sic) говорю. Вскочиша бесовъ множество в хижу мою и селъ единъ на мѣсте томъ, идѣже просвира лежала, и начаша играти в гутки и домы, а я леже у нихъ слушаю, молитву говорю. Ко мнѣ уже не прикоснулись Божію волею. И много игравше, изчезли. Азъ же воставъ и плакався пред Владыкою, обѣщался просвиру во огнѣ сожещи, и в той часъ нападе на мя Духа Святаго благодать, и радость приде в сердцѣ мое, и в глазахъ моихъ яко искры огня блѣщахуся, и весь здравъ бысть, и кости перестали болѣть. Азъ же в печи сожохъ просвиру и пецѣлъ за окошка бросилъ. На иную ночь бѣсъ одинъ приходилъ, а я молитвы лѣжа по чоткамъ говорилъ. Онъ же около меня ходилъ, а зла мнѣ не сотворилъ, лишь чотки изъ рукъ выдернулъ и на землю бросилъ. И азъ поднялъ чотки, опять сталъ молитвы говорить. Потомъ минувъ врѣмя, приидѣ ми на разумъ паки та просвира, опѣчалился по нѣй, что крестъ во огнѣ сожогъ, и среди двя нады на мене на полу. А еже престалъ молитвы говорить и зашѣлъ на гласъ возвышной стихъ: и печаль мою пред Нимъ возвѣщу, — и в то время бѣсъ вскричалъ на меня зѣло жестоко. Азъ же ужасся и вскочилъ, паки началъ молитвы говорить и каятися о печали пустой. Таже на иную ночь въ забыти ума отпечалился паки о просвирѣ и уснуть, и нападоша на мя бѣси и зѣло утомиша паче преж-

няго. Азъ же после ихъ кое-какъ свалился з даски на полъ и валяся по земли вѣло немощенъ, дряхлгъ (sic) и каюся о беззаконіе своемъ предъ Владыкою, и в то время проклялгъ Никона с никоніаны и жертву ихъ и вся ново ввводныя ихъ ереси и умыслы, и бысть наки здравъ по прежнему, и восіаи ми сердце радость духовная и неизреченная. Богу нашему слава и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

№ 31. Нравоученіе ¹⁾.

Послушайте, чада, да скажу вамъ, что есть тайна христіанская, и какъ жити в вѣре Христовѣ. Прежде всего имѣйте страхъ Божій в сердцахъ своихъ, да от того научитися и Бога боятися: се бо, чада, заповеди Божія, еже любити Бога всѣмъ сердцемъ и всею душею и всѣмъ разумомъ и всѣмъ помышленіемъ твоимъ. Ходящу ти и сѣдящу и возлежащу, да парить умъ твои горѣ к Богу, и яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая разсуждая, да поеши непрестанно пѣснь свою Господеви: яко возвеличишася дѣла твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси, мене ради человекъ человекъ бывъ, человеклюбіа ради, Христе Спасе мой, мене ради человекъ в нищетную плоть облечися изволилъ, Христе Спасе, да мене обогатиши в вѣкъ вѣка; мене ради человекъ по плещема біенъ бываше, и язвы и копейное прободеніе пріять, Христе Спасе, да уязвенна мя от грѣхъ изцѣлиши; мене ради оста (sic) и желъчи вкусивъ, Христе Спасе, да вѣчныя мя горести свободиши; мене ради смерть вкусивъ, Христе Спасе, даже животомъ вѣчнымъ живъ буду; мене ради во гробъ положенъ бысть и плащаницею повить, Христе Спасе, да погребенна мя страстьми отъ грѣхъ разрешиши; яко возвеличишася дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси. Также в третій день воскресе Христосъ Сынъ Божій и во адъ сниде обоженною плотію и душею, ада пленилъ и, діавола связавъ, и изведе вся святаго отца, въ рай всели, и иныхъ съ Собою въ даръ ко Отцу своему и на небо вознесе. Яко возвеличишася дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси! Съде на престолѣ херувимстѣмъ вознесшеся одесную Бога Отца, и царствію Твоему нѣсть конца, и наки придеши судити живымъ и мертвымъ, и воздати комуждо по дѣломъ его. И тогда наше естество мертвенное будетъ пожерто животомъ, пріимемъ каждо или блага или зла от всемогущія десницы Твоей. Дивна дѣла Твоя, Господи, вся премудростію строиши! Тогда же, Боже, будеши всяческая во всѣхъ, во святыхъ и ирavedныхъ и избранныхъ своихъ, и поклониттися всяко колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ псеновѣсть, яко Господь Ісусъ Христосъ в славу Богу Отцу. Велии еси, Господи, и чудна дѣла Твоя, и ни

¹⁾ По ркп. Имп. Публ. Библиотеки, О. I, № 339, л. 227—288 об.

едино же слово довольно есть к похваленію чудесъ Твоихъ! Какъ Ты похвалы, Боже, принесу, имый каленъ языкъ и сердце развращенно и сквернава уста? Но съ Павломъ апостоломъ реку: О глубина богатства премудрости и разума Твоего, яко неиспытаны судьбы Твоя, ниже исследованни путіе Твои!.. Кто разумъ умъ Твой? Или кто совѣтникъ Тебѣ бысть? Твоею бо волею от небытія в бытіе привелъ еси вся, Твоимъ промысломъ строиши весь міръ. Ты от четырехъ стихій тварь составилъ еси, четырьми времени кругъ лѣту венчалъ еси! Тебѣ трепещутъ умныя силы вся! Тебѣ поетъ солнце, Тебѣ славить луна, Тебѣ молятся звѣзды, Тебя послушаетъ свѣтъ, Тебе боятся бездны, Тебѣ работаютъ источницы. Ты простерлъ еси небо, яко кожу, утвердилъ еси землю на водахъ, Ты оградилъ еси море пескомъ, Ты воздыханію воздухъ пролилъ еси! Ангельскія силы Тебѣ служатъ, архангельскія лица Тебѣ кланяются, многоочитая херувимъ и шестокрылатая серафимъ окрестъ Тебѣ стоящеи облетающе, страхомъ неприкосновенныя Ти славы закрываются. Ты бо, Богъ нашъ, на земли явился и с чловѣки пожилъ, и Иорданскія струя освятилъ еси, с небесе низпославъ Святыи Свой Духъ, и главы тамо гнѣздящихся змиевъ стерлъ еси. Удивился разумъ Твой отъ мене и не возмогу к тому, яко возвеличашася дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси! И сіе псаломское слово безпрестанно, чадо, припѣвай души своей: се бо ти есть первая заповѣдь.

Подобія же ей и вторая: Возлюбиши ближняго своего, яко самъ себѣ. Кто бо ближній нашъ? Меню же всякаго христіанина, живущаго в вѣре Христовѣ. Къ сему бо согласуютъ евангельскія словеса (Лук. зач. 26): рече Господь, якоже хотите, да творятъ вамъ чловѣцы, и вы творите имъ такожде, еже есть: хочещи помилованъ быти, самъ такожде милуй; хочещи почтенъ быти, почитай; хочещи ясти, иныхъ корми; хочещи взять, иному давай. Се бо есть равенство, а по превосходному уму себѣ желай худшее; а искреннѣму лутьшее; себѣ желай меньшее, а искреннему большее; богатому поклонись въ поясъ, а нищему в землю; ударить тя кто по лавитѣ, обрати ему другую и отшедъ ему же поклонись. Чти отца твоего и мать твою любезнѣ и сердѣчнѣ, яко ко святымъ, к столамъ ногъ ихъ главу приклоняй благоговѣйнѣ, изведшихъ тя от своєю утробы: тебя ради утроба матерня болѣзнь претерпѣ, отецъ же, болѣзнуя о тебѣ, воздыханіемъ и печалію снѣдаемъ всегда. Сего ради старость его поддержи, болѣзнь его уврачуй, гной его своима рукама обмой, ризы мяхкія на плоть его возложи, сѣдины его облобызай, пищею сладкою напитай, и отшедъ, поклонись, яко Іосифъ прекрасный отцу своему, не постыдѣся Египта державы своєю. Также и матери твори, яко Соломанъ царь Вирьсавію о десную престола своего устроилъ: аще ветха денми, на руку своєю поноси, чрезъ грязь на плечу пренеси; прежде ея напитай, потомъ самъ вкуси; со глазомъ хваленія главу своєю к нерсямъ ея преклоняй и облобызавъ корень рожденія своего, воздохни о старости ея и надъ поклонись родителю своему: се бо есть благопріятно и любезно пред Богомъ. Якоже бо ты отцу

своему и матери сотворишь, такожде и тебѣ чада твоя сотворят, и в нуже мѣру мѣриши, возмѣрится.

Еще же по плоти брата и сестру своихъ почитай, не рцы имъ грубо и досадительно, ничтоже восносись на однородныхъ своихъ, повеже единого корене лѣторасли масличныя, едина утроба васъ поноси и единая ссаща сосца матери своя, изъ единыхъ изыдоша ложеснѣ, едино доно матернѣ васъ воспита и рuce ея равно строиша васъ, единаче сердцемъ и утробою уязвляся о васъ и равною любовію прилѣжаше к вамъ. Воспоминайте, чада, между собою союзъ сей любви и равное к вамъ строеніе родителя своего, не возноситесь другъ надъ другомъ, и не преобижайте словомъ и дѣломъ и помышленіемъ единоутробныхъ своихъ, но меньшей братъ къ большому повиновеніе приноси, большій же о меньшемъ вседушиѣ промышленіе твори: се бо есть тако воля Божія, хоцетъ в насъ сего спряженія и любви, и симъ путемъ идущи не заблудятъ, но придуть ко Господу Богу своему.

Тakoже и прочихъ еродниковъ чти и люби от души своя, а не на лице тщетною лестію и оплазнымъ умомъ, потомъ же и вся человекѣ во истину любви, Бога ради любви: якоже и Онъ возлюбилъ есть насъ, от небытія в бытіе приведе, и падшихъ во тлю банею водною омывъ, еже есть святымъ крещеніемъ просветивъ. Кій даръ таковой можемъ Ему принести, якоже Онъ о насъ сотвори, высоки царю нестижимый, соступивъ с небесе, плоть нашу восирятъ, насъ ради умре и воскресе, и оживе, взыде на небеса, и съде одесную Бога и Отца, и проповѣдуетъ о насъ, еже есть всѣхъ насъ лица, даже сыны свѣту сотворить и сподобить вѣчныхъ благъ. Како мы о селище нерадивше спасенія взимаемся другъ на друга, Творца и Промысленника имама такова преблагаго и человекѣ щедраго и милостиваго к нашей нищетѣ. Возлюбимъ другъ друга, чада церковная; аще возможно, со всѣми человекѣ писаніе миръ имѣти велить и любовь, яже о Господѣ.

Разумѣете ли силу любви? Не сію глаголю любовь, еже любятъ рачитель блудный рачительницу или пьяница пьяницу, — такоже любятъ тати с татыми и мытарь съ мытаремъ: ядятъ и пѣютъ и другъ друга, восхитя чужая, с любовію да пѣютъ. Ни, ни! Се бо есть пагубная бесовская любовь, истинная же любовь о Господѣ Бозѣ и Спасе нашемъ Исусѣ Христе — сія есть: отъ трудовъ и пота лица своего алчна накорми, жадна напои, нага одежи, странна в домъ свой введи, священство и иночество почитай, главу свою до земли имъ преклоняй, в темницу пришедь сѣдящимъ упокоеніе сотвори, о вдовице и сиромъ попекись, грѣшника на покаянiе приведи, заповѣдь Божию творити научи, должника испусти, обидимаго заступи, мимоходящему путь укажи, и проводи и поклонись, и о всѣхъ и за вся молитвы Богу приноси о здравіи и о спасеніи всѣхъ православныхъ христіянъ. Се бо есть сила любви: аще время привлечетъ и пострадать брата ради, не отрцыся, но Христову словеси, болиши бо сея любви нѣсть, да кто душу свою за друга своего положитъ. Якоже Онъ за насъ пострадал, тако и намъ по-

велѣ другъ за друга страдать. Аще не имамы изволенія о вышереченныхъ сихъ, нѣсть христiяннiя и чюжди Христа.

Еще же к тому и иная хощеть от насъ Богъ, еже есть постъ со слезами и молитва, благодареніе, терпѣніе, труды и подвиги в насъ да бывають, от насъ же слово гнило да не изыдетъ, сирѣчь, клеветаніе, кощунныя, лжесловесіе, оболганіе, брань и сваръ о суетныхъ, гордыня же и тщеславія внутренняя и вѣшняя да не бываетъ въ насъ. Аще что и добро сотвориши, ничтоже сотвориши, и всякую добродѣтель не на явленіе челоувѣкомъ твори, но скрывай в сердца своемъ; аще возможно, и самъ забывай и не предлагай предъ совесть свою, помышляй, яко ничтоже сотворишь. Се бо есть угодно Богови, яко всякъ возносяйся смирится, а смиряйся вознесется.

Намъ же подобаеть на всякъ день научатися закону Господню и заповѣдямъ Его: учителю присѣдѣть, книгамъ прилѣжати, слово Божіе слушать и инымъ вещать. Изряднѣе же в празникъ и в день недѣльный упражняться о семъ, оставя всю суету суетія мира сего, ко церкви на молитву тещи и на поученіе бо кественныхъ словесъ, яко Петръ и Іоаннъ текоста ко гробу Господню увѣдати истинну востанія Его: зѣльнымъ тщаніемъ текоста оба вкушѣ, Богословъ же тече скорѣе Петра и приидѣ ко гробу и приидѣ видѣ ризы едины лежаща, обаче не внидѣ; потомъ и Петръ приидѣ и внидѣ во гробъ и видѣ и вѣрова. Тако и вамъ, старикомъ, молодымъ прежде себя из домовъ ко церквѣ высылать, да неразлѣнятся замедленіемъ. Потомъ и самъ за ними, яко пастушокъ Христовы овечьки в овчарникъ погони. И приидѣ в домъ Божій, яко апостоли во гробъ, со страхомъ и трепетомъ многимъ и с радостию великою стойте и слушайте писаннова о погребеніи и о воскресеніи Христа Бога нашего. Якоже алчущіи желаемъ ясти, а жаждуще желаемъ пити, тако должны суть послушати слово Божіе. Отъ слушанія бо пользуемся и великую мзду приедемъ; аще кто не любитъ слушати слова Божія, той и Христа не любитъ и вѣры отвергся есть; писанная же слышавше, подобаеть и дѣлы касатися, якоже рече Господь: аще кто слово Мое соблюдетъ, смерти не имать видети во вѣки, ежесть муки вѣчныя.

Братія и чада моя о Господѣ, богатіи и убозіи, мали и велицы, смпренныя и нищія, сирья и вдовицы, дондеже имамы время, попецѣмся о едиnorodныхъ своихъ душахъ и о домашнихъ своихъ: мужъ о женѣ, жена о муже, отецъ о сынѣ, сынъ о отцѣ, братъ о сестрѣ, сестра о братѣ. Не во тлю, молю вы, попеченіе творимъ, якоже невѣрни попеченіе творять о брашнахъ и о ризахъ и о чести настоящаго вѣка сего, како сына ризами украсить, како дщерь вѣномъ, сирѣчь приданымъ довольно наделить, или пиршество ясно и свѣтло сотворить, или в дому храмы красныя и нованнелыя возградить. Ни, ни! чада моя о Господѣ! Се бо языческо есть, в васъ же, Христовыхъ ученикахъ, не тако да буди, но пецися вамъ подобаеть, како сына и дщерь во благоразуміе привести, како къ любви Божіи привлещи, в пра-

вославной вѣре утвердить и милость и любовь къ человѣкомъ научить, молитве и посту и инымъ добродѣтелямъ вразумить: се бо есть благоприятно и любезно Богу. Еще же мужъ женѣ и жена мужу своему да воздають должную любовь о Господѣ, и пейте отъ своихъ студенецъ источника, еже есть, въ чюжія кладези не ходите, но свою воду пійте; просто реңи: другъ отъ друга не соблудите и не желайте красоты чюжія. Во всякомъ кладѣзѣ одинака вода и не разньствуєтъ ничѣмъже друга друзій, — тако и совокушденіе мужа и жены: токмо красота чюжая грѣху ходатайственна, а сладость смѣшенію одна. Якоже в раи красенъ бѣ и добръ в снѣдѣ, иже Адама уморивый плодъ (озоба и нагъ бысть славы своея), — тако и здѣсь чюжая красота нага сотворить, такъ что сталъ еси, о мужъ или жена, бѣсь не бѣсь, человѣкъ не человѣкъ. Какъ на тебя Христось поглядить, какъ Пречистая Богородица позрить, какъ явишися на страшнемъ и нелицѣмѣрномъ судѣ, нагъ красоты и одеянія свѣтло блещающихъ ризъ? Скрыся подъ древо со Еввою Адамъ и прикрывста листвѣмъ смоковичнымъ свою наготу. Тогда Богу ходящу в раи и глаголющу: Адаме, Адаме, гдѣ бѣ? — спрятався бѣдной подъ кустъ: какъ появитца нагъ? О окаянный Адамъ, куды отъ Бога бежишь? Со діаволомъ любилъ пировать и воровать, а Жиждителяю повинутца не захотѣлъ! Также бываетъ и здѣсь: мотрошитъ окаянной прелюбодѣй, яко Адамъ, листвѣмъ закрываетъ свою срамоту, сирѣчь в банѣ парится и измывается начисто, зблудя с чюжею или блудница с чюжимъ, рубаху бѣлую воздѣваетъ, к церквѣ пришедъ, молитвы у попа просить, будто и всегда доброй человѣкъ, праведникъ; а совесть-та замучила злодѣя; да тут же идетъ ко кресту и к прочимъ святынямъ касается. Охъ, охъ! безумія! Не зрять внутрь души своя наготы и срамоты, яко вмѣсто ризъ благодатныхъ сквернавыми ризами ободченъ, и помазанъ блудною тиною, и во нею злосмрадною повить, и бѣсь блудной в душѣ и на шее седить. Будри бѣдной расчесываетъ и усъ разправливаетъ посредѣ народа. Сильно хорошо! И плюнуть не на ково! А прелюбодѣвица белилами, румянами умазалася, брови и очи подсурмила, уста багряноносна, поклоны niskи, словеса гладки, вопросы тихи, отвѣты мямки, привѣты сладки, и взгляды благочинны, шествіе по пути изрядно, рубаха белая, ризы красныя, сапоги сафьянныя. Кака быть хороша! Вторая египтяныня Петерфіна (sic!) жена, или Самсонова Діалида блядъ! Посмотритъ ко, дурка, на душу свою, какова она красна, и ты кудрявецъ, чосаная голова! Я отселѣ вижу, в васъ гной и червіе в душахъ вашѣхъ кипятъ, бѣси же васъ злосмрадною водою кропать и ликовствуютъ в васъ, яко во адовыхъ темныхъ жилищахъ веселящеса; вы же не чюете в себѣ зверей таковыхъ, яко снѣдаютъ васъ ради беззаконныя сласти сѣя.

Молю вы, преставите отъ беззаконія сего сотворите себя храмъ Божій и обитель Христу Сыну Божію со Духомъ Святымъ, исправитесь покаянїемъ и слезами и приаидите к Богу с вѣрою прямо животворящему мертвыя. Милостивъ бо есть иже праведники любя и грѣшныхъ милуя прибѣгшихъ к

нему. Возрите на вышереченное Ниневитцкое покаяніе и Манасіино, сладосте грѣховную заглядите горестію, сирѣчь постомъ и слезами со въздыханіемъ, и прочіихъ заповедей Божіихъ будите причастницы. Кая потреба временно усладитися грѣхомъ, а вѣчно мучитися! Немоци ради нашія дань намъ бысть законъ; безгрѣшно и чисто законное ложе, по согласію ко времени, еже есть время глаголетъ апостолъ понедѣльникъ, вторникъ, четвертокъ, аще праздника нѣсть; среда же и пятокъ, суббота и недѣля да хранима бываетъ, и праздники во весь годъ, и великіи постъ, и Пасха до Фомины недѣли. Поститися и молитися тогда подобаеъ, а не сластемъ прилежати; глаголю же, и по вся дни во весь годъ в молитвѣ пребывати, но указныя дни отъ женъ насъ правила не возбраняють ко времени.

Въ Бесѣдахъ апостольскихъ святыи Златоустъ разсуждаеъ, поучая къ ноцной молитвѣ, сице глаголетъ: егда в ноци стоншь на молитвѣ и воспалитися похотѣніи пламень, остави дѣло молитвы и угаси палящее, шедъ къ женѣ своей на ложе, и очистився паки, да совершиши дѣло молитвы. Вонми реченному, по словеси Господню: слушаая васъ, Мене слушаеъ. Слушай же, что я Христѣ стану говорить! Не лежи в сквернѣ бывъ з женою своею; аще и писано: честенъ бракъ и ложе нескверно, но не к тому глаголетъ апостолъ, еже не очистатися. Скверна бо есть от Адама и до сего дни и во вѣки. Еретицы, восхитивше слово се апостольское без разсужденія, в сквернахъ ходять и не омываются, и обѣдни попы не омывшеся поють. Со мною стязавшеся говорили: апостолъ-де насъ такъ научаеъ,— азъ же имъ о Господѣ рекохъ: апостолъ писалъ разгордѣвшимся Коринѣяномъ и Евреомъ, понеже извѣтомъ благовѣрія жены своя оставляху и потомъ к чюжимъ коснутся. Павелъ же, увѣдавъ, восписуеъ имъ в брацѣхъ со женами своими жити и глаголетъ: честенъ бракъ и ложе нескверно, а с чюжими нечестно и скверно, сирѣчь грѣховно. А еретики поганцы по своему строятъ, правовѣрніи же чистоту да соблюдаютъ. С Павломъ глаголю: не призва бо насъ Богъ на нечистоту, но на святбу. Не омывся, не касается святынѣ, но в кое время смешеніе сотворилъ, в то время и очистися; аще и дважды одною ночью, дважды и очищайся, а лѣности ради в скверне не валяйся.

Такоже и бесовское мечтаніе очищай, идѣже сѣмя падеть и порты измывай, и правильце по мечтаніи сотвори, или 500 или 100 поклонцовъ. Аще, не измывся по мечтаніи, со женою своею падешъ и зачнетъ во утробѣ дѣтище: или бѣсно родится, или безумно, или инако развращенно и недостаточно. Егда же кая жена к мужу своему стропотствуетъ ложю его (есть писано в Палее), у таковыхъ раждаются дѣти неблагообразны, или косы, или бриласты, или нѣмы. Аще виномъ упивается жена, у таковыхъ раждаются плешаты. Сего ради не бывайте, жены, противны мужамъ своимъ, якоже апостолъ рече: мужъ тѣломъ своимъ не владѣеть, но жена; такоже и жена своимъ тѣломъ не владѣеть, но мужъ. Видите ли, како покорилъ Богъ во единство другъ другу, да сиряженіе непорочно будетъ? И в другой главизнѣ

пишетъ: несть к тому два, но плоть едина; еже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ; аще стропотства ради женья надетъ мужъ в прелюбодѣяніе, о семь отвещати жена предъ Богомъ будетъ; такоже и мужъ женѣ своей должную любовь да воздаетъ. Апостолъ рече: Аще мужъ велею своею в прелюбодѣяніе впадетъ, да престанетъ и да смирится со женою своею; аще жена в прелюбодѣяніе впадетъ, всячески да разлучится от мужа своего: не подобаеть съ нею, прелюбодѣницею мужу жити. Въ правилехъ пишетъ: горше мужня паденіе женнѣ. Сего ради писаніе повелѣваетъ повиноватися женамъ к мужамъ своимъ и не пререковати имъ, но послушливымъ быти, понеже послушливымъ Богъ подаеть честь и славу, а непослушливымъ горкую муку. Подобаетъ женѣ предъ мужемъ тихой, кроткой, веселой быти, обычай имѣти кротокъ, понеже глава есть женѣ мужъ; якоже глава крестъ на церквѣ, тако глава мужъ женѣ; якоже повинуется церковь Христу, тако достоить повиноватися женамъ к мужемъ своимъ.

Разумѣешь ли, како церковь повинуется Христу? Вонми, приклони ухо твое мнѣ и услыши глаголы моя. Прежде даже Христу не вочеловѣчившуся, церковь блудница была: кумиромъ жреніе, бесомъ было жилище в ней; егда же женихъ с небесъ прииде Сынъ Божій, плоть нашу воспріять, подобенъ намъ бысть кромѣ греха, смерть вкуспивъ, грехи наши на крестѣ пригвоздивъ, во гробѣ положися и воскресъ, възиде на небеса и съде одесную Бога и Отца и сидитъ церковію сею телесною, дондеже положитъ вся враги своя подъ ногама своимъ. Видиши ли, бракъ каковъ устроилъ Женихъ небесной: на блудницѣ женился, церковь нашу телесную на божество облече и на крестѣ вознесъ, таже обоживъ ю, и на небо вознесъ. Оттолѣ не бысть кумиромъ жренія, ни бесомъ служенія, но языцы притекають под кровь церкви Бога живаго, искупльшаго насъ кровію Своею; и прибѣгающе в рукотворенную видимую церковь уневечаемъ Христу, повинующеся сидящему на небѣ одесную Отца, Его же побѣда святой и животворящій крестъ на церкви яко глава. О семь разумѣй: без креста храмъ — изба, без мужа жена — вдова. Павелъ апостолъ пишетъ къ Ефес. зач. 230: жены своимъ мужемъ повинуйтеся, якоже и Господу; зане мужъ есть глава женѣ, якоже и Христосъ глава церкви, и той есть спаситель тѣлу, но якоже церкви повинуется Христу, такоже и жены своимъ мужемъ во всемъ. Мужіе, любите своя жены, якоже своя телеса; любяй бо свою жену, себе самого любить, никто же бо когда свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю, яко и Господь церковь, яко уди есмы тѣла Его, от плоти Его и от костей Его. Сего ради рече, оставитъ человекъ отца своего и мать и прилепится женѣ своей, и будета оба в плоть едину; азъ же глаголю во Христа и церковь, обаче и вы по единому каждо свою жену сице да любяте, якоже и себе, а жена да боится мужа своего. Чада, послушайте своих родителей о Господѣ: се бо есть праведно пред Богомъ; отцы, не раздражайте чадъ своихъ, но воспитывайте их в наказаніи и ученіи Господни. Раба, послушайте господей своихъ по плоти со страхомъ и трепетомъ, не пред очима тѣлю рабо-

тающе, яко чловѣкоугодницы, но якоже раби Христовы, творящи волю Божію от души, со благоразуміемъ служаще, якоже Господу, а не яко чловѣкомъ, вѣдуще, яко каждо еже аще сотворитъ благо, сіе пріиметь от Господа, аще рабъ, аще свободъ. И господіе, такожде творите к нимъ, послабляюще имъ прещенія, вѣдуще, яко и вамъ самъмъ и тѣмъ Господь есть на небесѣхъ и обіновенія лицу нѣсть у Него.

Ну, свѣты мои, вотъ вамъ и Павла апостола ученіе предложилъ мужемъ и женамъ, и дѣткамъ и отцамъ, и рабомъ и господамъ. Послушайте же ево Павла Бога ради, живите такъ, какъ онъ велитъ, понеже Павлова уста Христова уста, Христова же уста Павлова уста и Златоустова такова же, и всѣхъ святыхъ имъ же равна. Внимайте реченію и послѣдуйте словесемъ ихъ, не ищите риторики и философіи, ни краснорѣчія, но здоровымъ истиннымъ глаголомъ послѣдующе, поживите. Понеже риторъ и философъ не можетъ быти христіанинъ,—Григорій Нискій пишетъ. И Златоустъ тому же согласуетъ, сиче глаголя: яко ни на прагъ церковный риторъ и философъ достоинъ внити. И Павелъ апостоль глаголетъ: пріидохъ бо не по превосходному словеси разума чловѣча, но в показаніи духа и силы. И въ другой главизнѣ пишетъ: погублю премудрость премудрыхъ, и разума разумныхъ отвергуся. Да и вси святіи нас научаютъ, яко риторство и философство внѣшняя блядь, свойственна огню негасимому: от того бо раждается гордость, мати пагубѣ, и нѣсть ми о семъ радѣнія. Азъ есмь ни риторъ, ни философъ, дидакаства и логофетства не искусенъ, простецъ чловѣкъ и зѣло исполненъ невѣденія. Сказать ли, кому я подобенъ? Подобенъ я нищему чловѣку, ходящу по улицамъ града и по окошкѣмъ милостыню просящу. День той скончавъ и препитавъ домашнихъ своихъ, на утро паки поволокся. Тако и азъ, по вся дни волочася, збираю и вамъ, питомникамъ церковнымъ, предлагаю: пускай ядше веселимся и живи будемъ. У богатова чловѣка Христа изъ евангелія ломоть хлѣба выпрошу, у Павла апостола, у богатова гостя, ис посланей его хлѣба кромѣ выпрошу, у Златоуста, у торговаго чловѣка, кусокъ словесъ его получю, у Давида царя и у Исаи пророковъ, у посадцкихъ людей, по четвертинѣ хлѣба вы просилъ; набравъ кошель, да и вамъ даю жителямъ в дому Бога моего. Ну, еште на здоровье, питайтесь, не мрите з голоду, я опять побреду збирать по окошкѣмъ. Аще мнѣ надають,—добры до меня люди-те, помогаютъ моеи нищегѣ,—а я паки вамъ бѣдненкимъ поделюсь, сколько Богъ дастъ. Не подобаетъ скрывать даннаго вамъ таланта, даже не осудимся, яко и оны обертѣвъ во убрѣсъ сребро господина своего и скрылъ в землю, за сіе вверженъ бытъ во тму кромѣшную, идѣже плачь и скрежетъ зубомъ и зѣло прыгутъ во огни негасимомъ. Не ленись того для, собака! Охъ, охъ! горе мнѣ! Како и азъ с нимъ не осужденъ буду за лѣность мою. Воюся, братіе, онаго огня, и зѣло трепещетъ душа моя, яко горекъ есть и неугасаемъ есть. Иванъ Екзархъ пишетъ в Шестодневѣ своемъ о солнцѣ семъ видимомъ, на небѣ текущемъ сиче: имать солнце в себѣ два естества, жгущее

и свѣтящее, и в послѣдній день раздѣлитъ Богъ; едино свѣтящее обновитъ и пакы седмицею свѣтлѣйши устроитъ и на небѣ поможитъ светити праведнымъ, жгущее же естество отгнметъ и усугубитъ лютость и послетъ подъ землю въ адовы темницы на мученіе грѣшнымъ. Охъ, охъ! имъ бѣднымъ будетъ! Видите ли, сколь высоко отъ земли небо, а и тутъ горечно отъ теплоты солнечныя бываетъ. Колми же во пламени горящимъ осужденный будетъ и въ лютости сугубой. Нынѣ отъ высоты той сюды токмо мало повеваеъ, а и тутъ бываетъ жарко: подъ сѣнь подбегаемъ.

Тотъ же Ексархъ пишеть: повелѣніемъ Божиимъ текуще выспрь пылаеъ пламя, упираеъ в воды, понеже бѣзмѣрны надъ нимъ, еже естъ на тверди, положены воды. Сего ради теплота к намъ низу сходитъ, не прошедше естество водное; егда же подъ землю поидетъ, аможе Богъ вѣстъ по другое небо, тамо и свѣтъ заходитъ, а здѣсь тма и хладъ бываетъ. Яко платъ в платѣ, Богъ устроилъ подъ землею другое небо. Въ семь небѣ, егоже видимъ, тамо и планеты и зодѣи обтекають подъ безмѣрными водами, и пакы по ноци измывся в водахъ солнце свѣтлѣйши просіяваеъ. Естъ и Златоустъ сему согласуетъ в словѣ о умиленіи и слезахъ сице пишеть: не безъ ума бо солнце во акіанъ сходитъ, но измывся луча просвети. Тамо и праведное солнце Христось во Іордани. Велика дѣла Господня и неизреченна. Онъ же Иванъ Ексархъ обмереніе и премѣреніе его пишеть: кругъ бо его стадій двадесятъ темтій и пять темтій и 12.000 премѣреній иже его осмь темтій, а мѣсяцъ в полы. По своимъ поясомъ текуще, такожде и звѣзды по разнымъ поясомъ иже Аррисъ предводитель. Къ тверди непригвожденны, но кояждо по своему пути шествіе творять, по тонкому телеси воздуха.

Дивна дѣла Господня: на тверди воды, подъ твердью солнце и звѣзды, небо вертится, воды не проливаются, солнце и луна и звѣзды по своему пути теченіе совершають, неприльны къ небу. В началѣ повелѣ Богъ: небо, вертися скоро, солнце и звѣзды теките борзо, да другъ другу предкновеніе не сотворите, воды на тверди почивайте и низу не сходите, — и вся слова Божія слушають, ис предѣлъ своихъ не выступаютъ.

Слышали ли есте, прежереченныя прелюбодѣи? Какъ вы не боитесь сотворшаго преславная таковая, поне огня геенскаго убойтеся: лють зѣло и ядовитъ будетъ. Престаните, молю вы, Господа ради и покайтеся. Хотите ли азъ вамъ образъ покаянія предложу изъ Евангелія? Выпросилъ я у Христа, цѣлая коврига мяхъкова хлѣба! Естъ что кушать милостію Божию: у Него, Свѣта, не скудно! Ту съедимъ, и другую подасть: не скупъ и не завѣстливъ Владыка, всѣхъ жадаеъ, всѣхъ спасенія ищетъ, старыхъ и молодыхъ, всякаго возраста на всякъ часъ собираеъ въ небесное царство. Подщимся, не обленимся и мы причастницы быти со святыми.

Еванг. Матѣ. Зачало 80. Рече Господь притчю сію: подобно естъ царствіе небесное чловѣку домовицу, пже изыде купно утро наняти дѣла-

теля въ виноградъ свой. И совѣщавъ со дѣлатели по пѣняю на день, посла ихъ въ виноградъ свой

Толкъ. Человѣкъ домовитъ Христосъ Сынъ Божій, человѣкъ бывъ человѣколюбія ради, дѣлатели — мы, человѣки, виноградъ — Христовы заповеди; пѣнязь — Духъ Святой. Изъ за утра нанимають на дѣло: сирѣчь, от чрева матерня хочеть нас заповедямъ дѣлателямъ быти. Совѣщеваеть беспрестанно отъ Адама и до сего дня и во веки. Исперва совещавая Адаму в рай, заповедь дая: от сего древа яси, а от древа еже разумѣти добро и зло не яси, да не смертию умрете, третье еже древо честно, яко венець, рече ему Богъ, аще соблюдеши заповедь сію, се предаю ти древо красное сіе во область тебѣ. Адамъ же поползеса, преступивъ заповедь Зиждителю, изгнанъ бысть изъ рая, да не коснется красному древу безсмертному сему и осудится во веки под грѣхомъ, яко и дияволъ без помилованія. Сего ради изгна его Богъ изъ рая на сію землю удолную и зноемъ подавлятельную: въ потѣ лица своего ядше хлѣбъ, вкуситъ смерть горкія вкусъ, и паки да приметъ оштемію соверша первый рай от негоже испаде, потомъ противенъ Богу не будетъ и равенъ быти не восхоцеть. Хотѣлъ Богъ быти и не бысть, но во адъ попалъ: аще бы не сынъ по плоти Христосъ вытацилъ, в крѣпкой твердыни адцкой былъ посаженъ, тысящи съ полпяты за епитемію связанъ былъ у сатаны за одинъ обѣдъ. Какъ помышляеши прелободѣю дабыти адскихъ жилищъ? Во сластехъ всегда и в тимѣни валяешися, заповедь Божию попирая и наруговая владычество Его. О окаянне и страстиѣ, вниди в совѣсть свою, познай Господа; престани, покайся, миленкой! Аще ли ни, да судитъ Богъ между мною и тобою: говорилъ тебѣ! Изгнанъ бысть Адамъ, позна жену свою и заченъ роди чада, и нача множитися человѣчскіи родъ. Богъ же яко изъ-за утра от начала всѣхъ призвалъ по благовѣденію, творенми научавидимыи от невидимыхъ. Но маліи ис перваго часа придоша: Авель, Сифъ, Енохъ, Енохъ, Ное до потопа.

Евангеліе. И пришедъ в третій часъ, видѣ ны стояща на торжище праздны и тѣмъ рече: идѣте и вы в виноградъ мой, и еже будетъ правда, дамъ вамъ. Они же идоша.

Толкъ. Въ третій часъ призванъ бысть Авраамъ и Исаакъ и Иаковъ и дванадесять патриархъ, сыны Иаковли, таже Мельхиседекъ и Ювъ и иніи прежде закона угодивши Богу, учими от твари Бога познавати. Бытія о томъ возвѣщають: чтыи да разумѣють.

Евангеліе. Паки же ишедъ в шестыи и в девятый часъ сотвори такоже.

Толкъ. Въ шестыи и в девятый часъ призваны в законѣ Моисѣеве пророцы и праведницы во многоразличное время до пришествія Христова; Моисей и Ааронъ и Самойлъ, царь Давидъ, и Исаия, Іезекѣиль, Даниль и три отроки, Илия и Еремѣя, Семнонъ Богопріимецъ, Захарія и Иванъ Креститель, и прочихъ Бытія возвещаютъ.

Евангеліе. Во единодесятый же часъ ишедь обрѣте другія весь день стояща празды, и глагола имъ: что здѣ (стоите) весь день (празды)? Они же глаголаше ему: яко никто же насъ наятъ. И глагола имъ: идѣте и вы в виноградъ мой, и еже будетъ праведно, приидѣте.

Толкъ. Во одинадесятый же часъ, еже есть в послѣдняя лѣта во-человѣчался Сынъ Божій и призва аностолы и мученики и святителя и преподобныхъ и женъ боголюбивыхъ чета. Отголѣ и до днесъ и до конца вѣку безпрестанно зоветъ святымъ писаніемъ.

Приводнѣ же разумѣваемъ часы сице, якоже Златоустый въ словѣ оглашенныхъ научаетъ о семь: первый часъ—от чрева матеря непорочно живый до кончины своея, якоже Предтеча Иванъ, или в Руси нашей Сергій Радонежскій, и много сыщешъ такихъ; въ третій же часъ глаголется егда прибѣгнетъ человекъ на дѣло Божіихъ заповедей в пятнадцать лѣтъ или в двадцать; шестый же глаголется часъ в тридцать лѣтъ; девятый же часъ в чetyредесать лѣтъ или в пятьдесятъ обратився отъ золь, на покаяніе пришедь, заповедямъ Божіимъ дѣлатель бысть; и одинадесятый же часъ самую старость мовитъ, при смерти и при конце прибѣгнетъ на покаяніе старикъ, не можетъ труда Богу никакова привести, но токмо воядыханіе и плачь. Глагола господинъ винограда: что здѣ стоите весь день празды, еже есть: отдали есте юность свою дьяволу, дайте мнѣ, Владыце своему, поне старость. Что здѣ стоите весь день празды? отдали есте дьяволу свою крѣпость, дайте мнѣ, Владыке своему, поне дряхлость, дайте мнѣ поне трясушіяся кости. Что здѣ стоите празды? — приидѣте в мою церковь, принесите ми вкупѣ кресты и жезлы, дряхлость свою отверждая; приидѣте в церковь состарѣвыйся на играхъ и на плещ... многомятежнаго сего вѣка, ничтоже ино имый, токмо стоитъ у дверей, жезломъ подпершися и перстовъ сложить не умѣтъ, понеже плоть измождала, руки не гнутся, порекреститися не можетъ и поклонитися плоть не служитъ: дрожатъ ноги, спина не гнется, услышавъ евангельское слово: покайтесь, приближибоса царство небесное, и къ сему токмо воядыхаетъ измождалыи бѣдныи, слезы ото очію испущая, сокрушая свое сердце.

И пакы Евангеліе. Приидѣте ко Мнѣ вси труждающесея и обремененіи, и азъ покою вы. Онъ же глагола яко никтоже насъ наятъ, сирѣчь не слышалъ де, какъ и родился, такіе милости Божіи яко покоити хочеть и дати обещаеетъ небесное царство. Яко никтоже насъ наятъ, — на кушляхъ де и въ кормчмахъ дни своя изгубилъ, з добрыми и боголюбивыми людьми не знался, не слышалъ слова Божія, а самъ писанію неискусенъ. Увы мнѣ грѣшному погнѣшному душею и тѣломъ! И тако плакавъ много, скончався в покаяніи, предасть душу свою Богу.

Евангеліе. Вечеру же бывшу глагола господинъ винограда к приставнику своему: призиви дѣлателя и даждь имъ мзду, наченъ от послѣднихъ до первыхъ.

Толкъ. Вечеръ глаголется послѣдній день судный, егда прїидеть Христось Богъ нашъ судити праведнымъ и грѣшнымъ и воздати комуждо по дѣломъ его. Вечеръ же глаголется смерть и комуждо конецъ житія его. Егда воскреснемъ повелѣніемъ Божиимъ, во гласъ архангеловъ и в трубѣ Божїи снидеть с небесе Христось Богъ нашъ и сядеть на престола славы своея, и поставитъ праведныхъ о десную себѣ, а грѣшныхъ о шую, и речеть ко праведнымъ: прїидѣте благословенїи Отца Моего и наслѣдуйте уготованное вамъ царство небесное; ко грѣшнымъ же: отидѣте от Мене проклятіи во огнь вѣчный, и прогнани будутъ. Глагола же господиъ винограда к приставнику своему: призови дѣлателя и даждь имъ мзду, — призови Авеля, перваго праведника, Мене ради кровь свою проліявша, призови Сива, призови Еноха, вѣрна Ми бывша и непщевавша истинна Мя Бога, призови Ноя, спасаго миръ отъ потопа, призови Авраама и Исаака и Іакова и дванадесяте патріарха, призови пророки и праведники, угодившія в законъ, призови апостолы и мученики, святители и преподобныхъ и праведныхъ и всѣхъ святыхъ отъ века угодившихъ, и давай имъ мзду, наченъ от послѣднихъ до первыхъ; отверзи Моя сокровища, открой сокровенныя дары и даждь имъ мзду, наченъ от послѣднихъ до первыхъ; первое обвесели послѣднихъ, таже воздаждь первымъ. Первое обвесели послѣднихъ, да не унываютьъ подожданіемъ замедленія ко прїятію неимущихъ благихъ дѣлъ, токмо покаянїе; праведники же уповаютьъ ждуще, имуще предъ собою трудъ, свой подвигъ.

Евангелїе. И пришедше иже во единый на десяте часть прїяша по пѣнезю.

Толкъ. Получили старики милые дары драгія и честны и безцѣнны, превращаютъ сѣмо и овамо в рукахъ своихъ, удивляяся глаголюще: аще не быхомъ вѣровали, не быхомъ таковаго безценнаго дражайшаго бисера получихомъ; слава всѣхъ Содѣтелю Богу нашему, приведемъ насъ въ позваніе и отверзе намъ путь покаянїя! Ради бѣдненькія старики!

Евангелїе. Пришедше же первїи мняху вящше прїяти, прїяша и тїи по пѣнезю, прїемши же роптаху на господина, глаголюще: яко сїи послѣдніи единъ часть сотвориша и равны намъ сотворилъ ихъ еси, понесшимъ тяготу дне и варъ.

Толкъ. Не завидятъ святїи грѣшнымъ пришедшимъ на покаянїе, но и радуются о обращенїи ихъ: въ здѣшнемъ вѣдѣ о нихъ страждуще душа своя полагаху, како въ будущемъ роиптати стануть? Аще и рече Господь: роптаху, являетъ сїмъ оловомъ честны дары и драги, яко и незавѣстнымъ зависть вложити; таково воздаянїе в день вѣка будетъ честно и драго. Единъ часть сотворилъ на крестѣ разбойникъ, токмо рече: помани мя, Господи, егда прїидеши во царствїи си, — и сїмъ словомъ рай восхитилъ. И блудный и блудница покаянїемъ сопричастницы Христу Сыну Божїю быша; такоже мытарь и Хананея смиренїемъ безъ труда отпустъ грехомъ прїяша,

и ивнѣ безчисленнѣ при кончинѣ покаяннѣмъ Богу угодиша. Добро чловѣку покаяннѣ взыскати.

Евангеліе. Онъ же отвѣщавъ рече единому ихъ: друже, не обижю тебе; не по пѣнзю ли совѣща со мною? Возми свое и иди. Хоцѣ и есму послѣд- нему дати, якоже и тебѣ.

Толкъ. О, чловѣколюбіа! Владыка за рабовъ отвѣтъ творить, понеже сами оправдятся не могутъ послѣди пришедшей, сирѣчь, безъ дѣлъ, токмо покаяннѣмъ Богу угодиша. Первіи же дерзновеніе имуть велико, яко свидѣтельствующу дѣломъ ихъ, отъ юности Богу работавшихъ, якоже Иванъ Предтеча или Никола Чюдотворецъ. А еже рече Владыко, свое чловѣколюбіе являя: друже, не обижю тебѣ, не по пѣнзю ли совѣща со мною?— сирѣчь, единъ де Духъ Святыи дѣйствуяи во всѣхъ, и в первыхъ и в послѣднихъ; просто рещи, и болшой и меншой подвигъ противъ коегождо намѣренія единъ Духъ Святыи строить. А еже рече: возми свое и иди, являеть симъ словомъ, вся болшему тому противу дѣлъ его и труда воздасть. А еже рече: хоцѣ и есму послѣднему дати, якоже и тебѣ, се назнаменуеть милосердіе свое ко всѣмъ равно.

Евангеліе. Или нѣтъ ми лѣтъ (sic) сотворити, еже хоцѣ во своихъ ми? аще око твое лукаво есть, яко азъ благъ есмь?

Толкъ. Мои де и первіи и послѣдніи, всѣхъ люблю равно, никто мнѣ не укажетъ: еже хоцѣ помиловати, помилюю. Аще око твое лукаво есть, яко азъ благъ есмь,—единъ Богъ по существу благъ непреложно, а чловѣчество извратно: аще кто и праведно живыи, при Бозѣ лукавс есть; и ангели извратны, нежели чловѣки, а в чловѣкѣ вся суть, и крѣпость и слабость; идѣже снузникъ, тамо и яремъ весь преклоняется, сирѣчь, куды умъ поклонится, туды и весь арганъ телеси. Око глаголется умъ по писанію: якоже око в телеси, тако и умъ в души (Златоустый рече). Или изводять на благая, или на лукавая, самовластенъ есть; Божій же изволь всегда во благое, неизвратно благъ есть.

Евангеліе. Тако будутъ послѣдніи первіи, и первіи послѣдніи. Мнози бо суть званніи, мало же избранныхъ.

Толкъ. И вси по благодати звани суть, во всю землю изыде вещаніе апостольское и в концы вселенныя глаголы ихъ, но не вси вѣроваша. Такоже вѣрныхъ мнози и крестившася во имя Отца и Сына и Святаго Духа и паки отпадоша. А еже рече: тако будутъ послѣдніи первіи, и первіи послѣдніи,—еже есть в помилованіи Божіи вси равни, и мали и велицы святіи, а в почести даровъ разность и неравенство: кїиждо противу труда своего и мзду приметъ: не обидливъ бо Богъ и нѣсть неправды в Немъ. Трудившагося вся дни живота своего Никоду или Златоуста не сверстаеть с разбойникомъ в почести даровъ, и прочихъ по тому же разбойнику по благодати воздасть противу ума его намѣренія, а Николѣ по долгу, сирѣчь, задолжилъ Бога мертвости житія своего. Тако и всякъ: потрудится болше, болше и приметъ; а еже обленится, по тому ему и воздастся. Аминь.

Далѣ въ сборникъ до л. 296 идетъ отрывокъ, напечатанный въ V т. «Матеріаловъ» (стр. 252—255), подъ заглавіемъ: «Посланіе къ неизвѣстнымъ, обличительное за любострастіе»:

№ 32. О Аввакумѣ протопопѣ ¹⁾.

Присовокупляется сими и великоревностный и многотерпѣливый Аввакумъ протопопъ, мужъ елико добраго и воздержательнаго жигія, толико великія и огненалныя ревности, и коль великодушіемъ изобильный, толь и многостраданіемъ обогащенный, иже земному царю, княземъ и бояромъ за праведное жизни знаемъ и любимъ бяше, и Небесному Царю, ангеломъ и святымъ всѣмъ возжалѣти показатися, иже всюду добры и пренюлезны клеветы присно имяше, в благопробываніи други, в стояніи за благочестіе совѣтники, в терпѣніи сострадацы, и всюду доброревностенъ предоблій обрѣташеся. Колико убо премногая времена страдаше, в коликихъ премногихъ томленіихъ облачашеся, колико премножайшыя оземствія, заточенія и темницы великодушно терпяше! Но недвижно при благочестіи стоя пробываше: ибо отъ самаго начала новшествовъ внесенія, всепреизряднѣ к великимъ подвигамъ обострися, съ предивными Павломъ, Давиломъ и Логиномъ всеблагоревностнѣ совѣтующе и Никоново обличающе оплазство и царскому величеству на онаго жалобныя подаяху книги.

Откуда Никонъ на благоревностнаго Аввакума всеяростнымъ огнемъ возгорѣся. Служащу оному всенощное бдѣніе въ церкви Пресвятыя Богородицы Казанскаго образа на площади и множеству народу предстоящу со всежелательнымъ моленіемъ, прискочиша посланніи патріархомъ воины, яша блаженнаго, яко злодѣя, немилостивно, ничтоже зла сотворшаго, и тако немилостивно того яша, яко ниже пѣнія скончати, ниже службы святыя совершити ослабивше, ниже народа предстоящаго пощадавше, сице всеяроственному Никону повелѣвшу, но отъ народа 60 человекъ поймавше прочымъ разбѣжавшимся, в темницу отведоша. Дивнаго же добропобѣдника на патріаршій дворъ отведоша, узами обложиша. Заутра Никонъ во Андрониковъ монастырь отославъ, того в темную хранину затвори немилостиво, и гладомъ томити приказа. На что добрый страдалецъ темницу, яко многоцѣнную свѣтлицу, тяжкій гладъ, яко всекрасное прохладженіе, вмѣняше, отъ человекъ презираемъ, Божією благодатію питашеся, во ономъ монастыри четири седмицы сѣдяхе, скованъ, различная озлобленія, немилостивная досажденія, присная руганія, подсмѣятельная влаченія, за власы терванія, заплеванія отъ держащихъ досадительно пріямаше, но ду-

¹⁾ «Винограда Россійскаго», гл. 3-я, по рукоп. Румянцевскаго Музея, № 505, л. 48 об.—59 об.

шею крѣпкій не изнемогаше, съ Павломъ вопія: кто изнемогаетъ, и азъ не изнемогаю.

Оттуда накіи на патріаршъ дворъ привезше, того безчестно патріарху представиша. Колико убо Никонъ потщався того крѣпость низложити, кіихъ ласканіи не изнесе, всяку кознь, всяку хитрость подвизая, да превратитъ твердодушнаго? Но ничтоже успѣти возможно: вся бо ухищренія и кознодѣйства Никонова добліи, яко паучину, растерзаа, немощны и отнюдь не дѣйственны показа. Паки отвозимъ бываетъ во оный же монастырь, и по времени вѣкоемъ, хожденію крестному въ Москвѣ суцу, накіи приведенъ быше добліи в соборный храмъ, ту суцу самому царю. И разгнѣався, Никонъ повелѣ того безчестно и ругателно острици, но заступленіемъ царевымъ отъ сего освобожденъ бысть: любяше бо царь благовернственнаго Аввакума и почиташе за доброе житіе его, но Никоновыми хитростями обязанъ, вѣру емляше тому, яко патріарху. вмѣсто же остриженія великодушный страдалецъ в заточенія и оземствованіе в далечайшыя Сибирскія страны отвозится, въ самыя глубочайшыя предѣлы, за великимъ озеромъ Байкаломъ суцья, на самыхъ границахъ варварскихъ стояцья, нарицаемая Дауры, и с женою и с чады отводимъ бываетъ в толь далеко отстоящую страну, елико в пятилѣтнее время ему тамо достигнути. Закознѣное шествія и по мѣстомъ медленія во ономъ немилостивомъ заточеніи, в таковомъ далечайшемъ путетеченіи которыми не истѣсняшеся нуждами, которыми не облачашеся тѣснотами, которыхъ томленіи ругательныхъ не претерпѣваше страдалецъ! Отъ воздушныя тягости, отъ путнаго труда, отъ возящихъ досажденія и ругательства, елика тому наношаху несмысленніи! Преданъ бо бысть вѣкоему мужу от начальникъ, опредѣленному на властительство въ Дауры, безчеловѣчну суцу и вселютѣйшему томителю, звѣрю паче, а не человѣку нарецися достойну за всеяростное права, къ нему же и повелѣніе тому от патріарха Никона быше всякое томленіе наносити священному страдалцу.

Но кіи языкъ изглаголетъ, кая уста исиовѣдати могутъ, яже претерпѣ адамантская она душа от всезлобнаго мучителя, яже руганіи множества, яже по ланитомъ ударенія, яже за власы терзанія, яже по главѣ біенія, яже по хребту, яже по прочимъ частемъ тѣла, оплеванія лица, поруганія и смѣянія, нѣкогда и в воду метанія! И не токмо се, но и до толика возкипѣ дерзостію беззаконныи мучитель, еже и обнажити священнаго страдалца на страданіе повелѣ, не устыдѣся священства великаго сана, не усрамился изрядныя честности и дивныя святости мужа. И како устыдится пріиметь, егда толика руганія безчестнѣ тому предіюказа! Совлечену убо бывшу страдалцу (оле права безчеловѣчна!) повелѣваетъ семіюдесять и двѣма ударами кнутиемъ того уязвити. И не токмо самъ сіе дѣлаше Пашковъ, но и служащія тому рабы, подобравши в мучительствѣ господину, многажды страсотерица біяху и ругахуся, иногда же тако раъярившеся всегнѣвно, яко и на колѣ ругателно посадити его уготоваша.

Но Богъ своимъ премудрымъ промысломъ сохрани своего раба от такового конечнаго руганія. Что убо благоверностный страдалецъ во оныхъ превеликихъ томленіяхъ, в безчеловѣчныхъ мученіяхъ како оная терпаше, яко неисповѣдимая мучительства носити благодарне можаше, яко всехрабрый воинъ, яко всепредобрыи подвижникъ сладцѣ Господа Іеуса язвы с Павломъ на тѣлѣ ношаше, пресладкій гласъ оныи присно глаголя: Христось моя естъ жизнь, Христось мое утѣшеніе, Христось ми подтвержденіе! кого убоюся? Аще и каменія громаду на мене наместуть, азъ со отеческимъ преданіемъ древлеперковнаго благочестія и подъ каменіемъ лежу радостнѣ. О, ревности всекрасныя, о, гласа всепресладкаго, о, любве всепревозжелѣнныя, единому Павлу послѣдовательныя, вопіющему: вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ! Время убо нѣкое в заточеніи бывшу предивному страдалцу, аще шестолѣтнее, аще штидолѣтнее, глаголати не имамъ, приде цареву повелѣніе, свободяющее от заточенія онаго и к Москвѣ возвратитися повелѣвающее. Той же яко в заточеніи живыи, тако и вспять возвращаяся, всюду свободнымъ гласомъ и благоверностною душею древняго благочестія свѣтлость пресвѣтло проповѣдаше.

Егда же въ царствующи градъ приде, князи и бояре тако любезно его пріяша, яко ангела божія, и самому царю о немъ возвѣстиша, иже с любовію того призвавъ, главу свою ко благословенію преклонивъ и свою десницу на цѣлованіе тому милостивнѣ подавъ, словеса мирная и жалостная с въздыханіемъ тому бесѣдовавъ, благодарно и милостивно отпусти. И понеже добрыи страдалецъ, ревнуя о благочестіи, всюду свободнымъ языкомъ сіе проповѣдаше, духовныя власти державному государю словеса клеветаша, да запретитъ Аввакуму о ученіи, яко волитъ. Государь не хотяша добляго оскорбити, вѣды житія онаго святость, посла боярина Иродіона Стрешнева увѣщевати Аввакума, да не обличаетъ новинъ, Никономъ утверженныхъ, но о себѣ, яко хочеть, да содѣваетъ, всякую милость к нему за сіе обѣщавая. В малѣ уступившу въ молчаніи страдалцу, царь и царица и вси царскіе крове превысочайшыя персоны, и князи и бояре преизобильно того имѣніемъ награждаху. Но яко невозможно естъ свѣтилнику скрыватися под спудомъ, тако всеблагодатнѣй ревности заграждатися молчаніемъ. Паки языкъ Аввакумовъ вопіеть, паки уста зываютъ, паки десница пишетъ! И что написуетъ? Прошеніе к царю, да Никона от патріаршества отставитъ, да древнее благочестіе уставитъ, да патріарха иного благочестива и богобоязненна устройтъ. И иное прошеніе чрез вѣрныхъ своихъ царице подаетъ. Откуда царь паки печаленъ явися ко блаженному и, духовныхъ властей наношеньми и изостренными языки возбужденъ, посылаетъ нарѣчіе ко страдалцу чрез боярина Петра Салтыкова: «архіереи на тебѣ жалуются, яко опустошилъ еси церкви и отвратилъ еси люди от вхожденія в Божія храмы; отнынѣ паки да поидеши въ заточеніе».

И тако дивныи страдалецъ в заточеніе в Поморскія предѣлы, на Ме-

зень сосланъ с женою и чады, лѣто тамо и подѣ пребысть; паки в Москву привезенъ, и понеже духовніи посылающе много того увѣщаваху, ласкаху и, различная ухищренія показующе, не могоша от стоянія твердости ослабити, в соборную церковь приведше, ругательно того остригше, от священства извергаютъ. Ниже симъ насытившеся звѣрояростни, но и проклинати доблаго мужа и по всему православно не убояшася. Что же той? Въ надежди Божіи живыи, толико мужественно оное безчестіе радостно терпяше, елико ко извергающимъ вопіяше: «аще и извергаете мя беззаконно, не боюся вашего изверженія, имамъ бо хиротонію от православныхъ патріарховъ, юже и ношу православно; аще проклинаете мя дерзостно, недѣйствена есть клятва ваша, понеже неправедна, неправедна же, понеже за древлецерковное святое содержаніе, за святія отеческія догматы проклинаете безочиво, сами суще повинни тяжчайшимъ запрещеніемъ, толь премногія новины в церковь предерзостно вносящія». Откуда власти духовніи, не духовныя ярости наполнившеся, со всякимъ безчестіемъ блаженнаго из церкви извлекше, в монастырь заточивша и толико руганіе содѣваша непреподобніи, елико и брану священному страдалцу (оде права бесрамна!) отрѣзаша и лютыми томленьми тамо и безчеловѣчными седми-надесять седмиць крѣпкаго томиша.

Во оной темницѣ, въ монастырѣ на Угрѣши сѣдя, предобліи, яко челоуѣкъ, уныніемъ обьяся, яко сице обруганъ бысть, елико и варвастинъ языцы не показываютъ, занеже и брану его власти остригоша. О, колико предобліи о семъ ко Владыцѣ вопіяше, колики слезы и вопли излія, милости и утѣшенія в гордѣи прося печали! И что бываетъ дивное! Что содѣвается преславное! Восхотѣ всемилосердныи Господь своего раба в величїи утѣшити печали: в полунощи покующу страдалцу утреню и чтущу святое евангеліе, в самыи торжественныи день Вознесенія Владычнн явился ему ангелъ Господень свѣтлымъ и радостнымъ лицемъ, таже и Пресвятая Владычица Богородица аки из облака, посемъ и самъ всесладкїи Владыка Христосъ явися и всепресладостно ко предивному страдалцу возглашаше: «не бойся, азъ есмь с тобою!» От сего видѣнія колико премноги радости, какова неизглаголанна веселія, о каковыи преестественныи сладости страдалческая исполнися душа! На землю падъ, Владыцѣ поклонися и дотолѣ на земли лежаше, дондеже преестественное оно видѣніе преиде. Откуда вседобліи, всепредоблаго мужества наполнивша, предобліи Давыдовъ гласъ вопіяше: аще ополчится на мя полкъ, не убоятся сердце мое; аще востанетъ на мя брань, на Христа Бога азъ уповаю.

Таже кромемъ неповиннымъ радующїися духовніи подходятъ царя и многими клеветами и наносами возбуждаютъ монарха дати отвѣтъ лютѣйшею смертію страдалца казнити, но прилѣжнымъ моленіемъ царицы и приснымъ заступленіемъ от сего избавленъ бысть дивнымъ побѣдникъ. Осужденъ бываетъ в заточеніе в монастырь Паанутїа Боровскаго, идѣже во юзахъ цѣлое годищное время всякую нужду и томленіе терпяше. По-

семъ паки в Москву взять и по многомъ влеченіи и безчестіи и различнымъ с духовными разговорахъ пред осельскими патриархи представляется. Папсією Александрійскимъ и Макаріємъ Антиохійскимъ. И чрез переводчика многія разговоры, многая увѣщанія о церковныхъ догматѣхъ тому быша. Наконецъ вселенстіи патриархи таковая к нему рекоша: «вся страны вселенныя тремъ персты крестятся, ты единъ упорствовать противу всемъ ожесточаяся, двѣма перстома знаменаешися». Что же страдалецъ противу симъ отвѣтствова? «Страны вселенныя уже мракомъ различныхъ отступленіи обвѣшася, Римъ пред многими низвержеся лѣты, люторяне и калвиняне всехъ отеческихъ обнажишася преданіи, ваши восточныя страны, агарянскимъ насиліемъ опустошены, многая от церковныхъ преданіи испровергоша, с ними же и знаменованіе крестное в словеніи перстовъ. Азъ же, научихся не нынѣ и не от дешныхъ непостоянныхъ учителей, но от древнихъ: учать мя восточніи святіи, Мелетіи, Феодоритъ, Петръ Дамаскинъ, преподобный Максимъ Грекъ; учать гречестіи древніи иконоиспцы, на святыхъ иконахъ изъявляюще, и сами святіи апостоли, на образѣ Богоматере двоеперстно Христа благословляюща изображающе; учать россіестіи святіи, и соборѣ и особѣхъ, — тако вси согласнѣ и обще и знаменатися и благословляти двема перстома научають». Премолчала вселенстіи патриарси. Россіестіи архіереи, яко Хамовы подражатели, на своя святые отцы (оле дерзостнаго языка!) востаха, глаголюще: «неразумни и неучени россіестіи святіи быша и безграмотни». Возревнова к симъ страдалецъ о отечестѣмъ безчестіи и словесы дерзновенными толико ихъ дерзости великодушно поноси, елико всемъ соборомъ воставше сами архіереи и патриарси торгати и бити блаженнаго начаша, глаголюще: «возми, возми, яко всехъ насъ обезчести таковыми наношеньми». По ономъ терганіи о аллилуіи и прочыхъ преданіихъ разглагольствовати начаша и о всехъ подобныя отвѣты принмаху от страдалца, и многа убо разглагольствія, увѣщанія и страхи предлагающе, твердаго столпа поколѣбати не возмогоша, паки узамъ и темницамъ отсылають, начальника с войны стрещи страдалца опредѣливше.

Паки царь посылаетъ блаженному комнатныя своя бояры, Артемона и Доментія Вашмакова с нарѣчіемъ, прося благословенія и молитвы тому и всему двору егѣ царьскому, и моляше страдалца, да послушаетъ его и соединится со вселенскими патриархи поне отчасти. На что всеблагоревностный страдалецъ державному убо благодареніе посылаетъ, о вселенскихъ патриарсѣхъ, «кое мнѣ к нимъ приобщеніе, рече, или кая часть отвергающимъ древлецерковныя догматы и отеческая преданія? Никогда же с таковыми азъ сообщуся, сладчайши мнѣ такового приобщенія смерть и любезнѣйши будетъ». Часта убо и многа от царя нарѣчія к великодушному мужу тогда быша посланы; конечное нарѣчіе страдалцу воздаде царь: «идѣже будеши, отче, не забуди о насъ, ко Господу моляся». Но еще и ми-

лость царева и чловѣколюбіе ко блаженному непремѣнна быше, обаче духовныхъ злоба и языкоболіе изострено належаше и властно премогаше.

Откуда и наки в дальнее заточеніе мой страдалецъ, истѣе же рещи дивныи великопобѣдникъ посылается во островъ (sic!) Пустозерскій, близъ самаго Ледовитаго моря, к полунощнымъ странамъ лежащимъ, и тамо с прочими страдалцы въ земленую темницу осуждени, многое время даже до самыя блаженныя кончины пребыша неисходно. Коль премногая тамо, коль неизчетная озлобленія всехрабрыи подвижникъ претерпѣ! Толикиими премножайшими мученіи томленъ, толикиими многочисленными заточеніи и оземствованіи друченъ, толикиими премногими лѣты в страданіи пребывая и въ претяжкихъ озлобленіихъ, яко изчислятися страданію его двадцетимъ и осмимъ лѣтомъ,—но в сихъ и толь премногихъ лѣтахъ еда ослабѣ стражда, еда смалодушествова терпя? Никакоже, но яко всехрабрыи воинъ, яко всеблагоревностныи Иліинъ подражатель, онаго предобліи гласъ возглашаше: присно ревнуня, поревновахъ по Господѣ Бозѣ Вседержителю.

Ревностно начало, ревностно многолѣтное страданіе теченіе, благоревностенъ и конецъ терпѣнія благоревностиѣ показа: во 189-мъ лѣтѣ въ Пустозерскомъ островѣ за древнее благочестіе, на Страстной недѣли, в самыи день страстей Христовыхъ, страсотерпческою смертію огнесожженія осужденъ, ко всежелаемому Владыцѣ огненною колесницею пламене восхищенъ, отъ здѣшняго житія всестрадальчески исходитъ.

Аще и Димитрій Ростовскій и Працицы списатель неправедными нашоными неистинная баснословія спивати на вседобляго тщатся, аки о Тропцѣ и о смотреніи неправо мудрствующа вѣнчаютъ, но разрѣшается отсюда нашоеніе неправды: колико убо всепредобліи сен имѣ разглагольствіи, колико сопрѣвнѣи, колико о вѣрѣ стязаніи с Никономъ, со архіереи, со вселенскими патриархи!—и ни единъ от сихъ порече того или обличи во ономъ лжеплетенномъ во Працицѣ мудрованіи. Аще быша узрѣли за нимъ сіе, не быша умолчали Жезль соборомъ сочиняющіи, не быша Увѣтотворцы оставили. А понеже вси сіи ниже до мала о семъ зазрѣша или порекоша, явственно есть, яко солгася по притчи обещанія: ничтоже тако удобнѣе есть солгати, якоже на умершаго. Завеже свидѣтельствуеть предобляго страдалца православіе священныи символъ вѣрѣ, егоже повседневно глаголаше, яко единосуцна Отцу Сына, тако и воплотившагося неложно исповѣда. Свидѣтельствуеть того крестное знаменованіе в сложеніи перстовѣ, в немже яко тремя перстами, великимъ и двѣма малыми тайну Святыя Троицы трипостасное и единосуцное отцепредаднѣ присно исповѣдаше, тако двѣма перстами, указательнымъ и великосреднимъ тайну всеспасительнаго воплощенія православно изьявляше, единаго Христа во двою естеству и единой Ипостаси. Послѣдовательно отцемъ и всии древленправославнѣи церкви, всеблагочестно и вѣроваше и исповѣдоваше и за сіе всерадостно страдавъ, великодушно умерти изволи. Свидѣтельствуеть и самъ предобліи своеручнымъ писаніемъ, еже о своей жизни

при скончаніи своемъ, свое православіе изъявивъ, написа, в немъ же святын символъ святаго Афанасія Великаго написавъ, в которомъ едино естество Святыя Троицы, едину волю и владычество, еще же и таинство вочеловѣченія Спасова преславно со святымъ Афанасіемъ исповѣдавъ, на концѣ онаго исповѣданія таковая глаголетъ: «по вышереченному Афанасію, сице азъ, протопопъ Аввакумъ, вѣрую, сице исповѣдую, с симъ живу и умираю». Что убо сихъ словесъ благочестивѣйши, что сея вѣры православнѣйши, что исповѣданія сего святѣйши есть? Свидѣтельствуется наипаче оныи дивныи Теодоръ діаконъ, с нимъ же по баснословіи прѣние бысть о Троицѣ и прочемъ, явственно и прелявственно разрѣшаетъ недоумѣніе, пред самымъ и в самомъ часѣ скончанія простився, благословися у предобляго Аввакума, и другъ друга друголюбезнѣ добывавше исходнымъ цѣлованіемъ. Симъ благословеніемъ и святымъ цѣлованіемъ дивныи Теодоръ предобляго Аввакума православна и благочестива изъявивъ показа. Аще бы вѣдалъ неправославна, не бы простился, не бы благословился у онаго, не бы исходнымъ цѣлованіемъ лобызался; а понеже вся сія единокупно и любезно содѣяша, явственно и зѣло явственно, елико от вышеноказанныхъ свидѣтельствъ, сице и от сего, яко общее православіе, общее купно содержаша, за кое благочестіе во единомъ срубѣ с предоблими сострадалцы всеблаженную огненаленіемъ кончину всерадостнѣ, единокупнѣ подѣяша, единомысленнѣ во благочестіи стояще, единокупно в небесныи востекоша градъ: по реченному, Богъ вселяетъ единокупныи в домъ.

№ 33. Повѣсть о житіи и рожденіи и воспитаніи и о кончинѣ Никона, бывшаго патріарха московскаго и всея Россіи, собранная отъ многихъ достовѣрныхъ повѣствователей, бывшихъ во дни отецъ нашихъ ¹⁾.

Понеже убо по древлецерковнѣмъ отеческомъ благочестіи, аще и горячею жалостію снѣдаемъ есмь и речуся приступити къ повѣсти, о бывшемъ искоренителѣ того православія сказати хотящей; но къ лютости того томителя взирая, боюся бесѣдою моею, съ коварными его умышленіями сплестися. Ибо той единъ злобою своею и коварствомъ преодолѣ всю Россію: яко преимущія сладкоувѣщательными бесѣдами, лестію помазанными, тако вельможныи высокнѣхъ честей и даровъ награжденіями, сице ничтожныи грозами и муками, утомивъ, побѣди, и подобнымъ себе новолюбителемъ на вся хранители святотеческихъ законовъ и обычаевъ врата хулы и томленія отверзе.

И что сотворити, невѣмъ: молчаніемъ желасмую многими слышати по-

¹⁾ Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. I 1058, л. 46—72.

вѣсть *покрыти*, или преданную намъ отъ отецъ нашихъ бесѣду предъ очима чтущихъ, и предъ ушима слышащихъ *поставити*). Обаче убо надѣяся на молитвы пострадавшихъ за благочестіе ревнителей начинаю слово путемъ повѣсти текущее.

Въ лѣто мірозданія 7113, отъ Рожества же Ісусъ Христова 1613 индикта 3-го мая 21, во второй по недѣли день въ предѣлѣхъ Нижняго Новогорода, въ веси нарицаемѣй Вельдемановѣ (или Курмышовѣ) родися сей Нѣконъ отъ убогихъ родителей, отца Мины и матери Маріаміи. Его же при крещеніи Никитой нарекоша.

По умертвіи же матери его, взя его нѣкоторая жена, Ксенія именемъ, и воспита его, и грамотѣ извуче. По времени же нѣкоемъ возраста своего отъиде во обитель преподобнаго Макарія Желтоводскаго, и ту живый содружися съ клириками тоя обители. Нѣкогда же поиде сними во ину обитель и случися имъ обоцевати у нѣкоего татарина волхва суца, иже волшебствомъ своимъ сказоваше комуждо хотящая быти; волхвувъ же скверною своею бѣсовскою книгою и палицею, сему Никитѣ рече: яко ты будещи государь великій. Онъ же слышавъ отъиде, не надѣяся збытися прорицанію. И по смерти отца своего поятъ себѣ жену, яже бѣ пѣанчива и оплазива. Свою же живыи вѣнѣкомъ селѣ, по избранію ту живущихъ, іерей бысть. И для непостоянства своєї жены бѣжа въ Москву, и на нѣкоемъ монастырскомъ подворьѣ отъ нѣкоего скитающагося священноинока пострижеса и преименованъ бысть Нѣконъ.

И тако скитааяся приде на островъ Анзерскія пустыни, иже стоить на Бѣломъ морѣ, близъ отока Соловецкаго, и тамо пребываше во ученичествѣ у начальника тоя обители, старца богодухновенна и свята, именемъ Елеазара, иже согради скитъ той, и жительство внемъ состави.

Чистаго же ради житія, оный старецъ Елеазаръ пророческими дарованіями обогатился, о пребывающемъ у него въ послушаніи Нѣконѣ семъ, братіи своей прорицая глаголаше: О, какова смутителя и мятежника Россія въ себѣ питаеть! Сей убо смутитъ тоя предѣлы, и многихъ трясеній и бѣдъ наполнитъ. Видѣ бо святыи единоу служащу Нѣкону литургію (яко достовѣрніи анзерстїи жителіе рекоша) змія черна и вѣло велика, около выи его оплетася и вельми ужасеса. И отъ того времеи возненавидѣ святыи Нѣкона, и тяжко гнѣвашеса на нь, и сотвори его бѣжати. И приде въ Кожеозерскую пустыню, яже есть, въ Каргопольскихъ предѣлахъ и по времени бысть тоя обители игумень. Идѣ же пребывъ три лѣта, вня же для исполненія монастырскихъ потребъ хождаше въ царствующій градъ Москву. И тамо пребывая, не вѣдомо чрезъ какія представленія, знаеть бываеть великому государю царю Алексѣю Михайловичу и святѣйшему патріарху Іосифу и поставленъ бысть архимандритомъ въ Спасовъ монастырь на Новое и пребывая тамо, коварными своими лицемѣрїями плѣни царскаго

1) Курсивомъ написано другой рукой.

величества мысль, яко же древній Сантаваринъ (sic) Феодоръ злообразный волхвъ, царя Василія Македонянина дотолика прельсти, яко мняше его быти не къ тому архимандрическому, но и къ великому пастырскому сану достойна. И того ради поручи ему въ пятокъ каждыя недѣли подаваемыя отъ обиженныхъ прошенія предлагать для разсужденія къ его царскому величеству. И сія исполняя, прославися предъ народомъ, яко истинный пастырь и отецъ обидимыхъ.

Дивитися же и сему достойно, како таковый скверный сосудъ на толь высокія степени восходити начинаше. Понеже убо и первіе не святыи прозорливый мужъ, но волхвъ татаринъ, сѣдящимъ въ немъ пытливымъ діаволскимъ духомъ надхненъ, нареклъ его быти великимъ государемъ. Потомъ преподобный Елеазаръ Анзерскій въ служеніи литургіи не голубя, на немъ сѣдяща, видѣ, яко же древле Флавіанъ патріархъ на Іоанновѣ главѣ Златоустаго, но змія черна, страшна и велика, около выи его обвившася. Хотящая ли впередъ быти добродѣтели его и таковому великому его сану ждущія, но богоотступная его святыхъ образъ Спасова и Пречистыя Богородицы скверными его ногами попраія и гнусная содомская мужеложства послѣди показавшія и отъ тѣхъ всѣхъ порочнаго житія его скверныхъ дѣлъ, самый богопротивный волшебный волхвъ, зрящеся быти, а не пастырь. И мнитъ ми ся яко чрезъ волхвованіе свое болше, его же лестію и лукавствомъ пожаза, нежели чрезъ добродѣтели кія, таковаго высокаго сана достигнути желаше, яко же Римстіи папы: Келестинъ, иже во Христа вѣры отвергся, и Селиверстъ второй, за травою волхвовъ, дѣйствомъ сатанинымъ папешства достигоша, или для исполненія числа 666-го уготованныи на то, грядущаго по немъ звѣря лютыи предтеча, нарицаемый по греческому діалекту Никитіосъ, яко же древній Арменіи нарицаніемъ Льва покры зовомое прежде Іоанново имя: еще и сей монашескимъ именемъ, яко лисъ опибомъ, заглади давное ему по рожденіи знаменательно во имени его лежащее 666-е число.

Въ то же время святыи Авфоніи митрополитъ Велико-новоградскій старостію преклоненъ и недугомъ очнаго изнеможенія, яко же древній Израиль отяготився, остави престолъ премудрости Божія, и пребываше во обители святаго Спаса на Хутынѣ: и ту безмолвствуя, полащаше свою архіерейскую паству верхомъ добродѣтелей смиреніемъ.

Въ лѣто же 7157, Господеви Богу поустившу за многія грѣхи людскія возведенъ бываетъ Никонъ святѣйшимъ Іосифомъ патріархомъ московскимъ, на престолъ великоновоградскія митрополи; блудомъ бо бляше надревле сонмъомъ суетныхъ, на погибель христіанскаго народа коварный сей лжемонахъ, иже прежде поставленія помазанъ бляше татарскою волшебною блевотиною.

По воспріятіи же престола великоновоградскаго, приходитъ той лукавый лисъ въ Хутый Спасову обитель, посѣтити предвѣннаго святителя Авфоніи, и пришедъ въ кѣлію его, прошаше благословенія. Той же вопроси

его, рекши (не бо уже очима видяше): «кто ты и откуда и како нарицаешися?» Отвѣщавъ, Никонъ глагола святителю: «азъ есмь, Владыко, Никонъ, митрополитъ новгородскій». Авфоній же, духомъ пророчества предзря хотящее быти отъ Никона всему православію томительство, вельми отъ всея души воздохнувъ и рече: «Пріиде же время, яко и Никонъ въ митрополитахъ, но воли Божіи оставляемъ о насъ полезная предусмотряти».

Егда же приближися блаженный Авфоній митрополитъ къ концу жизни своея, заповѣда сущимъ при немъ, да признавъ будетъ архіерей отъ другія епархіи погребсти тѣло его. Никонъ же да не дерзнетъ погребсти его, зане рече врагъ есть Божій. О семъ убо повѣда старожителный инокъ Корнилій, живый при упоминаемъѣмъ Авфоніи митрополитъ, иже трудами постничества своего тѣло свое удручивый въ Выговской пустыни, крыяся отъ новолюбителей, преставися въ лѣто 7203, имый отъ рожденія своего 113 лѣтъ, во иночествѣ пребывъ 95 лѣтъ.

По погребеніи же Авфоніевѣ, невѣдый той Корнилій крыющіяся въ Никоновомъ сердце новолюбителныя на древлееотеческое благочестіе злобы, пріиде къ тому облеченному овчею кожею волку. Знаемъ бо быше ему и до возведенія его на митрополию, ибо того, у Іосифа патріарха живын, многожды видѣ. И яко простовравенъ сый старецъ, не воспоминаувъ Авфоніева о немъ прореченія, приймаше отъ Никона благословеніе яко отъ достойнаго пастыря.

Живущу же ему въ великомъ Новѣградѣ при Софінскомъ домѣ, пріиде изъ Соловецкія обители іеродиаконъ Пиминъ (иже послѣди за древлецерковныя законы отъ нашедшихъ новолюбителныхъ гонителей, въ предѣлахъ града Олонца, въ мѣстѣ нарицаемъѣмъ Березовъ Наволокъ съ тысящею двояма стами православныхъ христіанъ въ лѣто 7195-е августа 9-го дня огнемъ скончася). Той бо быше искусенъ инокъ, и вѣдый, яко же мнитмися, Елеазарово анзерскаго о Никонѣ бывшее прореченіе, и глагола Корнилію: «вѣси ли, яко Никонъ митрополитъ антихристъ есть, ибо пятію персты, а не двоуперстнымъ сложениемъ благословляетъ люди». Корнилій же, слышавъ отъ Пимины таковая, пришедъ къ Никону, видѣ его благословляюща пятію персты, яко же рече ему Пиминъ, и отъиде паки въ Москву к патріарху Іосифу, ему же и прежде того знаемъ быше.

Никонъ же, сѣдя на престолѣ премудрости Божія, и червѣе повелѣ написати образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы Дѣвы, имѣющую въ нѣдрѣхъ младенца всего совершенна, такожъ и раздѣленорѣчное древнее знаменное пѣніе презирати нача, вѣсто же того повелѣваше пѣти нарѣчное и потомъ не убоая въводити греческое и кievское партесное многоусугубляемое пѣніе. Еже слышавъ святѣйшій Іосифъ патріархъ, воспрещаше ему о томъ. Обаче Никонъ помогасмъ бываетъ самодержцемъ и духовникомъ его, благовѣщенскаго собора протопомъ Стефаномъ Внифантіевымъ: и того ради не повиновашея патріарху.

Въ лѣто же 7160 повелѣніемъ великаго государя царя Алексія Михай-

ловича и благословеніемъ святѣйшаго Іосифа патріарха, посланъ бываетъ Никонъ митрополитъ и съ нимъ князь Иванъ Никитичъ Хованской въ соловецкую обитель для пренесенія честныхъ мощей святителя Филиппа, митрополита Московскаго. Пришедшимъ же имъ въ чудную чудныхъ отецъ Зосимы и Саватія обитель. Никону же митрополиту носѣщающу въ темницахъ сушихъ, и между прочими приде во узилнице, идѣже сѣдѣше сосланныи отъ патріарха Іосифа въ заточеніе, за нѣкоторыя Богу и закономъ противныя тяжкія вины, чернецъ нѣкій, именемъ Арсеній, мужественный новинамъ и ересемъ защитникъ, иже прежде для вышнихъ ученій бывшій иногда въ западныхъ странахъ, въ разныхъ училищахъ и угождая тамошнимъ латинскимъ учителямъ, трижды съ клятвою отречея восточнаго греческаго православія. Той убо абіе сѣдѣаго в немъ пытливаго духа наставленіемъ подстрекаемъ, возопи, глаголя: «святѣйшій патріархъ Никонъ, благослови». Никону же похитившу его слово, и для болшаго себѣ о бывшемъ ему прежде отъ волхва татарина прореченіи извѣщенія, глаголаше Арсенію: «всяко соблазнился еси о мнѣ, о человекѣ, нарицая мене тако: нѣсмъ бо патріархъ, но митрополитъ новоградскій». Тому же укрьцляющуся и нарицающу его патріархоужъ и молящуся, да егда будетъ возведенъ на патріаршій престолъ великія Россіи, да воспомянетъ его въ славѣ своей и изведетъ отъ мрачныхъ тоя темницы, Никонъ же обѣщеваяся ему глаголетъ: «аще сія тако збудутся, то исполнено будетъ прошеніе твое». Итакъ Никонъ и князь, пребывше въ Соловецкѣй обители мало дней, взяша мощи святителя Филиппа и поидоша въ Москву.

Въ то же время бытія Никонова въ пути и въ Соловецкѣй обители, приснопамятный Іосифъ, святѣйшій патріархъ, оставивъ въка сего жизнь, преставися въ вѣчное блаженство того жъ 7160-го лѣта апріля 15 дня.

Бяше же тогда въ Москвѣ святыи Варлаамъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій: иже чреду свою святительскую, еще при Іосифѣ патріархѣ исполняти приде: бяше бо той мужъ лѣты старъ зѣло, и благодати Святаго Духа исполненъ и пророческимъ даромъ сіяше.

Егда же Никонъ съ мощми святаго Филиппа приде близъ града Москвы, тогда царь съ сиглиромъ, и пресвященный Варлаамъ митрополитъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ изыде на срѣтеніе мощей святаго. И егда быша близъ другъ друга, яко уже видѣти возила, идущія съ ракою святаго. Тогда царь и святитель Варлаамъ изыдоша изъ колесницъ своихъ, и идяху нѣши во срѣтеніе чудотворныхъ мощей. Святый же Варлаамъ идый поддержимъ двѣма архидіаконома, моляшеса Госнодеви Богу, глаголя: «Господи, не даждь мнѣ видѣти очима моима лютаго сего звѣря (сі есть Никона) хотящаго попрайти всю вселенную». И егда доидоша мѣста другъ ко другу, яко быти единымъ точию камня верженіемъ: и спроси святый Варлаамъ съети въ кресла и абіе предаде духъ свой Госнодеви, его же возлюби, и тако возвращышеса видоша вси въ царствующій градъ Москву съ чудотворными мощми святителя Филиппа, ихъ же положиша въ соборнѣй Успе-

нія Пресвятыя Богородицы церкви внутрь одесную страну входа южныхъ вратъ.

Сущу же Никону в тыя дни въ Москвѣ, старецъ нѣкій святъ, живый во обители Чюда святаго архангела Михаила, именемъ Симеонъ, видѣ въ ноци видѣніе страшно, якобъ змій великъ зѣло пестръ, и страшень видѣніемъ, обогнувся около царскія грановитыя палаты, яже въ Кремлѣ и ужасную свою лютымъ ядомъ дышущую главу, и грозно прегигающійся ошпѣ вложивъ на прагъ тоя полаты, лежаше. Таковое видѣніе видя, старецъ той, отъ ужаса скоро воспряну, и пристрашенъ бывъ зѣло на многі часъ; потомъ въ себѣ бывъ, повѣда сіе видѣніе соборнымъ братіямъ; ти же, ужасомъ одержими, глаголаху: «что сіе хочеть быти?» Потомъ же скоро увѣдаша, яко во всю ноцъ ону, в нюже старецъ видѣніе видѣ, Никонъ митрополитъ въ оной палатѣ съ царемъ бесѣдоваста, а о чемъ разглагольство ихъ было, о томъ молчаніемъ покрыся.

Видѣніе же змія того прежде помянутіи Чюдова монастыря старцы, не просто быти вмѣняху, поминающе древняго змія въ Византіи с орломъ сшетася, его же христіане убиша, и то убо зміево со орломъ сшлетеніе преобразоваше виредъ быти хотящее турецкое христіаномъ насиліе. Подобно тому и въ Римѣ по 1000 лѣтъ отъ Рождества Христова явивыйся на воздусѣ змій нѣкій страшный, иже явно указа антихристово со отступленіемъ въ Римъ пришествіе. И сіе поминающе, бояхуся, дабы и въ Россіи не возникло что новое.

Собрану же бывшу въ скорѣ россійскихъ архіереовъ освѣщенному собору, поставленъ бываетъ патріархомъ, увы мнѣ! лютый сій дивый инокъ на пояденіе винограда Христова, Никонъ, глаголю, звѣрь, а не пастырь, того жъ 7160-го лѣта іюля 25 дня.

И сій на престолѣ во 161 году по седми тысящахъ лѣтъ, прикрываетъ своя звѣриная острья ногти овчія кротости кожею и входитъ во всероссійское христіанское стадо отъ десныя страны подползающею лестію. Повелѣваетъ убо напечатати книги четія и служебныя, со свидѣтельствомъ во описаніи ихъ, якобъ согласно древнимъ греческимъ и харатейнымъ россійскимъ книгамъ, иже явишася старопечатнымъ московскимъ книгамъ при первыхъ 5 патріарсѣхъ печатнымъ во всемъ согласны, и травую во ореографіи, подобающую доброты изрядно блистающую: яже и до нынѣ во всей Россіи по мѣстамъ обрѣтаются, еже видѣвшіе людіе, мняху его пастыря быти истинна, а не волка.

И тако пребывая, испроси у Государя мѣсто завомое Валдай стоящее при езерѣ Валдай, еже длиною имѣется десять верстъ, и ту устрои монастырь во имя Пресвятыя Богородицы, его же именована Іверскій, и повелѣ новгородскому митрополиту Макарію пренести въ той монастырь (во имя Пречистыя Богородицы, его же именована) изъ Боровичъ святаго и праведнаго Іакова Боровицкаго мощи, еже и сотвори. Самъ же взя части отъ мо-

щей святыхъ московскихъ чудотворцевъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филлипа и положи въ той же церкви.

Потомъ повѣлъ на Кіи островѣ, иже близъ Онѣги рѣки, выпадающія въ Бѣлое Соловецкое море, монастырь соградити и нарече его гречески Ставросъ, руски же крестъ. Повелѣ же содѣлати крестъ изъ древа кипариснаго, высоту и ширину во всемъ подобенъ кресту Христову, на немъ же за спасеніе міра расцѣпъ бысть, и обложи его серебромъ и златомъ и драгоценнымъ каменіемъ и бисеры украси и собравъ множество частей отъ мощей святыхъ греческихъ и русскихъ, и вложи я во онъ крестъ, каждую часть въ особый ковчежець, и посла ихъ въ онъ крестный монастырь.

Та же созда монастырь Воскресенія при Истрѣ рѣцѣ въ селѣ нѣкоемъ, именуемомъ ¹⁾, отстоящемъ отъ Москвы за четыредесятъ поприць, его же именована Новымъ Іерусалимомъ и нача здати церковь Воскресенія Христова и нѣкая образованія святыхъ мѣстъ яже по образу Іерусалимскія церкви именоваше, ово Назаретъ, ино Вифлеемъ, а ино темница, ино же Голгофа; сія же вся творяше, подлагая православному христіанству, простому народу, яко нѣкую сладкую снѣдь, на удицѣ новостей лежащую.

Но не можаше сквернаго змія смертоносный ядъ въ сердца лютаго того волка на долзѣ крытися: вспомянувъ убо лжепророка своего ссыльнаго, чернеца Арсенія, его же изъ Соловецкаго лабиринта, по обѣщанію своему, испустити повелѣ, не яко отъ темницъ узника, но яко видѣннаго Тайновидцемъ исходящаго изъ бездны, на поправаніе православія звѣря, его же возьмъ, устрои его быти на печатномъ дворѣ справщикомъ. Той же окаянной древнихъ Лва Саврянина, и лжепророковъ его, богоубійцъ жидовъ клеветръ, надхненнй лютымъ латинскаго отступленія ядомъ, бысть бо отступнаго звѣря Никона подобнаравное ему во всякой новолубительной лжи и дерзости любимое чадо. Съ нимъ же согласився, Никонъ подстилаетъ лестъ самодержцу, глаголя: «Владыко царю, отъ многихъ убо въ народѣ слышу на словенскія книги укориженныя словеса, якобы съ греческими и съ російскими древними харатейными книгами не согласуются, да повелитъ держава ваша о семъ собрати соборъ російскихъ архіереевъ и всѣхъ освященныхъ церковныхъ служителей, и с ними обще разсмотрѣвъ, подобающая въ нихъ исправити, со старыхъ греческихъ и російскихъ харатейныхъ книгъ, и во всѣхъ словесѣхъ чинѣхъ и уставахъ съ греками согласити, да не будетъ порочна наша паства. Ктомуужъ о недоуѣдомыхъ нами вещехъ послати къ вселенскому патріарху і прочимъ, и во Святыя горы Афонскую и Синайскую». Самодержецъ же, таковая слыша отъ патріарха, повелѣ сему тако быти.

Никонъ же, получивъ сіе царскаго величества о справѣ книгъ дозволеніе и въ лѣто 7162-е собравъ соборъ всероссийскихъ архіереевъ, и предложи оному собору лукавства своего ядъ, якобы цекійся о справѣ книжной, при-

¹⁾ Имя пропущено въ рукописи.

томъ и царское дозволеніе о томъ имъ объяви: еже они слышавше, мянухъ правдѣ быти, согласно цареву дозволенію, о сиравѣ книгъ подписаша.

По совершеніи же того собора, повелѣваетъ изъ всѣхъ російскихъ епархій изъ книгохранилищъ собрати древнія греческія и славенскія харатейныя книги, яко бы для свидѣтельства и согласія съ ними печатныхъ московскихъ книгъ, въ мысли же своей имѣя лукавое пронырство, аще рече, будутъ обраны отъ всюду древнія книги, не откуду будетъ собрати обличевія на его просыпанныя новины.

Симъ же тако бывающимъ, бысть у великаго государя съ полскимъ и литовскимъ королемъ брань. Ктомуужъ Божиимъ попущеніемъ, во ономъ 7162-мъ году явися смертоносная мороваго повѣтрія язва, въ ней же мало не вси изомрша.

Никонъ же не взирая на таковую Божіяго гнѣва ярость, едино точію въ разумѣ имѣя, древнее отеческое благочестіе истребити, а инославное римское нечестіе утвердити. И того ради посылаетъ о томъ посланіе къ Паисію, патриарху Александрійскому тѣми же латинскими новинами (яко же глаголетъ Проскинитаріи) убѣжденному, съ Мануиломъ грекомъ, уже отторгшимся древняго греческаго благочестія: да возможетъ представити самодержцу, и всему россиинскому освѣщенному собору, яко не самъ собою сія новшества вводити начинаетъ, но по согласію вселенскаго патриарха.

Той же Александрійскій народосъ, посланіе Никоново, яко нѣкую сладчайшую поглотивъ снѣдь (издавна бо желаше Россію отъ благочестія обнажити), и собираетъ свой соборъ, противный восточнѣй древней каеоличестѣй церкви. И составивъ соборное дѣяніе, присылаетъ къ Никону въ лѣто 7163. И въ томъ своемъ посланіи крыетъ ножъ отступленія, медомъ именованія точію древности, а не самою истины вещью помазанъ.

Никонъ же, получивъ желаемое, собираетъ паки соборъ, на немъ же самъ государь царь присутвоваше, съ нимъ же Никонъ предсѣдательствоваше и при нихъ гречестіи архіерей, уже зараженніи латинскаго отступленія моровою душевною язвою: Макарій патриархъ антиохійскій, Гавріилъ патриархъ сербскій, Григорій митрополитъ никейскій, Гедеонъ, митрополитъ сучавскій, съ російскими митрополиты архіепископы и епископы, со архимандриты и игуменами и протопопами, и съ прочими священнослужителями, и присланное отъ патриарха Паисія соборное дѣяніе предъ всѣми ими прочтеша, въ немъ же явное отступленіе древняго греческаго православія всѣмъ показася.

Сія вся бывшіи на томъ соборѣ россиити архіерей и прочіи священніи мужіе слышавше, мнози божественною ревностію распалиеми, узвляхуся жалостно о древлецерковномъ благочестіи, въ нихъ же бѣяху храбріи христіянскаго полка воеводы: преосвященный Павелъ, епископъ Коломенскій, священнопротопопъ Аввакумъ и теплый вѣроу іерей Лазарь и премудрый вѣтгя, діакопъ Феодоръ и Іоаннъ Пероновъ, рекомый Насѣдка, всепригѣхный священнаго писанія снискатель, иже прежде бывый при Іосифѣ патри-

арсѣ на печатномъ дворѣ книжный справщикъ, и инии мнози древлецерковнаго благочестія всеусердніи содержатели, и иже видѣнемъ старца Симеона чудовскаго, во ужасъ пришедшій иноци и инии мнози и се Ніконова новопреданія слышаще, во ужасъ придоша, и разсуждаху о показанномъ въ видѣніи старцу Симеону страшномъ пестромъ змиѣ, и помышляху быти того самого Нікона. Зряще же и писаніе нѣкоторое о немъ глаголющее тако: Чернецъ нѣкии иматъ отъ сѣвера востати и возмутити въ мирѣ сущихъ и во благочестіи и взыдетъ на престолъ дменіемъ превысоко въ царственныхъ же прискрѣ и содруженъ будетъ и отъ тѣхъ покусится святая святыхъ создати, и оттуду же на безславіе снидетъ, а по немъ на престолѣ всекраснаго смиренія гордость преумножится, святителства кунно и мучителства, и явится мерзость запустѣнія хулы на мѣстѣ святѣмъ, укореняема иматъ быти, и прочая.

Принмаху же въ память и богодухновеннаго Елеазара Анзерскаго скитонаселителя о лютости томъ звѣри Ніконѣ бывшее видѣніе и прореченіе и того ради гнушахуся просыпаннцами отъ него новинами.

Укрѣпляхуся же въ древлецерковномъ благочестіи свидѣтельствомъ бывшаго въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7097-е вселенскаго патріарха Іереміи константинопольскаго, къ благочестивѣйшему государю царю Федору Іоанновичю, тако глаголющаго: воистину въ тебѣ благочестивомъ царѣ духъ святыи пребываетъ. Понеже убо ветхій Римъ падеся Аполлинаріевою ересію, второй же Римъ, иже есть Константинополь, агарянскими внуки, отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ. Твое же, о благочестивый царю, великое руское царствіе третій Римъ благочестіемъ всѣхъ превзыде, и вся благочестивая въ твое царствіе въ едино собрашася. И ты единъ под небесемъ христіанскій царь именуешися во всей вселеннѣи, во всѣхъ христіаннѣхъ.

Подобно тому, и святѣйшій Теофанъ, патріархъ іерусалимскій, бывшій въ Москвѣ въ лѣто 7127-е, при державѣ великаго государя царя Михаила Феодоровича, во своей грамотѣ пиша глаголетъ: видѣхъ на востоцѣ и полудне отъ поганыхъ агарянъ святымъ Вожинъ церквамъ запустѣніе, и православнымъ христіаномъ святаго греческаго закона великое насиліе и погубленіе, и утѣшенія ни откуду нѣсть, точію слухъ благочестиваго христіанскаго рускаго царя, яко той единъ на вселеннѣи владыка и блюститель непорочныя вѣры Христовы. Прочія же вси, аще нѣции и именемъ христіяне нарицахуся, но далече отъ истины отпадоша и горше окаянныхъ турокъ въ православнѣи вѣрѣ гонители быша, и никое же упованіе тамо въ сущихъ странахъ.

Ктомуужь и посланный съ Москвы въ восточныя страны въ лѣто 7157, по указу великаго государя царя Алексія Михайловича и по благословенію святѣйшаго патріарха Іосифа, Сергіевскаго монастыря старецъ Арсеній Сухановъ, для смотрѣнія греческихъ чиновъ за вѣрою крестнаго цѣлованія во описаніи своемъ и въ книжѣ Проскинитаріи о дѣющихся тогда уже въ

грекахъ въ противность апостольскимъ и соборнымъ отеческимъ правиломъ и уставомъ новостехъ показуеть, тако о подливательномъ крещеніи, яко сыннославными армены и франки у духовныхъ вмѣстѣ в моленіи и яденіи общеніе, у мирскихъ же и бракомъ совокупленіе, и на утреняхъ поіелеосовъ святымъ и на повечерницѣ Богородицѣ канона, и въ великій постъ многихъ земныхъ поклоновъ отложеніе, и на пѣніи церковномъ въ шапкахъ и въ чалмахъ турецкихъ стояніе, и на службѣ сѣденіе, и инокѣвъ безъ клобуковъ и безъ мантии хожденіе, и святыя аллилуйи въ церквахъ на псалмоглаголаніи несогласное пѣніе, овы убо трижды, овы же дважды тогда пояху, и мнози греки тремя персты знаменахуся, о чесомъ Паисіа, патріархъ цареградскій снимъ, Арсеніемъ, имѣя разглаголство, аще и похвалялъ триперстное сложеніе, обаче подлинныхъ древнихъ писаніи свидѣтельствомъ укрѣпить не могъ.

Сія вся восточныхъ патріарховъ усердныя къ новинамъ склонности зряще, истинніи древняго отеческаго благочестія любителя, вышереченные епископъ Павелъ и протопопъ Аввакумъ съ прочими ревнителями, взяша многія священныя книги, о послѣднемъ времени пишущія, съ тѣми же и книгу, яже о вѣрѣ поборникомъ православныя вѣры въ лѣто отъ созданія міра 7122-е, а отъ по плоти рождества Христова 1622-е сочиненную, въ ней же между прочими, въ тридесятой главѣ взятое отъ словесъ книги Полинодіи (или обороны вѣры), написанная архимандритомъ Захаріею Колістовскимъ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1621. Почитающе же оное, зряху глаголющее тако: яко много предотечевъ, но и самъ уже близъ есть по числу еже о немъ 666, число бо человѣческо есть антихристово. Кто вѣсть, аще въ сихъ лѣтѣхъ 1666-хъ явственныхъ предотечевъ его или того самого не укажетъ?

И сія вся и прочая таковая чтуще, ничто же ино, развѣ самого предтечу антихристова Нікона помышляху быти, и укрѣпляютъ другъ друга, тайно содержатъ древнее благочестіе: не дерзашу бо прежде времени въ напасти себѣ вметати.

Ніконъ же аще и неслышаше отъ тѣхъ явнаго себѣ о сѣмыхъ его новинахъ обличенія, обаче внимаше мыслію о молчаніи ихъ зѣлымъ смущеніемъ утруждаемомъ, и боишешя, да несогласившися они пресѣкутъ начинанія его устава. Того ради крыемаго въ немъ лукавства остроозрительныя козни воспріемъ, и смотрише, кого имъ въ свое намѣреніе уловити возможетъ. И тако начинаеть отъ большаго чина, почтеніемъ и частыми гостѣбами и дарами уловляти сердца славолюбныхъ. Среднихъ же обѣщаніемъ возведенія на честныя степеніи. Меньшихъ же и нестяжательныхъ и бомарова писканія испустити не смѣющихъ, грозами и прещеніемъ, мысли ихъ къ трепетной боязни сламяти, и тако уловляя пестрыи сей змій, лукавыя своия пестроты умышленіемъ привлече мало не всѣхъ къ богопротивному своему начинанію.

Подкрѣпляемъ же лютый сей винограда Христова истребитель выше-

писанными греческими архіереами и александрійскаго Пансія соборнымъ дѣянiемъ лобызающими римское нечестіе, и даннымъ ему отъ нихъ на вопрощеніе его отвѣтомъ укрѣпився—повелѣть нанпечатати кнѣги, насыпанныя безчисленными новинами и премѣнами.

Изъ нихъ же поне главныя и знатнѣйшія всему народу премѣны, и на древнее благочестіе великія хулы и клятвы исполненныя всякаго гажденія здѣ показати потнуся. Яко вмѣсто трисоставнаго креста Христова двочастный крестъ, а по древнiмъ исторiямъ именуемый римскій крыжъ, во всѣхъ священнодѣйствiяхъ воображенъ имѣти. Вмѣсто двоперстнаго сложенія, триперстнымъ знаменоватися, а пятиперстнымъ благословяти. Вмѣсто пишемаго и глаголемаго имени Спасова Ісусъ, съ приложеніемъ иты, Ісусъ глаголати. Вмѣсто сугубяя аллилуи трегубое съ приглашеніемъ «слава тебѣ, Боже», пѣти. Церковная же околохожденія противъ, а не по солнцу творити, и литургію на пяти, а не на седми просфиряхъ служити повелѣвающія. Прочая же множайшая новины и премѣны, яже въ тѣхъ книгахъ просиша, ихъ же песка число превосходитъ, о тѣхъ нынѣ, за краткость слова, молчаніемъ претекаю, о богохульныхъ же его клятвахъ, хотя мало, и вкратцѣ объявлю. Понеже съ вышеноказанными восточными вепрями, а не архіереами, согласився, двоперстнаго сложенія не убося арменскимъ, несторіанскимъ, хиромантiею нареци, и не крестящихся тремя персты, тяжкими клятвами и анафемами обложити, и отлученныхъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа имѣти не вострепета окаянный. Не слыша убо сей глухій аспидъ о святомъ двоперстномъ сложеніи древнихъ святыхъ учителей греческихъ Феодорита, Петра Дамаскина, Никифора Панагiота, Мелетiа патрiарха, и премудраго Максима Грека, писанныхъ ими и дѣйствуемыхъ преданiи. Невидѣ той, отъ чрева матеря потемнѣлый душевными очима, слѣпецъ, на святыхъ чудотворныхъ иконахъ писанныхъ апостоломъ Лукою и святымъ Петромъ митрополитомъ Московскимъ, и на прочихъ безчисленныхъ Греческихъ и Россійскихъ чудотворныхъ иконахъ, такожде и въ харатейныхъ старописанныхъ книгахъ воображенныхъ благословляющихъ и знаменающихся двѣма перстома рукъ, сквозѣ туманъ помраченнаго своего нечестiа узрѣти невозможно. Такожде не ощути никогда же разслабленный душевными членами люторскія и калвинскія темныя прелести пасторъ, съ сложеніемъ дву перстовъ на знаменіе креста лежащихъ во гробѣхъ святыхъ нетлѣнныхъ мощей. Но яко бѣсныи пещь, лающъ святыхъ угодниковъ божіихъ, и кленущъ преданіе ихъ держащихъ, всѣмъ показовашеся. Подобнѣ объюродѣвъ, позабы принесенныи тцаніемъ его отъ Палестины, но подобію и мѣрѣ самого животворящаго креста Христова содѣланныи трисоставный крестъ, иже и до нынѣ стоитъ въ созданнѣмъ отъ него Крестномъ монастырѣ. Его же отъ всѣхъ церковныхъ священнодѣйствiй отринувъ, возлюбѣ римскими латинами и восточными новолюбителями почитаемый двочастный крестъ, или удобѣ рещи крыжъ. Тѣмъ бо крестомъ четвероконечнымъ узаконоположиша вся тайны церковныя дѣй-

ствовати, воду ко крещенію освящати, елей и отроча мажуце елеомъ и мпромъ той крестъ изображати, просфиру благословляти и въ тайнахъ еucharистіи той же устремляти, болныя мазати, церкви посвящати, ястіе и питіе благословляти: словомъ рекше единѣмъ, вся священная дѣйствовать, четвероконечнаго креста образъ творити. И сія утверждающе тако глаголють: крестъ сей пресвятѣй, а не кресло: крестъ пребожественный, его же цѣлуемъ и славимъ, а худящія и проклинаемъ.

И тако напечатанныя со многими премѣнами книги во 164 году, розосла во вся російскія епархіи, по градомъ, монастыремъ и весемъ, повелѣвающъ содержати не бывала до толѣ въ Россіи преданія, на неприемлющія же тѣхъ книгъ, грозныя томленія и муки просыпати обѣщавшеся, и царскаго величества за неприятіе оныхъ неуголимый гнѣвъ быти возвѣщаше.

Тогда бывшіи при отъѣздѣ святѣйшаго патріарха Теофана Іерусалимскаго, сказанное имъ прореченіе воспоминаша глаголющее: «воистину, братіе и чада, сіяетъ нынѣ въ вашей великой Россіи истинное благочестіе, греческаго православія, яко же солнце въ небеса; егда же воззладычествуетъ тезоименитая пособителю альфа, тогда по всей великой Россіи, богоугодныя и спасительныя отеческія чины и обычаи и уставы и преданія церковныя премѣнятся: вмѣсто же тѣхъ нововводныя обычаи, и многія премѣны настануть, и будетъ гоненіе веліе на христіаны, держащія древлецерковное благочестіе.

Въ таже времена явился знаменіе на небеса звѣзда комета, яже являше Россіи скорбь и мучительство веліе за содержаніе древнихъ святоотеческихъ преданій.

Збывающуся же убо патріарха Теофана прореченію, наполнишася абіе, узлища узниковъ, огустѣша улицы связанными исповѣдниками, обгаряшася спекуляторетіи бичи кровію страдалцевъ, възграша тѣхъ мечи на исповѣдническихъ выяхъ, покрышася площади казненныхъ мучениковъ тѣлесами. Не толико убо множество залцевъ, увязшихъ въ ловитвенныхъ тенетахъ видяшеся, елико повѣшанныхъ христіанъ за содержаніе благочестія зришеся. Всякаго убо града поле подобообразную халдѣйской римскую мучительную пещь, на себѣ разженную люте ношаше, и вметасмыя внѣ, не Азаріины, но невѣсты Христовы церкви чада пожигаше.

И таковоѣй мучительной ярости просыщавшейся по всей Россіи, что не творяху любящии древнее благочестіе, бѣгаху и отъ таковаго лютаго мучительства по пустынямъ, скитахуся по горамъ, крыяхуся по вертепамъ, влачяхуся по дебремъ, да возмогутъ сохранити православіе.

Но неусыпающіи чловѣческихъ душъ губитель, врагъ діаволь, шепчетъ во ушеса новолубителемъ, возбуждаетъ гонители, поощряетъ мысли ихъ послати войны по пустынямъ и по горамъ и вертепамъ для взысканія любящихъ древнее благочестіе.

И тако войны съ начальными ихъ людьми вооружени суще, посылахуся

отъ каждого града, въ присутствующія къ тѣмъ градовомъ пустыни. И идѣже кого обрѣтаху, шривождаху связанныхъ въ мучительная мѣста, пдѣже уготовлены бяху бичи, огни, клещи, тряски, желѣзные хомуты, притягуюція главу, руцѣ и нозѣ во едино мѣсто, отъ котораго злѣйшаго мучительства по хребту лежація кости по составомъ сокрушахуся, кровь же изъ устъ и изъ ушей и ноздрей и изъ очію болѣзненно издавляющіся течаше. Наконецъ же сихъ рели, плахи, меча и сруба уготовленіе.

И до толика новолюбительныя сея злобы лютость въ сердцахъ всѣхъ вѣсяся, яко и сосѣдъ сосѣда хранящаго древнее благочестіе оглаголоваше и предаше на мученіе и раны по гласу Спасителя нашего Бога, глаголющему: «предастъ же братъ брата на смерть и отецъ чада, и будете ненавидими отъ всѣхъ имени моего ради». Которыми неизбѣжными нуждами стѣсняеми христіяне, не могуще никакоже укрытися отъ гонителей, паче же престарѣлыя и не могущіе со одра двинутися и малолѣтныя обою полу отрочата, а пріяти новинъ не хотящія, срѣзовахуся по вся часы не сказанною печалію, и того ради несумѣнно вѣрою влекомы, избраша себѣ инъ путь, ко спасенію ведущій, взирающе на древнія святыя, иже таковымъ же путемъ вѣры скончашася и святою церковію въ ликъ святыхъ мученикъ причтошася. Не бо тѣи, яко Донатисты, для единого тѣлесавія сами себе смерти предаваху. Но едино благочестіе не вредно соблюдающе и того ради самоубійственнымъ разнымъ смертемъ себе предаваху, о нихъ же многая церковная писанія и повѣсти на многихъ мѣстехъ являютъ, яже нынѣ за краткостію воспоминаути оставляю.

Подобнѣ нѣкако умыслиша и сіи гониміи за православіе христіяне другъ за друга душа своя положити, поминающе Спасово слово, глаголющее: «болше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя». И тако собирающеся мнози, идѣже кому возможно, во едину храмину, и уготовльше вещи, скоро огнемъ поемлемыя, и заградивше храмину, пребываху въ постѣ и молитвѣ и плачи, ожидающе мучителей нашествія. И при наѣздѣ тѣхъ, и многога сними воинства, и народнаго понятыхъ людей собранія, молящеся съ горкимъ плачемъ и рыданіемъ Господи Богу пріяти души ихъ, усердіемъ, и не преложною вѣрою къ нему идущія. И тако мучительны оныя храмины и сними запалены быша и згорѣша, и иніи же, отъ жестокаго приступа боящеся власти въ руцѣ гонителей для нестерпимыхъ и многовременныхъ мукъ, сами зажигахуся, и съ горклымъ плачемъ исповѣдающеся, предаваху души своя со упованіемъ Господи Богу въ щедрыя его судьбы, чающе древлецерковною вѣрою оправдитися на страшнѣмъ его и праведнѣмъ судѣ. Мнози же и едини суще, не могуще же отъ рукъ гонящихъ ихъ гонзнути, тою же вѣрою подстрѣбаеми, ввергаху себя во огнь и въ воду, иніи же ножемъ себе закалаху, и каждо, какъ можаше, самъ себе убиваше, блудый токмо, да цѣло пребудеть внемъ отеческое благочестіе, и сія убо о пострадавшихъ и страждущихъ за древе-

церковныя преданія и отеческія обычаи согласно древнимъ, такожде пострадавшимъ, краткою сею бесѣдою воспомянуса.

Между тѣми жъ страждущими по благочестіи явишася мнози невѣгласи, едино точію упорство имуще и не хотяще по изданнымъ законамъ подъ двойнымъ окладомъ быти и мечтающесе (да не реку, яко долатисты, сіе бо тяжко есть и помыслити), но яко упорни, быти мучениками и необождятъ никакова принужденія, кромѣ кроткаго увѣщанія, и даемъ имъ о своемъ благочестіи воли, мнози сами себе сожгоша и тѣмъ оставиша и законно пострадавшимъ безсмертное поношеніе и властельской гнѣвъ, осталцы же тѣхъ и по нынѣ хулу возлагають на хранящихъ благочестіе по рассужденію святаго писанія, не помняще реченнаго Павломъ: яко ревность Божію имуть, но не по разуму, и паки: аще же и постраждетъ кто, не вѣнчается, аще незаконно мучень будетъ. Того ради подобаетъ умъ имущимъ отъ снцеваго неразумнаго намѣренія всячески блюстися и въ наученія странная и различная не прилагатися, и о семъ убо доздѣ слово мое простресея.

Что же начну о страшнѣмъ семъ звѣри, изшедшемъ изъ бѣздны отступленія, о Никонѣ глаголю, неусыпномъ каеолитическаго благочестія гонителѣ. Яко убо узрѣ римскую блудницу, сѣдищу на зміи чернѣмъ, упоену уже кровью святыхъ исповѣдниковъ, играше мыслію своею и глаголаше безумный въ сердцѣ своемъ: нѣсть Бога. И яко не искуси Бога имѣти въ разумѣ: сего ради предаде его Богъ въ неискусенъ умъ творити неподобная. По вся бо дни утучневая себе, питашесе, яко волкъ на заколеніе, вся же человѣческія души, лестьми и томленіемъ поядая, снѣдаше въ хлѣба мѣсто, и тако убо живый пребываше не яко пастырь, но яко волкъ и наемникъ.

Баше же у него въ послушаніи взятый изъ Соловецкія обители нѣкто благоговѣйный инокъ, именовемъ Кирикъ, иже баше прежде въ той обители у болничныхъ страдалцевъ келаремъ, въ ту же обитель прииде той изъ Анзерскія Елеазаровы пустыни. Живуцу же тому преподобному мужу Кирику, у злодѣйственнаго сего звѣря, въ келейномъ послуженіи, узрѣ нѣкогда (охъ грозы нестерпимыя, рвуція повѣствующій языкъ мой отъ гортани) въ бархатныхъ его патріаршескихъ башмакахъ, на одной стелькѣ вышито распятіе Господа нашего Ісуса Христа, а на другой (увы лютаго страха, отъемлющаго отъ ума моего память) вышитъ образъ Пресвятыя Богородицы воплощенія. Сія же видѣвъ, Кирикъ отъ страха того весь оцепѣне, и не вѣдаше что сотворити, жалостію же снѣдаемъ о такомъ неслышанномъ сладчайшаго Господа Ісуса и Пречистыя Его Матере безчестіи, и о погрѣшаніи скверными его блудными ногами святыхъ образовъ ихъ. И тако на долгъ часъ плакавъ горько, не смѣяше лютаго сего звѣря о такомъ богохульномъ его дѣйствіи обличити, великою же печалію стиснувъ свое сердце, не можаше отъ того дне пищи и питію причаститися. Вопрошаемъ же отъ ругателя Божія, чесо ради ни ясть, ни пиетъ, — той же притворивъ себе нѣкую естественную болѣзнь, прошаше себѣ отпуста въ первую Соловецкую обитель, глаголя: «отпусти мя, Владыко, понеже зѣло изнемогаю,

да во обѣщаніи иночества моего гробъ приметь мое тѣло». Той же прелукавый змій отпусти его въ ону Соловецкую обитель и грамоту ему даде, да во всякомъ изобиліи старость его будетъ упокоена. Онъ же пришедь въ киновію, плачевную сію повѣда отцу своему духовному, священноиноку Виталію. Той же прочимъ отцемъ соловецкимъ сказа о семь все по ряду, которою ужасною новѣстію уязвлени бывше отцы, на большую о отеческихъ церковныхъ законахъ и обычаяхъ ревность возбудинася.

О томъ страшномъ его Никоновомъ беззаконіи, и другій неложный свидѣтель бѣше ученикъ его Никоновъ старецъ Андреянъ, иже и до патриаршества его пребысть снимъ многое время. И той увидѣ нѣкогда въ сапагахъ мѣднолитые тонкіе образы распятія Христова и Пречистыя Богородицы воплощенія и о такомъ его беззаконіи обличити не смѣяше, во точію повѣда тайну сію отцу своему духовному, священноиноку Θεодосію и Аввакуму протопопу и прочимъ исповѣдникомъ православныя вѣры. Не хотя же жити у такогого потаеннаго волка, и ругателя Божія славы, начать въ потребныхъ услуженіяхъ противитися ему и пререковати, да тою противностію возможетъ отъ звѣря сего избыти, за которыя его прерѣканія многажды его оный звѣрь бѣше. Но той намѣренія своего отложить не восхотѣ. И того ради повелѣ его оковать заточити въ Корниліевъ Палеостровскій монастырь, иже на великомъ езерѣ Онѣгѣ, близъ села великаго Толвуи, идѣже живый повѣдаше братіи, древнее благочестіе любящимъ.

О подобномъ же его вышеявленнымъ безбожнымъ дѣйствамъ исполненіи повѣда подіакъ его Теодоръ глаголя, яко Никонъ еретикъ есть и содомлянинъ. Нѣкогда бо видѣлъ бѣше у Никона подъ постелею положенъ образъ распятія Господня, и сіе видѣвъ Теодоръ ужаса великаго исполнися. Господь же видя его Теодорово къ любви Божіей прилѣжаніе не утай отъ него и прочихъ Никоновыхъ студныхъ садомскихъ дѣлъ. Подноивъ бо нѣкогда подъяка жъ своего Івана зовомаго Ладошку, и проблудилъ его содомски. Онъ же скверное его дѣло тяжко си вмѣнивъ быти, и повѣда клевету своему, реченному Теодору. Ежже Никонъ внятъ оного Іванна безвѣсти погуби, Теодора же искаше, како бы его погубити, но той бѣжавъ крыяшеся съ верными отъ его злобы тайно, иже послѣди воиноческій образъ облечеса, и нареченъ бысть Филиппъ. Той бо не жоженъ свидѣтель бысть страданія святыхъ отецъ, Аввакума протопопа, іерея Лазаря, и Теодора діакона, и инока Епифанія, иже въ пустозерскомъ острогѣ подвигъ страданія своего въ лѣто 7190-е апрѣля 14 дня, въ день великаго пятка, на воспоминаніе страданія Господня въ срубѣ огнемъ скончаша. Никонъ же аще сицевая своя вышеявленная беззаконія и дѣяше, обаче тайно, явно же предъ народомъ лицемѣрствуя показоваше себе истиннаго пастыря быти и о спасеніи и пользѣ всѣхъ пекущася. Новости же своя часть отъ часа, яко скверныя красты всюду сѣяше. Пшеницу же отеческаго православія, яко кедры ливанскія, отвсюду яростію и мучительствомъ исторгаше.

У него же Никона бѣше уставщикъ священноинокъ Нафанаилъ кievля-

нинъ, ему же нѣкогда Никонъ рече, яко при святомъ крещеніи во отреченіи сатаны, не подобаетъ на него плевати, ибо не знаючи у насъ то творять. Нафанаиль же прашае съ нимъ, глаголаше: «азъ плюю и на того кто за сатану стоитъ». Никонъ же, разъярився, повелѣ Нафанаила бити плетьюми, и сосла его въ заточеніе въ созданный его монастырь Крестный, иже на Онѣжскомъ устіи. Той же тамо бывъ, повѣдуя баше тамо сущимъ, яко Никонъ его сосла въ заточеніе за сатанино безчестіе. Онъ же Никонъ (яко же глаголетъ Нафанаиль) Христа ради уродивыхъ нарицалъ бѣшенными, и на иконахъ писать ихъ не велѣтъ.

Старець же Григорій Нероновъ жившъ при патріаршемъ дворѣ свидѣтельствовавъ, яко Никонъ за двойственную аллилуію глаголемую дважды, а въ третіе приглашаемую слава тебѣ Воже, ¹⁾ именовалъ дуракомъ и писанія его блядивыми нарицалъ въ соборной церкви при многихъ властехъ. И преподобнаго Юсифа волокаламскаго ругалъ, и всячески злостовилъ и ябедникомъ называлъ, и многихъ святыхъ испоминовенія истребилъ. И тако объюродѣ, яко и въ царскомъ домѣ дерзну сотворити нѣчто неподобное.

Увѣдавъ же о семъ самодержецъ, искаше времени подобна, како бы его суду предати и гнѣваиася нанъ зѣло, яко и въ великіи праздники въ соборную Успенія Пресвятыя Богородицы церковь не ходяше.

Въ лѣто же 7166-е видѣвъ Никонъ государя царя тако гнѣвающаяся нанъ, и яростію дышуща, и того ради въ праздникъ Положенія ризы Господни іюля 10-го бывшу Никону въ соборнѣй Успенія Пресвятыя Богородицы церкви, и по совершеніи службы, снемъ с себе святительскія одежды и жезлъ поставивъ на патріаршемъ своемъ мѣстѣ, и во услышаніе всему народу, яко бѣсный песь, нача брехотати, вопія и зовый: аще отселѣ буду я патріархъ московскому государству, буди я проклятъ, и тако отъ сквернаго своего сердца лютыи той змінный ядъ трижды изблевавъ, тремъ духовомъ злымъ, показаннымъ тайнозрителю во откровеніи, змію, звѣрю, лжему пророку, любимую имъ смертоносную чашу, страдальческими кровьюми наліянную и испити поднесе. Возлюби убо отступленія клятву и дадеся ему, не восхотѣ отческаго благословенія, и удалися отъ него, и тако изыде вонъ изъ церкви, и посылаетъ къ великому государю царю посланіе, да бы повелѣлъ дати ему гдѣ кѣлію на пребываніе. Царь же посла къ нему князя Алексѣя Никитича Трубецкаго, вопрошая его: чесо ради оставляетъ онъ престоль патріаршій. Онъ же отвѣща: яко вѣдый своя аже къ Богу согрѣшенія и многихъ ради грѣховъ моихъ (яко же вижу) начаша быти здѣ въ Россіи многія моры и войны, и вся злая, того ради и престоль оставляю. И сія рекъ князю, отъиде въ Воскресенскій монастырь, его же прежде созда.

Пребывая же тамо перваго смрада гнусными мотылами помазоваше

¹⁾ Преподобнаго Евфросина псковскаго (Отвѣтка на полѣ).

свое скверное еретическое волшебное тѣло и пѣвнѣ партесное пѣти устами.

По нѣкоемъ же времени, бояринъ нѣкто Никита, рекомый Зюзя, вѣдѣый Никоново ради ярости царскія притворное престола патриарша оставленіе, и хотя его въ большій стыдъ ввести, и царскую ярость нанѣ восхвалити, написа къ нему писаніе, якобъ по царскому велѣнію писанное, повелѣвающее ему на свой престоль возвратитися. Онъ же, яко изъ младенчества славолюбіемъ поглощенный, скоро поиде въ Москву. Приспѣвшу же ему къ Смоленскимъ вратамъ, стражіе же не вѣдуще, кто таковой входитъ, и не впускаху его во врата. Онъ же повелѣ служителямъ его сказати, якобъ Савинскаго монастыря власти приидоша, и тако вниде во градъ и вшедъ во соборную церковь во время утрени, и вскочи яко песь на патриарше мѣсто, хотя скверныя своя клятвы злосмрадную блевотину облизати, и жезлъ Петра митрополита въ руцѣ возьмъ, нача благословляти люди. Къ нему же первіе подъ благословеніе прииде въ той же отступлемія темницѣ сѣдый слѣпецъ, ростовскій митрополитъ Іона, невѣдый, яко уста его клятвы, а не благословенія полны суть, и горестъ и лестъ подъ языкомъ его, и потомъ иніи мнози.

Слышавъ же о семъ самодержецъ и призвавъ князя и бояры, и снпми совѣщавъ, повелѣ ему возвратитися въ реченный построенный имъ Воскресенскій монастырь.

Онъ же, яко аспидъ яряся, поѣха, возмъ съ собою жезлъ святителя Петра митрополита. Сіе увѣдавше бояре и духовніи, послаша вслѣдъ его и гнавше постигоша и оный жезлъ святой, яко у разбойника дражайшую дирахму и утварь церковную, отъяша и привезше поставиша его на первомъ патриаршѣ мѣстѣ, да побѣдитъ той крестообразный жезлъ хотящаго помалѣ на его мѣстѣ стати зміеобразнаго жезла, крѣжъ латинскій на себѣ имущій, двѣма зміинными жалы соблюдаемый.

В то же время отъ мірозданія 7175 г., отъ воплощенія же Бога Слова 1666 лѣто, приидоша въ царствующій градъ Москву гречестин патриарси. Паисіа александрійскій, Макарій антиохійскій, влекоми желаніемъ и волею великаго государя царя.

Имѣяше же Никонъ у себе во услуженіи два жидовина новокрещенныхъ, ихъ же зѣло любляше за христоненавистный ихъ нравъ, потаенный сый злый жидовинъ, и ничесо же отъ нихъ не потаеваше дѣемыхъ собою богопротивныхъ дѣлъ. Единъ же изъ нихъ часто отхождаше въ Москву, и повѣдаше иному жидовину, именемъ Даниилу, доктуру царскія обтеки сущу, вся дѣмая Никономъ беззаконія и дерзости. Той же Даниилъ вся тая царевнѣ сказоваше. Слышавъ же сія Никонъ возьмъ живущаго у него жидовина, жестоко бѣя плетми, вопрошаше у него: аще тако суть? Той же не повиная, и того ради повелѣ его ввренци въ темницу. Другіи же жидовинъ видя Никоново другу его учиненное томленіе и затвореніе въ темни: бѣжа въ Москву, и воскресча зовый: «за мною слово государево». И а.

взять бысть предъ царя и вопрошень и глагола вся по ряду беззаконная Никонова дѣла и дерзости повѣда же и то, яко Никонъ и жены ихъ отъя себѣ на блудъ, самѣхъ же за прекословіе ихъ до смертной забыти многажды плетъми билъ баше.

Слышавъ же сія, царь повелѣ оныхъ жидовъ съ женами ихъ и съ дѣтьми привести въ Москву, и отдати за стражу Чюдова монастыря на конюшей дворъ: да будутъ Никонова сквернаго беззаконія и мучительства очевидніи предъ соборомъ обличители. И ту суще оніи жидове и со стражею безъ вѣсти погибоша яко же нѣщии мнѣть, яко отъ Никоновы страны бывши въ беззаконіи его сообщницы тыя вся погубиша.

Симъ убо тако содѣявшимся, призываетъ абіе самодержецъ, оба вселенская патріарха, и весь пресловущихъ россійскихъ архіереовъ такожь и высокородныхъ цервухъ князей и бояръ многочисленный соборъ, и имѣющія Никоновы вины и подозрѣнія и дерзости показа имъ обстоятельно.

По совѣщанію же всего того собора посла царь Арсенія, архіепископа Псковскаго, и дву архимандритовъ и нѣхъ игуменовъ, и стрѣлецкаго полковника Остафьева со стрѣльцами, повелѣвая Никона привести въ Москву для отвѣда об оставленіи патріарша престола.

Они же шедше въ Воскресенскій, иже на Истрѣ рѣцѣ, монастырь, взяша Никона, яко же бысть повелѣно имъ, и придоша снимъ въ Москву ко Архангелскому подворью, еже есть въ Кремлѣ, декабря 2-го дня, и ту стаща.

И оттолѣ взяша Никонова подіакона Іванна зовомаго Шуперина (иже бѣ наперсникъ и писатель житія его) и представиша государю царю. Вопросы же его самодержецъ о тайносодѣянныхъ вещехъ, претя ему жестокиѣмъ истязаніемъ, да скажетъ истину. Той же, яко лютаго звѣря единовравный ему злый скимелъ, не повѣда царю ничесоужъ. Царь же повелѣ его посадити въ полату тайныхъ дѣлъ, и по трехъ лѣтѣхъ посланъ бысть въ великій Новъградъ въ безчестное заточеніе.

Декабря жъ 2-го дня по утру взять бысть Никонъ предъ государя царя, и предъ вселенскихъ патріарховъ въ деревянную столовую полату, яже бѣ при церквѣ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. И яко принде, сотвори поклоненіе государю царю трижды, потомъ вселенскими патріархама, таже всему церковному собору, и царскому синклиту по обычаю. Воставъ же царь съ престола своего и пришедъ къ столу, идѣже патріарси сѣдяху, прошаше у нихъ суда на Никона, повелѣвая его вопросити, чесо ради остави престоль и паству, и отъиде въ монастырь, и чесо ради нѣкоторыхъ архіереовъ и царскаго синклита многихъ предавалъ клятвѣ. Никонъ же, яряся противу того, яко лютый змій, уязвляше государя словесы нелѣпыми, пми же утруждаше лютѣ его царскую душу. Которыми его тяжкими грубостъми по не малу утрудився царь, повелѣваетъ его безъ чести вести подъ караулъ во уготованный ему дворъ, и завѣща ему не дати ни пици ни питія, да навъкнеть Бога боятися и царя чтити по писанному: Князю, рече, да наречи зла.

Того же декабра 12 дня (отъ него же солнце теченіе свое возвращаетъ съ студеныя зимы на теплѣйшее лѣто, прообразуя смѣль днѣмъ, яко же мнитися съ Ніконова мучительства хотящее быти въ предъбудущихъ монарховъ російскихъ волею древняго благочестія любителемъ ко уволенію содержанія того сладкое пролѣтіе) собрася паки соборъ, въ Чюдовъ монастырь при церкви, яже надъ враты Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ притворѣхъ, идѣже присутствоваху; великіи государь царь и великій князь Алексій Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, гречестін власти, Палсій папа и патріархъ александрійскій и всея вселенныя, Макарій патріархъ антиохійскій и всего востока, Россійскіе архіереи: Питиримъ митрополитъ Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ, Лаврентій митрополитъ Казанскій и Свіязскій, Іона митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, Павелъ митрополитъ Сарскій и Подонскій, Филаретъ архіепископъ Смоленскій и Дорогобужскій, Іосафъ архіепископъ Тверскій и Кашинскій, Іосифъ архіепископъ Астраханскій и Терскій, Арсеній архіепископъ Псковскій и Изборскій, Александръ епископъ Вятскій и Великопермскій, Мефодій епископъ Мстиславскій и Черниговскій, Іоакимъ епископъ Архангельскій, Симонъ архіепископъ Вологодскій и Бѣлозерскій, Ларіонъ архіепископъ Рязанскій и Муромскій и иніи мнози такъ отъ церковнаго чина, яко и отъ царскаго снглита, собрася на осужденіе и изверженіе Ніконово и тако соборѣ изложиша многихъ его винъ и дерзостей ясное объявленіе, и за тыя вины суда изреченіе и отъ всего святительскаго чина изверженіе, и наконецъ всего въ сылку осужденіе, въ коемъ объявленіи пишуще, тако глаголють:

Понеже Никонъ, бывшій патріархъ Московскій, смуги благавѣрнаго великаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича, и все его царство смяте, влагаяся въ дѣла, не прилична патріаршу достоинству и власти, ихъ же главизны государь царь, приславъ намъ четыремъ вселенскимъ патріархомъ, возвѣсти: яко кромѣ всякія нужды и навѣта бывшъ посредѣ великія церкви, обнажися изъ всего архіерейскаго одѣянія, вопія велегласно: «Не ктому есмь патріархъ московской и вмѣняюся быти грѣшникъ и не достойный», сія жь изрекъ отъиде съ великимъ гнѣвомъ и стремленіемъ въ монастырь, отъ его самого созданный, якобы плакатися о своихъ грѣсѣхъ; обаче же и тамо живя, дѣйствоваше архіерейская, хиротонисая безпрепятственно и посвящая, обновляя и созидавая монастыри, съ неприличными титулами и суетными именованьями: новыи Іерусалимъ нарицаю, и Голгофу, Вифліемъ, и Іорданъ, глумяся изъ божественныхъ вещей, и ругаяся вещемъ святымъ, нарицаю себе быти патріарха новаго Іерусалима, похищая разбойнически, яко аще бы ему было лѣтъ и возможно, похитилъ бы третію часть царства;—пришедше убо мы (глаголють патріарси) въ царствующій градъ Москву, и сотворше прилѣжное взысканіе, обрѣтохомъ повинна и должна многимъ и различнымъ оглаголаніямъ пред-

реченнаго Никона. Между прочими же оглаголеными и сія быша, яко прокливаше російскія архіереи въ недѣлю православія. Еще же ругаяся обычаемъ глумителей двумъ архіереомъ, одинаго именуя Анну, другаго жъ Каафу. Тако же дву отъ синклита царскихъ бояровъ и посланниковъ именована Иродомъ и Пилатомъ.

Призвану же бывшу Никону на соборъ той по обычаю церковному, да дастъ по правиломъ отвѣтъ о нихъ же оглаголанъ быше. Но Никонъ не точію не смиреннымъ приде образомъ, паче же оглаголовати нача вселенскихъ патріарховъ упорнымъ отвѣтомъ. Ибо егда начатъ чести соборное о немъ объявленіе Іларіонъ епископъ рязанскій, тогда Никонъ слышавъ скверныя своя дѣла при толикомъ собраніи чтомы, не можаше той аспидъ глухій слышати гласа скверными его дѣлами обавающихъ, и хотя правду лжею покрыти, начатъ вселенскихъ патріарховъ оглаголовати, якобы они не имѣють престоловъ своихъ, но скитающесе пребываютъ внѣ своихъ епархій, единому глаголя пребывати во Египтѣ, другому же въ Дамаскѣ безпрестолно. И судъ ихъ патріаршій басни именована и бляди, и правила, прямо его преступленіямъ притивящаяся, нарицаше лживыми, книгу номоканонъ именуемый восточный, еже и законъ царскій, назва еретическою, того ради яко напечатася въ странахъ западныхъ.

Не стерпѣвъ же Іларіонъ, тако же Никона на изліяныя его прежде отступническія блевотины брехочуща, начатъ его обличати жестоко, нарицая его убійцею, блудникомъ и хищникомъ, и иными многими безчестными глаголы, яко каломъ помазоваше враждебную его главу. Въ дѣлѣхъ убо руку свою по писанному увязе тогда грѣшный Никонъ.

О томъ убо Никонъ смутительъ вселенныя, въ вышеупомянутомъ объявленіи показываютъ вселенстіи патріарси, яко онъ къ нимъ (че)тыремъ патріархомъ писалъ быше въ епистолиахъ извѣствуя, (якобы) православнѣйшаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича латинств(ова)ти, нарицая его мучителемъ неправеднымъ, и уподобляя Іеровоаму и Озіи, подобяъ сгилить, и всю російскую (церко)въ къ латинскимъ догматомъ преклоншуся, которые его (епис)толи въ руцѣ тишайшаго царя государя досташася.

Еще же и архіерея Павла Коломенскаго епископа самъ единъ, кромѣ всякаго помѣстнаго собора низверже, его же изъ мантии об(на)жи и на лютая біенія и наказанія предаде; о немъ же (п)звѣстно вѣдасть вся обонѣжская страна, яко той Павелъ посланъ бысть въ заточеніе, въ Палестровскій преподобнаго Корнилія монастырь, и по минутіи нѣколичкихъ лѣтъ, взятъ бысть въ Великіи Новъ-градъ, и за содержаніе древняго благочестія въ великій пятокъ въ срубѣ сожженъ. Еще и отца своего духовнаго повелѣ обнаживъ безъ милости бити и тако ему обезвѣчену нагому быти, яко и язвы его (глаголють патріарси) видѣхомъ. И таковыми многими злодѣйственными сотворенными Никономъ злобами, тако вселенстіи патріарси, яко російскіи архіереи трепетно возбудившеся, не ктому прочее

можаху зрѣти патріаршимъ сакоsumъ лютаго звѣрообразнаго мучителя одѣяна и того ради изнесоша на него таковой общій судъ глаголюще:

Познавше убо мы, яко Никонъ не архіерейскія употребляше кротости, но мучительскимъ неправдамъ приложися, хищеніемъ предадеся, и мучительски обвязася, по святымъ (божест)веннымъ богопроповѣдникъ апостоловъ правиломъ, вселенскихъ седми—и помѣстныхъ соборовъ, сотворихомъ его всякаго свящ(ен)ства чюжда. Во еже бы ему къ тому не дѣйствова(ти) іерейскихъ, нбо его совершенно извергохомъ и низложи(мъ), святѣйшіи патріархи, съ омофоріи и съ епитрахили, со всѣмъ помѣстнымъ преосвященнымъ соборомъ, изъявляюще отънынѣ вмѣняться и именоватися простымъ монахомъ Никономъ, а не ктому патріархомъ московскимъ. Мѣсто тако его пребыванію до кончины житія его назнаменовася въ нѣкоего монастыря, во еже бы ему безпрестанно и безмолвно плакаться о грѣсѣхъ своихъ. Повелѣно же бысть при немъ быти благоискусну нѣкому мужу архимандриту опасенія ради, да не дерзнетъ кто отъ безчинныхъ ругатися ему, и обиду творити, и онъ же самъ впредь да не дерзнетъ коварствъ какихъ составлять. Еще же завѣщася при немъ быти честному мужу дворянину съ малымъ числомъ людей служивыхъ, всякаго онаства ради, дабы къ нему и отъ него мятежнымъ писаніемъ не исходити. Сія вся правильно сотворихомъ, кромѣ всякаго лицепріятія и кромѣ страстнаго осужденія, боящася будущаго судища праведнаго, и по Бозѣ судъ изнесохомъ. И оное подлинное объявленіе руками вышепредъявленныхъ греческихъ патріарховъ и російскихъ архіеревъ подлинано.

Въ лѣто же 7184-е генваря 30 преставися государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи самодержецъ. Того же 184 года іюля въ 20 день взыде на всеросійскій царскій престолъ великій государь царь и великій князь Феодоръ Алексѣевичъ.

И о сихъ убо краткостію воспоминавше, пойдѣмъ прочее, инока дивіаго Никона глаголю, всеросійскаго смутителя, въ дубравы отеческія скитатися пдущаго слышати и слѣды его звѣрины, на раздоліяхъ тѣхъ глубоко влѣпленныя видѣти, яко и на изшествіи своемъ изъ соборныя полаты показоваше всѣмъ подобравный князю тмы не покаянный свой звѣровидный обычай.

Глаголютъ бо нѣщии, иже при изверженіи его изъ патріарха сану бывшии: яко егда вселенстін патріарси повелѣша ему черный клубокъ со главы, а панагію с выш его святы, тогда онъ, возревевши, яко вепръ дивій, нача нелѣпнымъ гласомъ кричати, зовый: «вы есте прошаки и грабители, а не пастыри, и пришли есте, не да пользу кую здѣ сотворите, но лестію и похлѣбствомъ жестокоправныхъ человекъ сердца похитите, и пнемемъ патріаршества точію, а не дѣломъ нраву ихъ разрѣшеніе учините, и тѣмъ не сытую вапшу и сребролюбную, и аду подобную гортанъ наполните; кое убо і въ васъ лучше римскаго отступленія благочестіе имѣется, яко и Іеросалимская церковь отъ озлобленія турковъ и иными неправославными вѣрами и своимъ ихъ обычаемъ исперепорчена.

Не терпя же сего Паисій, воста отъ мѣста своего и жезломъ своимъ рину съ Никоновы главы клобукъ на землю. Панагію же с выш его повѣлъ безчестно сорвати же, патриарша сану уже обнаженъ баше. И тако единъ одинаго укоряя и поношая, оба явишася древлевозочныя и всероссійскоя церкви, преданіямъ и обычаемъ гонители, а не учителя. Обаче одолѣ греческии левъ россійскаго цардоса, Никона глаголю, прилѣжнаго насадителя отступленія и мучительству. Его же и сослаша въ заточеніе въ Фералонтовъ монастырь, иже во предѣлахъ Вѣлоезерскихъ, и даша его въ присмотръ архимандриту нѣкоему, и стрѣлецкому головѣ Аггею (Шеп)елеву. Снимъ же послаша вонновъ до полуста человекъ. (Е)гда злодѣйственный онъ мучитель, яко же мню, вспо(мян)у писанное: Ровъ изры ископа виадется въ яму, юже содѣла, братіи своей архіереомъ и священно и церковно-служи(те)лемъ и множеству народа, гонимымъ отъ него людемъ.

Живыи же въ Фералонтовъ обители и еще дышаше лукавствомъ лице-мѣрія, обрѣте бо мѣсто на езерѣ томъ, идѣ же обитель стояше, въ разстояніи отъ монастыря яко два поприща, и ту набра каменну луду или островъ длиною два(на)десяти, шириною же пяти сажень, и ту водрузи крестъ съ надписаніемъ, яко поставленъ бысть той крестъ Никономъ патриархомъ, сущимъ въ заточеніи.

И убо сіи злыи лжепророкъ, являяся людемъ креста Господня (усер)дный почитатель, а распятаго на томъ Христа и рождшія его Богоматере святыхъ образовъ презлѣйшій тайный попираатель. Ибо и сего креста поставленная кознь, чесо ради устроена, слышите. Понеже убо сущу въ монастырѣ подъ присмотромъ архимандрита и головы, трудно баше ему богоотступно съ неприязненными духи бесѣдовать, того ради умысли поставити сію луду, (не баше бо удобна ему острова на езерѣ томъ) и на ней крестъ водрузи, да подъ именовемъ поклоненія и прогулу получить отъ хранящихъ его властей свободу на ту состроенную имъ луду ѣздити. На той же островъ отъѣзжая часто по захожденіи солнца со своимъ, ему единомудреннымъ Воскресенскаго монастыря монахомъ, Іоною, хитрымъ рѣсчикомъ сущимъ, и своимъ скверными волшебными призываньями призываше діавола. Той же исхождаше къ нему во образѣ змія страшна и велика. Его же Никонъ объемъ цѣловаше скверными его усты, въ смертоносныи и ядомъ кипящія уста цѣловаше, и вопрошаше, что о немъ въ народѣ глаголють, и что гдѣ дѣется. Той же вся сказоваше ему, и тако бесѣдуя съ неприязною, яко съ возжелѣннымъ своимъ другомъ, возвращашеся въ опредѣленное ему мѣсто. По учиненнымъ же отъ Никона тому монаху Іонѣ злобамъ о вышепоказанномъ его, Никоновѣ, со зміемъ дружелюбін, и о прочихъ его богопротивныхъ дѣйствіяхъ, елика сотвори еще живыи въ Воскресенскомъ монастырѣ и пребывая въ Фералонтовѣ, множае трехъсотъ подозрѣній вышереченному головѣ Шепелеву писмено показа. Той же Шепелевъ представи о томъ великому государю царю Феодору Алексѣевичу и патриарху Іоакиму. Они же слышавше сія, послаша въ Фералонтовъ монастырь Чюдова монастыря архимандрита Павла, да дворянина Іванна Желябоского, для испытанія о

томъ еще есть показуемое истина. Они же пришедше испыташе опасно о дѣемыхъ Никонѣмъ злобахъ, и яко показася во всѣхъ истина, того ради по указомъ государеву и патриаршу, въ лѣто 7184-е іюня во 2 день посланъ бысть въ заточеніе въ монастырь преподобнаго Кирила бѣлозерскаго.

Той же злодѣйственный врагъ святыхъ восточныхъ церкви не усну отъ сквернаго беззаконія, но и тамо живый, исполняше тайновидцу реченное: скверный да сквернится еще, и се гряду скоро, и мзда моя со мною. Не помяну окаянный страшнаго преценія Владычннхъ грядущаго нань со мздою гнѣва и ярости. Случибося нѣкоей болярыни, въ предѣлахъ бѣлозерскихъ суцѣй, на одному оцѣ бѣльмо имѣти, той же скверный обѣщася ей бѣльмо то со ока согнати; яже желающи уврачеватися, предаде себѣ тому звѣрю на врачеваніе, юже онъ привяза крѣпко къ скамьи лицемъ кверху, развязавъ ей руцѣ и нозѣ нестерпимыя ради ярости лекарства, яже жестоко часть доволенъ страдавши съ великимъ воплемъ, (по)томъ въ малую отвагу прииде; онъ же, напоивъ ю виномъ для лучшаго способу къ терпѣнію болѣзни и потомъ тако связаву суцю проблуди вмѣсто мзды, врачемъ даемыя.

В лѣто же 7189-е апрѣля 27 злый то истиннаго благочестія изреби-тель, хотя ко адовымъ вратамъ путь исчистити, впаде въ болѣзнь, и абіе приѣмлетъ схиму во образѣ тщеславія. Еже видя тоя обители архимандритъ Никита восписа о томъ Іоакиму патриарху, просяще повелѣнія: аще умретъ Никонъ, гдѣ его погresti и какое погребеніе надъ нимъ пѣти. Патриархъ же, по прошенію государя царя Феодора Алексѣевича, тѣло Никонѣ повелѣ въ построенный имъ Воскресенскій монастырь отвести, а погребеніе пѣти повелѣ простое, монашеское, а не патриаршее.

Везому же Никону изъ Кириловы обители въ Воскресенскій монастырь и бывшу ему близъ града Ярославля на рѣцѣ Которостѣ, об ону страну монастыря Святаго Спаса, и ту крайнѣе изнемогаю, пзверже скверную свою душу, в лѣто отъ созданія міра 7189-е августа въ 18 день. Того же августа въ 26 день привезоша тѣло его въ Воскресенской монастырь, и внесоша въ церковь, зовомую темница, подобаше бо адскому темничнику въ темничныя предверія вшити. И по погребеніи несоша тѣло его въ мѣсто, названое имъ Гольгофа, въ скважню, образующую (лимную) расѣдшуюся при Христовѣ распятіи до ада. . . .¹⁾ и ту положиша его да тоу скажню безъ удерж(анія) даже до ада снидетъ. Отъ таковыя же глубины темнаго да избавитъ насъ Христосъ Богъ, и да утвердитъ насъ въ древлецерковнѣмъ законѣхъ и обычаехъ и въ сохраненіи заповѣдей Божіихъ (до конца) жизни нашея пребыти и во оставленіе грѣховъ чистое (покая)ніе Господеви принести, и вѣчнѣхъ благъ получить. Аминь.

¹⁾ Слово стерлось.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ *).

- Авель**, патриархъ, 208, 212, 241, 246;—
50, 185.
- Авксентій**, поморскій инокъ, 292.
- Авраамій**, инокъ, 109, 120, 142, 146.
- Авраамъ**, патриархъ, 162, 173, 177, 199,
203, 205, 233, 234, 236;—87.
- Авфоній**, митр. новгородскій,—147.
- Агафья**, см. Анна кумычка.
- Аграфна**, дочь Аввакума, 76, 303,—
87, 115.
- Адамъ**, праотець, 180, 181, 206—212,
241, 246, 251, 266;—88, 50, 57, 76,
122, 130, 131, 135.
- Акинфовъ**, Ив., енисейскій воевода, 70;—
117.
- Акулина** Гавриловна, 285.
- Александръ**, архим. Спасокаменнаго мо-
настыря, 84.
- Александръ**, епископъ вятскій, 96, 97,
125, 126.
- Алексій Михайловичъ**, царь, IX, 9, 14,
16, 19, 30, 33, 34, 46, 48, 50, 53, 81,
86, 93—95, 97, 106, 124, 130, 137—
138, 145, 156, 157, 158—163, 200—
203, 225, 243, 247, 307, 311, 317;—61,
71, 79, 80, 82, 94—95, 97, 116—118,
140—144.
- Алтезь**, ангель, 162, 234.
- Амбросій**, святой,—10.
- Амвросій**, аверкѣевскій попь, 59.
- Амфилохій**, архимандритъ, 28.
- Ананія** (Антоній), священникъ села Ки-
рикова, 3, 18, 47.
- Андреевъ**, изслѣдователь, XI.
— Ерофей, раскольникъ, 168, 169,
172.
- Андрей** кесарійскій,—36.
— критскій,—42.
- Андрей**, саввинскій попь съ Арбата, 10.
— сотникъ, 195.
- Андреянъ**, старецъ, 106.
- Анисія**, старица, 153—155.
- Анна** Амосовна, раскольница, 282, 291.
— кумычка (старица Агафья), 81,
304;—110—111.
- Антоній**, сп., XVI.
- Антонъ**, церковный дьякъ въ Тобольскѣ,
64, 65, 305;—82, 83.
- Аполлинарій**, толкователь Псалтири, 216.
- Аріи**, еретики, 111, 168, 177;—61, 119.
- Арсеній**, грекъ, 25, 32, 50, 52, 83, 84;—2.
— Сатановскій, 33.
- Астомень**, расколочитель, 80.
- Аванасій** Вел., 217, 287;—23, 76, 145.
— сынъ Аввакума, 165.
— ученикъ Аввакума, 293;—19.
— юродивый, 307;—99.
- Б. Александръ** (архiep. Никаноръ), 105,
121, 190.
- Бароній**, лѣтописецъ, 250;—61.
- Барсовъ**, Е. В. ученый, 233, 238, 255,
257, 279, 281.
- Барсуковъ**, А. П. ученый, 7.
- Барыбинъ**, Григорій, енисейскій стрѣ-
лецкій голова, 70.
- Баскаговъ**, учитель пѣнія, 8.
- Башмаковъ**, Дементій, дьякъ (въ ино-
чествѣ Савватій), 61, 130, 136, 138,
202, 298;—82, 96, 101, 143.
- Бибеховъ**, Семень, переписчикъ, 59, 60.
- Безобразовъ**, Илья Кузьмичъ, 132.
- Бекетовъ**, Петръ, боярскій сынъ, 65—66,
68;—83.
- Борисъ**, ученикъ Аввакума, 202, 285,
316.

*) Послѣ — цифры относятся къ «Приложеніямъ».

- Борисъ Аванасевичъ, бояр., 293.
 Буйновъ-Ростовскій, кн.,—118.
 Бычковъ, А. Ѳ., академикъ, IX, 9, 169.
 Бычковъ, П. А., изслѣдователь, IX, XII, XVI.
- Вальдемаръ**, датскій королевичъ, 81, 48.
 Варлаамъ, старецъ, 85.
 Варнава, апостоль, 301;—116.
 Варсонофій, св., 135, 252,—27, 40, 62, 100.
 Варсоломей, соловецкій архимандритъ, 96.
 Василій В., 49, 204, 221, 260, 287;—10.
 Василій Македонянинъ, 228.
 Василій, неизвѣстный, спасенный Аввакумомъ, 78.
 Василій, священникъ острожскій, 27.
 Василій, учен. Евфросина псковскаго, 75.
 Васильевъ, Вас., вдовый дьяконъ, 183.
 Венгеровъ, С. А., ученый, X.
 Венедиктъ, цареградскій архимандритъ, 29.
 Викентій, игумень угрѣшскій, 132.
 Власевъ, Вас., енисейскій стрѣлецкій голова, 70.
 Вонифатьевъ, Стефанъ, протопопъ, 5—22, 30—32, 34—35, 45, 47—52, 53, 55, 57, 61, 85, 86, 89, 91, 109, 127, 147, 224, 229, 262, 304;—78, 80, 106.
 Воротынскій, кн. Иванъ, 130, 308;—97.
- Гаврилъ**, патр. сербскій, 82.
 Гейденъ, гр., изслѣдователь, XI, 54, 57, 59, 77, 92.
 Георгіевскій, изслѣдователь, 3, 47.
 Георгій, Амартолъ, 209, 210.
 Герасимъ, братъ Аввакума, 3;—105.
 Гермогенъ, патриархъ, 137.
 Гиббенеть, изслѣдователь, 9, 84.
 Годуновъ, Борисъ, царь, 41.
 Голосовъ, Лукьянъ Тимоф., 34.
 Гордонъ, Патрикъ, 37.
 Горчаковъ, М. И., изслѣдователь, 27.
 Григорій: Богословъ, 178, 204, 221, 287;—22.
 — нисскій, 183;—75, 183.
 — омиритскій, 183;—121.
 — солунскій, 182.
 — братъ Аввакума, 4.
 — протодіаконъ, 55—56.
 — священноносокъ, 84.
 — Тѣльной,—92.
- Григорьевъ, Никифоръ Олферьевъ, 41.
 — Сила, справщикъ, 51.
 Грязевъ, подьячій, 41.
 Гурій, казанскій чудотворецъ, 135, 137, 252;—27, 40, 62, 100.
- Давидъ**, царь, 219, 244;—41, 42, 73, 92, 135.
 Даль, В. И., писатель, 74.
 Дамаскинъ, подіаконъ,—89.
 — Петръ, 135, 252;—40, 62, 100.
 Дамаскинъ, Птицкій, 33.
 Даниилъ, пророкъ, 204, 266,—10.
 — костромской протопопъ, 12, 14, 20, 22, 53, 57, 60, 87, 120, 180, 200, 249, 251, 254;—81, 139.
 Даниилъ, темниковскій протопопъ, 60, 297;—81.
 Данилова, Марія, 199, 255, 257, 286, 289, 307.
 Деисовъ, Андрей, 270.
 — Семень, 171, 172, 190.
 Димитрій, митр. ростовскій, 167, 169, 171;—144.
 Димитрій, попъ, 291;—15.
 Діонисій, Ареопагитъ, 135, 188, 204, 221, 260, 299—300;—51, 73—75, 101.
 Діонисій, архим. греческій, 125;—101.
 — архим. Троице-Сергіевской лавры, 17.
 Добрынинъ, Никита Конст., сузд. соборн. попъ, см. Никита Пустосвят.
 Долгорукій, кн. Юр. Алекс., владѣлецъ села Григорьева, родины Аввакума, I, 317.
 Дометіанъ, священникъ, 200, 313;—28.
 Дорофей, Авва, преподобный, XII, 295,—72.
 Доспеевъ, раскольникъ, 33, 120, 285, 316;—14.
 Дружининъ, В. Г., изслѣдователь, IX, XVI, 233, 291;—11, 13, 124.
- Ева**, праматерь, 180, 208, 211, 212.
 Евгений Болховитиновъ, XV.
 — папа, 259.
 Еверъ, патриархъ, 210.
 Евпраксія, св., 154.
 Евсевій кесарійскій, 216, 217.
 — самосатскій, 182, 183.
 Евфимій, раскольникъ въ Поморьѣ, 292.
 Евфимія, вдова Бѣсноватая,—109.
 Евфросинъ, монахъ, 8, 9.
 — псковскій, 24, 300.
 — старецъ, 312, 314.
- Евымяі Чудовскій, справщикъ, 50, 136;—101.
 Евфимій, братъ Аввакума, 3, 66;—105—106.
 Евфимій, Степановичъ, воевода,—79.
 Елагинъ, Ив., стрѣлецкій полуголова, 164;—103.
 Елеазаръ,—110, 111.
 — анзерскій, XV, 46, 105.
 Елена, старица, 282, 316.
 Епифаній кипрскій, 182;—59.

- Елифаній, старець, XII, 136, 139, 155, 164, 295, 296, 302, 317;—71, 73, 102, 104, 106.
- Ермилъ, протопопъ ярославскій, 223.
- Есиповъ, изслѣдователь, 1, 66, 77, 172.
- Ефремъ Сиринъ, 5, 51, 52, 99, 104, 123, 210, 253;—23, 39, 64, 82, 105.
- Ждановъ, И. Н., проф.** IV, 2.
- Жежеленко, изслѣдователь,** X, 1, 48, 81, 199.
- Забѣлинъ, И. Е., историкъ,** 3.
- Засвѣцій, Ив. Вас.,** 34.
- Захарія, пророкъ,**—79.
- Зеркальничковъ, Перфілій,** 35.
- Зизаній, Стефанъ,** 27.
- Зиновьевъ, Дм., воевода,**—117, 118.
- Зюзинъ, Н., бояринъ,**—161.
- Ивановскій, Н. П., проф.,** X, XVI, 53, 146, 285.
- Ивановъ, ученый,** 6.
— В., его статья, V.
— Конст., дьячекъ Благовѣщенскаго собора, 34—35.
- Ивановъ, Оома, грекъ, прѣѣзжавшій въ Россію,** 9.
- Иванъ, сынъ Аввакума,** 1, 74, 129, 131, 132, 164;—86, 103, 111, 114.
- Иванъ гавриловскій попъ,** 10.
— Великій, св.,—16.
— Гроный царь, 135, 137, 232, 252;—40, 62, 100.
- Иванъ Даниловичъ, священникъ,** 58, 59, 60.
- Иванъ Ладоска, подьякъ,**—159.
— Лѣствичникъ, 221;—16.
— Михайловъ, ключарь Тобольскаго собора, 108.
- Иванъ Родіоновичъ, начальникъ,** 5;—78.
- Игнатій, енисейскій соборный попъ,** 70.
— соловецкій инокъ, 168, 170, 176, 194;—119.
- Игнатій, митр. тобольскій,** 20, 21, 80.
- Иларіонъ, архіепископъ рязанскій,** XII, 3, 115, 125, 133, 138, 235, 260, 279;—34, 98, 107.
- Иларіонъ, митрополитъ суздальскій, сынъ Анавіи,** 3, 47.
- Илья пророкъ,** 142, 156, 317;—19, 23, 91, 135.
- Ипполитъ, папа,** 99, 143, 253;—23, 35, 36, 39, 64.
- Ирина Михайловна, царица,**—115.
- Иринархъ, соловецкій чудотворецъ,** 231;—56.
- Иродіонъ, священникъ,** 125.
- Иродъ, царь,** 146.
- Исаакій печерскій, св.,** 292.
- Исаакъ, Сиріанинъ,**—11.
- Исаія, инокъ,** 120.
— пророкъ, 173, 182, 208, 205, 218, 221, 222, 244, 265;—49—61, 133.
- Исидоръ, священникъ,** 120.
— ученикъ Аввакума, 147, 202, 310, 315.
- Исихій, толковат. Псалтири,** 216.
- Иаковъ, Жидовинъ,** 143;—35.
- Иезекииль, пророкъ,** 186, 205;—9.
- Иеремія, пророкъ,** 120.
— цареградскій патріархъ, 25.
- Иисусъ Навинъ,** 266;—75.
- Иоакимъ, патріархъ московскій,** XII, 134, 188, 235.
- Иоанновъ, Андрей, протоіерей,** 170, 171.
- Иоаннъ Богословъ, XIII, XIV, 177, 264;—** 35, 36, 39, 45, 64, 119, 129.
- Иоаннъ Дамаскинъ,** 163, 182;—11, 26, 41.
— экзархъ, 244;—133.
— Златоустъ, 18, 56, 123, 148, 149, 182, 204, 207, 218, 221, 243, 244, 245, 246, 257, 287;—2, 10, 15, 22, 25, 35, 36, 57, 69, 131, 133, 136, 138.
- Иоаннъ Креститель,**—135, 136.
— іеросхимонахъ, 169.
— неизвѣстный, 141—147, 151;—16.
- Иоасафъ, царевичъ,** 2.
— I, патріархъ московскій, 8, 20, 23, 137, 148, 174;—61.
- Иоасафъ II, патріархъ московскій,** 137, 156, 157.
- Иовъ, митроп. новгородскій,** XV.
— патріархъ московскій, 137.
- Иона, пророкъ,** 182, 267.
— митр. ростовскій, 55, 223, 226.
— неизвѣстный, 185, 190, 202, 254, 273—273, 288;—19—27.
- Иосифъ, хутынский архим.,** 136.
— инокъ, 312.
— протосинокелъ, 28.
— патріархъ московскій, 8, 9, 16, 21—23, 26, 27, 30—32, 45, 48, 55, 85, 137, 148;—61.
- Иосифъ, прп. володкій,** 133;—121.
— Флавій,—15.
- Иудіанъ, отступникъ,** 111;—33.
- Истина, старица,**—38.
- Ксанъ,** 208, 209, 212.
- Калачовъ, Н. В.,** 14.
- Калштинъ, дьякъ,** 152.
- Камынинъ, Ив. Богд.,**—37.
- Каптеревъ, изслѣдователь,** XI, 3, 5—10, 14, 21, 22, 25, 27—33.
- Карнѣевъ, изслѣдователь,** 219, 220, 221, 272.
- Карповъ, В. П., изслѣдователь,** IV, 198.

- Киприанъ, юродивый, 126, 199;—37.
 Кириллъ, равноапостольный, 230.
 — бѣсноватый,—107.
 Кирикъ, кедарь, 105;—158.
 Кириакъ, аѳонскій монахъ, 28.
 Клипуновскій, изслѣдователь, 19.
 Ключевскій, В. О., 2.
 Козьма, братъ Аввакума, 3;—105.
 — раскольникій попь, 147, 291, 316.
 — ярославскій діаконь, 129, 147;—96.
 Колесниковъ, Вас., сынъ боярскій, 67.
 Константинъ Брататый, 229.
 — Великій, 111, 256, 259.
 Константинъ XI, 259.
 Копытскій, Захарій, 27.
 Копытовскій, Алексѣй, раскольник., 292.
 Корнилий, инокъ, 105, 123;—148.
 — казанск. митрополить, 47,—80.
 Коссовъ, Сильвестръ, кievскій митрополить, 33.
 Костка, дьячокъ, 34.
 Костомаровъ, Н. И., историкъ, 68.
 Крижантъ, Юрій, 23—24, 38, 39, 80.
 Крюковъ, Денисъ, воевода, 12.
 Ксенія, баба, 74.
 Ксенія Гавриловна, 316.
 — жена Иларіона, митрополита суздальскаго, 3.
 Кузьминъ, Обросимъ, подьячій, 69.
 Лаврентій, дьяконь, 155;—16.
 — духовный сынъ Аввакума, 4;—77.
 Лазарь, романовскій попь, 120, 136, 139, 156—158, 163, 166, 173, 174, 177, 178, 188, 189, 317;—103.
 Ламанскій, В. П., проф., XVI.
 Лапотниковъ, Софр., тяглицъ новгородской сотни, 83.
 Лаптевъ, Ант., торговый человѣкъ, 89.
 Левитскій, изслѣдователь, IX.
 Левъ Армянинъ, 228.
 — каванскій, 285.
 Лесли, полковница, 42.
 Лишеевъ, изслѣдователь, IX, XII, 147, 173.
 Лобановъ-Ростовскій, кн. Ив. Ив., 47, 67.
 Лобковъ, Ив., сотникъ,—101.
 Логвинъ, протопопъ муромскій, XIII, 10, 14, 20, 22, 54, 57, 60, 86, 87, 89, 306;—82, 139.
 Ломковъ, Матвѣй, защитникъ Аввакума, 65;—83.
 Лука Лаврентьевичъ, ученикъ Аввакума, XIII, 4, 164;—77, 100, 103.
 Луканинъ, миссіонеръ, 293.
 Лукарисъ, Кириллъ, констант. патриархъ, 28, 29.
 Лукьянъ, 292.
 — духовникъ царскій, 113, 115, 127;—96.
 Лутохинъ, Юрій, стрѣлецкій голова, 138;—101.
 Майковъ, Л. Н., XVI.
 Макарій, митрополить, историкъ церкви, XI, 9, 20, 21, 22, 25, 28, 33, 35, 41, 43, 52, 92, 93, 190, 238, 239.
 Макарій, митрополить моск.—27.
 — патриархъ антиохійскій, XII, 82, 134, 235, 310;—143, 161.
 Максиміанъ, царь, 201, 226, 311.
 Максимовъ, С. В., XI, 105.
 Максимъ, грекъ, 135, 252;—27, 38, 40, 62, 100.
 Максимъ, исповѣдникъ, 163.
 — сынъ дьякона Ѳеодора, 139, 172, 173, 192, 195.
 Малакса, протопопъ навплийскій, 253, 257.
 Малышевскій, проф., 27.
 Мансметовъ, проф., 20.
 Маремьяна Ѳеодоровна, послѣдовательн. Аввакума, 166, 194, 201, 278, 282, 285, 290, 291, 292, 293.
 Марковъ, Тимоѳей, конюшій дьякъ,—101.
 Маркъ, тестъ Аввакума,—77.
 Марья, бѣсноватая,—48.
 — Пименовна, послѣдоват. Аввакума, 296;—73.
 Марья, мать Аввакума, 2;—76.
 Матвѣевъ, Арт. Серг., 138—139, 202;—102.
 Махметъ турскій, 134, 236, 259, 310.
 Меданія, бѣлевская старица, 114, 153—155, 282.
 Мелетій, патриархъ антиохійскій, 135, 179, 252;—27, 38, 40, 61—63, 100.
 Мельниковъ, П. П., изслѣдователь, IX, X, 1, 147, 286, 317—318.
 Мельхиседекъ, 235.
 Меоодій патарскій, 209.
 — протодьяконь Тобольск. собора, 108.
 Мизиковъ, П., ученый, V.
 Миллеръ, О. Ѳ., проф., XVI.
 Милославская, Анна Петровна, 113.
 — Марья П., царица, 15.
 Милославскій, Пв. Андр., околнничій, 34.
 Мисанлъ, епископъ ряз. и муромск., 10, 20.
 Михайловъ, Пв.—118.
 Михаилъ, протопопъ галицкій, 125.
 — Ѳеодоровичъ, царь, 26, 28, 39, 40, 43, 67, 231;—56.
 Могила, Петръ, 27, 28, 33.

- Морозова, боярыня, IX, 114, 127, 141, 153, 164, 173, 176, 199, 200, 255, 257, 263, 286—291, 307;—96, 97.
- Морозовъ, Борисъ Ив., 35, 114.
— бояринъ, Глѣбъ Ивановичъ, 287.
- Морозовъ, Ив. Глѣб., 199, 200, 287—291;—97.
- Мякотинъ, В. А., изслѣдователь, XI, 1, 20.
- Настасья Марковна, жена Аввакума, 4, 62, 74—76, 79, 270;—77, 86, 87, 89, 103, 108.
- Насѣдка, Иванъ, протопопъ, въ иноч. Иосифъ, 51.
- Нафаняиль, игумень, 27.
- Недвинскій, Борисъ, начальн. стрѣльцовъ, 61;—81.
- Немвродъ, 209, 280.
- Неонида, жена воеводы, —79.
- Нероновъ, Иванъ, протопопъ, IX, 3, 5, 7, 9—22, 25, 30, 32, 34, 35, 47, 51—61, 66, 84—96, 115, 121, 123, 127, 129, 136, 155, 147, 313;—3—6, 78, 80, 81, 124.
- Нероновъ, Теофилактъ, 86;—5.
- Никаноръ, архимандритъ, 122, 123, 293.
- Никита Пустогосвятъ, 96, 97, 140, —97.
- Николаевскій, прот., изслѣдователь, 12, 22, 30, 50.
- Николай Нѣмчинъ, 256.
- Николай, св., 256, 257;—82, 138.
- Никодимъ, келарь Пафнутьева монастыря, 133—134;—97—98.
- Никонъ, патриархъ, XI, XII, XIII—XV, 2, 3, 9—10, 22, 25, 30, 32, 45—57, 51, 66, 72, 78, 83, 86—98, 101, 103, 105—106, 107, 111, 112, 113, 121, 123, 128, 129, 135—138, 142, 145, 147, 157, 159, 164, 171, 179, 202, 223—225, 226—228, 232, 235, 237, 249, 250, 254, 255, 258, 259, 261, 262, 273, 277—278, 297, 300, 306, 307, 317;—23, 36, 37, 39, 52, 57, 64, 74, 75, 80—84, 96, 100, 102, 103, 124—125, 139—141, 145—167.
- Никонъ, Черногорецъ, —38.
- Ниль сорскій, 111, 166.
- Озеровъ, Иванъ, 34—35.
- Олеарія, 42.
- Онупрій, старецъ, 172;—71.
- Ордянь-Нашокинъ, бояринъ, 44.
- Павель, апост., XIV, 61, 135, 177, 204, 207, 215, 216, 218, 244, 266, 301;—4, 5, 10, 24, 34, 35, 41, 47, 49, 51, 55, 57—60, 63, 69, 71, 74, 92, 116, 119, 131, 133, 141.
- Павель, архидіак. алеппскій, 24.
- Павель, еп. коломенскій, XIII, 3, 21, 53, 86, 87;—81, 139.
- Павель, митр. Крутицкій, 124, 133, 138, 223, 226, 279;—34, 96, 111.
- Пансія, патриархъ alexandрійскій, XII, 32, 33, 154, 235, 310;—103, 143, 161.
- Пансія, патр. іерусалимскій, 24, 25, 30—32, 49.
- Пансія, патр. константинопольскій, 82.
- Палладій, Мнихъ, 210.
- Парфеній, игум. Боровскаго Пафнутьева монастыря, 132.
- Патрикій прусскій, 210, 211.
- Пашкова, Евдокія Кирилловна, 75—77;—88, 90.
- Пашкова, Фекла Семеновна, 75;—88.
- Пашковъ, Аванасій, воевода, 66—78, 103, 110, 112, 165, 297—298, 300, 301, 305;—85—94, 113, 115, 116—118, 140.
- Пашковъ, Еремей, 63, 76, 77, 302, 303;—90, 91.
- Пашковъ, Иванъ, 90.
— Семеть, 76;—90.
- Петръ Анавничъ, свящ. Казанск. собора, 58, 59.
- Петръ апостолъ, 143, 166, 177, 189, 207, 267;—9, 20, 31, 103, 119, 129.
- Петръ Великій, VI.
— отецъ Аввакума, 1;—76.
- Петровъ, Поликарпъ, романовецъ, послѣдоват. Аввакума, 172.
- Петровъ, Н. И., изслѣдоват., 238, 269, 286.
- Петровыхъ, Денисъ, приказный архіепископа Стефана, 96.
- Пигасъ, Мелетій, патриархъ alexandрійскій, 27.
- Пискаревъ, собиратель рукописей, IX;—65.
- Питиримъ, еп. нижегородскій, 167, 169, 171;—144.
- Питиримъ, митр. крутицкій, 94, 96, 125.
- Пивагоръ, греч. философъ, 280.
- Платоновъ, С. Ѳ., проф., 41.
- Платонъ, греч. философъ, 280.
- Плещеевъ, Андрей, X.
- Плещеевы, братья, IX;—3.
- Погодинъ, М. П., проф., 1, 3.
- Поликарпъ, самосожигатель, 314.
- Подіевкъ, раскольникъ, XIII, 262.
- Поповъ, А. Н., изслѣдователь, XII, 2, 209.
- Порфирьевъ, И. П., ученій, 208—210.
- Потемкинъ, Ефремъ, 106, 121, 224.
— Спиридонъ, 89, 97—104, 116, 117, 120, 144, 237;—6.
- Поярковъ, Вас., письменный голова, 67, 69.
- Прасковья, старица Рождеств. монастыря, 70.

- Прокопій, никольскій попь, 10.
 — сынъ Аввакума, 5, 129, 131, 132, 164, 290;—78, 87, 103, 111, 114.
 Пронскій, князь, М. П., 83—84.
 Пыпинъ, А. Н., наслѣдователь, XI, 204, 205, 208.
 Пѣтуховъ, Е. В., проф., 41.
 Рѣвскій, енисейскій воевода, 165.
 Роговъ, Михаилъ, черниговск. протопопъ, 27.
 Рогожка, Василій, 128.
 Романовъ, наслѣдователь, 68.
 Ртищева, Анна Мих., 58, 228, 227, 297;—80.
 Ртищевъ, Макс., енисейскій воевода,—118.
 Ртищевъ, Мих. Алекс. 141.
 Ртищевъ, Фед. Мих., 9, 32—34, 46, 93, 97, 98, 101, 113, 115;—95, 103.
 Румянцева, В. Г., наслѣдователь, 20.
 Савва, лужинскій попь, 10.
 Савватій, поморскій инокъ, 292.
 — см. Башмаковъ.
 Саловъ, Юсифъ, стрѣлецкій полуголова, 97.
 Салтыковъ, бояр., Петръ Мих., 139;—141.
 — Сергій, раскольн., 123.
 Самойловъ, Андрей, благовѣщенскій сторожь, 114, 123, 126, 260.
 Сатановскій, Арсеній, справщикъ, 33.
 Саулъ, чернецъ, 84.
 Сахаровъ, наслѣдователь, 22, 27, 219.
 Семеновъ, Тимофей, дьякъ конюшеннаго приказа, 136.
 Сергій, еписк., наслѣдователь, 169.
 — спасскій архим., 136.
 — игумень, см. Симеонъ, ученикъ Аввакума.
 Симеонъ, архіеп. сибирскій и тобольскій, IX, 62, 64, 65, 68, 69—71;—74, 82, 83, 116—118.
 Симеонъ Полоцкій, 138, 139.
 — соборный попь, 98.
 — столпникъ, 193.
 — товарищъ Евфимія, сына Аввакума,—106.
 Симеонъ, ученикъ Аввакума (онъ же игумень Сергій), 147, 172, 173, 190, 191, 194, 200, 202, 203, 226, 233, 248, 285, 310—313;—23—31, 123.
 Симеонъ, чудовскій старецъ, 105.
 Сиригъ, Мелетій, греческій учитель, 32.
 Славинецкій, Епифаній, 33, 49, 50.
 Смотрицкій, Мелетій, 27.
 Смирновъ-Аванасьевъ, Тить, 84.
 Смирновъ, П. С., наслѣдователь, III, IV, V, IX, XI, 2, 3, 153, 158, 172, 173, 179, 190, 199, 200, 201, 202, 233, 299, 312, 314, 318.
 С—нъ, А., авторъ статьи «о хомовомъ лѣвнѣ», 8.
 Соболевскій, А. П., проф. IV.
 Соболевъ, Ивашка, толмачъ, 29.
 Соковининъ, 114.
 Соколовъ, Ив., наслѣдователь, 33, 34.
 Соловьевъ, С. М., историкъ, VII, XI.
 Софія, бѣсноватая,—88.
 — царица, 202.
 Софонія, пророкъ, 260.
 Софроній, самозванецъ грекъ, 23.
 Спиридоній тримифунтскій, 123.
 С., Т., авторъ биографіи Аввакума. помѣщенной въ «Биогр. Словарь», XI, 2.
 Степанида, калужанка, 84.
 Стефанъ, архіеп. суздальскій, 96, 97.
 — папа римскій, 250;—39, 62.
 — пермскій, 79.
 — раскольникъ, 147—148, 275, 291;—25.
 Стефанъ сурожскій, 56.
 — Яворскій, 1.
 Строевъ, П. М., описат., 27, 50.
 Струна, Иванъ, 64—66, 305;—82, 83.
 Стрѣшневъ, Иродіонъ, 113;—95, 141.
 Субботинъ, Н. И., наслѣдователь, VIII—XI, 7, 52—53, 57, 89, 94, 109, 117, 127, 141, 172, 173, 197, 199, 200, 212, 213, 215, 233, 238, 239, 252, 254, 257, 279, 281, 283, 286, 294, 310.
 Сулоцкій, прот., наслѣдователь, X, II.
 Сухановъ, Арсеній, 21, 25, 26, 160.
 Сырцовъ, наслѣдователь, XI, 20, 62, 114.
 Сысой, новгородскій попь, 145.
 Татіана Михайловна, царица, 66.
 Тафрала, грекъ, 32.
 Терентій, 93.
 Терешка, 84.
 Терновскій, Ф., проф., 24.
 Тертуліанъ,—10.
 Тимоеевъ, келейникъ келаря Никодима,—98.
 Тимофей, поморскій инокъ, 292.
 Тить, учитель Неронова, 17.
 Тихонравовъ, Н. С., проф., VIII, IX.
 Тихонъ, архимандр. Данилова монастыря, 90—91.
 Толбузинъ, Иларіонъ, Сибирскій воевода, 77.
 Толстой, Еремей, 69—70.
 Трифилій, инокъ, 314.
 Трубецкой, Алек. Никит., 118.
 Уваровъ, Ив., 135;—101.
 Углевъ, Григорій, дьякъ,—118.
 Урусова, Евдокія Прокопьевна, 114, 199, 255, 286, 289, 316.
 Фаминцынъ, наслѣдователь, 6.

- Фетиянъ, 305.
 Филаретъ, архимандритъ Владимірскаго Рождественскаго монастыря, 136.
 Филаретъ, историкъ церкви, 14.
 — патриархъ, 17, 23, 26, 137, 148.
 Филиппъ, апост.,—78.
 — бѣсноватый,—108—109.
 — митрополитъ, 47, 135, 252, 254;—27, 40, 62, 88, 89, 100, 105.
 Филоевъ, старецъ Елеазарова монастыря, 23.
 Фяшеръ, изслѣдователь, 68, 71, 77.
 Формозъ, папа, 112, 250, 279;—39, 57, 62.
 Хабаровъ, Ерофей, промышленникъ, 67, 69, 77.
 Халанскій, проф., 225.
 Харламовъ, изслѣдователь, 19.
 Харузинъ, Н., изслѣдователь, 6.
 Хворостянинъ, кн. Ивацъ, 41.
 Хилковъ, кн., 308.
 Хованскій, Ив., 308;—19, 97.
 Храмцовъ, Ив., крестьянинъ, 318.
 Хруцова, Елена, уставщица, 115, 282, 316.
 Цвѣтаевъ, изслѣдователь, 41, 43.
 Цѣхановицкая, жена мезенскаго воеводы, 128, 303.
 Цѣхановицкій, Алексѣй, мезенскій воевода, 303.
 Чистово, Назарій, дьякъ, 39.
 Шайдуровъ, учитель пѣнія, 8.
 Шереметевъ, Вас. Петр., казанскій воевода, 6;—79.
 Шереметевъ, Матѣй Вас., 6.
 — Фед., нижегородскій воевода, 19.
 Шумахеръ, изслѣдователь, 68.
 Шущелевъ, кн. Юрій, 45.
 Шушеринъ, биографъ Никона, 8, 10, 46.
 Щаповъ, изслѣдователь, 14, 44, 144.
 Яковлевъ, Григорій, безпоповецъ, 170, 177.
 Яковъ, красноярскій вошь, 70, 72.
 Ярошъ, проф., XI.
 Федоръ Алексѣевичъ, царь, 200, 201, 202, 229, 317;—17.
 Федоръ, бѣсноватый, 296;—109.
 Федоръ Иоанновичъ, царь, 25, 27, 149.
 Федоръ, дьякъ, 20—22, 49, 125, 127, 180, 139, 141—146, 164, 166—195, 201, 203, 233, 251, 290, 300, 302, 316;—96, 104, 119—123, 145.
 Федоръ здесскій,—55, 88.
 Федоръ, юридическій, 81, 124, 133, 164, 289, 307;—95, 98, 99, 103, 108.
 Федоритъ блаженный, 135, 252;—10, 27, 38, 40, 62, 100.
 Феодосій, раскольникъ, 285.
 — императ., 228.
 — печерскій, 42.
 — священникъ, 120.
 Феоктистъ, златоустовскій игуменъ, 53, 84, 85, 88, 91—93, 121, 123, 128, 129, 149, 197.
 Феоктистъ инокъ, раскольникъ писатель, IV, IX.
 Теофанъ, патриархъ Іерусалимскій, 26.
 — митрополитъ палеопатрасскій, 28.
 Теофилактъ, сынъ Іоанна Неронова, 66.
 Теофилъ, императоръ, 228.
 — патриархъ александрійскій, 111.
 Терапонтъ, архим.—82.
 Тома, попь, 34,—35.

3 2044 010 222 081

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 (617) 495-2413

WIDENER
WIDENER
SEP 10 1998
SEP 01 1993
BOOK DUE
CANCELLED

WIDENER
WIDENER
MAR 5 2000
JAN 13 2000
BOOK DUE
CANCELLED

WIDENER
STALL-STUDY
CHARGE
JAN 20 2000
CANCELLED